ЭПОХА ВСАДНИКОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:

к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской

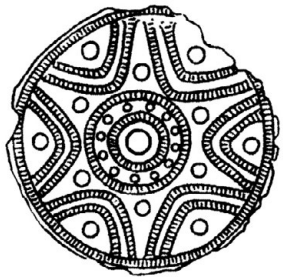
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

THE AGE OF THE HORSEMEN IN THE NORTH CAUCASUS:

TO THE 90TH ANNIVERSARY OF VERA BORISOVNA KOVALEVSKAYA



ИА РАН

Moscow 2021

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ЭПОХА ВСАДНИКОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:

К 90-ЛЕТИЮ ВЕРЫ БОРИСОВНЫ КОВАЛЕВСКОЙ

ИА РАН

Москва 2021

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
Э72

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Редакционная коллегия:
З.Х. Албегова, Д.С. Коробов, А.В. Мастыкова

Рецензенты:
д.и.н. Ш.Н. Амиров, д.и.н. М.В. Добровольская

Э72 **Эпоха** всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской / под ред. З.Х. Албеговой, Д.С. Коробова, А.В. Мастыковой. – М.: ИА РАН; 2021. 384 стр.: ил.

ISBN 978-5-94375-377-0

Сборник «Эпоха всадников на Северном Кавказе» посвящен 90-летнему юбилею Веры Борисовны Ковалевской – ученого-энциклопедиста, основателя нескольких направлений в археологии древней и средневековой Евразии. В него вошли статьи, отражающие широкие научные интересы юбиляра. Прежде всего, это археология Кавказа, начиная с позднего бронзового – раннего железного века и заканчивая Средневековьем. В сборник также включены исследования, посвященные средневековым материалам связанных с Кавказом территорий Северного Причерноморья и Таманского полуострова, Среднего Дона, Восточно-Европейской равнины. В отдельном блоке статей рассматриваются проблемы изучения стеклянных изделий, в том числе бус.

Издание предназначено для археологов, историков, для обучающихся историческим специальностям и всех интересующихся историей и археологией.

ISBN 978-5-94375-377-0
DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2021
© Авторы статей (фамилии выделены в содержании курсивом), 2021

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

К ЮБИЛЕЮ ВЕРЫ БОРИСОВНЫ КОВАЛЕВСКОЙ

Албегова З.Х., Коробов Д.С., Мастыкова А.В.
Вере Борисовне Ковалевской – 90 лет 8

Список научных трудов В.Б. Ковалевской 12

Аржанцева И.А.
Символ Веры или «другая» археология 51

Härke H.
'Der Besuch der alten Dame': A post-Soviet family visit to the home of Vera Borisovna Kovalevskaya 69

ЭПОХА ВСАДНИКОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Козенкова В.И.
Соотношение инокультурных компонентов в древностях Нартанского могильника (Северный Кавказ) 81

Кадиева А.А.
Погребальный обряд населения Баксанского ущелья предскифского времени (по материалам могильника Заюково-3) 111

Малашев В.Ю.
Памятники типа «Подкумок-Хумара» 125

Габуев Т.А.
О дискуссионной проблеме сложения и распространения раннеаланской культуры на Северном Кавказе 143

Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фассбиндер Й.
Работы на Зильгинском городище и Бесланском могильнике: новые методы обследования 151

Туаллагов А.А.
Об одной серии аланских бронзовых зеркал 172

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Иерусалимская А.А.
Иноземцы на Северокавказском шелковом пути 180
Зиливинская Э.Д., Цветкова Т.Г.
Квартальная мечеть в Дербенте и ее убранство 195
Сланов А.А.
Скальные крепости горной Осетии 208
Сланов А.А.
Значение этногенетических и фамильных преданий при атрибуции и датировке историко-архитектурных памятников Кавказа (на примере ряда башен РСО-Алании) 226

ДРЕВНОСТИ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ ВСАДНИКОВ

Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А.
Браслеты, перстни и гривны со спиралевидным декором в Евразии в позднем бронзовом – раннем железном веке (предварительная публикация) 237
Мастыкова А.В.
Пряжки ранневизантийской традиции с декором в виде птичьих головок в Понто-Кавказском регионе..... 255
Суханов Е.В.
Об экономической форме гончарного производства столовой керамики салтово-маяцкой культуры на Среднем Дону (по данным изучения асимметрии сосудов) 262
Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А.
Печенего-огузские древности Таманского полуострова 272
Чхаидзе В.Н.
Повозки в погребениях кочевников XII–XIV вв. Восточноевропейской равнины 284

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ И БУСЫ

Румянцева О.С., Трифонов А.А., Ханин Д.А., Червяковская М.В., Червяковский В.С.
Стекло-сырец из Комарова: происхождение, хронология, практики стеклоделов 299
Шестопалова Э.Ю.
Стеклянные и каменные бусы из погребальных комплексов Октябрьского (Тарского) катакомбного могильника VII–IX вв. 325
Лихтер Ю.А
Бусы из могильника Мощевая балка – морфология и технология..... 344
Столярова Е.К.
Стеклянные перстни древней Руси (по материалам памятников северо-восточной части Руси) 362
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 378
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 380

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

К ЮБИЛЕЮ
ВЕРЫ БОРИСОВНЫ КОВАЛЕВСКОЙ

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.8-11

ВЕРЕ БОРИСОВНЕ КОВАЛЕВСКОЙ – 90 ЛЕТ

Предлагаемый на суд читателя сборник статей посвящен знаменательному юбилею – 90-летию со дня рождения Веры Борисовны Ковалевской. Наверное, нет ни одного исследователя-кавказоведа в нашей стране и за рубежом, кто не был бы знаком с этим именем. Обладая энциклопедическими знаниями и весьма разносторонними интересами в науке, Вера Борисовна притягивает к себе не только ученых, занимающихся археологией и древней историей Кавказа, – ее круг общения в российской научной и культурной среде чрезвычайно широк. Ее труды стали основополагающими для исследователей стеклянных изделий, прежде всего, бус. Много внимания уделялось Верой Борисовной проблемам классификации и хронологии евразийских древностей I тыс. н. э. Интересующимся теорией археологии прекрасно знакомы ее работы по проблемам выделения археологических культур. Публикации Веры Борисовны о применении статистико-комбинаторных методов в археологических исследованиях составляют фундамент данного направления в отечественной науке. В последнее время в круг интересов юбиляра включены проблемы взаимоотношения археологии и генетики, а также новые методы компьютерного картографирования.

Глядя на этот широкий спектр научных интересов и большое количество опубликованных работ, список которых приводится ниже, трудно вообразить, какой тернистый путь в науке был пройден Верой Борисовной Ковалевской. Вера Борисовна родилась 5 июля 1931 г. в семье двух замечательных представителей русской интеллигенции – художников и искусствоведов, Бориса Владимировича Шевякова (1908–1937) и Татьяны Сергеевны Щербатовой-Шевяковой (1905–2000). Борис Владимирович, выходец из петербуржской академической и профессорской семьи, за свою короткую жизнь многое успел. Он оставил нам в наследство блестящую работу по архитектуре и живописи храма Спаса на Нередице возле Великого Новгорода. 22 января 1933 г. Борис Владимирович был арестован по так называемому музейному делу и несколько лет отбывал заключение в лагерях Печоры и Соловков. Долгое время семья считала, что он погиб в 1936 г. вместе с другими заключенными Соловецкого лагеря, вывезенными в море и затопленными вместе с баржами. Пришедшее с запозданием распоряжение об остановке казни спасло только заключенных, находившихся на последней барже. Печальную весть о гибели Бориса Владимировича, попавшего на предпоследнюю баржу, передал семье один из спасшихся. Сейчас же после открытия ряда архивов стало известно, что Борис Владимирович Шевяков вошел в число 1111 заключенных соловецкого этапа, расстрелянных в печально известном урочище Сандармох с 27 октября по 4 ноября 1937 г.

Татьяна Сергеевна Щербатова-Шевякова прожила долгую жизнь, целиком посвятив ее копированию фресковой живописи – искусству которого она обучалась вместе с тогда еще будущим супругом с 1925 по 1929 гг. у профессора копировальной «иконописной» мастерской Института истории искусств (бывшего Зубовского) Лидии Александровны Дурново. Незадолго до женитьбы молодые люди совершили длительное путешествие по Грузии, сначала в экспедиции Георгия Николаевича Чубинашвили, а за-

тем вдвоем. Позднее Грузия стала для Татьяны Сергеевны спасительным пристанищем, где она смогла укрыться от новой волны ленинградских репрессий, начавшихся после убийства Кирова, и найти не только кров, но и работу. С 1936 по 1987 г. Татьяна Сергеевна трудилась в Музее искусств Грузии, занимаясь копированием фресок и орнаментов знаменитых грузинских храмов и создав монументальную коллекцию высококлассных копий бесценных росписей IV–XVII вв. Часть их хранится в настоящее время в музеях Грузии, Армении и России.

Татьяна Сергеевна была настоящим «осколком империи» – выходцем из позапрошлого столетия. Ее образ прекрасно описан в публикуемом в этом сборнике на английском языке небольшом эссе нашего друга и коллеги Генриха Харке. Невозможно представить себе, насколько трудно приходилось этой удивительной женщине, урожденной княжне Щербатовой, семья которой практически полностью эмигрировала или была уничтожена в годы Советской власти.

Немалые трудности ждали и ее дочь – Веру. Проведя детство в Тбилиси, Вера Борисовна закончила там среднюю школу с золотой медалью и приехала в 1951 г. поступать в Московский университет. Исторический факультет был закрыт для поступления дочери «врага народа», но Вера Борисовна смогла поступить на геологический. В этом ей помог президент Академии наук СССР академик Сергей Иванович Вавилов. Впоследствии Вере Борисовне удалось перевестись на исторический факультет, который она закончила по кафедре археологии в 1956 г. Руководителем диплома стал академик Б. А. Рыбаков. С момента поступления в аспирантуру Вера Борисовна на всю жизнь связала свою судьбу с Институтом археологии АН СССР – ее рабочий стаж в нашем учреждении приближается к 65 годам.

Защитив кандидатскую диссертацию по изучению стеклянных, каменных и металлических украшений IV–IX вв. Северного Кавказа и Крыма под руководством доктора исторических наук Алексея Петровича Смирнова (1962 г.), Вера Борисовна была принята в отдел славяно-русской археологии. Однако это произошло не сразу – некоторое время оставаясь без работы, Вера Борисовна подрабатывала, снимаясь в массовках на киностудии Мосфильм в ставшем культовым фильме «Гусарская баллада». Она участвовала в кавалерийских атаках на собственной лошади, играя роли то французских, то русских гусар. Любовь к лошадям сопровождает Веру Борисовну долгие годы – им посвящено несколько монографий юбиляра (1977[1]; 2010), лошади будут спутниками Веры Борисовны во время ее археологических экспедиций на Кавказе. Образ женщины-ученого, всадницы, объезжающей археологические памятники окрестностей Кисловодска, до сих пор хорошо помнят местные старожилы. В этом ярком образе женщины-кавказоведа нельзя не увидеть преемственности поколений: от знаменитой родственницы (двоюродной прабабушки) юбиляра, Прасковьи Сергеевны Уваровой (в девичестве Щербатовой), через Евгению Георгиевну Пчелину к Вере Борисовне Ковалевской.

Уже в самые ранние годы научного творчества из-под пера Веры Борисовны выходит ряд фундаментальных работ. Прежде всего, это крупная обобщающая статья по древностям северокавказских алан в знаменитом томе «Очерки истории СССР. III–IX вв.» (1958). В переработанном и дополненном виде она будет опубликована в первом томе новой серии «Археологии СССР» «Степи Евразии в эпоху средневековья» в 1981 г. В этих работах закладывается направление, которое станет основополагающим в творчестве Веры Борисовны, – разработка типологии и классификации евразийских древностей I тыс. н. э., создание крупных баз данных этих древностей и их математическая обработка с целью пространственно-хронологического анализа разнообразного материала – металлических поясных гарнитур, украшений и амулетов, стеклянных и каменных бус, керамических сосудов. Для этого автором адаптируется ряд приемов, заимствованных из статистико-комбинаторных методов, у истоков применения которых в отечественной археологии стоит наш юбиляр.

В результате этого кропотливого труда по сбору и анализу тысяч предметов появляются фундаментальные обобщающие работы Веры Борисовны – опубликованный в серии «Свод археологических источников» том по поясным пряжкам Евразии (1979), своды по поясным наборам, стеклянным и каменным бусам (1998; 2000). Разрабатывается оригинальная методика картографирования разнообразных типов археологических находок на широких евразийских

[1] Здесь и далее мы указываем год выхода работ В. Б. Ковалевской, полный список которых приводится ниже.

просторах, для чего Верой Борисовной адаптируются приемы построения геногеографических компьютерных программ, созданных под руководством Юрия Григорьевича Рычкова – друга и соавтора нашего юбиляра (работы 1997–2018 гг.). Компьютерное картографирование применяется для изучения планиграфии отдельных памятников (например, могильника Дюрсо), типов скифских акинаков (1998; 2005; 2014; 2015) или металлических зеркал (2006; 2015).

Однако «вещеведческие» штудии не являются для Веры Борисовны самоцелью. Центральной темой в ее исследованиях было и остается выявление закономерностей в расселении древних и средневековых племен на территории Северного Кавказа. Отталкиваясь от наблюдений над распространением разных типов поселений и могильников средневекового аланского населения (1981), Вера Борисовна приходит к созданию широкомасштабной картины взаимодействия северокавказского субстратного и ираноязычного кочевого населения на протяжении двух тысячелетий, чему посвящены ее докторская диссертация (1988) и одна из наиболее значительных монографических работ (2005). В орбиту научных интересов ученого помимо аланской археологической культуры входят кобанские древности, наследие скифов и сарматов.

Эта широта научных интересов безусловно связана с длительной полевой деятельностью Веры Борисовны Ковалевской. С конца 1950-х гг. она принимает активное участие в работах Северокавказской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Е. И. Крупнова, участвуя в раскопках разновременного комплекса памятников у станицы Змейской в Северной Осетии. С Осетией будут во многом связаны и дальнейшие полевые работы Веры Борисовны – здесь под ее руководством велись раскопки средневековых погребений Кобанского могильника, начинались исследования Зильгинского городища раннего этапа аланской культуры (прекрасные воспоминания о вкладе Веры Борисовны в исследования Зильги публикуются ниже И. А. Аржанцевой), проводились разведки с целью картографирования памятников. Этот труд не остался незамеченным – в 2021 г. за заслуги в области науки и многолетнюю плодотворную деятельность Вере Борисовне Ковалевской было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Северная Осетия – Алания».

Другим регионом, с которым связала свою полевую судьбу Вера Борисовна, стала Кисловодская котловина. Здесь ею велись систематические разведки по долинам Аликоновки и Эшкакона, проводились масштабные раскопки на аланской крепости Указатель и могильнике Мокрая Балка, кобанском поселении и могильнике Уллубаганалы. Многолетние исследования раннесредневековых поселений Кисловодской котловины позволили Вере Борисовне сделать первые наблюдения над системой расселения алан и легли в основу дальнейшей работы над этой темой, ставшей ключевой для одного из авторов данного очерка.

Средневековые крепости как наиболее яркие свидетельства жизнедеятельности кавказских племен привлекали внимание Веры Борисовны и в других регионах. Одной из наиболее исследованных в этом отношении, при активном участии юбиляра, стала долина р. Мзымты в окрестностях Сочи. Здесь совместно с Ю. Н. Вороновым и супругами Л. Н. и Л. Л. Ситниковыми проводились археологические разведки и раскопки на территории Ачипсинского укрепленного поселения.

Все эти уже перечисленные достижения Веры Борисовны и многие другие, не менее важные, но оставшиеся здесь необозначенными, совершались ею на протяжении длительного времени в постоянном преодолении многочисленных внешних обстоятельств, осложнявших ее научный путь. Будучи ярким и независимым исследователем, Вера Борисовна долгие годы своей работы в Институте археологии – более 20 лет – оставалась на должности младшего научного сотрудника. Первая обобщающая монография была ею выпущена только в 1984 г. в редакции восточной литературы издательства «Наука» при активном содействии Дмитрия Сергеевича Раевского, с которым Веру Борисовну связывала давняя дружба. Непростой была и защита докторской диссертации, публикация которой растянулась на долгие семнадцать лет.

Со второй половины 1980-х гг. наступает наиболее плодотворный период в научной жизни Веры Борисовны, который связан с ее многолетней работой в отделе теории и методики ИА РАН. Здесь ею была подготовлена и защищена докторская диссертация, здесь обсуждались и готовились к публикации многочисленные научные труды. Вера Борисовна и по сей день про-

должает активно участвовать в жизни отдела, являясь примером истинного служения науке для молодых коллег.

Несколько слов о стиле жизни Веры Борисовны, который подробно и с любовью описан в очерках И. А. Аржанцевой и Г. Харке. Все мы бывали в ее «родовом поместье» в д. Ислявское – в старом деревенском доме, стены которого расписаны грузинскими орнаментами ее матерью, Татьяной Сергеевной Щербатовой-Шевяковой. Здесь в поистине семейной теплой атмосфере собираются ее многочисленные друзья и родственники. В этом доме находят приют молодые ученые, помогающие Вере Борисовне в работе, коллеги-археологи, навещающие ее в будни и праздники. Собираются друзья по учебе на геологическом и историческом факультетах МГУ, экспедиционные сотрудники – представители самых разных возрастов и профессий, ее дети и внуки, а также дети и внуки ее друзей. Шумные праздники в Ислявском на день рождения Веры Борисовны для нас всегда радостное и семейное ежегодное торжество.

В сборнике, который подготовлен к юбилею Веры Борисовны Ковалевской, мы попытались собрать работы, отражающие основные научные направления, которые характерны для ее творчества и в какой-то степени отражаются в названии этой книги – «Эпоха всадников на Северном Кавказе». Прежде всего, это, конечно, археология Кавказа. Древностям кобанской культуры посвящены крупная статья В. И. Козенковой, ставшая ее последней научной публикацией, а также работа А. А. Кадиевой. Рассматриваются погребальный обряд потомков кобанского населения в сарматское время (статья В. Ю. Малашева) и, конечно, археологическое наследие северокавказских алан – вопросы, связанные с происхождением (Т. А. Габуев) и древностями раннего этапа аланской культуры (статья Д. С. Коробова, В. Ю. Малашева и Й. Фассбиндера). Объектом изучения стали и некоторые категории находок из аланских могильников Северной Осетии, которые являлись предметами специального интереса нашего юбиляра: зеркала (А. А. Туаллагов), бусы (Э. Ю. Шестопалова). Скальные крепости горной Осетии и связанные с основанием некоторых из них фольклорные предания освещаются в работах А. А. Сланова.

Средневековая археология кавказского региона и связанных с ним территорий Северного Причерноморья и Таманского полуострова, Среднего Дона, Восточно-Европейской равнины отражены в публикациях Э. Д. Зиливинской и Т. Г. Цветковой, А. В. Мастыковой, Е. В. Суханова, В. Н. Чхаидзе и И. А. Дружининой. Продолжением широкомасштабных исследований Верой Борисовной разнообразных категорий украшений на евразийских просторах может в какой-то мере служить работа ее ученика А. В. Богачева с соавторами. Наконец, невозможно представить себе творчество Веры Борисовны без научных работ, посвященных изучению стеклоделия, и прежде всего бус. Этой теме отвечают исследования Ю. А. Лихтер, О. С. Румянцевой с соавторами, Е. К. Столяровой.

Собранные в настоящее издание труды, конечно, лишь в некоторой мере могут отражать разнообразие творческого наследия Веры Борисовны Ковалевской – ученого-энциклопедиста, основателя целых направлений в археологии древней и средневековой Евразии. Но именно разнообразием тематик собранных статей мы хотели подчеркнуть, что даже значительному коллективу ученых трудно охватить все стороны научной деятельности нашего юбиляра. От лица всех коллег мы от души поздравляем Веру Борисовну со знаменательным юбилеем, желаем крепкого здоровья, плодотворного и радостного труда, благополучия во всем!

З. Х.-М. Албегова,
Д. С. Коробов,
А. В. Мастыкова

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ В.Б. КОВАЛЕВСКОЙ

1957

СТАТЬЯ

Деопик В. Б., Полубояринова М. Д. Сессия Отделения исторических наук АН СССР // СА. 1957. № 3. С. 323–327.

1958

ГЛАВЫ КНИГИ

Деопик В. Б. Адыгейские племена // Очерки истории СССР. III–IX вв. / Гл. ред. Н. М. Дружинин. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 633–643.

Деопик В. Б. Северокавказские аланы // Очерки истории СССР. III–IX вв. / Гл. ред. Н. М. Дружинин. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 616–632.

1959

СТАТЬЯ

Деопик В. Б. Классификация бус Северного Кавказа VI–IX вв. // СА. 1959. № 3. С. 48–65.

1961

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Деопик В. Б. Стеклянные, каменные и металлические украшения IV–IX веков Северного Кавказа и Крыма как исторический источник. Автореферат диссертации … кандидата исторических наук. М., 1961. 18 с.

СТАТЬИ

Деопик В. Б. Змейское средневековое селище // МАДИСО. Т. 1. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. С. 37–50.

Деопик В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы // СА. 1961. № 3. С. 202–232.

1963

СТАТЬИ

Бахтадзе Р. А., Деопик В. Б. Химико-технологический анализ раннесредневековых бус Северного Кавказа // Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг. Т II: Средневековые памятники Северной Осетии / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1963. (МИА; № 114). С. 148–151.

Деопик В. Б. Классификация и хронология аланских украшений IV–IX веков // Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг. Т II: Средневековые памятники Северной Осетии / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1963. (МИА; № 114). С. 122–147.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА

Деопик В. Б. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала // Методы естественных и технических наук в археологии. Тезисы докладов. М., 1963. С. 67–69.

1965

СТАТЬЯ

Ковалевская (Деопик) В. Б. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала // Археология и естественные науки / Под. общ. ред. Б. А. Колчина. М.: Наука, 1965. (МИА; № 129). С. 286–301.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА

Ковалевская В. Б. Производство и торговля народов Северного Кавказа IV–IX вв. // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тезисы докладов. Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР, 1965. С. 153–154.

1966

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Первые конноспортивные состязания // Коневодство и конный спорт. 1966. № 12. С. 26–27.

1967

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Амазонки // Коневодство и конный спорт. 1967. № 3. С. 31.

1968

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. В предгорьях Тянь-Шаня // Коневодство и конный спорт. 1968. № 5. С. 8–9.

1969

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. К вопросу о «поломской культуре» // Древности Восточной Европы / Отв. ред. Л. А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. (МИА; № 169). С. 84–91.

Ковалевская В. Б. О некоторых знаковых системах в археологии // Ученые записки ТарГУ. Вып. 236. Тарту, 1969. С. 425–432.

Ковалевская В. Б., Воронов Ю. Н., Михайличенко Ф. Е. Исследования средневековых памятников Северо-Западного Кавказа // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 124–125.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Ковалевская В. Б. К вопросу о «поломской культуре» // Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969. С. 54–55.

РЕЦЕНЗИЯ

Ковалевская В. Б. Рецензия на книгу: Tocík A. Slawisch-awarisches Gräberfeld in Holiare. Bratislava, 1968 // СА. 1969. № 3. С. 270–271.

1970

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI – IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии / Под общ. ред. Б. А. Колчина, Я. А. Шера. М.: Наука, 1970. С. 144–155.

Ковалевская В. Б. Центр анализа археологических источников во Франции (САДА, Марсель) // Статистико-комбинаторные методы в археологии / Под общ. ред. Б. А. Колчина, Я. А. Шера. М.: Наука, 1970. С. 211–217.

Ковалевская В. Б., Погожев И. Б., Погожева А. П. Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала // СА. 1970. № 3. С. 26–39.

Ковалевская В. Б., Рунич А. П. Раскопки аланского могильника в окрестностях г. Кисловодска // АО 1969 г. М.: Наука, 1970. С. 121–122.

Kovalevskaya V. B. Recherches sur les systèmes sémiologiques en archéologie par les méthods de la théorie de l'information // Archéologie et calculateurs. Problèmes sémiologiques et mathématiques. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1970. P. 187–191.

1971

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Тайна священного скарабея // Кавказская здравница. 1971. 10 авг. С. 3.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА

Ковалевская В. Б. Вопросы датировки памятников Северного Кавказа IV–IX вв. // Тезисы докладов на сессиях, посвящённых итогам полевых археологических исследований 1970 г. (археологические секции). Тбилиси, 1971. С. 201–203.

1972

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV – IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Наука, 1972. С. 95–117.

Ковалевская В. Б. Раскопки аланского могильника VI–IX вв. Мокрая Балка близ Кисловодска // АО 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 158–159.

1973

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Производство и импорт средневековых бус Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. 3. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1973. С. 62–79.

Kovalevskaya V. The celestial stead // Soviet life. 1973. P. 62–65.

РЕЦЕНЗИЯ

Ковалевская В. Б., Краснов Ю. А. Рецензия на книгу: I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969 // СА. 1973. № 2. С. 280–288.

1974

СТАТЬЯ

Афанасьев Г. Е., Биджиев Х. К., Воронов Ю. Н., Ковалевская В. Б., Ситников Л. Н., Ситникова Л. Л. Работы средневекового отряда Северокавказской экспедиции // АО 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 96–97.

Kovalevskaya V. B., Pogojev A. P., Pogojev I. B. Quantitative Methods for Evaluating the Degree of Closeness Between Sites by Percentage Analysis of Mass Material // Soviet anthropology and Archaeology. 1974. Vol. 13, 2. P. 33–56.

РЕЦЕНЗИЯ

Ковалевская В. Б. Рецензия на книгу: Les méthods mathématique de l'archéologie. Paris, 1972 // СА. 1974. № 2. С. 290–294.

1975

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Скифия, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Изв. АН ГрССР. Мацнэ. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусств. 1975. № 3. С. 62–73.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Ковалевская В. Б. Древние болгары на Северном Кавказе // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1975. С. 78–80.

Ковалевская В. Б. Скифы в Закавказье по данным Леонти Мровели – древнегрузинскому источнику XI в. // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1975. С. 40–43.

1976

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Проблемы классификации в зарубежной археологической литературе // СА. 1976. № 2. С. 257–265.

Ковалевская В. Б. Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкессии // АО 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 125–126.

1977

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. О работе Средневекового отряда Ставропольской экспедиции // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 102–103.

РЕЦЕНЗИЯ

Ковалевская В. Б. Конь и всадник, пути и судьбы. М.: Наука, 1977. 150 с. Рецензия: Maserre C. Rassegna sovietica. Roma. 1977. № 3. P. 184–185.

1978

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В. И. Козенкова. М.: Наука, 1978. С. 111–120.

Ковалевская В. Б. Разведки и раскопки на р. Эшкаконе // АО 1977 г. М.: Наука, 1978. С. 122–123.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА

Ковалевская В. Б. Анализ погребальных сооружений эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе // Археология Северного Кавказа. VIII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Нальчик, 1978. С. 38–40.

1979

МОНОГРАФИЯ

Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М.: Наука, 1979. (САИ; вып. Е1-2). 88 с.

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. О работах Мало-Карачаевского отряда // АО 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 128–129.

Ковалевская В. Б. Хронология аланских катакомб VI–IX вв. на основании анализа их конструктивных деталей // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 38–43.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Ковалевская В. Б. Всадники VIII–V вв. до н.э. (Северное Причерноморье, Греция, Кавказ и Передняя Азия) // Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 34–36.

Ковалевская В. Б. Новейшие раскопки поселения поздней бронзы и раннего железа Уллубаганалы II в Карачаево-Черкессии // IX «Крупновские чтения». Тезисы. Элиста: Калмыцкая республиканская типография, 1979. С. 25–27.

1980

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. О работах Малокарачаевского отряда // АО 1979 г. М.: Наука, 1980. С. 111–112.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА

Ковалевская В. Б. Некоторые методические вопросы подхода к абсолютному датированию (по материалам древних и средневековых могильников Сев. Кавказа) // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. М., 1980. С. 37–38.

1981

ГЛАВЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ

Ковалевская В. Б. Глава 4. Северокавказские древности. § 1: Центральное Предкавказье. § 2: Западное Предкавказье. § 3: Восточное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981. (Археология СССР). С. 173–187.

Ковалевская В. Б. Глава 8. Северный Кавказ в IX–XIII вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981. (Археология СССР). С. 224–228, 241, 269–273.

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Археологические следы пребывания болгар на Северном Кавказе // Плиска – Преслав. II. София, 1981. С. 43–52.

Ковалевская В. Б. Работы в Ставропольском и Краснодарском краях // АО 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 104–105.

Kovalevslaya V. B. Ornamentika nákončí opasku ze 6 a 9 stoleti jako znakoy system // Archeologie vcera a dnes. 2. Brno: Jihočeské muzeum v Českých Budějovicích, 1981. P. 83–91.

1982

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Ахалтекинцы: наследство, за которое мы в ответе // Природа. 1982. № 4. С. 52–61.

Ковалевская В. Б. Послушный в узде, легкий в беге // Коневодство и конный спорт. 1982. № 3. С. 32–33.

Ковалевская В. Б. Походы за «небесными конями» в Среднюю Азию // Коневодство и конный спорт. 1982. № 6. С. 24–26.

1983

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Антропоморфные амулеты IV–IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 43–50.

Ковалевская В. Б. Ахалтекинцы: наследство, за которое мы в ответе // Наука и религия. 1983. № 8. С. 19–21.

Ковалевская В. Б. Воинские погребения раннескифского времени кобанского могильника Уллубаганалы в Карачаево-Черкессии (опыт социальной стратификации) // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкессии. Материальная и духовная культура. Вып. 2 / Отв. ред. Е. П. Алексеева. Черкесск: Адыгоблполиграфобъединение, 1983. С. 18–34.

Ковалевская В. Б. Основоположник эволюционной палеонтологии // Коневодство и конный спорт. 1983. № 6. С. 29–40.

Ковалевская В. Б. Небесный аргамак истории // Знание – сила. 1983. № 9. С. 42–44.

Ковалевская В. Б. Работы на раннесредневековых крепостях р. Мзымты // АО 1981 г. М.: Наука, 1983. С. 119–120.

РЕЦЕНЗИЯ

Ковалевская В. Б. Jean-Claude Gardin. Une archéologie théorique. L'Esprit Critique. Hachette. Paris, 1979 // СА. 1983. № 3. С. 235–241.

1984

МОНОГРАФИЯ

Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы, века и народы. М.: Наука, 1984. 193 с.: ил. Рецензии: Кузнецов В. А. Известия КНИИ. Вып. 27. С. 160–166. Мизиев И. М. Кабардино-Балкарская правда. 1984. 19 сентября (№ 181).

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Датировка Пашковского могильника № 1 // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1984. С. 103–107.

Ковалевская В. Б. Древние традиции домостроительства горцев Северного Кавказа // СЭ. 1984. № 6. С. 83–99.

Ковалевская В. Б. Работы средневековой Северокавказской экспедиции // АО за 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 122–123.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Ковалевская В. Б. Географическая зональность Центрального Предкавказья и распределение основных памятников эпохи раннего средневековья // Душетская научная конференция, посвященная взаимоотношениям между горными и равнинными регионами. Тезисы. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. С. 126–128.

Ковалевская В. Б. Проблема выделения локальных вариантов для культур древности и средневековья Центрального Предкавказья // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Майкоп, 1984. С. 57.

1985

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Роль скифов в этногенезе местных северокавказских племен // Изв. АН ГрССР. Мацнэ. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. 1985. № 3. С. 45–59.

1986

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА

Ковалевская В. Б. Некоторые новые подходы к датировкам северокавказских памятников с использованием ЭВМ // XIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1986. С. 51–52.

1987

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Географический фактор в культурах Кавказа I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Методы естественных наук в археологии / Отв. ред. А. К. Станюкович. М.: Наука, 1987. С. 41–50.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Ковалевская В. Б. Методические подходы к анализу корчаг кимерийско-скифского времени Северного Причерноморья и Предкавказья // Всесоюзный семинар, посвященный памяти А.И. Тереножкина. Тезисы докладов. Ч. 1. Кировоград, 1987. С. 68–70.

Ковалевская В. Б. Некоторые новые методы формализованного анализа керамики // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М.: Наука, 1987. С. 115–116.

Ковалевская В. Б., Аржанцева И. А., Кузнецов В. А., Тменов В. Х. Итоги и перспективы археологических исследований раннесредневековых городищ Северной Осетии // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М.: Наука, 1987. С. 26–27.

1988

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Ковалевская В. Б. Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье (Кавказский субстрат и передвижения ирано-язычных племен). Автореферат диссертации … доктора исторических наук. М., 1988. 38 с.

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Использование баз данных для задач культурно-исторического и хронологического упорядочения археологических объектов // Компьютеризированные банки данных музейной и археологической информации. Тбилиси, 1988. С. 43–46.

Ковалевская В. Б. Итоги и перспективы координации работ по созданию баз данных и археологии // Компьютеризированные банки данных музейной и археологической информации. Тбилиси, 1988. С. 40–43.

Ковалевская В. Б. Культурологический анализ, ареальный метод и проблемы выделения локальных вариантов археологической культуры (на материалах Центрального Предкавказья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа / Ред. В. А. Кузнецов и др. Орджоникидзе: Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1988. С. 10–22.

Ковалевская В. Б., Аржанцева И. А. Работы Северо-Осетинской экспедиции // АО 1986 г. М.: Наука, 1988. С. 128–129.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Ковалевская В. Б. Специфика взаимоотношений степных и горных народов Центрального Предкавказья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1988. С. 33–35.

Ковалевская В. Б., Панцхава Л. Н. Особенности домостроительства гор и равнин Кавказа (по материалам колхидской и кобанской культур) // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1988. С. 29–31.

1989

СТАТЬИ

Kovalevskaya V. B. Le Caucase et les Alains // Dialogues d'histoire ancienne. 15/2. Besançon, 1989. P. 359–372.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Ковалевская В. Б. Кавказский субстрат и передвижения ираноязычных племен (на материалах Центрального Предкавказья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Кавказ и цивилизация Древнего Востока. Материалы всесоюзной конференции. Орджоникидзе, 1989. С. 77–80.

Ковалевская В. Б. Комплексный подход к решению этногенетических вопросов (переселения алан у р. в Галлии) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы докладов международной конференции. Ч. 3. М.: Наука, 1989. С. 67–68.

Ковалевская В. Б. Метод Кристаллера в специфике сельскохозяйственных территорий поселений алан IV–IX вв. по данным сплошных обследований // Зоны и этапы урбанизации. Теоретические аспекты проблемы. Город и процесс урбанизации в Средней Азии. Тезисы докладов региональной конференции. Наманган, 1989. С. 20–21.

Ковалевская В. Б. Пространство и время в исследовании археологической культуры // Комплексные методы исследования археологических источников. Материалы к 5-й конференции. М., 1989. С. 14–15.

1990

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Аланы Западной Европы в середине I тыс. н.э. // Вопросы иранистики и алановедения. Владикавказ: Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1990. С. 45–46.

Ковалевская В. Б. Археологическая культура – культурные традиции и инновации // КСИА. 1990. Вып. 201. С. 9–17.

Ковалевская В. Б. Соотношение традиций и инноваций в культуре народов Кавказа как основа культурно-исторической периодизации // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Ереван: Издательство Ереванского университета. С. 176–183.

Ковалевская В. Б. Традиции прорезных поясов в памятниках Кудыргинского типа // КСИА. 1990. Вып. 199. С. 37–46.

1991

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Амулеты солнечного культа на Кавказе // Проблемы археологии Евразии. Сборник, посвященный А.П. Смирнову / Отв. ред. В. А. Могильников. М.: Наука, 1991. С. 199–208.

Ковалевская В. Б. Вопросы классификации в трудах В. А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. Сборник, посвященный В. А. Городцову / Отв. ред. Д. А. Крайнов. М.: Наука, 1991. С. 103–111.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Взаимосвязь понятий «археологическая культура» и «культурные традиции» // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон. Л., 1991. С. 48–52.

Ковалевская В. Б. Состояние и перспективы формализации в археологии // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1991. С. 171–208, табл. XLVI–LIV.

Ковалевская В. Б. Сравнительный анализ форм керамики через особенности пропорциональности отдельных ее частей // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения). Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции / Ред. А. А. Бобринский. Свердловск; Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический институт, 1991. С. 23–25.

1992

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Аланы в Западной Европе (сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии. IV–V вв.) // Аланы. Западная Европа и Византия / Отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований, 1992. (Alanica; I). С. 34–85.

Ковалевская В. Б. Методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н.э. в Закавказье // Аланы и Кавказ / Отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ; Цхинвал: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований, 1992. (Alanica; II). С. 22–50.

ЗАМЕТКА

Ковалевская В. Б. Предисловие // Богачев А. В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара: Артефакт, 1992. С. 3–5.

1993

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Анализ признаков раннесредневековых пряжек для хронологического и историко-культурного сравнения (по материалам Кавказа) // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В. Б. Ковалевская. Самара: Артефакт, 1993. С. 107–132.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Kovalevskaya V. B. The ethnic map of Ancient Caucasus: Time and Space // 6 Coloquio Hispano-Ruso de Historia. Madrid: Fundación Cultural Banesto, 1994. P. 143–150.

1995

МОНОГРАФИЯ

Ковалевская В. Б. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.: Фонд археологии, 1995. 192 с.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Kovalevskaya V. B. Landscape Archaeology of Central Ciscaucasia (6th–12th Century A. D. // European Association of Archaeologists. First Annual Meeting Santiago. Abstracts. 1995. P. 78.

1996

СТАТЬИ

Гавритухин И. О., Ковалевская В. Б., Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Мошкова М. Г. Аланы Северного Кавказа и степи Евразии // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. Материалы всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук, 1994 г. М., 1996. С. 219–231.

Ковалевская В. Б., Рычков Ю. Г. Геногеография Кавказа в свете археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. К 100-летию со дня рождения А. А. Иессена. СПб., 1996. С. 151–153.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Проблемы математической обработки археологического материала VI–IX вв. (по материалам Кавказа) // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Труды Международной научной археологической конференции. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей, 1996. С. 5–23.

Ковалевская В. Б. Скифы и сармато-аланы в Западной Европе (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Древность: историческое знание и специфика источника. Тезисы докладов конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского (25–27 сентября 1996 г.). М., 1996. С. 69–71.

Ковалевская В. Б., Малашев В. Ю. Разрешающие возможности керамики для дробной датировки комплексов могильника Мокрая Балка // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения. Тезисы докладов. М.: ИА РАН, 1996. С. 86–88.

Ковалевская В. Б., Мастыкова А. В. Компьютерная обработка раннесредневековых бус Юго-Восточной Европы // Античная цивилизация и варварский мир. Тезисы докладов V археологического семинара. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1996. С. 29–30.

Kovalevskaya V. B. Warrior belts of the 6th–7th centuries AD in Eurasia // Ancient Warfare Archaeological Perspectives, Durham, 15–17 March 1996. Durham, 1996. P. 14.

1997

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Историко-культурные связи северного Причерноморья в I тыс. н.э. (компьютерное картографирование массовых материалов) // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения академика Д. И. Багалея. Тезисы докладов научной конференции (16–18 апреля 1997 г.). Харьков: Бизнес-Информ, 1997. С. 55–56.

Ковалевская В. Б. The Scythians and Sarmato-Alans in Western Europe in the 1st Mil. BC – 1st Mil. AD // Third annual meeting of the EAA. Abstracts. 1997. P. 94–95.

Ковалевская В. Б., Рычков Ю. Г., Жукова О. В. Методы компьютерного картирования переселения народов и передвижения вещей (Кавказ и Волга I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию П. Д. Рау. Саратов, 1997. С. 176–178.

1998

МОНОГРАФИЯ

Ковалевская В. Б. Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 1: Каменные бусы Кавказа и Крыма / при участии О. Ю. Жиронкиной. М., 1998. 78 с. 18 л. карт.

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Связи Кавказа и Восточной Европы в VI–VII веках н.э. // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1998. С. 69–70.

Kovalevskaya V. The horse in the history and language of Ossets // Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilii Ivanovič Abaev. On the occasion of the 95th birthday. Rome. P. 241–253.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Дмитриев А. В., Ковалевская В. Б., Наумова О. Ю., Рычков С. Ю. Компьютерное картографирование массовых материалов могильника Дюрсо // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 6 археологического семинара. Ч. 2. Краснодар: Краснодарская государственная академия культуры, 1998. С. 67.

Ковалевская В. Б. Возможности компьютерного картографирования в археологии Северного Кавказа // XX юбилейные Международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ставрополь, 1998. С. 50–52.

Ковалевская В. Б. Применение компьютерного картографирования для решения хронологических вопросов (по раннесредневековым материалам Европы) // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции. Самара: СамВен, 1998. С. 4–27.

Ковалевская В. Б. Раннесредневековые бусы Кавказа и торговые пути V – IX веков (применение компьютерного картографирования) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 75-летию Б. А. Литвинского. М.: Восточная литература, 1998. С. 47–50.

Ковалевская В. Б., Мелюкова А. И., Петренко В. Г. Некоторые итоги использования компьютерных карт на материалах скифских акинаков VII–V вв. до н.э. // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. Тезисы докладов. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1998. С. 29–31.

Kovalevskaya V. Mapping of the archaeological facts // 31st International Symposium on Archaeometry. Budapest, 1998. P. 90–91.

1999

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Странички воспоминаний // Юрий Воронов. Свет и боль / Ред. Ю. Д. Анчабадзе и др. М.; Сухум, 1999. С. 222–227.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Ковалевская В. Б. Применение математических методов и географических программ к анализу массового археологического материала // Математическое и компьютерное моделирование в науках о человеке и обществе. Тезисы докладов Всероссийской конференции (28 июня – 02 июля 1999 г.). М.; Вологда: Государственный университет управления, 1999. С. 30–31.

Kovalevskaya V. Early Medieval Caucasus and its links with Byzantium and the East // EAA 5-th Annual Meeting. Abstracts. 1999. P. 141–142.

РЕЦЕНЗИЯ

Ковалевская В. Б. Anna A. Ierusalimskaja. Die Gräber der Moscevaja Balka: Frühmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse. München, 1996 // РА. 1999. № 4. С. 235–239.

2000

МОНОГРАФИЯ

Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ИА РАН, 2000. 364 с. (Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 2: Стеклянные бусы и поясные наборы.)

ГЛАВЫ МОНОГРАФИИ

Бахтадзе Р. А., Деопик (Ковалевская) В. Б. Химико-технологический анализ раннесредневековых бус Северного Кавказа // Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000. С. 241–243.

Ковалевская В. Б. Математическая обработка массового материала // Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000. С. 234–241.

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Этно-дифференцирующие признаки в погребальном обряде северокавказского населения I тыс. н.э. // Древность: историческое знание и специфика источника. М.: Когелет, 2000. С. 65–68.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА

Ковалевская В. Б. Применение естественнонаучных методов в северокавказской археологии // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Кисловодск, 2000. С. 52–53.

2001

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Быстроаллюрные боевые кони древности – ахалтекинцы // Miras. 2001. 4. С. 104–109.

Ковалевская В. Б. Волжский путь VI–IX вв. по материалам компьютерных карт распространения поясов «геральдического» типа и бус // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 1. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей, 2001. С. 186–213.

Ковалевская В. Б. К вопросу о возможностях сравнительного анализа в археологии // Миф. 7. София, 2001. С. 61–77.

Kovalevskaya V. The akhalteke horses – high war horses of the Antiquity // Miras. 2001. 4. P. 154–159.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Быстроаллюрные боевые кони древности – ахалтекинцы // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства. Материалы международной конференции / Ред. В. М. Массон. Ашхабад, 2001. С. 57–59.

Ковалевская В. Б. Новые и традиционные подходы к проблеме взаимоотношений степного мира и местного населения Кавказа // Северный Кавказ и кочевой мир Евразии. V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2001. С. 3–4.

Ковалевская В. Б. Торговые пути Северного Кавказа в раннем средневековье (по данным обработки компьютерных карт распределения сердоликовых бус V–IX вв.) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Б. А. Литвинского / Отв. ред. А.В. Седов. М.: Восточная литература, 2001. С. 227–242.

Kovalevskaya V. Black Sea trade routes of the first Millenium // Second International Congress on Black Sea antiquities (Ankara, 2–9 September 2001). Ankara: Bilkent University, 2001. P. 57.

2002

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. «А в завершенье всех метафор – Карта» // Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения Я. А. Шера. Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2002. С. 114–117.

Ковалевская В. Б. Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского каганата (на основании анализа массового археологического материала) // Хазарский альманах. Т. 1. Ред. В. К. Михеева. Харьков, 2002. С. 52–68.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Возникновение местного производства стеклянных бус на Кавказе (к вопросу об алано-хазарских взаимоотношениях) // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002. С. 53–56.

Ковалевская В. Б. Негауссовы распределения и поиск закономерностей в археологии // Философские основания технетики. Материалы VI Международной научной конференции (Москва, 24–26 января 2001) / Под ред. Б. И. Кудрина. М.: Центр системных исследований, 2002. (Ценологические исследования; вып. 19). С. 485–490.

Kovalevskaya V. Genesis of Local Manufacture of Glass Beads on the Caucasus in VII–VIII centuries // 33rd International Symposium on archaeometry. April 22 – 26. Program and abstracts. Amsterdam, 2002. P. 96–97.

Kovalevskaya V. The famous Akhal-Teke in Antiquity // 8th EAA Annual meeting (24–29 September 2002, Thessaloniki). Abstract Book / Ed. Ch. Koukouli-Chrysanthaki. 2002. P. 228.

2003

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Быстроаллюрные боевые кони древности – ахалтекинцы // Ахал-Теке Информ. 2003. С. 38–41.

ЗАМЕТКА

Ковалевская В. Б. Послесловие // Алеманъ А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. С. 596–604.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Kovalevskaya V. GJS and archaeology of Medieval Caucasus // Archeometrie 2003 (Bordeaux, 16–19 April, 2003). Abstracts. Bordeaux, 2003. P. 166.

Kovalevskaya V. The trade routes of gem materials in Caucasus Eastern Europe in 1st millennium AD // MRS Fall Meeting, Boston. 2003.

2004

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Какую математику выбирает археолог? // Археолог – детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Л. С. Клейна / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий и др. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 124–137.

Ковалевская В. Б. «Люди, создавшие это, еще при жизни ставят себе памятник…» // Щербатова-Шевякова Т. С. Нередица. Монументальные росписи церкви Спаса-Преображения на Нередице / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Галарт, 2004. С. 23–30.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Историко-археологические свидетельства разработки серебросвинцовых руд горной Осетии в раннем средневековье // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIII Крупновские чтения. М., 2004. С. 94–95.

Ковалевская В. Б. Методы компьютерного картографирования массового археологического материала [Электронный ресурс] // Круглый стол «Геоинформационные технологии в археологических исследованиях» (Москва, 2 апреля 2003 г.) / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН, 2004. CD.

Ковалевская В. Б., Ениосова Н. В., Царикаева З. Х.-М. Средневековые литые зеркала из Юго-Восточной Европы // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIII Крупновские чтения. М., 2004. С. 96–97.

Eniosova N., Kovalevskaya V., Zarikaeva Z. Medieval cast bronze mirrors from South-Eastern Europe // International Simposium on Archaeometry // 34-th International Simposium on Archaeometry (Zaragoza, Spain, 3–7 May 2004). Program and abstracts. P. 139.

Kovalevskaya V. Development of deposits of leaden-silver ores in the Caucasian mountains and the manufacture of multileaden beads in VII–X cent. // 34-th International Simposium on Archaeometry (Zaragoza, Spain, 3–7 May 2004). Program and abstracts. P. 147.

2005

МОНОГРАФИЯ

Ковалевская В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2005. 397 с.

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Возникновение местного производства стеклянных бус на Кавказе (к вопросу об алано-хазарских взаимоотношениях) // Хазары / Ред. В. Я. Петрухин. М.; Иерусалим: Гершаим / Мосты культуры, 2005. (Евреи и славяне; т. 16). С. 265–268.

Ковалевская В. Б. О тренинге лошадей митанийца Киккули // Ахал-Теке Информ. 2005. С. 92–95.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Особенности картографирования массовых и редких явлений в археологии (анализ распространения акинаков VII–V вв. до н.э.) [Электронный ресурс] // Археология и геоинформатика. Вып. 2 / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН, 2005. CD.

Ковалевская В. Б. Планиграфический анализ отдельного могильника с помощью ГИС (Дюрсо, V–IX вв.) // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. Тезисы докладов всероссийской научной конференции / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. С. 35.

Kovalevskaya V. B. The network of land routes between the Caucasus and Danube (from the mapping of Scythian akinakes) // Third International Congress on Black Sea Antiquities (Prague, 11–18 Sept. 2005). P. 64–65.

Kovalevskaya V. B., Tsarikaeva Z. Kh. The problem of «old» archaeological objects finding and GIS // Archäologie und Computer. Kulturelles Erbe und Neue Technologien. Workshop 10 (7–10 November 2005). Abstracts. Wien: Stadt Archäologie, 2005. P. 6.

2006

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Аланские всадники и их кони – от Урала и Кавказа до атлантических берегов // Ирано-Славика. 2006. № 2. С. 44–46.

Ковалевская В. Б., Аржанцева И. А. Закрытые ворота Кавказа // Крепости и вооружение Азии. М.: Бук-Хаус, 2006. С. 8–38.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Даринский путь и связь Византии, Апсилии и алан // Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение куль-

турного наследия. Первая Абхазская международная археологическая конференция. Посвящена памяти Ю. Н. Воронова. Сухуми: Абхазский государственный университет, 2006. С. 32–35.

Ковалевская В. Б. Роль Приаралья в передвижениях алан в I тыс. н.э. // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2006 г.). Ч. 1. Актобе, 2006. С. 23–27.

Ковалевская В. Б., Албегова З. Х. Контакты населения Юго-Восточной и Центральной Европы по материалам картографирования массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006. С. 100–102.

Ковалевская В. Б., Албегова З. Х., Пьянков А. В., Евсюков А. Н. Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой [Электронный ресурс] // Археология и геоинформатика. Вып. 3 / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН, 2006. CD.

Kovalevskaya V. B. Computer mapping as a source of new information // Archäologie und Computer. Kulturelles Erbe und Neue Technologien. Workshop 11 (18–20 October 2006). Abstracts. Wien: Stadt Archäologie. 2006. P. 33.

РЕЦЕНЗИЯ

Ковалевская В. Б. Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse / M. Levine, C. Renfrew, K. Boule (Eds.). Cambridge, 2003 // РА. 2006. № 1. С. 164–175.

2007

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Из солнца вытесали вы коня, о боги // Ахал-Теке Информ. 2007. С. 142–146.

Ковалевская В. Б., Кузнецов В. А. Памятники эпохи раннего средневековья (IV–XIII вв.) // Археология Северной Осетии. Ч. 2 / Ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, 2007. С. 109–248.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Дагестан I тыс. н.э. в евразийских историко-культурных связях // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе» / Ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: Эпоха, 2007. С. 146–149.

Ковалевская В. Б. Пути драгоценных камней // Восток в эпоху древности: новые методы исследований. Международная научно-практическая конференция. Тезисы конференции / Сост. В. П. Андросов. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. С. 16–17.

Ковалевская В. Б. Трансевразийские степные пути I тыс. н.э. (анализ компьютерных карт археологического материала) // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда международного конгресса (Казань, 14–16 февраля 2007). Т. 1. Казань: Институт истории Академии наук Республики Татарстан, 2007. (Археология евразийских степей; вып. 1). С. 90–95.

Ковалевская В. Б., Царикаева З. Х.-М. Новые данные по пространственному анализу поселений Центрального Предкавказья // Евразийский археологический конгресс (Измир, 21–24 мая 2007). С. 112–115.

Kovalevskaya V. The trade routes of beads in V–X cc. AD // European association of archaeologists 13 annual Meeting Zadar, Croatia, 18th–23rd September. Abstracts Book. 2007. P. 170.

2008

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Эламская табличка // Ахал-Теке Информ. 2008. С. 40–41.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Компьютерное картографирование и анализ этно-культурных связей населения Кавказа I тыс. н.э. // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда (20–25 октября 2008 г., Суздаль). Т. III / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 272–275.

Ковалевская В. Б. Методы и итоги анализа планиграфии могильника компьютерными методами // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, 2008. С. 193–195.

Ковалевская В. Б. Поселенческие структуры Северного Кавказа I–X веков по данным компьютерного картографирования // Поселение как исторический источник: (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии). Тезисы докладов Международной научной конференции / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2008. С. 50–52.

Kovalevskaya V. Horses, Chariots and Horsemen in Early Iran // 2nd International Congress of Society of South Asian Archaeology (Shiraz, Iran, May, 2008). P. 66–67.

Kovalevskaya V. The Eurasian Barbarians-Scythians – from Eurasian Steppes to Caucasus and Europe (the issue's history and modern developments) // The Fourteenth Annual Meeting of the European Association of Archaeologists (16–21 September 2008, Malta). Abstracts. P. 215.

Kovalevskaya V., Tsarikaeva Z. Migrations of Scythians in Caucasus and Europe in I mil. BC // Sixth World Archaeological Congress – WAC 6 (Ireland 2008, 29th June – 4th July, Dublin). Revised paper abstracts. Dublin, 2008. P. 2.

Kovalevskaya V., Tsarikaeva Z. The contact between Caucasian peoples and Iranophone nomads // Sixth World Archaeological Congress – WAC 6 (Ireland 2008, 29th June – 4th July, Dublin). Revised paper abstracts. Dublin, 2008. P. 302.

2009

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Доместикация и использование коня в Евразии в V–III тыс. до н.э. // Древность: историческое знание и специфика источника. М.: Институт востоковедения РАН, 2009. С. 50–52.

Ковалевская В. Б. Персидские всадники и их кони // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. Волгоград: Издательство Волгоградского университета, 2009. С. 157–170.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Кавказ между севером и югом – картографический анализ по генетическим и археологическим данным // Кавказ: археология и этнология. Международная научная конференция 11–12 сентября 2008 г. Баку, 2009. С. 139–143.

Kovalevskaya V. A Formalized Analysis of Pottery Morphology // 2009 International Symposium on Ancient ceramics. Shanghai, 2009. P. 532–538.

Kovalevskaya V. Historical-Cultural Situation in Circumpontic Zone in the Early Half of the 1st Millennium A.D. from the Archaeological Data // 4th International Congress on Black Sea Antiquities. The Bosporus: Gateway Between the Ancient West and East (1st Millennium B.C. – 5th Century A.D.) (Istanbul, 14–18 September 2009). Summaries of Papers. Istanbul, 2009. P. 56–57.

2010

МОНОГРАФИЯ

Ковалевская В. Б. Конь и всадник. История одомашнивания лошадей в Евразийских степях, на Кавказе и Ближнем Востоке. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: URSS, 2010. 153 с.

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Компьютерный анализ планиграфии раннесредневекового могильника Дюрсо на Северном Кавказе // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 214–228.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Историко-культурные связи Дагестана второй половины I тыс. н.э. по данным картографирования археологического материала // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Магас) / Отв. ред. М. Б. Мужухоев. Грозный: Пилигрим, 2010. С. 192–194.

Ковалевская В. Б. Колесницы и всадники ассирийских рельефов IX–VII вв. до н.э. (статистический анализ) // Проблемы истории и культуры Древнего Востока. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Г. М. Бонгарда-Левина / Ред. Г. Ю. Колганова. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 52–53.

Evteev A., Kovalevskaia V. Topography of burials and intracemetry craniological polymorphism in the sample from the rural medieval burial ground from Lower Volga region (Nizhnyaya Studenka-I) // EAA 2010. Abstracts. Haag. P. 104.

Kovalevskaya V. The Domestication and Exploitation of the Horse in III–II Millennium B.C. in Caucasus and Near East // East Anatolian and Caucasian Bronze Age Cultures. ICEA, 2010, Tire. Abstracts. Tire, 2010. P. 68.

Kovalevskaya V., Evteev A. The complex approach in ethnocultural archaeology of Caucasus: archaeology, paleoanthropology and genetics // EAA 2010. Abstracts. Haag. P. 103.

2011

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Древнейшие средства управления конем по материалам конеголовых скипетров V–IV тыс. до н.э. // Ахал-Теке Информ. 2011. С. 134–137.

Ковалевская В. Б. Изображения всадников на ассирийских рельефах IX–VII вв. до н.э. по данным статистического анализа // Археология южной Сибири. Вып. 25. Сборник научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения Я. А. Шера / Ред. Л.Н. Ермоленко и др. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011. С. 22–27.

Ковалевская В. Б., Царикаева З. Х.-М. Амулеты в виде коней и всадников в памятниках Северного Кавказа и Среднего Дона // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Сост. З.

Х.-М. Албегова. М.: ИА РАН; Грозный: Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, 2011. С. 280–296.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Бгажба О. Х., Ковалевская В. Б., Ксенофонтова И. В. и др. Личный архив Ю. Н. Воронова как источник по истории и культуре Абхазии и сопредельных территорий // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю. Н. Воронова). Сборник материалов международной научной конференции / Отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований, 2011. С. 8–10.

Ковалевская В. Б. Анализ пространственного распространения погребений северокавказского могильника Дюрсо V–IX вв. – традиционные методы и компьютерный анализ // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Международная научная конференция (2009 г.). Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2011. С. 48–50.

Ковалевская В. Б. Бусы могильника Дюрсо V–IX вв. как исторический источник (статистический и планиграфический анализ массовых и редких типов) // Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация. Тезисы докладов Международной научной конференции / Сост. С. И. Валиулина и др.; отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 2011. С. 16–17.

Царикаева З. Х.-М., Ковалевская В. Б. Раннесредневековые колесовидные амулеты Юга России // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород – Старая Русса) / Ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 50–51.

2012

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Чему учат работы Г. Ф. Никитиной // Никитина Г. Ф. База данных погребального обряда черняховской культуры. М.: ИА РАН, 2012. С. 10–12.

Царикаева З. Х.-М., Ковалевская В. Б. Кольцевидные амулеты раннего средневековья // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 109–122.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Датирующая возможность византийских импортных бус V–VII вв. из Западного Предкавказья // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012. С. 337–339.

Рычков С. Ю., Морозова И. Ю., Грошева А. Н., Ковалевская В. Б. Формирование популяционной структуры Приазовских степей I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. в условиях взаимодействия кочевого и оседлого мира // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования. Тезисы Всероссийской научной конференции (4–6 декабря 2012 г.). М.: ИА РАН, 2012. С. 118–121.

Rychkov S., Morozova I., Grocheva A., Kovalevskaya V. Genetic Structure of Sarmatians from Cis-Asov Steppe (1 century B.C.) // 18th Congress of the European Anthropological Association. Human evolution and dispersals. Abstracts. Ankara: Ankara University, 2012. P. 14.

2013

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Ассирийские колесницы IX–VII вв. до н.э. – развитие во времени на основании анализа статистических данных // Текст. Контекст. Подтекст. Сборник в честь М. Н. Погребовой / Отв. ред. Г. Ю. Колганова. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 73–81.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Аланы Северного Кавказа в первом тысячелетии – междисциплинарный подход // Материалы Международного научного конгресса «Этногенез и этническая история осетин» (Владикавказ 21–22 мая 2013 г.) Владикавказ: Ир, 2013. С. 132–146.

Рычков С. Ю., Морозова И. Ю., Батиева Е. Ф., Кулланда С. В., Ковалевская В. Б. Степь на переломе эр: наброски к генетическому портрету // Проблемы генетики населения и этнической антропологии. Международная конференция, посвященная памяти генетика и антрополога Ю. Г. Рычкова (19–21 ноября 2013 года). М., [2013]. С. 10.

2014

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Древнейшие средства управления конем (по материалам конеголовых скипетров V–IV тыс. до н.э.) // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник памяти Елены Ефимовны Кузьминой / Отв. ред. В. И. Молодин, А. В. Епимахов. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2014. С. 432–438.

ЗАМЕТКА

Ковалевская В. Б. Предисловие // Кузнецов В.А. Аланы и Кавказ. Осетинская эпопея обретения Родины. Владикавказ: Проект Пресс, 2014. С. 5–13.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Албегова З. Х., Ковалевская В. Б. Солярно-зооморфные фибулы Северного Кавказа // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М.: ИА РАН, 2014. С. 216–219.

Ковалевская В. Б., Морозова И. Ю., Рычков С. Ю. Передвижения ранних скифов на основании картографирования акинаков VII–V вв. до н.э. и использования генетических данных // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 29–29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону: Издательство Южного научного центра РАН, 2014. С. 141–161.

РЕЦЕНЗИЯ

Ковалевская В. Б., Погребова М. Н. Иерусалимская А. А. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на северокавказском шелковом пути. СПб., 2012 // РА. 2014. № 3. С. 169–173.

2015

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Бусы и даты – статистический и пространственный анализ бус могильника Дюрсо V–VIII веков на Северо-Западном Кавказе // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Ред. П. Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 90–101.

ЗАМЕТКА

Ковалевская В. Б. От редактора // Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. С. 4–7.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Албегова З. Х., Ковалевская В. Б. Компьютерное картографирование металлических зеркал IV–X вв. с центральной петелькой, украшенных ломанной линией, как исторический источник (таксоны 9–17) // Археология и геоинформатика. Вторая Международная конференция (Москва 20–22 мая 2015 г.). Тезисы докладов / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН, 2015. С. 7–8.

Ковалевская В. Б., Морозова И. Ю., Рычков С. Ю. Передвижения ранних скифов на основании картографирования акинаков VII–V вв. и использования генетических данных // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 29–29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону: Издательство Южного научного центра РАН, 2015. С. 74–85.

2016

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Кавказ в свете археологии и геногеографии // РА. 2016. № 3. С. 45–59.

Ковалевская В. Б. Кони евразийских степей, Кавказа и Ближнего Востока в V–III тыс. до н.э. // Археологическая наука. Практика, теория, история. Сборник научных трудов памяти И. С. Каменецкого / Отв. ред. А. Н. Гей, И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2016. С. 120–136.

2017

МОНОГРАФИЯ

Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы: Века и народы. Изд. 2-е, доп. М.: Ленанд, 2017. 226 с.

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. В поисках предков ахалтекинских лошадей // Ахал-Теке Информ. 2017. С. 124–127.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА

Ковалевская В. Б. Использование географических программ для изучения отдельного могильника. The use of geographic programs for the investigation of a separate cemetery // Археология и геоинформатика. Третья международная конференция. Тезисы докладов (Москва, 24–26 мая 2017 г.) / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН, 2017. С. 24–25.

2018

НЕКРОЛОГИ

Волкова Е. В., Ковалевская В. Б., Мошкова М. Г., Петренко В. Г., Цетлин Ю. Б. Ольга Сергеевна Гадзяцкая (1931–2017) // РА. 2018. № 2. С. 190.

Ковалевская В. Б., Петренко В. Г., Гадзяцкая О. С., Мошкова М. Г., Мишина Т. Н. Памяти Айны Петровны Погожевой (1933–2017) // РА. 2018. № 2. С. 191–192.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ковалевская В. Б. Археология и геногеография – миграции на Кавказе в древности // Этногенез и этническая история народов Кавказа. Материалы I Международного научного нахского конгресса (11–12 сентября 2018). Грозный, 2018. С. 580–590.

Ковалевская В. Б. Теоретико-методический аспект изучения «модели порождения» савромато-сарматских культур на примере возникновения культуры северокавказских алан // Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методика. Международная научная конференция. Тезисы докладов. М.: MAKS Press, 2018. С. 85–86.

2019

СТАТЬЯ

Ковалевская В. Б. Переломные моменты в овладении конем в евразийских степях и на Ближнем Востоке // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 1. С. 33–41.

2020

СТАТЬИ

Ковалевская В. Б. Предки восточной лошади в Евразии, происхождение и пути распространения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 1. С. 121–131.

Kovalevskaya V. B. Ancestors of the Oriental Horses in Eurasia: Origin and Distribution // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2020. Vol. 48, 1. P. 121–131.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Ковалевская В. Б., Шестопалова Э. Ю. Анализ разнонаправленных путей поступления бус на Северный Кавказ во второй половине I тыс. // Стекло на путях Евразии в древности и Средневековье. Международная научная конференция. Тезисы докладов. М.: ИА РАН, 2020. С. 49–59.

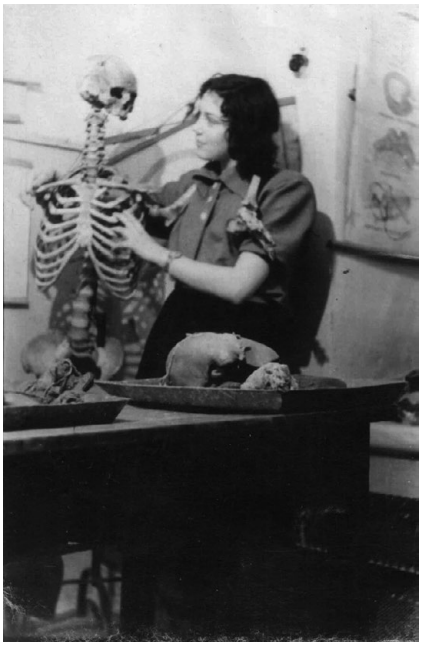
Ковалевская В. Б., Шестопалова Э. Ю. Местное производство полихромных бус Северного Кавказа VII–VIII веков в свете новых открытий в горной Осетии // Международная научная конференция памяти Ю. Л. Щаповой (Москва, Россия 28–30 мая 2020). Тезисы докладов / Отв. ред. и сост. Е. К. Столярова. М.: ИНФРА-М, 2020. С. 34–35.

1937 г. Детство в Тбилиси,
с матерью Т.С. Шевяковой

1939 г. Начало школы в Тбилиси,
первый класс

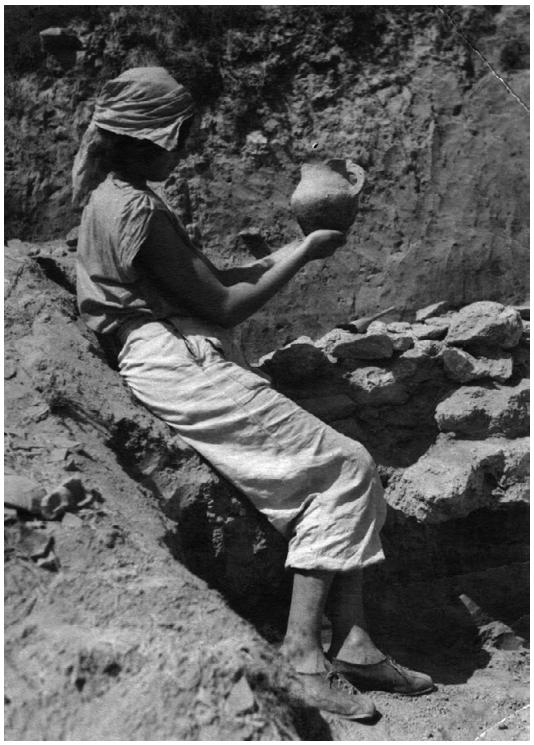
1949 г. Со школьными друзьями:
Л. Нодия, В. Шевякова,
А. Тер Григорян и Н. Суханова

1950 г. Окончание школы в Тбилиси,
с подругой Лейлой Нодия



1950 г. В кабинете сравнительной анатомии биофака МГУ на Моховой, Москва

1951 г. На раскопе Таматархи
в Таманской экспедиции ИА АН СССР



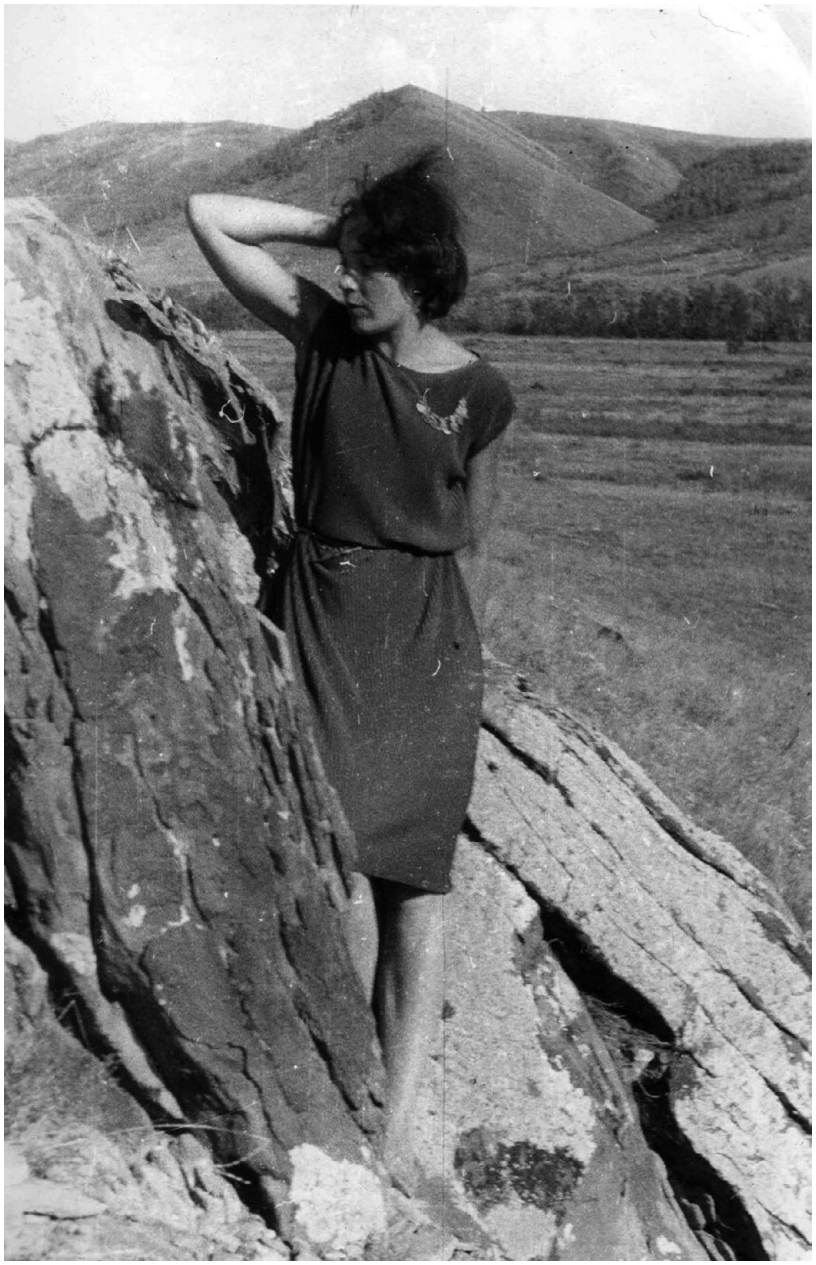
1951 г. На раскопе Таматархи
в Таманской экспедиции ИА АН СССР

1958 г. М. Н. Погребова и В. Б. Ковалевская в
лагере Бежтинской экспедиции
Д. М. Атаева в горном Дагестане

1962 г. Съемки «Гусарской баллады». Справа В. Б. Ковалевская

В. Б. Ковалевская, 1963 г.

1967 г. В Цебельдинской экспедиции в усадьбе «Ясочка» Вороновых.
Сзади справа стоит М. М. Трапш. Справа сидит с собакой на руках Фазиль Искандер,
рядом В. Б. Ковалевская, за ней сын Олег, слева физик А. А. Вичутинский



1968 г., Киргизия. В. Б. Ковалевская осматривает наскальные изображения

1970 г. Знакомство Динара с Тургаем
у забора дома в Ирлавском

1970 г. В. Б. Ковалевская на английском чистокровном жеребце Динаре с Тургаем
у ржаного поля в Ирлавском

1972 г. В. Б. Ковалевская с дочерью Ириной в саду Ислaвского

1977 г. В. Б. Ковалевская с дочерью Ириной на городище Указатель близ Кисловодска у «смотрового окна» нижней террасы под цитаделью

1978 г. Семейная конная прогулка. В. Б. Ковалевская на Михман-Гирее,
с дочерью Ириной и Тургаем

1979 г. Доклад В. Б. Ковалевской на IX Крупновских чтениях в Элисте

1980 г. В. Б. Ковалевская и В. Х. Тменов в «городе мертвых» в Даргавсе, Северная Осетия

1982 г. В экспедиции в Северной Осетии.
Третий слева А. В. Богачев, рядом В. Б. Ковалевская, третий справа В. Х. Тменов

1991 г. В Дзивгисском ущелье Северной Осетии.
В. Б. Ковалевская и знаменитый иранист, профессор Кембриджского университета, И. Гершевич, после востоковедческого конгресса во Владикавказе

1995 г. Среди лондонских голубей

2001 г. на регулярных чаепитиях «у мартовского зайца» – слева направо М. Г. Мошкова, М. Н. Погребова, В. Б. Ковалевская и О. С. Гадзяцкая

2002 г. Семейная встреча у М. Н. Погребовой, слева ее зять А. Фокин, рядом ее дочь Мария Кулланда, затем Олег Ковалевский и Ирина Эшлиман (дети В. Б. Ковалевской), сзади в дверях сын Марии Николаевны С. В. Кулланда с женой Еленой

2002 г. С одноклассниками через 52 года: А. Пирумов, В. Ковалевская, Г. Тевосян, Э. Бархударов и А. Штромберг

2002 г. На ежегодной конференции Европейской ассоциации археологов в Македонии.
Е. Е. Кузьмина и В. Б. Ковалевская с британскими археологами

2002 г. Поездка на конференции в Македонии, слева направо
М. Н. Погребова, И. А. Аржанцева, Е. Е. Кузьмина и В. Б. Ковалевская

2002 г. М. Н. Погребова и В. Б. Ковалевская
на раскопках эллинистического поселения близ Салоник

2003 г. Встреча в Брутской экспедиции.
Слева направо В. Б. Ковалевская, В. Ю. Малашев, Ю. К. Гугуев и Т. А. Габуев

Осень 2003 г. С коллегами в Северо-Осетинском университете.
Слева направо: Р. Ф. Фидаров, В. Б. Ковалевская, Э. Ю. Шестопалова, Ф. С. Дзуцев

2003 г. В гостях у Э. Ю. Шестопаловой в Дагоме

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.51-68

И. А. Аржанцева
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва
Центр восточной и классической археологии ИКВИА ВШЭ, Москва

СИМВОЛ ВЕРЫ ИЛИ «ДРУГАЯ» АРХЕОЛОГИЯ

Я отдаю себе отчет, что в сборник, посвященный юбилею такого замечательного ученого, как Вера Борисовна Ковалевская, хорошо было бы представить статью по одной из указанных организаторами тематик. Одной из таких тем являются естественно-научные методы в археологии, которыми я и занимаюсь последние 30 лет с переменным успехом. Но, перебирая скопившиеся «ворохи» материала, уже готового к публикации, я вдруг поняла, что хочется написать о самой Вере[1] и о том, какое место она занимает в нашей науке, какое влияние оказала на целое поколение археологов. Хочется написать о том, что, по крайней мере, для меня Вера открыла «другую» археологию, отличную от той, что нам преподавали в университете.

Я познакомилась с Верой в начале 1980-х гг. Большинство из нас, вчерашних выпускников кафедры археологии истфака МГУ, в это сложное время перемен находились в растерянности и в неопределенном положении. Археологам и до этого было сложно устроиться на работу по специальности (кстати, такой специальности и не существовало, в дипломе у нас было написано, что мы «преподаватели истории со знанием иностранного языка»), а уж в то сложное время последних дней советской эпохи, перестройки и последующего распада СССР, и подавно. Конечно, я ни секунды не жалела о развале Союза, и времена перестройки и «лихих 90-х», как их часто и незаслуженно теперь называют, я до сих пор считаю одними из лучших и самыми свободными годами в нашей жизни. Но археологам, как и всем специалистам, связанным с полевыми экспедиционными работами в союзных республиках, пришлось особенно тяжело: мы стремительно теряли поле своих работ и специализацию. Я, со студенческих лет проработав в нескольких археологических экспедициях в Средней Азии около семи полевых сезонов, рассчитывала и в дальнейшем подвизаться на ниве средневековой восточной археологии. Но Азия стремительно отдалялась и закрывалась от нас. Добраться туда становилось все сложней, главным образом из-за отсутствия денег. Количество московских археологических экспедиций, традиционно работавших в Средней Азии много лет, в эти годы стремительно сокращалось. Рушились связи, многолетние договорные обязательства и планы. Я оказалась отрезанной от своего любимого Афрасиаба, древнего городища Самарканда, а в Хорезмской экспедиции, которая продолжала свои последние работы и в эти годы, я не прижилась и проработала там лишь год. Вот в это сложное время я познакомилась с Верой. И эта встреча и дружба во многом решили мою археологическую судьбу и повлияли на всю мою жизнь. Именно Вера, увидев, как я маюсь без любимого среднеазиатского поля, предложила заняться раннесредневековыми аланскими поселениями Северного Кавказа. Для меня это была абсолютно новая тематика. Но главное, что это были поселения, потому что погребальную археологию я не любила со студенческих вре-

[1] Когда-то давно, в пору больших сборищ в доме в Ославском, где она живет до сих пор, мы с Верой Борисовной перешли на «ты». Совершенно, конечно, незаслуженно для меня. Но мы тогда много и плотно общались, я подолгу жила в этом доме, и, несмотря на разницу в возрасте, нам стало проще общаться на «ты». И сейчас я пользуюсь этим священным и дорогим для меня правом, подобно тому, как кошка пользуется своим правом сидеть в присутствии английской королевы. Поэтому я называю Веру Борисовну просто Верой. В этом нет фамильярности, но лишь любовь и благодарность.

мен. Уже потом изобрела свою классификацию археологов: они все делятся на «могильщиков» и «помойщиков». Вот я была по определению классический «помойщик», т. к. большего профессионального наслаждения, чем копаться в глубоченном *бадрабе* посередь средневекового города, я не испытывала. Вера также является ярким представителем поселенческой археологии. На кафедре, конечно, не было такой специализации – поселенческая археология, – но, поскольку основными кафедральными экспедициями были Новгород, Смоленск и Чайка, методика раскопок таких памятников на нашей кафедре преподавалась хорошо, да и практика проходила в этих экспедициях. Но ни Средней Азии, ни Кавказа в археологической практике нашей кафедры не было. Поэтому методических премудростей раскопок в этих регионах все, кто желал специализироваться в восточной археологии, набирались самостоятельно[2].

До того, как я поехала с Верой на Северный Кавказ, было два года общения с ней в Ославском и в Институте археологии. Поездки в Ославское проходили еженедельно в составе большой, шумной и очень интересной компании: Олег Ковалевский, сын Веры, Дима Раевский, выдающийся специалист в области скифской мифологии и звериного стиля, его дочь Ксения, Мария Николаевна Погребова, известный скифолог и ближайшая подруга Веры, сын Марии Николаевны Сергей Кулланда – полиглот, энциклопедист и впоследствии бессменный переводчик на все европейские языки наших статей и докладов, которые от этого перевода выглядели намного умнее, чем они были на самом деле. Туда приезжало очень много интересного народа. Приезжали и случайные люди, привлеченные рассказами о необыкновенном доме. Но если они приходились не ко двору, на что им, кстати, никто и никогда специально не указывал, они просто больше не появлялись. Тем теснее был пестрый круг друзей дома, тех, кто появлялся здесь каждую неделю. Еще был жив Николай Николаевич Эшлиман[3], муж Веры. Он уже тогда был болен и практически не вставал, но тем не менее с удовольствием принимал посильное участие в наших шумных застольях и не менее шумных спорах. Не раз я привозила туда нашу фольклорную группу, с которой тогда пела и занималась фольклором. Это было время молодежного фольклорного движения, своеобразного мирного протеста против официоза, квасного патриотизма и приторных, якобы народных, песен, засилье которых (как и сейчас, к сожалению) было тогда на сцене, радио и телевидении. В движении участвовали в основном ученики и последователи Дмитрия Покровского, Андрея Кабанова и В. М. Щурова. Традиционно гости помогали по хозяйству – мужики во дворе, в конюшнях (Вера, как в старые добрые времена, держала лошадей – это были знаменитый Михман Гирей и Панночка, оба ахалтекинцы), девушки готовили, накрывали стол. Вера руководила всей толпой гостей и работами. Фольклористы оказались хорошо приспособлены к сельским работам. Все это сопровождалось песнями и плясками, бесконечными разговорами и спорами. Часть песен и традиционных народных игр мы исполняли, сгрудившись у постели Николая Николаевича, чтобы ему было все видно и слышно. У Николая Николаевича был замечательный голос, и он часто нам подпевал, значительно усиливая мужские голоса. Застолья устраивались в саду в хорошую погоду, а зимой и в дождь – в доме за большим столом. Это было в помещении, представлявшем собой нечто вроде больших сеней, с одной стороны к которым примыкали стойла Гирея и Панночки с открыты-

[2] Я думаю, что мой интерес к каким-то новым методам в археологии впервые возник, когда мы после первого курса в ходе московской практики по методам полевой археологии традиционно снимали план Дьяковского городища в Коломенском, которое перевидало на своем долгом веку не одно поколение студентов-практикантов. Ерзая животом и коленями по траве и камням, продираясь сквозь кусты с рулеткой, мы трудились над очередным планом городища. Я думаю, что полное собрание студенческих планов Дьяковского городища могло бы украсить выставку авангардного концептуального искусства. Без слез на эти планы смотреть было нельзя. Я думала, ну неужели же всю жизнь вот так придется мучиться со съемкой археологических планов с рулеткой и раздолбанным нивелиром? Должны же что-то придумать, какие-нибудь волшебные инструменты, чтобы облегчить жизнь несчастных археологов. Это было лет за двадцать до появления тахеометров и лазерных сканеров.

[3] Николай Николаевич Эшлиман (1929–1985) – бывший священнослужитель Русской православной церкви, подписавший совместно с Глебом Якуниным «Открытое письмо» Святейшему Патриарху Алексию от 21 ноября 1965 года и заявление, адресованное председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному от 15 декабря 1965 года о противозаконном подавлении органами государственной власти СССР прав и свобод верующих граждан страны. За это был лишен сана, и ему было запрещено служить впредь «до полного раскаяния». Судя по всему, он считал, что ему не в чем раскаиваться, и он ни о чем не сожалел.

ми в сени проемами, так что и они могли принимать участие в наших пирах и даже воровать со стола еду. В другие дни, когда гостей не было, наше общение проходило в кабинете, в котором было тесно от книжных полок, забитых книгами, папками с Вериными записками и черновиками и альбомами. Стены старого дома были увешаны фотографиями, картинами и рисунками. Там был и небольшой портрет графини Прасковьи Уваровой – «матери» русской археологии. Вера приходилась ей родственницей, т. к. и графиня, и мать Веры, Татьяна Сергеевна Шевякова, происходили из рода князей Щербатовых. Вера с неподражаемой элегантностью носит до сих пор великолепную брошь, принадлежавшую некогда знаменитой родственнице. Из наследства Уваровой Вере достался (вернее, чудом сохранился) письменный стол, стоявший в кабинете в Ославском в то время. Среди фотографий на стене был и небольшой портрет совсем молодого человека. Вера о нем ничего не рассказывала. Потом я узнала, что это портрет ее отца – Бориса Владимировича Шевякова, арестованного в 1935 году по «музейному делу», отправленного на Соловки и несколько лет спустя расстрелянного в Сандармохе (см. интервью В. Б. Ковалевской в серии «Мой Гулаг» и очерк «Люди, создавшие это, еще при жизни ставят себе памятник…» (*Ковалевская*, 2004)). О доме в Ославском, который в то время стал и моим вторым домом, можно рассказывать бесконечно. Это был мой «дом с волшебными окнами», населенный необычными людьми и животными – прекрасными лошадьми, Панночкой и Гиреем, собаками, собранными и свезенными со всей округи и из разных мест, независимыми кошками, включая дивной красоты трехцветную кошку по имени Плесень, которую я хотела забрать себе, но она не согласилась покидать этот дом. Я, правда, уже не застала легендарного Тургая – русскую борзую, чемпиона породы и киноактера: его Тарковский снимал в фильме «Андрей Рублев», где он олицетворял собою то ли совесть, то ли душу русского народа. Причем сцену из этого фильма, где Тургай несется по полю, ведя за собою свору борзых, вообще снимали в окрестностях Ославского. В Ославском, в Верином кабинете висел роскошный портрет Тургая в серебряном ошейнике. Про Тургая ходили легенды, из рассказов о нем можно было бы, пожалуй, составить внушительный том. Сама Вера также участвовала в съемках фильма, и не какого-нибудь, а «Гусарской баллады» – одного из любимейших фильмов советского народа. В те времена она была аспиранткой университета, ей нужна была подработка, и она, будучи прекрасной наездницей, по объявлению устроилась в массовку этого фильма каскадером-наездником. Так что можно и сейчас, внимательно присмотревшись к некоторым сценам погони, увидеть молодую Веру. Если что – она в костюме французского кавалериста, который шел ей необыкновенно.

Кавказ для Веры – это абсолютно родная и близкая стихия. И тогда, и сейчас моей настольной книгой является ее «Кавказ и аланы», где Вера продемонстрировала редчайшее сочетание прекрасного литературного слога, лапидарного стиля, широкого спектра самых разнообразных познаний по Кавказу (от географии до исторических источников), знания поэзии и фольклорных источников, ну и, конечно, археологии (*Ковалевская*, 1984). Вера практически все детство и юность провела в Тбилиси. Именно в Тбилиси Татьяна Сергеевна, ее мать, бежала с маленькой Верой после ареста мужа. Вера сказала мне, что нечего киснуть и тосковать по Азии (сама она никогда не поддавалась унынию, я, во всяком случае, никогда этого не видела), на Северном Кавказе памятники не хуже. Я что-то мямлила, закатывала глаза и вздыхала о «прекрасном Востоке». Но Вера никогда никакой сентиментальностью не грешила и сказала, что есть у нее на примете как раз такой памятник, что просто закачаешься. Ничем не хуже Афрасиаба. Я в это время дописывала свою диссертацию по раннесредневековому вооружению Средней Азии, и с Верой в это время мы больше обсуждали всякие пряжки-бляшки, чем поселенческие памятники. Меня поражал взгляд Веры на «поясную» проблематику, ее методы исследования. Я относилась в этот момент скорее к консервативной части археологов, ставивших визуальное восприятие вещей и их сходство или несходство между собой в основу исследования. Возможно, это происходило в силу того, что я в своей работе имела дело не с массовым материалом, а с изобразительными источниками. Я, как и многие мои коллеги, была воспитана в рамках теории культурно-исторической археологии. Но это я уже много позже узнала, как именно называлось это теоретическое направление археологии, а тогда мы наивно полагали, что теория у нас одна, и это марксизм-ленинизм, малоприменимый к археологии. Вера же в это время была в лиде-

рах группы археологов, широко использовавших статистико-комбинаторные методы. Верины взгляды на методику работы с массовым археологическим материалом, ее способы и подходы к извлечению информации из археологического материала, ее нестандартные интерпретации, казалось бы, понятных вещей резко отличались от того, что я видела на кафедре и в Институте археологии до сих пор. Не знаю, знакома ли была Вера с дебатами между «процессуалистами» и «постпроцессуалистами», которые в 70-е – 80-е гг. сотрясали европейское и американское археологическое сообщество (*Фаган, ДеКорс*, 2005. С. 93–104), но я бы поместила ее где-то между двумя этими направлениями. Ее работы этого времени (особенно по поясам и бусам) находились в контактной зоне этих двух направлений: ее математические и естественно-научные подходы к исследованию сближали ее с «процессуалистами», а способность мыслить и излагать в терминах символизма и семиотики больше тяготели к постпроцессуальной археологии. На Веру вообще в принципе очень сложно навесить какой-либо определенный ярлык, свидетельствующий о принадлежности и приверженности чему-либо одному. Л. С. Клейн позже в своей книге «Феномен советской археологии» (1993) отнес В. Б. Ковалевскую к группе археологов, «занятых разработкой и испытанием новых теоретических субструкций для археологии с привлечением системно-структурного и информационно-семиотического подходов», условно назвав этот комплекс идей «археосемиотическим». Клейн особо отмечал, что эти археологи не только критически изучают теоретические концепции западной археологии, но и ведут активную полемику с археологами Запада (*Клейн*, 1993. С. 36). Клейн, кстати, себя также относил к этой группе, подчеркивая, что, безусловно, позиция этой группы археологов никак не являлась типичной для всей советской археологии. Действительно, Веру, с ее нестандартным мышлением и таким же нестандартным поведением, никак нельзя назвать типичным представителем советской науки. Она не делала тогда и не делает сейчас карьеры в общепринятом понимании этого слова, ей никогда ничего не было надо от начальства, она из тех немногих, которые позволяют себе роскошь жить так, как они хотят, в согласии и гармонии со своими убеждениями. А самое главное – она абсолютно бесстрашна, духовно и физически. Это она унаследовала от своей матери – Татьяны Сергеевны Шевяковой, урожденной княжны Щербатовой[4].

В это время (начало 80-х) на кафедре уже читались курсы статистико-комбинаторных методов в археологии (курс читал профессор Г. А. Федоров-Давыдов). Применение этих методов становилось модным среди молодых археологов. Популярной была книга И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака и Я. А. Шера «Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода)», опубликованная в 1975 году (студенты между собой называли книгу «Машер Каменецкий»). Профессором Ю. Л. Щаповой читался и курс о применении естественно-научных методов в археологии, позднее опубликованный отдельным учебным пособием (1988). Но это были совсем не те методы, которые впоследствии сформировали отдельную дисциплину, известную как *геоархеология*. Тогда, в принципе, как и сейчас, к естественно-научным методам относили методы и подходы, заимствованные из естественных наук, которые помогали усовершенствовать приемы исследования и интерпретации археологических данных. Но тогда, в 70-е годы, в приоритете были методы исследования сырья и материалов археологических находок,

[4] Очень характерна история о Татьяне Сергеевне, рассказанная ее внуком Олегом Ковалевским. Еще в советские времена, Татьяна Сергеевна, будучи уже во вполне почтенном возрасте, работала в горных районах Грузии, копируя фрески одной из церквей. Церковь стояла в горах сильно выше того селения, где Татьяна Сергеевна ночевала, спустившись с гор после полного светового дня работы. До церкви от села надо было добираться через хлипкий подвесной мостик через глубокое ущелье. Вот через этот мостик Татьяна Сергеевна проходила утром и вечером вместе с тремя своими маленькими собачками, неизменно сопровождавшими ее, и всем тяжелым оборудованием. В церкви за работой она оставалась весь день, а перекус ей днем приносил ее внук Олег, также живший во время этой экспедиции в селе вместе с Татьяной Сергеевной. Однажды в это село приехала съемочная группа с грузинского телевидения, которая делала фильм о школе Дурново и конкретно о работе Татьяны Сергеевны. Попросили Олега проводить их к Татьяне Сергеевне в церковь. Пока шли через мостик, режиссер, молодой цветущий мужчина, все время хватался одной рукой за сердце, а другой судорожно держался за ненадежные перильца подвесного мостика. Пришли в церковь, Татьяна Сергеевна работает. Режиссер, с трудом отдышавшись, спрашивает Татьяну Сергеевну, дескать, как же это Вы, в Вашем возрасте, каждый день по несколько раз проходите по такому мостику? На что Татьяна Сергеевна ему резонно заметила: «Голубчик, так поэтому фильм снимают обо мне, а не о Вас».

новые (для того времени) методы датирования и статистико-комбинаторные методы. Статистика меня не вдохновляла совершенно, а из всех естественных наук больше всего меня интересовала, пожалуй, петрография. Но ее у нас на кафедре не читали, и слушать этот курс приходилось бегать на геологический факультет, благо нас туда пускали. Меня тогда, как и сейчас, больше всего привлекали методы полевых работ. На Афрасиабе, столкнувшись с феерическими разрезами культурных слоев мощностью до 15 метров, от Ахеменидов до монгольских слоев, в одном шурфе на Цитадели, я превратилась в зависимого раба сложной стратиграфии. Слой меньше 5 метров меня не интересовал по определению. Однослойные памятники были неинтересны. Слои и процесс раскопок меня интересовали больше, чем находки (в отличие от Веры, любившей работать с массовым материалом). В начале 80-х в советской и постсоветской археологии понятия «геоархеология» не существовало, вернее, оно не было широко известно и термин этот никак не употреблялся. Хотя в Европе уже в начале 60-х была составлена первая капитальная сводка по естественно-научным методам в археологии (*Brothwell, Higgs*, 1963). Там были обозначены основные блоки геоархеологии: 1) датирование; 2) среда (климат, растения, животные); 3) человек (антропологические аспекты); 4) микроскопия и рентгеновские методы; 5) изучение артефактов (сырье и его источники); 6) статистические приемы; 7) геофизические методы разведки. Это потом, значительно позже, количество литературы по геоархеологии стало увеличиваться в геометрической прогрессии, появились специализации и обязательные приемы, вошедшие в полевую практику археологов. А в те времена полевая археология считалась уделом тех, кто мозгами не вышел заниматься теорией, типологией и хронологией. Ну или не повезло найти золото – извечное оправдание археологов-везунчиков. На Афрасиабе же я столкнулась с тем, что от полевых исследований, а именно от правильно выстроенной полевой методики, зависели и хронология, и интерпретация этого сложнейшего памятника. Эта уникальная полевая методика была связана с именем замечательного археолога А. И. Тереножкина. Достаточно сказать, что только благодаря сети зачисток и небольших раскопов, сделанных А. И. Тереножкиным практически в одиночку в 1945 году в ключевых местах и правильно выбранных рельефных точках гигантского городища (220 га), известных ныне как «пункты Тереножкина», смогли выделить древние комплексы середины 1-го тыс. до н. э. и, при отсутствии непрерывной и четкой стратиграфии, выстроить практически безошибочно первую периодизацию Самарканда (*Иневаткина*, 2007. С. 16; *Arzhantseva et al.*, 2014. С. 48, 49).

В 1985 году в феврале Вера таки привезла меня на Северный Кавказ, на «потрясающий», по ее мнению, памятник, «не хуже твоего Афрасиаба». И я пришла в ужас от увиденного. Это было огромное Зилгинское городище в Правобережном районе Северной Осетии, расположенное между селом Зилги и городом Беслан, непосредственно возле федеральной трассы Ростов–Баку. Вот эта близость к трассе и породила все существующие тогда и проявившиеся ныне проблемы: городище интенсивно разрушалось. Но главным разрушителем был Бесланский кирпичный завод, бравший глину для своей незамысловатой продукции из глинистых холмов городища. К моменту, когда я попала на памятник, завод работал уже не один десяток лет, так что вид той части городища, который примыкал к кирпичному заводу, был ужасающ. Эта часть памятника была превращена в карьер, из которого добывали глину экскаваторами, страшные и уродливые разрезы культурного слоя, выбранного до глинистой материковой основы, были расцарапаны гигантскими зубьями мощных машин, из бортов карьера торчали разрушенные хозяйственные ямы, забитые керамикой, и полуразрушенные катакомбы с человеческими костями. Я помню, что было очень холодно, как бывает в предгорьях, и ветрено. Вера, в залихватской меховой папахе и экзотического вида шубе, сшитой для нее ее сыном Олегом, костюмером и дизайнером, выглядела вполне экипированной для такого похода. Она гостеприимно раскинула руки и сказала: «Смотри, какая красота!» Конечно, ничего общего с прекрасным Афрасиабом, окруженным сияющими голубыми куполами Шах-и-Зинды, Биби-Ханым и Гур-Эмира, этот безрадостный пейзаж не имел. Я чуть не плакала. И даже представить не могла, что с этим памятником целых шесть последующих лет будет связана моя археологическая жизнь. И не только моя жизнь, но и жизнь моих друзей и коллег. Это была моя самая первая самостоятельная экспедиция. И самая большая. Вера прочила этому памятнику большое научное будущее. Это был

крупнейший поселенческий памятник Центрального Предкавказья 1-го тыс. н. э., который исследователи связывали с аланами. Зилгинское городище по своему местоположению принадлежит к типу равнинных городищ, т. е. оно расположено на Владикавказской равнине в непосредственной близости от основного Кавказского хребта. По характеру строительных остатков городище было классифицировано как «земляное», в отличие от «каменных», расположенных большей частью в горных районах (*Кузнецов*, 1973. С. 170; *Ковалевская*, 1981. Рис. 57, 58; *Чеченов*, 1969. С. 112). Первый исследователь Зилги, известный ученый-алановед В. А. Кузнецов, сделав довольно большие сборы подъемного материала, исследовал несколько траншей и разрушенное погребение. Он же продатировал памятник V–IX вв. н. э., считая, что такого типа городища появились уже после гуннского нашествия в IV в. (*Кузнецов*, 1986). Аланские поселения, в отличие от могильников, были тогда крайне мало изучены. Зилгинское городище стало первым памятником, на котором в течение шести лет (1985–1990 гг.) нашей экспедицией проводились планомерные раскопки большими площадями. Анализ полученного нами материала внес существенные коррективы как в хронологическую шкалу раннесредневекового Северного Кавказа, так и в существующие представления о структуре аланского общества и уровне его экономического развития. Материалы этого памятника позволили вплотную заняться проблемой, которая тогда являлась практически неразработанной для этого региона и периода, – это проблема возникновения и развития протогородских центров на Северном Кавказе (*Аржанцева, Деопик*, 1989; *Arzhantseva*, 1997; *Аржанцева, Малашев*, 1999. С. 162–163; *Arzhantseva, Ruzanova*, 2010). Основная проблема состояла в том, что такого рода раскопки огромного поселенческого памятника (площадью около 150 га) широкими площадями при сложном рельефе и мощном культурном слое проводились впервые. Таким образом, когда нашей экспедиции в 1985 г. пришлось начинать масштабные раскопки этого крупнейшего раннеаланского городища на Северном Кавказе, мы, прежде всего, столкнулись с проблемой методики, вернее сказать – с полным отсутствием разработанной методики раскопок подобных городищ. Никакой специальной методики не существовало. На Афрасиабе, где я копала до сих пор, или в Новгороде, где проходила наша студенческая практика, методика вырабатывалась многими десятилетиями. Здесь же надо было спасать в течение очень ограниченного времени сильно разрушенный карьером культурный слой мощностью 2–3 метра. Начиная исследовать Зилгинское городище, мы представляли себе очень приблизительно характер культурного слоя, его мощность, особенности строительных материалов и строительных остатков. Сейчас я бы ни за что не взялась за такой сложный памятник, даже имея в своем активе несколько проектов с комплексными исследованиями и зная возможности геофизиков и геоморфологов. Тогда же отсутствие опыта компенсировалось молодостью и смелостью, которая часто происходит от незнания и даже невежества. Кроме того, ни у меня, ни у моих коллег в тот момент совершенно не было выбора – время было сложное и безработное. Для меня и моих коллег, которых удалось привлечь для работ в экспедиции, это был единственный способ на тот момент остаться в профессии. Кроме того, меня очень поддерживала Вера, которая почему-то верила не столько в меня, сколько в то, что этот памятник должен привнести в алановедение что-то новое, в каком-то смысле решающее. Ей казалось, что такие городища должны были возникать раньше гуннского нашествия. Доказательств у нее на тот момент не было, это, скорее, была интуиция ученого. И она не ошиблась. Несмотря на множество ошибок и не очень удачных методических решений, Зилга все-таки выдала сенсацию – памятник действительно оказался на 500 лет древнее изначально предполагаемой даты. Серьезная передатировка городища была произведена нами на хорошо стратифицированных материалах, имеющих жесткую дату. Это прежде всего светлоглиняные амфоры, датирующиеся 2-й пол. II – 1-й пол. III в. н. э., определенного типа фибулы, керамический импорт из Закавказья и позднеримское стекло (*Arzhantseva et. al.*, 2000. P. 217, fig. 18, 19). Светлоглиняные амфоры в жилых слоях Зилги были идентифицированы Д. В. Деопиком, специалистом по амфорам, который руководил обработкой керамики в нашей экспедиции (*Деопик*, 1988). Из междисциплинарных здесь как раз были применены статистико-комбинаторные методы для обработки керамики, что принесло свои плоды. Я же пыталась выработать хоть какую-то методику раскопок для исследования сильно разрушенного, к тому же часто расположенного на склонах, культурного слоя. Я

применила классический квадратно-штыковой (кессонный) метод[5], которому нас обучали на кафедре, и очень быстро поняла, что копать классическими «штыками» по 20 см естественные слои, залегающие неровно, невозможно. Это создает ложную стратиграфию и ведет к ошибочным обобщениям и выводам (*Клейн*, 2001. С. 73, 74; *Сазанов*, 2008. С. 76–93). И сколько бы ни уверяли меня мои коллеги археологи-полевики, что, дескать, это пройденный этап, и никто уже так не копает, я не устаю повторять вслед за Л. С. Клейном, который в 2001 году и позже утверждал, что «штыками» раскопано в советское время и после 90 % поселенческих памятников (*Клейн*, 2001), а для того, чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть в архив и посмотреть полевые отчеты. Мы придумали методику сочетания больших горизонтальных зачисток, подведенных вплотную к вертикальным разрезам. Так удавалось получить максимальную информацию из очень разрушенного слоя. Это, кстати, вызвало тогда много нареканий в полевом комитете Института археологии, и мне пришлось к своим отчетам писать пространные объяснительные записки. Вера, проведшая вместе со мной в экспедиции практически весь сезон очень тяжелого для меня 1986 года, как-то сразу поняла, о чем именно я бессвязно толкую. Она пригласила своих друзей, грузинских геологов, которые были в Осетии проездом, посмотреть наш шурф и определить, что же именно в основании Цитадели. Они подтвердили предположение, что в основании Цитадели памятника – глиняная платформа. Вот только мы не смогли определить: полностью ли она искусственная, или это частично подработанная (снивелированная до ровного уровня) перед постройкой естественная глинистая возвышенность. В те времена мы еще не работали с геоморфологами и почвоведами, денег едва хватало на рабочих. Поэтому происхождение этой платформы, как и природа слоистого заполнения рвов, так и осталась на уровне предположений. Но с Верой мы все это обсуждали (она прекрасно ориентируется в геологической ситуации Кавказа), она многое мне объяснила и обратила внимание на чрезвычайно важные детали. До сих пор поражаюсь ее памяти, когда она перечисляет все мои подтвержденные и неподтвержденные гипотезы, связанные со строительством Зилги.

Зилгинская экспедиция (целых шесть сезонов по три-четыре месяца) и Верина твердая поддержка породили во мне уверенность, что полевая археология – это отдельная, бурно развивающаяся дисциплина, с быстрой сменой парадигм в зависимости от технического прогресса и оборудования. Хотелось бы сказать, что Зилга дала мне бесценный опыт, который я смогла применить в дальнейшем, но увы – именно такого памятника со сходными географическими и геоморфологическими условиями расположения и развития мне больше не попадалось. Хотя, конечно, опыт Зилги трудно переоценить. Попав сразу в такой полевой «переплет», я перестала бояться сделать что-то не то, перестала бояться сложного культурного слоя, очень полюбила всяческие сложные разрезы. Кроме того, я стала искать способы и возможность использовать какие-то другие науки и методы для исследования культурного слоя. Одним из первых таких «подвигов» было взятие монолитом большого блока ленточных отложений из рва между 2-м и 3-м «жилыми» (как мы их называли) кольцевидными холмами. Тяжеленный монолит с огромными трудностями был привезен в Москву, и мы даже нашли геоморфологов, чтобы отдать его на определение – как именно и чем были образованы эти отложения. Но отсутствие денег, времени и постоянные переезды из одного подвала в другой (тогда многие экспедиции ютились по подвалам жилых домов) так и не дали нам возможности проанализировать этот ценный материал. После Зилги у меня также оформилась стойкая неприязнь к большим (в иные сезоны на Зилге работало больше сотни рабочих и студентов) и к новостроечным экспедициям, когда твои исследовательские планы беспардонно и грубо корректируются планами строителей (в данной ситуации это было руководство Министерства электронной промышленности, которому принадлежал этот завод). Вера стойко ездила объясняться с начальством по всякому сложному поводу: я была слишком вспыльчива для объяснений с руководством, да и рангом не вышла, а вот Веру из себя вывести им не удавалось, как,

[5] До сих пор широко применяемый «квадратно-штыковой» или кессонный метод раскопок поселенческих памятников (очень часто вне зависимости от особенностей памятника) появился на рубеже XIX и XX вв. Одним из первых его применил и подробно описал Мортимер Уиллер при раскопках замка Мэйден в Дорсете (Англия) в 20-х гг. XX в. (*Wheeler*, 1943). Причем сам Уиллер, а вслед за ним и большинство английских археологов практиковали «послойно-квадратный» метод, при котором стратиграфическое исследование и фиксация осуществлялись по естественным слоям.

впрочем, и перебить. Она всегда высказывала то, что хотела и считала нужным, до конца, не обращая никакого внимания на возражения оппонентов. Она уже тогда была для Осетии легендарной личностью и чем-то вроде национального героя. Без деятельного участия Веры была бы просто невозможна Зилгинская экспедиция, как и все то, что было сделано там. После Зилги, с благословения Веры же, я проработала еще 15 лет на поселенческих раннесредневековых памятниках Северного Кавказа. И моя небольшая экспедиция постепенно обрастала почвоведами, геоморфологами, геофизиками, микологами. Здесь, на Кавказе, сложилась команда археологов и естественников, с которой я работаю до сих пор. Здесь же сложился наш экспедиционный фольклор, где легенды и мифы о Вере занимают значительное место. Так для меня складывалось мое понимание «геоархеологии», которое Вера разделяла со мной.

После была работа на другом аланском памятнике – скальном городище Кяфар в Карачаево-Черкесии. Этот памятник не имел ничего общего с Зилгой ни по ландшафту, в котором он располагался, ни по своей структуре, ни по планировке, ни по характеру культурного слоя. В силу географических особенностей региона (предгорья и горы) большая часть аланских поселений (как небольших крепостей, так и значительных по размеру городищ) расположена здесь на скальных останцах и горных хребтах с плоскими верхними площадками и куэстах. Кяфарское городище расположено в предгорьях Большого Кавказа, на узком лесистом хребте Мыцешта, в верховьях Большого Зеленчука (Карачаево-Черкесия). Длина городища с севера на юг составляет почти 2 км, ширина хребта колеблется от 10 м в наиболее узких местах до 200 метров. Дополнительным фактором, осложняющим проведение классических археологических работ на памятнике, является полная современная залесенность горного хребта, на котором располагается город, что не позволяло визуально и в полной мере оценить его планировку, степень разрушения, а также уровень антропогенного изменения ландшафта во время функционирования поселения в целом. Как и у всех памятников, расположенных в зонах гор и предгорий, структура и характер этих крепостей во многом зависят от окружающего ландшафта. При наличии скального материка формирование, развитие и сохранение (или разрушение) культурного слоя имеют свои особенности и сложности. Очень часто на таких памятниках нарушен естественный процесс почвообразования, а формирование культурных напластований напрямую связано со скальным рельефом, который редко имеет большие горизонтальные площадки, а также с интенсивными денудационными процессами (сдувания культурного слоя со скалы) и процессами сползания слоев по склону. Следовательно, создание стратиграфических разрезов в классическом их варианте на таких памятниках чрезвычайно затруднено, как и вообще затруднена послойная фиксация (*Аржанцева*, 2006. С. 129–132). Таким образом, ничего из зилгинского опыта нам здесь не пригодилось. В отличие от равнинных, или «земляных», городищ, на скальных памятниках очень часто на поверхности сохраняются остатки каменных сооружений. При всей сложности исследования культурного слоя классическими методами, в ситуации такой сохранности остатков каменных сооружений представляются другие возможности для исследования памятника. На первое место при работе на таких памятниках выходят планиметрические работы. Это, прежде всего, создание крупномасштабных инструментальных топографических планов этих городищ с нанесением всех видимых на поверхности или же находящихся неглубоко под верхним почвенным слоем строительных остатков. Сейчас, при наличии тахеометров, такая задача не кажется столь уж сложной, но в те времена, 25 лет назад, работа эта представлялась чрезвычайно трудоемкой и непростой, если учесть сильную залесенность памятника и горную местность, где он расположен. При снятии топографического плана Кяфарского городища с использованием теодолита мы применили методику сплошных замеров, хорошо оправдавшую себя и на других скальных крепостях (крепости в районе Большого Сочи, Горное Эхо): там, где не видны на поверхности остатки кладок, замеры снимались по перепаду рельефа. Для более точной съемки на каждом объекте выставлялось от 40 до 80 пикетов. В результате работ в течение четырех полевых сезонов был создан подробнейший топографический план городища в масштабе 1: 500 с изолиниями, проведенными через 1 м, с нанесенными на него всеми сооружениями, видимыми на поверхности без раскопок, и особенностями ландшафта (*Аржанцева*, 2001; 2006. Рис. 5, 6). Даже сейчас, при наличии тахеометра, дрона и лазерного сканера, эту работу было бы

выполнить на этом памятнике крайне сложно. Были сделаны обмеры всех построек. Такой план дал бесценные сведения о структуре древних городов-крепостей в целом, отдельных участков и построек. В случае с Кяфаром, благодаря плану, у нас появилась возможность, пожалуй, впервые судить о структуре и составных частях средневекового города на Северном Кавказе. Созданный нами топографический план стал хорошей основой для дальнейшего применения компьютерных методов обработки планиметрических данных и создания при помощи соответствующих программ трехмерного изображения (а в некоторых случаях и реконструкции) как отдельных построек, так и всего памятника в целом (*Zhukovsky*, 2001). Город делится на Нижнюю и Верхнюю часть (а учитывая исчезнувшую береговую часть, город был трехчастным). Мы предприняли попытку, используя различные статистические методики, рассчитать примерное количество жителей города (*De Roche*, 1983; *Kramer*, 1980). Так, только в Верхнем городе могли одновременно находиться от 740 до 1780 человек. По всем показателям это был крупный город для своего времени. Впервые при исследовании средневекового поселения на Северном Кавказе в качестве эксперимента на Кяфаре был опробован метод инженерно-геологической диагностики. Но тем не менее все это были лишь первые подходы к настоящим комплексным исследованиям поселенческих памятников.

Вера приезжала к нам и на Кяфар на экскурсию вместе с участниками международной конференции, которая проходила тогда, в 1993 г., в Ставрополе. Как обычно, хвалила нашу работу (у нее вообще есть замечательная способность вдохновлять и поддерживать любые, самые безумные, на первый взгляд, начинания). Возможно, она и хотела бы, чтобы мы продолжили работы на Зилге, но она никогда никого не осуждала и не давала советов, тем более, что на Зилге мы оставаться уже не могли по ряду причин. По-настоящему геоархеологией нам удалось заняться уже на другом аланском памятнике – крепости Горное Эхо, где наша экспедиция вела работы в течение десяти лет, начиная с 1995 г. И здесь мы как бы шли по следам Веры, которая исследовала несколько аланских памятников в Кисловодской котловине, где располагалась и наша крепость. К этому времени в нашей экспедиции сформировалась отличная междисциплинарная команда: археологи, почвоведы, геофизики, геоморфологи. На Горном Эхе уже были проведены действительно комплексные исследования, давшие интересные результаты. Здесь впервые для этого периода мы начали то, что впоследствии разовьется в ландшафтную археологию этого региона. Были сформулированы проблемы реконструкций исторических и палеоландшафтных условий возникновения и эволюции аланских поселений, их структуры, типологии, хронологии, а также вопросы формирования и эволюции почв террасированных склонов и древних поселений с последующим построением региональной пространственно-временной модели развития климата, почв и древних систем земледелия и коммуникаций (*Arzhantseva et al.*, 2001. P. 115–124; *Аржанцева и др.*, 2010). Впоследствии эту тему успешно разовьет в своих работах Д. С. Коробов (*Коробов*, 2017 и др.). С этих самых пор все дальнейшие проекты нашей экспедиции, проходившие территориально в других регионах Евразии, уже велись по определенному алгоритму: мы начинали с крупномасштабного картирования, затем геофизические работы и обязательное сопровождение археологических работ почвоведами и геоморфологами.

Примечательны страсть Веры к путешествиям и то, как она это делает. В экспедиции в былые годы она выезжала вместе с лошадьми и собаками, каких бы организационных усилий это ни стоило. И очень часто животных привозила из экспедиции в Москву. И не только животных. Часто пристанище в Ислявском находили люди, которым после экспедиции некуда было приткнуться. 80-е годы были временем хиппи, которые прибивались к нашим экспедициям в теплых краях, да и в Москве не отставали от нас, с присущими этим «детям цветов» беззаботностью и беспринципностью.

Меня всегда поражало Верино активное участие во всех конференциях и конгрессах, где была кавказская тематика. Не просто поехать, отметиться, прочитать свой доклад, и дальше – прогулки по достопримечательностям. Нет, всегда на всех заседаниях я видела Веру, уткнувшуюся носом в блокнот и делающую пометки по ходу того или иного доклада. Но уж если были экскурсии и поездки по памятникам, то Вера всегда бывала в первых рядах. Мы много с ней ездили вместе. Я вспоминаю одну из первых после Перестройки и того, как рухнул Союз, конференцию по хазарам и их окружению. Хазары – тематика, которую не очень-то жаловали в советские времена.

Существовал даже негласный запрет на эту тему (ввиду «неправильной» веры, выбранной хазарами). В 1999 году была организована небольшая, но престижная международная конференция по хазарской тематике. Она проводилась в Иерусалиме на базе Иерусалимского университета. Это была первая конференция, где участвовала большая группа советских (вернее, постсоветских) специалистов. Не начальство от археологии, которое в советские времена, как правило, представляло советскую археологию за рубежом, а специалисты, в том числе и реальные полевики, многие годы с копеечным финансированием упорно копавшие небольшие хазарские крепости, салтовские могильники и аланские поселения. Группу формировали не наши начальники, а непосредственно организаторы конференции. Сюда вошли и археологи – специалисты по хазарам, аланам, салтово-маяцкой культуре, лингвисты, историки, специалисты по письменным источникам, этнологи. Время было замечательное, свободное и безденежное. Конечно, мы сами не смогли бы финансово осилить такое путешествие. На российскую делегацию были выделены деньги из какого-то культурного фонда по личному распоряжению господина Цви Магена, бывшего послом Израиля в России в 1998-1999 гг. Будучи по образованию историком, Цви Маген очень интересовался хазарской тематикой. Вся наша группа перед поездкой была приглашена в посольство Израиля на прием к послу. Вера была среди приглашенных. Одетая в шикарный наряд из изумрудного бархата со знаменитой графской брошью на груди, Вера выглядела, как настоящая гранд-дама. Она очень гармонично смотрелась в элегантных интерьерах посольской гостиной, сидя на козетке с чашечкой чая в руках (прием был утренний, разговоры велись за чашкой чая). Посол интересовался темами наших докладов и текущих исследований. Мы вежливо отвечали на вопросы, по мере сил поддерживая светскую беседу и понимая, что не стоит грузить занятого человека подробностями археологической кухни. Вера в это время была увлечена новым смежным направлением в археологической и этнографической науке – геногеографией. У нее был небольшой проект, в рамках которого она собирала базу данных древних и современных ДНК, пытаясь как-то локализовать потомков алан и хазар. Она живо и с подробностями рассказывала Цви Магену о том, как она и ее небольшая команда берут образцы крови у осетин и карачаевцев для современного генофонда, как люди интересуются ее проектом и охотно идут ей навстречу. Не все, правда. Встреча подходила к концу, посол, следуя официальной формуле вежливости, пожелал нам успешной поездки и поинтересовался, не нужно ли нам еще чего-нибудь. Понимая, что аудиенция закончена, мы засобирались, но Веру было не остановить. Мыслями она уже была полностью погружена в свой проект. На вопрос посла – есть ли у нас какие-либо пожелания, Вера в глубокой задумчивости, уставившись куда-то в пространство за спину любезного посла, отчетливо произнесла: «Нам нужна караимская кровь». Господин Цви Маген вздрогнул, поперхнулся остатками чая и переспросил: «Простите, что?». Вера пояснила: «Скажите им, чтобы они дали нам свою кровь, а то они отказываются». Через некоторое время удалось объяснить ошарашенному послу, что Вера имела в виду то, что караимы в ходе ее проекта отказывались сдавать кровь на специальный анализ, чем крайне затрудняли выполнение задуманного проекта. Господин посол вежливо, но твердо отказался воздействовать на караимов, так что у Веры, кажется, до сих пор осталось чувство некой незавершенности проекта.

В последнюю поездку во Владикавказ в 2019 году она не смогла поехать из-за проблем с ногами. А ведь собиралась до последнего. И я, и наши осетинские коллеги были страшно расстроены отсутствием Веры на конференции, где ее имя упоминалось очень часто.

Я часто думаю, что значит для меня Вера? Что именно является ее символом? Я бы сказала – ее «инаковость», если можно так сказать, совершенно отличные от других способ мышления и образ жизни. Такое инакомыслие как жизненное кредо. Но чаще всего вспоминаю одну символическую картинку времен моей жизни в Ославском. Традиционные конные прогулки в лесу недалеко от дома. Впереди гарцует Вера, с прямой спиной, легкая и стройная, на прекрасной гнедой кобыле – Панночке. С красотой этой кобылы мог сравниться по силе воздействия на окружающих лишь ее кошмарный характер. Панночка слушалась и уважала только Веру, но по-настоящему обожала лишь Олега, сына Веры. Остальных же ни в грош не ставила и вытворяла, что хотела. Вслед за прекрасной гарцующей всадницей на некотором расстоянии мешком тряслась я на мудром и спокойном Гирее, который хоть и не слушал моих команд,

но относился с жалостливым пониманием: ну не всем же быть такими великолепными наездницами, как его хозяйка. Так вот эта кавалькада мне напоминает мой путь в полевую археологию Кавказа, который я проделала, следуя за Верой.

ЛИТЕРАТУРА

Аржанцева И. А., 2001. Аланское городище Кяфар IX–XII вв. н. э. в Карачае // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М.: ИЭА РАН. С. 241–269.

Аржанцева И. А., 2006. Исследование аланских поселений: проблемы и методы // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика: материалы науч. конф. М.: НИА-Природа. С. 122–140.

Аржанцева И. А., Деопик Д. В., 1989. Зилги – городище начала I-го тысячелетия н. э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока / Отв. ред.: Г. А. Кошеленко, С. А. Узянов. М.: Наука. С. 75–107.

Аржанцева И. А., Бронникова М. А., Турова И. В., 2010. Террасы Кисловодской котловины как архив антропогенных преобразований и природных изменений ландшафта // Геоморфологические процессы и их прикладные аспекты. VI Щукинские чтения: труды. М.: Географический факультет МГУ. С. 487–489.

Аржанцева И. А., Малашев В. Ю., 1999. Зильгинское городище и проблема аланского протогорода I тыс. н. э. на Северном Кавказе // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова: тез. докл. юбилейной конф., посвящ. 60-летию Кафедры археологии исторического ф-та МГУ (Москва, 20–24 декабря 1999 г.) / Ред. А. Р. Канторович. М.: Изд-во МГУ. С. 162–165.

Деопик Д. В., 1988. Керамика Центрального Предкавказья I–IV вв. н. э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. Ч. II / Отв. ред.: С. В. Волков, А. А. Наймарк, П. Д. Сахаров. М.: Наука. С. 171–220.

Иневаткина О. Н., 2007. Алексей Иванович Тереножкин в Средней Азии: Труд и интуиция // Ранній залізний вік Євразії (до 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна): матеріали Міжнародної наукової конференції (16–19 травня 2007 р.). Київ; Чигирин: ТОВ ВПД «Формат». С. 15–17.

Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А., 1975. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М.: Наука. 178 с.

Клейн Л. С., 1993. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн. 128 с.

Клейн Л. С., 2001. Принципы археологии. СПб.: Бельведер. 152 с

Ковалевская В. Б., 1981. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 83–97. (Археология СССР.)

Ковалевская В. Б., 1984. Кавказ и аланы. Века и народы. М.: Наука. 192 с.

Ковалевская В. Б., 2004. «Люди, создавшие это, еще при жизни ставят себе памятник…» // Щербатова-Шевякова Т. С. Нередица. Монументальные росписи церкви Спаса на Нередице / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Галарт. С. 23–30.

Коробов Д. С., 2017. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Т. 1. М.; СПб.: Нестор-История. 384 с.

Кузнецов В. А., 1973. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // СА. № 2. С. 60–74.

Кузнецов В. А., 1986. Зилгинское городище в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе: СОНИИ ИФЭ. С. 72–106.

Сазанов А. В., 2008. К методике исследования средневекового Херсона // Археологія. № 4. С. 76–93.

Фаган Б., ДеКорс К., 2005. Археология. В начале. М.: Техносфера. 644 с.

Чеченов И. М., 1969. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус. 158 с.

Щапова Ю. Л., 1988. Естественнонаучные методы в археологии. М.: Изд-во МГУ. 151 с.

Arzhantseva I., 1997. From settlement to cities. Alanian proto-cities of the lst–2nd mil. AD in the North Caucasus // Urbanism in Medieval Europe: printed papers of the “Mediaeval Europe” conference, Brugge / Eds.: G. De Boe, F. Verhaeghe. Vol. I. Zellik. P. 153–161.

Arzhantseva I. A., Deopik D. V., Malashev V. Y., 2000. Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the boundary between Steppe and Hill Country // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l’Antiquité tardive et le haut Moyen-Age / Ed. par: M. Kazanski, V. Soupault. Leiden; Boston; Köln: Brill. P. 211–250. (Colloquia Pontica; № 5.)

Arzhantseva I., Ruzanova S., 2010. The problems of the beginning of medieval towns in the northern Caucasus // Making of Medieval Town. Patterns of Early Medieval Urbanization / Eds.: A. Buko, M. R. McCarthy. Warsaw. P. 203–222.

Arzhantseva I., Turova I., Bronnikova M., Zazovskaya E., 2001. Alan settlements of the 1st millenium in the Kislovodsk Basin, Russia // BAR. International series. 987. P. 115–124.

Arzhantseva I., Terenozhkin, Tolstov, 2014. Faustian bargains in Soviet archaeology // Archaeological and Linguistic Research: Materials of the Humboldt-Conference (Simferopol – Yalta, 20–23 September, 2012) / Eds.:

V. Mordvintseva, H. Härke, T. Shevchenko. Kiev. P. 44–56.

Brothwell D., Higgs E., 1963. Science in Archaeology: A Comprehensive Survey of Progress and Research. London: Thames and Hudson. 595 p.

De Roche C. D., 1983. Population estimate from settlement area and number of residences // Journal of field archaeology. Vol. 10. P. 187–192.

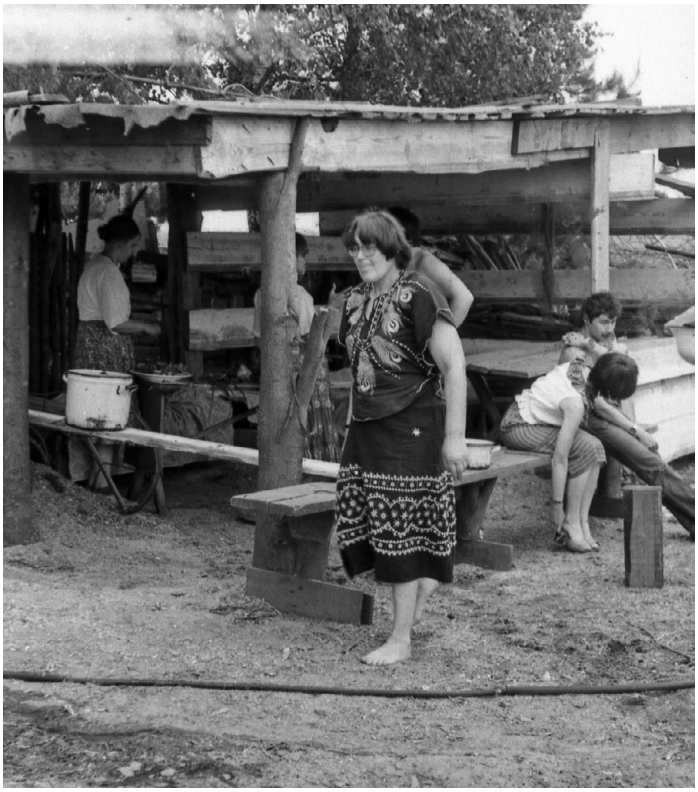
Kramer C., 1980. Estimating prehistoric population: an ethnoarchaeological approach // L'Archeologie de l'Iraq: Perspectives et Lemites de l'Interpretation Anthropologique des Documents / Ed. M.-T. Barrelet. Paris: C.N.R.S. P. 315–334. (Colloques internationaux du C.N.R.S; No. 580.)

Zhukovsky M., 2001. Virtual 3D Reconstruction of the Kiafar site, North Caucasus, Russia // Computer applications and quantitative methods in archaeology. Proceedings of the 28th Conference, Ljubljana. P. 297–301. (BAR. International series; 931.)

Wheeler R. E. M., 1943. Maiden Castle, Dorset. London. 399 p. (Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London; No. XXII.)

1985 г. Ислaвское. Возле дома Веры.
Слева направо: О. Д. Ковалевский (сын Веры), И. А. Аржанцева, Денис

1984 г. Окрестности Ислaвского.
Наша фольклорная группа идет пешком со станции к дому Веры



1984 г. Двор в Ислявском. Вера во дворе дома

1984 г. Двор в Ислявском. Наша фольклорная группа:
слева направо Е. Белая, А. Скунцев, Е. Пшеничнова

1984 г. Танцы с фольклорной группой

1980-е гг., начало. Вера, верхом на Гирее – Ирина Эшлиман и Олег Ковалевский (дети Веры)

1963 г. Вера и Тургай

1985 г. Застолье в саду в Ислявском.
За столом Г. А. Федоров-Давыдов,
В. Б. Ковалевская

1985 г. Февраль. Северная Осетия, городище Зилги.
Вера осматривает карьер кирпичного завода Электронстроя

1988 г. Зилгинское городище. Шурф на Цитадели. И. А. Аржанцева. Попытка стратиграфии

1988 г. Махачкала. XV Крупновские чтения.
В центре Вера и И. А. Аржанцева, справа М. Х. Багаев

1990 г. Ставрополь. XVI Крупновские чтения. Вера – третья справа в первом ряду.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.69-79

Heinrich Härke
University of Tübingen, Germany
Центр восточной и классической археологии ИКВИА ВШЭ, Москва
University of Reading, Great Britain

'DER BESUCH DER ALTEN DAME'[1]: A POST-SOVIET FAMILY VISIT TO THE HOME OF VERA BORISOVNA KOVALEVSKAYA

The work and life achievement of Vera Borisovna arouses nothing but profound admiration in me, as it undoubtedly will in all people who know her sufficiently well. But what I personally remember most vividly about her was my visit to her house in 1993.

I was on my first post-Soviet trip to Russia, passing through Moscow on my return from the North Caucasus where I had explored possibilities for a fieldwork project, when a young colleague (we were all younger then) brought me Vera Borisovna's invitation to her house, adding: "If you want to work in the North Caucasus, you have to visit her." Even without that strong inducement, I would have gone gladly because I knew of her reputation. So off we went the next evening, with the colleague acting as my guide because I would not have found the house without local help. From the centre of the city to the suburbs, we changed transport from metro to tram to bus (if memory serves – it seemed quite confusing at the time), and finally we got off at what appeared to be the final stop of the bus in the suburb of Islavskoe.

There were the usual Soviet-style suburban buildings on one side of the road which was illuminated by some dim streetlights; on the opposite side there seemed to be fields lost already in total darkness. And it was into this total darkness that my guide was heading. We made our way through what appeared to me to be huge grain fields, me stumbling after him – vybora nyet. When he announced that we were close to the house, I still could not see anything at all until I ran into a wooden fence. At that moment I saw the vague outline of a low black roof against a dark sky. We found the gate, at which point several dogs, invisible to us, started barking vigorously.

Moments later when we reached the foot of some stairs leading up into the darkness, the door at the invisible top flung open, and a dark figure outlined by blinding light spoke down to me in perfect English: "I understand you are from Britain." I was totally surprised, dazzled and disoriented – was this the inquisition in the door of my bright prison cell starting an interrogation? Perhaps I have to defend myself against this charge of being British? So I stammered: "Yes … yes … but I am really … German." I have no idea now why I thought at the time that this was a good defence (and in Russia, of all places), but the reply in perfect German surprised me even more: "Ach so, Sie sind Deutscher." Then the dark figure which I was beginning slowly to make out as an elderly lady switched back to her perfect English: "You must excuse me, but I have had little practice since the Revolution." I knew intuitively that she was referring not to recent events, but to 1917.

Thus was my entry into the home of Vera Borisovna. She appeared from behind bookshelves (where I later learnt her kitchen area was located) and introduced the elderly lady as her mother, Tatyana Sergeevna Shevyakova. Vera Borisovna immediately came across as an energetic, bustling person; she guided us into the dining area and asked us to sit down around a large table – supper would be ready in a few minutes, she announced. Then she disappeared again behind the bookshelves all of which, I now noticed, carried pumpkins and other garden products on their top shelves.

[1] The German part of the title is taken from Friedrich Dürrenmatt's play of the same title. The German genitive may mean either "The visit by the old lady" (as in Dürrenmatt) or "The visit to the old lady" (as intended here).

I was placed next to Tatyana Sergeevna. When Vera Borisovna began shuttling between the table and the kitchen, helped by the young colleague who was asked to set the table, Tatyana Sergeevna waited for her daughter's absence from the dining area, bent conspiratorially towards me and said in a low voice: "It is difficult without servants." I nodded politely (how could I disagree?), and looking up across the table, I noticed a wooden shield with the Russian double-headed eagle above a door to a room opposite. Some time after the visit, I was told by a friend who had been a frequent visitor to the house that this shield with the Tsarist arms had always been in that place even in Soviet times. I also heard from that friend about the adventurous life of Tatyana Sergeevna: being Duchess Shcherbatova, she fled from the Tcheka when her husband was arrested after the Revolution, and taking little Vera with her, she fled to Tblisi – a story reminiscent of descriptions by Solshenitsyn and the Perestroika-period film 'Repentance', but in this case with a happy outcome. In Georgia, she spent many years recording and tracing medieval frescoes in mountain churches, hiding from the security services all the while. Her drawings are now declared part of the cultural heritage of Georgia, so she had to leave them behind when she fled a second time, this time back to Russia to escape the Georgian civil war in the 1990s.

I do not remember much else about that supper, except that there was animated conversation, Vera Borisovna and her mother easily switching between languages (my Russian was then much more fragile than it is now). But that will surprise nobody who has known them. Thinking back about my encounters with her in later years, all conversations (multilingual, again) with her seem to have been animated – she is that kind of person. After supper, Vera took me to her study to discuss plans for her 'Laboratory of North Caucasus Archaeology' to be located mostly in her home, open to all visitors from West and East. We were surrounded by the paraphernalia of a profoundly scholarly life "on a different planet" (as a Moscow friend put it): boxes and boxes full of record cards which, as she showed me, held information on all bead necklaces, and probably every single bead, of the early Middle Ages ever found in the North Caucasus, and of other artefact types and finds besides. Her appetite for assiduous data collection was, and still is, impressive and even daunting, as has been her inspired ability to interpret the archaeological data in wider contexts (which she memorably demonstrated when the first modern DNA results from the Caucasus became available and she attempted to compare contemporary genetic and ancient artefact distributions).

Before being shown my bed for the night, in a small room just for myself within the wooden single-storey building, I received instructions about the 'facilities'. It sounded quite confusing, something about two toilets in the garden, with a move from one to the other in progress. The nightly visit in the dark did nothing to give me a clearer picture, and by then I was in a pleasantly intoxicated state which made it easier not to worry about such practical details. My sleep was repeatedly punctuated throughout the night by scraping and rushing sounds made by a small kitten (or were there several chasing one another?) which went in and out of the room, through the generous gap under the door illuminated from behind – like a four-pawed ghost appearing and vanishing, from light into darkness and back.

The early morning visit to the facilities (and here the English plural is correct even to foreigners' ears) brought enlightenment, because the decision about which of the two toilets I should use led me to a more detailed inspection. Now I finally understood the instructions given last night: there were indeed two separate cubicles, one without a roof, the other without a front door (mercifully facing away from the house, and without any neighbouring houses far and wide). I chose the one without the roof (it just seemed safer, and there was no danger of rain) and sat down, enjoying the fresh air and contemplating the drifting clouds in the blue sky. Moments later, my search for toilet paper resulted in disappointment: my western-acculturated eyes did not spot any roll of white or pastel-coloured paper in the cubicle. But I noticed next to the seat (yes, there was a seat) a solidly-bound book with reddish hardcover thoughtfully provided for reading, or so I thought. Curious as to what Russians read in such a place, I opened it – and found it was damaged: pages had been torn from it. Puzzled, I turned to the title page which said (in Russian, of course): 'Proceedings of the Congress of the Communist Party of the Union of Soviet Socialist Republics' (it was the 26th or 27th Congress, but I am afraid I have forgotten that little detail). It took my western-acculturated brain a few seconds to grapple with that information, and for a moment I was wondering if somebody had torn the pages out in anger, perhaps disagreeing with the contents of the Proceedings. Then it dawned on me: this had to be the toilet paper! I joined in the tradition of the Kovalevskaya household, tore the necessary pages

from the book, and then stepped out into the fresh and sunny morning.

This encounter with the realities of post-Soviet life, and its intended and unintended ironies, has impressed itself so much on my memories that I cannot recall much more of that morning. There probably was a cup of tea, possibly even some breakfast, before my guide and I made our way back into Moscow city centre, in a reverse of yesterday's Magical Mystery Tour. Ever since, I have looked forward with eager anticipation to any meeting with Vera Borisovna, at conferences or in the Moscow Institute of Archaeology, for serious work or at parties, because it always promised animated conversation and rekindled memories of my first visit to her house and of my encounter with her 'Alte Dame'.

Vera Borisovna Kovalevskaya outside her house in 1984 or 1985 (thus eight or nine years before I visited her there), supervising members of a visiting folk music band who are helping to clean out her horse stables (copyright I. A. Arzhantseva)

1992 г. Кисловодск. Конференция. В. Б. Ковалевская и Р. С. Сосранов

1996 г. Дарем (Англия). Конференция. Российскую делегацию поселили буквально в замке. Завтрак.
Слева направо: Г. Е. Афанасьев, В. Б. Ковалевская,
И. А. Аржанцева, М. В. Горелик, В. Р. Эрлих

1996 г. Дарем (Англия). Конференция.
По дороге в замок. И. А. Аржанцева и В. Б. Ковалевская

1997 г. Равенна (Италия), ежегодный конгресс Европейской Ассоциации Археологов.
Слева направо: Н. И. Шишлина, В. Б. Ковалевская (со знаменитой брошью княгини Уваровой),
В. С. Ольховский

2004 г. Доклад на XXIII «Крупновских чтениях» (пос. Удельное Московской обл.)

2004 г. Участники XXIII «Крупновских чтений» (пос. Удельное Московской обл.),
слева направо: В. Б. Ковалевская, А. А. Кудрявцев, А. В. Мастыкова, Ю. Ю. Пиотровский,
Д. С. Коробов, М. С. Гаджиев, Э. Д. Зиливинская; на заднем плане слева стоит А. А. Иерусалимская

2005 г. Москва. Доклад Агусти Алеманя в Институте этнологии и антропологии РАН.
В. Б. Ковалевская и Агусти Алемань

2005 г. Москва. Доклад Агусти Алеманя в Институте этнологии и антропологии РАН.
В. Б. Ковалевская и Д. С. Коробов

2005 г. Москва. Доклад Агусти Алеманя в Институте этнологии и антропологии РАН. Слева направо: З. Х. Албегова, Е. А. Пшеничнова, И. А. Аржанцева, В. Б. Ковалевская

2005 г. В гостях у Кисловодской экспедиции ИА РАН, экскурсия на городище Уллу-Дорбунла. Слева направо: С. Райнхольд, М. Н. Погребова, В. Г. Петренко, М. Г. Мошкова, В. Б. Ковалевская

2006 г. Вера Борисовна в саду возле дома в Ислaвском

2008 г. В. Б. Ковалевская и В. А. Кузнецов на XXV «Крупновских чтениях» во Владикавказе

2017 г. На V (XXI) Всероссийском археологическом съезде в Барнауле.
Слева направо: О. М. Олейников, А. В. Чернецов, В. Б. Ковалевская

2018 г. I Международный нахский научный конгресс в Грозном.
Слева направо: С. Н. Савенко, В. Б. Ковалевская и М. Х. Багаев

2018 г. I Международный нахский научный конгресс в Грозном.
В. Б. Ковалевская во дворе Чеченского гос. университета

2021 г. На праздновании юбилея в Ислявском.
В. Б. Ковалевская и И. А. Аржанцева

ЭПОХА ВСАДНИКОВ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.81-110

В. И. Козенкова
Институт археологии РАН, Москва

СООТНОШЕНИЕ ИНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ДРЕВНОСТЯХ НАРТАНСКОГО МОГИЛЬНИКА (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ)

Резюме. В статье представлен альтернативный взгляд на принадлежность материальной культуры Нартанского могильника к кочевой культуре скифов Центрального Предкавказья. Смешанный характер древностей памятника показывает более сложную картину. На основе вновь предметно проанализированных данных публикации археологического источника (*Батчаев*, 1985) выявлено не менее шести инокультурных групп: скифской, кобанской, переднеазиатской, закавказской, прикубанской и поволжско-сибирской. Основная цель статьи – впервые исчерпывающе проследить по имеющимся данным об условиях экологии, погребального обряда и погребального инвентаря соотношение этих групп и определить преобладающую в них. Некоторые вновь выявленные черты погребального обряда (складирование костей), общее число категорий материальной культуры показали преобладание кобанского компонента по отношению к скифскому в четыре раза. По остальным группам отмечены лишь следы контактов (рис. 1–5). В статье обосновывается принадлежность Нартанского могильника к особой группе предгорных памятников местной позднекобанской культуры середины VII – V в. до н. э. На протяжении 200 лет (8 поколений) каждый курган предназначался для очередного захоронения исключительно только высокопоставленных женщин с оружием («амазонок»), этнических горянок. Богатейший погребальный инвентарь свидетельствует о принадлежности женщин к предводительницам дружины и жрицам в одном лице. Скифский компонент в древностях Нартанского могильника лишь маркирует их воинское занятие в составе регионального господствующего кочевнического объединения, скорее всего на правах наемников. Отсюда в древностях могильника немногочисленные предметы иноземного происхождения. Расположение кладбища вблизи лесистых предгорий доказывает, что для горского сообщества эти воительницы были «своими», причем они, возможно, осуществляли и посреднические функции между двумя этносами в рамках вооруженного нейтралитета.

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, компонент, скифы, кобанская культура, этнические горянки, предводительницы и жрицы, амазонки, наемники, посредничество.

В конце XX в. в Предкавказье, на Ставропольском плато, были раскопаны и исследованы уникальные по своим внутренним конструкциям курганы Краснознаменского могильника, положившие начало новому этапу в изучении культуры кочевников в равнинной зоне Северного Кавказа. Несмотря на эксклюзивность материалов, по ряду ведущих культурных признаков погребального обряда и погребального инвентаря большинство скифологов (А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, В. Ю. Мурзин, Л. К. Галанина, В. Б. Ковалевская, С. В. Махортых и др.) признали вслед за автором раскопок В. Г. Петренко новые памятники как принадлежавшие собственно скифам конца VII – VI в. до н. э. (*Петренко*, 2006). В последующие годы эта гипотеза подтвердилась исследованием еще трех скифских курганных могильников VI–V вв. до н. э. в окрестностях с. Новозаведенное (В. Г. Петренко, В. Е. Маслов, А. Р. Канторович). В 1978–1979 гг. в Кабардино-Балкарии, близ с. Нартан, археологами Кабардино-Балкарского института

истории, филологии и экономики (В. М. Батчаев, Р. Ж. Бетрозов, Б. М. Керефов, А. Х. Нагоев) был раскопан и изучен курганный могильник, предназначавшийся к быстрому по срокам сносу в результате новостроечных работ. Несмотря на экстраординарный характер условий полевой работы, было весьма тщательно, на высоком качественном уровне, раскопано 24 кургана. Удалось не только зафиксировать внешние особенности каждого из них, но и проследить внутреннее устройство могил, а также топографию погребальных останков и богатейшего погребального инвентаря (*Батчаев*, 1985. С. 19–53). Благодаря качественной публикации и предварительному квалифицированному анализу исходных полевых данных, выполненным специалистом по кобанской культуре В. М. Батчаевым, поистине уникальный по качеству и количеству материальных остатков объект стал полноценным археологическим документом. Он оказался важнейшим для изучения и смысловой интерпретации древностей Нартанского могильника многими специалистами по раннежелезному веку Северного Кавказа. Обширная статья В. М. Батчаева получила еще большую глубину в результате работы, проделанной Т. Б. Барцевой по итогам спектрального анализа химического состава цветного металла Нартанского могильника (*Барцева*, 1985. С. 116–127).

Анализ источника

В. М. Батчаев относил исследованную курганную группу к захоронениям культуры кочевой военной знати, присущей «культурам “скифского мира”, распространенным… на обширных пространствах Великого пояса Евразийских степей», уточняя при этом, что они «могут быть связаны только с ираноязычными кочевниками скифо-савроматского круга» (*Батчаев*, 1985. С. 46). Признаки кочевой культуры Нартана исследователь видел, со ссылкой на аналогии, в следующих основных общих особенностях: курганная насыпь с применением в ней слоев хвороста и циновок (кург. 13, 16); большие могильные ямы, иногда со следами обкладки стен деревом (кург. 9, 11–15, 19, 22); укрепление насыпи двумя столбами (кург. 13); каменные менгирообразные стелы (кург. 16, 17), сакральные кучки из галек (кург. 11, 12, 16, 20, 23), захоронение лошадей. Как правило, захоронены одна-две особи, за исключением курганов 12, 14, 16, 18 и 20, где было от трех до пяти особей, что, возможно, свидетельствует об упряжных лошадях. Однако какие-либо следы повозок или колесниц отсутствуют. В погребальном инвентаре к собственно кочевническим по аналогиям в скифских памятниках В. М. Батчаев относил наборы бронзовых наконечников стрел, костяные и бронзовые трехдырчатые псалии с зооморфными концами (кург. 12–15, 18, 23); камни-стелы (кург. 11, 16, 17, 20), аксессуары, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. Автор не ставил своей задачей перечислять все предметы, известные в собственно скифских памятниках (*Батчаев*, 1985. С. 51). Прибавим от себя имеющие место в Нартане несомненно скифские бронзовые фигурные навершия с зооморфными головками из кургана 13 и массивные железные ножи (кург. 5, 7, 17). Хронологически на погребальном поле В. М. Батчаев выделил две группы: раннюю, «времени возвращения скифов из Передней Азии» – курганы 6, 9–23, VI в. до н. э., и позднюю – курганы 1–5, 7, 8, 24, V в. до н. э. (*Батчаев*, 1985. С. 51–52), причем полагал их «относить к “скифским”, но в том широком смысле, в котором он применяется и в отношении некоторых других кочевнического типа древностей раннежелезного века» (*Батчаев*, 1985. С. 53). В целом же исследователь отмечал ярко выраженный синкретический характер нартанских древностей, выделяя, кроме того, в их генезисе два компонента: переднеазиатский и кобанский. Последний компонент он отмечал как более значительный, но приводил аналогии лишь в общем плане, практически без ссылок на конкретные синхронные горские памятники.

Исследователи культуры скифов на Северном Кавказе однозначно включали Нартанский могильник в группу курганных собственно скифских предкавказских памятников Ставрополья. Так, В. Г. Петренко полагала, что Нартанский могильник был элитным кладбищем племенных вождей и «представлял социальную структуру, вошедшую в состав “царства” на условиях вассально-даннической зависимости, вследствие установления политического господства кочевников над земледельцами» (*Петренко*, 1989. С. 218; 2006. С. 121). По мнению исследователя, данное кочевое подразделение контролировало определенный район Предкавказья (*Петренко*, 2006. С. 116). Помимо перечисленных выше В. М. Батчаевым собственно скифских черт в погребальном обряде и погребальном инвентаре Нартана, к обряду группы ранних курганов В. Г. Петренко относила огневой ритуал и обжиг

могильной камеры, а также наличие колесницы (*Петренко*, 2006. С. 82). Исследователь первой предложила достаточно обоснованную абсолютную хронологию курганов Нартана.

Все древности могильника на основе разработанной хронологической схемы наборов наконечников стрел, предметов конского снаряжения и ряда других ярких вещей были разделены автором на три периода (*Петренко*, 1989. С. 219, 391. Табл. 86). Первый период: вторая половина VII – рубеж VII–VI вв. до н. э. (кург. 12–14, 16, 19–22), эпоха ранних скифов. Второй период: VI в. до н. э. (кург. 6, 7, 9–11, 15, 17, 18, 23). Третий период: конец VI – V в. до н. э. (кург. 1–5, 8, 24). Согласно версии В. Г. Петренко, все центральные погребения в курганах Нартана не сохранились (*Петренко*, 1989. С. 219). Вообще, в целом научный потенциал древностей Нартана исследователь оценила низко, полагая, что «могилы Нартана все разграблены и разрушены, что выводит их из системы доказательств» (*Петренко*, 2006. С. 119). Отмечая наличие в погребальном инвентаре Нартана на протяжении 150–200 лет местного компонента кобанской культуры, не отрицая его возрастания со временем, В. Г. Петренко, однако, как и В. М. Батчаев, фактически, за исключением отдельных предметов, не уделяла внимания конкретному анализу этого важного сегмента нартанских древностей. Пожалуй, значительное внимание анализу керамики Нартанского могильника уделено только В. Е. Масловым в разделе, посвященном керамике Краснознаменского могильника, где исследователь предложил также свою схему хронологии Нартана. По мнению В. Е. Маслова, «древнейшим в могильнике» был курган 20. К VII в. до н. э. относился курган 16; ко второй половине VII – началу VI в. до н. э. – курганы 13, 14, 18, 20, 21, 22 (*Маслов*, 2006. С. 87, 105–113).

С. В. Махортых в своей обобщающей монографии, посвященной скифам на Северном Кавказе, включая Нартанский могильник в группу собственно скифских кочевнических памятников, связывал их с локализацией в данном месте «значительной части скифского племенного объединения» типа Краснознаменского и Келермесского могильников (*Махортых*, 1991. С. 17, 73). В отличие от В. Г. Петренко, исследователь считал, что нартанские древности представляют собой «полноценные археологические комплексы» (*Махортых*, 1991. С. 16). Хотя и отличая необычное местонахождение Нартана «близ лесистых предгорий Переднего хребта», автор отдавал приоритет в древностях могильника скифскому компоненту, диагностирующими особенностями которого полагал курганный обряд с основными, а не впускными погребениями; использование дерева в устройстве больших грунтовых ям, огневой ритуал, захоронение коней и кенотафы. В погребальном инвентаре захоронений исследователь отдавал преимущество собственно «скифскому культурному комплексу» (*Махортых*, 1991. С. 63): наборам бронзовых наконечников стрел, конскому уздечному набору с псалиями скифского типа, каменным плиткам, изделиям, выполненным в скифо-сибирском зверином стиле. С. В. Махортых первому принадлежит не только разработка типологии погребальных конструкций, но и установление конкретной, дробной хронологии нартанских курганов, на основе которой выделены две группы: ранняя группа VII – начала VI в. до н. э., с самыми ранними курганами 19 и 20, и поздняя группа VI–V вв. до н. э., с самым поздним курганом 1 последнего столетия. Предполагая функционирование могильника близ с. Нартан не менее 200 лет, С. В. Махортых считал, что намеченные выше поздние даты указывают на «свидетельство обитания скифов на этой территории» (*Махортых*, 1991. С. 74). Безусловно, автор отмечал значительную долю инокультурных элементов, главным образом кобанских, в древностях Нартана. Но конкретный предметный анализ этого важного сегмента, за исключением ряда существенных для хронологии артефактов-маркеров, как и у В. Г. Петренко, остался в целом вне темы, если не считать неоднократно высказанных по ходу повествования указаний на «факт глубокого внутреннего симбиоза двух этносов и культур» (*Махортых*, 1991. С. 84).

Темой настоящего исследования как раз и является подробный анализ той части древностей Нартанского могильника, которая, как и собственно скифская, не менее важна для общего исчерпывающего представления об уникальности памятника. Разделяя точку зрения В. Г. Петренко относительно того, что «сравнивать отдельные черты, вырвав их из общего контекста, не продуктивно…» (*Петренко*, 2006. С. 119), считаем необходимым последовательно проанализировать древности Нартана в предлагаемой особой авторской версии, руководствуясь заслуживающей доверия первоначальной подробной публикацией В. М. Батчаева, – то есть

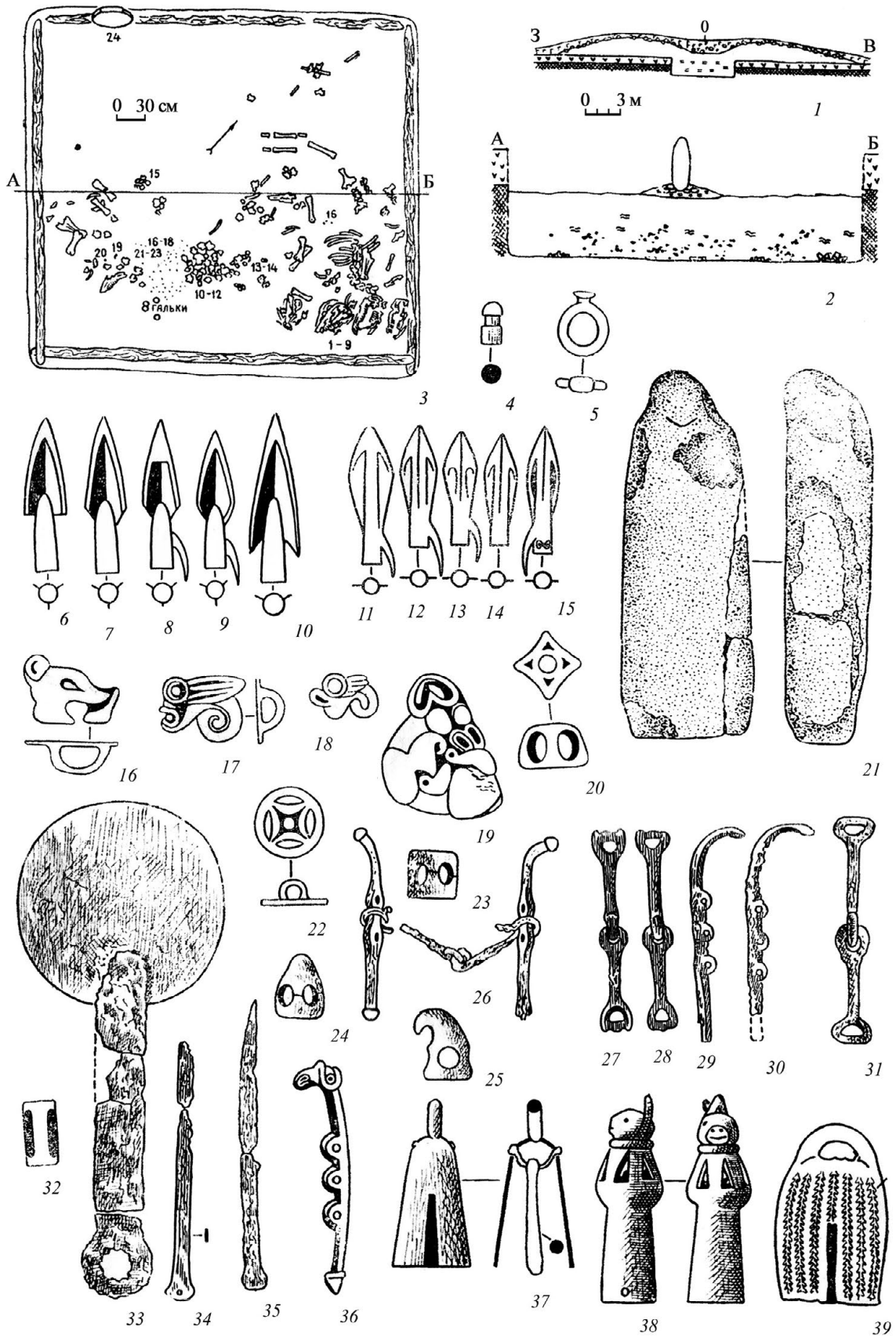

24
0 30 см
А
Б
15
16
16-18
21-23
20
19
13-14
10-12
8 гальки
1-9
З
0
В
0 3 м
1
А
Б
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39

Рис. 1. Нартанский могильник. Элементы скифского компонента древностей.
1, 3, 25 – к. 14; *4, 19* – к. 21; *2, 5, 11–15, 22, 27–30, 32, 33* – к. 20; *6–10, 36* – к. 23; *16–18, 20, 24* – к. 24; *21* – к. 16; *23* – к. 22; *26* – к. 5; *31* – к. 15; *34* – к. 5; *35, 37* – к. 7; *36, 38, 39* – к. 13. Без масштаба.
1–3 – погребальный обряд; *4, 19* – кость; *5–18, 20, 22-25, 27, 28, 32, 36–39* – бронза; *33* – бронза и железо; *26, 29–31, 34, 35* – железо; *21* – камень-стела

без интерпретационных допусков и домыслов по представленной документации.

Отличительные особенности Нартанского могильника в сравнении с синхронными скифскими памятниками типа Краснознаменского и Келермесского могильников начинаются уже с местонахождения курганной группы. В отличие от указанных выше, Нартан находится не в равнинной степной части Центрального Предкавказья, как полагала В. Г. Петренко, «а у самого подножия лесистых хребтов…» и «отстоит от лесистых гор Передового хребта Большого Кавказа в 3–3,5 км» (*Батчаев*, 1985. С. 19, 53), то есть находится полностью в экологической нише горно-предгорной полосы Северного Кавказа. Именно это было одним из обстоятельств нашего с М. П. Абрамовой предварительного мнения в пользу значительной роли местной кобанской культуры в появлении могильника фактически в ее ареале (*Абрамова, Козенкова*, 1985. С. 4). Позднее это мнение было скорректировано М. П. Абрамовой в пользу кочевнической принадлежности памятника (*Абрамова*, 1990). Однако сомнения по-прежнему остались. Мне уже приходилось развернуто указывать на нелогичность устройства кочевниками такого сакрального объекта, как элитный могильник военной знати, буквально на грани прицелов из лесной чащобы воинов-кобанцев (*Козенкова*, 1995. С. 26–33), тем более находящихся в состоянии войны кочевников, как утверждают сторонники скифской версии. Чтобы защитить кладбище от набегов «соседей», кочевникам необходимо было бы держать в окрестностях воинский контингент, чего не наблюдается по отсутствию в окрестностях памятников бытовой кочевнической культуры. Имеются у Нартанского могильника и другие особенности, отличающие его от собственно скифских.

Безусловно, курганные земляные насыпи – типичная черта скифских памятников, но и некоторые могильники кобанской культуры имели надмогильную насыпь в форме кургана, но только сооруженного из булыжника или щебенки. Учтенное количество таких курганов, синхронных Нартану, но с собственно кобанским погребальным инвентарем на востоке и западе ареала культуры, насчитывает около 20 памятников. Наиболее известные из них Ани-Ирзо, Луговой, Заюковский-1, Карабашево и др. Изредка отмечены среди них и земляные, например, Бойси-Ирзо на востоке, а также Ребровая балка в Кисловодске (*Козенкова*, 1977. С. 25–27. Табл. 1, 2; 1989. С. 90–97. Табл. 1, 2). Однако в надмогильных сооружениях Нартанского могильника имеется и бесспорно типичная для кобанских могильников еще с доскифского периода особенность – надмогильные выкладки из 1–4 – 1–7 рядов плотно уложенного булыжника поверх камер под насыпью (кург. 4, 5, 7, 8–11, 13, 15, 17). У остальных курганов они нарушены (*Батчаев*, 1985. Табл. 10–52). Наиболее ранние подобные выкладки зафиксированы в Зандакском и Кескемском могильниках. В синхронных Нартану позднекобанских могильниках такие выкладки засвидетельствованы в Аллероевском, Луговом, Нестеровском могильниках, Кескем и Пседахе, Кызыл-Кала, Каррас, Уллубаганалы-2 (*Козенкова*, 1977. С. 25. Табл. 1; 1989. С. 94–97. Табл. 2). Обычны такие выкладки (заклады) высотой до 0,5 м в могильнике Гастон Уота (*Мошинский*, 2006. С. 9). Типичная черта – грунтовые могилы – для всех периодов кобанской культуры не требует доказательств. Но заметна с протокобанского периода в могильнике Верхняя Рутха (раскопки Е. И. Крупнова) такая особенность, как применение дерева (бревен) в оформлении могильной камеры (*Крупнов*, 1951. С. 49). Особенно она просматривается в таких синхронных Нартану могильниках VII–IV вв. до н. э., как Луговой, Каррас, Индустрия 1 (*Козенкова*, 1977. С. 29. Табл. 4; 1989. С. 106. Табл. 8) и Гастон Уота, где «лежали доски, ограничивавшие пространство» некоторых могильных камер (*Мошинский*, 2006. С. 9, 10. Рис. 4). Использовалась в кобанской культуре и такая черта при погребении, как огневой ритуал, в виде обжига погребальной камеры или с трупосожжением, также выявленная и в Нартанском могильнике (кург. 12, 13, 14).

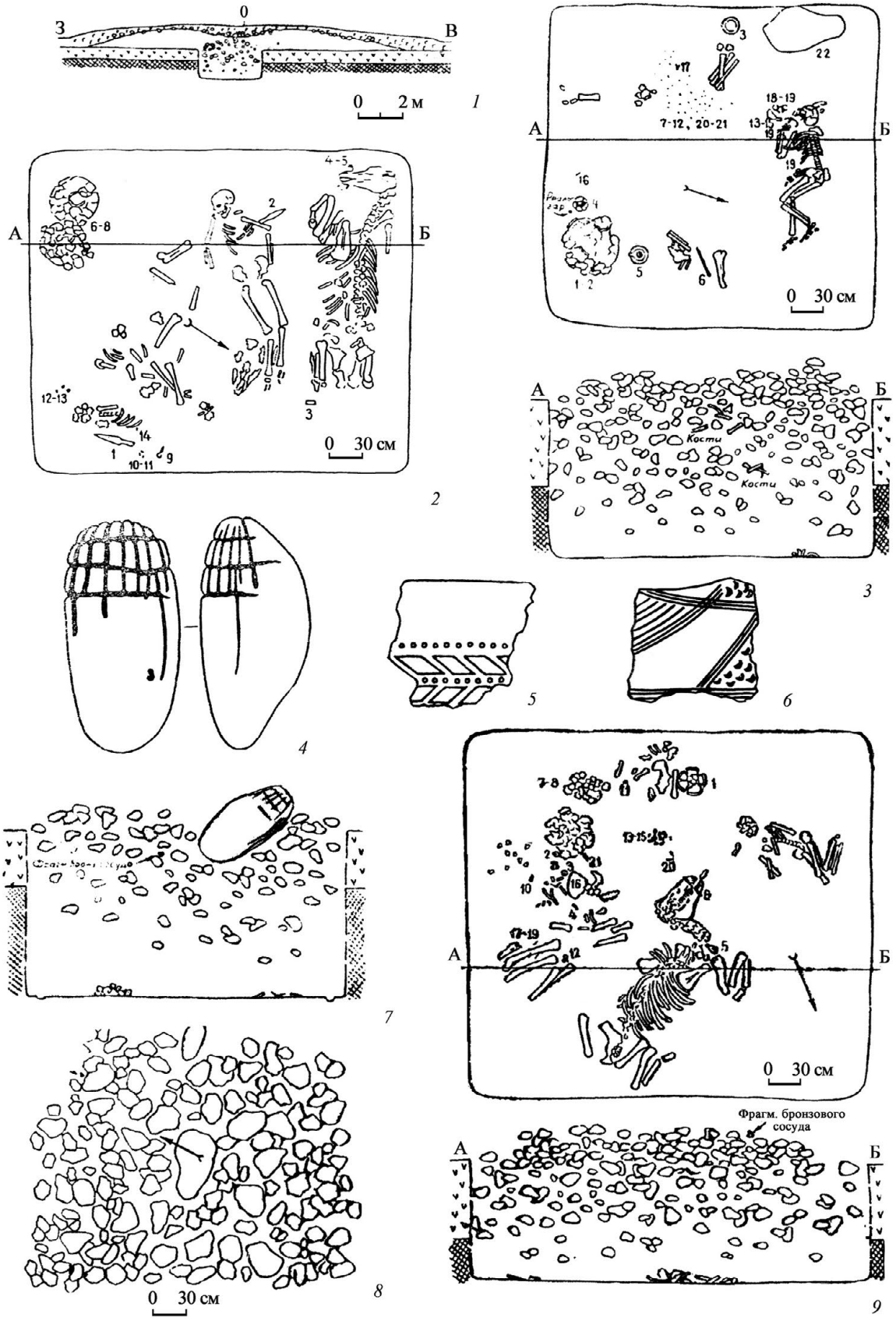

З
0
В
0 2 м
1
А
Б
6-8
4-5
2
12-13
14
1
10-11
9
3
0 30 см
2
3
22
17
18-19
7-12, 20-21
13-15
19
16
4
1-2
5
6
0 30 см
Кости
Кости
3
4
5
6
7
8
0 30 см
7-8
1
13-15
2
21
10
16
20
17-19
12
5
0 30 см
Фрагм. бронзового сосуда
9

Рис. 2. Нартанский могильник. Кобанский компонент: погребальный обряд.
1, 3 – к. 7; *2* – к. 2; *4, 7* – к. 17; *5* – к. 14; *6* – к. 5; *8, 9* – к. 4. Без масштаба.
1 – курганная насыпь; *2, 3* – поза погребенных и складирование костей останков;
4, 7 – камень-стела на выкладке; *5* – бронза; *6* – глина;
8, 9 – каменная надмогильная выкладка и расположение останков человека и коня

Однако подобная особенность засвидетельствована с конца II тыс. до н. э. и до позднекобанского периода в центральном и западном вариантах кобанской культуры в таких могильниках, как Верхняя Рутха (раскопки В. И. Долбежева, Л. Г. Нечаевой, В. В. Кривицкого, Н. Л. Членовой), Мукулан, Булунгу, Эшкакон, Терезе (*Козенкова*, 1982б. Рис. 10; 1996. С. 31. Рис. 13). В Баксанском ущелье в 1979 г. обнаружен Бердыкский могильник VI–V вв. до н. э. с обрядом интенсивного горения и трупосожжениями (*Батчаев*, 1985. С. 10–11). Следы огневого ритуала и трупосожжения засвидетельствованы в могильнике VI–IV вв. до н. э. Гастон Уота (погр. 9, 21 и «жертвенник») (*Мошинский*, 2006. С. 9. Рис. 3).

Безусловная особость Нартанского могильника – сохранность в могильной камере останков погребенных, что принципиально отличает данную курганную группу от скифских курганов на Ставропольском плато. Причем они представлены не только особями с нарушенными костями. Значительное число сохранившихся костяков погребены в скорченной позе, на правом или левом боку, с ориентацией головы на юго-запад и юго-восток, то есть по основной погребальной традиции населения кобанской культуры (*Батчаев*, 1985. Табл. 12, 13, 15, 20, 22, 24, 26, 30, 38). Из них четыре индивидуальных захоронения (кург. 5, 16, 18, 20). В девяти курганах (кург. 2–4, 6–9, 11, 15) находилось по два покойника, занимавших место в разных концах одной из половин могильного пространства (*Батчаев*, 1985. Табл. 12, 13, 15, 20, 22, 24, 26, 30, 38). В двух курганах (кург. 1 и 10) засвидетельствованы вытянутые погребения. В кург. 12 и 13 отмечены единичные обгорелые кости индивидуальных захоронений, соответственно, в северо-восточной и юго-восточной части камеры. В. М. Батчаев относил скорченные погребения в курганах с двумя покойниками к насильственно умерщвленным лицам-рабам (*Батчаев*, 1985. С. 45), С. В. Махортых считал их «сопровождающими лицами» или рабами. И даже высказывал абсурдную, на мой взгляд, версию, что скорченное положение из вытянутого им придавали грабители в силу неких «субъективных факторов», которые автор не раскрывает (*Махортых*, 1991. С. 38–39). Однако имеющиеся данные заставляют сделать другое заключение. В кургане 2 воинское погребение в вытянутой позе и с полускорченными ногами сопровождалось железным копьем с втоком (*Батчаев*, 1985. С. 21. Табл. 12; 14: *2*). В кургане 3 при скорченном костяке имелся погребальный инвентарь, куда входили: наконечник стрелы, каменный оселок, железный нож, бронзовый кобанский браслет. То есть он также был воином. Имелись маркирующие престижные предметы и у других скорченных погребенных. Так, в кургане 6 при скорченном костяке находились семь бронзовых и один железный браслет кобанского типа, часть застежки в виде бронзовой стержневидной булавки с обрывком бронзовой цепочки в отверстии головки и три десятка бус из сердолика, янтаря и стекла (*Батчаев*, 1985. Табл. 21: *2*, *7–17, 19, 20*). Погребальный инвентарь при скорченном костяке в кургане 7 (рис. 2: *1, 3*) был не менее престижный: пять бронзовых браслетов (два на костях рук), застежка из двух железных булавок, скрепленных бронзовой цепочкой (рис. 5: *2, 3*) (*Батчаев*, 1985. Табл. 21: *3;* 22: *13–15, 18, 19*). Особо отличалось военной экипировкой скорченное на левом боку погребение, уложенное головой на юго-восток, в кургане 20, от которого сохранились только кости таза и согнутых ног. В области ступней располагались остатки чешуйчатого панциря из 100 костяных пластинок. Перед скелетом лежал наконечник железного копья. В той части погребения, где не сохранились кости верхней части скелета, то есть в области черепа, находилось компактно сложенное скопление из полусотни бронзовых стрел скифского типа и бронзовый литой шлем «кубанского типа» (*Батчаев*, 1985. Табл. 47: *2*; 48: *23–37*). Это воинское погребение, одно из самых ранних (сер. VII в. до н. э.), отличалось, кроме того, богатейшим набором окружавших его предметов погребального инвентаря. Речь о них пойдет ниже. В отличие от скифских курганов Ставрополья, в могильных камерах Нартана, в центре их, отсутствовали основные

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47

Рис. 3. Нартанский могильник. Кобанский компонент: бытовая культура.
1 – к. 1; *2, 4* – к. 3; *3, 9* – к. 22; *5* – к. 8; *6, 34, 47* – к. 9; *7, 8, 10, 21, 23, 42, 44* – к. 20; *11, 14, 15* – к. 5; *12, 18, 45* – к. 4; *13, 16* – к. 21; *17* – к. 12; *19, 29, 30* – к. 10; *20, 41* – к. 14; *22* – к. 23; *24* – к. 2; *25–28, 31* – к. 17; *32, 33, 35, 37, 39, 40* – к. 18; *36, 38, 46* – к. 6; *43* – к. 15. Без масштаба.
1–3, 14, 15, 19–25 – железо; *4, 5, 41* – камень; *6–9, 28–31, 35, 37–40, 42–44, 47* – бронза; *10, 13, 16–18, 36, 45, 46* – кость; *11, 32–34* – глина; *12, 26, 27* – золото

погребения. Исключение составляет, возможно, только курган 2, где в центре был захоронен вытянутый со следами скорченности костяк, сходный по позе с женским в погр. 43 в Заюково-3 (*Батчаев*, 1985. Табл. 12: *2*; *Кадиева и др.*, 2019. С. 80. Рис. 1: *1*). В кург. 24, в центре камеры, находился разрушенный костяк также индивидуального захоронения. По набору наконечников стрел скифского типа, по бронзовым бляшкам в классическом скифо-сибирском зверином стиле оно датируется VI–V вв. до н. э. (*Батчаев*, 1985. Табл. 52: *3*; 53: *19–33*). В остальных случаях центральная часть камеры, где, казалось бы, должно быть свойственное собственно скифской культуре основное погребение, была пустой или занятой другими объектами погребального ритуала. Так, в кургане 6 в центре стояла глиняная миска, а рядом – кости животных. Кости овцы лежали в центре кургана 1. В курганах 4, 19, 20 центр занимали остовы лошадей (рис. 2: *9*). В кургане 11 – часть ритуального комплекса в виде ритуальной кучки галек. В кургане 15 в центре камеры были рассыпаны пластинки от железного панциря. В кенотафе кургана 23 в центре находился ритуальный комплекс из каменной плитки и костей животных. Из всего вышесказанного можно сделать заключение, что все погребения Нартанского могильника – и двойные, и одиночные, если вспомнить скорченное погребение в кургане 20, – вероятнее всего, относились к основным. Но совершены они были последовательно с небольшим временным интервалом. Потому и лежат они в одной и той же половине камеры, но в отдалении друг от друга, что исключает высказанную В. М. Батчаевым и С. В. Махортых версию о наличии парных захоронений в курганах (*Батчаев*, 1985. С. 45; *Махортых*, 1991. С. 38, 39), что методически неверно. Парным считается такой способ трупоположения, когда два покойника лежат рядом вплотную. Такие захоронения парами, например, имели место в Серженьюртовском могильнике и могильнике Терезе. Встречались такие могилы и в других некрополях кобанской культуры.

Вторая половина могильных камер, как правило, занята остовами лошадей, почти всегда с наборами узды. Если же захоронения лошадей отсутствуют (кург. 6, 7, 9, 17, 21), то предназначенное для них пространство либо оставлено пустым, либо занято сосудами и костями животных или предметами жертвенного ритуального комплекса (каменными плитками, кучками галек, кусочками реальгара, угольками, костями животных).

Заметной особенностью древностей Нартанского могильника является, безусловно, многочисленность погребального инвентаря. Его обилие, разнообразие и богатство не поддаются логике, если принять версию В. М. Батчаева, разделяемую и другими исследователями, о тотальном разграблении курганов (*Батчаев*, 1985. С. 31). Сохранились *in situ* наборы богато орнаментированной глиняной кобанской посуды, высокохудожественно изготовленных сервизов бронзовой посуды кобанского типа, оружия, полноценные целые наборы наконечников стрел, атрибутов снаряжения лошади. В половине курганов оказались по непонятной причине нетронутыми «грабителями» 72 золотых и 5 серебряных ювелирных изделия, золотые атрибуты украшения одежды; слишком многочисленные для мужских захоронений драгоценные наборы бус из сердолика, гешира, янтаря, золота, зооморфных янтарных пронизей; костяные и бронзовые изделия, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. Большинство этих предметов представлены в погребальном инвентаре индивидуальных погребений 5, 16, 18, 20 разных периодов. Три последних из них, безусловно, «скорченники» из ранней группы середины – начала VII в. до н. э. Престижные дорогие изделия находились и среди скоплений разрушенных погребений с двумя покойниками в девяти других курганах (кург. 2–4, 6–9, 11, 15). Так, в комплексе погребального инвентаря вышеупомянутого погребенного воина (шлем, панцирь, копье, компактно лежащие наконечники стрел скифского типа) в кургане 20 (*Батчаев*, 1985. Табл. 47; 48: *1–65*) ранней груп-

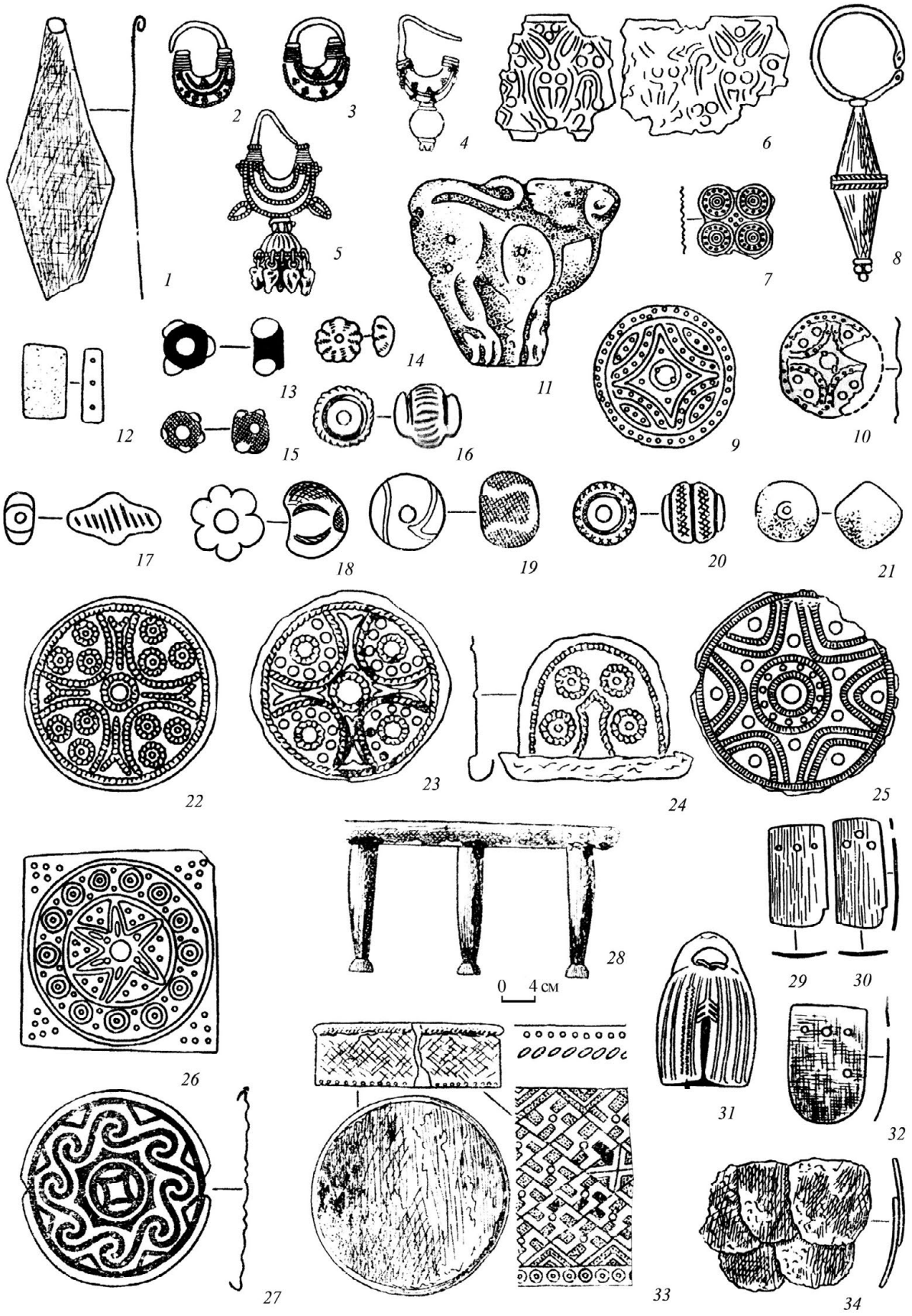

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
0 4 см
29
30
31
32
33
34

Рис. 4. Нартанский могильник. Переднеазиатский компонент.
1 – к. 4; *2, 3, 11, 22, 26, 28, 31, 33* – к. 9; *4, 23* – к. 12; *5* – к. 7; *6, 8* – к. 2; *7, 10* – к. 16; *9* – к. 14; *12, 21* – к. 11; *13* – к. 8; *14* – к. 13; *15* – к. 17; *16, 17, 19, 20, 27* – к. 18; *18, 34* – к. 1; *24, 29, 30* – к. 20; *25, 32* – к. 15. Без масштаба.
1–11, 22–27 – золото; *12, 21* – янтарь; *13–20* – стекло и паста; *28, 31–33* – бронза; *29, 30* – кость; *34* – железо

пы (по наконечникам стрел и конской узде) находилось 11 золотых предметов: пять дисковидных пластинок, орнаментированных сложными элементами в сочетании с четырехконечными и шестиконечными звездами, две тонкие орнаментированные шлемовидные накладки, возможно, на фалары уздечного набора, аналогичные по форме шлемовидным уздечным бляхам из воинского погребения 3 VIII в. до н. э. в кобанском могильнике Терезе (*Козенкова*, 1989. Табл. XXXIX: *27*), а кроме того – оригинальная золотая декорированная бляшка с длинной петлей, золотые мелкие пуговицы и распределитель для бус. Все это элементы, скорее всего, от одежды, лежали они в изголовье рядом с бронзовым шлемом «кубанского» типа компактно. Кроме кобанской глиняной посуды и ритуальной шлифованной плитки, сюда входили: декорированное узором из поясков ромбиков, известным по бронзовой посуде Тлийского могильника (*Техов*, 1977. С. 73–78; 2002. С. 445, 448. Табл. 254: *157*) бронзовое блюдо (*Батчаев*, 1985. С. 41. Табл. 48: *38*), бронзовые чаши и кобанская ситула, типа найденной в могильнике Терезе (*Козенкова*, 1989. Табл. XL: *3–5*). Но особенно примечательно, что в комплексе находились безусловно женские предметы: бронзовое зеркало с железной боковой ручкой и две бронзовые иглы. Северо-восточнее лежавшего в центре камеры костяка лошади располагался еще один жертвенный комплекс, состоявший из плитки и двух кучек галек по бокам. И здесь же находились глиняные сосуды, декорированное бронзовое жертвенное блюдо и костяное пряслице, которое В. М. Батчаев по весьма отдаленным хронологическим и территориальным аналогиям отнес к «пряжке срубного типа» (*Батчаев*, 1985. С. 41. Табл. 48: *62*). Автор предполагал, что тело погребенного в данном кургане было «преднамеренно расчленено при захоронении» (*Батчаев*, 1985. С. 40). В кургане 5 индивидуальное погребение входило по набору наконечников стрел и железной узде с двухдырчатыми псалиями в позднюю группу второй половины VI – V в. до н. э. (*Махортых*, 1991. С. 49–51. Рис. 19: *1–7*; *Батчаев*, 1985. Табл. 19: *21–28*). Это индивидуальное, условно скорченное, скорее всего, на правом боку, черепом на юг захоронение отличалось многочисленной россыпью бус в области груди. Будучи воинским по наличию набора наконечников стрел, погребение также содержало типичное кобанское глиняное пряслице (*Батчаев*, 1985. Табл. 19: *7*) IV типа, 1 варианта, неоднократно представленного в женских погребениях таких могильников западного варианта кобанской культуры, как Мебельная фабрика, Березовский-1, Этокский, Лермонтовская скала и др. (*Козенкова*, 1998. С. 26. Табл. VIII: *5–7*). Принадлежность к сакральным предметам подтверждает в этом комплексе массивный железный нож с отверстием на конце рукоятки. Такие ножи характерны для собственно скифских памятников, где они служили для ритуальных жертвоприношений (*Ильинская и др.*, 1980. С. 49–51. Рис. 22; *Виноградов, Рунич*, 1969. С. 110; *Батчаев*, 1985. Табл. 19: *5*). В кобанской культуре близкие по форме и размерам ножи для жертвенных функций обнаружены в погр. 6 и 7 Султангорского (Южного) могильника, причем в погр. 6 около покойника находился и жертвенник в виде трех каменных плиток (*Козенкова*, 1998. С. 12). Такие залощенные плитки, составляя часть жертвенного комплекса, служили для религиозных церемоний. Они имели место не только в данном могильнике, но и в других кладбищах местной кобанской культуры более раннего и синхронного Нартану времени. Так, В. Б. Виноградов приводит сведения о наличии ритуальных плит для жертвоприношений в каменном ящике 12 Клин-ярского 1 могильника и погребении 14 могильника Мебельная фабрика 1 в Кисловодске, датированных VIII в. до н. э. (*Виноградов*, 1972. С. 51, сноска 2). Ритуальное предназначение имели плиты в кургане 2 Моздокского могильника и в Минеральводском могильнике (VI–V вв. до н. э.). Засвидетельствованы они также в Агачевском, Каррасском, Перкальском могильниках, а также в трех погребениях могильника Улубаганалы-2 (*Козенкова*, 1989. Табл. 20 и 21). Судя по

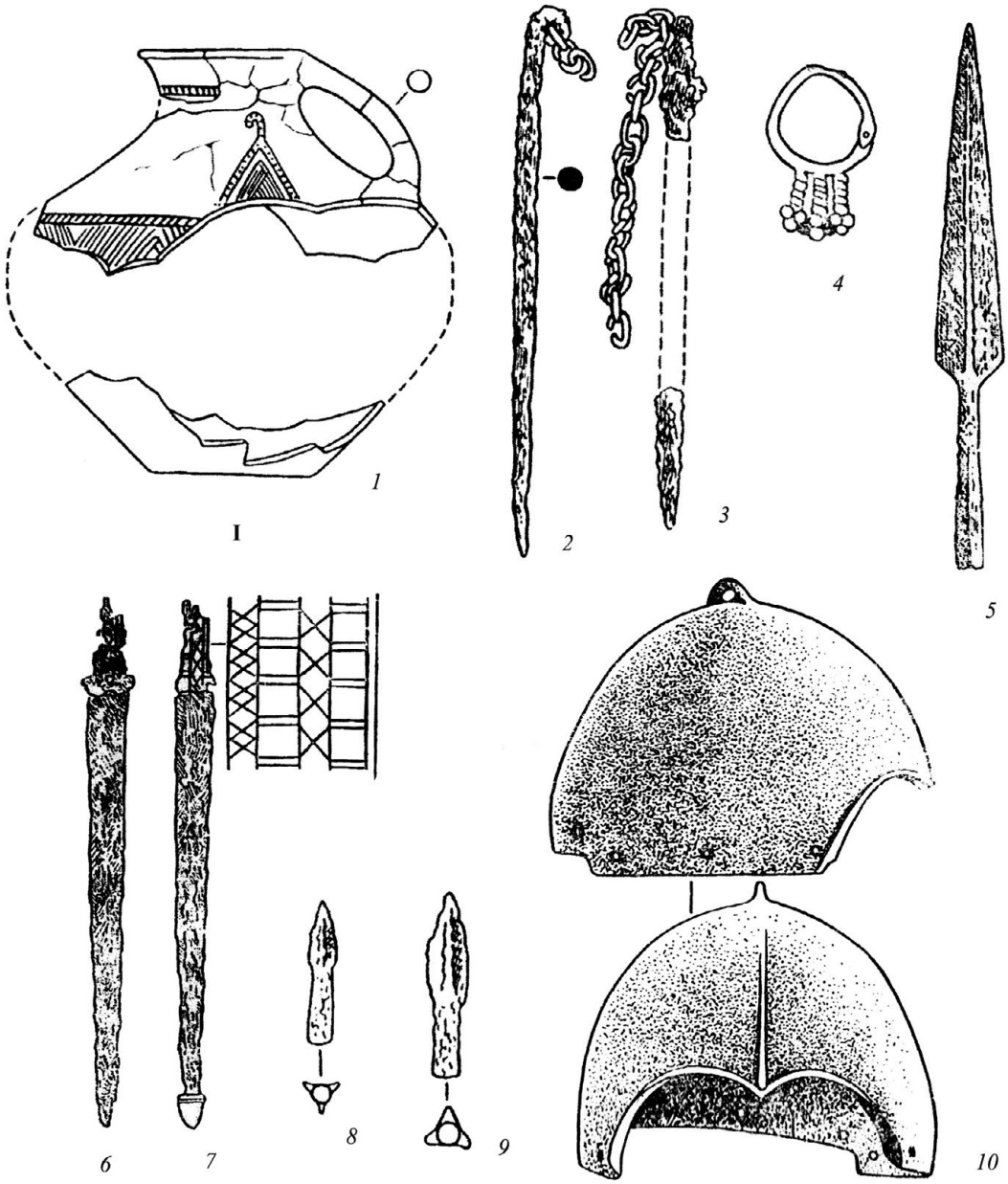

1
I
2
3
4
5
6
7
8
9
10
II
11
12
13
14
III

Рис. 5. Нартанский могильник. Древности: закавказский (I), прикубанский (II) и поволжско-сибирский (III) компоненты.
1 – к. 11; *2, 3* – к. 7; *4, 5* – к. 19; *6, 7* – к. 16; *8, 9* – к. 8; *10* – к. 20; *11* – к. 18; *12, 13* – к. 1; *14* – к. 10. Без масштаба.
1 – глина; *2, 3* – железо и бронза; *4* – золото; *5, 6* – железо; *7–9* – железо и золото; *10–14* – бронза

опубликованному В. Б. Виноградовым чертежу, такая плитка, возможно, имела место и в погребении 4 могильника Индустрия-1 (*Виноградов*, 1972. Рис. 18: *1*).

На основе женского по составу вещей кургана 4 могильника Гойты, находившуюся здесь ритуальную плиту, абсолютно идентичную по форме нартанским (*Виноградов*, 1972. Рис. 65: *4*), исследователь отнес к женской сфере деятельности (*Виноградов*, 1972. С. 51, сноска 2). Следовательно, и в Нартанском могильнике наличие подобных плиток в двенадцати курганах (4, 7, 9–12, 14, 16–18, 20, 23-кенотаф) может указывать на их принадлежность к женским атрибутам.

Находка в кургане 5 глиняного пряслица и дорогого ожерелья из каменных, янтарных и золотых бус, как и присутствие женских атрибутов в некоторых других могильных камерах с плитками, еще более подкрепляет эту версию. Кроме того, как и в степных культурах, ритуальные плитки могут быть обозначены как черта погребального ритуала местной культуры, в силу существовавших издревле некоторых общих сходных идеологических воззрений на устройство окружающего мира у многих культур (*Козенкова*, 2017. С. 13–15). При общей близости черт погребального обряда с более ранним курганом 20, в могильной камере кургана 5 находилось всего одно захоронение коня с набором узды *in situ* (*Батчаев*, 1985. Табл. 18: *3*). Индивидуальное, с нарушенным анатомическим порядком скорченное погребение на боку, головой на юго-восток в кургане 16 имело место в камере с обожженным докрасна заполнением из грунта и углей. Привилегированный характер этой воинской особы фиксирует не только камень-стела в насыпи, но и богатейший нетронутый погребальный инвентарь, свидетельствующий о принадлежности захоронения к ранней хронологической группе, судя по набору наконечников стрел скифского типа середины – конца VII в. до н. э. и подвергшихся огню предметов конской узды при сожженных лошадях. Параллельно рядом с костяком лежали два железных меча, один из которых имел обкладку золотом рукоятки и конца ножен. В изголовье, кроме набора стрел, рядом с ритуальной плитой и глиняными кобанскими сосудами были сложены остатки железного панциря, наконечник железного копья, золотые атрибуты украшения, видимо, одежды из двух дисковидных декорированных пластинок и одной фигурной с узором из четырех соединенных колец. Включал погребальный комплекс также еще одну, преимущественно женскую принадлежность – бронзовое зеркало с центральной ручкой-петелькой (Первого отдела, I типа, 1 вида – с бортиком, по Т. М. Кузнецовой). В ареале кобанской культуры аналогии зеркалу известны в Минеральводском и Моздокском могильниках (*Батчаев*, 1985. Табл. 41: *25*). Общеизвестно, что зеркала с петелькой занесены из Азии в конце VIII в. до н. э. и характерны для степных памятников VII–VI вв. до н. э. (*Иессен*, 1940. С. 49; *Кузнецова*, 1991. С. 22–30. Рис. 1–3; *Козенкова*, 2013. С. 81–83. Рис. 38: *1–8*). Однако указанные аналогии свидетельствуют, что они имели место и в памятниках позднекобанской культуры. Если судить по бронзовому зеркалу, золотым украшениям, видимо, костюма и ритуальной плитке, погребение в кургане 16 также было, скорее всего, женским (*Батчаев*, 1985. Табл. 40: *2*; 41: *21, 22, 25*). Чрезвычайно показательно по погребальному обряду и вещам индивидуальное скорченное на правом боку, головой на юго-восток погребение в кургане 18. Оно не имело каменной выкладки над камерой. В заполнении камеры не было камней и имелись следы камышовой циновки. В инвентаре нет набора наконечников стрел, но в изголовье лежало железное копье, свидетельствующее о воинском статусе погребенного. К аксессуарам костюма относилась россыпь из более полусотни крупных бус из янтаря, пасты, гешира и стекла и две бронзовые стержневидные булавки с витым стержнем и петлей на верхнем конце, безусловно, нехарактерные для культуры кочевников. Но самым примечательным атрибутом, свидетельствующим о том, что здесь была захоронена женщина, было бронзовое дисковидное зеркало, имевшее в цен-

тре ручку-столбик, увенчанный лежащей фигуркой барана (*Батчаев*, 1985. Табл. 45: *37*). Этот тип зеркал (II тип, по Т. М. Кузнецовой), только варианта со столбиком-ручкой, перекрытой бляшкой-кружком с многолучевой розеткой, находит аналогии в позднекобанских могильниках Минеральводском и Каррасском, но более представлен в кочевнических памятниках (*Кузнецова*, 1991. С. 116, карта 2; *Козенкова*, 1998. С. 85. Табл. XXVIII: *4–6*). К собственно кобанским вещам относился и очевидный реликт – бронзовая кинжаловидная литая привеска типа XX, варианта 2, по В. И. Козенковой (*Батчаев*, 1985. Табл. 45: *40*). Подобные привески X–VIII вв. до н. э. массово представлены не только в кобанских могильниках (Бедык, Гижгид, Мукулан, в погр. 7 Мебельной фабрики), но и в составе кладов, и в слоях поселений западного варианта культуры (*Козенкова*, 1998. С. 45–46. Табл. XII: *34–38*; 2013. С. 68–69. Рис. 33: *1–7*). Бронзовое зеркало с двумя ручками в центре, по мнению Т. Б. Барцевой, имеет по типу и особенностям металла сибирское происхождение (*Барцева*, 1985. С. 122). Колокольчик и железные удила с типично кочевническими костяными псалиями с зооморфными концами составляли комплект узды (*Батчаев*, 1985. Табл. 45: *28, 29, 34–36, 43, 44*) при трех разрушенных костяках лошадей. Тип узды свидетельствует о дате кургана в пределах конца ранней хронологической группы, т. е. VI в. до н. э. В пустой половине камеры находился только сакральный комплекс в виде плиты из белого гранита, и вблизи – овальное кострище из угля (*Батчаев*, 1985. С. 38. Табл. 44: *2*). Таким образом, и в данном конкретном случае фиксируется обильное практически нетронутое содержание погребального инвентаря ранней группы. К сомнительно индивидуальным скорченным В. М. Батчаевым отнесены также худшей сохранности захоронения в курганах 14, 17 и 24. Первые два из них относились к ранней группе и содержали богатейший погребальный инвентарь. Так, в кургане 14 среди костей человека находились две золотые дисковидные с солярными знаками пластинки, фрагменты бронзового сосуда, украшенного пояском из ромбовидных деталей, известным на бронзовых сосудах из Тлийского могильника (*Техов*, 2002. С. 445. Табл. 154). При костях лошадей находилось три набора из железных однокольчатых удил и костяных псалиев с зооморфными концами. Погребение сопровождалось жертвенным комплексом из плитки, раковин каури, кучки галек и реальгара (*Батчаев*, 1985. Табл. 36; 37: *1–24*). Показательно по погребальному инвентарю и богатейшее, предположительно индивидуальное, погребение ранней группы в кургане 17. Оно отличалось особым статусом, поскольку поверх каменной под насыпью выкладки лежала в наклонном виде каменная стела. По набору бронзовых наконечников стрел скифского типа и железному кинжалу, по форме типичному для кобанской культуры, захоронение было воинским. По набору из 16 золотых изделий (девять дисковидных декорированных пластинок и пять пуговиц для одежды), по двум золотым кольцевидным серьгам и по двум бронзовым привескам – оно женское. По сакральным атрибутам (плитка, кусок реальгара, кучка округлых галек, большой железный нож) и по костям крупного животного, захоронение принадлежало знатной особе, совмещавшей воинские и жреческие функции. Примечательно в данном погребении заметное присутствие предметов позднекобанской культуры. Железный черешковый кавказский кинжал (*Батчаев*, 1985. Табл. 43: *20*), параллели из бронзы которому известны в кобанской культуре еще с эпохи бронзы, близок железным экземплярам из Тлийского могильника (*Техов*, 1985. С. 24. Рис. 139: *3*; 155: *1*). В. С. Махортых указывает на случаи близких находок в скифских памятниках VI–IV вв. до н. э. Северного Причерноморья и Среднего Дона, однако без конкретных примеров (*Махортых*, 1991. С. 60). Бронзовая литая привеска-лунница (тип XXV, по Козенковой) имеет аналогии в кобанской гробнице 1 могильника Терезе VIII в. до н. э., в Каменномостском могильнике (раскопки 1954 и 1978 гг.), в Кисловодском и Минеральводском могильниках (*Козенкова*, 1998. С. 47. Табл. XIII: *9, 11*).

Бронзовая оригинальная ажурная привеска усеченно-цилиндрической формы с боковым ушком (*Батчаев*, 1985. Табл. 43: *43*) типична в могильниках западного варианта кобанской культуры конца VII – начала VI в. до н. э., таких как Лермонтовская скала-2, Султан-гора-3, Карабашево и др. (*Козенкова*, 1998. С. 47. Табл. XIII: *12–14*; 2013. С. 69, 70. Рис. 33: *8–12*). В более поздний период присутствие моды на этот тип украшений засвидетельствовано в Абхазии, где они доживают до V–IV вв. до н. э. (*Скаков*, 2009. С. 163. Рис. 6: *1–7*). Золотые кольцевидные серьги с отверстиями на концах имеют параллели в позднекобанском могильнике Гастон Уота в

Дигории и в Верхней Рутхе (*Мошинский*, 2006. С. 43. Рис. 27: *5*), где дата их определена V в. до н. э.

Многочисленным, богатым и полноценным погребальным инвентарем отличались погребения в курганах с двумя захороненными (кург. 2–4, 6–9, 11, 15). Причем, как правило, один из них захоронен скорченно. Кости другого разрушены и как бы складированы вместе с погребальным инвентарем, среди которых в большинстве своем представлены выдающиеся золотые, серебряные и бронзовые предметы (кург. 2, 4, 7, 8, 9, 11, 15). Приведем примеры наиболее показательных из них. В кургане 2 (*Батчаев*, 1985. Табл. 12: *2*; 14: *1–13*) находились два вооруженных покойника и лошадь. Один из них, в вытянутой позе на спине и с полусогнутыми ногами, занимал место рядом с взнузданным железными удилами конем и был вооружен железным копьем с втоком (*Батчаев*, 1985. Табл. 14: *2–5*). Разрушенные кости второго покойника были вместе с вещами складированы и сдвинуты в юго-восточный угол камеры. Это было также воинское захоронение, но сопровождалось оно выдающимися предметами: бронзовыми скифскими наконечниками стрел, железным наконечником копья, а около головы – фрагментами ленты из золотой фольги с тисненым узором, видимо, от венца, а рядом – золотой серьгой биконической формы с большим кольцом (*Батчаев*, 1985. Табл. 14: *1, 9–13*). Дата захоронения по наконечникам стрел и серьге может быть определена VI в. до н. э., скорее его концом. Синхронно погребению 2 по наконечникам стрел скифского типа и по идентичной биконической золотой серьге было одно из двух захоронений в кургане 8 (*Батчаев*, 1985. Табл. 24: *3*; 25: *19–27*). Подобные биконические серьги, будучи по происхождению импортом из Передней Азии, оказались в обиходе населения кобанской культуры на позднем этапе ее существования. Такие серьги местного производства (тип V, по Козенковой) неоднократно имели место в могильных комплексах кобанского ареала, например, в погребении 3 Пседахского могильника (1977–1978 гг.), в погребении 5 Новогрозненского, в погребении Нестеровского, Шалушкинского (золото) могильников; в курганном погребении 3 Заюковского-1 могильника. Их поздняя разновидность типична для Лугового могильника VI–V вв. до н. э. (*Мунчаев*, 1963. С. 139–211). Более обычны они для восточного варианта (*Козенкова*, 1998. С. 33. Табл. IX: *3*; 2013. С. 44. Рис. 21: *15–18*).

Отличались полноценным, нетронутым комплексом погребального инвентаря и драгоценными изделиями и другие курганы Нартана. Так, в кургане 7 в комплекс входили золотые калачиковидные серьги сложной конструкции и внешнего оформления в виде полусферического колпачка с подвесками. По типу они близки известным в Вани (Закавказье) и в Передней Азии (*Махортых*, 1991. С. 76). Кроме того, в ожерелье входили восемь золотых бусин и две уникальные зооморфные подвески из янтаря (*Батчаев*, 1985. Табл. 23: *17, 21*). Воинское погребение в кургане 9 выделялось сохранностью погребального инвентаря и, помимо богатых украшений бытового характера, особенно уникальным жертвенным комплексом (*Батчаев*, 1985. Табл. 27: *17–22*). Он состоял из бронзового треножника (жертвенника-столика на ножках), набора ритуальных предметов из двух декорированных блюд с ручками и бронзовой чаши кобанского типа. Как атрибут жертвенных комплексов, блюда с ручками и без них имели место и в других курганах (кург. 10, 15). Уникальны в ритуальном комплексе кургана 9 бронзовая усеченно-цилиндрическая пиксида, сплошь покрытая изображениями свастики (*Батчаев*, 1985. Табл. 27: *21*), бронзовая полусферическая емкость с двумя ручками, изогнутыми в разные стороны, и отверстием в дне. Изящный бронзовый черпачок полусферической формы имел длинную ручку, конец которой завершался зооморфной головкой. Треножник и пиксида по химическому спектральному анализу меди, по мнению Т. Б. Барцевой, имели особый центр производства и были, скорее всего, импортными изделиями (*Барцева*, 1985. С. 125). Среди остальных вещей особенно выделяется золотая пластина-накладка в виде изображения хищника, возможно, судя по мускулистому укороченному туловищу, льва (*Батчаев*, 1985. Табл. 27: *35*).

Все вышеприведенные и многие другие вещественные артефакты и их конкретное по номерам местоположение в могильных камерах ставят под большое сомнение высказанную скифологами точку зрения об ограблении курганов Нартана. Смею утверждать, что такого ограбления вообще не было. Косвенным свидетельством, кроме приведенных, служат данные изучения фиксации раскопок конструкции насыпей курганов, опубликованных В. М. Батчаевым. Ни в одном случае на чертежах не зафиксировано следов грабительских лазов, как это имело

место, например, в кургане 4 в Гойтах (*Марковин*, 1965. С. 167). На всех разрезах чертежей достаточно четко прослеживается постепенное, связанное с многовековой древностью, естественное плавное оседание центра насыпи курганов. К таким фактам относится расположение в насыпи каменных стел в курганах 16, 17 и 20. В кургане 16 антропоморфная стела находилась «в центре насыпи во впадине» (*Батчаев*, 1985. С. 36. Табл. 41: *31*), то есть не была отброшена в сторону, как это наблюдается при грабительских раскопках.

Еще более показательно положение стел в курганах 11 и 17. В первом крупный камень стоял вертикально в центре непотревоженной каменной выкладки. Таким же образом располагалась орнаментированная овальная стела под насыпью кургана 17 на каменной выкладке, перекрывавшей могильную камеру. Причем располагался камень в самом ее центре (*Батчаев*, 1985. С. 30. Табл. 30: *3, 37*; 42: *2*; 43: *1*). По сути такая же ситуация имела место в кургане 20, где не было следов нарушения первоначального положения камня-стелы: он стоял строго вертикально в центре могильной камеры (*Батчаев*, 1985. С. 40. Табл. 47: *2*).

Из приведенных выше конкретных документальных данных фиксации расположения костей разрушенных основных, первоначальных захоронений и принадлежавшего им погребального инвентаря видно, что в Нартанском могильнике наблюдается, скорее всего, особая форма обращения с такими останками. Судя по чертежам и подробному обстоятельному описанию В. М. Батчаева, в четырех случаях (кург. 3, 6, 9, 11), где были захоронены два покойника, прослеживается беспорядочный разброс разрушенных костей основного более раннего погребенного. Это послужило безоговорочным основанием для скифологов для утверждения версии о тотальном разграблении памятника. Однако в пяти могильных камерах с двумя покойниками (кург. 2, 4, 7, 8, 15) осталось незамеченным совершенно другое положение костных остатков. Они были сложены плотной кучкой вместе с предметами принадлежащего им инвентаря. Так, в кургане 2 такая плотно сложенная кучка костей покойника, со следами скорченности (рис. 2: *2*), находилась вместе с фрагментами золотого венца, золотой серьгой и наконечником копья в восточном углу камеры (*Батчаев*, 1985. С. 20. Табл. 12: *2*). В кургане 4 такое скопление разрушенного костяка было окружено выдающимися предметами (золотые серьга и ромбовидная пластина, остатки панциря, костяное навершие в виде стилизованной головки льва) в юго-восточной части камеры, почти у южной стенки (*Батчаев*, 1985. С. 22, 23. Табл. 15: *2*; 16: *11–15, 21*). Еще более достоверно компактное складирование останков в кургане 7, почти у западной стенки камеры (рис. 2: *3*). Поблизости лежала жертвенная плита, и рядом с кучкой сложенных костей покойника располагались упомянутые выше драгоценные вещи: золотая серьга, янтарные подвески, россыпь бус и другие предметы (*Батчаев*, 1985. С. 25, 26. Табл. 22: *3*; 23: *7–12, 17, 20, 21*). В кургане 8 небрежно сложенные кости и часть черепа сдвинуты в восточный угол камеры. В составе погребального инвентаря – бусы, золотая биконическая серьга, железный умбон, покрытый серебряной фольгой, 107 наконечников стрел (*Батчаев*, 1985. С. 26. Табл. 24: *3*; 25: *25*, *19–27*). В кургане 15 у северо-восточной стены камеры, вблизи крупного раздавленного сосуда, находились сдвинутые между собой разрушенные кости. Подобное складирование останков более ранних захороненных с более поздними подзахоронениями в одной могиле относится к одной из особенностей, также хорошо известной в кобанской культуре в IX–VII вв. до н. э. Причем такие сложенные кучкой человеческие кости сопровождались принадлежащими им аксессуарами костюма, предметами украшений и оружием. Особенно показательны такие случаи в каменных ящиках Тлийского могильника, например, в погребениях 71, 139, 144, 215а, 301, 302 (*Техов*, 1981. С. 20, 21, 36, 37, 40. Рис. 85, 86, 107, 126; 1985. С. 10, 21, 22. Рис. 111, 135). Обряд складирования костей прослежен также в могильнике Гастон Уота, практически синхронном Нартану (*Мошинский*, 2006. С. 10. Рис. 5: *1*). Засвидетельствован этот способ и в кобанском могильнике Заюково-3, западного варианта. В каменном ящике 28 находилось два костяка. На мой взгляд, погребение неправомерно отнесено авторами публикации к парным, поскольку захоронены они в разное время. При этом нарушенные кости первоначально погребенного (костяк 2) вместе с миской были компактно сложены поперек ящика в изголовье более позднего захоронения (костяк 1). Дата захоронений определена первой половиной VII в. до н. э. (*Кадиева и др.*, 2020. С. 166, 175. Рис. 2: *1*). Следы такого же обряда имелись и в женском погребении 43 конца VII – V в. до

н. э., где поверх грудной части вытянутого со следами скорченности костяка лежала берцовая кость от другого захороненного (*Кадиева и др.*, 2019. С. 80. Рис. 1: *1*). Вышеизложенное, на мой взгляд, убедительно свидетельствует о том, что нартанские останки – те, что с разбросанными костями, и те, что складированы кучкой, – имели аналогичный по составу погребальный инвентарь. Это позволяет предположить, что разбросанные кости первоначально также находились в виде сложенной кучки и были сдвинуты вместе с вещами в отдаленную часть камеры, освободив место для последующего захоронения. Беспорядочный же разброс костей человека и лошадей мог произойти со временем из-за обрушения внутрь камеры тяжелой груды булыжников надмогильной выкладки. Свидетельством этого обвала служит факт полного, до мелких фрагментов, разрушения под тяжестью камней стоявших *in situ* крупных глиняных корчаг. Пострадала и погнулась даже бронзовая кобанская ситула в кургане 20 (*Батчаев*, 1985. Табл. 48: *41*). Частичный разброс костей мог происходить и в результате похоронной процедуры подготовки места для последующего погребения. В это же время родичи могли извлекать из могильной камеры фрагменты драгоценных предметов, например, обломок золотой ленты венца или золотые накладки и т. п. Сопоставление между собой состава комплексов вещей индивидуальных, сохранивших позу, «скорченников» ранней группы в курганах 5, 16, 18, 20 и таких же вещей из разбросанных костей останков и из складированных костяных кучек в курганах с двойными погребениями позволяет предполагать следующее – все без исключения захоронения с нарушением первоначального трупоположения были погребены ранее в традиционной для кобанской культуры скорченной позе.

Характеристика вещевого материала (категории предметов, типология, аналогии, датировка) достаточно подробно представлена в публикации В. М. Батчаева и монографии С. В. Махортых, но в контексте принадлежности Нартанского могильника к кочевническим памятникам главным образом скифского типа. Тем не менее от внимания исследователей не ушли очевидные бытовые признаки и других культур. В связи с этим В. М. Батчаев отмечал, что материальная культура Нартана имеет «отчетливо выраженный синкретический характер», то есть такую культуру, в которой слившиеся воедино инокультурные компоненты на выходе представляли совершенно новое явление (*Батчаев*, 1985. С. 53). С. В. Махортых, однозначно относя материальную культуру некрополя к собственно скифской, многократно подчеркивал наличие у северокавказских памятников, особенно на Ставрополье, «самобытной материальной и духовной культуры, а следовательно, своего социального организма, то есть этноса». Исследователь полагал, что у скифов в результате тесных связей с местной культурой горцев «сложился целый ряд синкретических материальных форм». Сам же процесс обозначался автором как «факт глубокого внутреннего симбиоза двух этносов и культур», который породил некий особый этнос (*Махортых*, 1991. С. 93, 109–112). Однако при рассмотрении в древностях Нартанского могильника количественного и качественного соотношения разных культурных элементов и сопоставлении их между собой по весомости наблюдается, в отличие от могильников Ставрополья, на мой взгляд, несколько иная картина.

В. М. Батчаев выделял, как он думал, в кочевнической культуре Нартана два основных составляющих инокультурных компонента: переднеазиатский и, бесспорно превалирующий, кобанский (*Батчаев*, 1985. С. 53). Однако общий контекст опубликованных материалов кладбища выявляет в погребальном обряде, инвентаре и в следах контактов захороненных не менее шести групп чуждых друг другу разнокультурных компонентов: скифский, кобанский, переднеазиатский, закавказский, прикубанский и поволжско-сибирский.

Согласно вышеприведенным конкретным примерам, к собственно скифскому компоненту (рис. 1: *1–39*), бесспорно, относятся земляная насыпь курганов с использованием в курганах 13 и 16 хвороста и камыша, обкладка могильной камеры деревом (следы срубов?) в курганах 9, 11–14, 17, 19, 22, 23, наличие стел-камней (кург. 11, 16, 17, 20), вытянутая поза костяков (кург. 2, 10) и следы упряжек из трех-четырех лошадей в курганах 14 и 20. В погребальном инвентаре к собственно скифскому компоненту относились: бронзовое навершие штандарта, украшенное головой животного и ажурным бубенцом в кургане 13 (*Батчаев*, 1985. Табл. 35: *14*); полноценные наборы бронзовых наконечников стрел скифского типа. В узде – бронзовые и костяные псалии с зооморфными концами (кург. 12–16, 18, 23), бронзовые стремечковидные и железные одно-

кольчатые и петлевидные удила с такими псалиями (кург. 12, 20, 23), а также выполненные в собственно скифо-сибирском зверином стиле костяной наконечник ножен кинжала или меча (кург. 21) и бронзовые зооморфные бляшки, украшавшие упряжь лошадей (*Батчаев*, 1985. С. 44. Табл. 53: *20, 27–29*). Несомненно скифского типа были большие жертвенные ножи в курганах 5, 7 и 17 (*Батчаев*, 1985. Табл. 19: *5*; 23: *6*; 43: *22*).

Более значителен и многочислен в древностях Нартана кобанский компонент (рис. 2: *1–9*; 3: *1–47*). Обстоятельная публикация В. М. Батчаева позволила включить в перечень признаков кобанской культуры более 40 категорий вещей и элементов материальной культуры. В погребальном обряде это каменные надмогильные выкладки в три-четыре ряда из булыжника, хорошо сохранившиеся в 11 курганах; большие могильные камеры; скорченная поза погребенных, засвидетельствованная в 16 случаях. Исключение составляли только покойники в курганах 2 и 10 VI–V вв. до н. э. В последнем поза костяка, несмотря на нарушение костей, свидетельствовала о вытянутом положении, головой на юг (*Батчаев*, 1985. С. 30). Однако захоронения в вытянутой позе неоднократно отмечены и в местных позднекобанских погребениях VI–IV вв. до н. э., например, в Нижне-Чегемском, Минеральводском, Аллероевском и других могильниках ареала (*Виноградов*, 1972. С. 88–91. Рис. 12). Можно согласиться с почти общепринятым мнением скифологов, что вытянутая поза – результат влияния степняков. Однако эта черта погребального обряда, судя по новейшим раскопкам, проявилась в местных могильниках раньше. В Заюковском-3 могильнике в погребении 28, отнесенном авторами к первой половине VII в. до н. э., вытянутый костяк сопровождался яркими кобанскими вещами (*Кадиева и др.*, 2020. С. 166, 175). Издревле принят в кобанской культуре и обряд трупосожжения (кург. 12, 13), аналогии которому в могильниках центрального и западного вариантов приведены выше. Сведения о наличии у горцев этого обряда содержатся даже в Нартском эпосе. Судя по выявленным сложенным кучкам костей человека и вещам при них в курганах 2, 4, 7, 8, 11, 15, погребальному обряду Нартанского могильника присущ еще один признак кобанской культуры – складирование костей ранее совершенных захоронений. Подобное было давней местной погребальной практикой в Тлийском и других вышеуказанных могильниках центрального и западного вариантов кобанской культуры. К кобанским признакам относилось отсутствие единообразия и устойчивости в ориентации покойников при обычности соблюдения в каждом памятнике каких-то своих направлений. В Нартане, как и в ряде других кобанских могильников, ориентировки были широтные с отклонением на юг (юго-восток, юго-запад, юг, запад-юго-запад, восток). Незначительно преобладало юго-восточное направление, которое несвойственно степнякам (*Виноградов*, 1972. С. 92). Особо следует отметить, что вытянутый костяк в кургане 10 был ориентирован на юг, а в кургане 2 – на юго-запад. Скорее к кобанским признакам в погребальном обряде можно отнести наличие кенотафов в курганах 19, 21 и 23. В то время как В. Б. Виноградов не упоминает наличие кенотафов среди собственно скифских признаков, а С. В. Махортых приводит нартанским кенотафам весьма отдаленную территориально и типологически аналогию в Северном Причерноморье (*Махортых*, 1991. С. 40–41), таким погребальным сооружениям можно указать аналогии в местных памятниках на территории восточного и западного варианта кобанского ареала. На востоке – это невнятно упомянутые С. В. Махортых подкурганные кенотафы в грунтовых могилах у с. Старые Атаги. Известные еще с раскопок 1888 г. П. С. Уваровой в одном из курганов такие вещи, как наконечник стрелы скифского типа, две бронзовые типично позднекобанские пряжки в виде двух головок лосей, соприкасающихся ушами, и пряжки в виде четырех соединенных между собой плоских спиралей и головки барана (*Козенкова*, 1977. С. 52. Табл. XXX: *7*), находят стилистические соответствия среди артефактов могильников Исти-су и Луговой VI–V вв. до н. э. В 1961 г. в раскопанных Р. М. Мунчаевым в с. Старые Атаги пяти кенотафах обнаружены фрагменты мисок и горшков, типичных для восточно-кобанских Нестеровского и Лугового могильников (*Мунчаев*, 1961. С. 62). Известны кенотафы VIII–VI вв. до н. э. и на западе ареала кобанской культуры, в могильниках Индустрия 1 в Кисловодске и Перкальский близ Пятигорска (*Козенкова*, 1989. С. 38, № 96/1). Особенно интересен для поставленной темы кенотаф в Перкальском могильнике (*Егоров*, 1955. С. 59–61), некоторые предметы из могил которого (формы сосудов, наборы бус ожерелий и золотые плоские дисковидные накладки с орнаментом) особенно соот-

ветствуют таким же в погребальном инвентаре Нартанского могильника. Кенотаф находился среди грунтовых могил с каменной наброской из овальных кругов. Форма кенотафа также в виде овала из восьми камней, в центре которого лежала кучка более мелких камней, а западнее от них находился железный клевец с бронзовой трубчатой рукоятью. Его тип буквально идентичен малоазийским (Муш, Имирлер) клевцам первой половины VII в. до н. э. из Анатолии. Мною предложена версия, что оружие некавказского происхождения первоначально принадлежало погибшему далеко от родины «кобанцу»-наемнику, принимавшему участие в составе воинского объединения скифов в походах в Малую Азию. Кто-то из соратников-горцев, возвратившихся в Предкавказье, и соорудил поминальный объект, захоронив любимое оружие убитого (*Козенкова*, 2013. С. 103–106. Рис. 54: *1, 4*).

Приведенные выше конкретные данные указывают на то, что и ритуальные плитки, составлявшие часть единого ритуального комплекса в двенадцати курганах Нартана, представляют одну из черт погребального обряда в местных могильниках VIII–V вв. до н. э. – и, следовательно, могут относиться к собственно кобанским признакам культуры, главным образом западного варианта. В связи с вышеуказанным представляется спорной точка зрения С. В. Махортых о том, что каменные плитки были атрибутом исключительно мужских погребений, служа главным образом для заточки оружия, и лишь некоторые из них использовались как жертвенники. В доказательство данной версии С. В. Махортых приведено указание о находках в курганах Нартана двух оселков, якобы вместе с плитами. Но в действительности в кургане 3, где оселок лежал вместе с ножом и женским браслетом, а также в кургане 8, где оселок находился у пояса погребенного и сочетался с женским браслетом, вообще отсутствовали ритуальные плитки (*Батчаев*, 1985. С. 21. Рис. 14: *18, 22*; С. 26. Рис. 25: *10, 11*). Кроме того, известен факт нахождения и в женском погребении набора из оселка и ножа. Это указанное выше погребение 43 в Заюково-3, где оселок и нож находились в области таза, то есть на поясе захороненной женщины (*Кадиева и др.*, 2019. С. 80–81. Рис. 1: *2*; 2,*7*).

Не менее убедителен кобанский бытовой комплекс (рис. 3: *1–47*) погребального инвентаря курганов Нартанского могильника. Он, насчитывая не менее 30 категорий вещевого материала, практически превалирует в составе древностей памятника. Многим категориям В. М. Батчаев дал исчерпывающую характеристику и привел им убедительные конкретные аналогии в кобанской культуре, что избавляет от повторения. Таковы глиняные богато орнаментированные сосуды пяти категорий. Это корчаги двух типов, кружки («чарки», по Батчаеву), небольшие кувшинчики с ручкой, миски не менее четырех типов, миниатюрные низкие плошки с вертикальным бортиком. Все типы посуды особенно характерны для многих памятников западного варианта, но более всего для Комаровского могильника с его великолепными, аналогичными нартанским, большими корчагами с шаровидным туловом, короткой шейкой и венчиком раструбом в погребениях 3 и 6 (*Абрамова*, 1974. С. 195–212. Рис. 2: *11*; 3: *2*).

К кобанской культуре несомненно относятся пять категорий бронзовых сосудов: ситула, чаши для питья (тип I, по Козенковой), чашечка усеченно-конической формы и низкие блюда на поддоне двух вариантов (с ручками и без них), а также черпачок с головкой ушастого зверя на конце длинной ручки (кург. 20 – *Батчаев*, 1985. Табл. 27: *22*). Фрагменты бронзовой посуды кобанского типа обнаружены даже в насыпях практически каждого кургана. Три первые категории находят близкие аналогии в Кобанском, Тлийском могильниках центрального варианта и в Терезе – на западе ареала. Чаши для питья имели место в могильнике Уллубаганалы-2 (*Батчаев*, 1985. С. 47, сноска 2; *Козенкова*, 1989. С. 107, 109. Табл. XLII: *2, 3, 7*). Блюда, их форма, не имеют прямых аналогий в кобанских памятниках, но по элементам декора и по рецептуре химического состава металла (оловянистая бронза и чистая медь) они несомненно изготовлены местными мастерами (*Барцева*, 1985. С. 125, сноска 25). Этот же состав металла и у черпачка (рис. 3: *47)*. Хотя также неизвестны прямые аналогии ему в кобанских древностях, но зооморфная головка выполнена в кобанском зверином стиле.

В кобанской культуре западного варианта находят параллели все пять категорий орудий труда погребального инвентаря Нартанского могильника: железные шило (кург. 1) и ножи I и II типа, 3 варианта (по Козенковой) в курганах 3, 19, 21, 22; каменные оселки (кург. 3 и 8), глиняное и костяное пряслице (кург. 5 и 20), большие бронзовые иглы (кург. 9, 20, 22). Шило фрагментировано, но по круглому сечению может быть отнесено к типу III моей классификации.

Железные шилья имели место в Березовском-1 могильнике, в могильниках Индустрия (Узкая балка, 1971 г.) и в погр. 43 могильника Мебельная фабрика в Кисловодске. Железные ножи с прямой спинкой и прямым лезвием, а также экземпляры с серповидно выгнутой спинкой и прямым лезвием, переходящим в черешок, обнаружены в комплексах Каменномостского, Березовского-1, Каррасского, Минеральводского, Кызылкалинского (*Егоров*, 1955. С. 53. Рис. 17: *15*; *Козенкова*, 1989. С. 7–8. Табл. I: *2, 8*) и в других могильниках. Оселки II типа близки экземплярам из Исправненского и Каррасского могильников (*Козенкова*, 1989. С. 24. Табл. VII: *8, 11*). О кобанских аналогиях глиняному пряслицу из кургана 5 упомянуто выше. Костяное пряслице (рис. 3: *10)* из кургана 20 близко по типу (I тип, 2 вариант, по Козенковой) и по материалу экземплярам из Исправненского и Березовского-1 могильников (*Козенкова*, 1989. С. 26. Табл. VIII: *1, 2*). Иглы из Нартана чрезвычайно близки экземплярам VIII–VI вв. до н. э. из могильников Лермонтовская скала-2, Березовского-1 и Мебельная фабрика (*Козенкова*, 1989. С. 14. Табл. III: *3–5*). Как правило, их относят к женским атрибутам. В группу орудий труда может быть включена бронзовая ажурная обойма, полая, овальная в сечении (кург. 20). Она, скорее всего, относилась к обивке рукоятки ножа. Очень близкая обойма, но с другим прорезным декором, имела место в погр. 4 Тамгацикского могильника (*Козенкова*, 1989. Табл. III: *18*).

К кобанским признакам могут быть причислены пять категорий предметов оружия местного производства. К ним относятся железный наконечник стрелы, подражающий доскифским бронзовым новочеркасского типа (кург. 5), костяные наконечники стрел, четырехгранные в сечении (кург. 4, 8, 12) и пулевидной формы (кург. 21); железные наконечники копий, лавролистной (кург. 9, 16, 18, 19, 20, 22) и остролистной (кург. 1, 2, 24) формы Первого отдела, 3-го типа и Второго отдела, 3-го типа, по Козенковой (*Козенкова*, 1995. С. 37, 41. Табл. V: *10–13*; VII: *4, 6–10*). В. М. Батчаев, ссылаясь на приведенные аналогии, считает их местными, совершенно справедливо полагая, что кочевниками они заимствованы у кобанцев (*Батчаев*, 1985. С. 49). Такие наконечники, синхронные нартанским, известны также в Кисловодском, Перкальском, Тамгацикском, Белореченском-1, Уллубаганалы-2, Белореченском-2, Каррасском могильниках. Особенно сходны экземпляры из погребений 1 Перкальского и 8 Каррасского некрополей (*Егоров*, 1955. С. 28, 59. Рис. 20: *2*; *Козенкова*, 1995. Табл. VII: *10*). О железном черешковом кинжале кавказского типа (кург. 17), как о бесспорно кобанском оружии, сказано выше. Местным кобанским изделием С. В. Махортых считает и сам кинжал (рис. 3: *25*), и его наконечник ножен в форме вытянутого конуса (*Махортых*, 1991. С. 60, 94, 95). К кобанским признакам принадлежит также железный боевой топор (кург. 23) – типичное оружие горцев. В. М. Батчаев разделяет точку зрения В. Б. Виноградова о том, что боевые топоры «есть следствие обратного влияния кавказцев на материальную культуру» кочевников и специфически местный вид оружия. Это мнение разделяет и С. В. Махортых (*Виноградов*, 1972. С. 122; *Батчаев*, 1985. С. 48; *Махортых*, 1991. С. 95). Топоры близких форм известны в синхронных Нартану погребениях 6 Султангорского-3 и 10 Каррасского могильников, в погребениях 10 и 17 могильника Уллубаганалы-2 и др. (*Козенкова*, 1995. Табл. XIX: *1, 2, 4, 5*; 2018. Рис. 2: *22*; 5: *12*).

К кобанским признакам в данной конкретной ситуации можно отнести некоторые предметы конской упряжи. Это две разновидности местных железных удил, конструктивно связанных по своему происхождению с бронзовыми двукольчатыми удилами. Они не имели отношения к кочевническим (*Махортых*, 1991. С. 97) и были типичны для ареала кобанской культуры доскифского периода, памятники которого уже тогда занимали территорию в районе Нартана. Одни удила (кург. 20), внешне безусловно двукольчатые (рис. 3: *21*), могут быть сопоставлены с железными комбинированными удилами из погребения 3 Комаровского могильника, у которых одно звено было двукольчатым, а второе – однокольчатым (*Абрамова*, 1974. С. 197. Рис. 2: *12*; *Козенкова*, 1996. Рис. 11: *7, 8*). Имитацией железных двукольчатых удил местного изготовления были, на мой взгляд, экземпляры из курганов 10, 12 и 18. Их стержневидные звенья, плоско раскованные на концах, имели одно пробитое отверстие, сквозь которое продевалось подвижное кольцо (*Батчаев*, 1985. Табл. 29: *4*; 33: *29*; 45: *28*). С. В. Махортых, правильно указав на принадлежность таких удил конструктивно к двукольчатым, тем не менее, на мой взгляд, противоречиво отнес их к варианту однокольчатых (*Махортых*, 1991. С. 67). Вероятно, местными

по изготовлению были и однокольчатые железные удила.

К признакам кобанской культуры могут быть отнесены из конской упряжи два типа бронзовых литых колокольчиков, тюльпановидной и конусовидной формы (кург. 3, 4, 8, 9, 13, 15–18). Хотя тюльпановидные колокольчики известны в других культурах, вплоть до Передней Азии, но в данном конкретном случае они изготовлены из кобанского оловянистого и оловянисто-свинцового металла (*Барцева*, 1985. С. 124). Конусовидные колокольчики из курганов 13 и 16, кроме того, имеют прямые аналогии в Бедыкском могильнике VI в. до н. э. (*Батчаев*, 1985. С. 10–11. Рис. 3: *11*).

К типично кобанским изделиям относятся пять категорий нартанских женских украшений: серьги, височные подвески, привески, браслеты и стержневидные булавки. В. М. Батчаев лишь упоминает без конкретики о том, что все украшения – местной культуры (*Батчаев*, 1985. С. 50). Т. Б. Барцева подробно характеризует химический состав металла большинства бронзовых украшений. Анализы их свидетельствуют о местном изготовлении из оловянистой бронзы, как у мисок и блюд (*Барцева*, 1985. С. 124). Типы или варианты типов вещей имеют аналогии в местных могильниках центрального, но в основном – западного варианта культуры. Как указывалось выше, золотые серьги калачеобразной формы с отверстиями на несомкнутых концах (*Батчаев*, 1985. Табл. 43: *34, 35*) из кургана 17 (по Мошинскому, подвески группы 1, типа 3; по Козенковой, серьги типа VII) имели место в погр. 12 могильника Гастон Уота центрального варианта ареала (*Мошинский*, 2006. С. 43. Рис. 27: *5*), но кроме того – и в западнокобанских памятниках, в погр. 35 Мебельной фабрики-1 VIII–VII вв. до н. э. и в Таллыкском кургане 1, VI–V вв. до н. э. (*Козенкова*, 1998. С. 33–34. Табл. IX: *4*). Височная подвеска в форме простого кольца из бронзовой проволоки (концы сомкнуты тесно, заходя друг за друга – тип I, по Козенковой), происходит из кургана 5 (*Батчаев*, 1985. Табл. 19: *9*) VI в. до н. э. и имеет аналогии в западнокобанских могильниках со II тыс. до н. э. (гробница 2 в Терезе) и до V–III вв. до н. э. в комплексе из Домбай-Ульгена (*Козенкова*, 1998. С. 34–35. Табл. IX: *10*). Кроме этого, в курганах Нартана обнаружено четыре типа кобанских привесок. К ним относятся две золотые длинные трубочки-накосницы из гладкого листа (II тип, 1 вариант, по Козенковой) из кургана 4. Они массово представлены в женских погребениях поздней бронзы Березовского-1, Султангорского-1, Белореченского-2 и других могильников. Но засвидетельствованы они и в могилах Карраса, Таллыка, Домбай-Ульгена скифского времени (*Козенкова*, 1998. С. 39. Табл. XI: *3–5*). О бронзовой кинжаловидной привеске (XX тип, 2 вариант, по Козенковой) из кургана 18 упоминалось выше (рис. 3: *37)*. Их массовый характер не только в могилах доскифского и скифского периодов (Мебельная фабрика-1, погр. 7; Бедык, Гижгид, Мукулан), но и в слоях поселений позволяет считать характерным украшением именно западного варианта кобанской культуры (*Козенкова*, 1998. С. 45, 46. Табл. XII: *34–38*; *Батчаев*, 1985. С. 10–12. Табл. 2: *2–4*; 3: *21, 22*). В кургане 17 имела место бронзовая литая привеска-лунница с петелькой для подвешивания (XXV тип, по Козенковой). Они появились в кобанской культуре в начале I тыс. до н. э., но большинство входило в комплексы VI в. до н. э. (Кисловодский, Каменномостский, Каррасский, Минералводский могильники), и датируются они, как и в Нартане, по скифским наконечникам стрел (*Батчаев*, 1985. Табл. 43: *42*; *Козенкова*, 1998. С. 47. Табл. XIII: *9–11*). Ближе всего по форме лунница из гробницы 1 Карраса. Об аналогиях бронзовой литой ажурной усеченно-цилиндрической привеске с боковой петелькой (XXVI тип, по Козенковой), входившей в комплекс того же кургана 17 (*Батчаев*, 1985. Табл. 43: *43*), упоминалось выше (*Скаков*, 2009. С. 164. Рис. 6: *1–10*). Можно добавить, что подобная привеска находилась также и в составе погребального инвентаря Бедыкского могильника с обрядом трупосожжения (*Батчаев*, 1985. С. 10–11. Табл. 3: *19*). В кургане 3 VI–V вв. до н. э. найден фрагмент кобанской зооморфной привески в виде птички с петлей. Таким привескам имеются аналогии в коллекции Зичи из балкарских ущелий и в Клин-ярском-3 могильнике (*Батчаев*, 1985. Табл. 14: *16*; *Скаков*, 2009. Рис. 6: *26*).

Древности Нартанского могильника содержат стержневидные булавки из бронзы, железа и кости. Они представлены двумя типами. Один из типов – бронзовые и железные булавки с навершием в виде петельки-трубочки (VI тип, 1 и 2 варианты, по Козенковой). Первый вариант этого типа – железные булавки с гладким стержнем в кург. 7, и второй вариант – с витым стержнем в кург. 18 (рис. 3: *39, 40*), формально не относят-

ся к этноопределяющим признакам, поскольку широко известны в других культурах Кавказа. Но в данном контексте они кобанские, поскольку бронзовые экземпляры отлиты либо из чистой меди, как ситула, либо из оловянисто-свинцового сплава, которые характерны для других собственно кобанских бронзовых изделий (*Барцева*, 1985. С. 124). Булавки VI типа известны во многих могильниках ареала кобанской культуры еще с доскифского периода (Терезе, Заюковский-1, Заюковский-3, погр. 28; Кисловодский, Белореченский-2, погр. 7, 9, 24; Мебельная фабрика, погр. 13, 18, 29, 47, 48). Известны они и в скифское время в Кызыл-Калинском, Минералводском (погр. 12, 22), Комаровском (погр. 5, 8) и Нижне-Джулатском (погр. 84, 91) могильниках (*Козенкова*, 1998. С. 65–66. Табл. XXI: *15–21*; *Абрамова*, 1974. Рис. 1: *25*; 2: *28*; 6: *10, 27*; *Кадиева и др.*, 2020. С. 167. Рис. 1).

Другой тип, наиболее многочисленный (кург. 1, 5–7, 10, 15, 17), – это бронзовые, железные и одна костяная (погр. 5) стержневидные булавки с расширением в верхней части и отверстием под ним (рис. 3: *38*). Верхушка украшена нарезкой фигурными округлыми («бусинными», по Барцевой) утолщениями (XVII тип, по Козенковой). Наиболее сходны с нартанскими булавки из погр. 1, 6 Султангорского-3 и из погр. 91 Нижнечегемского могильников (*Козенкова*, 1998. С. 68–69. Табл. XXIII: *4, 5*; *Абрамова*, 1974. Рис. 6: *28*; *Членова*, 1984. С. 237–239. Рис. 2: *7, 17*). Булавки XVII типа использовались в одежде единично или попарно, скрепленные бронзовой цепочкой. Второй способ по истокам не кобанский, о чем будет сказано ниже. Но по рецептуре металла бронзовых экземпляров они все оловянистые и оловянисто-свинцовые, то есть местного кобанского производства (*Барцева*, 1985. С. 124).

К кобанским признакам в древностях Нартана относится 21 браслет (кург. 2, 5–10, 17). Большинство из них бронзовые, один серебряный (кург. 7) и один железный (кург. 6). Представлено четыре типа, известных в местных западнокобанских памятниках VII–V вв. до н. э. К первому типу, 2 варианта, по Козенковой, принадлежит бронзовый спиралевидный браслет из кург. 9 (*Батчаев*, 1985. Табл. 27: *24*). Близкие спиралевидные браслеты известны в погребении (т. н. у пруда) Исправненского могильника и в разрушенном погребении в Теберде (*Козенкова*, 1998. С. 52. Табл. XVI: *1а*).

Самый многочисленный – тип XIII (рис. 3: *30*). Он характеризуется тем, что концы таких браслетов раскованы в расширенную лопаточку и украшены насечкой в виде точек, крестов и поперечных черточек (кург. 6, 8, 10); некоторые из них витые (кург. 7). Аналогии им имеются в позднекобанских могильниках, например, в Султангорском-1, Султангорском-2, Бедыкском и Комаровском (погр. 10) (*Козенкова*, 1998. С. 54, 137–139. Табл. 7; XVII: *4, 6, 8*; *Абрамова*, 1974. Рис. 1: *29*). К бронзовым браслетам относится также тип XXIV. Они изготовлены из тонкого гладкого прута, круглого в сечении. Концы имеют оформление в виде конусов, как витой браслет из погр. 10 (*Батчаев*, 1985. Табл. 29: *9*), или шарика на одном из концов, как в кург. 17 (*Батчаев*, 1985. Табл. 43: *33*). Близкие экземпляры имели место в синхронных могилах западного варианта культуры, например, в погр. 7 Клин-ярского-2, в погр. 7 Белореченского-1, погр. 6/11 Березовского-1 и Минералводском могильниках, а также в Карабашево (*Козенкова*, 1998. С. 56, 137–139. Табл. 7; XVIII: *5–7*). Фрагмент железного браслета из кург. 6 (*Батчаев*, 1985. Табл. 21: *12*) может быть условно отнесен к XXI типу (*Козенкова*, 1998. Табл. XVII: *19*). Железные браслеты редки в памятниках западного варианта. Один из них известен в погр. 12 Этокского могильника; фрагмент второго входил в состав инвентаря погр. 9 могильника Уллубаганалы-2. Значительно больше их в Луговом могильнике VI–IV вв. до н. э. восточного варианта (*Козенкова*, 1998. С. 55). По металлургическим рецептам металл браслетов оловянистый и оловянисто-свинцовый, что соответствует местным кобанским изделиям (*Барцева*, 1985. С. 124).

К собственно кобанским могут быть отнесены и подлинно синкретические изделия с изображениями, которые выполнены в кобанском варианте скифо-сибирского звериного стиля (*Виноградов*, 1976. С. 149). По мнению В. М. Батчаева, это изображения оленей на двух сосудах из кургана 4 (*Батчаев*, 1985. С. 50. Табл. 17). Остальные предметы из кости и бронзы (кург. 4, 6, 21, 24) исследователь отнес к подлинно скифо-сибирскому звериному стилю (*Батчаев*, 1985. С. 50). Можно согласиться с С. В. Махортых в том, что костяной наконечник ножен с изображением свернувшегося хищника (рис. 1: *19*) из кургана 21 является ярким произведением скифо-сибирского звериного стиля (*Махортых*, 1991. С. 94).

Однако остальные три костяных изделия, львиная головка и два зооморфных навершия (*Батчаев*, 1985. Табл. 16: *11*; 21: *23, 24*) имеют следы упрощенности и схематизации и не имеют прямых скифских аналогий (рис. 3: *45, 46*), но чрезвычайно близки по стилю костяной поделке в виде миниатюрного скипетра из погр. 3 Комаровского могильника, весьма близкого Нартану по погребальному инвентарю (*Абрамова*, 1974. С. 197. Рис. 2: *2*). К синкретическим вещам относится и черпачок (рис. 3: *47*) из оловянистой бронзы из ритуального комплекса кургана 9. В его форме органично сочетаются скифская полусферическая емкость и ручка с головкой хищника, выполненная в кобанском зверином стиле (*Батчаев*, 1985. Табл. 27: *22*; *Канторович, Маслов*, 2019. С. 89, 97. Рис. 1).

Таким образом, кобанский компонент в подавляющем числе признаков, по ареалу, по деталям погребального обряда, по вооружению, по предметам повседневного быта и деталям религиозного ритуала предстает полноценным объектом археологической культуры горцев. По хронологии – это поздний этап западнокобанского варианта середины VII – V в. до н. э.

По соотношению со скифскими, кобанских признаков в материальной культуре больше в четыре раза. Состав же элементов скифского компонента (некоторые черты обряда, особенности в обустройстве насыпей и могильных камер, вооружение и конское снаряжение, сходство некоторых черт ритуала) обусловлен, по нашей версии, двумя обстоятельствами. Первое обстоятельство – основная прижизненная деятельность захороненных, а именно военное ремесло. Второе, связанное с первым, – очевидная зависимость от политического доминирования скифского объединения, в которое, видимо, входили при жизни, на протяжении 200 лет, возможно, на правах найма, захороненные. Эта профессиональная зависимость и отразилась лишь в отдельных случаях в формальном слиянии некоторых черт погребального обряда. Например, земляной курган (скифская черта) и традиционная каменная выкладка местной культуры; большие ямы (местная черта) и столбовые конструкции (скифская черта); обряд кремации (местная черта) и вытянутая поза костяков в отдельных курганах (скифы); традиционные жертвенные плиты (рис. 3: *41*) и большие скифские жертвенные ножи (рис. 1: *34, 35*); а также появление в обиходе ряда синкретических предметов. Увеличение собственно скифских черт, в особенности при обустройстве могильных камер, также, по-видимому, отражало периоды разной, большей или меньшей, степени господствующего давления кочевников на протяжении двухсотлетнего разрастания могильника. При этом основа материальной культуры по преобладающим элементам сохранялась традиционной, то есть кобанской.

Чрезвычайно яркий инокультурный компонент древностей Нартанского могильника связан по происхождению с Передней Азией, Ближним Востоком и отчасти со Средиземноморьем (рис. 4: *1–34*). Имея древневосточные корни, к захороненным в нартанских курганах все эти примечательные вещи попали в результате контактов с Закавказьем (Колхидское царство, Урарту). Среди изделий много драгоценных и уникальных по форме. К таким предметам относятся в кургане 9 бронзовая пиксида и жертвенник в виде плоского блюда с невысокими закраинами и тремя ножками (рис. 4: *28, 33*). Треножник близко напоминает традиционные осетинские сакральные столики круглой формы на трех ножках. Однако специальное исследование З. Х. Албеговой и М. Шайблекер о происхождении трехногих столиков Северного Кавказа уводит их как атрибут культа (поклонение богам, поклонение предкам) в глубокую древность, эпоху средней и поздней бронзы, Ближнего Востока, Передней Азии и Закавказья (*Албегова (Царикаева), Шайблекер*, 2020. С. 72–75. Рис. 1; Нарты, 1957. С. 88. Илл.)

Оба предмета, особенно пиксида, не находят прямых аналогий в кавказских древностях. Цилиндрическая, с сакральными символами пиксида – это элемент, свойственный материальной культуре Эгейского бассейна (*Миллер*, 1927. С. 59–60). По металлу она имеет одинаковый со столиком химический состав меди, касающийся содержаний сурьмы, мышьяка и висмута. Это, по мнению Т. Б. Барцевой, позволяет относить оба артефакта к одному и тому же «своему центру производства», то есть импорту (*Барцева*, 1985. С. 125).

С Передней Азией и с древнесирийскими и древнефиникийскими стеклоделательными мастерскими связаны истоками многочисленные золотые и стеклянные бусы из Нартана (рис. 4: *13–20*).

С. В. Махортых проанализировал и привел аналогии золотым калачиковидным и другим более сложной формы серьгам из курганов 7, 9, 12 (рис. 4: *2–5*).

Особенно важна последняя, поскольку такую форму (*Батчаев*, 1985. Табл. 33: *27*) имеет серьга времен правления царя Ашшурбанипала (669 – ок. 633 гг. до н. э.) (*Махортых*, 1991. С. 76). Переднеазиатские истоки имеют золотые биконические серьги (рис. 4: *8*) из курганов 2 и 8 VI–V вв. до н. э. Они по конструкции напоминают серьги, изображенные на фигуре божества на рельефах дворца в Нимруде ассирийского царя Ашшурнасирапала II, но еще ближе изображение серьги у Синнахериба на барельефе во дворце 706 г. до н. э. в Хосрабаде (*Махортых*, 1991. С. 79; *Козенкова*, 2013. С. 44. Рис. 21: *13*). В погребении 2 вместе с серьгой находились два фрагмента золотой ленты, видимо, обруча-диадемы (рис. 4: *6*). Пластинчатые обручи известны в Передней Азии, например, из Зивие (*Галанина*, 1997. С. 134). Фрагменты ленты из Нартана имели ширину около 4 см и были украшены сложным тисненым орнаментом, в котором просматривалась голова зайца (*Батчаев*, 1985. Табл. 14: *12, 13*). Особо отмечу, что изображение зайца чрезвычайно редко для скифского звериного стиля Восточной Европы. По мнению А. Р. Канторовича, из почти 2500 известных экземпляров изображений других животных образ зайца представлен 26 раз и составляет не более 1 % среди остальных (*Канторович*, 2020. С. 229. Табл. 1), то есть этот образ не был типичен для скифского звериного стиля. Переднеазиатские истоки имеют также золотые тонкие дисковидные пластинки (рис. 4: *9, 22, 23, 25–27*), покрытые сложным тисненым орнаментом в виде шестиконечных звезд, крестов, четырехконечных розеток, иногда в сочетании со спиральным обрамлением в виде «бегущей волны» (*Батчаев*, 1985. Табл. 27: *23, 27*; 37: *13*; 39: *27*; 48: *54*). Л. К. Галанина близкие по форме и рисунку предметы из Келермесских курганов относит к украшениям фаларов на конской узде (*Галанина*, 1997. С. 121, 123. Рис. 28: *3*; 32: *12, 13*. Табл. 18: *кат. 115, 116*; 19: *кат. 129, 130*). С. В. Махортых, разделяя эту точку зрения, считает золотые пластинки с солярными знаками элементом конской сбруи (*Махортых*, 1991. С. 71). Они действительно схожи и несут сакральный смысл, но функционально они все же разные. Келермесские пластинки входили в состав узды и имели загнутые края, что свидетельствует об их скреплении с фалярами (*Галанина*, 1997. С. 121–122). Такая пластинка-накладка с закраинами в Нартанском могильнике всего одна. Она происходит из кургана 9 (*Батчаев*, 1985. С. 29. Табл. 27: *27*). Остальные нартанские пластинки таких закраин лишены. Они находились всегда с бытовыми вещами, составляя, видимо, убранство погребального костюма или покрывала. Особенно показательно в этом плане упомянутое выше раннее захоронение в кургане 20. По превалирующим категориям украшений и бытовых аксессуаров, а также по жертвенной плите оно принадлежало, скорее, вооруженной женщине. Среди вещей находились и четыре золотых пластинки указанного типа (*Батчаев*, 1985. С. 40–41). О том, что дисковидные пластинки с солярными знаками входили в убранство женского костюма, также свидетельствует состав вещей в погребении 4 Перкальского могильника. Женщина погребена скорченно на правом боку, головой на запад. Рядом стояла миниатюрная туалетная плошка, заполненная бусами таких же разновидностей, как в Нартане. В области пояса найдены четыре круглые тонкие пластинки с орнаментом: «Одна пара с одинаковым орнаментом, другая пара – иначе орнаментирована» (*Егоров*, 1955. С. 60). Особо отметим, что из 27 нартанских дисковидных пластинок ни одна не входила в комплекты конской упряжи. Две из них найдены в кургане 15 рядом с блюдом (рис. 3: *43*) жертвенного комплекса в ногах скорченного костяка в южной части камеры. Вблизи него, у юго-западной стены камеры, рядом с корчагами складированы кости первоначально погребенного (*Батчаев*, 1985. С. 36. Табл. 38: *3*).

К предметам переднеазиатского происхождения относились и золотые шлемовидные накладки из кургана 20 (рис. 4: *24*). Они, видимо, изготовлены местными мастерами, поскольку копируют упомянутые выше доскифские шлемовидные уздечные бляхи из могильника Терезе западного варианта кобанской культуры. Истоки происхождения из Передней Азии имеет упомянутая выше оригинальная золотая пластинка-накладка в виде хищника (льва, пантеры) из кургана 9 (рис. 4: *11*). Возможно, она также относилась к украшению уздечки, поскольку найдена рядом с дисковидной пластинкой с закраинами.

К переднеазиатскому инокультурному компоненту в древностях Нартанского могильника относились костяные, бронзовые и железные пластинки-чешуйки от пяти защитных панцирей (кург. 1, 4, 15, 16, 20) середины VII – V в. до н. э. (*Батчаев*, 1985. С. 48; *Черненко*, 1968. С. 27; *Горелик*, 1982. С. 95–97; *Махортых*, 1991. С. 64). Знакомство населения кобанской куль-

туры с чешуйчатыми панцирями ассирийского типа (рис. 4: *29, 30, 32, 34*) произошло значительно раньше, судя по находкам бронзовых пластинок в местных памятниках начала I тыс. до н. э., например, в Пседахском могильнике (1976–1977 гг.). Гораздо больше их оказалось в ареале западного варианта. Их местная разновидность в диапазоне от VIII до V в. до н. э. встречена в могильнике Индустрия-1, в каменном ящике у Кабан-горы в Кисловодске, также в могилах Кисловодского, Каменномостского, Заюковского, Клин-ярского-3 могильников (*Козенкова*, 1995. С. 95–96; 2013. С. 118–119; *Дударев*, 2011. С. 87; *Белинский, Дударев*, 2007. Рис. 11). Чешуйчатые панцири, как и биконические серьги, были приняты «кобанцами» в обиход и изготовлялись местными мастерами. Например, в Кисловодском могильнике оказались чешуйки, материалом для которых послужили фрагменты утилизированных бронзовых поясов с остатками изображений (*Козенкова*, 1995. С. 159. Табл. XXIV: *4*). Анализы металла нартанских бронзовых чешуек показали сложную картину. Из четырнадцати пластинок двенадцать оказались отлитыми из оловянистой, то есть местной бронзы. Но две пластинки – из сложного медно-оловянисто-свинцового сплава с добавкой мышьяка. Химический состав самой меди именно этих двух пластинок показал высокую концентрацию висмута. Имеются в их металле и другие особенности, что склоняет Т. Б. Барцеву относить панцири из Нартана к предметам импортного происхождения (*Барцева*, 1985. С. 121).

Инокультурный компонент из Закавказья (рис. 5: *I*) представлен в погребальном инвентаре Нартанского могильника достоверно лишь единичными категории вещей. Из закавказских памятников В. М. Батчаев привел аналогии крупному с четко прописанными очертаниями формы железному наконечнику копья из кургана 19 (*Батчаев*, 1985. С. 47. Табл. 46: *5*). Дополнительно укажу аналогию из раскопок Б. А. Куфтина 1939 г. могильника Бешташени, второй половины VII – VI в. до н. э. В каменном ящике 22 имелся массивный железный наконечник копья близких к нартанскому очертаний. В комплекс входили два наконечника стрел, костяной и бронзовый трехгранный, скифского типа (*Менабде, Давлианидзе*, 1968. С. 146. Табл. XII: *398, 399, 402*). Разделяю исчерпывающую характеристику и параллели из Закавказья, приведенные С. В. Махортых в отношении импортной золотой серьги в виде кольца с тремя свисающими стерженьками с шариками на концах, найденной в кургане 4. Она уточняет дату кургана V в. до н. э. (*Махортых*, 1991. С. 79. Рис. 29: *6*). Две разновидности этого типа серег – в виде серебряного кольца с одним свисающим стерженьком и с пятью витыми стерженьками – имели место в каменных ящиках 15 и 17 того же могильника Бешташени (*Менабде, Давлианидзе*, 1968. С. 145–146. Табл. XII: *379, 384*; *Козенкова*, 2013. С. 45. Рис. 21: *10–12*). Из синхронных закавказских памятников пришла в Нартан мода на застежки в виде пары стержневидных булавок, соединенных бронзовой цепочкой или колечком. Такая пара известна в могильнике Бешташени, в каменном ящике 39, и в погребении 146 могильника Камарахеви близ Мцхета Великая (*Менабде, Давлианидзе*, 1968. С. 148. Табл. XIV: *475*; *Джгаркава*, 1982. Рис. 1450; *Козенкова*, 2013. С. 56. Рис. 27: *15*). Как указывалось выше, такая застежка имела место в Султангорском-3 могильнике. Из новых находок таковы попарные булавки из бронзы и железа, скрепленные бронзовой цепочкой, которые имели место в западнокобанском могильнике VII–IV вв. до н. э. Верхний Куркужин в Кабардино-Балкарии (*Марченко, Котин*, 2020. С. 259). С Закавказьем связано появление в древностях Нартанского могильника кувшинов с шаровидным туловом, короткой шейкой, круглой в сечении ручкой и венчиком со сливом. Такие кувшины отмечены В. М. Батчаевым в курганах 11 и 20 середины – конца VII в. до н. э. (*Батчаев*, 1985. С. 46. Табл. 31: *1*; 48: *43*). Аналогии им В. Е. Маслов приводит из могильника Новозаведенное II. Истоки этой формы кувшинов исследователь предполагает в схожих по форме сосудах в памятниках доскифского времени на территории Азербайджана и Южного Дагестана. Данные кувшины из Нартанского могильника, по его мнению, «изготовлены кобанским населением Предкавказья, находившимся под властью скифов» (*Гей, Маслов*, 2011. С. 163. Рис. 2: *1, 2*).

К инокультурному компоненту в древностях Нартана из Прикубанья (рис. 5: *II*) можно условно отнести четыре категории вещей. Во-первых, это два железных меча длиной около 70 см, имевших сердцевидное перекрестие. Рукоять одного из них украшена геометрическим орнаментом и золотой обкладкой (кург. 16). Ближайшая параллель для них – железный меч или кинжал, длиной 69 см, из Келермесского могильника (*Галанина*, 1997. С. 88, 95, 222. Рис. 25. Табл. 12: *4*). В эту

же группу входит бронзовый шлем «кубанского» типа из кургана 20, имеющий прямые аналогии в том же могильнике (*Галанина*, 1997. С. 114. Табл. 14). Возможно, контактами с меотами Прикубанья обусловлено появление в курганах VI–V вв. до н. э. Нартанского могильника (кург. 5 и 8) железных длинновтульчатых трехлопастных наконечников стрел (*Махортых*, 1991. С. 51. Рис. 19: *6, 14*). Скорее всего, от традиционных идеологических воззрений местного населения Прикубанья был воспринят «кобанцами» Нартана сакральный смысл каменных галек (*Махортых*, 1991. С. 73; *Галанина*, 1997. С. 164).

Поволжско-сибирский инокультурный компонент (рис. 5: *III*) в древностях Нартанского могильника эпизодический. Он проглядывает в трех категориях предметов. В кургане 1 V в. до н. э. в колчанном наборе имелся редкий вариант нескольких бронзовых трехлопастных наконечников стрел с короткой втулкой. На одной из их лопастей имелся декор в виде рельефной змейки или зигзага. Этот узнаваемый элемент имеют аналогичные наконечники стрел в Блюменфельдском кургане А-12 середины VI – V в. до н. э. в Поволжье (*Смирнов*, 1964. С. 304. Рис. 11Б: *4*). В ареале кобанской культуры такой наконечник имел место в позднем слое скифского периода Серженьюртовского поселения восточного варианта (*Козенкова*, 1982а. С. 16. Табл. XI: *17*; 2001. С. 303–304. Рис. 85: *15*). В нартанском кургане 10 VII–VI вв. до н. э. при костяке лошади, среди узды, находились четыре дисковидные бляхи с резным ажурным краем и петлей на обороте (*Батчаев*, 1985. С. 30. Табл. 29: *17*). Форма их близка бляхам из Гижгида и из всаднического комплекса в Лайлаши. Но определенное сходство у них имеется с нагрудной бляхой из Старшего Ахмыловского могильника (погр. 1000), синхронного Нартану. Могила находилась в той части некрополя, где имелись погребения, в инвентаре которых проглядывали следы былых контактов с «кобанцами» (*Патрушев, Халиков*, 1982. С. 130. Табл. 137: *1б*; *Козенкова*, 2013. С. 38. Рис. 17: *2*). В эту группу может быть включено также упомянутое выше бронзовое зеркало с двойной центральной ручкой, тип которого, по мнению Т. Б. Барцевой, известен только в Сибири. Добавка сурьмы в его металле достигает двух процентов, что «образует вместе с оловом искусственный сплав, практически неизвестный для цветной металлообработки Северного Кавказа в скифское время» (*Барцева*, 1985. С. 122).

Проведенное сопоставление охарактеризованных выше разнокультурных компонентов в древностях Нартанского могильника, их соотношение между собой, убедительно показало в высокой степени преобладание кобанского компонента. Это позволяет выделить могильник в особую группу памятников традиционной собственно горской культуры. Остальные пять инокультурных групп, хотя и яркие, но обусловлены прижизненной либо военно-политической деятельностью захороненных, либо их территориально далекими контактами, в составе регионального кочевого скифского объединения на правах наемников. Сказанное согласуется с мнением В. Г. Петренко. Исследователь Краснознаменского скифского могильника пришла к выводу, что ближайшее окружение захороненного в главном кургане царя представляла родоплеменная аристократия и дружина. Последние, по мнению В. Г. Петренко, *«могли происходить из разных племен, включая даже не скифов»* (*Петренко,* 2006. С. 120. Курсив мой. – *В. К.*).

Выводы

Таким образом, анализ источника достаточно убедительно свидетельствует, что погребенные в курганах Нартанского могильника, входя при жизни в плотный контакт с собственно скифами, продолжали оставаться на протяжении 150–200 лет этническими «кобанцами». Это позволяет считать версию С. В. Махортых об особой самостоятельной группе смешанного этноса захороненных Нартана, по меньшей мере, дискуссионной (*Махортых*, 1991. С. 83, 108, 109, 113).

Нартанский могильник – не рядовое кладбище. Ценный погребальный инвентарь (вооружение, кони и их убранство, иноземные украшения, жертвенные комплексы) свидетельствует о погребениях в течение десятилетий представителей элитной воинской верхушки, одновременно совмещавших властные функции с жреческими. В. Б. Виноградов, анализируя материалы погребения в кургане 4 кочевнического могильника Гойты, привел убедительные доводы о захоронении там богатой женщины-всадницы (амазонки), бывшей одновременно жрицей. Основанием послужили драгоценные женские украшения и сакральные предметы, в том числе каменная плита-жертвенник. Исследователь особо подчеркивал, что жреческие функции у ряда народов были женским делом (*Виноградов*, 1972. С. 49–51).

Л. К. Галанина, упоминая о женщинах с оружием и конями в меотских могилах, также полагала, что каменные жертвенники – признак «преимущественно женских погребений» (*Галанина*, 1997. С. 104, 208). Обращение к нартанским материалам убедительно свидетельствует о близкой ситуации. В двенадцати курганах могильника при соблюдении кобанских традиций обнаружены жертвенные комплексы из каменных плиток и других атрибутов сакральных действий. Особо отметим, что к женской сфере религиозных церемоний, кроме каменных плиток, особой посуды, кучек галек и реальгара, относились также и наборы из раковин каури (*Cypraea moneta*). Они имели место в шести курганах (кург. 13–17, 19). Причем в ряде случаев их насчитывалось от 20 до 110 экземпляров (кург. 13). Общеизвестно, что каури, наряду с большим числом богатейших наборов бус для женских ожерелий (от 30 до 212 экз.), относились к категориям предметов, которые у многих древних народов мира имели лечебное и охранительное значение. Даже если это был не полный церемониальный сакральный набор вещей, как в кургане 9, в остальных он присутствовал либо в виде жертвенного ножа и раковин каури (кург. 5); либо костяной ритуальной ложки, реальгара и угля (кург. 6); либо в виде черепа быка и астрагалов для гаданий (кург. 8), либо бронзового ритуального блюда (кург. 22). Выше особо указывалось на многие женские признаки погребального инвентаря нартанских древностей. Совершенно очевидно, что знатные особы, выполнявшие при жизни жреческие функции, будучи одновременно и вооруженными всадниками, были захоронены с женскими украшениями и женскими бытовыми вещами (золотые накладки и серьги, остатки золотого венца, обилие ожерелий из разнообразных бус, зеркала, кобанские привески, пряслица, иглы). Косвенным свидетельством того, что речь идет о женщинах, может быть также необычный факт полного отсутствия в курганах Нартана такого мужского оружия, как кинжал-акинак. Экипированное панцирями и шлемами, вооруженное стрелами, копьями и длинными мечами, это воинское содружество (или дружина) вполне резонно принимало участие лишь в дальнем бою и не вступало с противником в ближний бой по своим более слабым физическим данным. Акинак мог быть чужд кобанским «амазонкам» и по религиозным убеждениям, поскольку у чуждых им скифов он олицетворял бога войны. А это было именно для жриц, видимо, несовместимо с их традиционными религиозными канонами. Все сказанное красноречиво свидетельствует, что Нартанский могильник – это место упокоения вооруженных женщин-горянок, посвятивших себя воинскому ремеслу и религии. И не только этому. Становится логичным безбоязненное сооружение курганов самых ранних богатых захоронений жриц вблизи гор. Они были под охраной «своих». Вышеуказанные признаки культуры в близких к предгорьям кобанских Комаровского и Перкальского могильников показывают, как много у них общего с материалами Нартана. Будучи по этносу местными, но вовлеченными в тесные взаимоотношения с господствующей верхушкой скифов, нартанские «амазонки» могли выполнять и посреднические функции в условиях вооруженного нейтралитета (*Козенкова*, 2018. С. 307–309).

Существование в I тыс. до н. э. в местном кавказском сообществе женщин-воительниц допускает и С. В. Махортых. К приведенным исследователем археологическим сведениям, в частности, о кобанском Каменномостском могильнике (*Махортых*, 1991. С. 109), можно указать два женских погребения с оружием первой половины VII в. до н. э. из Серженьюртовского могильника восточного варианта культуры (*Козенкова*, 2002. С. 229–230. Табл. 74, 75). О храбрых воительницах-горянках повествуют легенды Нартского эпоса. Вот отрывки из красочного описания подготовки к битве дружины дочери нарта Даргавсара:

И вот тогда для девушек квартала
Дочь Даргавсара всех коней скликала
В лес войско девичье взяла с собой
…….
Не уступая воинам в упорстве,
Стрела и меч знакомы девам стали,
Из лука все без промаха стреляли.
……
Кольчуги укрепили как мужчины;
Любуясь синевой мечей старинных.
(Нарты, 1957. С. 39–40).

Нартанский могильник разрастался на протяжении почти двух веков, по мере ухода в мир иной очередной особы вождеского и жреческого статуса. На смену им приходили военачальницы и жрицы других поколений. Они несли свои обязанности, и по смерти им возводились родичами,

в том же месте, следующие курганы. Если они умирали на чужой стороне, каждой из них сооружался кенотаф. По погребальному инвентарю прослеживается, как менялась пышная жизнь захороненных в ранних курганах, и как она пришла к постепенному угасанию роли и статуса этой дружины кавказских соратниц к середине V в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П., 1974. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. № 2. С. 195–212.

Абрамова М. П., 1990. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV–III вв. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: ИА АН СССР. С. 116–119.

Абрамова М. П., Козенкова В. И., 1985. Предисловие // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. / Отв. ред.: М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. Т. 2. Нальчик: Эльбрус. С. 4–6.

Албегова (Царикаева) З. Х., Шайблекер М., 2020. К вопросу о происхождении трехногих столиков Кавказа // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения / Отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: Мавраевъ. С. 72–75.

Барцева Т. Б., 1985. Химический состав цветного металла из курганного могильника у сел. Нартан (по данным спектрального анализа) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. / Отв. ред.: М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. Т. 2. Нальчик: Эльбрус. С. 116–134.

Батчаев В. М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. / Отв. ред.: М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. Т. 2. Нальчик: Эльбрус. С. 7–115.

Белинский А. Б., Дударев С. Л., 2007. К датировке комплексов позднейшего предскифского времени Северного Кавказа и Восточной Европы // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Отв. ред. А. Б. Белинский. Вып. VII. М.: Памятники исторической мысли. С. 122–134.

Виноградов В. Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во. 389 с.

Виноградов В. Б., 1976. К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 147–152.

Виноградов В. Б., Рунич А. П., 1969. Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник / Отв. ред. В. Б. Виноградов. Т. 3. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во. С. 98–117.

Галанина Л. К., 1997. Келермесские курганы. М.: Палеограф. 279 с. (Степные народы Евразии; Т. I.)

Гей И. А., Маслов В. Е., 2011. К вопросу о происхождении кувшинов со сливами в памятниках раннескифского времени Центрального Предкавказья // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный; М.: ИА РАН. С. 156–167.

Горелик М. В., 1982. Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени // ВДИ. № 3 (161). С. 90–106.

Джгаркава Т., 1982. Камарахевский могильник. Каталог // Мцхета. Результаты археологических исследований. Т. VI. Тбилиси: Мецниереба. С. 139-190. (На груз. яз; резюме на рус. яз.)

Дударев С. Л., 2011. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии// Сборник научных работ С. Л. Дударева. М.: Илекса. С. 85–99.

Егоров Н. М., 1955. Могильник скифского времени близ г. Минеральные воды // КСИИМК. Вып. 58. С. 53–62.

Иессен А. А., 1940. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа // Иессен А. А., Пиотровский Б. Б. Моздокский могильник. Л.: 4-я типография Ленпартиздата. С. 22–53. (Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа; Вып. 1.)

Ильинская В. А., Мозолевский Б. И., Тереножкин А. И., 1980. Курганы VI в. до н. э. у сел. Матусов // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 31–63.

Кадиева А. А., Вальчак С. В., Демиденко С. В., 2020. Мужские погребения предскифского времени в могильнике Заюково-3 // КСИА. Вып. 258. С. 165–180.

Кадиева А. А., Маслов В. Е., Биркина Н. А., Демиденко С. В., 2019. Погребение конца VII – V в. до н. э. из могильника Заюково-3 // Scythia et Sarmatia / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС Пресс. С. 79–88.

Канторович А. Р., 2020. Скифский звериный стиль Восточной Европы: статистика образов и мотивов в свете новых открытий // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения / Отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: Мавраевъ. С. 229–231.

Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2019. Бронзовый черпак из могильника Новозаведенное-III на Ставрополье // Scythia et Sarmatia / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС Пресс. С. 89–98.

Козенкова В. И., 1977. Кобанская культура. Восточный вариант. М.: Наука. 86 с. (САИ; Вып. В2-5.)

Козенкова В. И., 1982а. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука. 176 с. (САИ; Вып. В2-5.)

Козенкова В. И., 1982б. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. № 3. С. 14–34.

Козенкова В. И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука. 196 с. (САИ; Вып. В2-6.)

Козенкова В. И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). М.: ИИЦ «ТИМР». 166 с. (САИ; Вып. В2-5. Т. 4.)

Козенкова В. И., 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Пущин. науч. центр РАН. 167 с.

Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ; Вып. В2-5. Т. 5.)

Козенкова В. И., 2001. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука. 196 с.

Козенкова В. И., 2002. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М.: Памятники исторической мысли. 232 с. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа; Вып. III.)

Козенкова В. И., 2013. Кобанская культура и окружающий мир. М.: Таус. 173 с.

Козенкова В. И., 2017. Специфика духовного мира кобанских племен. М.: ИА РАН. 112 с.

Козенкова В. И., 2018. Заметки о некоторых аспектах и векторе развития кобано-скифских взаимоотношений // Археологические вести. Вып. 24. С. 290–309.

Крупнов Е. И., 1951. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 17–74. (МИА; № 23.)

Кузнецова Т. М., 1991. Этюды по скифской истории. М.: ИА АН СССР. 152 с.

Марковин В. И., 1965. Скифские курганы у сел. Гойты (Чечено-Ингушетия) // СА. № 2. С. 160–173.

Марченко Ю. В., Котин М. А., 2020. Элементы кобанского погребального костюма по материалам могильника Верхний Куркужин (Кабардино-Балкарская республика) // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения / Отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: Мавраевъ. С. 257–259.

Маслов В. Е., 2006. Глиняная посуда Краснознаменского могильника // Петренко В. Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо: Палеограф. С. 87–92. (Степные народы Евразии; Т. III.)

Махортых С. В., 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка. 132 с.

Менабде М. В., Давлианидзе Ц. О., 1968. Могильники Триалети. Каталог. Т. I. Тбилиси: Мецниереба. 151 с. (На груз. яз., резюме на рус. яз.)

Миллер А. А., 1927. Древние формы в материальной культуре современного Дагестана // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 1. Л.: Издание Гос. Русского музея. С. 15–76.

Мошинский А. П., 2006. Древности горной Дигории VII–IV вв. до н. э. М.: Изд-во ГИМ. 208 с. (Труды ГИМ; Вып. 154.)

Мунчаев Р. М., 1961. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии // КСИИМК. Вып. 84. С. 56–62.

Мунчаев Р. М., 1963. Луговой могильник // Древности Чечено-Ингушетии / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 139–211.

Нарты. Эпос осетинского народа. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 402 с.

Патрушев В. С., Халиков А. Х., 1982. Волжские ананьинцы. М.: Наука. 280 с.

Петренко В. Г., 1989. Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука. С. 216–220. (Археология СССР.)

Петренко В. Г., 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо: Палеограф. 309 с. (Степные народы Евразии; Т. III.)

Скаков А. Ю., 2009. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. Вып. 223. С. 143–172.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. М.: Наука. 379 с.

Техов Б. В., 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука. 214 с.

Техов Б. В., 1981. Тлийский могильник. Каталог. Т. II. Тбилиси: Мецниереба. 136 с.

Техов Б. В., 1985. Тлийский могильник. Каталог. Т. III. Тбилиси: Мецниереба. 220 с.

Техов Б. В., 2002. Тайны древних погребений. Археология. История. Этнография. Владикавказ: Проект-Пресс. 512 с.

Черненко Е. В., 1968. Скифский доспех. Киев: Наукова думка. 191 с.

Членова Н. Л., 1984. Могильник VI в. до н. э. Султан-гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Отв. ред.: А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М.: Наука. С. 231–241.

V. I. Kozenkova

RELATION OF FOREIGN CULTURAL COMPONENTS IN THE ANTIQUITIES OF THE NARTAN BURIAL GROUND (NORTH CAUCASUS)

Summary. This article presents an alternative view of the attribution of the material culture of the Nartan burial ground to the nomadic culture of the Scythians of the Central Ciscaucasia. The mixed character of the antiquities of the site shows a more complex picture. On the basis of the newly analyzed data of the archaeological source publication (*Батчаев*, 1985), at least six foreign cultural groups were identified: Scythian, Koban, Near Eastern, Transcaucasian, Kuban and Volga-Siberian. The aim of the article is to trace exhaustively the correlation of those groups for the first time on the basis of available data on the environmental conditions, funeral rites and grave goods, and determine their predominance. Several newly details of funeral rite (bone depositories) and the total number of the material culture categories show a fourfold predominance of the Koban component compared to the Scythian. For the other groups, only traces of contacts are noted (рис. 1-5). The article substantiates that the Nartan burial ground belongs to a special group of piedmont sites of the local Late Koban culture of the middle 7th – 5th centuries BC. Over 200 years (8 generations), each barrow was intended for burial only of high-ranking women with weapons ("Amazons"), ethnic mountain girls. The rich burial inventory testifies to the fact that the women belonged to the leader of the clan and priestesses in one person. The Scythian component in the antiquities of the Nartan burial ground only marked their martial occupation within the ruling regional nomadic community, most probably, as mercenaries. Hence, the antiquities of the graves have few foreign objects. The location of the cemetery, close to wooded foothills, proves that these female warriors were "insiders" for the mountain community, and they could also fulfil intermediary functions between the two ethnic groups in terms of armed neutrality.

Keywords: Central Ciscaucasia, component, Scythes, Koban culture, ethnic mountain women, chiefs and priestesses, Amazons, mercenaries, mediation.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.111-124

А. А. Кадиева
Государственный исторический музей, Москва

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ БАКСАНСКОГО УЩЕЛЬЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3)*

Резюме. На могильнике Заюково-3 на сегодняшний день изучено 53 погребения предскифской эпохи. Эти погребения расположены рядами по линии северо-запад – юго-восток. Преобладающим способом захоронения является погребение в вытянутом положении в грунтовой яме или яме с каменной обкладкой. Также прослежены скорченные погребения. В инвентаре скорченных погребений встречаются предметы скифской эпохи. Большинство захоронений женские и детские, что объясняется характером исследованного участка. Инвентарь женских погребений представлен богатыми нагрудными уборами из бронзовых блях, гривен и ожерелий из многочисленных подвесок. В погребениях двух мальчиков-подростков были обнаружены диадемы. Погребальный обряд могильника Заюково-3 свидетельствует о принадлежности населения Баксанского ущелья предскифского времени к контактной зоне западной и центральной кобанских культур.

Ключевые слова: погребальный обряд, Северный Кавказ, предскифская эпоха, ранний железный век, Баксанское ущелье, западная кобанская культура, могильник Заюково-3.

Последние три десятилетия перед исследователями-кавказоведами весьма остро стоит вопрос уточнения археологической терминологии, относящейся к населению центральных районов Северного Кавказа эпохи раннего железного века. В. И. Козенкова в своих фундаментальных работах развивает теорию Е. И. Крупнова о выделении кобанской археологической культуры и разделении ее на три локальных варианта (западный, центральный и восточный) (*Козенкова*, 1982; 1989; 1998). Однако все чаще археологи ставят вопрос о поднятии уровня таксона, объединяющего кобанские древности. В. Б. Ковалевская стала одним из первых специалистов, заявивших о том, что мы имеем дело не с культурой, а с культурно-исторической общностью (*Ковалевская*, 1995. С. 111). Исследовательница предложила разделить кобанскую культуру на три культуры по хронологическим изменениям. Параллельно с ней к выводу о рассмотрении кобанской культуры в качестве явления более высокого ранга пришли Я. Б. Березин и С. Л. Дударев, выдвинув тезис о кобанской культурно-исторической общности как системе самостоятельных культур, которые объединяют общие элементы, связываемые исследователями с неоднократными миграциями горных племен из ущелий центральной части Кавказа (*Березин, Дударев*, 1998. С. 181–182). Новые культуры вышеупомянутые ученые выделяли на основе территориальных различий. На сегодняшний день наиболее полно и радикально об уровне «кобанских» таксонов высказались А. П. Мошинский и А. Ю. Скаков, выделившие кобано-колхидскую культурно-историческую общность, а в ее рамках – совокупности культур колхидской и кобанской культурно-исторических областей. Последняя, по мнению исследователей, охватывает восточную, центральную, южную и западную

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00108)

кобанские культуры (*Мошинский, Скаков*, 2008. С. 29). И хотя взгляды этих двух авторов изложены лишь в тезисной форме, на данный момент они представляют наиболее рабочую схему представлений о материальной культуре горцев центральных районов Северного Кавказа в позднем бронзовом – раннем железном веке[1].

В. Б. Ковалевская в свое время указала на методологические изъяны в выявлении различных уровней терминов, связанных с кобанскими древностями. Это недостаточная ясность в выделении критериев сходства и различия, отсутствие карт распространения признаков, рассматриваемых как дифференцирующие, и рассмотрение локальных признаков без учета хронологических (*Ковалевская*, 2005. С. 9, 44, 46).

Остановка теоретических разработок в «кобанском вопросе» связана в том числе с медленным накоплением пригодного для репрезентативного анализа материала, а именно могильников, раскопанных широкими площадями. В последние два десятилетия в научный оборот введены всего два таких памятника, находящихся на территории Кисловодской котловины. Это могильники Белореченский-2 (*Дударев*, 2004) и Клин-Яр III (*Белинский, Дударев*, 2015).

Постепенно публикуются и материалы могильника Заюково-3 (Баксанский район Кабардино-Балкарской республики).

Бассейн реки Баксан большинством кавказоведов – специалистов по эпохе поздней бронзы – раннего железа считается контактной зоной между центральным и западным вариантами кобанской культуры по В. И. Козенковой (*Козенкова*, 1981. С. 34) или центральной и западной кобанскими археологическими культурами. А. П. Мошинский и А. Ю. Скаков подкрепляют эту точку зрения географическим фактором, поскольку между Баксанским и Чегемским ущельями (последнее относится уже к центральной кобанской культуре) существует удобное сообщение вдоль реки Кестанты через перевал Голугарде (*Мошинский, Скаков*, 2000. С. 208). Поэтому изучение особенностей древностей именно этого региона с точки зрения выявления взаимовлияния западной и центральной кобанской культур представляется весьма перспективным.

Вниманию читателя предлагается анализ погребального обряда, прослеженного на могильнике Заюково-3 для комплексов предскифского времени. Под этим периодом для исследуемого некрополя подразумевается временной промежуток между второй половиной VIII в. и серединой VII в. до н. э.

За шесть лет раскопок было обнаружено 53 погребения этой эпохи. Это составляет почти третью часть от всех погребений могильника, общая датировка которого охватывает период с VIII в. до н. э. по VII в. н. э. На протяжении полутора тысяч лет памятник функционировал либо непрерывно, либо с относительно непродолжительными хиатусами. В первые десятилетия XXI в. некрополь подвергся масштабному и планомерному разграблению, в результате которого центральная часть могильника, содержащая воинские погребения предскифского времени, была полностью уничтожена. Раскопки проводились на неграбленой части могильника, однако там многие погребения первого этапа функционирования памятника были разрушены последующими захоронениями.

На исследованном участке выявлены преимущественно женские и детские захоронения. Погребения взрослых мужчин редки, и лишь одно из них принадлежит воину.

Могильник расположен на высоком скальном мысу у слияния рек Баксан и Гунделен на высоте 900–1000 м над уровнем моря. Территория, занятая некрополем, возвышается над общим уровнем плато и, вероятно, сформировалась в результате слияния многочисленных могильных насыпей. С запада погребальное поле ограничено обрывом, с востока слой, содержащий погребения, постепенно сходит на нет и ограничивается выходами скальной породы. Северная и южная границы могильника пока до конца не ясны. Площадь раскопа, содержащая погребения предскифского времени, составляет 357 м².

В расположении погребений прослеживается рядность. По состоянию на сегодняшний день удалось проследить три ряда, расположенных по линии северо-запад – юго-восток (рис. 1). При этом западный ряд содержит довольно редко расположенные погребения, что, вероятно, связано с близостью обрыва. Самый

[1] Если основания для выделения восточной, центральной и западной культур понятны – это механическое поднятие терминологического уровня вариантов кобанской культуры, критерии выделения которых подробно описаны В. И. Козенковой, то отделение южной кобанской культуры от центральной пока вызывает вопросы. Поэтому в предлагаемой вниманию читателя статье Тлийский могильник рассматривается в рамках центральной кобанской культуры.

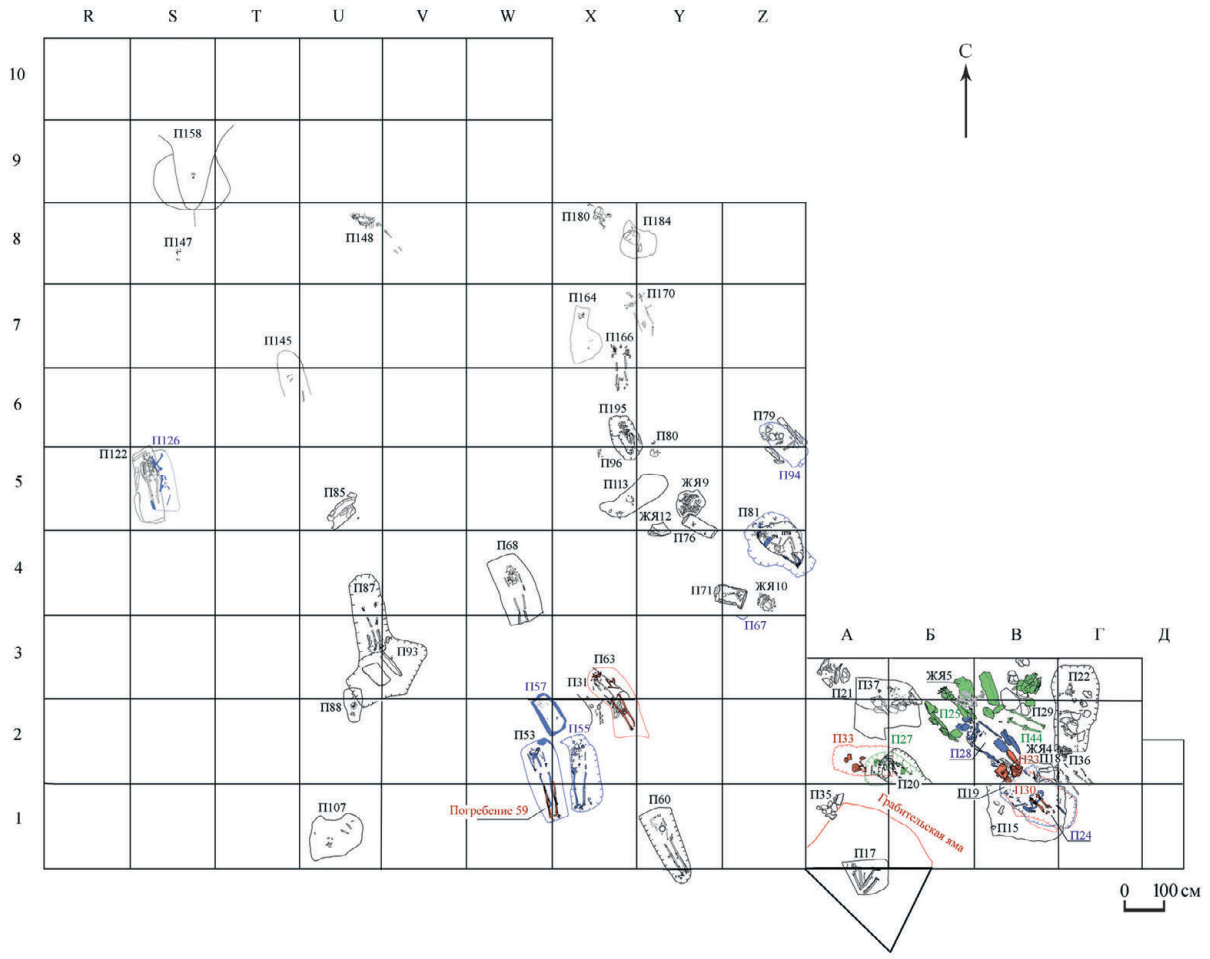


Рис. 1. Могильник Заюково-3. Общий план погребений VIII–VII вв. до н. э.

насыщенный погребениями участок – юго-восточный. Здесь более ранние погребения часто оказываются нарушенными более поздними, а дно последующего погребения оказывается перекрытием предыдущего.

Складывается впечатление, что центральный ряд являлся элитным участком. Именно здесь расположены четыре (три женских (53, 55, 68) и одно мужское (60)) непотревоженных погребения с богатыми бронзовыми уборами у женщин и булавой и колчаном со стрелами у мужчины (*Кадиева и др.*, 2020б). В этом же ряду, в шести метрах к северу от погребения 68, располагается погребение 148, принадлежащее совсем юной девушке, также захороненной в представительном бронзовом уборе (*Кадиева и др.*, 2020г). Однако отдельные элитные погребения встречаются и на других участках.

Подавляющее большинство погребений могильника представляет собой грунтовую яму (37 погребений). Из-за гомогенности слоя, в котором отрывались ямы, их форма прослеживалась лишь в отдельных случаях. Одиннадцать захоронений имели прямоугольную форму, три – овальную (рис. 3: *1*).

В восьми случаях ямы перекрывались каменным закладом, в пяти случаях из них заклад включал в себя окатанные камни, еще в одном случае крупный окатанный камень лежал непосредственно на костяке погребенного. Ближайшая река Гунделен расположена в двухстах метрах под плато, на котором находится могильник. Доставка окатанных камней была весьма трудоемким делом и очевидно преследовала обрядовые цели. Следует подчеркнуть, что в скифское время наличие окатанных камней в закладе не отмечено. В одном случае (погребение 17) непосредственно на костяке погребенного лежала половина крупного окатанного камня, перекрывающего почти половину скелета.

Девять погребений представляют собой ямы с частичной каменной обкладкой, в четырех случаях они имеют прямоугольную форму (рис. 2: *2*), в двух – овальную. Обкладка представляла собой как вертикальные каменные плиты, облицовывающие короткие и длинные стенки погребения, так и небольшие камни по периметру погребения. Важно отметить, что известняк, подходящий для вытесывания плит, в непосредственной близости от могильника отсутствует – плиты для сооружения захоронений привозились на могильник с высоких скал, находящихся на расстоянии около километра от некрополя. В связи с этим можно предположить, что ямы с частичной каменной обкладкой конструктивно тоже являлись ящиками из камней и дерева. Обкладка могил досками известна в погребальном обряде центральной (*Техов*, 2002. С. 71) и западной (*Дударев*, 2004. С. 36; *Белинский, Дударев*, 2015. С. 267) кобанских культур.

В пяти случаях такие ямы были перекрыты каменным закладом (рис. 2: *1*), дважды под закладом было обнаружено перекрытие погребения из разложившихся известняковых плит.

Шесть погребений представляли собой каменные ящики прямоугольной формы (рис. 3: *3*), в двух из них выявлено перекрытие из известняковых плит (рис. 3: *2*).

В большинстве случаев (28) погребения индивидуальны. В это число включены и те захоронения (в основном детские), где кости полностью истлели. В семи случаях в одном погребении было обнаружено два костяка, два погребения содержали останки трех погребенных. В обоих тройных захоронениях погребения осуществлены последовательно. Каждое новое захоронение осуществлялось либо поверх прежнего погребенного, либо со смещением его костей (рис. 3: *1*). Такая же ситуация характерна и для парных погребений – в большинстве из них второй погребенный сохранился лишь частично. Лишь в погребении 36 мы наблюдаем одновременное практически не нарушенное парное захоронение (рис. 4: *1*).

Большинство погребенных (в тех случаях, когда поза с различной долей уверенности могла быть определена) захоронено вытянуто на спине (20 погребенных). В этой позе хоронили как мужчин, так и женщин. Вытянутых погребенных хоронили в грунтовых ямах или в ямах с каменной обкладкой, но никогда в каменных ящиках.

Скорченное положение удалось проследить у двенадцати погребенных. На правом боку было захоронено девять человек (как мужчины, так и женщины), на левом – трое, все женского пола. В скорченном положении погребенных хоронили во всех трех видах погребальных сооружений, выявленных на могильнике.

В десяти случаях зафиксировано постпогребальное разрушение костяка. Выделение этого обычая затруднено, поскольку многие погребения могильника были нарушены позднейшими перекопами, не преследующими культовых целей. В связи с этим постпогребальное разрушение декларировалось только при условии, когда над захоронением сохранялся заклад, либо, при коллективном погребении, – другие костяки.

Большая часть разрушенных захоронений приходится на восточный участок. На западе зафиксировано всего два таких случая, оба в коллективных погребениях.

Иллюстрацией первого варианта может служить погребение 19. Погребение было осуществлено в яме с облицовкой противоположных стен тонкими известняковыми плитками (*Кадиева и др.*, 2020в. С. 167). Захоронение содержало разрозненные кости подростка (юноши), а также бронзовые фибулу и диадему. В этом случае нельзя полностью исключить древнее ограбление. Но против этого предположения говорят оставшиеся в погребении крупные вещи хорошей сохранности, а также сохранившийся заклад именно над верхней частью погребения, где обычно концентрировался инвентарь.

Для второго варианта показательны погребение 28 (рис. 4: *2*), где на груди основного погребенного лежали кости ног другого человека, между которыми находились гривна, пронизь и браслет, а также погребение 87, содержащее три костяка, лежащих слоями, из которых разрушению подвергся верхний.

Большинство погребенных ориентировано головами в северо-западный и западный сектор. Семь погребений расположено по линии север – юг. Такая ориентировка обращала покойных лицом к реке Баксан.

Картина половозрастного состава обусловлена исследованным участком раскопа, большая часть захороненных на котором являлась женщинами и детьми. Из всего массива захоронений мужчинам принадлежат только девять, при этом лишь пятеро из погребенных в них взрослые, а к воинским погребениям относится всего одно.

Женских костяков обнаружено 35. Из них 29 погребенных являются взрослыми женщи-

1

2

3

Рис. 2. Погребение 122: *1* – каменный заклад; *2* – скелет погребенной;
3 – каменная плитка под головой погребенной

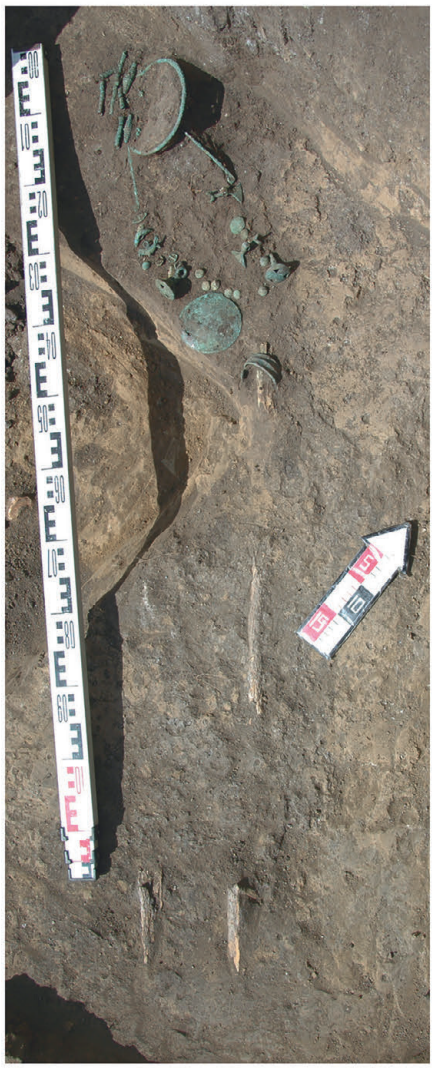
Рис. 3. 1 – погребение 87; *2* – погребение 25, перекрытие погребения, *3* – скелет погребенной

нами, а шесть – девочками, возраст которых от младенческого до 10–12 лет. Антропологическое исследование материалов Заюково-3 пока еще не проведено, поэтому пол и возраст приводятся по полевым определениям. Однако уже сейчас можно сделать вывод, что подростковая инициация, связанная с переходом во взрослую возрастную группу, в обществе, оставившем могильник, проводилась над подростками 13–15 лет, о чем будет подробнее сказано ниже. Таким образом, при подсчетах подростки включались во взрослую группу, если не было свидетельств их принадлежности к детской.

Детских захоронений обнаружено десять, из которых четыре принадлежали мальчикам, шесть – девочкам.

1

2



3

4

Рис. 4. 1 – парное погребение 36; *2* – погребение 28, кости погребенного 1 на груди погребенного 2; *3* – погребение 148; *4* – погребение 81

Детские погребения отличались от взрослых количеством инвентаря: он был гораздо более беден и менее разнообразен по категориям. Как правило, в погребения девочек помещали небольшое ожерелье из нескольких бронзовых бусин или бляшек с пронизями. Исключение составляют подростки обоих полов, по всей видимости, находящиеся на грани перехода во взрослую возрастную категорию либо уже перешедшие туда. Так, юная девушка из погребения 148 (15–16 лет) была похоронена в гривне, ожерелье и головном уборе, украшенном бронзовыми пронизями (рис. 4: *3*) (*Кадиева и др.*, 2020г).

Наиболее показательным примером является погребение 81, принадлежавшее мальчику 11–12 лет. Ребенок был захоронен с диадемой и бронзовым поясом. Его шею украшали гривна и ожерелье из бронзовых подвесок, в составе которого были миниатюрные изображения топора и кинжала. В женских ожерельях могильника Заюково-3 подобные украшения не встречаются. Вероятно, мальчик еще не прошел воинскую инициацию и не получил взрослого оружия, которое символически заменили амулеты (рис. 4: *4*).

Редко встречаемой деталью погребального обряда является размещение известняковой плитки под головой погребенного. Эта черта зафиксирована дважды: в погребении 122 плитка поддерживала череп погребенной приподнятым (рис. 2: *3*), а в погребении 87 на плитке лежали черепа двух погребенных. В этом же погребении поверх ног третьей погребенной также лежала подпрямоугольная плитка (рис. 3: *1*).

Инвентарь захоронений разнообразен и во многих случаях весьма богат.

Керамики сравнительно немного. Наиболее часто встречаются керамические кубки (десять случаев), расположенные, как правило, у головы погребенного. Однако в женском захоронении 68 кубок лежал на груди, дном вверх (рис. 5: *1*). Кубки обнаружены как в мужских, так и в женских захоронениях. Миски найдены трижды, все в погребениях мужчин. В одном случае (воинское погребение 60) сосуд стоял на груди погребенного (рис. 5: *3*) (*Кадиева и др.*, 2020б. С. 57), во втором (погребение невооруженного мужчины 28) миска располагалась у лица погребенного над правым плечом (рис. 4: *2*). Третья миска обнаружена в разрушенном погребении подростка 19 (*Кадиева и др.,* 2020в. С. 171, рис. 3: *4*).

Кружки встречены в четырех погребениях: одном мужском (рис. 5: *2*), одном женском и двух детских (девочек). Кружки ставились у верхней половины тела погребенных.

Единственная корчага обнаружена в погребении 19.

Как правило, керамический погребальный инвентарь ограничивался одним сосудом на человека. Исключения составляют женское погребение 33 с двумя кубками и два мужских погребения: 17 – с кубком и кружкой (рис. 5: *2*) и 19 – с керамическим набором, состоящим из корчаги, кубка и миски.

Обязательной принадлежностью женского костюма был нагрудный убор различной степени богатства. Количество входящих в него предметов, по всей видимости, зависело как от статуса, так и от возраста погребенной. Убор мог состоять из нескольких бронзовых бусин и спиральных пронизей у девочек и ожерелья, гривны и нагрудной бляхи у взрослой женщины. В одном случае (погребение 81) (рис. 4: *4*) гривна и ожерелье были обнаружены в погребении мальчика. Однако здесь состав убора отличался от женского. В ожерелье были включены подвески в виде кинжала и топора. В погребении 25 был зафиксирован единственный случай помещения ожерелья на дно погребения под тело погребенной.

Две округлые бляшки с крестовидным орнаментом были выявлены в захоронениях мальчиков-подростков (19 и 81) и, вероятно, являлись специфически мужским инвентарем. К редким находкам предметов мужского инвентаря следует отнести и единственный оселок предскифского периода, обнаруженный в воинском погребении 60.

Булавки различных типов из бронзы и железа встречаются во многих погребениях. В большинстве случаев они располагаются на груди погребенного, изредка в районе бедер или в ногах. Однако почти всегда булавки были обнаружены остриями вверх. Таким образом, можно сделать вывод, что эти предметы в основной своей массе не являлись элементом костюма, а скрепляли саван (рис. 5: *4*).

Погребений с предметами вооружения на исследованном участке некрополя обнаружено всего два. Одно из них – воинское погребение 60, принадлежащее взрослому мужчине (рис. 5: *3*). Воинский комплекс состоял из булавы-скипетра, навершие которой сохранилось у пояса, и колчана со стрелами. Наконечники стрел располагались в ногах погребенного (*Кадиева и др.*, 2020б. С. 57).

1

2

3

4

Рис. 5. 1 – погребение 68, перевернутый кубок на груди погребенной; *2* – погребение 17, кубок и кружка у лица погребенного; *3* – воинское погребение 60; *4* – погребение 53

Погребение 170 содержало бронзовый наконечник копья. Однако отнесение этого захоронения к воинским представляется маловероятным. Наконечник копья был воткнут наклонно под кости левой руки погребенного, сложенной в локте на уровне плеча. Погребение принадлежало подростку (рис. 6: *1*).

У невооруженных мужчин и детей в погребениях в шести случаях были обнаружены бронзовые слитки. Эти предметы размещались у головы или в районе пояса погребенного и, вероятно, выполняли функцию амулетов для тех, кому не полагалось носить ни оружия, ни ожерелий. В. И. Козенкова отметила, что традиция помещения в могилу бронзовых слитков сближает население, оставившее западнокобанские могильники, с жителями бассейна реки Большая Лиахви (*Козенкова*, 1989. С. 80).

Помимо человеческих захоронений на могильнике Заюково-3 были выявлены пять жертвенных ям, относящихся к предскифской эпохе. Эти объекты представляли собой скопление костей козла или барана. Как правило, в яму укладывали остатки одного животного, но в жертвенной яме 4 были обнаружены разрубленные черепа двух особей мелкого рогатого скота. Во всех остальных случаях в ямы укладывали головы и ноги животных. Из-за гомогенности слоя форма ям практически не читалась. Судя по костям животных, она тяготела к овалу. Размеры ям колебались от 0,35 × 0,23 м до 0,68 × 0,62 м. Инвентарь почти всегда отсутствовал, лишь однажды, в жертвенной яме 4, была обнаружена ребристая кварцевая бусина, которая, очевидно, служила украшением жертвенному животному (рис. 6: *2*).

Жертвенные ямы находились поблизости или непосредственно примыкали к женским и детским захоронениям (рис. 6: *3*).

Значительная часть описанных выше ритуальных черт укладывается в картину погребального обряда западного варианта кобанской культуры по В. И. Козенковой (1989. С. 70–88). Это соблюдение рядности могил, индивидуальный характер захоронений, сочетание грунтовых ям и каменных ящиков, доминирование одной ориентировки в пределах могильника. Северо-западную ориентировку погребенных В. И. Козенкова отмечает как наиболее характерную для западных «кобанцев» (*Козенкова*, 1989. С. 80).

Преобладающее число захоронений в грунтовых ямах сближает Заюково-3 с некрополями Белореченский-2 (*Дударев*, 2004. С. 34) и Клин-Яр III (*Белинский, Дударев*, 2015. С. 257–258), однако, в отличие от последнего, здесь в позднее предскифское и скифское время грунтовые ямы исчезают, сменяясь каменными ящиками и ямами с частичной обкладкой.

Исключительно для западных районов Центрального Кавказа специфичен обычай укладывать плитку под голову погребенного (*Дударев*, 1977. С. 14).

И все же в глаза бросаются некоторые особенности, выделяющие Заюково-3 из синхронных могильников региона.

Прежде всего, это вытянутое положение погребенных. До недавнего времени для предскифской эпохи единственным способом захоронения представителей кобанских племен считалось положение «скорченно на боку». Е. И. Крупнов считал вытянутые захоронения редкостью, присутствующей лишь в предгорной зоне и являющейся заимствованием из скифского погребального обряда (*Крупнов*, 1960. С. 176). Эту точку зрения полностью разделяют В. Б. Виноградов (1972. С. 91) и В. И. Козенкова (1989. С. 83).

Однако материалы Заюково-3 противоречат устоявшимся взглядам. Количество исследованных погребений позволяет уверенно утверждать, что захоронение в грунтовой яме в положении «вытянуто на спине» было типично для населения Баксанского ущелья предскифского времени. Скорченные захоронения тяготели к восточному участку некрополя и, помимо характерных предскифских, содержали предметы погребального инвентаря, свойственные раннему скифскому времени (*Кадиева и др.*, 2020в. С. 177). Важно отметить, что и в скифское время поза погребенных «скорченно на боку» была единственной среди изученных материалов могильника. Таким образом, вытянутое положение погребенных некрополя Заюково-3 является приметой наиболее ранней стадии его функционирования.

Происхождение этого обряда на сегодняшний день является дискуссионным вопросом. Возможные истоки концепции вытянутых захоронений обозначены в коллективной статье, посвященной публикации двух из них (*Кадиева и др.*, 2020а. С. 175–176). Это могут быть степные влияния либо результаты контактов с носителями протомеотской культуры. При современном состоянии изученности вопроса отдавать предпочтение одному из предположений представляется преждевременным.

Рис. 6. 1 – погребение 170 с копьем, воткнутым в землю; *2* – жертвенная яма 4; *3* – жертвенная яма 10 и погребение 71

Кроме того, важно отметить смену погребального обряда от вытянутых погребений к скорченным на могильнике Тли (*Техов*, 1980. С. 7–11, 48). Автор раскопок датирует тлийские захоронения в вытянутом положении XVI–XIII вв. до н. э. Однако столь ранняя их датировка вызвала возражения у Ю. Н. Воронова, который, повторно проанализировав погребальный инвентарь, пришел к выводу, что сооружение этих комплексов не должно было произойти за пределами I тыс. до н. э. (*Воронов*, 2006. С. 38).

Переход от вытянутого положения погребенных к скорченным – не единственная черта погребального обряда, сближающая Заюково-3 с Тлийским могильником. Здесь также прослеживалось разрушение (возможно, непреднамеренное) более ранних захоронений при сооружении более поздних. При этом потревоженные кости сохранялись и вместе с инвентарем укладывались во вновь сооруженную могилу (*Техов*, 2002. С. 72).

Наличие жертвенных ям в межмогильном пространстве в предскифское время для населения центральных районов Северного Кавказа нехарактерно. В тлийских захоронениях были прослежены остатки туш мелкого рогатого скота. Однако здесь они были уложены непосредственно в погребения в качестве заупокойной пищи (*Техов*, 2002. С. 73). Западной кобанской культуре свойственно помещение в межмогильном пространстве сосудов с остатками пищи (*Козенкова*, 1989. С. 80) либо размещение частей туш жертвенных животных непосредственно в могилах (*Белинский, Дударев*, 2015. С. 267).

Подводя итоги сказанного выше, следует отметить, что по данным погребального обряда могильник Заюково-3 можно отнести к западной кобанской культуре. Черты ритуалов, несвойственных «западным кобанцам», вероятнее всего, связаны с тем, что Баксанское ущелье является контактной зоной между центральной и западной кобанскими культурами.

Однако связь с центральной кобанской культурой, а именно с Тлийским могильником, прослеживается довольно тесная. Причем сходство

выявлено в весьма значимых чертах погребального обряда, и особенно в положении погребенных. Родство населения Баксанского ущелья с носителями центральной кобанской культуры (Тлийский и Кобанский могильники) прослеживается не только в погребальном обряде, но и по женским украшениям (*Кадиева и др.*, 2020г. С. 58).

В погребальном обряде предскифского времени могильника Заюково-3 на сегодняшний день наибольшие вопросы вызывает вытянутое положение погребенных. Поскольку такой способ захоронения кобанским племенам несвойственен, закономерно возникло предположение о заимствовании традиции (*Кадиева и др.*, 2020а. С. 175). Массовое появление в Баксанском ущелье инокультурного населения исключено, поскольку весь погребальный инвентарь могильника Заюково-3 укладывается в рамки западной и отчасти центральной кобанских культур. Однако механизм заимствования исключительно одной детали обряда остается неясным.

Важно отметить, что основная часть исследованных захоронений принадлежит женщинам и детям, т. е. части общества более консервативной, чем, например, мужчины-воины. Кроме того, абсолютно все наиболее ранние захоронения Заюково-3 совершены в вытянутых позах. Скорченные захоронения обязательно содержат инвентарь, сближающий их уже со скифским периодом функционирования некрополя. Т. е. в заюковских материалах не наблюдается характерного для протомеотской группы памятников сочетания вытянутых и скорченных захоронений (*Махортых*, 1994. С. 53; *Эрлих*, 2007. С. 58, 60, 63). В памятниках степного населения также отмечено одновременное бытование обеих форм положения погребенного. Вытянутое положение скелета доминировало у некоторых кочевников Предкавказья киммерийского времени (*Махортых*, 1994. С. 42), причем погребенного укладывали как на спину, так и на бок.

Культурные влияния, настолько глубокие, что проникли в погребальный обряд, должны были бы оставить следы и в других областях материальной культуры. Однако в известных на сегодняшний день комплексах предскифского времени из Заюково-3 предметы, связанные со степным миром, обнаружены лишь в трех мужских погребениях. Это две бляшки с крестовидным орнаментом из погребений мальчиков-подростков 19 и 81 и комплекс вооружения из погребения 60 (рис. 5: *3*) (*Кадиева и др.*, 2020б. С. 57–58).

Вытянутые погребения могильника Заюково-3 являются устойчивой чертой устоявшегося погребального обряда. Вполне допустимо, что он сформировался за пределами Баксанского ущелья. Это предположение согласуется с теорией В. И. Козенковой о сложении западного варианта кобанской культуры, проходившем в два этапа. На первом (протокобанском) материальная культура жителей Кабардино-Пятигорья формируется путем наложения на местный субстрат закавказских и сабатиновско-белозерских элементов срубной культуры (*Козенкова*, 1989. С. 134). На втором этапе произошло повторное, на этот раз постепенное продвижение на запад центральнокобанских племен, распространявшихся по нагорной части северных склонов и вниз по ущельям рек к северу (*Козенкова*, 1989. С. 135).

Возможно, погребения могильника Заюково-3 предскифского времени являются свидетельством именно этого продвижения.

Не меньше вопросов вызывает переход к скорченному положению погребенных на втором этапе предскифского периода могильника Заюково-3. Связать это явление со сменой населения не представляется возможным, поскольку в погребальном инвентаре наблюдается преемственность от предыдущего этапа. Кроме того, скорченные погребения часто создавались непосредственно поверх вытянутых. Таким образом, хотя их сооружение происходило позже погребений с вытянутыми костяками, разрыв определенно не был велик. К сожалению, сейчас имеется еще слишком мало данных для решения этой проблемы, но достаточно для того, чтобы ее поставить.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский А. Б., Дударев С. Л., 2015. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи Раннего железа. Ставрополь: Дизайн-студия Б. 446 с.

Березин Я. Б., Дударев С. Л., 1998. Могильник Лермонтовская скала (у реки) – памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. I. / Отв. ред. А. Б. Белинский. Ставрополь: ГУП «Наследие». С. 168–208.

Виноградов В. Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во. 389 с.

Воронов Ю. Н., 2006. Колхида в железном веке. Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. – VIII в. н. э. // Воронов Ю. Н. Научное наследие. Т. 1 / Гл. ред. О. Х. Бгажба. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований. С. 12–245.

Дударев С. Л., 1977. Погребальный обряд племен Центрального Предкавказья раннежелезного века как источник по изучению первобытной идеологии // Археология и вопросы атеизма / Отв. ред. В. Б. Виноградов. Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет. С. 8–16.

Дударев С. Л., 2004. Белореченский 2-й могильник – памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных вод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3 / Отв. ред. В. Б. Виноградов. Армавир: ЦАИ АГПУ. С. 15–100.

Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В., 2020а. Мужские погребения предскифского времени в вытянутом положении на могильнике Заюково-3 (по материалам раскопок Объединенной Северокавказской археологической экспедиции ГИМ, КБГУ и ИА РАН в 2015 г.) // КСИА. Вып. 258. С. 165–180.

Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В., 2020б. Погребение предскифского времени с колчанным набором из могильника Заюково-3 // Историко-археологический альманах. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 57–65.

Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В., 2020в. Мужские погребения предскифского времени с керамическими наборами на могильнике Заюково-3 // КСИА. Вып. 261. С. 166–181.

Кадиева А. А., Демиденко С. В., Емкужев А. А., 2020г. Погребение предскифского времени с бронзовым убором из могильника Заюково-3 (предварительная публикация) // Кавказология. № 2. С. 50–67.

Ковалевская В. Б., 1995. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.: ИА РАН. 193 с.

Ковалевская В. Б., 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 398 с.

Козенкова В.И., 1981. О границах западного варианта кобанской культуры // СА. № 3. С. 29–43.

Козенкова В. И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука. 176 с. (САИ; Вып. В2-5.)

Козенкова В. И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука. 196 с. (САИ; Вып. В2-6.)

Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ; Вып. В2-5. Т. 5.)

Крупнов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР. 520 с.

Махортых С. В., 1994. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев: ИА НАНУ. 95 с. (СКИФЫ: экономика и история; Вып. 2.)

Мошинский А. П., Скаков А. Ю., 2000. Новые исследования по кобанской культуре // РА. № 2. С. 205–212.

Мошинский А. П., Скаков А. Ю., 2008. Кобано-колхидская культурно-историческая общность: внутренняя структура и отражающие ее понятия // Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения. Всероссийские Миллеровские чтения / Отв. ред. З. В. Канукова. Владикавказ: ИПО СОИГСИ. С. 28–29.

Техов Б. В., 1980. Тлийский могильник (комплексы XVI – X вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба. 196 с.

Техов Б. В., 2002. Тайны древних погребений. Археология. История. Этнография. Владикавказ: Проект-Пресс. 512 с.

Эрлих В. Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука. 431 с.

A. A. Kadieva

BURIAL RITES OF THE POPULATION OF THE BAKSAN GORGE IN THE PRE-SCYTHIAN TIME (BASED ON THE MATERIALS OF THE ZAYUKOVO-3 CEMETERY)

Summary. To date, 53 tombs of the pre-Scythian time have been studied in the Zayukovo-3 burial ground. They are arranged in northwest-southeast alignment in rows. The predominant burial practice is stretched-out interment in a pit or a pit with a stone lining. Crouched burials were also traced where examples of Scythian articles are found in the funeral inventory. A majority of the tombs are women's and children's, which is due to the nature of the investigated area. The female grave goods are represented by rich breastplates made of bronze plaques, torcs and necklaces with numerous pendants. Diadems were found in the burials of two adolescent boys. The funeral rites of the Zayukovo-3 burial ground testify that the Baksan Gorge population belonged to the contact zone of the West and Central Koban culture in the pre-Scythian time.

Keywords: funeral rites, North Caucasus, pre-Scythian epoch, Early Iron Age, Baksan Gorge, Western Koban culture, Zayukovo-3 cemetery.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.125-142

В. Ю. Малашев
Институт археологии РАН, Москва

ПАМЯТНИКИ ТИПА «ПОДКУМОК-ХУМАРА»

Резюме. Диагностическими для памятников типа «Подкумок-Хумара» являются: погребальный обряд (катакомбы типа IV, подбои, двухкамерные катакомбы типа VII, используемые для многоразовых захоронений), наличие конских захоронений, совершенных во входной яме, в одной из камер двухкамерных катакомб или в отдельной яме, и керамический комплекс. Территориальные рамки – от Пятигорья и Верхней Кубани до бассейна р. Баксан; основным районом является Кисловодская котловина. Хронология – I в. до н.э. – IV в. н.э. Происходят от древностей типа «Чегем-Манаскент», с которыми их связывает использование катакомбного обряда погребения с многоразовыми захоронениями и керамический комплекс. Миграция последних на территорию Пятигорья и в Кисловодскую котловину в позднем I в. до н.э. привела к формированию новой культуры, которая в дальнейшем развивалась в определенной изоляции. Появление носителей памятников типа «Подкумок-Хумара» на территории Верхней Кубани связано с миграцией населения Кисловодской котловины во второй половине – конце II в. н.э. Финал существования памятников типа «Подкумок-Хумара» в Кисловодской котловине относится к концу IV в. н.э. и является следствием освоения данной территории носителями аланской культуры.

Ключевые слова: Кисловодская котловина, Верхняя Кубань, I в. до н.э. – IV в. н.э. катакомбы типов IV и VII, подбои, конские захоронения.

Археологическое изучение памятников типа «Подкумок-Хумара» началось с 60-х гг. прошлого века и продолжалось до середины 90-х гг. В общей сложности было исследовано более 150 погребальных комплексов разной степени документированности. Наиболее представительные и хорошо документированные серии происходят из раскопок М. П. Абрамовой Подкумского и Хумаринского могильников, а также В. С. Флёрова и А. Б. Белинского с Г. Харке – могильника Клин-Яр III. Помимо этого, отдельные погребения исследовались А. П. Руничем на памятниках Кисловодской котловины и Пятигорья (1961; 1968; 1970; 1974; 1975), В. Б. Ковалевской (1976) и Х. Х. Биджиевым на Хумаринском могильнике (1979). Большая часть полученных материалов опубликована, дан анализ их погребального обряда и вещевых наборов (*Абрамова*, 1987; 1990; 1996; *Флёров*, 2007; *Малашев*, 2008; *Belinskij, Härke*, 2018; *Gavritukhin*, 2018; *Malashev*, 2018).

В качестве самостоятельной группы памятников она была выделена В. Ю. Малашевым; им же предложено ее название, очерчены территориальные рамки и сформулирован вопрос о происхождении (*Малашев*, 2007. С. 498; *Габуев, Малашев*, 2009. С. 157–158). Основными критериями для выделения послужили особенности погребального обряда – катакомбы типа IV по К. Ф. Смирнову (1972) и М. Г. Мошковой и В. Ю. Малашеву (1999) и двухкамерные катакомбы, используемые для многоразовых захоронений и приуроченные к определенной территории – Кисловодской котловине и Верхней Кубани. Однако подробный разбор погребального обряда пока не был проведен. Данная работа посвящена именно этому вопросу.

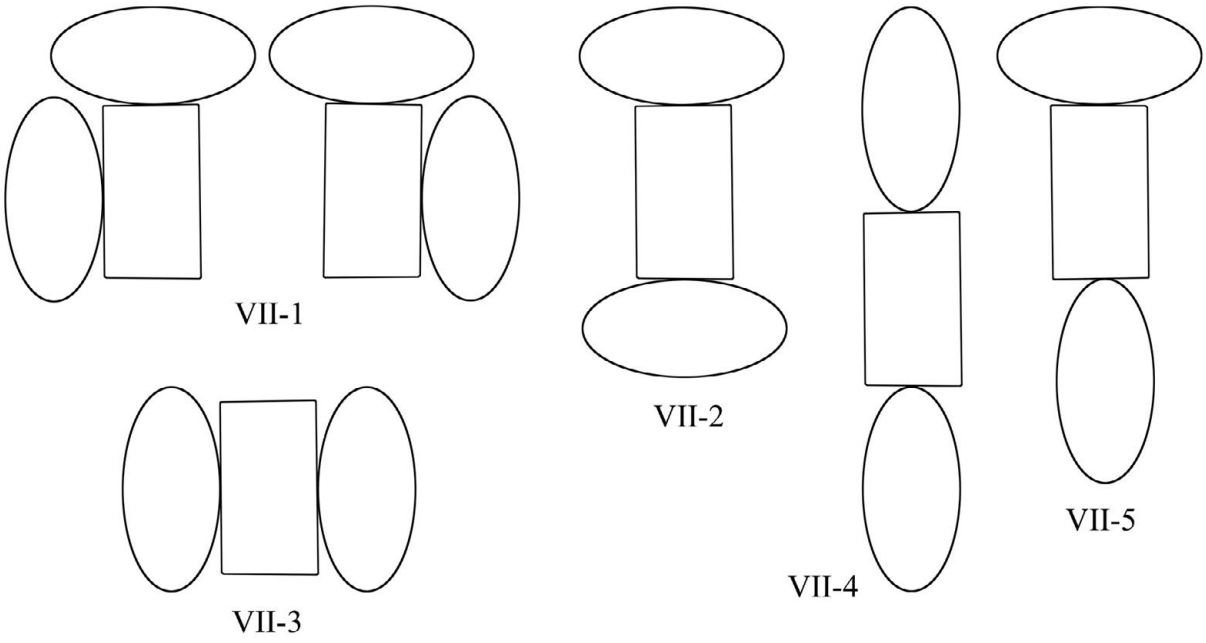


Рис. 1. Типология двухкамерных катакомб

Прежде чем переходить к анализу материала, необходимо сказать, что в настоящей работе используется типология катакомбных погребальных сооружений, предложенная К. Ф. Смирновым (1972), позднее развитая и дополненная М. Г. Мошковой и В. Ю. Малашевым (1999). Поскольку двухкамерные катакомбы как самостоятельная таксономическая единица не были учтены в этих работах, то в предлагаемом ниже исследовании дается их типология, продолжающая типологию М. Г. Мошковой и В. Ю. Малашева[1] (рис. 1).

Тип VII-1. Одна из камер расположена у торцевой стенки входной ямы, вторая – у боковой, справа или слева по отношению к передней. Длинные оси входной ямы и первой камеры – взаимоперпендикулярны, входной ямы и второй камеры – параллельны.

Тип VII-2. Обе камеры расположены у торцевых стенок входной ямы. Длинные оси входной ямы и камер – взаимоперпендикулярны.

Тип VII-3. Обе камеры расположены у боковых стенок входной ямы. Длинные оси входной ямы и камер – параллельны.

Тип VII-4. Обе камеры расположены у торцевых стенок входной ямы. Длинные оси камер являются продолжением длинной оси входной ямы.

Тип VII-5. Обе камеры расположены у торцевых стенок входной ямы. Длинные оси входной ямы и первой камеры – взаимоперпендикулярны, длинная ось второй камеры является продолжением длинной оси входной ямы. Данный вариант не реализовался в рамках исследуемой выборки.

Переходим к рассмотрению обрядовых особенностей трех основных, опорных памятников этой культурной группы – Подкумский, Клин-Яр III и Хумаринский могильники, – дополняемых отдельными погребальными комплексами из района Кисловодской котловины и Пятигорья.

[1] Типообразующие признаки катакомб по М. Г. Мошковой и В. Ю. Малашеву (1999. С. 173–174. Рис. 1). Тип I – длинные оси входной ямы и камеры – взаимоперпендикулярны. Тип II – длинная ось камеры является продолжением длинной оси входной ямы. Тип III – длинные оси входной ямы и камеры сопрягаются под тупым углом (фактически является отклонением от стандарта типа II). Тип IV – длинные оси входной ямы и камеры параллельны друг другу. Тип V – длинные оси входной ямы и камеры сопрягаются под острым углом. Тип VI – округлой формы входная яма сопрягается с камерой различным способом и может как быть расположенной непосредственно над ней, так и примыкать к короткой или длинной стороне, что формирует три варианта данного типа.

Подкумский могильник

Расположен к СВ от г. Кисловодска на правом берегу р. Подкумок и занимал южный склон широтно ориентированного холма. Памятник исследовался в 1972–1975 гг. М. П. Абрамовой. В результате проведенных работ было раскопано 49 погребений; материалы могильника монографически опубликованы (*Абрамова*, 1987). Полный анализ особенностей погребального обряда был проведен автором раскопок и публикации. Однако стоящие в данной работе задачи делают необходимой дополнительную статистическую обработку некоторых обрядовых признаков, касающихся конструкции погребальных сооружений, положения погребенных в камерных могилах по отношению к входу в камеру и др.

При анализе использовано 43 погребальных комплекса; часть погребений была исключена, вследствие сохранности в результате древних разрушений и малой информативности. Датировка памятника – I – первая половина III в. н. э. (*Абрамова*, 1987. С. 90).

Представленные в анализируемой выборке формы погребальных сооружений распределяются следующим образом: катакомбы типа IV – 36 % (рис. 2: *1, 2*), катакомбы типа I – 18 % (рис. 2: *3*), катакомбы типа VII – 26 % (VII-1 – 55 % (рис. 2: *4*), VII-2 – 27 % (рис. 2: *6*), VII-3 – 18 % (рис. 2: *5*)), подбои – 12 %, ямы – 12 %. Статистика обрядовых особенностей по каждой разновидности представлена в таблице 1. Далее охарактеризуем основные обрядовые особенности.

Преобладает широтная ориентировка входных ям камерных могил (катакомб и подбоев) и грунтовых ям, составляющая 63 %. Меридиональная ориентировка редка (7 %). Ориентировки по промежуточным сторонам света – ЮЗ–СВ (14 %) и СЗ–ЮВ (16 %) – фиксируются практически у всех форм погребальных сооружений и, по всей видимости, связаны с отклонениями от основной широтной. Выраженной избирательности в отношении стенок, к которым примыкали камеры, не прослеживается. У катакомб типа VII-1, в соответствии с конструкцией, одна камера находилась у передней стенки, другая могла быть расположена как слева (3), так и справа (3). Ориентировки камер зависели от конструкции погребальных сооружений и распределяются следующим образом: широтная – 47 %, меридиональная – 28 % и по промежуточным сторонам света – ЮЗ–СВ (14 %) и СЗ–ЮВ (11 %), которые могут быть распределены по основным.

Погребенные укладывались несколько чаще головой вправо от входа (59 %), что, в определенной степени, соотносится с ориентировкой погребенных. Устойчивой ориентировки погребенных в анализируемой выборке не прослеживается, что, скорее всего, связано с существенной долей двухкамерных катакомб (VII-1–3). Чаще встречаются ориентировка в восточный (28 %) и западный (20 %) секторы, реже – в северный (14 %) и южный (12 %); промежуточные – СВ (14 %), ЮВ (7 %) и ЮЗ (5 %) – могут быть распределены по основным секторам. Доминирующее положение погребенных – вытянуто на спине (85 %); редкие случаи – скорченно на правом (9 %) и левом (3 %) боку, а также на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями (3 %).

Подбои и ямы использовались для однократных захоронений. Многоразовое использование отмечено в 40 % катакомб типов I и IV; в двухкамерных катакомбах (тип VII) – во всех случаях.

Следует отметить наличие одного конского захоронения в отдельной яме.

Для катакомб типа I пропорции входных ям составляют от 1:1,2 до 1:2 и восходят к традициям памятников типа «Чегем-Манаскент» (*Малашев,* 2016; *Малашев, Маслов,* 2021).

Могильник Клин-Яр III

Находится на окраине г. Кисловодска, к ЗСЗ от него, на правобережье р. Подкумок, и занимает южный склон широтно ориентированной возвышенности. Первые исследования, носившие аварийный характер, на памятнике были проведены А. П. Руничем (1968); доследованные погребения представлены в отчете, но, вследствие невысокой информативности документации, в данном исследовании не используются. Основные материалы были получены значительно позднее, когда В. С. Флёровым в 1983–1986 гг. и далее (по 1996 г. включительно) и А. Б. Белинским (в том числе совместно с Х. Харке), были раскопаны значительные серии погребальных комплексов кобанской культуры, сарматского времени и раннесредневековой аланской культуры (*Флёров*, 2000; 2007; *Малашев*, 2000; 2008; *Belinskij, Härke*, 2018).

В контексте данного исследования будут рассматриваться только материалы сарматского времени, относящиеся к кругу памятников типа «Подкумок-Хумара». Анализируемая выборка насчитывает 41 погребальный комплекс; часть

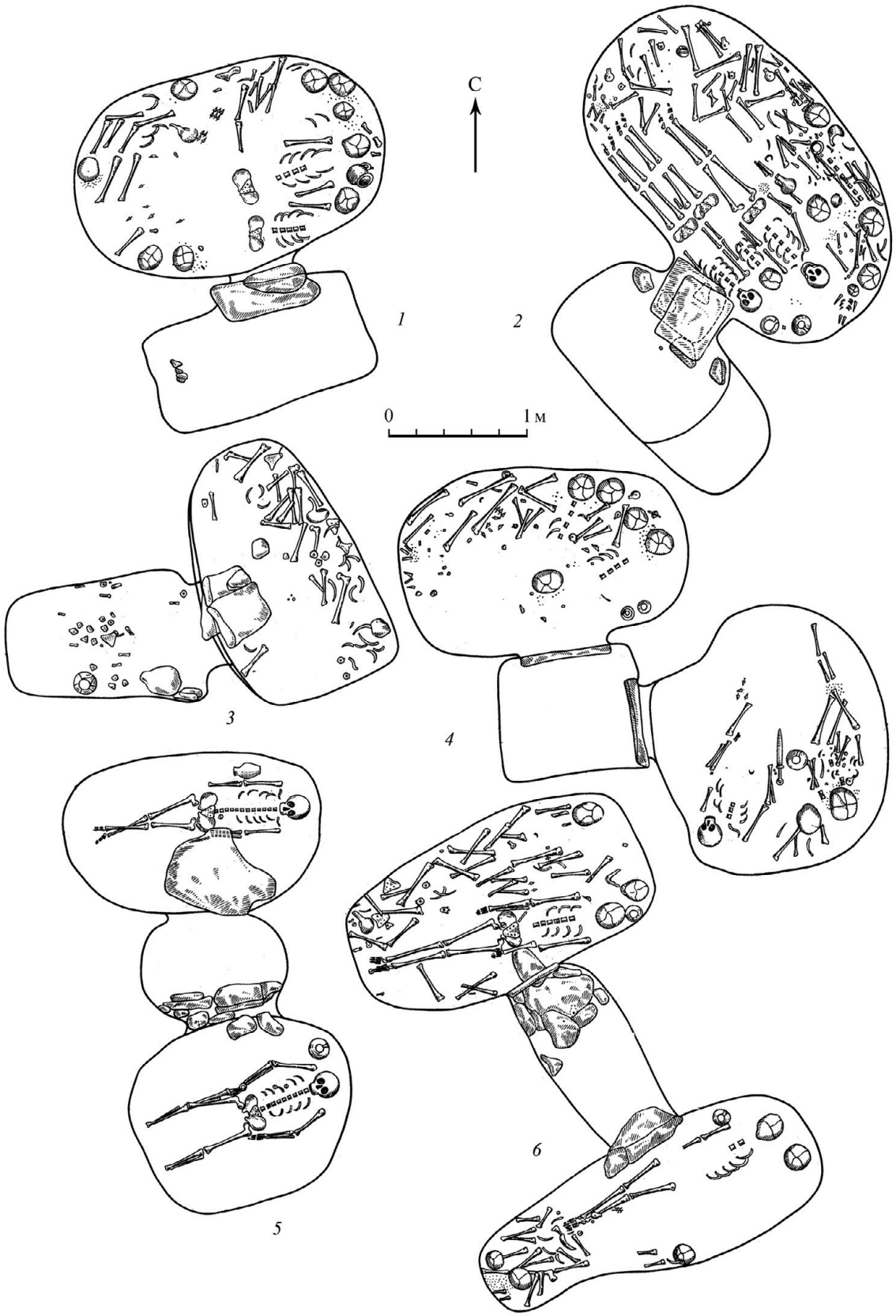


Рис. 2. Погребальные сооружения Подкумского могильника (по: *Абрамова*, 1987): *1* – погребение 7; *2* – погребение 3; *3* – погребение 39; *4* – погребение 9; *5* – погребение 28; *6* – погребение 14

погребений в анализе погребального обряда не используется, вследствие сохранности в результате древних разрушений. Датировка погребальных комплексов может рассматриваться в рамках от I в. до н. э. до финала IV в. н. э. (*Малашев*, 2008; *Malashev*, 2018).

Формы погребальных сооружений распределяются следующим образом: катакомбы типа IV – 31 % (рис. 3: *1, 2*), катакомбы типа I – 26 % (рис. 3: *4*), катакомбы типа II – 2 % (единичный случай), катакомбы типа VII – 17 % (VII-1 – 72 % (рис. 3: *6*), VII-2 – 14 % (рис. 3: *7*), VII-4 – 14 % (рис. 3: *5*)), подбои – 12 % (рис. 3: *3*), ямы – 12 %. Статистика обрядовых особенностей по каждой разновидности приведена в таблице 2. При совокупной их характеристике остановимся на следующих моментах.

Доминирующая ориентировка входных ям камерных могил (катакомб и подбоев) и грунтовых ям – широтная (78 %). Меридиональная и связанная с промежуточными сторонами света наблюдается у катакомб типов I и VII, что, возможно, зависело от ориентировки склона. Камеры чаще примыкали к северным стенкам. В катакомбах типа VII-1, в соответствии с конструкцией, одна камера находилась у передней стенки, другая – могла быть расположена как слева (3), так и справа (2). Ориентировки камер, в известной степени, зависели от конструкции погребальных сооружений с преобладанием широтной (71 %).

Погребенные укладывались, как правило, головой влево от входа (78 %), что связано с ориентировкой погребенных. Преобладает ориентировка в западный сектор (61 %), в южный и северный она составляет 13 % и 10 %; статистически малозначимые ориентировки по промежуточным сторонам света (СЗ, ЮЗ и СВ) могут быть распределены по трем вышеприведенным основным секторам. Основное положение погребенных – вытянуто на спине (65 %); зафиксированы также еще три положения – на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями (11 %), а также скорченно на правом (11 %) и левом (13 %) боку.

Подбои и ямы использовались для однократных захоронений. Многоразовое использование фиксируется почти в половине катакомб типов I и IV, в двухкамерных катакомбах (тип VII) – во всех случаях.

Из остальных признаков погребального обряда следует отметить сопутствующее основному захоронению в камере дополнительное захоронение во входной яме катакомбы типа IV, а также конские захоронения (3 случая) во входных ямах катакомб типов I, IV и VII-1 и отдельно совершенные погребения коней в ямах (2 случая).

Важно сделать два наблюдения. Первое – в IV в. н. э. происходит резкое увеличение доли катакомб типа I по сравнению с предшествующим временем: количественно они составляют более половины, в то время как в I–III вв. н. э. они малочисленны (17 %). То есть за время до IV в. н. э. их было зафиксировано примерно столько же, сколько в его рамках. Пропорции ранних входных ям катакомб типа I, относящихся к I–III вв. н. э., варьируют от 1:1,4 до 1:1,8, а катакомб IV в. н. э. – от 1:2 до 1:3. Данное обстоятельство, очевидно, обусловлено тем, что первые восходят к обрядовым традициям пласта памятников типа «Чегем-Манаскент», с которыми связаны происхождением (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 157; *Малашев, Маслов,* 2021), а в отношении вторых можно говорить о влиянии со стороны носителей аланской культуры, присутствие которых фиксируется в Кисловодской котловине с начала IV в. н. э. (*Коробов и др.*, 2014. С. 133–134).

Второе. Диагностические для круга памятников типа «Подкумок-Хумара» типы катакомб IV и VII (двухкамерные) доживают до финала IV в. н. э., встречаясь в комплексах периода RZ (römische Zeit), датируемого от середины IV до рубежа IV/V вв. н. э. (*Малашев*, 2008. С. 272), после чего полностью исчезают в составе некрополей раннесредневековой аланской культуры Кисловодской котловины V – первой половины VIII в. н. э.

Отдельные памятники Кисловодской котловины и Пятигорья

Помимо двух опорных памятников Кисловодской котловины – Подкумского могильника и могильника Клин-Яр III – в анализируемую выборку можно включить еще 10 комплексов из различных памятников[2] (см. табл. 3):

1) Юца (г. Пятигорск), 2 погребения (*Рунич*, 1961);

2) Острый мыс (окрестности г. Кисловодска, к СВ от него), 2 погребения (*Рунич*, 1974);

[2] Использованы только комплексы с нормально сохранившимися погребальными сооружениями.

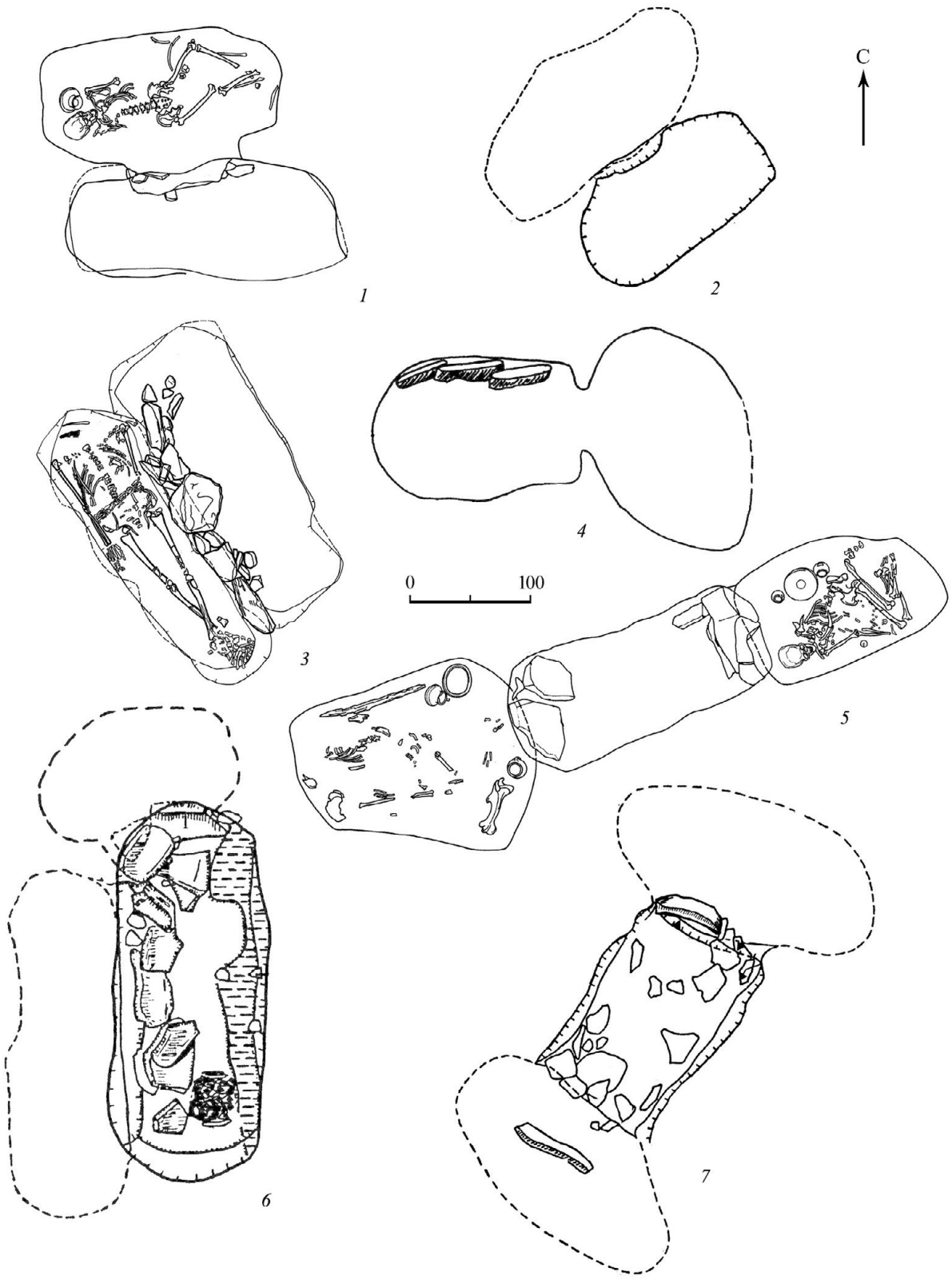


Рис. 3. Погребальные сооружения могильника Клин-Яр III (*1, 5* – по: *Belinskij, Härke*, 2018; *2–4, 6, 7* – по: *Флёров*, 2007): *1* – погребение 370; *2* – катакомба 86; *3* – подбой 50; *4* – катакомба 34; *5* – погребение 361; *6* – катакомба 4; *7* – катакомба 122

3) Замковый (окрестности г. Кисловодска, к западу от него), 1 погребение (*Абрамова*, 1997);

4) Аликоновский 2 (окрестности г. Кисловодска, к западу от него), 2 погребения (*Рунич*, 1970; 1975);

5) Директорская горка (окрестности г. Кисловодска, к западу от него), 2 погребения (*Абрамова*, 1997);

6) Левоподкумский 1 (к северо-востоку от с. Учкекен), 1 погребение (*Коробов и др.*, 2014).

В данной выборке преобладают катакомбы типа IV (50 %) и типа VII-2 (30 %) и VII-3 (10 %); встречена 1 яма (10 %).

Преобладает широтная ориентировка входных ям катакомб и подбоев и грунтовой ямы (50 %); ориентировки по промежуточным сторонам света – ЮЗ–СВ (20 %) и СЗ–ЮВ (20 %), меридиональная (10%). Камеры чаще примыкали к северным стенкам; в двухкамерных катакомбах (VII-2 и VII-3) – в соответствии с конструкцией. Ориентировки камер зависели от конструкции погребальных сооружений с преобладанием широтной (61 %).

Выраженной тенденции в положении погребенных головой влево или вправо от входа не фиксируется. Ориентировка – в секторе юго-запад – запад – северо-запад составляет около 60 %, в секторе восток – северо-восток – около 40 %. Преобладающее положение погребенных – вытянуто на спине (80 %); на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями составляет 10 %, скорченно на правом боку – 10 %.

Катакомбы (типы IV и VII) обычно использовались для многократных захоронений.

В двух случаях для катакомб типа IV отмечены сопутствующие основным захоронениям в камере дополнительные захоронения во входных ямах. В двухкамерной катакомбе VII-2 было произведено конское захоронение в одной из камер.

Говоря о хронологии данных комплексов, следует отметить следующее. Наиболее ранние захоронения в катакомбах типа IV на сегодняшний день зафиксированы на Юце (*Рунич*, 1961. Рис. 1; 2) и могут датироваться от I в. до н. э. до рубежа эр. Самые поздние погребения (Замковый, погребение 1, и Левоподкумский 1, погребение I), совершенные в катакомбах типа IV и VII-3, относятся ко времени не ранее второй половины IV в. н. э. и, так же как комплексы периода RZ из могильника Клин-Яр III, маркируют финал древностей этого круга.

Хумаринский могильник

Могильник занимает южный и юго-восточный склоны возвышенности, вытянутой по линии СВ–ЮЗ, и находится к востоку от северной части с. Хумара и к северу от средневекового Хумаринского городища. Раскопки памятника были проведены в 1963–1964 гг. Е. П. Алексеевой, в 1979 г. – Х. Х. Биджиевым (4 погребения – *Биджиев*, 1979) и в 1983–1985 гг. – М. П. Абрамовой (38 погребений – *Абрамова*, 1983; 1984; 1985). Материалы могильника частично опубликованы (*Абрамова*, 1990; 1996). Для анализа были использованы 40 погребальных комплексов, относящихся ко второй половине/концу II – III в. н. э. (без финала столетия).

В рассматриваемой выборке представлены следующие формы погребальных сооружений: катакомбы типа IV – 23 % (рис. 4: *1*), катакомбы типа I – 2 % (единичный случай) (рис. 4: *3*), катакомбы типа II – 2 % (единичный случай), катакомбы типа VII – 28 % (VII-2 – 9 % (рис. 4: *5*), VII-3 – 91 % (рис. 4: *4*)), подбои – 32 % (рис. 4: *2*), ямы – 13 %. Обрядовые особенности по каждой разновидности погребального сооружения представлены в таблице 4.

Доминирует широтная ориентировка входных ям камерных могил (катакомб и подбоев) и грунтовых ям (68 %). Ориентировка по промежуточным сторонам света составляет 10 % для ЮЗ–СВ и 23 % для СЗ–ЮВ и может считаться отклонением от основной широтной. Камеры примыкали, в основном, к северным (63 %) и южным (30 %) стенкам; к западным и восточным – единичные случаи. Ориентировки камер определялись конструкцией погребальных сооружений с выраженным преобладанием широтной (77 %); меридиональная зафиксирована в одном случае. Промежуточные – ЮЗ–СВ и СЗ–ЮВ – составляли, соответственно, 13 % и 7 % и, очевидно, являлись отклонением от основной широтной.

Выраженной тенденции в положении погребенных головой влево или вправо от входа не фиксируется. Ориентировка погребенных – широтная (в западный и восточный секторы). При этом существенно преобладает ориентировка в восточный сектор (68 %), в западный сектор встречается заметно реже (32 %). Основное положение погребенных – вытянуто на спине (62 %); заметную долю составляет положение на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями (25 %), встречено также положение скорченно на правом боку (13 %).

Рис. 4. Погребальные сооружения Хумаринского могильника (по: *Абрамова*, 1983; 1984; 1985): *1* – погребение 21; *2* – погребение 27; *3* – погребение 2; *4* – погребение 15; *5* – погребение 31

Многоразовое использование фиксируется в двухкамерных катакомбах (тип VII), а также по одному случаю – в катакомбе типа IV и подбое.

Следует отметить сопутствующее основному захоронению в камере дополнительное захоронение во входной яме катакомбы типа IV. Сравнительно высокий процент составляют конские захоронения (15 %): 1) во входных ямах подбоев (2 случая) и катакомбе типа II (1 случай); 2) в одной из камер двухкамерных катакомб VII-3 (2 случая); 3) захоронения в отдельной яме (1 случай).

Обрядовые черты Хумаринского могильника выглядят несколько более унифицировано по сравнению с памятниками Кисловодской котловины и Пятигорья. Здесь практически отсутствуют катакомбы типов I и II (в том числе вследствие отсутствия контактов с носителями аланской культуры), типологически более устойчивы двухкамерные катакомбы и ориентировки погребенных.

Общая характеристика группы памятников типа «Подкумок-Хумара»

Подводя итоги проведенному рассмотрению конструкций погребальных сооружений и обрядовых особенностей, можно сделать следующие выводы.

Основные формы погребальных сооружений памятников типа «Подкумок-Хумара» – катакомбы типа IV (32 %), близкие им подбои (13 %) и двухкамерные катакомбы типа VII (25 %), в сумме составляющие 70 % и являющиеся диагностическими. Катакомбы типа I (15 %) из комплексов I–III вв. н. э. Кисловодской котловины, судя по пропорциям входных ям, широкой прямоугольной (близкой к квадратной) форме, скорее всего, могут считаться наследием традиций памятников типа «Чегем-Манаскент» или отклонением от стандарта катакомб типа IV. В IV в. н. э. пропорции их входных ям меняются (они становятся у́же и длиннее), что является влиянием традиций аланской культуры. Остальные формы погребальных сооружений – катакомбы типа II (2 случая) и ямы – не показательны.

Двухкамерные катакомбы распределяются по вариантам следующим образом: VII-1 – 33 %, VII-2 – 18 %, VII-3 – 46 %, VII-4 – 3 %. При этом катакомбы вариантов VII-1 и VII-2 характерны для памятников Кисловодской котловины, а варианта VII-3 – для Верхней Кубани.

Существенным обрядовым признаком рассматриваемой группы памятников является использование камерных могил для многоразовых захоронений. В первую очередь, это касается двухкамерных катакомб, которые для этого и создавались. При этом данный обрядовый признак фиксируется в 36 % катакомб типа IV и 42 % типа I. В том числе, помимо камеры, дополнительное захоронение во входной яме было зафиксировано в 4 случаях (все – в катакомбах типа IV). В одном случае камера катакомбы VII-3 (Аликоновский, погребение 2(3)) использовалась в качестве костехранилища при освобождении основной камеры от останков погребенных перед следующим захоронением (*Рунич*, 1975. Рис. 24. С. 12–13).

Ориентировка погребенных не обладает устойчивостью, но преобладает широтная – в западный и восточный секторы; количественная оценка зависит от локальной погребальной традиции популяции, оставившей каждый некрополь.

Доминирует вытянутое на спине положение (72 %). Однако заметную долю составляют положение на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями (12 %), а также скорченное положение на правом (10 %) или левом (6 %) боку.

Важной обрядовой особенностью можно назвать наличие конских захоронений, которые проводились тремя способами: 1) захоронение коня во входной яме – произведено в 6 случаях; избирательности по отношению к формам погребальных сооружений не фиксируется (подбои – 2, катакомбы типов I, II, IV, VII-1 – по 1); 2) захоронение коня в одной из камер двухкамерных катакомб – 3 случая (VII-2 – 1, VII-3 – 2); 3) захоронение коня в отдельной яме, зафиксированное в 4 случаях.

Помимо погребального обряда, культурно-диагностическим значением обладает керамический комплекс данной группы памятников, который оценивается на основании целых форм посуды из погребений. Технологически эта керамика образует единую традицию с памятниками типа «Чегем-Манаскент» и аланской культурой. Однако особенности морфологии выделяют ее на их фоне. В первую очередь, нужно отметить значительно меньшее количество мисок, находимых в погребальных комплексах, вплоть до полного (Хумаринский могильник) или почти полного (Подкумский могильник) их отсутствия. Отличается и морфология мелких столовых форм. Здесь преобладают кружки, морфологи-

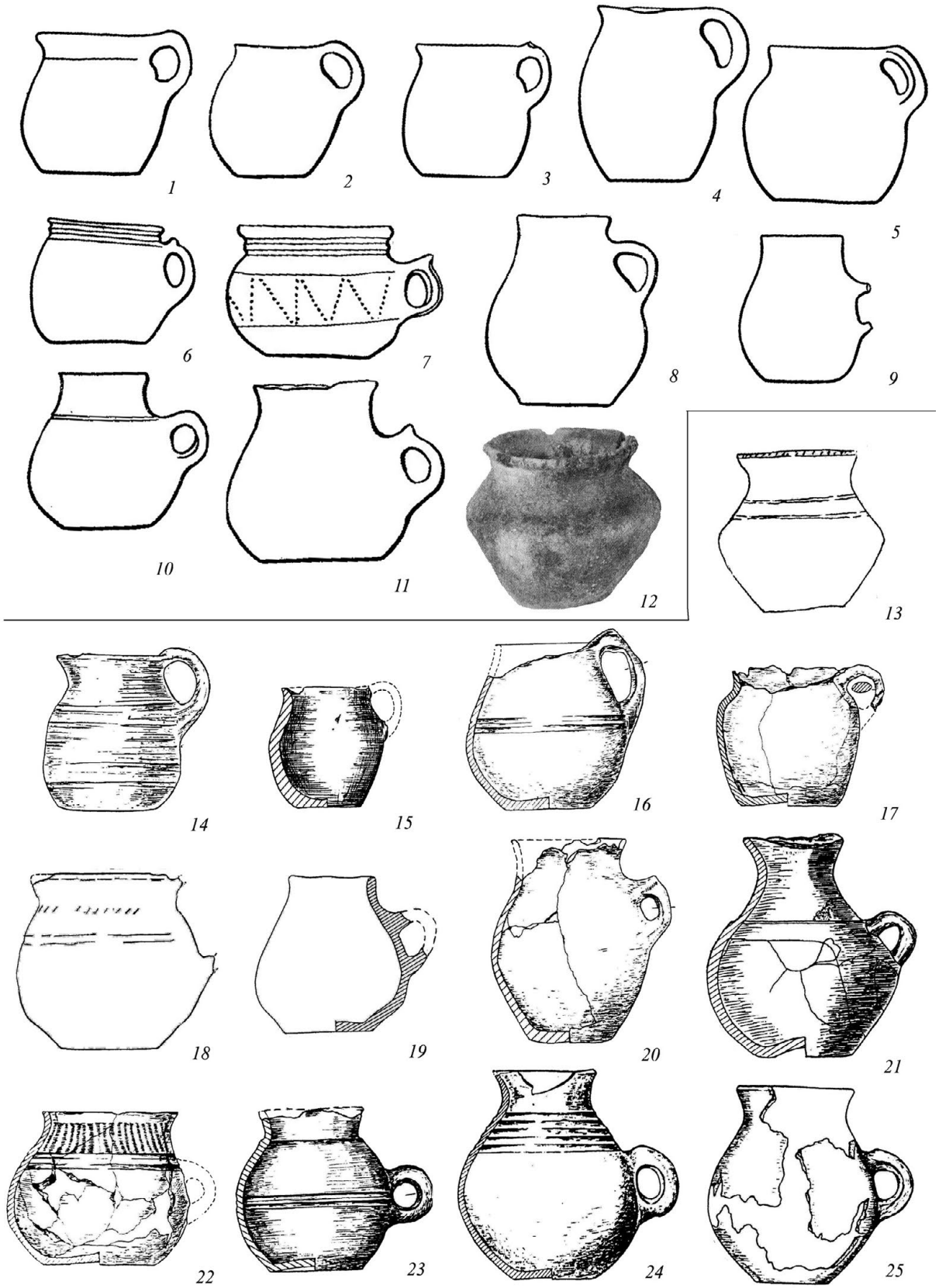


Рис. 5. Керамические сосуды из Подкумского могильника и могильника Клин-Яр III: *1–12* – Подкумский могильник (по: *Абрамова*, 1987); *13–25* – могильник Клин-Яр III (по: *Флёров*, 2007)

чески близкие горшкам, ручка которых крепится верхним прилепом к венчику (рис. 5: *1–5, 14–18*; 6: *1–9*). Значительную долю составляют кружки и кувшинчики, как правило, с низким горлом и относительно высоким, слабопрофилированным туловом; небольшая петлевидная ручка расположена на плечиках или в месте максимального расширения тулова (рис. 5: *6–11, 19–25*; 6: *10–14*). Более крупные формы кувшинов, ручка которых верхним прилепом крепится к горлу, нижним – к плечику, встречаются редко и не образуют устойчивых по сочетанию признаков разновидностей. В наборах посуды немалую долю составляют редкие формы, например, небольшие горшки с биконическим туловом (рис. 5: *12, 13*), ритуальные сосуды (*Абрамова*, 1987. Рис. 58: *22–26*), связанные происхождением с памятниками типа «Чегем-Манаскент», и др.

Перечисленные морфологические особенности керамики характерны для I–III вв. н. э. В IV в. н. э. происходит ряд изменений. Уменьшается количество памятников типа «Подкумок-Хумара» в Кисловодской котловине, а также частично трансформируется их облик, что увязывается с влияниями аланской культуры: увеличивается доля захоронений в катакомбах типа I с изменениями пропорций их входных ям и появляются новые формы керамической посуды, находящие широкий круг аналогий в материалах аланской культуры (*Малашев*, 2008. С. 271–275; *Malashev*, 2018).

***

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод о том, что памятники типа «Подкумок-Хумара» являются самостоятельной культурной группой с устойчивым набором обрядовых признаков и определенной морфологической спецификой керамического комплекса, отличающих их от обряда и форм керамики соседних культур (в т. ч. и от аланской культуры), а также своими территориальными и хронологическими рамками.

Территория, на которой распространены данные памятники, достаточно компактна: от окрестностей г. Пятигорска (Юца) до Верхней Кубани (аул Хумара, Карачаевского района КЧР); при этом основным районом, где фиксируются подобные могильники, является Кисловодская котловина и ее окрестности. Еще одна точка на карте – это подкурганная впускная катакомба типа IV из погребения 4 кургана 41 Усть-Джегутинского могильника, датирующаяся по амфорам, краснолаковой миске и ременной гарнитуре около рубежа II/III вв. н. э. (*Минаева*, 1971. Рис. 26; 27. Фото 28–31). Расширение ареала возможно в юго-восточном направлении по предгорной зоне до бассейна р. Баксан, где имеются культурно сходные (погребальный обряд и керамика) и синхронные памятники (например, могильник Заюково-3)[3] (*Кадиева, Демиденко,* 2020). Дальнейшее расширение ограничено иной (горной) ландшафтной зоной и территорией аланской и меотской культур.

Датировки опорных памятников уже упоминались при анализе их материалов. Напомню, что Подкумский могильник датировался I – первой половиной III в. н. э., Клин-Яр III – I в. до н. э. – финалом IV в. н. э., отдельные памятники Кисловодской котловины – I в. до н. э./рубежом эр – второй половиной IV в. н. э., Хумаринский могильник – второй половиной II – III в. н. э. (без финала столетия). Нижняя граница, в той или иной степени уходящая в I в. до н. э., может опираться на вполне выразительные находки керамических сосудов из могильника Клин-Яр III (*Малашев*, 2008. Рис. 1: *1, 2*. С. 265–266) и Юцких катакомб (*Рунич*, 1961. Рис. 2: *6, 10*). Для верхней хронологической границы опорными являются материалы, в первую очередь, могильника Клин-Яр III, которые уже анализировались в ряде работ (*Малашев*, 2008. Рис. 6. С. 272–275; *Malashev*, 2018). Их оценка не претерпела изменений и по-прежнему рассматривается как финал IV в. н. э.

Происхождение памятников типа «Подкумок-Хумара» связано с древностями предшествовавшего времени, распространенными на территории равнин и предгорий центральных и восточных районов Северного Кавказа в III в. до н. э. – начале (первой половине) II в. н. э. и получившими название памятников типа «Нижний Джулат – Чегем – Заманкул» (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 157), позднее переименованных в «Чегем-Манаскент» (*Малашев*, 2016. С. 43–44, 60–61; *Малашев, Маслов,* 2021). С ними их связывает и катакомбный обряд погребения с многоразовым использованием камерных могил, и керамический комплекс. Миграция на территорию Пятигорья и в Кисловодскую котловину в I в. до н. э. (видимо, ближе к рубежу эр) части населения равнинных территорий (скорее всего,

[3] Благодарю С. В. Демиденко и А. А. Кадиеву за возможность ознакомления с материалами сарматского времени из их раскопок могильника Заюково-3.

Рис. 6. Керамические сосуды из Хумаринского могильника (по: *Абрамова*, 1983; 1984; 1985)

из районов современной Кабарды), оставившего такие памятники, как Чегемский курган-кладбище, привела к формированию новой группы древностей, которая в дальнейшем формировалась в определенной изоляции от оставшегося на прежних местах населения, участвовавшего в дальнейшем в сложении аланской культуры Северного Кавказа. Данная изолированность населения Кисловодской котловины повлияла на изменение типологического состава катакомбных могил (с использованием катакомб типов I, IV и VII, против типов I и II, характерных для памятников типа «Чегем-Манаскент») и собственную линию эволюции (несмотря на единство набора сосудов для времени миграции) керамического комплекса. При этом нужно отметить, что сохранилась идея устройства могильников на возвышенностях, напоминавших курганы, что фиксируется для Подкумского могильника, Директорской горки и Хумаринского могильника.

Позднее культура населения, оставившего памятники типа «Подкумок-Хумара», испытывала определенные влияния со стороны аланской культуры, которые фиксировались в увеличении с начала IV в. н. э. доли катакомб типа I, измене-

нии их пропорций в сторону увеличения длины и влияний на морфологию керамики.

Таким образом, основной территорией распространения памятников типа «Подкумок-Хумара» являлись Пятигорье и Кисловодская котловина. Появление носителей этого культурного комплекса на территории Верхней Кубани связывается с миграцией части населения Кисловодской котловины во второй половине – конце II в. н. э. На возможность миграции первой указала М. П. Абрамова (1984. С. 47; 1990. С. 50–51). На это, вместе с характерными формами катакомб типов VII и IV и производных от них подбоев (как упрощение конструкции катакомб типа IV), близостью форм керамических наборов, указывают такая особенность обряда, как обмазка дна камеры зеленой глиной (*Абрамова*, 1983. С. 32; 1987. С. 126), а также специфическая орнаментация зеркал с центральной петлей, встреченных исключительно в Подкумском (*Абрамова*, 1987. Рис. 43: *1, 15*; 1990. С. 48; *Биджиев*, 1979. Рис. 30: *1*; 33: *40*) и Хумаринском могильниках.

Финал существования памятников рассматриваемого круга древностей в Кисловодской котловине относится к концу IV в. н. э. и является следствием полномасштабного освоения данной территории носителями аланской культуры (*Малашев*, 2008. С. 272–275; *Malashev*, 2018; *Коробов, Малашев*, 2015. С. 228) с последовавшей культурной ассимиляцией их последними, завершившейся формированием здесь раннесредневековой аланской культуры западных районов Центрального Кавказа V – первой половины VIII в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П., 1983. Отчет о раскопках в Карачаево-Черкесии в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 9714, 9714а.

Абрамова М. П., 1984. Отчет о работах Карачаево-Черкесского отряда в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 10535, 10535а.

Абрамова М. П., 1985. Отчет о работах Карачаево-Черкесского отряда в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 11679, 11679а.

Абрамова М. П., 1987. Подкумский могильник. М.: Наука. 178 с.

Абрамова М. П., 1990. Западные районы Центрального Предкавказья во II–III вв. н. э. // КСИА. Вып. 197. С. 44–51.

Абрамова М. П., 1996. Фибулы Хумаринского могильника (II–III вв. н. э.) // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир; М.: ИА РАН. С. 100–105.

Абрамова М. П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа. М.: ИА РАН. 165 с.

Биджиев Х. Х., 1979. Отчет археологической экспедиции Карачаево-Черкесского НИИ о раскопках на Хумаринском городище в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 7429, 7429а.

Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 468 с.

Кадиева А. А., Демиденко С. В., 2020. К проблеме контактов населения Баксанского ущелья в сарматское время. Погребение 104 могильника Заюково-3 // Stratum plus. № 4. С. 291–411.

Ковалевская В. Б., 1976. Отчет о раскопочных работах средневекового Мало-Карачаевского отряда ИА АН ССР в Карачаево-Черкесской АО в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 6209, 6209а.

Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й., 2014. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // КСИА. Вып. 232. С. 120–135.

Коробов Д. С., Малашев В. Ю., 2015. Новые комплексы аланской культуры эпохи Великого переселения народов из окрестностей Кисловодска // КСИА. Вып. 241. С. 214–229.

Малашев В. Ю., 2000. Раннесредневековая керамика могильника Клин-Яр III. Вопросы хронологии. М.: ИА РАН. 52 с.

Малашев В. Ю., 2007. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н. э. // Три четверти века. Д. В. Деопику – друзья и ученики: сб. ст. / Отв. ред. Н. Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли. С. 487–501.

Малашев В. Ю., 2008. Хронология погребальных комплексов могильника Клин-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии. М.: ИА РАН. С. 265–283. (МИАР; № 10.)

Малашев В. Ю., 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н. э. М.: ИА РАН. 208 с.

Малашев В. Ю., Маслов В. Е., 2021. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // НАВ. Т. 20. № 2. С. 81–132.

Минаева Т. М., 1971. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольский отдел Географического общества СССР. 248 с.

Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ. С. 172–212.

Рунич А. П., 1961. Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы // СА. № 1. С. 266–270.

Рунич А. П., 1968. Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Кисловодска за 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3636.

Рунич А. П., 1970. Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4179.

Рунич А. П., 1974. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5249.

Рунич А. П., 1975. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5624.

Смирнов К. Ф., 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1. С. 73–81.

Флёров В. С., 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: ИА РАН. 164 с.

Флёров В. С., 2007. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. – IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. – XIV в. н. э. М.: Таус. 372 с.

Belinskij A. B., Härke H., 2018. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. 426 p. (Archäologie in Eurasien; 36.)

Gavritukhin I. O., 2018. Belt sets // Belinskij A. B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. P. 49–96. (Archäologie in Eurasien; 36.)

Malashev V. Yu., 2018. Pottery vessels from Sarmatian and Alanic graves // Belinskij A. B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. P. 35–48. (Archäologie in Eurasien; 36.)

B. Y. Malashev

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE "PODKUMOK-KHUMARA" TYPE

Summary. Diagnostic for archaeological sites of the "Podkumok-Khumara" type are their burial rites (catacombs of type IV, podboi graves, two-chamber catacombs of type VII, used for multiple burials), horse burials performed in an entrance pit, in one of the chambers of the two-chamber catacombs or in a separate pit, and a ceramic complex. Territorial boundaries are from Pyatigorie and Upper Kuban to Baksan River basin; the main area is Kislovodsk Basin. Chronology is from the 1st century BC. to the 4th century AD. Podkumok-Khumara type of sites is descended from Chegem-Manascent type of antiquities, with which they are connected by a catacomb burial rite with multiple burials and a pottery complex. Migration of the latter to the territory of the Pyatigorye and the Kislovodsk Basin in the late 1st century BC resulted in the emergence of a new culture that later developed in certain isolation. The appearance of people of the "Podkumok-Khumara" sites in the Upper Kuban is connected with the migration of the Kislovodsk Basin population in the second half to the end of the second century AD. The terminal of the "Podkumok-Khumara" type of sites in the Kislovodsk Basin dates to the end of the 4th century AD and is a consequence of the development of this territory by the Alanian culture.

Keywords: Kislovodsk Basin, Upper Kuban, 1st century BC. – 4th century AD, catacombs of types IV and VII, podboi graves, horse burials.

Таблица 1
Подкумский могильник

Тип погребального сооружения	Ориентировка входной ямы	Примыкание камеры	Ориентировка камеры	Ориентировка погребенных	Головой от входа	Положение	Многоразовое использование	Примечания
Тип IV (15)	З-В, ЗЮЗ-ВСВ и ЗСЗ-ВЮВ – **9** ЮЗ-СВ – **2** СЗ-ЮВ – **2** ССЗ-ЮЮВ – **1** С-Ю – **1**	С, ССЗ и СВ – **10** СЗ – **2** З, ЗСЗ и ЮЗ – **3**	З-В и ЗЮЗ-ВСВ – **9** ЮЗ-СВ – **2** СЗ-ЮВ – **2** ССЗ-ЮЮВ – **1** С-Ю – **1**	В и ВСВ – **5** ЮВ – **1** ЮЮВ – **1** ЮЗ – **2** ЗЮЗ – **1** З – **2** С – **1**	Вправо – **10** Влево – **3**	На спине вытянуто – **9** На спине коленями вверх – **1** Скорченно на левом боку – **1** Скорченно на правом боку – **2**	**6**	
Подбои (1)	С-Ю	В	С-Ю	С	Влево	На спине вытянуто	-	
Тип I (8)	З-В и ЗЮЗ-ВСВ – **4** СЗ-ЮВ – **2** ЮЗ-СВ – **2**	В и ВСВ – **2** СВ – **2** СЗ – **2** Ю – **1**	З-В и ЗЮЗ-ВСВ – **3** ЮЗ-СВ – **2** СЗ-ЮВ – **1** С-Ю и ССЗ-ЮЮВ – **2**	Ю, ЮВ и ЮЗ – **3** ЗЮЗ – **1**	Вправо – **3** Влево – **1**	На спине вытянуто – **2**	**3**	Пропорции входных ям – от 1:1,2 до 1:2 Захоронение коня рядом в отдельной яме – **1**
Тип VII (11) VII-1 – **6** VII-2 – **3** VII-3 – **2**	З-В, ЗЮЗ-ВСВ и ЗСЗ-ВЮВ – **8** СЗ-ЮВ – **3**	Типы VII-2 и VII-3 – в соответств. с констр. Тип VII-1 – одна камера у передней стенки и одна слева **(3)** или справа **(3)**	З-В, ЗЮЗ-ВСВ, ЗСЗ-ВЮВ – **5** С-Ю, ССЗ-ЮЮВ и ССВ-ЮЮЗ – **5** СЗ-ЮВ – **1** ЮЗ-СВ – **1**	В, ВСВ и ВЮВ – **5** СВ – **5** ЮВ – **2** С, ССЗ и ССВ – **4** З и ЗСЗ – **2**	VIIa: Влево – **7** Вправо – **4** VIIb: Влево – **2** Вправо – **1** VIIc: Влево – **1** Вправо – **1**	На спине вытянуто – **13** Скорченно на правом боку – **1**	**Все**	Захоронение коня во входной яме – **1**
Ямы (7)	З-В и ЗСЗ-ВЮВ – **6** ЮЗ-СВ – **1**	-	-	З – **3** В – **1** СВ - **1**	-	На спине вытянуто – **4**	–	

Таблица 2
Могильник Клин-Яр III

Тип погребального сооружения	Ориентировка входной ямы	Примыкание камеры	Ориентировка камеры	Ориентировка погребенных	Головой от входа	Положение	Многоразовое использование	Примечания
Тип IV (13)	З-В – **7** ЮЗ-СВ – **1** С-Ю – **1**	С – **10** З, ЗЮЗ, СЗ – **3**	З-В – **11** ЮЗ-СВ – **1** С-Ю – **1**	З – **11** Ю – **1**	Влево – **10** Вправо – **2**	На спине вытянуто – **11** На спине коленями вверх – **2** Скорченно на правом боку – **2**	**6**	Захоронение во входной яме – **1** Захоронение коня во входной яме – **1**
Подбои (4)	СЗ-ЮВ – **2** ЮЗ-СВ – **1** З-В – **1**	С, СЗ, ЮЗ, ЮВ	СЗ-ЮВ – **2** ЮЗ-СВ – **1** З-В – **1**	СЗ – **2** З – **1**	Влево – **2** Вправо – **1**	На спине вытянуто – **2** Скорченно на правом боку – **1**	–	Захоронение коня рядом в отдельной яме – **1**
Тип I (11)	З-В и ЗЮЗ-ВСВ – **5** СЗ-ЮВ – **1** С-Ю – **3**	С – **3** СЗ – **2** З – **4** ВСВ – **2**	З-В – **11** ЮЗ-СВ – **1** С-Ю – 1	З – **3** ЮЗ – **2** Ю и ЮЮВ – **3** СВ – **1** С – **1**	Влево – **8** Вправо – **2**	На спине вытянуто – **3** На спине коленями вверх – **3** Скорченно на левом боку – **3** Скорченно на правом боку – **1**	**5**	Захоронение коня во входной яме – **1**
Тип II (1)	З-В	З	З-В	З	От входа	На спине вытянуто		
Тип VII (7) VII-1 – **5** VII-2 – **1** VII-4 – **1**	З-В и ЗЮЗ-ВСВ – **3** ЮЗ-СВ – **2** С-Ю – **2**	Типы VII-2 и VII-4 – в соответств. с констр. Тип VII-1 – одна камера у передней стенки и одна слева **(3)** или справа **(2)**	З-В и ЗЮЗ-ВСВ – **6** СЗ-ЮВ – **3** ЮЗ-СВ – **1** С-Ю – **4**	З и ЗЮЗ – **4** СЗ – **1** С – **2** Ю – **1**	VIIa и VIIb: Влево – **5** Вправо – **2** VIIe: к входу – **1** от входа – **1**	На спине вытянуто – **8** Скорченно на левом боку – **2** Скорченно на правом боку – **1**	**Все**	Захоронение коня во входной яме – **1**
Ямы (5)	**Широтно**	-	-	З и ЗЮЗ – **4** СВ – **1**	-	На спине вытянуто – **4** Скорченно на левом боку – **1**	–	Захоронение коня – **1**

Таблица 3
Отдельные памятники Кисловодской котловины и Пятигорья

Памятник	Тип погребального сооружения	Ориентировка входной ямы	Примыкание камеры	Ориентировка камеры	Ориентировка погребенных	Головой от входа	Положение	Многоразовое использование	Примечания
Дир. горка	VII-2	СЗ-ЮВ	СЗ	СВ-ЮЗ	ЮЗ	Влево	–	–	
			ЮВ	СВ-ЮЗ	СВ	Влево	–	–	Захоронение коня в одной из камер
Дир. горка	Яма	СЗ-ЮВ			СЗ		Скорч. на пр. боку		
Замковый п. 1	IV	С-Ю	З	С-Ю	–	–	–	–	
Левоподкумский п. 1	VII-3	ЗЮЗ-ВСВ	ССЗ	ЗЮЗ-ВСВ	–	–	–	+	
			ЮЮВ	ЗЮЗ-ВСВ	–	–	–		
Юца кат. 1	IV	З-В	С	З-В	З	Влево	Вытянуто	–	
Юца кат. 2	IV	З-В	С	З-В	З	Влево	Вытянуто	–	
Острый мыс п. 10	IV	СВ-ЮЗ	СЗ	СВ-ЮЗ	СВ СВ	Вправо	Вытянуто Вытянуто	+	Во вх. яме и камере
Острый мыс п. 12	IV	СВ-ЮЗ	СЗ	СВ-ЮЗ	СВ ЮЗ	Вправо	Вытянуто Вытянуто	+	Во вх. яме и камере
Аликоновский п. 1	VII-3	З-В	С	З-В	В	Вправо	Вытянуто	+	
			Ю	З-В	З	Вправо	Вытянуто		
Аликоновский п. 2(3)	VII-3	З-В	С	З-В	З	Влево	На спине коленями вверх		Вторая камера – костехранилище

Таблица 4
Хумаринский могильник

Тип погребального сооружения	Ориентировка входной ямы	Примыкание камеры	Ориентировка камеры	Ориентировка погребенных	Головой от входа	Положение	Многоразовое использование	Примечания
Тип IV (9)	З-В, ЗЮЗ-ВСВ, ЗСЗ-ВЮВ – **7** ЮЗ-СВ – **1** СЗ-ЮВ – **1**	С, ССЗ, ССВ – **7** СЗ – **1** ЮЗ – **1**	З-В, ЗЮЗ-ВСВ, ЗСЗ-ВЮВ – **8** СЗ-ЮВ – **1**	З – **1** СВ – **1** ВЮВ – **1**	Вправо – **2** Влево – **1**	На спине коленями вверх – **2**	**1**	Захоронение во входной яме – **1**
Подбои (13)	З-В, ЗСЗ-ВЮВ – **10** СЗ-ЮВ – **2** ЮЗ-СВ – **1**	С, ССВ СЗ, СВ – **10** Ю, ЮЮЗ, ЮЗ – **3**	З-В, ЗСЗ-ВЮВ – **10** СЗ-ЮВ– **2** ЮЗ-СВ – **1**	В, ВЮВ, СВ, ЮВ – **9** З, ЗСЗ – **3**	Вправо – **8** Влево – **4**	На спине вытянуто – **6** На спине коленями вверх – **2** Скорченно на правом боку – **1**	**1**	Захоронение коня во входной яме – **2**
Тип I (1)	СЗ-ЮВ	СЗ	ЮЗ-СВ	СВ	Вправо	-	**-**	
Тип II (1)	ЗСЗ-ВЮВ	ВЮВ	ЗСЗ-ВЮВ	-	-	-	**-**	Захоронение коня во входной яме – **1**
Тип VII (11) VII-2 – **1** VII-3 – **10**	З-В, ЗЮЗ-ВСВ, ЗСЗ-ВЮВ – **8** ЮЗ-СВ – **2** СЗ-ЮВ – **1**	В соответствии с конструкцией: VII-3 С, ССЗ, ССВ, СЗ, СВ – **10** Ю, ЮЮЗ, ЮЮВ, ЮВ – **10** VIIb – с З и В	VII-3 З-В, ЗЮЗ-ВСВ, ЗСЗ-ВЮВ – **15** ЮЗ-СВ – **4** СЗ-ЮВ – **1** VII-2 С-Ю – **2**	В, ВЮВ, ВСВ, СВ, ЮВ – **8** З, ЗСЗ, СЗ – **4**	Влево – **7** Вправо – **3**	На спине вытянуто – **8** На спине коленями вверх – **2** Скорченно на правом боку – **1**	**8**	VII-3 Захоронение коня в одной из камер – **2**
Ямы (5)	СЗ-ЮВ – **4** З – **1**	-	-	З, СЗ –**2** ЮВ - **1**	-	На спине вытянуто – **1** Скорченно на правом боку – **1**	**-**	Захоронение коня – **1**

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.143-150

Т. А. Габуев
Государственный музей Востока, Москва

О ДИСКУССИОННОЙ ПРОБЛЕМЕ СЛОЖЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ РАННЕАЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Резюме. Статья посвящена рассмотрению дискуссионных вопросов, связанных с генезисом и развитием раннеаланской культуры. В общих чертах изложены две основные точки зрения на эту проблему: В. Ю. Малашева и автора этой статьи. Предложенные В. Ю. Малашевым аргументы в пользу того, что раннеаланская культура могла испытать на себе определяющее влияние среднесарматской культуры, представляются автору недостаточными. Это касается как формирования погребальных сооружений – подкурганных катакомб и тайников, так и «звериного стиля аланской культуры Северного Кавказа». В то же время отрицание установления связей между Северным Кавказом и Средней Азией на основе их хронологического несоответствия и территориальной удаленности не выглядит убедительно. Материала для окончательного решения этих вопросов явно недостаточно.

Ключевые слова: аланы, среднесарматская культура, подкурганные катакомбы, Центральное Предкавказье, Средняя Азия, звериный стиль.

В настоящее время существуют две основные гипотезы формирования и распространения аланской культуры на Северном Кавказе – В. Ю. Малашева и Т. А. Габуева. Мнения авторов были высказаны в совместной монографии (см.: *Габуев, Малашев*, 2009). По моему мнению, формирование раннеаланской культуры на Северном Кавказе происходило в основном на основе пришлого из районов Средней Азии населения, принесшего обряд погребения в подкурганных катакомбах. В то же время я не исключаю участия в сложении раннеаланской культуры и местного населения, оставившего грунтовые катакомбные могильники – Нижний Джулат, Чегем 2, Заманкул (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 88, 110). С момента выхода этой книги мнение мое не изменилось, а у моего оппонента вышло несколько работ с иными выводами и критикой ранее высказанной точки зрения, на которую я постараюсь ответить в этом тексте.

Мнение В. Ю. Малашева, неоднократно высказанное, первоначально сводилось к тому, что раннеаланская культура сложилась на базе двух традиций – среднесарматской культуры (идея курганов с ровиками) и местной культуры (катакомбный обряд) (*Малашев*, 2007. С. 490–491, 494; *Габуев, Малашев*, 2009. С. 146–157). Позже, с выявлением в зоне Киевского городища аланских курганов без ровиков (*Габуев*, 2014а. С. 229–230), осталась идея передачи традиции сооружения насыпи, а ровики как первоначально важный признак погребального обряда уже не упоминались (*Малашев*, 2016). Мнение о влиянии среднесарматской культуры основано на анализе материалов нескольких среднесарматских курганных могильников, зафиксированных в Центральном Предкавказье. Это могильники: Коби (Шелковской район Чеченской республики), Ачикулак (Нефтекумский район Ставропольского края), Бударка 3 (Кочубеевский район Ставропольского края) и Айгурка 2 (Ипатовский район Ставропольского края). К I – первой половине II в. н. э. относятся пять курганов (пять погребений) из Коби, один курган (одно погребение) из Бударки 3 и шесть курганов (девять погребений) из Айгурки 2 (*Малашев*, 2016. С. 10–12). Ко второй половине II в. н. э. относятся два кургана (два погребения) из Ачикулака и один курган (одно погребение) из Бударки 3 (*Малашев*, 2016. С. 13–15). Все эти курганы были за-

фиксированы в Центральном Предкавказье, но они не попадают в зону первоначального распространения раннеаланской культуры и находятся на значительном (Коби, Ачикулак – в 60 км и 120 км соответственно) или очень значительном (Бударка 3, Айгурка – более 220 км и 260 км) расстоянии от зоны ее распространения. За последние годы новых памятников, подтверждающих эту идею, выявлено не было, и все построения В. Ю. Малашева основываются на семи курганах Коби и Ачикулака. Эта идея, высказанная в 2007 г. (*Малашев*, 2007. С. 490–491, 494), при многократном повторении в поздних работах автора выступает уже не как гипотеза, а как исторический факт (*Малашев и др.*, 2015; *Малашев*, 2016).

В то же время в поддержку этой гипотезы выдвинута другая – о происхождении зооморфного стиля на предметах, происходящих из аланского Бесланского могильника (*Малашев, Дзуцев*, 2016. С. 160–202). Идея сводится к тому, что группа предметов, представленная элементами конской узды из трех бесланских комплексов (катакомбы 150, 186 и находки из разрушенного погребения), декорированных в зверином стиле, рассматривается как особая группа, которую авторы называют «звериным стилем аланской культуры Северного Кавказа», восходящим к среднесарматским традициям. Датируют эту группу авторы дважды: в одном случае – серединой III в. н. э. (поздняя часть 1-й половины данного столетия?) (*Малашев, Дзуцев*, 2016. С. 171), во втором – «в рамках первой половины/середины III – IV в. н. э., с теоретической возможностью опускания нижней границы во II в. н. э.» (*Малашев, Дзуцев*, 2016. С. 177). Во второй датировке учитывается фалар из могильника у хутора Октябрьский, датированный IV в. н. э. (*Абрамова*, 1997. С. 9–10, 12. Рис. 3, 5), что сдвигает дату вверх, но объяснения понижения даты авторами не дается. Возможно, мы сталкиваемся с желанием авторов сократить временную лакуну, отделяющую бытование бесланских вещей от среднесарматских.

Вещи из Беслана выполнены в очень интересной и сложной системе образов. Авторы справедливо указывают как на стилистическое единство внутри приведенных наборов, так и на единство стилей в этих наборах между собой. Они приводят широкий круг аналогий соответствия бесланских предметов и вещей среднесарматского времени, указывая, что будут обращаться не к стилистическим соответствиям, а к репертуарному сходству ряда мотивов и образов (*Малашев, Дзуцев*, 2016. С. 172). Поиск аналогий по репертуарному сходству охватывает огромный круг памятников, распространенных на огромном пространстве («Дачи», Тилля-тепе, Сибирская коллекция Петра и др.). Сделаны же эти вещи могли быть в мастерских, обладающих высоким уровнем ювелирного производства. При этом если обратиться к предметам, которые могли быть сделаны непосредственно в среде самих сарматов, то их В. И. Мордвинцева выделила в отдельную малочисленную пятую группу, указав: «Предметы этого стиля были найдены исключительно в варварских погребениях Северного Причерноморья, Прикубанья и Поволжья; они, по-видимому, продолжают производственную традицию эллинистического времени» (*Мордвинцева*, 2003. С. 80). В то же время В. И. Мордвинцева указывает на «малочисленность изделий сарматского звериного стиля по сравнению со скифской культурой; среди них не известно предметов быта, вещей, выполненных из бронзы, кости и других материалов, что характерно для скифской культуры» (*Мордвинцева*, 2003. С. 77). Что касается выделенной В. И. Мордвинцевой пятой группы, то на сходство с бесланскими вещами могут указывать в основном стилистические особенности: низкий рельеф, рельефные бордюры в виде «веревочки» (в бесланских вещах чаще «елочка»). Сходство же образов ограничивается свернувшимся в кольцо животным; весь остальной ряд образов, на которые ссылаются В. Ю. Малашев и Ф. С. Дзуцев, мы обнаруживаем в основном на высокохудожественных произведениях, которые не могли создаваться в среде сарматов (авторы отдают себе в этом отчет) технически. Что же касается идеологической и культурной составляющей, то она могла совпадать у создателей в крупных ювелирных центрах с потребителями, в том числе и из среды сарматов. С этим никто не спорит.

В своих работах В. Ю. Малашев не раз рассматривал вопросы, связанные с распространением в среде ираноязычных кочевников, и в частности – у сармато-алан, предметов, относимых к ювелирному искусству. Так, предметы второй половины III – IV в., выполненные в так называемом «сердоликовом» стиле, рассматриваются как произведения искусства, изготовленные в ювелирных центрах Северного Причерномо-

рья – в Пантикапее и Херсонесе, а их появление в погребениях варварской знати справедливо характеризуется как дипломатические дары (*Яценко, Малашев*, 2000). В другом случае В. Ю. Малашев рассматривает распространение среди варварских элит золотых предметов с перегородчатой инкрустацией, выполненных в стиле, который называют «полихромным стилем гуннской эпохи» или стилем «клуазоне». И в этом случае автор не рассматривает эти вещи как произведения, выполненные в местах их нахождения, а справедливо связывает с ювелирными центрами в Иране, Закавказье, Средней Азии (*Малашев, Яблонский*, 2008. С. 68–72).

Следует отметить, что и сердоликовый стиль, и стиль клуазоне более просты с идеологической (идейно-художественной) точки зрения, чем предметы, найденные в Беслане. Я сейчас не говорю о технической стороне вопроса. Предметы, выполненные в этих стилях, не несут на себе, по крайней мере – на первый взгляд, идеологических или религиозных нагрузок. Видимо, это и является причиной их – особенно в случае с клуазоне – широкой востребованности у разноэтничных элит Евразии от Сибири и Алтая до Испании.

В то же время, если говорить об Алании в Центральном Предкавказье, в V в. н. э. здесь широко представлен стиль клуазоне, и мною установлено, что предметы этого стиля изготавливались в Иране или Закавказье, испытавшем на себе культурное влияние Ирана (*Габуев*, 2012; 2014б). То есть многие престижные вещи, обнаруженные у ранних алан, изготавливались не самими аланами, и если бы бесланский стиль имел местное происхождение, то он вряд ли бы имел столь короткий период своего существования и отголоски его мы находили бы шире и территориально, и хронологически.

Совсем другое – звериный стиль, будь то стиль скифский, сарматский или бесланский. Изображения на предметах этих стилей являются не просто декором, а неким сакральным «текстом», несущим идеологическую нагрузку. Формироваться эти тексты могли только в художественной среде в крупных культурных центрах. Звериный стиль, зафиксированный в Беслане, мог сложиться только в обществе, имеющем достаточно высокую техническую (технологическую) базу и очень серьезную образно-художественную основу. Он мог быть продолжением собственно высокого полихромного стиля сарматского времени за счет его некоторой «примитивизации», на что указывают авторы (*Малашев, Дзуцев*, 2016. С. 172), но происходить это могло у людей, имеющих отношение к традиции его создания. И опять же подчеркну – средние сарматы были только потребителями этого стиля.

Я не отрицаю того, что пришлый народ мог передать автохтонному населению некоторые идеи, связанные с духовной жизнью. В свое время я указывал, что сложение катакомбного обряда в Центральном Предкавказье в последние века до н. э. могло происходить при непосредственном участии сарматов, принесших на Северный Кавказ впускные катакомбы, датированные III–I вв. до н. э., и рассматривал это как «импульс», приведший к их широкому распространению в грунтовых могильниках (*Габуев*, 1997. С. 76; 1999. С. 59–60). Позже я указал, каким образом, на примере погр. 30, 36, 46 из Нижнего Джулата, эта идея может быть реализована в грунтовых катакомбных могильниках (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 106–107). В данном случае мы видим реальное материальное воплощение переданной и воспринятой идеи.

Обращу внимание еще на один важный момент в доказательной базе авторов: «Конечно, можно было бы напрямую связать сходство предметов в зверином стиле аланской культуры с находками из Тилля-тепе, Сибирской коллекцией и др. Однако, учитывая близость такой черты обряда, как тайники с парадной уздой… предпочтительнее выглядит гипотеза о непосредственном участии носителей среднесарматской культуры в формировании рассматриваемого звериного стиля на Северном Кавказе» (*Малашев, Дзуцев*, 2016. С. 177). Итак, тайники рассматриваются авторами как очень важный признак, указывающий на влияние средних сармат на формирование раннеаланской культуры (*Малашев, Дзуцев*, 2016. С. 166–167). Сразу же отмечу, что это мнение – всего лишь гипотеза (особенно если иметь в виду хронологический разрыв между среднесарматскими и раннеаланскими тайниками), касающаяся погребального обряда, и рассматривать ее как аргумент в формировании того или иного вида искусства можно только при большом желании, при том что в среднесарматских курганах (Коби, Ачикулак) тайники, как и предметы звериного стиля, отсутствуют.

Таким образом, две, а то даже и три недоказанные гипотезы вдруг начинают не только дополнять друг друга, но работать в оценке и

интерпретации памятников и явлений и за пределами аланской культуры Центрального Предкавказья. Так, в качестве факта рассматривается приход алан в Дагестан, первоначально в виде средних сарматов, затем – собственно алан (*Малашев и др.*, 2015). Нет возражений против присутствия здесь средних сарматов, но вызывает сомнение приход собственно алан из Центрального Предкавказья. Миграция алан в Дагестан определяется В. Ю. Малашевым двумя признаками: сходством конструкций катакомб центральнокавказских и катакомб Паласа-сырта (и синхронных ему памятников), а также наличием «в составе погребального инвентаря данного некрополя сосудов, являющихся морфологическими и технологическими репликами центральнокавказской посуды, но изготовленных на территории Дагестана» (*Малашев и др.*, 2015. С. 87). Отметим, что речь идет не о каком-либо представительном массиве керамики, а о некоторых отдельных схожих сосудах, чего явно недостаточно для фиксации именно миграции народа. Сходство катакомб, при наличии и другой точки зрения об их появлении на Северном Кавказе, не делает и этот аргумент определяющим. В то же время, как мы знаем, раннеаланские катакомбы Центрального Предкавказья имели курганы как с ровиками, так и без них, и количественно курганы с ровиками преобладали, а у подкурганных катакомб Дагестана ровики отсутствуют. Все это оставляет вопрос о генезисе данных катакомб Дагестана открытым.

В полемике со мной о невозможности принесения катакомбы из Средней Азии на Северный Кавказ первоначально было приведено несколько аргументов. **Первый аргумент –** о курганах и ровиках. В Средней Азии есть подкурганные катакомбы без ровиков, а на Северном Кавказе есть и ровики, и катакомбы, а катакомбы под курганами без ровиков или неправильно раскапывались (Братское, Октябрьский, Виноградная), или имели специфические особенности – элитный участок могильника, как в Бруте 1, или низкий ранг памятника, как в Пегушин 1 (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 155). До появления курганов без ровиков у городища Киевское (*Габуев*, 2014а) этот аргумент часто приводился, но позже исчез из работ В. Ю. Малашева.

Второй аргумент – хронологический. Катакомбы Средней Азии рассматриваются как явление более позднее по сравнению с Северным Кавказом (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 155–156). Именно этому вопросу посвящена недавняя статья В. Ю. Малашева и А. И. Торгоева (*Малашев, Торгоев*, 2018). Авторы справедливо выделяют два района, где интересующие нас Т-образные катакомбы присутствуют: Согдиану и Среднюю Сырдарью. Причем они указывают, что в Согдиане известны наиболее ранние катакомбы этой формы или их прототипы, они датируются I в. н. э. (*Малашев, Торгоев*, 2018. С. 39–42). Выявленные катакомбы Средней Сырдарьи датируются в массе своей позже согдийских, но авторы приводят две катакомбы – из кургана 7 могильника Джун и катакомбу 7 из могильника Культобе I, которые датируют I в. н. э. (ранее – II в. н. э.) (*Малашев, Торгоев*, 2018. С. 45–46). Говоря о хронологическом несоответствии, авторы утверждают, что «ранние Т-образные катакомбы на Северном Кавказе и в Средней Азии не синхронны между собой: в настоящий момент нет материалов, подтверждающих существующую точку зрения о том, что в Средней Азии есть Т-образные катакомбы, датирующиеся ранее I (II) в. н. э. (*Малашев, Торгоев*, 2018. С. 37). Однако констатация наличия катакомб в I в. н. э. в Средней Азии сама по себе снимает вопрос о недопустимости принесения подкурганных катакомб из Азии на Кавказ, и это при том, что раннеаланские катакомбы ранее второй половины II в. н. э. пока неизвестны.

В то же время авторы отмечают, что для Согда Т-образные катакомбы – совершенно чуждый тип погребального сооружения, и они бывают впущены в культурные слои поселений либо в курганы более раннего времени (*Малашев, Торгоев*, 2018. С. 39). Объяснение появления катакомб в Согде можно найти в исторических реалиях того времени. Средняя Сырдарья, где зафиксировано большинство курганных катакомбных могильников, исчисляемых многими сотнями, если не тысячами курганов, надежно связывается с государством Кангюй вне зависимости от того, как мы будем определять его внешние границы (*Габуев*, 1999. С. 85). В свою очередь, Кангюй, существенно усилившийся в I в. до н. э., что зафиксировано в «Хань шу», описывающей период с 206 г. до н. э. до 6 г. н. э., начал подчинять себе значительные территории, в том числе и в Согде, где, по моим расчетам, располагались два малых владения Кангюя (*Габуев*, 1999. С. 102–109). Происходить это могло до 6 г. н. э., и, соответственно, наиболее ранние катакомбы в Средней Азии нам еще предстоит найти.

Третий аргумент – об удаленности друг от друга районов распространения катакомб в Средней Азии и на Северном Кавказе и отсутствии катакомб между этими районами (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 155; *Малашев, Торгоев*, 2012. С. 208; 2018. С. 47). В данном случае отвергается возможность прохождения этого расстояния кочевниками в короткие сроки. Примеров же обратного в древней истории, когда кочевники стремительно покрывали огромные пространства, много. Сами аланы совершали походы на весьма длинные дистанции. Вспомним походы алан в I в. н. э. в Закавказье (расстояние от Ростова до Тбилиси более 900 км) и, предположительно, на Дунай (расстояние около 1500 км) (*Габуев*, 1999. С. 7, 31–37). Оговоримся, что это не переселение народов, а именно военные походы, и совершаться они могли относительно небольшими и мобильными воинскими контингентами. В то же время следует обратить внимание на участие алан в Маркоманской войне против Рима (167–180 гг. н. э.). Здесь аланы фиксируются не как воинский контингент, совершающий поход, а как народ, участвующий в войне в течение длительного времени и обязанный при заключении мирного договора вернуть Риму 15 000 пленников, а также дать клятву, что они не будут ни жить, ни использовать как пастбища пятимильную зону их территории, примыкающую к Дакии (*Габуев*, 1999. С. 21–22). Косвенным подтверждением длительного пребывания здесь алан служит имя матери императора Максимина Фракийца (время правления 235–238 гг. н. э.) – аланки Габабы (*Габуев*, 1999. С. 23–24). Хотя в данном случае мы и можем предположить именно переселение алан на значительное расстояние, однако мы не можем знать, сколь стремительно оно было. Но имеются и примеры именно «молниеносного» переселения народов.

Рассмотрим миграцию юэчжей на земли народа сэ, а юэчжи, как мне представляется, являлись одним из главных этнических компонентов в сложении алан как конкретного народа древности (*Габуев*, 1999). Как известно, в середине II в. до н. э. хунны, одержав победу над юэчжами, которые обитали между хребтами Дуньхуан и Циляньшань (совр. провинция Ганьсу в Китае), вынудили их уйти с насиженных земель и переселиться в земли народа сэ в Семиречье (*Габуев*, 1999. С. 80). Л. А. Боровкова расстояние между этими районами оценивает в 2100 км, а время, потраченное на преодоление этого пространства, – около года (*Боровкова*, 2001. С. 110). Далее юэчжи, теснимые усунями, вынуждены были уйти из Семиречья на запад, а затем сокрушили Греко-Бактрию и создали мощную Кушанскую империю. Расстояние и время этого передвижения юэчжей Л. А. Боровкова оценивает почти так же, как и миграцию из Ганьсуского коридора в долину р. Или в Семиречье (*Боровкова*, 2001. С. 113–114).

Вернемся к аланам. Расстояние, например, от Средней Сырдарьи – территории, где зафиксированы катакомбы, до, например, Моздока, где зафиксировано аланское Киевское городище, составляет около 2500 км, и передвижение могло занять значительное время, но не превысило бы нескольких лет. Вряд ли правители народов, замыслившие те или иные передвижения, предполагали, что они могут занять жизнь нескольких поколений. В то же время при столь стремительных передвижениях вряд ли стоит серьезно требовать обязательного наличия крупных курганных некрополей на пути следования переселяющегося народа. Притом Средняя Сырдарья – это общепризнанная территория исторического Кангюя, где и происходило сложение алан как народа (с чем в настоящее время согласно большинство исследователей – обзор см., напр.: *Скрипкин*, 2010. С. 271–293), откуда аланы устремляются на запад. Причины, приведшие в движение алан именно в западном направлении, связаны с политической ситуацией в центральноазиатском регионе в I в. до н. э. (*Габуев*, 1999. С. 128–131).

В своем движении из районов Средней Сырдарьи на запад аланы должны были пройти и Нижнюю Сырдарью, где фиксируется джетыасарская культура. Для погребальных памятников этой культуры характерны курганы с ровиками и погребения разной конструкции. Катакомбы для этой культуры, как отмечает Л. М. Левина, малохарактерны (*Левина*, 1996. С. 107), тем не менее автор отмечает приток населения на эти территории из районов Средней Сырдарьи (*Левина*, 1996. С. 373–374). Возможно, в своем движении на запад аланы делали остановку на Нижней Сырдарье, что согласуется и с письменными источниками о завоевании владения Яньцай Кангюем и переименовании владения Яньцай в Аланья (*Габуев*, 1999. С. 85–87). В то же время имеются археологические факты, указывающие на связь джетыасарской культуры с раннеаланскими памятниками Центрального

Предкавказья. И. А. Аржанцева и Д. В. Деопик, исследователи раннеаланского городища Зилги, расположенного рядом с г. Беслан в Северной Осетии, указали на близость некоторых форм керамики и, что очень важно, одинаковые строительные приемы при сооружении «мощной глинобитной субстанционной платформы», зафиксированной на городищах Зилги и Томпак-асар в Казахстане, а также на некоторых других городищах Средней Азии (*Аржанцева, Деопик*, 1989. С. 83, 92–93). Последнее, возможно, свидетельствует об участии и джетыасарцев в продвижении алан на Северный Кавказ. В противном случае трудно объяснить, благодаря чему и кому в короткий период в Центральном Предкавказье появляются хорошо укрепленные и многочисленные аланские городища. Грунтовые могильники предшествующей эпохи – Нижний Джулат, Чегем 2, Заманкул, содержавшие катакомбы и являющиеся, по мнению В. Ю. Малашева, основой сложения аланской культуры, насчитывают по несколько десятков погребений, если учитывать погребения, датированные первыми веками н. э., и вряд ли население, их оставившее, могло освоить колоссальное пространство распространения раннеаланской культуры и возвести многочисленные городища, при этом не только охватить Центральное Предкавказье, но через короткое время продвинуться и в Дагестан, и на Нижний Дон. Вряд ли только благоприятная экологическая обстановка, на которую ссылается В. Ю. Малашев (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 162), могла этому способствовать.

При этом, если исходить из мнения автора, часть этого населения должна была проникнуть на территорию внутренних районов Пятигорья и способствовать появлению таких памятников, как могильники Подкумок и Хумара (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 157). Однако следует иметь в виду, что подобный генезис катакомб Подкумка не выглядит убедительно. Слишком разные по форме катакомбы зафиксированы в этих районах, а расстояние между этими районами незначительное. В свое время я высказывал мнение о возможности происхождения катакомб Подкумка от впускных катакомб типа II по К. Ф. Смирнову (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 107–108), но, как и тогда, я на нем не настаиваю и считаю вопрос открытым.

Если суммировать изложенное, версию исследователя можно представить следующим образом: средние сарматы в незначительном количестве (зафиксировано семь курганов – см. выше) приблизились (но не проникли) к территории, где фиксируется раннеаланская культура, и передали местному населению идею кургана с ровиками. Местные немногочисленные племена – носители катакомбного обряда погребения – восприняли эту идею и создали процветающую раннегородскую культуру. Но перед ее созданием некоторые из них рассредоточились и проникли во внутренние районы Пятигорья, при том что и в момент этого проникновения и создания раннеаланской культуры такой могильник, как Нижний Джулат, хотя и ограниченно, но продолжал функционировать (*Абрамова*, 1993. С. 121). Это местное население не только создало города со сложной планировкой и фортификацией, но и оказалось способным в короткий срок создать самобытный вид искусства, восходящий к искусству среднесарматского времени, созданному в крупнейших культурных центрах задолго до появления «аланского звериного стиля», но прекратившего свое существование за полтора века до появления аланского стиля.

На мой взгляд, хотя за последние двадцать лет накоплен огромный новый материал по рассматриваемой проблеме, очевидно, что и он недостаточен для однозначного решения многих стоящих проблем и вопросов, касающихся генезиса и развития раннеаланской культуры. На Кавказе в первую очередь это касается выявления наиболее ранних подкурганных катакомб, как с ровиками, так и без них. В этом случае важно соотнести их хронологически и постараться понять природу различия в этом элементе погребального обряда. Важнейшей задачей является определение истоков сложения керамического комплекса, характерного для раннеаланской культуры. Причем поиск соответствий нужно вести среди памятников не только Предкавказья, но и Средней Азии.

Ситуация с раскопанными катакомбными могильниками в Средней Азии и их датировкой находится в начальной стадии изучения, по сравнению с памятниками Северного Кавказа. Раскопанных погребений в Средней Азии немного, а надежно датированных – еще меньше. Получается, что сравниваемые массивы неравноценны между собой, и не только количественно. Если на Кавказе мы с В. Ю. Малашевым, приступая к раскопкам могильника Брут 2, ставили задачу выявить наиболее раннюю группу аланских погребений, то в Средней Азии раскопки носили

достаточно случайный характер. Таким образом, о наличии связи или ее отсутствии между катакомбами Средней Азии и Северного Кавказа можно будет уверенно говорить только после масштабных и целенаправленных работ в среднеазиатском регионе. Тем не менее уже сейчас можно провести сравнительный анализ палеоантропологического материала, накопленного в этих регионах, а в будущем – провести сравнительный анализ и палеогенетического материала. Аланская проблема сложна и интересна, и до ее окончательного решения очень далеко.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М.: ИА РАН. 240 с.

Абрамова М. П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа. М.: ИА РАН. 165 с.

Аржанцева И. А., Деопик Д. В., 1989. Зилги – городище начала I тыс. н. э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки Всесоюзной ассоциации востоковедов / Отв. ред.: Г. А. Кошеленко, С. А. Узянов. М.: Наука. С. 75–107.

Боровкова Л. М., 2001. Царства «Западного края» в II–I веках до н. э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М.: ИВ РАН. 368 с.

Габуев Т. А., 1997. Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время // РА. № 3. С. 71–81.

Габуев Т. А., 1999. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ: Иристон. 148 с.

Габуев Т. А., 2012. О культурной атрибуции золотых предметов из могильника Брут 1 в Северной Осетии // РА. № 1. С. 90–99.

Габуев Т. А., 2014а. Аланские курганы у Киевского городища в Моздокском районе Северной Осетии // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: матер. Междунар. науч. конф. (Москва, 21–25 апреля 2014 г.) / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН. С. 229–230.

Габуев Т. А., 2014б. Аланские княжеские курганы V в. н. э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева. 184 с.

Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 468 с.

Левина Л. М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. М.: Восточная литература. 396 с.

Малашев В. Ю., 2007. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н. э. // Три четверти века. Д. В. Деопику – друзья и ученики: сб. ст. / Отв. ред. Н. Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли. С. 468–501.

Малашев В. Ю., 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н. э. М.: ИА РАН. 208 с.

Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С., 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. Махачкала: Мавраевъ. 452 с.

Малашев В. Ю., Дзуцев Ф. С., 2016. Парадные сбруйные наборы III в. н. э. из Бесланского могильника и проблема сложения аланской культуры Северного Кавказа // Малашев В. Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н. э. М.: ИА РАН. С. 160–202.

Малашев В. Ю., Торгоев А. И., 2012. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: матер. науч. конф. (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.) / Отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: Мавраевъ. С. 206–209.

Малашев В. Ю., Торгоев А. И., 2018. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // РА. № 4. С. 36–49.

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература. 365 с.

Мордвинцева В. И., 2003. Полихромный звериный стиль. Симферополь: Универсум. 216 с.

Скрипкин А. С., 2010. Сарматы и Восток. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 370 с.

Яценко С. А., Малашев В. Ю., 2000. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. № 4. С. 226–250.

T. A. Gabuev

ON THE DEBATABLE PROBLEM OF THE CREATION AND SPREAD OF THE EARLY ALANIAN CULTURE IN THE NORTH CAUCASUS

Summary. This article is devoted to the study of debatable questions pertaining to the genesis and development of the Early Alanian culture. It outlines two main points of view on this issue: V. Yu. Malashev and the author. The arguments offered by V. Yu. Malashev that the Early Alanian culture might have been decisively influenced by the Middle Sarmatian culture appear to the author insufficient. That applies both to the formation of funeral structures – under-barrow catacombs and cashes – and to the "animal style of the North Caucasian Alanian culture". At the same time, it does not seem convincing to reject links between the North Caucasus and Central Asia on the grounds of chronological discrepancy and territorial remoteness. There is insufficient evidence to resolve these issues conclusively.

Keywords: Alans, Middle Sarmatian culture, under-barrow catacombs, Central Ciscaucasia, Central Asia, animal style.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.151-171

Д. С. Коробов*, В. Ю. Малашев*, Й. В. Е. Фассбиндер**
** Институт археологии РАН, Москва*
*** Отделение геофизики Мюнхенского университета Людвига-Максимилиана*

РАБОТЫ НА ЗИЛЬГИНСКОМ ГОРОДИЩЕ И БЕСЛАНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ: НОВЫЕ МЕТОДЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ

Резюме. Статья посвящена новым методическим приемам в обследовании широко известных памятников раннего этапа аланской культуры Центрального Предкавказья – Зильгинского городища и Бесланского курганного катакомбного могильника (РСО–Алания). Благодаря использованию космических снимков, низковысотной аэрофотосъемки, фотограмметрии и магнитометрического обследования удалось в кратчайшие сроки с минимальным вскрытием получить принципиально новую информацию об этих хорошо изученных памятниках, уточнить их топографические и планиграфические особенности. Проведенные раскопки на двух участках Бесланского некрополя позволили существенно уточнить его хронологические рамки, проследить тенденцию развития некрополя от городища к юго-восточной периферии и выявить участок наиболее поздних захоронений середины VII в., совершавшихся возле восточной границы неукрепленного посада Зильгинского городища. Отработанная коллективом методика недеструктивного обследования имеет широкие перспективы при изучении памятников аланской культуры Центрального Предкавказья, в особенности на ее раннем этапе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, аланская культура, «земляные городища», подкурганные катакомбные могильники, фотограмметрия, данные дистанционного зондирования, магнитометрическое обследование.

Размышляя о вкладе нашего юбиляра – Веры Борисовны Ковалевской – в археологическое изучение древностей Северного Кавказа и Восточной Европы, невольно поражаешься тому, насколько эти работы всегда находились на острие научной мысли. Уже с рубежа 1950-х – 1960-х гг. Вера Борисовна начинает использование методов комбинаторики и статистического анализа (*Деопик*, 1961; *Ковалевская*, 1965), совместно со специалистами применяет новейшие для того времени процедуры спектрального анализа стекла (*Бахтадзе, Деопик*, 1963). Безусловным новаторством в теоретическом и методическом отношении отличаются ее работы по исследованию семантики поясных наборов Евразии (*Ковалевская*, 1970), необычные подходы к классификации керамики (*Ковалевская*, 1995. С. 80–94), первые в отечественной археологии попытки картографирования массового археологического материала на обширном географическом фоне с использованием самых современных на тот момент компьютерных программ и процедур (*Ковалевская*, 2000; 2005), включая такую интересную область, как геногеография (*Ковалевская*, 2016). Многие идеи, которые легли в основу научного поиска Веры Борисовны, рождались благодаря обширным личным контактам и дружеским отношениям с представителями самых разных наук – геологами, математиками, генетиками. Многочисленные друзья юбиляра приезжали в ее экспедиции, обсуждали научные проблемы за гостеприимным столом в Ивановском. Об этом подробно написано в биографическом очерке И. А. Аржанцевой в данном сборнике.

Нам хочется продолжить эту новаторскую линию, заложенную трудами Веры Борисовны, посвятив юбиляру небольшую заметку о наших работах на Зильгинском городище, широкомасштабные раскопки которого были начаты при

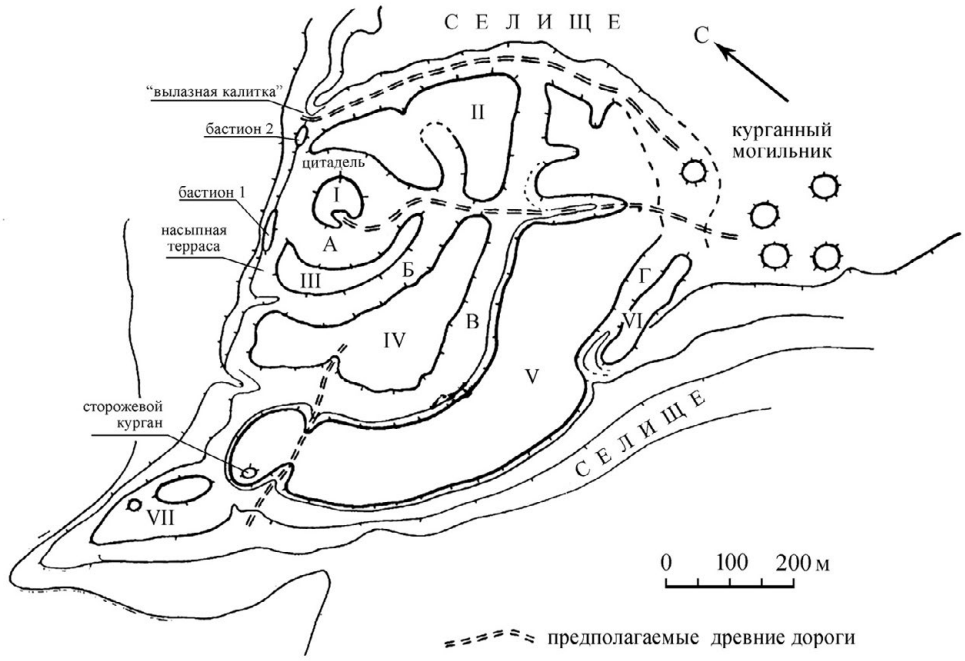


Рис. 1. План Зильгинского городища 1981 г. (*Кузнецов,* 1986. Рис. 2).
Римские цифры – жилые холмы, литеры – рвы

ее активном участии более 35 лет тому назад. История начала этих работ детально излагается в упомянутой статье И. А. Аржанцевой, поэтому позволим себе опустить историографические подробности изучения данного памятника, тем более что они недавно стали темой отдельной небольшой публикации (*Кравцова*, 2020).

Зильгинское городище[1] – крупнейший поселенческий комплекс раннего этапа аланской культуры в Центральном Предкавказье. Согласно существующим представлениям, площадь, занимаемая несколькими «жилыми холмами», расположенными полукольцами вокруг так называемой цитадели, достигает полутора квадратных километров (*Аржанцева, Деопик*, 1989. С. 76). Размер неукрепленного посада при нынешних наших знаниях оценить трудно. Он простирается, по наблюдениям В. А. Кузнецова над распространением подъемного материала, на расстояние не менее 100–150 м в восточном – юго-восточном направлении от городища (*Кузнецов*, 1986. С. 79). По нашим данным, подъемный материал встречается на протяжении около 400 м на юго-восток от крайней видимой на поверхности границы укрепленных холмов (холм II по плану, составленному в 1981 г. С. А. Пироговым под руководством В. А. Кузнецова, – рис. 1). Уже в ходе первых работ на городище В. А. Кузнецов предположил существование неукрепленного селища также с южной стороны от городища (*Кузнецов*, 1986. С. 88), размеры которого в настоящий момент не устанавливаются, поскольку эта территория полностью застроена. В ходе охранно-спасательных работ в зоне проектирования ответвления автомагистрали в направлении г. Моздок осенью 2020 г. разведками Н. И. Гиджрати было установлено существование посада с северо-западной стороны от городища (устное сообщение Н. И. Гиджрати). Эта территория сейчас полностью застроена усадьбами селения Зильги, и для определения ее размера требуются особые полевые исследования. Однако даже по очень приблизительной оценке подъемный материал встречается в северо-западном направлении на расстоянии более 200 м от основания склона укрепленной части городища.

Стоит сказать, что размер укрепленной части городища, учитываемый его исследователя-

[1] Мы используем официальное название памятника, фигурирующее в Перечне объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения (Указ Президента Российской Федерации от 20 февраля 1995 года № 176; регистрационный номер 151410461080006).

Рис. 2. Вид Зильгинского городища на аэрофотоснимке 1980-х гг. *(1)* и на космоснимке геосервиса Bing.Maps *(2)*. Стрелкой показан распаханный внешний ров городища

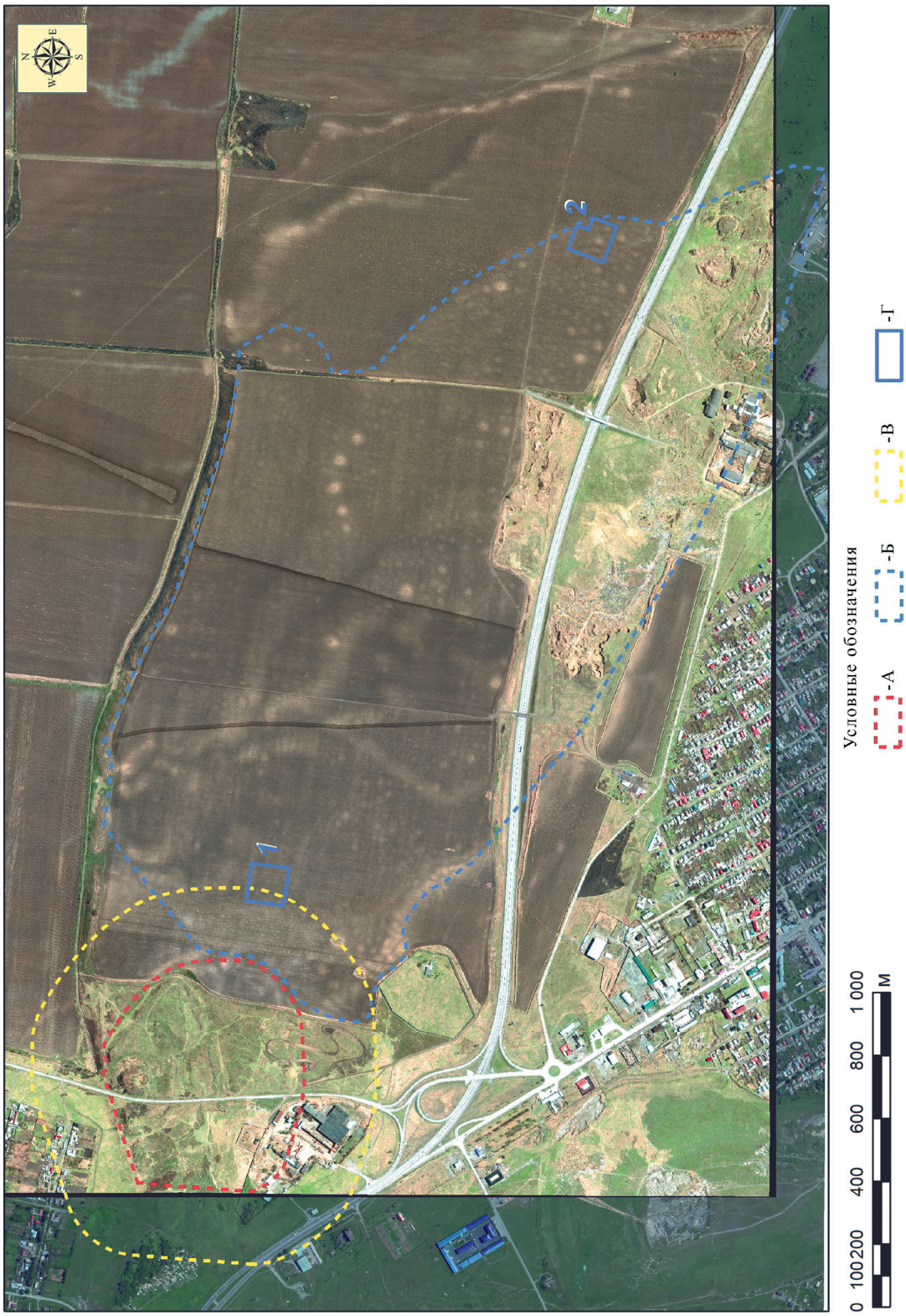


Рис. 3. Зильгинское городище и Бесланский курганный катакомбный могильник на космоснимке космического аппарата WorldView-3 (снимок 3 апреля 2017 г.). Условные обозначения: *А* – границы городища; *Б* – границы могильника; *В* – предполагаемые границы посада; *Г* – участки геофизического обследования

ми, не ограничивался территорией, видимой в настоящий момент на поверхности. Подобный вывод дает анализ космических снимков и аэрофотосъемки территории Зильгинского городища, сделанных в разные годы. Так, на архивном аэрофотоснимке 1980-х гг. отчетливо прослеживается полукруглый ров, оконтуривающий жилой холм V с юго-восточной и южной стороны (рис. 2: *1*). Юго-восточный сектор рва городища полностью снивелирован современной распашкой, он прослеживается на некоторых космоснимках, имеющихся в открытом доступе, например, на геосервисе Bing.Maps (рис. 2: *2*). Неплохое представление об этом сооружении дает изображение, сделанное 3 апреля 2017 г. космическим аппаратом WorldView-3 с пространственным разрешением 35 см в одном пикселе изображения (рис. 3).

В работах можно встретить разные количественные оценки площади Зильгинского городища. Так, В. А. Кузнецов определял его площадь в 1 кв. км (*Кузнецов*, 1986. С. 74). В публикации И. А. Аржанцевой площадь укрепленной части городища оценивается в 1,5 кв. км (*Аржанцева, Деопик*, 1989. С. 76). Насколько эти представления соответствуют действительности, помогает понять анализ данных дистанционного зондирования, который можно провести с помощью геоинформационных систем (рис. 3). Расчет площади городища дает здесь значительно более скромные результаты, чем это принято считать. Так, измерение площади укрепленной части Зильгинского городища в программе ArcGIS 10.5 по внешнему контуру рва, видимого на упоминаемом выше изображении WorldView-3, демонстрирует приблизительную ее оценку в 38,5 га, что составляет 0,385 кв. км. Площадь же видимых на поверхности укрепленных холмов городища, с учетом разрушенной карьером кирпичного завода юго-западной части, составляет около 19 га (0,19 кв. км). Если предположить, что неукрепленный посад отстоял во все стороны от крайних рвов городища на расстояние в 230 м (именно такая дистанция границы посада прослежена в ходе наших работ, о чем пойдет речь ниже), то общая площадь этого поселения достигает одного квадратного километра (рис. 3). Разумеется, мы не можем утверждать, что, с одной стороны, вся эта обширная территория была освоена жителями Зильгинского городища в древности, а с другой – что территория посада не простиралась далее указанного расстояния в 230 м.

Тем не менее Зильгинское городище является одним из крупнейших «земляных городищ» раннего этапа аланской культуры, сопоставимым по площади укрепленной части со Старо-Лескенским (0,4 кв. км), Брутским (0,38 кв. км), Алхан-Калинским (0,3 кв. км, без учета размытой Сунжей южной части памятника). Большинство же «земляных городищ» этого времени сильно уступает Зильгинскому по площади. Например, достаточно крупное Киевское городище, находящееся недалеко от Моздока, имеет площадь около 6 га (*Коробов*, 2020. С. 23–28). Следует отметить, что эти выводы носят предварительный характер и более детальное исследование топографических и планиграфических особенностей раннеаланских «земляных городищ» еще предстоит провести.

Современные подходы в полевом обследовании позволяют получить детальное представление о топографии Зильгинского городища. Речь идет о создании его трехмерного изображения методом фотограмметрии (рис. 4). Данная технология получила широкое распространение в последние годы и стала прекрасным инструментом в недеструктивном археологическом обследовании (*Зайцева*, 2014; *Шуберт*, 2016). Работа по созданию детальной трехмерной фотограмметрической модели Зильгинского городища была осуществлена сотрудниками Лаборатории цифровой археологии Центра античной и восточной археологии НИУ ВШЭ и Лаборатории дистанционного зондирования и анализа пространственных данных под руководством Ю. М. Свойского осенью 2020 г. Аэрофотосъемка выполнялась 10–11 октября 2020 г. Всего было сделано 12 рабочих полетов (11 вылетов на плановую съемку и один – на перспективную). Полеты были существенно осложнены близостью глиссады аэропорта Беслан, вследствие чего высота полетов в районе городища была ограничена 60 м, а центральная и восточная части Бесланского могильника находились в зоне глиссады, полностью закрытой для полетов БПЛА. Малая высота существенно замедлила съемку и затруднила дальнейшую обработку данных.

Для аэрофотосъемки использовался беспилотный летательный аппарат (БПЛА) DJI Phantom 4 PRO с фотоаппаратом DJI FC6310 с полнокадровой матрицей 5464 × 3640 пикс. (19,89 Мпикс.), объектив с фокусным расстоянием 8,8 мм (эквивалент 24 мм), оборудованный нештатным бортовым одночастотным GNSS-

Рис. 4. Трехмерная модель Зильгинского городища, построенная методом фотограмметрии по результатам низковысотной аэрофотосъемки 2020 г. Вид с юга

приемником Emlid Reach M+. Съемка выполнялась в автоматическом режиме пилотирования параллельными полетными линиями, заданными в меридиональном направлении. Постоянная рабочая высота съемки с огибанием рельефа составляла 56 м, расчетное разрешение изображений – 1,45 см/пиксель, скорость полета 5 м/с. В создании трехмерной модели городища было задействовано 2619 фотоснимков с продольным перекрытием 70 % и поперечным – 60 %.

В результате этой масштабной работы нами получена детальная топографическая модель всей площади Зильгинского городища с очень высоким пространственным разрешением (рис. 4), анализ которой еще предстоит.

Особое значение Зильгинское городище приобретает также благодаря огромному Бесланскому курганному могильнику, примыкающему с восточной и юго-восточной стороны. Площадь этого некрополя его исследователи оценивали в 7 кв. км, предполагая, что количество курганов здесь может достигать 35 тыс. (*Дзуцев, Малашев*, 2015. С. 56, 58). Анализ спутникового изображения WorldView-3 позволяет скорректировать и эти представления (рис. 3). Данное изображение по-своему уникально, поскольку сделано в такое время, когда практически вся территория Бесланского курганного катакомбного могильника находилась под распашкой, без сельскохозяйственных культур, не позволяющих распознавать курганные насыпи, снивелированные в ходе аграрной деятельности. В результате мы имеем уникальную возможность оценить границы данного памятника, по крайней мере, с северной и восточной стороны, а также рассчитать максимальную плотность курганов на единицу площади. Пространственное сверхвысокое разрешение спутникового снимка (35 см на один пиксель изображения) позволяет это сделать (рис. 3).

Южный край могильника сильно разрушен карьером Бесланского кирпичного завода, однако на распаханных участках, расположенных южнее автомагистрали на северо-западной окраине г. Беслан, курганных насыпей не прослеживается. Нет их и на полях к северу от проселочных дорог, идущих в восточном направлении вдоль обреза мыса, на котором расположены городище и могильник (рис. 3). Восточная окраина могильника прекрасно читается по высокой концентрации курганных насыпей, которые идут полукругом вдоль древнего русла ручья (?), в настоящий момент полностью снивелированного сельскохозяйственными работами. Наиболее сложным является определение западной границы могильника, которая примыкает вплотную к неукрепленному поселению Зильгинского городища и, как показали наши работы 2020 г., частично перекрывает его. Здесь скопления курганов ограничиваются естественной балкой на юго-западном краю могильника (в настоящий момент также снивелированной), которая примыкает к станции слежения Бесланского аэропорта. Западный же край некрополя четких границ не имеет. Имеется несколько крупных насыпей, примыкающих вплотную к распаханному рву с юго-восточной стороны от городища. Две из них прекрасно видны на современной поверхности с севера от станции слежения. Небольшие полностью распаханные насыпи курганов Бесланского могильника примыкают к этим крупным курганам вплотную с восточной стороны (рис. 3).

Оценка площади Бесланского курганного катакомбного могильника по космическому изображению WorldView-3 дала следующие результаты. Общая площадь некрополя в рамках очерченных на рис. 3 границ составила около 324 га (3,24 кв. км). Это в два раза меньше, чем фигурирующие в литературе расчеты площади памятника (*Дзуцев, Малашев*, 2015. С. 58). Тем не менее некрополь не перестает выглядеть грандиозным: максимальная длина его по оси с северо-запада на юго-восток составляет 3 км, а ширина в средней части достигает 1,4 км.

Попробуем рассчитать, какое максимальное количество курганов может располагаться на этой площади, исходя из визуально оцениваемого количества на космоснимке. Если взять за основу место их наивысшей концентрации в восточной части некрополя, то на один гектар площади, согласно анализу космоснимка, здесь приходится от 15 до 25 насыпей. Таким образом, принимая за расчетную площадь могильника около 300 га, мы получаем от 4500 до 7500 курганов в их максимальной концентрации. Результаты раскопок 2011 г. (*Джанаев*, 2012; *Малашев и др.*, 2015) позволяют более точно оценить плотность расположения погребений в некрополе. Расчеты показывают, что в среднем на гектар приходится примерно 45 курганных и бескурганных погребальных комплексов. При этом плотность захоронений вблизи городища и на большей части могильника выше, чем на его периферии. В целом данный некрополь является

одним из крупнейших некрополей раннего этапа аланской культуры, который может содержать по меньшей мере 13,5 тыс. захоронений. Крупный курганный могильник Киевский I, примыкающий с юга к упоминаемому выше городищу, согласно недавно проведенной топографической съемке, имеет площадь 2,4 кв. км и насчитывает при этом 1050 курганных насыпей, видимых на поверхности и на космической съемке (*Ким*, 2017. Рис. 232). Результаты раскопок 2019 г. (*Малашев и др.*, 2020) на его периферии дают плотность порядка 10 курганов на 1 га. Участки, находящиеся ближе к городищу, должны давать заметно бóльшую плотность.

Бесланский курганный катакомбный могильник изучается уже более тридцати лет. Начиная с 1988 г. и по 2012 г. включительно на памятнике проводятся охранно-спасательные археологические раскопки Бесланским отрядом Института истории и археологии РСО–Алания, возглавляемым Ф. С. Дзуцевым. Охранно-спасательный аспект работ был связан с тем, что на территории могильника находился карьер, обслуживавший два кирпичных завода, что требовало ежегодно освобождать для них от археологических памятников площадь около 1 га (*Дзуцев, Малашев*, 2015. С. 9). Ежегодно в течение 25 сезонов экспедицией раскапывались десятки подкурганных захоронений, содержавших катакомбные погребения раннего этапа аланской культуры.

Охранно-спасательные раскопки Бесланского курганного катакомбного могильника осуществлялись также в 2011 г. в ходе строительства и реконструкции федеральной автомобильной дороги М-29 «Кавказ» (*Джанаев*, 2012; *Малашев и др.*, 2015). Северо-Осетинской экспедицией ИА РАН был раскопан участок могильника площадью 1 га, на котором изучено 66 погребальных комплексов, а также ряд объектов ритуального характера. Большая часть захоронений относится к раннему этапу аланской культуры Северного Кавказа и может датироваться в рамках 1-й пол. III в. н. э. Это 20 подкурганных погребений, маркированных ровиками, 22 погребения без признаков насыпи и 2 ровика, не содержавшие погребений. Группа комплексов II в. до н. э. – I в. н. э. насчитывает восемь впускных захоронений в курганы эпохи бронзы. Одно погребение относится к раннескифскому времени, 15 погребений принадлежат среднему бронзовому веку и связаны с катакомбной культурой.

В общей сложности на сегодняшний день исследовано более 870 погребальных комплексов аланской культуры III – конца IV в. н. э., а также более 20 захоронений позднекатакомбной культуры, комплекс раннескифского времени и около 10 погребений II в. до н. э. – I в. н. э. (*Дзуцев, Малашев*, 2015. С. 10). Однако, как уже было сказано выше, большая часть исследованных захоронений некрополя происходит с одного участка и датируется в узких пределах около середины III в. н. э.

Полевые исследования Бесланского курганного катакомбного могильника в сезоне 2020 г. проходили на двух участках, расположенных в непосредственной близости от крайних рвов Зильгинского городища (участок 1) и на максимальном удалении от них, на восточной окраине некрополя (участок 2) (рис. 3). Выбор участков был сделан с целью проверки гипотезы, неоднократно высказанной одним из авторов работ, о расширении пространства курганных могильников раннего этапа аланской культуры от городищ с течением времени и последующим повторным использованием в раннее средневековье участков, примыкающих непосредственно к городищам (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 143; *Коробов и др.*, 2020. С. 456). Мы предполагали, что на участке 1 нами могут быть раскопаны как самые ранние, так и самые поздние катакомбные погребения Бесланского могильника, тогда как на участке 2 будут находиться катакомбы, маркирующие финал его планомерного развития.

Коллективом разработан ряд методических приемов по выявлению и локализации подкурганных катакомб на материалах архивной аэрофотосъемки и космических снимков свободного доступа, а также последующего магнитометрического обследования намеченных к раскопкам участков. Курганные насыпи, практически полностью распаханные в советское время, тем не менее, выявляются в виде осветленных пятен на снимках с воздуха (рис. 3). Последующее геофизическое обследование скоплений этих пятен позволяет выявить погребальные ровики, а также захоронения в катакомбах за счет усиления намагниченности и обогащения магнитным полем гумусированного заполнения углубленных конструкций рвов и затекшего грунта в грабительских лазах во входных ямах катакомбных сооружений (*Fassbinder et al.*, 1990; *Fassbinder*, 2015). Данная методика была использована при исследовании курганного могильника Левопод-

кумский 1 в северной части Кисловодской котловины (*Коробов и др.*, 2014) и участка курганного могильника Киевский I на окраине одноименного села в Моздокском районе Республики Северная Осетия – Алания весной – летом 2019 г. (*Коробов и др.*, 2020).

По результатам дешифрирования космического снимка сверхвысокого разрешения, сделанного со спутника WorldView-3, было намечено два участка данного обширного некрополя – в непосредственной близости к городищу и на расстоянии 2,7 км к востоку – юго-востоку от него (рис. 3). Следующим этапом комплексных работ стало проведение геофизического обследования, осуществленное в мае 2019 г. геофизической командой Мюнхенского университета (проф. Й. В. Е. Фассбиндер) на намеченных к раскопкам участках. Участок магнитной съемки 1 имел размеры 120 × 120 м (девять квадратов геофизического обследования размерами 40 × 40 м) (рис. 5). Магнитометрическая съемка проводилась с использованием цезиевого магнитометра Geometrics G858 двухсенсорной конфигурации.

Расстояние между профилями составляло 0,5 м, а частота измерений – до 10 в секунду. Данная конфигурация позволяет нам получить наилучшую и наиболее точную интерполяцию данных с интервалом 25 × 25 см. Одновременно корректируются небольшие линейные суточные вариации геомагнитного поля с помощью редукционного фильтра, вычисляется среднее значение профиля, соответственно, для всех данных по квадрату сети 40 × 40 м и вычитается это значение из данных съемки. Подобный метод съемки и характеристики прибора позволяют достичь как высокой чувствительности измерений общего поля (до ± 10 пТл), так и высокой скорости, а также дают нам четкое представление о подземных объектах. Визуализация в виде полутонового изображения (256 оттенков серого) позволяет отслеживать даже самые мелкие аномалии (< 0,1 нТл). Применение фильтра верхних частот удаляет (при необходимости) более глубокие, в основном геологические особенности, и предоставляет дополнительную информацию о типе аномалий. После этой процедуры результаты отображались на втором изображении магнитограммы (*Fassbinder,* 2017).

По результатам магнитометрической съемки был выявлен ряд курганных насыпей, окруженных квадратными и кольцевыми в плане ровиками с перемычками. На поверхности насыпи практически не видны в результате многолетней распашки, совершающейся ежегодно по настоящее время. Некоторые возвышения распаханных насыпей прослеживаются при перспективной низковысотной аэрофотосъемке с небольшой высоты, при благоприятном косом освещении (рис. 7: *1*).

Границы курганных насыпей проявляются при магнитометрической съемке в виде линейных положительных аномалий квадратной и кольцевой формы, соответствующих более гумусированному затечному заполнению ровиков, ограничивавших насыпи. Как правило, аномалии не имеют ярко выраженных границ, края их расплывчаты, контрастность невелика. В центре квадратных и округлых аномалий обычно присутствует более яркое пятно, соответствующее гумусированному затечному заполнению грабительских лазов, впущенных в древности во входные ямы катакомбных захоронений (рис. 5, *сверху*). Некоторые ровики имеют более высокую контрастность и четкие границы на приводимых магнитограммах, другие едва различимы. Всего на участке съемки 1 выявлено не менее 18 курганных насыпей с четкими границами, полностью или частично попадающих в участок проведенной магнитометрической съемки, семь из которых имеют квадратную форму и 11 – круглую (рис. 5, *снизу*; обозначены красным цветом). Еще 10 ровиков квадратной формы и 16 кольцевых распознаются гипотетически (рис. 5, *снизу*; обозначены желтым цветом). Для проведения археологических раскопок были выбраны две распаханные насыпи, окруженные квадратными ровиками и получившие номера 876 и 877[2]; к северу от квадратного ровика кургана 877 был расположен кольцевой ровик кургана 878, который с трудом распознавался на магнитограмме (рис. 5). В западной части участка исследований обнаружен ров, идущий с севера на юг (рис. 5, *снизу*; обозначен синим цветом). Возможно, этот ров отмечает восточную границу неукрепленного Зильгинского поселения и ограничивает Бесланский некрополь с западной стороны.

Участок 2, находящийся на восточной периферии некрополя, напротив, отличался высокой контрастностью материкового грунта и заполнения ровиков курганов, в результате чего насыпи выявляются здесь с высокой степенью

[2] Нумерация курганов продолжает принятую ранее на Бесланском курганном катакомбном могильнике и отраженную в соответствующих отчетах и публикациях.

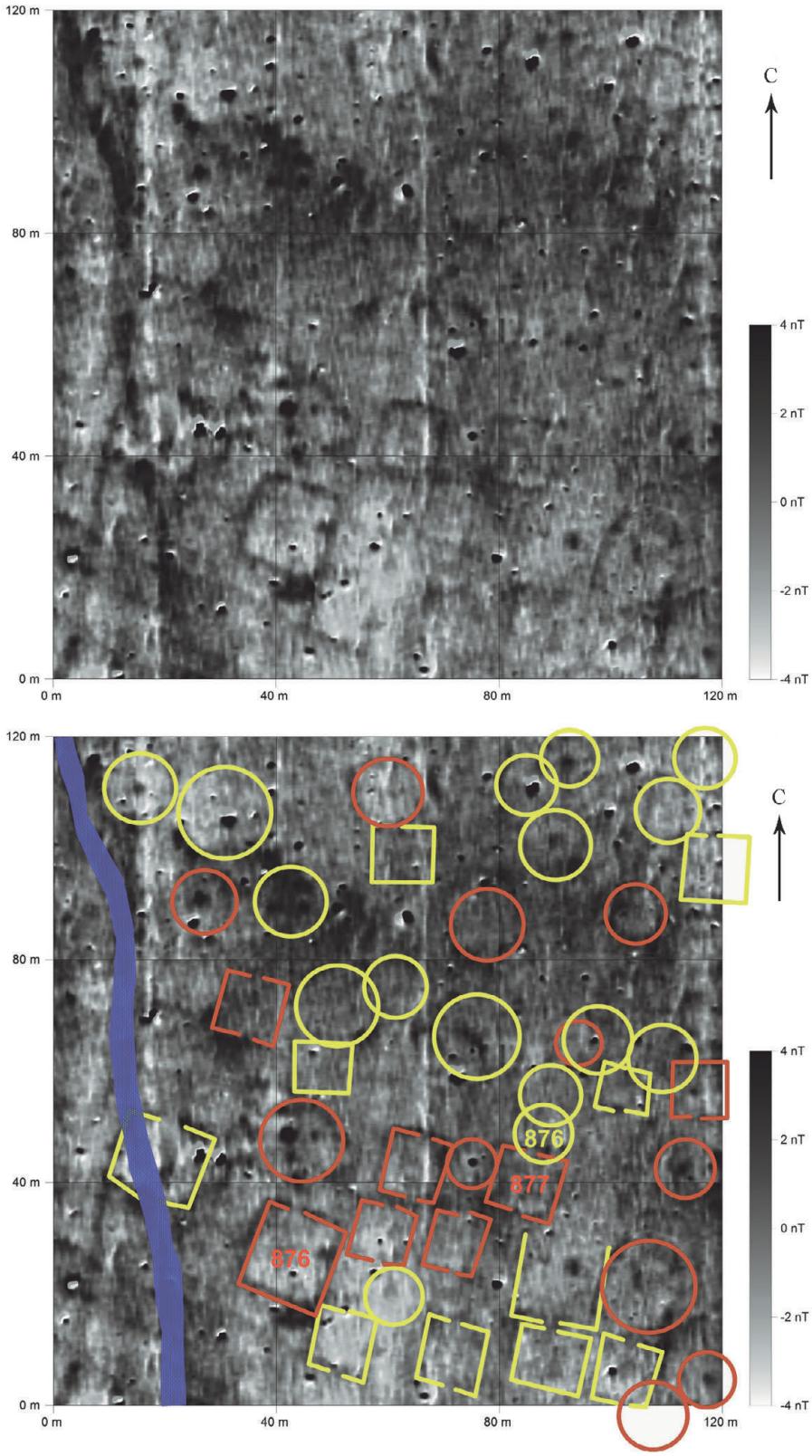


Рис. 5. Результаты магнитометрического обследования участка 1 Бесланского курганного катакомбного могильника *(сверху)* и их интерпретация *(снизу)*

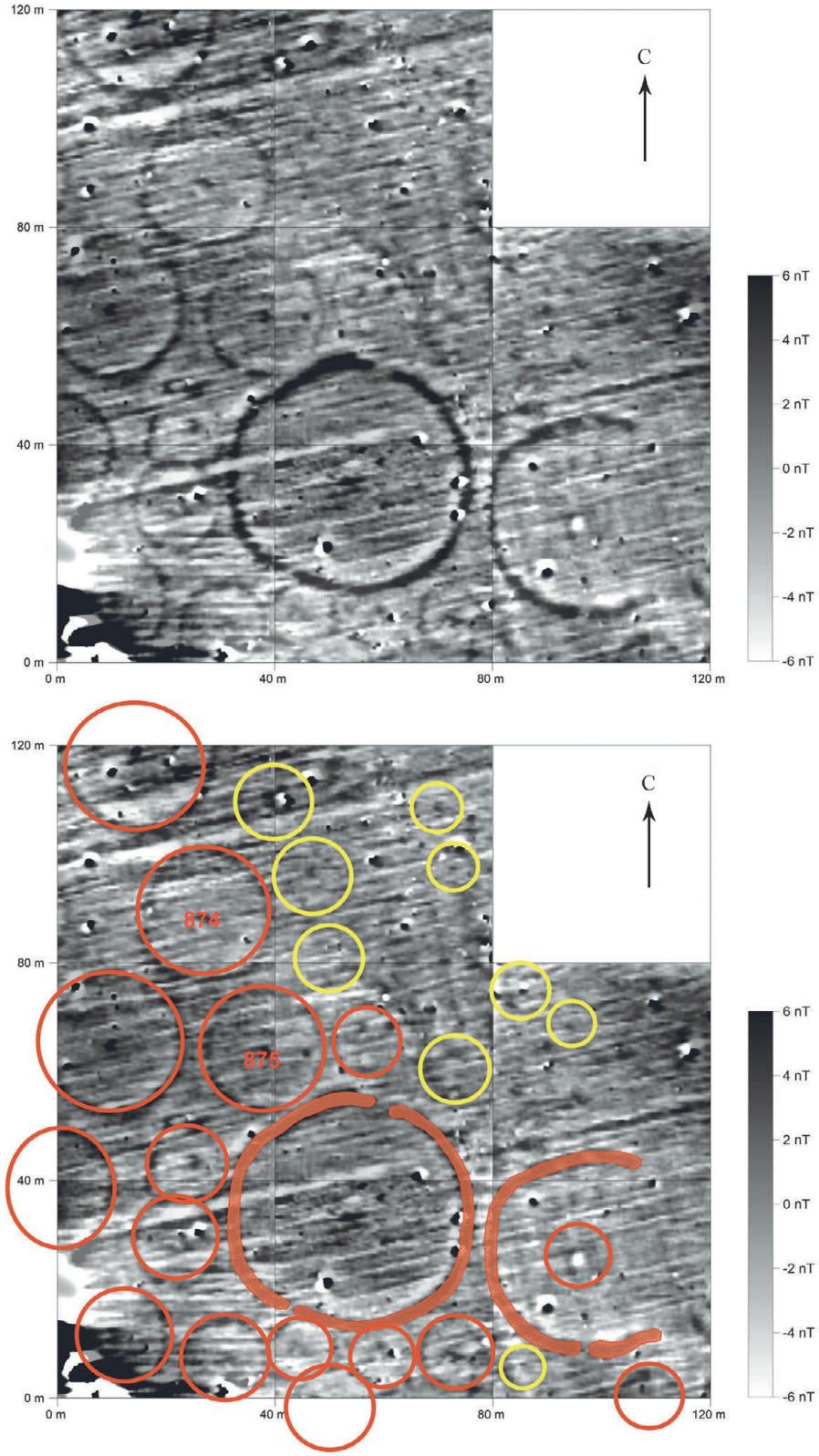


Рис. 6. Результаты магнитометрического обследования участка 2 Бесланского курганного катакомбного могильника *(сверху)* и их интерпретация *(снизу)*

Рис. 7. 1 – вид с воздуха с северной стороны на процесс раскопок курганов 876–878 участка 1 геофизического обследования Бесланского курганного катакомбного могильника;
2 – вид сверху на погребение 2 в кур. 876

вероятности. Здесь также был разбит квадрат со сторонами 120 × 120 м, один из девяти квадратов геофизического обследования был исключен из работы, поскольку он выходил за пределы границ некрополя с северо-восточной стороны и попадал на современную проселочную дорогу (рис. 3). Кроме того, юго-западный квадрат оказался частично покрыт крупной магнитной аномалией, образовавшейся в связи с близостью прохождения трубы газопровода (рис. 6). На оставшейся части участка магнитометрического обследования площадью около 1,28 га распознается не менее 18 распаханных курганных насыпей, ограниченных кольцевыми в плане ровиками с перемычками (рис. 6, *снизу*; обозначены красным цветом), в том числе и два крупных кургана с ровиками диаметром 35–40 м, расположенных в нижней части участка обследования. Один из них, наиболее крупный по размерам, виден также и на поверхности; остальные насыпи полностью распаханы и не имеют внешних признаков.

Два самых крупных кургана необычны не только своими размерами. Один из них огорожен широким кольцевым рвом, на котором отчетливо видны две перемычки с северо-северо-восточной и юго-юго-западной стороны. Сохранившаяся часть второго кольцевого рва с перемычкой на южной стороне имеет в центре входную яму катакомбного (?) погребения, которая выглядит как отрицательная (белая) магнитная аномалия. Восточный сектор рва очевидно уничтожен в ходе распашки, внутрь данного кольцевого крупного ровика попадает плохо различимый кольцевой ров небольшого кургана диаметром около 10 м (рис. 6, *снизу*; обозначены красным цветом).

Четыре из 18 ровиков выходят за пределы обследованного участка 2, остальные полностью попадают в него. Кроме того, предположительно распознается еще около девяти насыпей, в основном в северо-восточной части обследованного участка (рис. 6, *снизу*; обозначены желтым цветом). Они небольшого размера, диаметры ровиков около 10 м, контрастность их слабая. Два кургана с кольцевыми ровиками диаметром 20–22 м были выбраны для раскопок (кур. 874 и 875).

Помимо этих четко обнаруживаемых захоронений, на магнитограмме присутствуют следы других ям (захоронений?), которые не имели видимых ровиков в качестве ограды. Возможно, в этом случае нам удалось выявить бескурганные погребения либо ровики данных подкурганных захоронений были полностью уничтожены в процессе распашки.

В настоящий момент готовится полная публикация результатов раскопок курганов 874–878 Бесланского катакомбного могильника. В данной работе мы освещаем эти результаты в самом кратком виде.

Насыпи всех исследованных курганных насыпей были полностью распаханы и на поверхности не прослеживались. Их структура, зафиксированная в бровках, однородна у всех раскопанных курганов: под пахотным слоем в виде гумусированного суглинка черного цвета мощностью 30–40 см лежит слой погребенной почвы (гумусированный суглинок серо-коричневого цвета с включением карбонатов, мощностью 50–75 см). В бровках курганов фиксировались нижние профили заполнения ровиков, трапециевидной в сечении формы. Их глубина залегания от уровня пахотного слоя составляла от 75 см до 1,3 м. Ширина в верхней части от 50 до 75 см; в нижней части по плоскому дну ширина ровиков была от 20 до 40 см. Ровики всех курганов, кроме кур. 878, были заполнены затечным гумусированным суглинком черно-коричневого цвета с вкраплениями материковой глины и включениями карбонатов. Заполнение ровика кур. 878 отличалось отсутствием этих включений и вкраплений.

Диаметр ровиков варьировал следующим образом. Насыпи курганов 874 и 875 были окружены ровиками кольцевой формы, по внешнему контуру их диаметр составлял 22–24 м (рис. 8: *1*). С северо-восточной и юго-западной стороны ровики имели перемычки шириной около 2,0 м. Курганы 876 и 877 имели ровики квадратной формы (рис. 7: *1*), размерами по внешнему контуру 15,5–16,5 м и 12–12,5 м соответственно. Перемычки, расположенные с северо-северо-восточной и юго-юго-западной стороны, были существенно меньшими по ширине – от 0,5 до 1,2 м. Ровик кур. 878 кольцевой формы, он сохранился лишь частично. Его реконструируемый диаметр по внешнему контуру составляет 9,5 м, а ширина сохранившейся с юго-западной стороны перемычки – 1,5 м.

В основном курганные насыпи содержали по одному центральному погребению в катакомбах Т-образной формы. Катакомбы курганов 874 и 875 имели значительную глубину входных ям (до 4 м), которые были сильно разрушены в ре-

Рис. 8. 1 – вид с севера на пятно ровика и входной ямы катакомбы кур. 874; *2* – аксонометрия катакомбы 874, построенная по результатам трехмерного моделирования методом фотограмметрии

зультате ограблений в древности. Входные ямы прямоугольной формы, длиной 2,95 и шириной 1,4–1,6 м на уровне зачистки; ориентированы по линии северо-восток – юго-запад. Они имели ступеньки, сделанные вдоль длинной северной стенки. Заклады и входы в камеры не сохранились – они были сильно расширены грабителями. Сами камеры, расположенные с северо-восточной стороны, имели прямоугольную форму, размеры их были 2,2–2,4 × 1,0–1,5 м, высота около 2,0 м. Своды не сохранились, но, судя по всему, они вынесены вверх от входа и были стрельчатой формы (рис. 8: *2*).

Погребальный инвентарь, сохранившийся после ограбления, был обнаружен в основном в заполнении камер, в перемещенном состоянии. В катакомбе кур. 874 были найдены бронзовые пряжки, наконечник ремня (рис. 9: *1, 4*), фрагменты железного ножа и железного предмета. В камере катакомбы кур. 875 найдены многочисленные фрагменты железного меча или кинжала, серебряная пряжка со щитком, железная пряжка, нож, а также бронзовое и серебряное кольца с зажимами (рис. 9: *2, 3, 5, 6;* 10: *1*). Примечательны находки керамики из этой катакомбы – сероглиняная миска с загнутым внутрь бортиком (рис. 11: *5*), а также тонкостенный светлоглиняный узкогорлый кувшинчик с отбитой ручкой, место скола которой было зашлифовано для его дальнейшего использования (рис. 11: *1*). Этот кувшинчик имеет закавказское происхождение, он представлял, по-видимому, большую ценность для его владельцев. Найденные серебряные и бронзовые пряжки и кольца с зажимами характерны для третьей четверти IV в. н. э. Светлоглиняный кувшинчик близок по профилировке верхней части сосуду из слоя Зильгинского городища (*Arzhantseva et al.,* 2000. P. 242; Fig. 18), а также находит аналогии в материалах Живальского могильника в Грузии[3], которые датируются в пределах III – нач. IV в. н. э. (*Рамишвили,* 1983. Табл. LXIII; LXV, 283).

Катакомбы кур. 876 и 877, раскопанные на участке 1 возле Зильгинского городища, имели существенные отличия от вышеописанных (рис. 7: *1*). Входные ямы их, ориентированные по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад, были длиннее и уже. Форма их трапециевидная, с расширением к камере, находившейся у северо-северо-восточной стенки; размеры на уровне зачистки: длина – 2,3–2,7 м, ширина – 0,5–0,7 м. У юго-юго-западных (задних) стенок входных ям были сделаны ступеньки на половину ее ширины, расположенные в шахматном порядке. Глубина входных ям достигала 2,5 м перед камерой. Сами камеры имели овальную форму с вынесенным вверх от входа полусферическим сводом, размеры их составляли 2,2–2,3 × 1,6 м, высота – 1,0–1,1 м.

Оставшийся после грабителей инвентарь также был найден среди заполнения камер. В кат. 876 он включал крупный чернолощеный кувшин с носиком-сливом закрытого типа и орнаментом в виде заштрихованных треугольников, выполненных узкими пролощенными линиями, а также поясов оттисков З-образного штампа (рис. 11: *2*), кружку с зооморфным оформлением верхнего прилепа ручки (рис. 11: *3*), железный нож, мелкий стеклянный бисер, сердоликовую бусину, фрагменты штампованных бронзовых и серебряных бляшек и фрагментированную позолоченную псевдопряжку (рис. 9: *7, 8, 10, 11, 14*). В кат. 877 найдены фрагменты железной пряжки и бронзовая серьга с позолотой (рис. 9: *9, 12*).

В кургане 876 находилось также периферийное погребение девочки, совершенное в подбое. Размеры на уровне зачистки входной ямы трапециевидной формы – 1,4 × 0,5–0,6 м, глубина – 0,5 м. В западной стенке находился вход в подбойную нишу шириной 0,9 м и высотой 12 см; ниша овальной формы размерами 1,2 × 0,4 м и высотой 0,3 м. Вход был заложен крупными кусками глины. На дне ниши в вытянутом положении на спине головой на северо-северо-восток лежал скелет ребенка[4] (рис. 7: *2*). Голова его повернута на правую сторону. Череп был искусственно деформирован; по мнению С. Ю. Фризена, это типичная для раннеаланских краниологических серий деформация с валиком в области bregma и постбрегматическим вдавлением. С левой стороны у головы находился небольшой горшочек (рис. 11: *4*), на шее – крупная бронзовая цепь (рис. 10: *4*), очевидно связанная крайними звеньями с помощью кожаного шнурка, который истлел.

Данное захоронение не имеет узко датирующего материала. Однако оно синхронно цен-

[3] Выражаем глубокую признательность Д.-А. А. Хазамову за указанную аналогию в публикациях грузинских коллег.

[4] Подробный антропологический анализ особенностей данного индивида, проведенный О. Ю. Чеченкиной и М. Б. Медниковой, содержится в совместной публикации (*Коробов и др.*, 2021).

Рис. 9. Находки из захоронений Бесланского курганного катакомбного могильника:
1, 4 – кур. 874; *2, 3, 5, 6* – кур. 875; *7, 8, 10, 11, 14* – кур. 876, п. 1; *9, 12* – кур. 877; *13* – кур. 878.
1, 2, 4, 10 – бронза; *3, 5, 8* – серебро; *6, 9, 13* – железо; *7, 12* – бронза, позолота; *11* – сердолик; *14* – стекло

Рис. 10. Находки из захоронений Бесланского курганного катакомбного могильника:
1 – кур. 875; *2, 3* – кур. 878; *4* – кур. 876, п. 2. *1–3* – железо; *4* – бронза

Рис. 11. Керамика из захоронений Бесланского курганного катакомбного могильника:
1, 5 – кур. 875; *2, 3* – кур. 876, п. 1; *4* – кур. 876, п. 2; *6* – кур. 878

тральному погребению в катакомбе и совершено под одной с ним курганной насыпью, окруженной квадратным ровиком. Исходя из остатков поясного набора с псевдопряжками и штампованными бляшками в геральдическом стиле, найденных в кур. 876, все данные погребения в курганах с квадратными ровиками можно датировать около сер. VII в. н. э. Чернолощеный кувшин из основного захоронения кур. 876 имеет аналогию среди находок могильника Брут 2 в катакомбе кур. 18, комплекс которой относится к концу VI – первой трети VII в. н. э. (*Габуев, Малашев,* 2009. С. 120–121, 127–129, 141. Рис. 93, *14*).

Таким образом, исследованные на участке 1 погребения в курганах с квадратными ровиками являются наиболее поздними из известных на сегодняшний день захоронений Бесланского курганного катакомбного могильника. Наши раскопки подтверждают существование жизни на Зильгинском городище в VII в., которое предполагалось ранее благодаря находкам керамики и фибул в слое городища (*Arzhantseva et al.,* 2000. P. 244. Fig. 16), рассмотренных И. О. Гавритухиным (*Гавритухин*, 2007).

Квадратный ровик кур. 877 прорезал кольцевой ровик более раннего катакомбного погребения, совершенного в кур. 878. Сохранились участки его контура в южной и западной части; северо-восточный сектор проследить не удалось. Центральную часть пространства, огороженного ровиком, занимало катакомбное погребение. Входная яма его имела ярко выраженную трапециевидную форму. Она была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад, длина ее на уровне зачистки составляла 2,05 м, ширина северо-восточной стенки у входа в камеру была 1,6 м, у задней (юго-западной) стенки – 0,7 м. Глубина входной ямы у входа в камеру от уровня зачистки – 1,25 м. В юго-западном углу и по ширине задней стенки сделано несколько ступенек. Камера имела овальную форму, ее размеры составляли 2,0 × 1,15 м, высота – 0,9 м. Свод полусферический, понижающийся от входа к передней стенке камеры.

В камере, ограбленной в древности, сохранились некоторые кости взрослого погребенного. Судя по расположению длинных костей ног, сохранившихся *in situ*, он лежал в вытянутом положении на спине головой на юго-восток, направо от входа в камеру. Среди сохранившегося погребального инвентаря обнаружены железные шило, пряжка и нож, а также сероглиняная миска с загнутым внутрь бортиком (рис. 9: *13;* 10: *2, 3;* 11: *6*). К сожалению, найденный инвентарь не дает возможности установить узкую дату данного захоронения. Однако, судя по конструктивным особенностям катакомбы, она датируется не позднее начала III в. н. э. и относится к числу наиболее ранних катакомбных погребений Бесланского некрополя, известных на сегодняшний день.

Весьма интересной деталью, выявленной в ходе наших работ на участке 1 Бесланского могильника в сезон 2020 г., стала находка хозяйственных ям, относящихся к неукрепленному посаду Зильгинского городища. Три ямы попали в огороженное ровиком внутреннее пространство кур. 876 и рядом с ним (рис. 7: *1*). Яма 1 расчищена в юго-юго-западном углу площади кургана, яма 2 – возле восточного края ровика с внутренней стороны; яма 3 находилась с северо-западной стороны от северной перемычки, с внешней стороны ровика. Сохранившаяся глубина ям 1 и 2 от уровня зачистки составила 0,7–0,9 м, диаметр на уровне зачистки – 1,6–1,7 м, диаметр дна – 1,9–2,0 м. Заполнены они были рыхлым серо-коричневым золистым суглинком, который ко дну и возле стенок был более плотным и более темного цвета. В ямах встречены многочисленные фрагменты керамических сосудов (около 500), турлука и костей животных. Яма 3 сохранилась лишь в придонной части, на глубину не более 15 см; в ней на дне находились крупные фрагменты тарного сосуда (пифоса).

Интересно отметить достаточно разреженное расположение описанных ям, а также тот факт, что в пространстве, окруженном ровиком соседнего к северо-востоку кур. 877, подобных объектов найдено не было. Культурный слой в профилях раскопанных курганов стратиграфически не фиксировался, хотя материалы – фрагменты керамики и кости животных – в пахотном слое присутствовали. Таким образом, мы можем констатировать, что нашими работами удалось установить периферию посада Зильгинского городища с восточной стороны в момент его максимального расширения. Эта граница проходит примерно в 230 м к востоку от видимой на космическом снимке линии рва, огораживающего с востока жилой холм V, и в 400 м к юго-востоку от юго-восточного угла холма II по плану С. А. Пирогова 1981 г. (рис. 1; *3*).

Подводя итог, следует отметить, что применение недеструктивных методов, основанных на анализе данных дистанционного зондирования,

трехмерного моделирования методом фотограмметрии, магнитометрического обследования и ограниченных по площади точечных раскопок позволяют в кратчайшие сроки получить принципиально новую информацию даже о таких хорошо известных археологических памятниках, как Зильгинское городище и Бесланский могильник. Нам удалось впервые уточнить площадь этих памятников и их границы, а также проследить их пространственные особенности. Небольшие по площади раскопки на Бесланском некрополе позволили существенно расширить прежние представления о времени его использования (с первой пол. III по финал IV в. н. э.), проследить тенденцию развития некрополя от городища в восточном и юго-восточном направлении, а также выявить свидетельства повторного использования его могильного пространства рядом с городищем в сер. VII в. н. э. Нам представляется, что аналогичные в методическом отношении работы имеют широкие перспективы при исследовании поселенческих и погребальных памятников северокавказских алан, основы которых были заложены при многолетнем непосредственном участии нашего юбиляра – Веры Борисовны Ковалевской.

ЛИТЕРАТУРА

Аржанцева И. А., Деопик Д. В., 1989. Зилги – городище начала I-го тысячелетия н. э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока / Отв. ред.: Г. А. Кошеленко, С. А. Узянов. М.: Наука. С. 75–107.

Бахтадзе Р. А., Деопик В. Б., 1963. Химико-технологический анализ раннесредневековых бус Северного Кавказа // Средневековые памятники Северной Осетии (Труды Северо-Кавказской экспедиции. 1958–1960 гг. Т. II) / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 148–151. (МИА; № 114.)

Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 468 с.

Гавритухин И. О., 2007. К вопросу о верхней дате городища Зилги // Три четверти века. Д. В. Деопику – друзья и ученики. М.: Памятники исторической мысли. С. 482–486.

Деопик В. Б., 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы // СА. № 3. С. 202–232.

Джанаев Э. Г., 2012. Отчет об исследовании Бесланского курганного катакомбного могильника в Правобережном районе Республики Северная Осетия – Алания в 2011 г. (в зоне строительства автомагистрали М-29 «Кавказ» на участке обхода г. Беслан) // Архив ИА РАН. Р. 1 №№ 29675–29693.

Дзуцев Ф. С., Малашев В. Ю., 2015. Бесланский археологический комплекс раннеаланской эпохи (некоторые итоги исследований 1988–2014 гг.). Владикавказ: Проект-Пресс. 112 с. (Алано-Кавказская библиотека)

Зайцева О., 2014. «3D революция» в археологической фиксации в российской перспективе // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 10–20.

Ким М. Г., 2017. Отчет о разведках в Республике Северная Осетия – Алания и в Чеченской Республике в 2017 году. Том V // Архив ИА РАН. Р-1. № 56799.

Ковалевская (Деопик) В. Б., 1965. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала // Археология и естественные науки / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука. С. 286–301. (МИА; № 129.)

Ковалевская В. Б., 1970. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковых систем // Статистико-комбинаторные методы в археологии / Отв. ред.: Б. А. Колчин, Я. А. Шер. М.: Наука. С. 144–155.

Ковалевская В. Б., 1995. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.: ИА РАН. 193 с.

Ковалевская В. Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М: ИА РАН. 364 с.

Ковалевская В. Б., 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 398 с.

Ковалевская В. Б., 2016. Кавказ в свете археологии и геногеографии // РА. № 3. С. 45–59.

Коробов Д. С., 2020. Отчет об археологической разведке на городище Киевское в Моздокском районе РСО–Алания в 2019 г. // Архив ИА РАН. Р-1, б/н.

Коробов Д. С., Малашев В.Ю., Фассбиндер Й., 2014. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // КСИА. Вып. 232. С. 120–135.

Коробов Д. С., Малашев В.Ю., Фассбиндер Й., 2020. Комплексное исследование раннеаланских захоронений IV в. н. э. в Северной Осетии // КСИА. Вып. 260. С. 441–458.

Коробов Д. С., Чечеткина О. Ю., Медникова М. Б., 2021. Детское погребение VII века из раскопок Бесланского могильника в фокусе комплексного междисциплинарного исследования // РА. № 4. С. 53-69.

Кравцова Ю. Д., 2020. История изучения Зилгинского городища в республике Северная Осетия – Алания // XV Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конференции / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета. С. 200–205.

Кузнецов В. А., 1986. Зилгинское городище в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе: СОНИИ ИФЭ. С. 72–106.

Малашев В. Ю., Албегова З. Х.-М., Меньшикова В. А., Габуев Т. А., Фризен (Куринских) О. И., Фризен С. Ю., 2015. Исследования участка Бесланского могильника в Республике Северная Осетия – Алания // АО 2010–2013 гг. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 387–389.

Малашев В. Ю., Магомедов Р. Г., Дзуцев Ф. С., Мамаев Х. М., Кадзаева З. П., 2020. Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке Октябрьский I и Киевский I в Моздокском районе Республики Северная Осетия – Алания в 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. № 2. С. 439–460.

Рамишвили Р. М., 1983. Могильник и поселение в Ахали-Живали по раскопкам 1971–1973 гг. // Живали. Археологические изыскания в Арагвском ущелье. Тбилиси: Мецниереба. (На груз. яз.)

Шуберт Х., 2016. 3Д-фотограмметрия с применением БПЛА в процессе археологического исследования // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». № 4 (12). С. 124–127.

Arzhantseva I. A., Deopik D. V., Malashev V. Y., 2000. Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the boundary between Steppe and Hill Country // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age / Ed. par: M. Kazanski, V. Soupault. Leiden; Boston; Köln: Brill. P. 211–250. (Colloquia Pontica; Vol. 5.)

Fassbinder J. W. E., 2015. Seeing beneath the farmland, steppe and desert soil: Magnetic prospecting and soil magnetism // Journal of Archaeological Science. Vol. 56. P. 85–95.

Fassbinder J. W.E., 2017. Magnetometry for Archaeology // Encyclopedia of Geoarchaeology / Ed. by A. S. Gilbert. Dordrecht: Springer. P. 499–514. (Encyclopedia of Earth Sciences Series.)

Fassbinder J. W. E., Stanjek H., Vali H., 1990. Occurrence of magnetic bacteria in soil // Nature. Vol. 343 (6254). P. 161–163.

D. S. Korobov, V. Yu. Malashev, J. W. E. Fassbinder

INVESTIGATION OF THE ZILGINSKOYE HILLFORT AND THE BESLAN BURIAL GROUND: NEW SURVEY METHODS

Summary. The article is devoted to new methodological techniques in the study of widely known sites of the early stage of Alanian culture of the Central Ciscaucasia – Zilginskoye hillfort and Beslan kurgan catacomb burial ground (RNO – Alania). Thanks to the use of satellite images, low-altitude aerial photography, photogrammetry and magnetometric survey it was possible to obtain, in the shortest possible time and with minimal opening up, fundamentally new information about these well-studied sites, to specify their topographic and planographic features. Excavations carried out in two areas of the Beslan necropolis helped to substantially refine its chronological framework, trace the development of the necropolis from the fortified settlement towards the south-eastern periphery and identify the area of the most recent burials of the mid-7th century near the eastern border of the unfortified settlement of Zilginskoye hillfort. The non-destructive survey methodology developed by the team has wide prospects for the study of sites of Alanian culture of the Central Ciscaucasia, especially at its early stage.

Keywords: North Caucasus, Alanian culture, "earthen settlements", under-barrow catacomb burials, photogrammetry, remote sensing data, magnetometric survey.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.172-179

А. А. Туаллагов
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, Владикавказ

ОБ ОДНОЙ СЕРИИ АЛАНСКИХ БРОНЗОВЫХ ЗЕРКАЛ

Резюме. В статье рассматривается серия бронзовых зеркал с зооморфными изображениями из раннесредневековых аланских могильников. Прототипами аланских зеркал являются зеркала с изображением ящериц из раннесредневековых могильников Дагестана. Их появление связывают с влиянием в Дагестане зороастрийской религии, распространявшейся в то время Персией. Сегодня «аланская серия» представлена четырьмя зеркалами и, вероятно, фрагментами еще от двух зеркал, что дает основание вывести их из ранее полагавшегося разряда редких находок. Заимствование образа ящерицы аланами, скорее, происходило в процессе адаптации его к собственным культурным традициям в условиях отсутствия влияния зороастризма.

Ключевые слова: бронзовые зеркала, зооморфные изображения, раннее средневековье, аланы, осетины.

Среди аланских бронзовых зеркал с центральной петелькой, обычно украшавшихся геометрическим орнаментом, выделяются зеркала, на которых представлены зооморфные образы. Речь идет о зеркалах, относимых к 27 таксону высшего порядка (*Албегова, Ковалевская*, 2015. С. 73. Рис. 2). Среди них выделяются два экземпляра, обнаруженных на территории современной Северной Осетии – Алании. Первый зафиксирован в катакомбе № 99 (1983 г.) Змейского могильника. Сохранились остатки кожаного чехла. Диаметр зеркала – 8,9 см (рис. 1). В настоящее время зеркало хранится в фондах Музея Института истории и археологии РСО-А при СОГУ (г. Владикавказ).

Первоначально указывалось, что на зеркале изображены «ящерка» или кошачий хищник (*Ростунов*, 1983. С. 343). Отождествление с кошачьим хищником, видимо, основывалось на необычной форме ушастой головы изображенных животных. При последующей публикации указывалось, что на зеркале могли быть изображены некие живые существа, напоминающие ящериц, возможно, схематизированные изображения фантастических драконов. В композиционном решении предполагалось отражение китайской традиции. Время изготовления подобных зеркал определялось X–XII вв. или X – началом XI в. (*Савенко*, 1985. С. 101, 105, 108. Рис. 2: *4*; 2017. С. 115).

Второй бронзовый экземпляр представлен в катакомбе № 28 (2000 г.) Даргавского могильника. Диаметр зеркала – 10,3 см (рис. 2). В настоящее время зеркало хранится в фондах Национального музея РСО-А (г. Владикавказ). Материалы захоронения датируются серединой/концом IX – первой половиной X в. или X в. (*Албегова (Царикаева), Успенский*, 2017. С. 105; 2019. С. 314). Полагалось, что на зеркалах могли быть представлены образы «ушастых драконов» (*Туаллагов*, 2010. С. 33).

Со змейской находкой были сопоставлены два фрагмента зеркала белого сплава, размерами 4,3 × 2,6 см и 2,3 × 1,8 см (рис. 3), и фрагмент, размером 4,5 × 2,0 см, от другого зеркала (рис. 4), хранящиеся в коллекции Донского музея (г. Новочеркасск). Время, место и обстоятельства находок остаются неизвестными. Время изготовления подобных зеркал отнесено к VIII–XII вв. Полагают, что фрагменты передают изображения ящериц или стилизованного дракона, как и на змейском зеркале (*Пьянков, Раев*, 2004. С. 228,

Рис. 1. Зеркало из катакомбы № 99 Змейского могильника. Фото А. А. Туаллагова; хранение: Музей Института истории и археологии РСО-А при СОГУ, г. Владикавказ

230). Одновременно музейные образцы (Там же. С. 240. Рис. 6: *6а*, *7*) были сопоставлены с находкой из Салтовского могильника с изображением «иного типа парных веточек» (Там же. С. 228).

Речь идет о зеркале диаметром 7,4 см из катакомбы № 2 (1947 г.) Салтовского могильника (*Иченская*, 1982. С. 156. Таб. 4; 159–160. Рис. 2; *1*; 163). Сопоставление следует принять. Но, по сравнению со змейским и даргавским изображением, салтовское отличается еще большей схематичностью (рис. 5). Наблюдается даже «потеря» конечностей животного, что может указывать либо на небрежность при изготовлении, либо на отсутствии четких представлений о воплощаемом образе.

Было также обращено внимание на открытие еще одного сопоставимого образца (рис. 6) из катакомбы № 119 Верхне-Салтовского IV могильника, которая датировалась IX в. (*Савенко*, 2017. С. 115) или серединой/второй половиной IX в. (*Аксёнов*, 2016. С. 116). Материалы комплекса признавались близкими с материалами из катакомбы № 29 могильника Мартан-Чу № 1 (Чечня), которые датировались второй полови-

Рис. 2. Зеркало из катакомбы № 28 Даргавсского могильника.
Фото А. А. Туаллагова; хранение: Национальный музей РСО-А, г. Владикавказ

ной IX в. (*Савенко*, 2017. С. 115) или не ранее рубежа IX–X вв. (*Виноградов, Мамаев*, 1985. С. 14–19, 22–26). Найденное в катакомбе № 119 Верхне-Салтовского IV могильника бронзовое зеркало диаметром 6,4 см (*Аксёнов*, 2016. С. 116, 117. Рис. 8: *3*), действительно, надежно сопоставимо с образцами из Северной Осетии (*Албегова (Царикаева), Успенский*, 2019. С. 314).

Таким образом, салтовские и северокавказские материалы составляют для нас четыре комплекса с соответствующими зеркалами, что указывает на обычный характер функционирования зеркал с таким зооморфным орнаментом у алан, выводя его из категории редких. Видимо, к салтовским материалам относятся и фрагменты от еще двух зеркал из коллекции Донского музея. Причем салтовский образец из катакомбы № 119 фактически синхронизируется с даргавским образцом, которые, следовательно, являются наиболее ранними в «аланской серии».

Согласно любезно предоставленной в свое время З. Х.-М. Албеговой консультации, такие зеркала встречались на территории Дагестана (*Туаллагов*, 2010. С. 33). Современные ис-

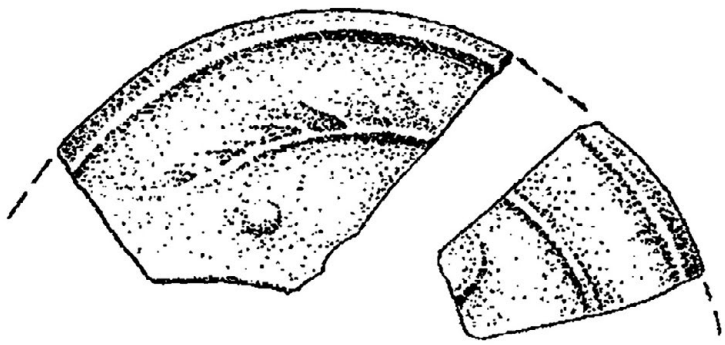


Рис. 3. Фрагменты зеркала из фондов Донского музея, г. Новочеркасск
(по: *Пьянков, Раев*, 2004. Рис. 6: *6а*)

следования подтверждают данное положение (*Гаджиев, Давудов*, 2018). С приведенной выше «аланской серией», включающей четыре зеркала и, вероятно, фрагменты от еще двух зеркал, сегодня могут быть сопоставлены семь находок «дагестанской серии».

Первая происходит из разрушенного погребения Дусрахского могильника. Диаметр зеркала из оловянистой бронзы – 7,4 см. Могильник в целом датировался раннесредневековым временем. Находки сопоставляемой группы зеркал из Дагестана относились к V–VII вв. Первоначально, в связи с отсутствием сведений о подобных находках за пределами Дагестана, трактовалось как указание на их ареал и территорию изготовления, а также как отражение религиозных представлений местного (дагестанского) населения, прежде всего – связанных с представлениями о хтоническом мире (*Абакаров, Давудов*, 1993. С. 96. Рис. 44: *25*, 210, № 1172; *Гаджиев, Давудов*, 2015. С. 36–37. Рис. 1: *2*; 38. Рис. 2: *1*; 2018. С. 155. Рис. 1: *1*).

Второй образец происходит из Дурангинского могильника и включался в группу материалов V–VII вв. (*Атаев*, 1963. С. 38. Рис. 6: *15*; 78, 82; *Гаджиев, Давудов*, 2015. С. 38. Рис. 2: *6*; 2018. С. 155. Рис. 1: *7*). К сожалению, качество изображения зеркала из Хунзахского могильника, включаемого в соответствующую группу (*Атаев*, 1963. С. 38. Рис. 6: *14*; *Гаджиев, Давудов*, 2015. С. 38. Рис. 2: *5*; 2018. С. 155. Рис. 1: *6*), осложняет идентификацию. Но, как представляется, оно сопоставимо с «аланской серией». Для данных находок отмечалось, что появление зеркал с изображениями драконов в начале I тыс. н. э. обычно связывается с болгарами и Китаем. Но связь дагестанских зеркал с Востоком ставилась под сомнение, а орнаментальные элементы признавались местными (*Атаев*, 1963. С. 68–69).

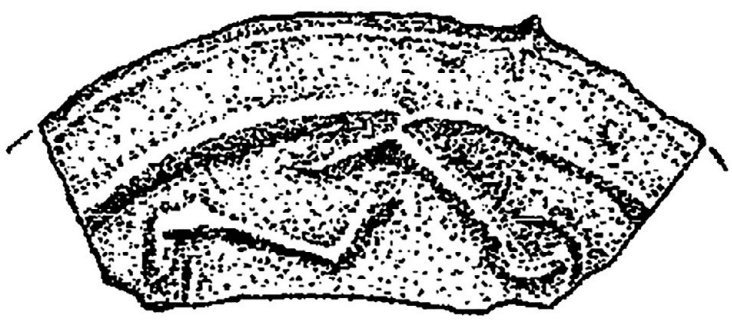


Рис. 4. Фрагмент зеркала из фондов Донского музея, г. Новочеркасск
(по: *Пьянков, Раев*, 2004. Рис. 6: *7*)

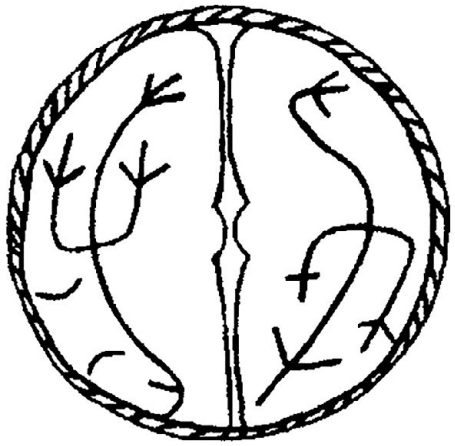
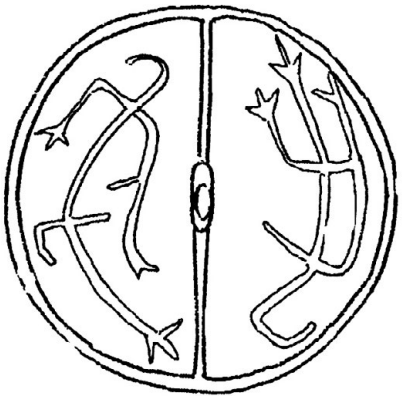


Рис. 5. Зеркало из катакомбы № 2 Салтовского могильника (по: *Иченская*, 1982. Рис. 2: *1*)



Р*ис. 6.* Зеркало из катакомбы № 119 Верхне-Салтовского IV могильника (по: *Аксёнов*, 2016. Рис. 8: *3*)

К интересующей нас «дагестанской серии» также справедливо относят зеркало из Агачкалинского могильника, бронзовое зеркало «с рельефным изображением ящерицы» из склепа V–VII вв. Хлютского могильника (*Гаджиев*, 1986. С. 73–74. Рис. 1: *29*; *Гаджиев, Давудов*, 2015. С. 38. Рис. 2: *8*; 2018. С. 155. Рис. 1: *9*), два фрагмента зеркала из разрушенного погребения V–VI вв. у с. Хуты (*Гаджиев, Давудов*, 2018. С. 154–155. Рис. 1: *5*), случайную находку фрагмента бронзового зеркала диаметром около 9,5 см из могильника, располагающегося у с. Ахалчи (*Абакаров, Магомедов*, 1991. С. 191–192. Рис. 1: *2*). К этой серии также относится образец из Аркасского городища, датируемый в пределах V–VII вв. (*Маммаев*, 1989. С. 211. Рис. 58; *Гаджиев, Давудов*, 2015. С. 36, 38. Рис. 2: *3*; 2018. С. 155. Рис. 1: *3*). Изначально изображение на указанном зеркале рассматривали как оберег-апотропей, отгоняющий от владельцев темные, злые силы (*Маммаев*, 1989. С. 46).

Следует согласиться с заключением, что существенные отличия даргавского образца от китайских и наличие дагестанских аналогий не позволяют считать зеркало предметом восточного импортного происхождения (*Гаджиев, Давудов*, 2018. С. 158). Исследователи отмечают, что погребальные комплексы «дагестанской серии» с изображениями ящериц и сколопендр датируются V–X вв., что, по заключению специалистов, может быть сужено до VI–X вв., т. к. надежных хронологических индикаторов V в. в погребениях, в которых найдены зеркала, не представлено. Хронологическое совмещение «аланской» и «дагестанской» серий на позднем этапе позволило выдвинуть интересную гипотезу о появлении «аланской серии» в контексте алано-серирских политических и этнокультурных связей, в том числе межбрачных (*Гаджиев, Давудов*, 2018. С. 156–157).

Допуская такую возможность, следует отметить следующее. Датирование «дагестанской серии» относится к зеркалам с изображениями ящериц, сколопендр и змей. Но в «аланской серии» представлен только образ ящерицы, что свидетельствует об особой избирательности в ходе заимствования. Если мы возьмем только зеркала с изображением ящериц «дагестанской серии», то они включались в материалы V–VII вв. Изображения «аланской серии» относятся к материалам не ранее середины IX в. Тогда на сегодняшний день наблюдается не только территориальное размежевание, но и заметный хронологический разрыв. В такой ситуации, конечно, следует полагать возможность ликвидации хронологического разрыва в результате дальнейших находок.

Но и в случае вероятности исчезновения хронологического разрыва показательным является территориальное несовпадение. Оно может указывать на затухание и прекращение традиции использования подобных зеркал у раннесредневекового населения на территории современного Дагестана, тогда как позднее у алан такие зеркала продолжили функционировать.

Видимо, здесь следует учесть и наблюдения специалистов, хотя и носящие в определенной степени условный характер. В IV–V вв. ареалы

наибольшей концентрации зеркал с центральной петелькой фиксируются в Прикаспийском Дагестане и на Северо-Западном Кавказе. В VII–VIII вв. обнаруживается тенденция сдвигания ядра данной группы зеркал с Северо-Западного Кавказа на восток, в центральную часть Кавказа. В VIII–X вв. ареал основной концентрации зеркал оказывается на территории предгорной и горной части современной Северной Осетии, а также за пределами Кавказа, на Среднем Дону, куда попадают с миграционной волной алан в середине VIII в. В VIII–IX вв. увеличивается наличие зеркал в аланских погребениях (*Албегова, Ковалевская*, 2015. С. 87–88).

В отношении зеркал «аланской серии» следует также привести следующее наблюдение. Зеркала из катакомб № 2 Салтовского могильника и № 119 Верхне-Салтовского IV могильника обозначены при публикации как бронзовые. Визуальный осмотр позволяет считать бронзовыми змейский и даргавский образцы. Не исключено, что бронзовое производство зеркал представляет пример постепенной утраты аланами рецепта классической высокооловянной «зеркальной» бронзы в VIII–IX вв. Позднее мастера тщательно собирали обломки высокооловянных изделий и использовали для последующего производства, добавляя лом бронзовых и латунных изделий из различных источников (*Ениосова и др.*, 2004. С. 79; *Рындина и др.*, 2015. С. 306).

О сравнительно позднем, по отношению к «дагестанской серии», производстве могут свидетельствовать размеры змейского и особенно даргавского зеркал, что соответствует наблюдениям о тенденции увеличения размеров зеркал с X в. (*Албегова, Ковалевская*, 2015. С. 87). Но фрагменты зеркал из коллекции Донского музея, обозначенные в публикации как изготовленные из «белого сплава», видимо, относятся именно к высокооловянистой «зеркальной» бронзе, что позволяет допустить их более раннее происхождение, но, исходя из исторических соображений, не ранее середины VIII в., что приближает их к «дагестанской серии».

Изображения на зеркалах с территории Дагестана изначально рассматривались исследователями как обереги-апотропеи, отгоняющие от владельцев темные, злые силы. Сегодня дополнительно отмечается, что рассматриваемые изображения связаны с образами хтонических существ, чем подчеркивается связь зеркал с представлениями о загробном, подземном, нижнем мире. С другой стороны, отмечается, что в целом в представлениях кавказских народов эти образы практически не представлены.

Поэтому предполагается возможность их появления на зеркалах как предметах, связанных с миром мертвых, за счет тесных связей Дагестана с Сасанидским Ираном в религиозно-идеологической сфере, под влиянием зороастрийской религии, где они предстают в качестве храфстра (ср.-перс. xrafstar) – порождений «полного смерти» Ахримана, вредных существ, связанных с миром тьмы. Их изображениями на зеркалах, воспринимавшихся как пограничный локус между мирами, устанавливалась своего рода защита, отпугивавшая злые потусторонние силы, которые могли проникнуть в земной мир через магическое окно зеркала. Так проявлялось магическое правило «подобное нейтрализует подобное» (*Гаджиев, Давудов*, 2018. С. 158–159).

Допуская такое положение для воззрений населения Северо-Восточного Кавказа, непосредственно находившегося в зоне распространения зороастризма, нет оснований распространять его на аланское население более западных районов Предкавказья. Зеркала «аланской серии» приходятся и на период полного прекращения влияния персидского зороастризма на Кавказе. Кроме того, появление в прошлом инокультурных образов всегда происходило за счет их переосмысления на основе собственных мировоззренческих представлений. В таких условиях следует ожидать адаптацию пришедших с территории современного Дагестана образов ящерицы на зеркалах к собственно аланским представлениям.

Хотя в нашем распоряжении нет подобных зооморфному орнаменту «аланской серии» образцов, но сама схема кругового расположения каких-то существ была надежно представлена в аланских памятниках. Важно в такой связи отметить, например, изображения на фаларах из материалов катакомб курганов №№ 150, 186 Бесланского могильника III–IV вв. движущихся по кругу различных животных. Прежде всего внимание привлекают изображения драконов, свернувшихся в кольцо, с лапами и без лап, вокруг которых могут шествовать другие существа. Их образы справедливо сопоставляются с образами памятников среднесарматской культуры, а также с более поздним изображением на фалярах от конской сбруи из аланского катакомбного погребения № 6 у хут. Октябрьский (Северная Осетия). (*Малашев, Дзуцев*, 2016. С. 179, 204.

Рис. 20: *1–4*), которое датируют развитым – поздним IV в. (Там же. С. 176).

На аланских образцах драконы изображены с ушами, что напоминает изображение «ушей» у ящериц змейского зеркала. Возможно, змейский образец демонстрирует наглядное дополнение схематизированного образа ящерицы более «реалистичным» изображением головы «дракона». На даргавском образце, как и на других схематизированных образцах обеих серий, на их месте представлены некие отростки.

Можно предположить, что на изображения «дагестанской серии» повлиял реальный образ местной круглоголовки ушастой (*Phrynocephalus mystaceus*) из рода круглоголовок семейства агамовых. Змейский образец может свидетельствовать в пользу местного производства зеркала, адаптирующего под свои представления инокультурный образ ящерицы. В таком контексте привлекает внимание наличие жемчужной выпуклости на даргавском зеркале, что сопоставимо с изображением на одном из фрагментов зеркала из коллекции Донского музея. Ее вариантом на змейском образце может служить сама петелька зеркала.

Образ дракона вполне естественно связан с образом змеи, который, в свою очередь, близок и образу ящерицы. Поэтому даргавский образец может продолжить линию адаптации инокультурного образа местными аланами. В таком контексте жемчужная выпуклость или петелька сопоставимы с осетинскими представлениями о волшебной «бусине», которая способна обеспечивать определенные блага ее хозяину, чей культ до сих пор представлен в осетинской культуре. Его проявления надежно прослеживаются исследователями по аланским памятникам. Такая «бусина» различными способами попадала к людям. Они падали с неба, их закапывали в землю змеи, ее могла принести сама змея, или человек мог отобрать «бусину» у сражавшихся за нее змей. Такой «бусиной» владела чудовищная Залийская змея. Осетинские представления о волшебной «бусине» могут входить в круг известных представлений о волшебных камнях кавказских народов.

Возможно, именно сюжет о борьбе змей за волшебную «бусину» и был воплощен на змейском и даргавском зеркалах. В данном случае не будем касаться многообразных ассоциаций зеркала с небесным или хтоническим мирами, с мирами живых и мертвых, с границей между мирами, с солнцем, луной, водой и т. д., с ролью зеркала в свадебной и похоронной обрядности и т. п. Отметим только выявляемое исследователями (*Кусаева*, 2015. С. 167–170) отождествление волшебных «небесного зеркала» и «бусины» в мифоэпическом сознании осетин. В таком случае хтонический сюжет «дагестанской серии» сменяется на небесный сюжет «аланской серии».

Образ ящерицы практически не известен в фольклорно-этнографическом наследии осетин. В осетинском эпосе он, например, вместе со змеями, лягушками и черепахами появляется в отдельном варианте сказания о волшебной нартовской чаше. Такое положение дополнительно свидетельствует в пользу заимствования образа ящерицы на аланских зеркалах, которые определяют и его время. Образ ящерицы не смог заменить или хотя бы потеснить традиционный для сюжета с волшебной бусиной образ змеи, представленный и в эпосе. В эпическом материале он только пополнил ряд образов гадов в сюжете о волшебной чаше, имеющем древнеиранское происхождение.

ЛИТЕРАТУРА

Абакаров А. И., Давудов О. М., 1993. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука. 325 с.

Абакаров А. И., Магомедов Р. Г., 1991. Новые археологические находки из горного и плоскостного Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века / Сост. О. М. Давудов. Махачкала: ДНЦ РАН. С. 190–202.

Аксёнов В. С., 2016. Катакомба № 119 Верхне-Салтовского IV могильника под Харьковом // РА. № 4. С. 105–123.

Албегова З. Х., Ковалевская В. Б., 2015. Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой как исторический источник (таксоны 9–17) // Историко-археологический альманах. Вып. 13 / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; М. С. 71–90.

Албегова (Царикаева) З. Х., Успенский П. С. Фибулы Даргавсского раннесредневекового катакомбного могильника аланской культуры (по материалам раскопок Р.Г. Дзаттиаты 1993–2009 гг.) // Скифо-аланское наследие Кавказа: сб. науч. тр. / Науч. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. С. 87–114.

Албегова (Царикаева) З. Х., Успенский П. С., 2019. Длинноклинковое оружие племен Центрального Кавказа по материалам Даргавского катакомбного могильника // КСИА. Вып. 256. С. 308–328.

Атаев Д. М., 1963. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала: Тип. филиала АН СССР. 254 с.

Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., 1985. Мартан-Чуйский I-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977–1978 гг.) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии / Отв. ред. В. Б. Виноградов. Грозный: ЧИИИСФ. С. 5–27.

Гаджиев М. С., 1986. Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I–VII вв.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана: сб. ст. / Отв. ред. М. А. Агларов. Махачкала: Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. С. 71–89.

Гаджиев М. С., Давудов Ш. О., 2015. Бронзовая статуэтка быка из погребения близ селения Дусрах // Вестник Дагестанского научного центра. № 57. С. 36–43.

Гаджиев М. С., Давудов Ш. О., 2018. Об одной группе раннесредневековых металлических зеркал Дагестана // ПИФК. № 4 (62). С. 153–164.

Ениосова Н. В., Ковалевская В. Б., Царикаева З. Х., 2004. Средневековые литые зеркала из Юго-Восточной Европы // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е. И. Крупнова (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа): тез. докл. / Отв. ред. Л. Т. Яблонский. М.: ИА РАН. С. 78–79.

Иченская О. В., 1982. Орнаментация зеркал Салтовского могильника // Новые памятники древней и средневековой культуры / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка. С. 151–163.

Кусаева З. К., 2015. Мотив чудесной бусины (Цыкурайы фæрдыг) в фольклоре и этнической культуре осетин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 8 (103). С. 165–173.

Малашев В. Ю., Дзуцев Ф. С., 2016. Парадные сбруйные наборы III в. н. э. из Бесланского могильника и проблема сложения аланской культуры Северного Кавказа // Малашев В. Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н. э. М.: ИА РАН. С. 160–202.

Маммаев М. М., 1989. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: истоки и становление. Махачкала: Дагестанское книжное издательство. 348 с.

Пьянков А. В., Раев Б. А., 2004. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск) // Материалы по археологии Волго-Донских степей: сб. ст. Вып. 2 / Отв. ред. И. В. Сергацков. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та. С. 220–250.

Ростунов В. Л., 1983. Отчет о раскопках 1983 года в Кировском и Пригородном районах СО АССР (в двух частях). Ч. I. Отчет о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе СО АССР. Орджоникидзе // Архив Института истории и археологии РСО-А.

Рындина Н. В., Ениосова Н. В., Сингх В. К., 2015. Естественнонаучные методы изучения древних металлических изделий в лабораториях кафедры археологии МГУ: достижения и перспективы // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. № 2 (3). С. 292–315.

Савенко С. Н., 1985. Хронологические особенности зеркал X–XII вв. н. э. Центрального Предкавказья // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа / Отв. ред. Т. Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ. С. 97–109.

Савенко С. Н., 2017. Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н. э. // Археология евразийских степей. Вып. 24. Пятигорск; Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость». 384 с.

Туаллагов А. А., 2010. Об одном редком типе орнаментации средневековых аланских зеркал // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 2 / Отв. ред. Ю. А. Прокопенко. Ставрополь: Графа. С. 33–37.

A. A. Tuallagov

ABOUT A SERIES OF ALANIAN BRONZE MIRRORS

Summary. This article discusses a series of bronze mirrors with zoomorphic images from early medieval Alanian burial grounds. The prototypes of Alanian mirrors are mirrors with figures of lizards from the early medieval cemeteries of Dagestan. Their appearance is ascribed to the influence of the Zoroastrian religion, which was spreading in Dagestan by Persia at that time. Today the "Alanian series" is represented by four mirrors and probably fragments of two others, which allows us to exclude them from the category of rare finds. The adoption of the lizard image by the Alans was more likely to have taken place in the process of adapting it to their own cultural traditions in the absence of Zoroastrian influence.

Keywords: bronze mirrors, zoomorphic images, early Middle Ages, Alans, Ossetians.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.180-194

А. А. Иерусалимская
Государственный Эрмитаж, С.-Петербург

ИНОЗЕМЦЫ НА СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Резюме. На фоне описания Северокавказского шелкового пути заново анализируется лента с греческой надписью из Мощевой Балки, а также некоторые другие находки византийского круга на Северном Кавказе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, раннее средневековье, Великий шелковый путь

Когда длительное время работаешь над определенным материалом (в моем случае преимущественно над анализом находок из северокавказских средневековых могильников, а также над проблемами древнего текстиля), может неожиданно возникнуть новая тема в этих исследованиях, причем нередко на основе уже изученного материала, но рассмотренного с другой точки зрения.

Мне показалась, в частности, не лишенной известного интереса предлагаемая в этой статье задача, возникшая именно таким образом: попытка выяснить – причем на основе чисто археологических данных (при почти полном отсутствии здесь для этого времени письменных источников на эту тему), кого из иноземных путников можно было бы встретить в раннем средневековье на Северокавказском шелковом пути. При этом я, конечно, не ставлю под сомнение само существование такого варианта пути. Это был *обходной* маршрут в торговле между Западом и Дальним Востоком, причем весьма востребованный: ведь он восстанавливал непрерывность движения на всем протяжении Шелкового пути, прежде долгое время нарушенную в его западной части. Должна заметить, что предлагаемая здесь интерпретация является (да не сочтется это нескромностью) преимущественно плодом моих собственных долгих исследований.

Речь пойдет о возможности прямых торговых контактов между Китаем (и всем дальневосточно-среднеазиатским регионом), с одной стороны, и Византией и странами Запада – с другой.

Как известно, торговым связям между этими далекими партнерами противостоял в свое время Сасанидский Иран (позднее Арабский халифат), создав для этого на Евфрате некий «кордон», прерывавший движение караванов по главной трассе Шелкового пути. Это вынуждало страны, страдавшие от такой ситуации, искать обходные маршруты, позволявшие миновать своих «торговых конкурентов».

Одним из них и стал путь, названный мною когда-то «Северокавказским». Часть этого маршрута проходила по Предкавказью (что было известно уже в VI – начале VII в. византийским историкам Менандру и Прокопию). Далее, если двигаться с запада на восток, путь этот следовал на Волгу, сливаясь затем с издавна известными трассами дорог, ведущих в Среднюю Азию, Восточный Туркестан и в Китай.

На юго-западе этот путь приводил к западным перевалам Кавказа – Лабинскому, Санчарскому (но не далее Клухорского к востоку). Эти перевалы значительно уступают по возможности их преодоления центральным и восточным. Однако последние, более удобные перевалы, не годились для этого направления торговли, так как выводили на юге на территорию, находившуюся в «проиранской» сфере влияния, что не соответствовало задачам рассматриваемого пути, призванного как раз обходить эту сферу.

Следует подчеркнуть, что по своим преобладающим связям западные районы Алании (находившиеся в зоне влияния Византии) кардинально отличались от центральных и восточных, ориентированных своими основными путями на Картли (Грузию) и далее на ближневосточные страны.

Перевалив Кавказский хребет через западные перевалы, караваны, двигавшиеся с востока на запад по данному пути, шли преимущественно по долине реки Бзыби (современная Абхазия) к прибрежным колониям Византии. Эти колонии служили перевалочными пунктами, откуда добирались морем в Средиземноморье, к крупнейшему торговому центру – Трапезунду, откуда можно было следовать на запад или на юг. Тем же маршрутом шла торговля и в обратном направлении.

Вдоль северокавказского участка этого пути тянется долина реки Большая Лаба, притока Кубани (рис. 1). Приведенная фотография была сделана автором при подъеме по крутому склону, ведущему к поселению и могильнику Мощевая Балка (VIII–IX вв.), материалы которых особенно важны для решения рассматриваемых вопросов. Статью открывает одна из наиболее значимых для данной темы находок, сделанная именно в названном могильнике: *лента с надписью*.

Замечу, что указанная находка интересна еще и потому, что свидетельствует о налаженных связях византийских властей с теми, кто был ими направлен на Северный Кавказ – прежде всего в целях военного контроля над этой территорией, стратегически важной для Византии. Такой контроль стал особенно актуальным в рассматриваемый период. Причиной тому была агрессия с юга на Северный Кавказ Арабского халифата, усилившаяся в VIII в. Хотя эта агрессия была направлена в основном против хазар, однако она впрямую коснулась и алан. Так, арабский военачальник Мерван Бен Мухаммад, пройдя в 735/36 г. через Дарьял («Аланские ворота»), разгромил алано-хазаро-болгарскую коалицию и захватил три аланские крепости, сделав аланов на время своими данниками. Вся эта ситуация заставляла Византию усиливать свое присутствие на Северном Кавказе. Причем, как теперь выясняется, контакты византийской метрополии с отправленными на Кавказ сотрудниками (преимущественно военными) осуществлялись именно по Северокавказскому пути, то есть через западные перевалы. Такой «историко-географический» аспект отразился в первую очередь на составе находок, сделанных на известном ныне археологическом памятнике – поселении и могильнике Мощевая Балка – пункте, державшем в то время под контролем всю эту трассу. Поселение (ныне полностью разрушенное) располагалось на верхнем плато, на высоте около 2 тыс. м над уровнем моря, могильник – на лежащей несколько ниже длинной террасе. Адыго-аланское население, обитавшее здесь, контролировало весь этот участок длинного торгового пути, связывавшего Дальний и Ближний Восток, включая перевалы. Оно помогало также иноземным караванам преодолевать сам этот трудный переход, где путникам нередко приходилось даже менять своих коней на местных.

Описанная здесь в общих чертах ситуация привела к скоплению у здешних жителей шелковых тканей – основного товара, который тут везли в обе стороны и которым с ними расплачивались. Полученный в уплату кусок ткани разрезался и делился между участниками каждой операции. Вождю же, как показали находки, полагался целый ткацкий кусок (длиной свыше 4 метров) – так называемая «штука» шелковой ткани. Все было регламентировано и явно сделалось здесь традиционным.

Картина, тут кратко набросанная, была выявлена и подтверждена прежде всего археологическими материалами из Мощевой Балки и из ряда других памятников этого региона, так же как этнографическими данными. Возвращаясь к предлагаемой здесь теме, обратимся к одной из самых впечатляющих находок в Мощевой Балке. Речь пойдет о *шелковой ленте с тканой греческой надписью*, которую я назвала, исходя из ее смысла, *«наградной»*.

Лента была обнаружена В. Н. Каминским в отвалах – грабительских, а также образовавшихся после происходивших тут в 1980-х годах обширных, но крайне беглых раскопочных работ. Эти отвалы, тянущиеся по краю террасы, ныне принесли, кроме ленты, еще ряд интересных находок, очевидно, связанных с упомянутыми раскопками (проводившимися под руководством Е. И. Савченко, чей безвременный уход из жизни не позволяет, разумеется, продолжать затронутую тему).

Все прочие находки в отвалах (едва таким образом не погибшие) были сделаны тем же В. Н. Каминским и переданы им самым коллеги-

Рис. 1. Путь по долине реки Б. Лаба к западным перевалам Кавказа. Фото автора

альным образом в Эрмитаж, поскольку именно здесь к этому времени уже хранились и изучались некоторые материалы из того же могильника.

Лента, о которой идет речь, – плотная и узкая (шириной 1,1 см) – сохранилась далеко не полностью, и была найдена в двух неравных фрагментах. Судя по ее «стремлению свернуться в кольцо», лента, возможно, использовалась последними владелицами (ими должны были являться девочки или девушки) в качестве «диадемы». Меньший фрагмент из сохранившихся (рис. 2) ныне принадлежит Эрмитажу: благодаря, как упоминалось, передавшему его сюда находчику – В. Н. Каминскому.

Этот наш давний друг и коллега предполагал лично передать сюда и остальную – более длинную – часть этой ленты, которую не решился доверить почте. Однако он не успел этого сделать, так как его настигла трагическая кончина, глубоко потрясшая всех друзей, включая автора этой статьи…

Эта более длинная часть ленты, вместе с некоторыми другими вещами В. Н. Каминского, оказалась в Ставропольском музее, где он тогда эпизодически работал. Но странным образом этот музей, с которым у нас всегда были нормальные контакты, отказался без каких-либо аргументов передать Эрмитажу остальную часть ленты, отвергнув все наши условия (в частности, предложение указывать с благодарностью в экспликациях, что собственником этой части ленты является Ставропольский музей…).

В моих первых публикациях, состоявшихся в Германии, были, по счастью, воспроизведены (с разрешения В. Н. Каминского) оба сохранившиеся фрагмента ленты, поскольку они были включены в состав экспонатов временной выставки Эрмитажа в Баварском национальном музее в Мюнхене, когда мне и удалось исследовать их для экспозиционного Каталога, а также для статьи в сборнике, посвященном одному из организаторов указанной выставки профессору М. Рестле (*Ierusalimskaja, Borcopp*, 1996. № 79; *Ierusalimskaja*, 2000).

Переходя к анализу ленты, следует указать прежде всего, что она выполнена из шелковых нитей в технике «тканья на дощечках». Эта техника позволяла выткать на одном таком ткацком устройстве только один экземпляр, что в данном случае соответствовало индивидуальному назначению ленты. Фон был красным (цвет несколько видоизменился), буквы и обрамление не были окрашены, то есть оставались белыми. Длинные края ленты обметаны. Поскольку ее концы оборваны, первоначальную длину ленты установить невозможно. Однако, судя по характеру нанесенной по всей ее длине надписи, от которой сохранилось лишь начало (и которая, как можно полагать, была относительно многословной), длина ленты могла, по моим измерениям, достигать 1,0 м (в таком случае от нее сохранилось меньше половины). Длина большего из фрагментов – 41,4 см, меньшего – 4,0 см. Качество тканья чрезвычайно высокое.

Техническое описание. Тип переплетения*:* двусторонняя саржа 1/2. Основы: шелковые нити S-крутки, двух цветов: темно-малинового (исходно красного, краситель кермес) и желтоватого (исходно белого, без окраски). Утки*:* шелковые бежевые нити (Z-крутка), сгруппированы по 2 нити. Плотность 15 нитей/см.

Главной особенностью ленты является, как указывалось выше, тканая греческая надпись по всей ее длине: высота букв – 0,4 см. По обе стороны надписи, вдоль верхнего и нижнего ее краев, тянется тонкий бордюр в виде линии, над которой помещен ряд мелких перлов.

Первые публикации были мною сделаны после упоминавшегося экспонирования ленты на временной выставке в Мюнхене. Затем я обратилась к ее рассмотрению в своих монографиях о Мощевой Балке (*Ierusalimskaja*, 1996. S. 251; *Иерусалимская*, 2012. С. 133–136). В дальнейшем лента – точнее надпись на ней – привлекла внимание еще некоторых специалистов: С. Н. Малахова, А. Ю. Виноградова, а также В. С. Флёрова и С. Б. Сорочана (*Малахов*, 2004; *Виноградов*, 2013; *Сорочан*, 2015; *Флёров, Сорочан*, 2015). Они обратили внимание – что для нас немаловажно – на безупречное воспроизведение греческих букв надписи (насколько об этом позволял судить сохранившийся небольшой кусок текста).

Переходя здесь заново к рассмотрению надписи, надо прежде всего подчеркнуть ее официальный характер (несмотря на хвалебный, почти поэтический тон, который отразился даже в ее сохранившейся начальной части). В тексте торжественно восхваляется некий византийский *протоспафарий*. В ту эпоху это – достаточно высокий военный чин: «первый меченосец», «глава спафариев» (позже их функции несколько варьировали), известно также, что персоны с таким титулом участвовали и в войнах в Закавказье.

Рис. 2. Меньший из фрагментов наградной ленты. Гос. Эрмитаж

В начале текста названо имя адресата – *Ибанос,* а также отмечено, что он еще молод. Никаких иных подробностей сохранившаяся часть не содержит.

Перевод надписи был сделан для меня В. С. Шандровской, что указывается мною всегда с неизменным чувством самой горячей благодарности.

Привожу этот перевод *(*сохранилось лишь *9 слов* от ее начала*):* «*привет* (слава) *тебе достопочтенный господин ибанос протоспафарий ты процветаешь* (радуешься) *в молодости* (своей)…» Как полагают некоторые специалисты, имя протоспафария – *Ибанос,* возможно, является тюркским, что, замечу, не было бы редкостью для официального мира Византии, поскольку в источниках не раз приводятся, в частности, указания на «византийцев тюркского происхождения» и на «знатных болгар». Разумеется, лента должна была сопровождать какие-то драгоценные дары, которые не дошли до нас.

В этой связи стоит вспомнить о нескольких найденных на Северном Кавказе византийских инкрустированных изделиях весьма высокого качества, несколько более раннего времени (VII в.), – деталях конской узды, а также украшениях, в том числе ожерельях. Такие предметы вполне могли бы, как это предположительно имеет место и в описываемом здесь случае, являться собственностью какого-то из находившихся тут крупных греческих военных или чиновников.

Интересно также, что в византийских источниках нередко в качестве комплекса даров лицам высокого ранга (один раз – даже в связи с получением титула протоспафария) называется сходный с упомянутым выше состав даров. Особенно же часто среди этих даров указываются золотые ожерелья (*Сорочан*, 2015. С. 100).

Сохранившийся на ленте текст не позволяет выяснить, чем конкретно данное лицо вызвало столь высокое награждение. Представляет, однако, безусловный интерес уже сам факт наличия в Византии подобного ритуала: вручения награждаемому не только дорогих даров, но и именной ленты с текстом, что впервые регистрирует данная находка.

Само место находки ленты (Мощевая Балка) может предположительно получить по крайней мере два объяснения:

1) в этом районе были ограблены официальные посланцы из Византии, которые направлялись к протоспафарию Ибаносу для вручения награды;

2) был ограблен тут сам этот протоспафарий, уже получивший эти дары.

Награждаемый, кстати, мог бы иметь в качестве места своего тогдашнего пребывания какой-либо из центров западной Алании, относительно близко (что немаловажно) расположенных. Так, Мощевая Балка, откуда происходят интересующие нас находки, лежит на реке Большая Лаба, в устье которой, у селения Первомайское, находится огромное средневековое аланское городище. Крупные аланские центры существовали также на Нижне-Архызском, на Хумаринском и на ряде других городищ этого региона. В любом варианте рассматриваемая находка безусловно оживляет картину сношений Византии со своими сотрудниками в провинции.

Таким образом, одну из групп «*иноземцев на Северокавказском пути*» могли, судя по находкам, составлять: во-первых, византийские

чиновники официального ранга (в данном случае связанные с награждением протоспафария Ибаноса, и, конечно, сам награждаемый); во-вторых, какие-то знатные лица – такие как владельцы упоминавшихся выше более ранних византийских драгоценностей VII в.

Всю эту группу можно обозначить как *византийских* военачальников и вообще сотрудников и «путешественников» высокого ранга, эпизодически направляемых из метрополии, либо обитавших относительно стабильно в западной Алании. Для полноты картины необходимо вспомнить и о постоянном *местном* племенном массиве, с представителями которого можно было бы, видимо, в первую очередь столкнуться на данном пути.

И еще один вопрос, имеющий отношение к рассмотренной ситуации: характер того влияния, которое мог оказывать Северокавказский путь на повседневную жизнь обитавших тут племен. Удается, как кажется, выявить некоторые признаки прямого общения местного населения с появлявшимися тут вместе с караванами иноземцами. Это проявилось, в частности, в некоторых чертах местной одежды: например, в платьях в виде туник, воспроизводящих византийские образцы – с небольшими шелковыми нашивками (круглыми и квадратными) спереди (*Иерусалимская*, 2012. С. 208).

Выявлены и некоторые другие заимствования, обычно приспособленные тут для собственных нужд. Однако главное, что поражает, – это широчайшее использование адыго-аланским населением этого региона привозных шелков. Для той эпохи, пожалуй, нигде в мире не найти места, где шелк был бы так широко распространен в быту рядового населения – включая не только одежду, но даже отделку обуви, различные поделки или детские игрушки. Этот факт, разумеется, отражающий прежде всего влияние Шелкового пути, является следствием устойчиво созданной практики расплаты караванов с дорожными помощниками «натурой» (в данном случае шелковыми тканями и одеждой, которые везлись на продажу). Это и делало местный быт совершенно «заполненным» шелком, цены которому здесь не знали…

Поэтому встретить тут местного жителя, чья одежда оказалась бы обильно отделанной или даже полностью крытой шелком, было бы абсолютно обычным и заурядным обстоятельством. Среди оседавших тут шелковых тканей нередко встречаются и самые знаменитые, известные по их находкам в Европе – правда, там такие находки всегда были сделаны в неизмеримо более престижных условиях: в могилах, связанных с гораздо более высоким слоем общества. Приведу лишь несколько примеров тканей высочайшего уровня, которые оказались на Северном Кавказе и вошли в повседневную жизнь местных племен.

На рис. 3 представлены фрагменты, использовавшиеся в качестве шелкового обшлага рукава одного из кафтанов, происходящих из Мощевой Балки. Оказалось, что эти фрагменты (они были сшиты хаотически, и реставраторами было решено их размонтировать) принадлежали знаменитому шелку, являвшемуся византийским подражанием восточному прототипу, где был изображен известный в персидской литературе охотничий подвиг легендарного царевича Бахрама Гура (когда тот поразил одной и той же стрелой онагра и напавшего на него хищника). Несколько образцов этого шелка было найдено в Европе в алтарях крупных храмов и в раках важных особ. Изображение одного из таких образцов (из Кельнского собора) можно видеть на указанной выше нашей иллюстрации, где он служит «фоном» для изображения фрагментов именно этого шелка из Мощевой Балки. Тот же шелк представлен еще в ряде европейских находок: среди тканей, украшавших алтарь собора Сант-Амброджо в Милане, в качестве переплета известного Пражского Евангелия и в ряде других случаев (*Иерусалимская*, 1961; 1992. С. 21; *Ierusalimskaja*, 1996. S. 239). В Мощевой Балке этот шелк встречен, кроме приведенных выше фрагментов, еще дважды, на разных видах местной одежды: в виде кусочков, порой использованных чисто технически – например, в качестве подкладки.

На рис. 4 показана часть *кафтана вождя* (из того же могильника), на котором можно найти полный спектр обращавшихся тут шелков, а именно: 1) *зеленый сиро-византийский* шелк с так называемыми сенмурвами, крывший весь кафтан; 2) полосу *согдийского* шелка с розетками, укреплявшую с изнанки края пол; 3) фрагмент упоминавшегося *византийского* шелка «с выстрелом Бахрама Гура» (находившийся среди кусочков других шелков, уплотнявших отворот кафтана с изнанки); 4) *китайский* шелк, из которого изготовлены застежки-галуны кафтана.

На рис. 5 приведена *спинка* мужского кафтана из Мощевой Балки, крытая шелковой тка-

Рис. 3. Шелк с Бахрамом Гуром: размонтированные фрагменты обшлага на фоне экземпляра из Кельна. Мощевая Балка. Гос. Эрмитаж

Рис. 4. Часть кафтана. Мощевая Балка. Гос. Эрмитаж

нью столичного, *константинопольского,* производства. На этой ткани были изображены ряды фазанов – столь крупных, что на спинке кафтана хватило места только для одной фигуры птицы. Этот сюжет (видимо, имевший изначально благопожелательный характер) находит в качестве своих далеких прототипов иранские ткани сасанидского круга.

Рис. 6 воспроизводит *шерстяной коврик* из собрания Эрмитажа, происходящий из могильника Хасаут. Крупная фигура фазана в медальоне из перлов явно копирует шелковую ткань. Есть основания относить этот коврик к сиро-египетскому региону. Подобные шерстяные изделия являлись на Дальнем Востоке одним из самых популярных видов западного текстильного экспорта: о них там писали с восторгом, что «птицы, вытканные на них, готовы взлететь»…

Необходимо подчеркнуть еще одно немаловажное обстоятельство: находки в раннесредневековых могильниках Северного Кавказа тканей (как западного, так и восточного производства), попавших сюда «транзитом», столь многочисленны, что свидетельствуют о большой интенсивности торговли по Северокавказскому шелковому пути. Поэтому вероятность встретить тут кого-то из лиц, сопровождавших такие караваны, представлялась бы вполне возможной.

Рис. 5. Спинка кафтана. Хасаут. Гос. Эрмитаж

Следующая группа интересующих нас находок позволяет увидеть отражение еще одного – и очень существенного – вида деятельности Византии на средневековом Кавказе. Имеются в виду попытки *христианизации* алан: попытки, как известно, преимущественно безуспешные. Эта тема давно и серьезно разработана, поэтому ограничусь лишь самым кратким комментарием к основным находкам в Мощевой Балке и в ряде других могильников, связанных с рассматриваемым вопросом.

На рис. 7 показаны мешочки местного северокавказского изготовления, которые явно копируют христианские *ладанки*.

У средневековых племен Северного Кавказа такие ладанки, как показывают находки, являлись едва ли не обязательной принадлежностью: их подвешивали на одежду все группы населения, особенно часто – женщины и дети. В них находились скромные предметы культового характера – но отнюдь не христианского: несколько ягодок, орехи – горсть лесных и 1–2 грецких, сломанная надвое палочка (причем все палочки принадлежат, как выяснилось, только двум породам – лещине и таволге, которые имели тут, видимо, свой культовый смысл).

Однако сама форма ладанки пришла сюда, несомненно, из христианского мира, что предполагает участие в первом появлении подобных мешочков на Северном Кавказе миссионеров (скорее всего, византийцев), которые пытались насаждать здесь христианство. Их деятельность, по мнению специалистов, особенно активизировалась на Северном Кавказе в VIII в. Можно не сомневаться, что такое широкое внедрение в жизнь всех групп местного населения ладанок – этого непременного элемента христианской культуры – свидетельствует о предшествующей активной

Рис. 6. Фрагмент коврика. Хасаут. Гос. Эрмитаж

Рис. 7. Ладанки. Мощевая Балка. Гос. Эрмитаж

деятельности в этом направлении со стороны Византии (пусть эти ладанки, судя по найденным в них предметам, стали использоваться тут населением для собственных амулетов).

На рис. 8 представлена еще одна важная находка из Мощевой Балки, имеющая отношение к затронутой теме. Это – крышечка маленького серебряного *реликвария* сиро-палестинского типа, с выполненным с помощью черни изображением сцены «Похвала кресту». И это также является свидетельством пребывания в VIII в. на Северокавказском шелковом пути миссионера, распространявшего, в том числе, такие реликварии – возможно, как в описанном случае, в расчете на какой-то относительно высокий слой общества. И опять-таки крышечка была в аланской среде превращена с помощью петельки в бляшку, а сам мелкий реликварий (не сохранившийся) был, возможно, переплавлен. Таким образом, если в появлении у племен Северного Кавказа большинства интересующих нас находок, рассмотренных здесь, главная роль принадлежала лицам, связанным с торговлей, то для данной группы эту роль выполняли, по всей вероятности, *византийские миссионеры-паломники*.

На фоне совершенно «первобытных» собственных местных верований подобное отношение к чуждым тут христианским ценностям неудивительно: даже после официального крещения Алании и создания здесь Аланской епархии священники на протяжении нескольких столетий продолжали жаловаться на полное непонимание и неприятие местными жителями основ христианства. К тому же, как они отмечали, крещение часто имело тут корыстный характер: известны случаи повторного крещения – с целью получения лишней полотняной рубахи и медного крестика, полагавшихся при этом…

Одним из примеров переосмысления местным населением Алании первоначального назначения предметов христианского круга могут служить *стеклянные лампадки* из Мощевой Балки (рис. 9), предназначавшиеся изначально для церковного лампадофора. Они были использованы в местной среде как сосуды для питья: именно в таком качестве они представлены обычно (не группой, но по одному) в могилах Мощевой Балки.

Описанные выше находки такого рода, вероятно, направлялись в Хазарию, где уже в VIII в. существовали христианские храмы – и, следова-

Рис. 8. Крышечка серебряного реликвария. Мощевая Балка. Гос. Эрмитаж

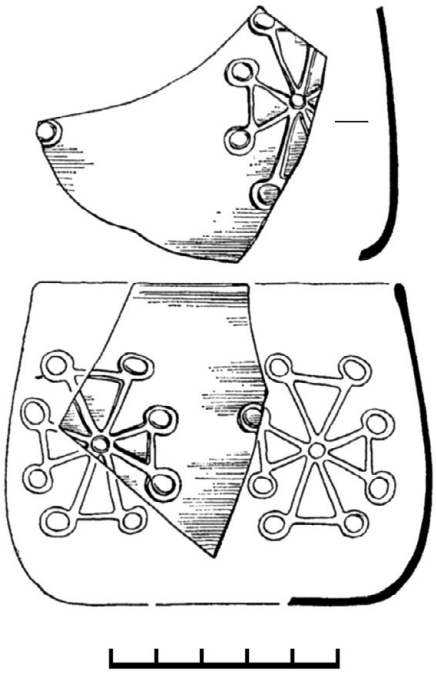


Рис. 9. Лампадки, использованные для питья. Мощевая Балка. Гос. Эрмитаж

тельно, возникала заинтересованность в их освещении внутри. Эти лампадки, по всей вероятности, могли находиться среди следовавших туда караванных грузов, которые когда-то были разграблены на местном маршруте шелкового пути. Кстати, в той же сиро-палестинской мастерской, что и эти лампадки, был изготовлен найденный в Мощевой Балке уникальный иудейский стеклянный сосуд с надписью «*ершалаим*» (Иерусалим), который, по всей вероятности, мог найти спрос в той же Хазарии, где иудаизм принадлежал к числу распространенных религий.

В завершение решаюсь предложить «Историю о старой коробке от мармелада», как можно было бы ее «заманчиво» озаглавить. Такая коробка была мной принята в составе полученной Эрмитажем в 1935 г. из Музея антропологии и этнографии АН СССР коллекции из Мощевой Балки. На ее крышке красовалась надпись красным карандашом: «На списание» (что, по счастью, не состоялось). В коробке были мелкие лоскутки тканей и слипшиеся бумажные обрывки. При их осмотре я увидела на некоторых китайские буквы тушью. После длительной работы заме-

Рис. 10. Фрагмент буддийской иконы («багаж» китайского купца). Мощевая Балка. Гос. Эрмитаж

чательного реставратора Эрмитажа Н. Н. Максимовой часть этих обрывков была разлеплена. Появление слов вызвало необходимость в консультации специалиста. Таковым согласился стать Л. И. Чугуевский (Институт востоковедения РАН), признанный знаток китайского и других языков, а также культуры народов Дальнего Востока. Ему и принадлежит чтение тех фрагментов, которые удалось выявить. К тому же это позволило мне, в сущности, представить себе саму фигуру владельца этого «маленького архива» VIII в.: человека, явно образованного и приверженного буддизму. Должна в этой связи заметить, что сам Леонид Иванович Чугуевский, считая себя слишком далеким от моей кавказской проблематики, решительно отказался от непосредственного участия в публикации данного сюжета. Но при этом он любезно согласился не только читать тексты, но также отвечать на вопросы и выслушивать мои соображения. Все это – и в первую очередь, его плодотворная работа по чтению документов из архива «китайского купца» – вызывает мою глубочайшую благодарность, которую я и спешу здесь вновь принести.

Итак, «в багаже» этого человека (который, возможно, начал свой путь из какого-то китайского монастыря в Восточном Туркестане) удается, как позволяют предполагать переводы, выявить следующие группы документов:

1) обрывки религиозного *буддийского сочинения*, написанного (по предположению Л. И. Чугуевского, скорее – переписанного) па-

Рис. 11. Страничка «дневника» китайского купца. Мощевая Балка. Гос. Эрмитаж

радным китайским почерком *кай шу* в некоем монастыре;

2) остатки *обложки* (возможно, относившейся к этому сочинению), сделанной из слоев старых монастырских бухгалтерских бумаг;

3) фрагменты двух *буддийских икон*: а) с очень профессионально выполненным на шелке тушью (с легкой раскраской) изображением, от которого сохранился всадник, едущий в горах (рис. 10); б) мелкий фрагмент более простой (видимо, дорожной) иконы – также шелковой, типа так называемого «буддийского флажка»: в виде узкой вертикальной полосы, сделанной из ткани, кожи и бумаги;

4) *страничку* с *личными записями* (рис. 11). Эта находка представляется особенно важной, поскольку с несомненностью подтверждает, что автор этого «дневника» (а также владелец всех обнаруженных бумаг) лично побывал когда-то в Мощевой Балке. Вот этот текст в переводе

Л. И. Чугуевского: «4-й месяц… 14-й день… купил мяса на 4 вэня…» (далее следует несколько неясных слов: по мнению переводчика, «что-то о пшенице»…).

И еще одно наблюдение, которое, как кажется, может характеризовать отчасти личную судьбу этого человека: в верхнем углу первой иконы находится небольшой прямоугольник, ничем не заполненный. На мой вопрос Л. И. Чугуевский объяснил, что владелец иконы должен был бы по возвращении из путешествия сделать в этом пустом месте благодарственную запись, после чего даровать икону храму. Но этого не случилось: вероятно, дни этого делового человека так или иначе завершились в Мощевой Балке, где, возможно, он и был погребен – вместе с той частью багажа, которая не представляла интереса для местных жителей (бумагами, буддийскими иконами и книгой).

Остается лишь пожалеть, что его могила не подверглась в свое время профессиональным раскопкам: вероятнее всего, она была разрушена, а остатки погребального инвентаря собраны в начале XX века во время работ археологической экспедиции Музея антропологии и этнографии АН СССР, материалы которой – увы, без всяких комментариев относительно обстоятельств их находки – оказались позднее в Эрмитаже.

Таковы вкратце мысли, посетившие меня в ходе этой работы, которая с любовью посвящается мною дорогому другу, Вере Борисовне Ковалевской.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов А. Ю., 2013. Византийская лента протоспафария из Мощевой Балки // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа: матер. междунар. археологич. конф. Краснодар: Вика-Принт. С. 21–24.

Иерусалимская А. А., 1961. Шелковая ткань с Бахрамом Гуром из могильника Мощевая Балка // ТГЭ. Культура и искусство народов Востока. Т. V. С. 40–50.

Иерусалимская А. А., 1992. Кавказ на шелковом пути: каталог временной выставки. СПб.: ГЭ. 70 с.

Иерусалимская А. А., 2012. Мощевая балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: ГЭ. 382 с.

Малахов С. Н., 2004. Протоспафарий Иван в контексте византийско-хазарских отношений середины IX в. // Византия и Запад: тез. докл. XVII Всероссийской научной сессии византинистов. М.: ИВИ РАН. С. 120–122.

Сорочан С. Б., 2015. К вопросу о ленте протоспафария из Мощевой Балки // Древности 2014–2015. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 13. Харьков. С. 99–106.

Флёров В. С., Сорочан С. Б., 2015. Лента из Мощевой Балки: проблема толкования источника // РА. № 2. С. 110–119.

Ierusalimskaja A., Borcopp B., 1996. Von China nach Byzanz: Frühmittelalterliche Seiden aus der Staatlichen Ermitage Sankt Petersburg. Katalog zur Ausstellung des Bayerischen Nationalmuseum. München: Bayerisches Nationalmuseum, 1996. 108 s.

Ierusalimskaja A., 1996. Die Gräber der Moščevaja Balka. Frühmittelalterliche Funde an der nordkaukasischen Seidenstrasse. München: Editio Maris, 1996. 370 s.

Ierusalimskaja A., 2000. Un chef militaire byzantin au Caucase du Nord? // Λιθόστρωτον. Studien zur byzantinischen Kunst und Geschichte: Festschrift für M. Restle. Stuttgart: Anton Hiersemann. P. 125–130.

A. A. Jerusalemskaya

FOREIGNERS ON THE NORTH CAUCASIAN SILK ROAD

Summary. Against the background of the picture on the N orth Caucasian Silk Road functioning a numbers of archaeological finds are reconsidered – including a ribbon with Greek inscription from the cemetery of Moschevaya Balka as well as some other finds of the Byzantine circle in the North Caucasus.

Keywords: North Caucasus, early Middle Ages, Great Silk Road.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.195-207

Э. Д. Зиливинская*, Т. Г. Цветкова**
**Институт этнологии и антропологии РАН, Москва*
***Государственный музей искусств народов Востока, Москва*

КВАРТАЛЬНАЯ МЕЧЕТЬ В ДЕРБЕНТЕ И ЕЕ УБРАНСТВО

Резюме. В работе публикуются материалы раскопок в приморской части Дербента. Один из исследованных объектов представлял собой небольшую квартальную мечеть. Прямоугольное в плане здание было вытянуто в меридиональном направлении и разделено на два поперечных нефа четырьмя колоннами. Впоследствии с восточной стороны к основному зданию были пристроены три комнаты хозяйственного назначения. Михраб мечети, скорее всего, был украшен резным ганчем. Анализ орнаментальных мотивов ганчевого декора выявил много сходства с резьбой по ганчу во дворце правителя Термеза. Отдельные элементы резьбы, возможно, происходят из Ирана.

Ключевые слова: Северный Кавказ, средневековье, охранные раскопки, мечеть, колонны, нефы, очаги-сандали, резной ганч, орнаментальные схемы, Термез, дворец.

В 2014 г. на территории г. Дербента проводились активные охранные раскопки в различных его частях. Один из объектов полевых исследований – раскоп XXXI – находился в приморской части города, носившей название Шахер-Юнан (в пер. с перс. – «Греческий город»), близ северной городской оборонительной стены. Раскопки велись на территории современной пограничной части, где проектировалось строительство административного здания. Экспедиция под руководством А. И. Таймазова, В. Ю. Малашева и А. Б. Селезнева работала с сентября по декабрь. В ней принимали участие археологи Ю. К. Гугуев, И. А. Аржанцева, Е. А. Пшеничнова, З. П. Кадзаева, В. А. Меньшикова, Э. Д. Зиливинская, М. М. Малагитинов, Д. И. Жахарналиев и др.

Раскоп XXXI оказался чрезвычайно богатым на археологический материал. В пределы раскопа попал и был исследован большой горн для обжига извести (?) или кирпича, который, вероятно, относится ко времени строительства каменной фортификации Дербента в середине VI в., точнее – в конце 560-х гг. (*Гаджиев, Касумова*, 2006. С. 98–114; *Gadjiev*, 2008. 2. P. 1–15). Более поздние строительные горизонты, прослеженные на раскопе, показали, что в этой части города в арабский и сельджукский периоды (IX – начало XIII в.) существовала плотная застройка и протекала интенсивная городская жизнь. Была изучена часть квартала с несколькими жилыми домами. В жилой зоне велась активная хозяйственная деятельность, о чем свидетельствуют расположенные здесь многочисленные хлебные печи-тандыры, три винодавильни, колодцы, водоводы и различные хозяйственные ямы. Все эти комплексы датируются в пределах X – начала XIII вв. Следует отметить и наличие большого количества монет, служащих надежным хронологическим репером для датировки слоев и связанных с ними архитектурных остатков.

На этом же участке находился некрополь Дербентского гарнизона Низового корпуса Русской императорской армии (1722–1735 гг.). Его могилы были впущены в культурный слой домонгольского времени (*Малашев и др.*, 2016). В этом же районе в 2014 г. были проведены раскопки землянки Петра I (*Гаджиев*, 2016; *Гаджиев и др.*, 2016; 2019).

На участке расположения раскопа XXXI в XX в. была построена казарма, фундамент которой значительно повредил археологические объекты; тем не менее многие из них удалось проследить.

Наиболее интересным объектом на раскопе являлось общественное здание X–XII вв. (*Зиливинская и др.*, 2016). Оно состояло из двух частей. Основу постройки составлял большой зал (пом. 1), внешние размеры которого предположительно 8 × 14 м, внутренние – 12 × 6 м (рис. 1: *1–2*). Западная часть его была разрушена казармой XX в. Зал разделен на два нефа четырьмя колоннами, идущими в один ряд с востока на запад. От колонн сохранились каменные базы. Западная и восточная базы были прямоугольными, размерами 90 × 70 × 23 см. Расположенные между ними базы – круглые в плане, диаметром 72–73 см. Контур стен здания был прослежен по траншеям фундамента, сами стены были почти полностью разобраны. Однако по сохранившимся остаткам можно реконструировать их строение. Фундамент и, вероятно, цоколь здания были сложены из необработанных и слегка обработанных камней. Толщина стен в нижней части – 95–100 см. Стены, скорее всего, были кирпичными, так как при расчистке здания было найдено большое количество обломков кирпичей. Крыша была покрыта черепицей. В раскопе найдены черепицы двух видов – солены и антефиксы. Пол зала был покрыт ганчем[1] в несколько слоев. Ганчем, вероятно, были украшены стены. Об этом свидетельствует завал ганча, в том числе и резного, обнаруженный в центре помещения (рис. 2: *3–4*). На раскопе были найдены масляные светильники – многорожковые чироги, которые могли служить для освещения большого колонного зала (рис. 2: *1–2*).

Это здание, вне всякого сомнения, было построено как общественное. Наиболее вероятным является предположение, что оно представляло собой небольшую квартальную мечеть. Так как стены были разобраны, михраб мечети достоверно проследить не удалось. Возможно, остатком его является небольшой фрагмент кирпичной стенки на каменном фундаменте, который выступает к югу от южной границы стены. Портал здания также не сохранился, но с северной его стороны было найдено несколько крупных каменных блоков, которые могут интерпретироваться как часть кладки портала. С северной стороны перед предполагаемым входом была расчищена площадь, вымощенная мелким камнем и битой керамикой.

Мечети в виде колонных залов, вытянутых в широтном направлении, характерны для культового зодчества Кавказа, в частности для Дагестана. Так, например, наиболее древняя на Кавказе Джума-мечеть Дербента, построенная в VIII в., представляет собой сильно вытянутое в широтном направлении прямоугольное здание с выступом в центральной части южного фасада (рис. 3: *1–3*). Интерьер мечети состоит из двух основных частей – трехнефного зала и квадратного в плане выступающего подкупольного пространства. Размеры этого грандиозного здания 68 × 28 м (*Хан-Магомедов*, 1970). Несмотря на малочисленность сохранившихся средневековых мечетей на Кавказе и в Закавказье, здесь можно проследить некоторые близкие по планировке памятники. Это мечеть в Кумухе (31 × 18 м) (рис. 3: *4–5*), время постройки которой относится к VIII в. (*Хан-Магомедов*, 1970. С. 217), и две мечети в Аркасе X–XI вв., размерами 9,2 × 6,0 м и 6 × 8 м (*Атаев и др.*, 1989. С. 114–123). Они представляют собой трехнефные базилики, вытянутые в широтном направлении. В Азербайджане Джума-мечеть XIII–XIV вв. в Урмие (Резайе) также имеет аналогичную планировку (*Усейнов и др.*, 1963. С. 172). Ее отличает некоторая асимметричность плана, так как западная часть ее значительно длиннее восточной. Продолжают существовать мечети таких пропорций и в более позднее время, особенно в горных районах Дагестана (*Хан-Магомедов*, 1958).

Чуть позже к молельному залу с восточной стороны была сделана пристройка. Стены ее являются продолжением стен зала, но оси их слегка смещены к югу (рис. 1: *2*; 4: *1*). Тем не менее пристройка относится ко времени функционирования здания, так как одно из помещений соединяется с молельным залом проходом. Пристройка состояла из трех расположенных в ряд по оси запад – восток небольших комнат. В самой западной был глиняный пол и множество очагов (*Зиливинская*, 2020).

Комната с очагами (пом. 2) имела не совсем правильную подквадратную форму (рис. 4: *2*). Ее размеры по оси север – юг – 3,7–4,2 м, по оси запад – восток – 3,8–4,2 м. Пол помещения был глинобитным, положенным в несколько слоев, что свидетельствует о его периодическом обновлении. В центре пола I-го (раннего) периода

[1] Ганчем в Средней Азии называют вяжущий материал, который получается при обжиге горной породы – алебастрового камня или из смеси гипса и песка. Водный раствор размолотого ганча легко режется и, постепенно застывая, позволяет вырезать на его поверхности узор до наступления окончательного затвердения.

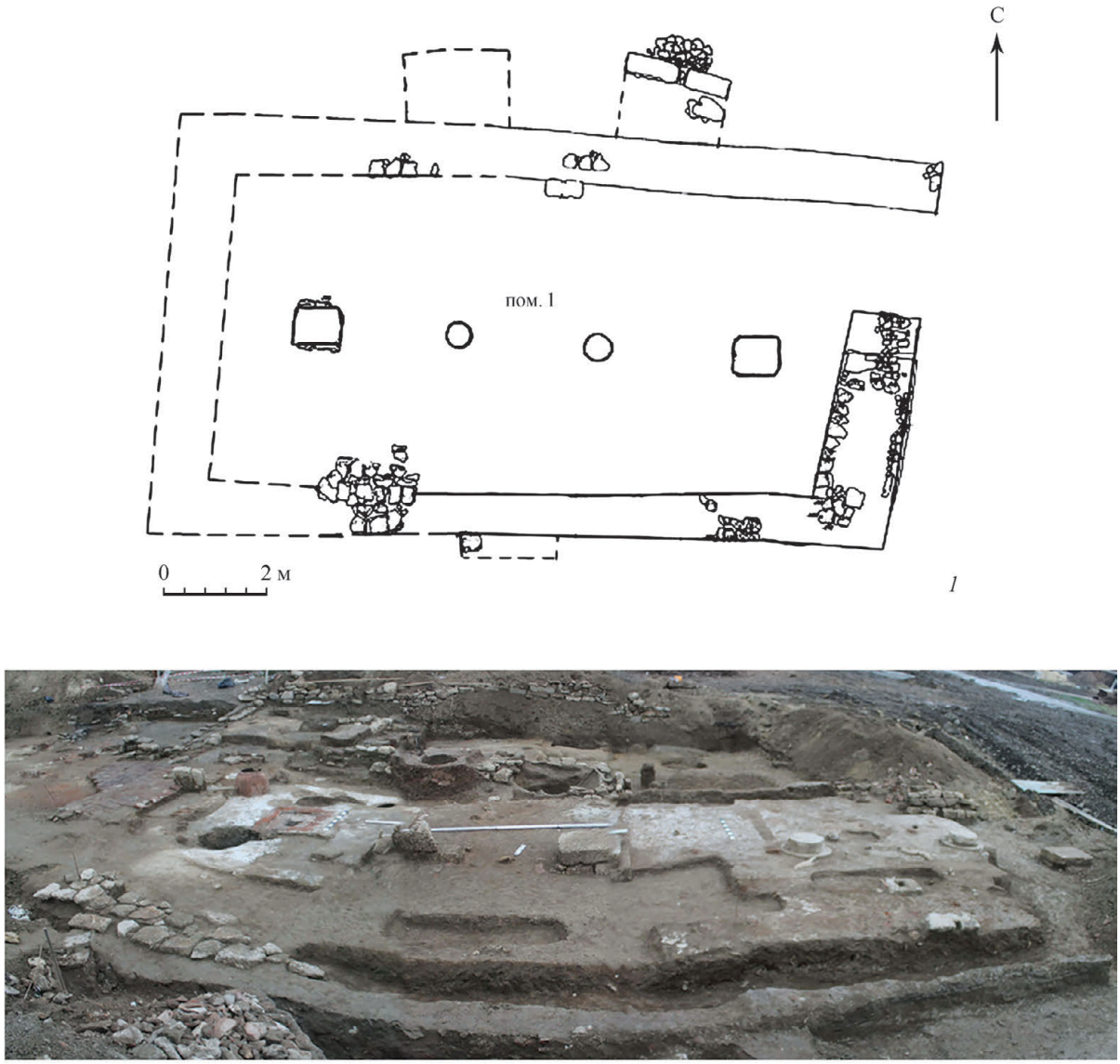


Рис. 1. Квартальная мечеть в Дербенте: *1* – план I периода; *2* – I–II периоды, общий вид с севера

функционирования здания была сделана вымостка из обожженных кирпичей на известковом растворе размерами 110 × 115 см. В середине выкладки располагалось квадратное отверстие, внутри которого был вкопан керамический котелок с углями. В полу также были прослежены многочисленные очаги и ямки от них. Некоторые соответствовали полам I-го строительного горизонта, другие были поздними и относились ко II-му строительному горизонту. Все очаги можно разделить на две группы: это тандыры – печи для выпечки хлеба и обогрева помещения, и вкопанные в пол керамические котелки или оставшиеся от котелков ямки. Очаги в виде углублений в полу, в которые клали горячие угли для обогрева, а в некоторых случаях – травы и благовония для окуривания комнат, широко распространены в Средней Азии. Там они называются по-таджикски *сандали* или по-узбекски *сандал* (*Писарчик*, 1982. С. 93). Возникнув в глубокой древности, сандали получили широкое распространение в Средней Азии в средневековье и в Новое время вплоть до XX в. На Кавказе также существовали отопительные устройства типа сандали, называемые *курси* или *кюрси* (*Ильина*, 1946. С. 8).

1

2

3

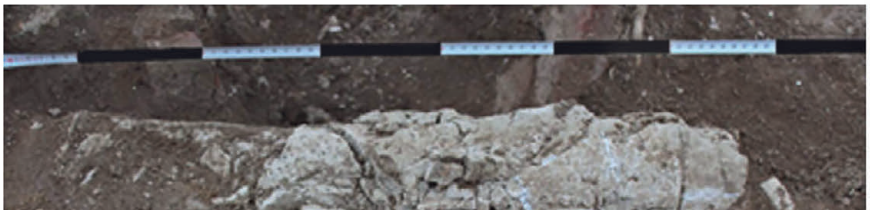


Рис. 2. Элементы интерьера мечети в Дербенте: *1–2* – чироги; *3–4* – завал резного ганча

Следующее помещение 3 имело размеры 3,6 × 3,6 м. Пол его вымощен кирпичом на известковом растворе, стены были покрыты известковой штукатуркой и выкрашены красной краской (рис. 4: *3*). От южной стены комнаты был проложен водосток в виде каменного желоба. Возможно, здесь находилась тахаратхана, помещение для ритуальных омовений. Третье помещение 4 было хозяйственным, с глиняными полами и тандырами (рис. 4: *4*).

В центре помещения молельного зала расчищен завал резного ганча, которым, вероятнее всего, был украшен михраб (рис. 2: *3–4*). Элементы, составлявшие ганчевые панно, весьма разнообразны. Декор в виде резьбы по ганчу не слишком распространен на Северном Кавказе. До сих пор наиболее известными примерами применения этой техники были михрабы мечетей в селах Кара-Кюре и Кала-Корейш в Дагестане. По мнению исследователей, резной ганч михраба из Кара-Кюре по стилю резьбы наиболее близок декору дворцов Самарры IX в. Также каракюринские панно имеют сходство с резным штуком Ну-Гумбеда в Балхе (IX – первая половина X в.) и панелями дворца Саманидов в Афрасиабе (X в.). По стилю резьбы и характеру куфических букв мечеть в Кара-Кюре датируется X в., что подтверждается письменными источниками (*Шихсаидов*, 1984. С. 84–114).

Еще более известным памятником является мечеть в селе Кала-Корейш, михраб которой был пышно декорирован резным ганчем. Стиль письма надписей в мечети Кала-Корейш имеет большое сходство с надписями П-образного об-

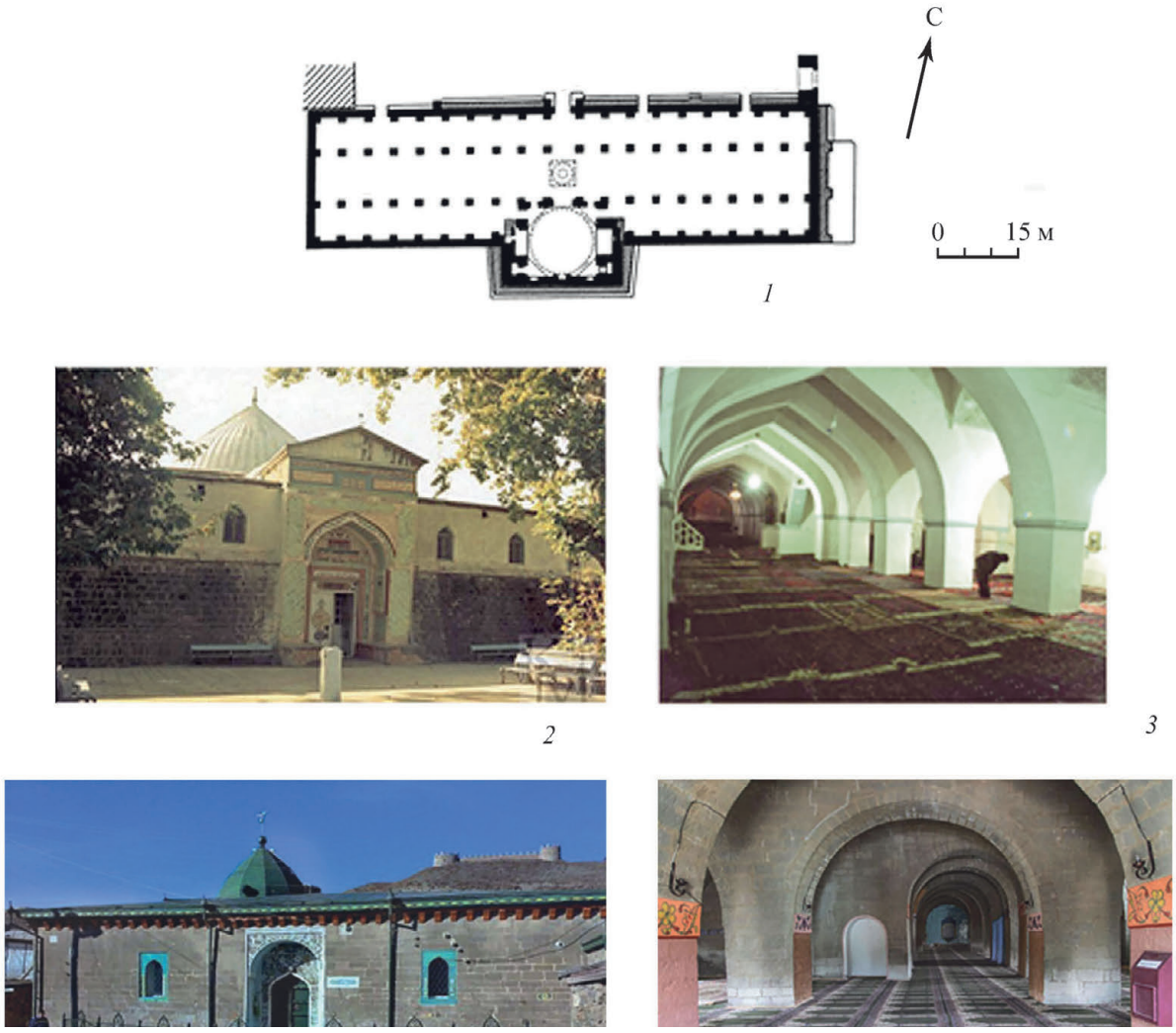


Рис. 3. Мечети, вытянутые в широтном направлении. Джума-мечеть Дербента VIII в.: план (1), фасад (2), интерьер (3); мечеть в Кумухе VIII в.: фасад (4), интерьер (5)

Рис. 4. Квартальная мечеть в Дербенте: *1* – план II периода; *2* – помещение 2, вид с юга; *3* – помещение 3, вид с востока; *4* – помещение 4, вид с севера

Рис. 5. Фрагменты резного ганча из мечети (на цветном фоне) и дворца в Термезе XI–XII вв. (на черном фоне)

рамления михраба мечети в ханеге на р. Пирсагат. На основе анализа эпиграфики мечеть в Кала-Корейш датируется XII–XIII вв. (*Шихсаидов*, 1984. С. 138–145).

Нами был проведен анализ орнаментальных мотивов ганча из раскопок в Дербенте (*Зиливинская, Цветкова*, 2018). Он показал, что для значительной части орнаментов дербентских панно имеются аналогии в резном ганче из раскопок во дворце правителей Термеза в Узбекистане, на границе с Афганистаном. Раскопки проводились археологической экспедицией Музея Востока под руководством директора музея профессора Бориса Петровича Денике в 1926–1928 гг. Разнообразной, зачастую уникальной резьбой по ганчу были украшены стены парадного зала (зала приемов) во дворце правителей Термеза (*Алпаткина*, 2008). Материалы этих раскопок частично хранятся в фондах ГМВ, что позволило сравнить обе коллекции.

Музейная коллекция термезского ганча включает 200 предметов со стен, колонн, арок и сводов зала, среди которых как мелкие (6 × 8 см) и средние (20 × 30 см) фрагменты, так и целые панно, размеры которых составляют 50 × 110 см.

При раскопках в Дербенте на данный момент найдено 83 мелких фрагмента ганча. Их размеры составляют от 4,5 × 5 см до 13 × 18 см при толщине от 2 до 5 см.

Резьба по ганчу на обоих памятниках была выполнена вручную, нет никаких следов штамповки или признаков употребления форм для отливки элементов.

На тыльной стороне практически всех фрагментов термезского ганча имеются четкие следы жженого кирпича, на дербентских фрагментах никаких отпечатков нет. Это достаточно важный момент: отпечатки следов кирпичей, из которых были сложены стены помещения, позволяют определить правильное направление резного орнамента, то есть определить, где у рисунка на ганчевых панно был верх или низ.

То есть если для термезского ганча мы располагаем достаточными данными, чтобы реконструировать орнаменты и расположение ганчевых панно на поверхностях помещения, то для дербентского ганча таких данных не хватает.

Сравнительный анализ фрагментов показывает, что в дербентском ганче встречаются следующие орнаменты из термезской резьбы:

– каймы, составленные из тонких, длинных полосок (рис. 5: *1*);

– каймы из ромбов (рис. 5: *2*);

– округлые розетки, внутреннее поле которых заполнено мелкими треугольничками (рис. 5: *3*);

– крупные удлиненные листья или перья, расходящиеся веером, по верхнему краю которых идет цепочка из геометрических фигурок: на фрагменте из Дербента это круги (круглые отверстия), на фрагментах из Термеза – ряды треугольничков и округлых многоугольничков (рис. 5: *4*);

– на одном фрагменте из Дербента мы видим сочетание цепочки из бусинок-перлов и изогнутых растительных побегов с завитками на концах, такие же побеги и цепочки перлов встречаются в термезском ганче (рис. 5: *5*);

– и в Дербенте, и в Термезе найдены фрагменты с резьбой в виде разных геометрических фигур с вырезанными в них небольшими углублениями (рис. 5: *6–8*);

– на колонке, которая, по всей видимости, обрамляла михраб мечети в Дербенте, отчетливо просматривается фигура в виде свастики. Такие же свастикообразные фигуры присутствуют на панелях из Термезского дворца (рис. 5: *9*);

– кроме того, на обоих памятниках в резьбе по ганчу присутствовали зооморфные мотивы; в Термезском дворце было много разнообразных изображений львов и грифонов. Округлые туловища грифонов «заполнены» мелким геометрическим орнаментом; подобные фрагменты найдены и в Дербенте; с изображениями львиных хвостов, которые мы видим в термезском ганче, схожи несколько дербентских фрагментов (рис. 5: *10*).

Таким образом, на обоих памятниках в резьбе по ганчу имеются геометрические, растительные и зооморфные мотивы.

В декоре термезского дворца в большом количестве встречается также эпиграфический орнамент: полосы надписей почерками *куфи* и *насх* шли по верхнему краю нескольких панно, на полуколонках пилонов, на арках и сводах парадного зала.

Нужно обратить внимание на технику исполнения эпиграфического орнамента в резьбе по ганчу. Надписи, как правило, выполнялись двуплановой резьбой, чтобы ряды букв выделялись, возвышаясь над фоном. Рельефные буквы, чтобы их можно было читать или хотя бы разглядеть, должны были контрастировать с фоном. Исходя из этого, мастера чаще всего выбирали

1

2

3

4

5

6

7

Рис. 6. Эпиграфические элементы: *1–3* – из мечети в Дербенте; *4–7* – из дворца в Термезе

Рис. 7. Оригинальные, отличные от термезских, мотивы в резьбе из Дербента

Рис. 8. Резной ганч: *1–2, 4–5* – из Дербента; *3, 6* – из Суз (экспозиция Лувра)

в качестве фона мелкий растительный орнамент. Надписи, выполненные на орнаментальном фоне, одновременно и выделяются из фона (рис. 6: *4–6*), и воспринимаются как часть орнамента, что особенно хорошо видно на крупном фрагменте из Термеза (рис. 6: *7*).

На нескольких фрагментах из Дербента (рис. 6: *1–3*) имеются изображения, схожие с округлыми буквами почерка *насх*, выполненные описанной выше двуплановой резьбой, причем на одном фрагменте сохранился фон в виде мелких чешуек (или ячеек).

Вообще нужно отметить, что исследование резьбы по ганчу на разных памятниках показывает, что мастера обладали достаточной свободой творчества и позволяли себе отступать от первоначальной схемы. Поэтому орнаменты не только с разных памятников, но даже с одного и того же памятника бывают очень похожи, но не идентичны полностью.

Резьба по ганчу с древности была очень широко распространена в Центральной Азии, но не на Кавказе. Причем имеются свидетельства того, что мастера – резчики по ганчу из Ирана и Афганистана – приходили в поисках работы в Среднюю Азию. Кроме того, в Узбекистане в XIX и в начале XX в. известны факты использования резчиками по ганчу листов со схемами геометрических и стилизованных растительных орнаментов, датированных XV–XVI вв. и происходящих из Ирана и Афганистана.

Исходя из этого, мы предполагаем, что бригада мастеров, либо работавшая во дворце правителей Термеза, либо располагавшая похожими схемами орнаментов, переходя из одного города в другой, могла передавать опыт работы другим резчикам, которые дошли до Дербента. Этому предположению не противоречат и датировки археологического материала: здание в Дербенте, где были найдены фрагменты ганча, датируется X–XII вв.; декорирование парадного зала термезского дворца было выполнено в конце XI – начале XII в.

Помимо схожести орнаментов в резном ганче из Термеза и Дербента имеются и различия, что говорит об индивидуальности дербентских мастеров.

В первую очередь отметим следы окрашивания: на нескольких фрагментах ганча в углублениях орнамента сохранились следы красной краски. Вообще на памятниках парфянского и сасанидского времени, а также в раннем средневековье на огромной территории от Северной Африки до Средней Азии известны примеры окрашивания ганчевых рельефов. Но в резьбе по ганчу во дворце Термеза следов краски нет.

Помимо окрашивания, дербентские резчики привносили и собственную фантазию в схемы выполнения известных им орнаментов. На нескольких фрагментах мы видим оригинальное исполнение мотивов растительного, геометрического и, возможно, эпиграфического орнамента (рис. 7).

В то же время на некоторых фрагментах прослеживается сходство с резьбой из Суз (Иран) IX–X вв. Это точечное заполнение фона между крупными растительными завитками (рис. 8: *1–3*) и глубокая резьба в виде ромбов и треугольников (рис. 8: *4–6*). Это вполне естественно, так как иранские мастера работали по всему Востоку и передавали свое мастерство.

ЛИТЕРАТУРА

Алпаткина Т. Г., 2008. Дворец правителей Термеза XI–XII вв. М.: Макс-Пресс. 176 с.

Атаев Д. М., Гаджиев М. С., Сагитова М. Д., 1989. Культовые сооружения Аркаса // Древняя и средневековая архитектура Дагестана / Отв. ред. А. И. Исламмагомедов. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР. С. 114–123.

Гаджиев М. С., 2016. Петр I и Дербент // Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. СПб.: Европейский дом. С. 232–244.

Гаджиев М. С., Абиев А. К., Будайчиев А. Л, Абдуллаев А. М., 2016. Исследования выявленного объекта культурного наследия «Домик Петра I» в Дербенте // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: матер. Междунар. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.) / Отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный: Изд-во ЧГУ. С. 266–268.

Гаджиев М. С., Касумова С. Ю., 2006. Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М.: Восточная литература. 127 с.

Гаджиев М. С., Иноземцева Е. И., Чекулаев Н. Д., 2019. Дербентский гарнизон Низового корпуса Русской Императорской Армии (1722–1735): Краткий обзор // Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 г. СПб.: Европейский дом. С. 72–87.

Зиливинская Э. Д., 2020. Очаги-сандали из раскопок в Дербенте и их среднеазиатские и поволжские параллели // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. № 2. С. 332–352.

Зиливинская Э. Д., Селезнев А. Б., Таймазов А. И., 2016. Раскопки общественного здания в припортовой части Дербента в 2014 г. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: матер. Междунар. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.) / Отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный: Изд-во ЧГУ. С. 220–222.

Зиливинская Э. Д., Цветкова Т. Г., 2018. Ганч из раскопок в Дербенте // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: матер. Междунар. науч. конф. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесского гос. ун-та им. У. Д. Алиева. С. 462–465.

Ильина М. И., 1946. Древнейшие типы жилищ Закавказья / Сообщения Акад. архитектуры СССР. Ин-т истории и теории архитектуры. Вып. 5. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР. 48 с.

Малашев В. Ю., Селезнев А. Б., Таймазов А. И., Фризен С. Ю., 2016. Кладбище Дербентского гарнизона Низового корпуса (1722–1735 гг.) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: матер. Междунар. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.) / Отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный: Изд-во ЧГУ. С. 287–288.

Писарчик А. К., 1982. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX–XX вв. // Жилище Средней Азии и Казахстана / Отв. ред.: Е. Е. Неразик, А. Н. Жилина. М.: Наука. С. 69–111.

Усейнов М. А., Бретаницкий Л. С., Саламзаде А., 1963. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат. 396 с.

Хан-Магомедов С. О., 1958. Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана // Архитектурное наследство. Т. 11. С. 53–81.

Хан-Магомедов С. О., 1970. Джума-мечеть в Дербенте // СА. № 1. С. 202–221.

Шихсаидов А. Р., 1984. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука. 463 с.

Gadjiev M., 2008. On the Construction Date of the Derbend Fortification Complex // Iran and the Caucasus. Vol. 12. No. 1. Yerevan; Leiden: Brill. P. 1–15.

E. D. Zilivinskaya, T. G. Tsvetkova

THE QUARTER MOSQUE IN DERBENT AND ITS DECORATION

Summary. This paper publishes materials from excavations in the coastal part of Derbent. One of the investigated construction was a small block mosque. This rectangular building stretched in the meridian direction and was divided into two transverse naves by four columns. Subsequently, three household rooms were added to the main building from the east. The *mihrab* of the mosque was most probably decorated with incised *ganch*. An analysis of ornamental motives of *ganch* decoration shows many similarities with carved *ganch* in the palace of the ruler of Termez. Some elements of carving probably come from Iran.

Keywords: North Caucasus, Middle Ages, protection excavations, mosque, columns, naves, *sandali* hearters, carved *ganch*, ornamental designs, Termez, palace.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.208-225

А. А. Сланов
Институт истории и археологии РСО – Алания, Владикавказ

СКАЛЬНЫЕ КРЕПОСТИ ГОРНОЙ ОСЕТИИ

Резюме. Статья посвящена уникальной оборонительной системе Центрального Кавказа. Она представлена сетью наскальных укреплений, расположенных вдоль подножия Скалистого хребта и защищавших некогда горную часть Алании. В работе анализируются предпосылки формирования этого фортификационного комплекса, причины, приведшие к его постройке, и сыгранная им в военно-политической истории роль.

Наиболее вероятной датой возведения укреплений считают XII–XIII вв. (хотя, на наш взгляд, более обоснованны XIII–XV вв.). По мнению исследователей, они становятся оплотами обороны оттесненных в горы алан в эпоху монгольских завоеваний.

Ключевые слова: история Кавказа, военная история, средневековье, фортификация, наскальные укрепления, аланы, Осетия.

Оборонительные сооружения на отвесных скалах, подобные ласточкиным гнездам, являются замечательными памятниками средневековой фортификации Центрального Кавказа. Даже глядя на крепость в упор, можно ее не заметить, поскольку каменные кладки зачастую сливаются с нагромождениями скал. Взять ее приступом практически нереально ввиду того, что добраться до укреплений невозможно без специальной подготовки и снаряжения. Благодаря этому подобные фортификационные сооружения великолепно сохранились до наших дней. Но, в свою очередь, отсюда вытекала их слабая изученность, поскольку графическая и фотографическая фиксации не давали наглядного представления об укреплениях.

Наиболее вероятной датой их возведения считают XII–XIII вв. (хотя, на наш взгляд, более обоснованны XIII–XV вв.), и, по мнению исследователей, они становятся оплотами обороны оттесненных в горы алан в эпоху монгольских завоеваний (*Тизенгаузен*, 1941. С. 69). Здесь следует отметить, что В. А. Кузнецов датирует Дзивгисскую крепость XVI–XVIII вв., но его аргументация не представляется нам убедительной (*Кузнецов*, 2014. С. 57), поскольку раскопки рядом находящихся пещерных склепов дают материал XIII–XIV вв., а возможно, и XV в. (*Кузнецов*, 2014. С. 82).

Целью нашего исследования являются выделение и интерпретация одной из интереснейших архитектурных форм оборонительных сооружений, характерных для высокогорных районов Центрального Кавказа, – наскальных укреплений. С помощью картографирования всех разновидностей данных объектов мы получаем возможность наблюдать стройную картину их расположения (рис. 1) и принцип функциональности этих памятников.

Первые упоминания наскальных укреплений Кавказа в письменных источниках относятся к эпохе походов Тимура. Так, Шереф-ад-дин Йезди в сочинении «Книга побед» (1424–1425 гг.) описывает штурм горных крепостей алан войсками среднеазиатского завоевателя (*Тизенгаузен*, 1941. С. 181–182). Царевич Вахушти Багратиони (нач. XVIII в.) упоминает селение Дзивгис с «крепостью, построенной царями, крепкой, недоступной для врагов» (*Вахушти Багратиони*, 1904. С. 144).

Первые научные исследования фортификационных памятников Осетии принадлежат Г. А. Кокиеву (*Кокиев*, 1935). Дзивгисское укре-

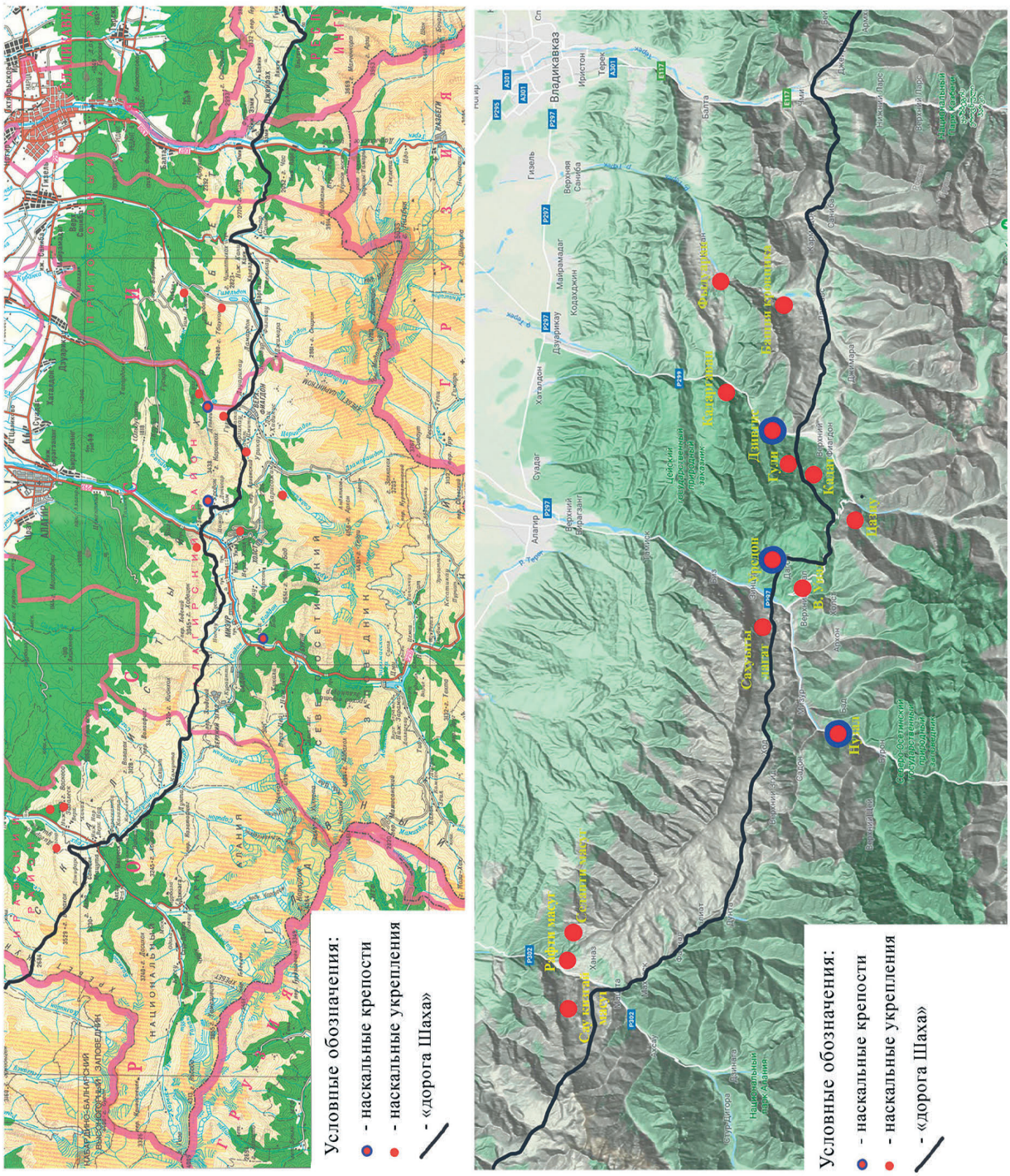


Рис. 1. Карта наскальных укреплений

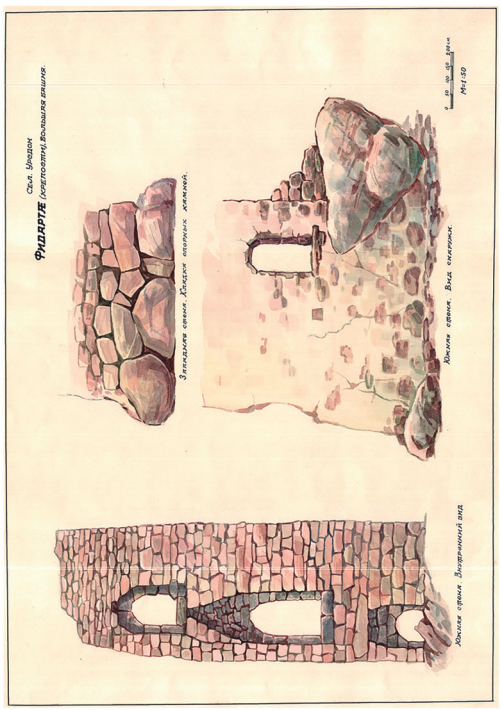
1

2

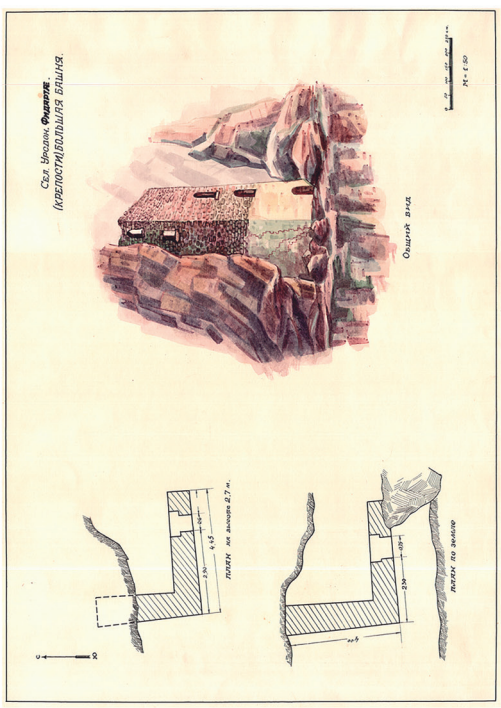
3

4

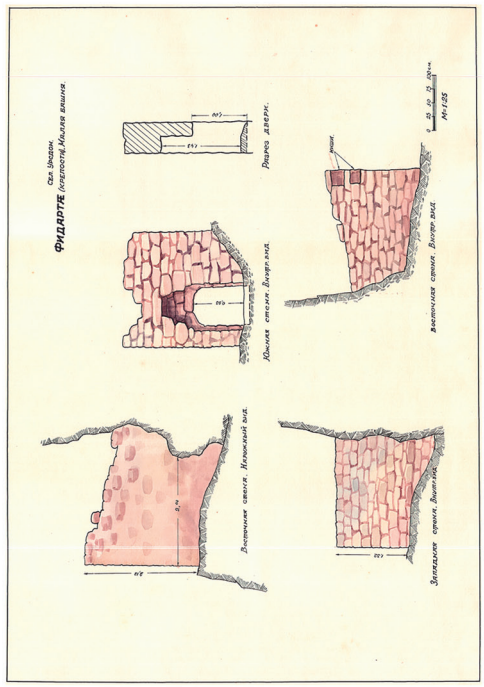
Рис. 2. Урсдонская крепость: *1* – общий вид; *2–4* – башни



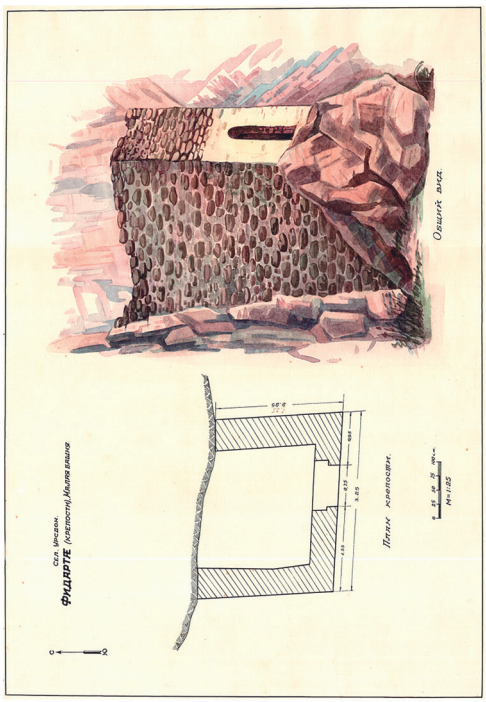
2



1

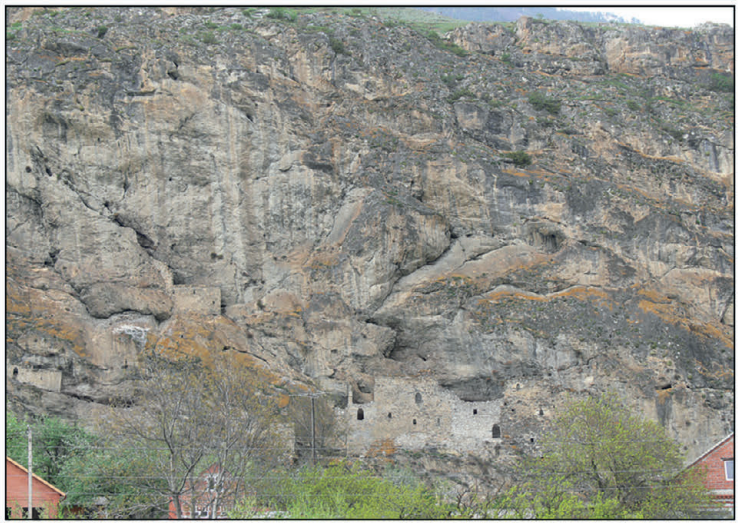


4



3

Рис. 3. Башни Урсдонской крепости. *1–4* – чертежи И. А. Мамиева, 50-е гг. XX в. (личный архив автора)



1

2

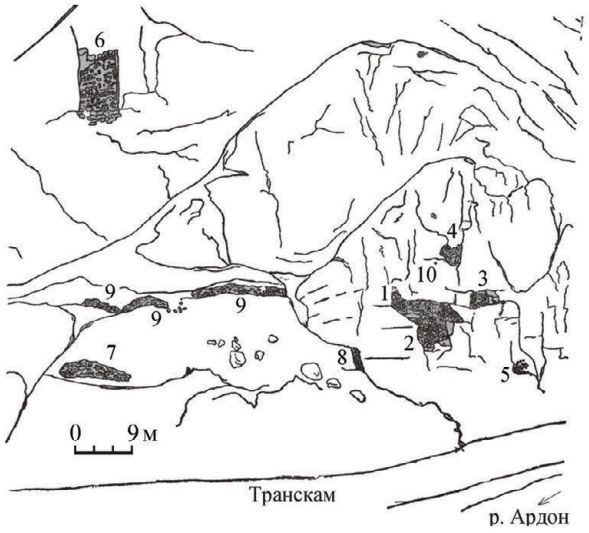
3

Рис. 4. Крепость Дзивгис

Рис. 5. Крепость Дзивгис. *1–2* – чертежи (по: *Тменов*, 1984)

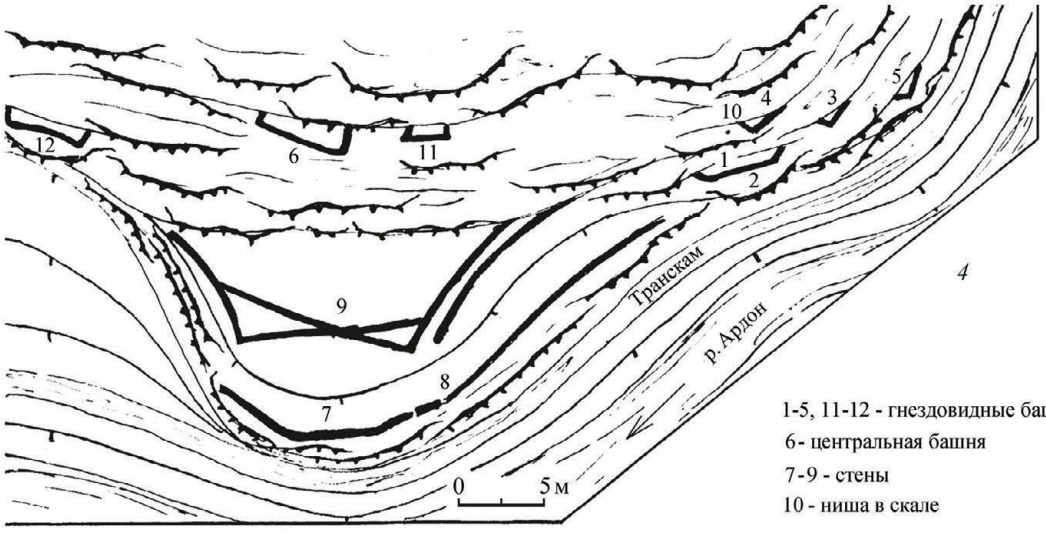
1

2



3

1- сооружение №1
2- сооружение №2
3- сооружение №3
4- сооружение №4
5- сооружение №5
6- сооружение №6
7-8 - кладки, укрепляющие нижние террасы
9- кладка, укрепляющая верхнюю террасу
10 - окно в скале



4

1-5, 11-12 - гнездовидные башенки
6- центральная башня
7-9 - стены
10 - ниша в скале

Рис. 6. Нузальская крепость: *1* – общий вид; *2* – основное укрепление; *3* – рисунок (по: *Наглер*, 1983); *4* – план крепости (по: *Сланов*, 2007)

пление в 1927–1928 гг. обследовали историки Л. П. Семенов и Е. Г. Пчелина, но результатов своей деятельности не оставили (*Кузнецов*, 2014. С. 39). Почти так же безрезультатно закончилось посещение Е. Г. Пчелиной Урсдонской крепости (*Пчелина*, 1948. С. 27). Изучение же собственно наскальной оборонительной архитектуры горной Осетии начинается сравнительно недавно – во второй половине XX в., что, по всей видимости, объясняется их труднодоступностью. Результатом сплошного исследования историко-архитектурных памятников стал выход в свет монографий В. Х. Тменова (*Тменов*, 1984; 1996), снабженных фотографиями, рисунками, чертежами и описанием основных памятников. По наиболее интересным памятникам выходили: отдельная статья А. О. Наглера по Нузальской крепости (*Наглер*, 1983) и раздел монографии В. А. Кузнецова – по Дзивгисской (*Кузнецов*, 2014. С. 52–64). Автор данной работы в свое время, анализируя фортификационные памятники Куртатинского ущелья, наиболее насыщенного наскальными укреплениями, давал их характеристику (*Сланов*, 2004), а в более поздних работах при описании аланских укреплений и фортификационных систем Осетии приводил перечень данной группы памятников с их общей характеристикой (*Сланов*, 2007. С. 238–241; 2008. С. 350). Аналогичная архитектурная форма оборонительных сооружений известна и за пределами Осетии. В Балкарии и Карачае они исследовались И. М. Мизиевым и В. М. Батчаевым, в Ингушетии и Чечне – описаны Д. Ю. Чахкиевым (*Мизиев*, 1970; *Батчаев*, 1992; *Чахкиев*, 2003; 2009).

В начале XXI в. (2001–2005 гг.) автором данной работы (совместно с А. Х. Хутинаевым) проводились работы по выявлению и фиксации данной категории архитектурных памятников (нами зафиксировано 13 объектов), а также обобщение материалов о уже известных. Следует оговорить то обстоятельство, что в данной статье не использовались сведения о наскальных укреплениях, входивших в состав оборонительных сооружений других архитектурных форм, в частности – заградительных стен (*Дарьяльская крепость,* стена в *с. Бугултыкау*, укрепление *Галфандаг* и т. п.).

В осетинской устной традиции подобный вид фортификационных сооружений носит название *фидæрттæ – укрепления.* Характерным признаком их архитектуры являются оштукатуренные и покрытые снаружи желтой охристой краской стены (как и у культовых сооружений этого периода), что нехарактерно для строений последующего времени. На стенах крепостей Гули и Кадат сохранились тамгообразные знаки в виде свастики с закругленными концами (*Тменов*, 1984. С. 77, 102). Вход в такие укрепления располагался, как правило, с правой (снаружи) торцевой стены, что затрудняло осаждающим пользование оружием.

Простейшие скальные укрепления представляют собой систему невысоких заградительных стен на разных уровнях: сс. Ксурт (*«Сæхуыгы лæгæт» – «Пещера Сахуга»*) (рис. 13: *1*), Кобан (*«Фыдуарæн» – «Место дележа мяса»*), Кадаргаван (*«Комдæгъæл» – «Ключ ущелья»)* (рис. 9), Цазиу, Верхний Унал и др. Часто постройка имела вид башенки, прилепленной к отвесной скале: сс. Хуссар-Хинцаг (*«Тудджыны лæгæт» – «Пещера кровника»*) (рис. 13: *2*), Гули (рис. 8), Кадат (рис. 7), Задалеск (*«Седанти мæсуг» – «Башня Седановых», «Рафти мæсуг» – «Полуденная башня»*) (рис. 11; 12), Лезгор (*«Сау кезгайы мæсуг» – «Башня смуглой (черной) девушки»*) (рис. 10) и др. Сгруппированные вместе башни (до 10) превращаются в настоящие крепости: сс. Нузал (*«Нузалы фидæрттæ» – «Укрепления Нузала»*) (рис. 6), Урсдон (*«Урсдоны фидæрттæ» – «Укрепления Урсдона»*) (рис. 2; 3), Дзивгис (*«Дзивгисы фидæрттæ» – «Укрепления Дзивгиса»*) (рис. 4; 5). Вместе с тем четкого разграничения крепостей по форме не наблюдается, что связано с их зависимостью от особенности рельефа.

Разновидностью скальных крепостей являются так называемые пещерные. В простейшем варианте это заградительные стены с бойницами, оконными и входными проемами, закрывавшие устья пещер (*Тменов*, 1996. С. 67). По мнению В. Х. Тменова, при выборе места для строительства этих укреплений главенствующую роль играли не только соображения безопасности, но и почитание пещер (обители божеств и духов), которым издревле окружали их кавказские горцы. Почитание это переносилось, по-видимому, и на скальные крепости и укрепления, что делало их, по поверьям местных жителей, и вовсе неуязвимыми (*Тменов*, 1996. С. 70).

Самым замечательным пещерным комплексом по праву считается *крепость Дзивгис* (рис. 4; 5). Она представляла собой систему из семи оборонительных сооружений, пристроенных к пещерам и скальным навесам, тянущимся вдоль

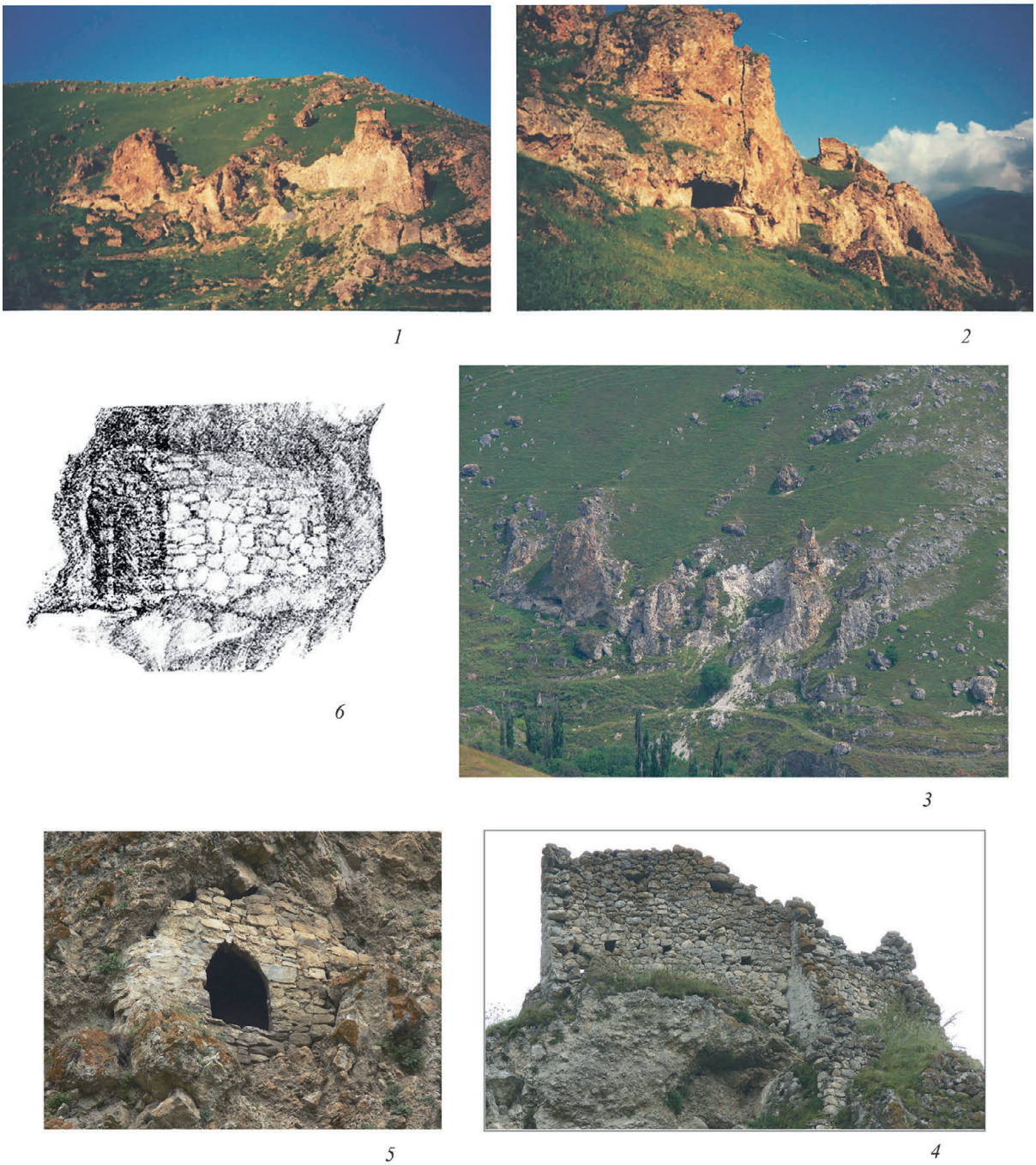


Рис. 7. Крепость Кадат: *1–3* – общий вид; *4* – башня; *5* – пещерное укрепление; *6* – рисунок несохранившегося основного укрепления (по: *Тменов*, 1984)

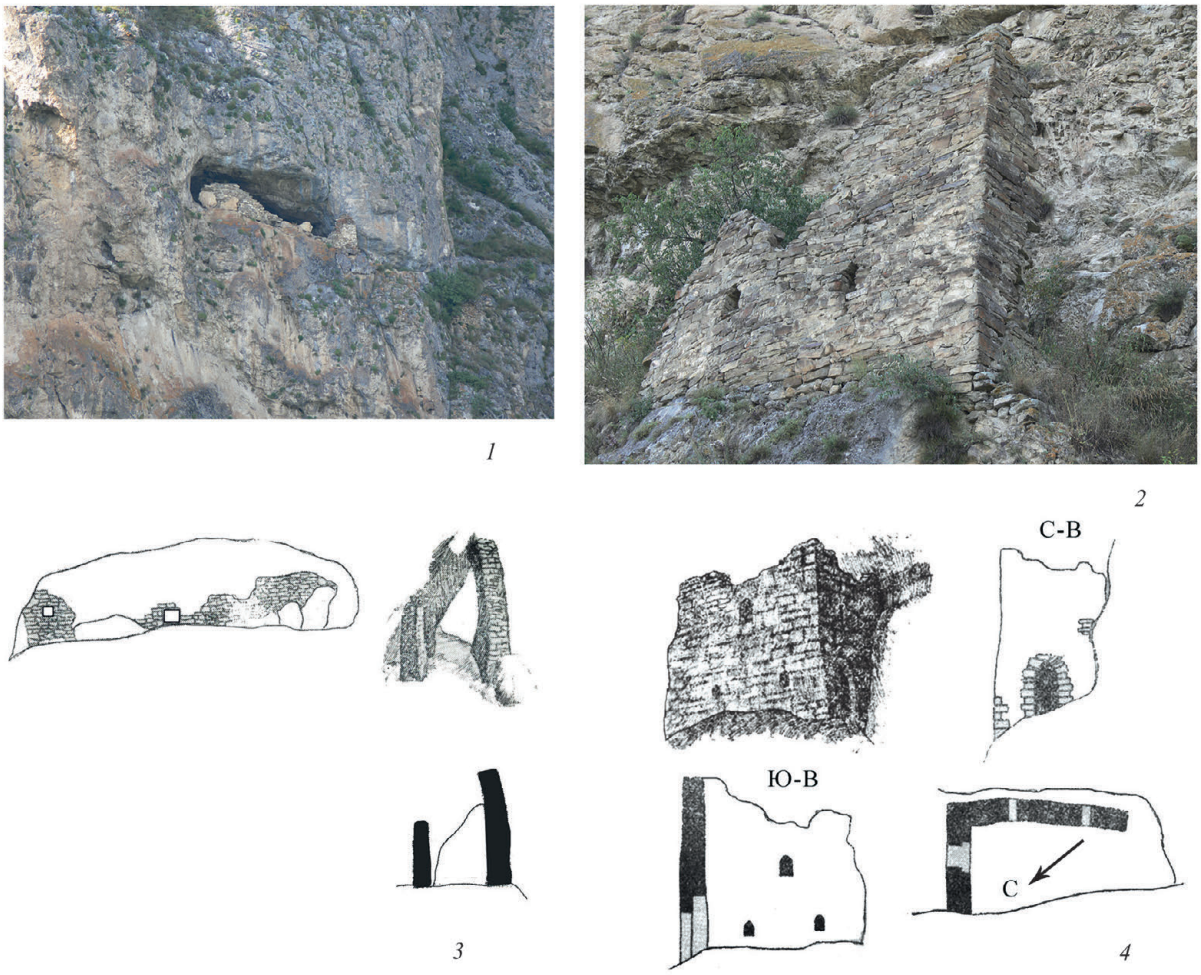


Рис. 8. Крепость Гули: *1* – верхнее пещерное укрепление; *2* – основное наскальное укрепление; *3–4* – чертежи (по: *Тменов*, 1984)

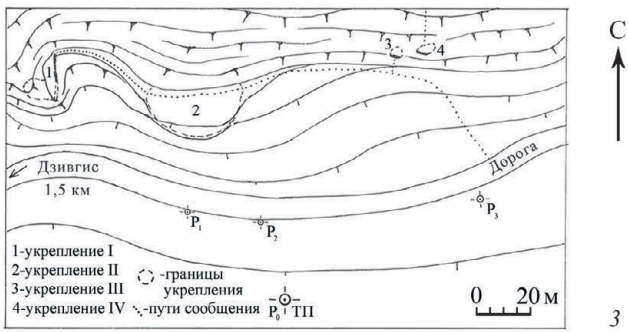
подошвы горы Кариу-хох (*Тменов*, 1984. С. 106–108). Крепость обследовалась в 1982–1982 гг. В. А. Кузнецовым и В. Х. Тменовым и детально описана в их публикациях (*Кузнецов*, 2014. С. 52–64; *Тменов*, 1984. С. 107–108), поэтому подробно останавливаться на ее архитектуре не имеет смысла. Каждое укрепление было самостоятельным очагом обороны, прикрывающим основную, нижнюю пещеру. Это давало повод высказывать мнение о том, что из нее отходила сеть внутренних ходов (тоннелей) к остальным сооружениям, по которой защитники в критический момент отступали к более защищенным и менее доступным для врага укреплениям (*Кокиев*, 1935. С. 234). Однако тщательное изучение с привлечением скалолазов показало, что сообщение между отдельными башнями осуществлялось при помощи системы консольных балок, вбитых в скальные расщелины; на балки клался настил из двух-трех досок, по которому можно было пройти от одного укрепления к другому. В случае необходимости доски убирались, и взять башню было невозможно.

Если подобный настил сделать было нельзя, или требовалось сделать переход не по горизонтали, а по вертикали, действовали с помощью веревок, крепившихся к аналогичным деревянным консолям, вбитым в скальные расщелины (*Кузнецов*, 1990. С. 117–118). Таким образом, каждая башенка действовала автономно, и переход защитников во время боя из одного укрепления в другое был невозможен.

Взять приступом подобную крепость, как уже отмечалось, было очень сложно, и техника

1

2



3

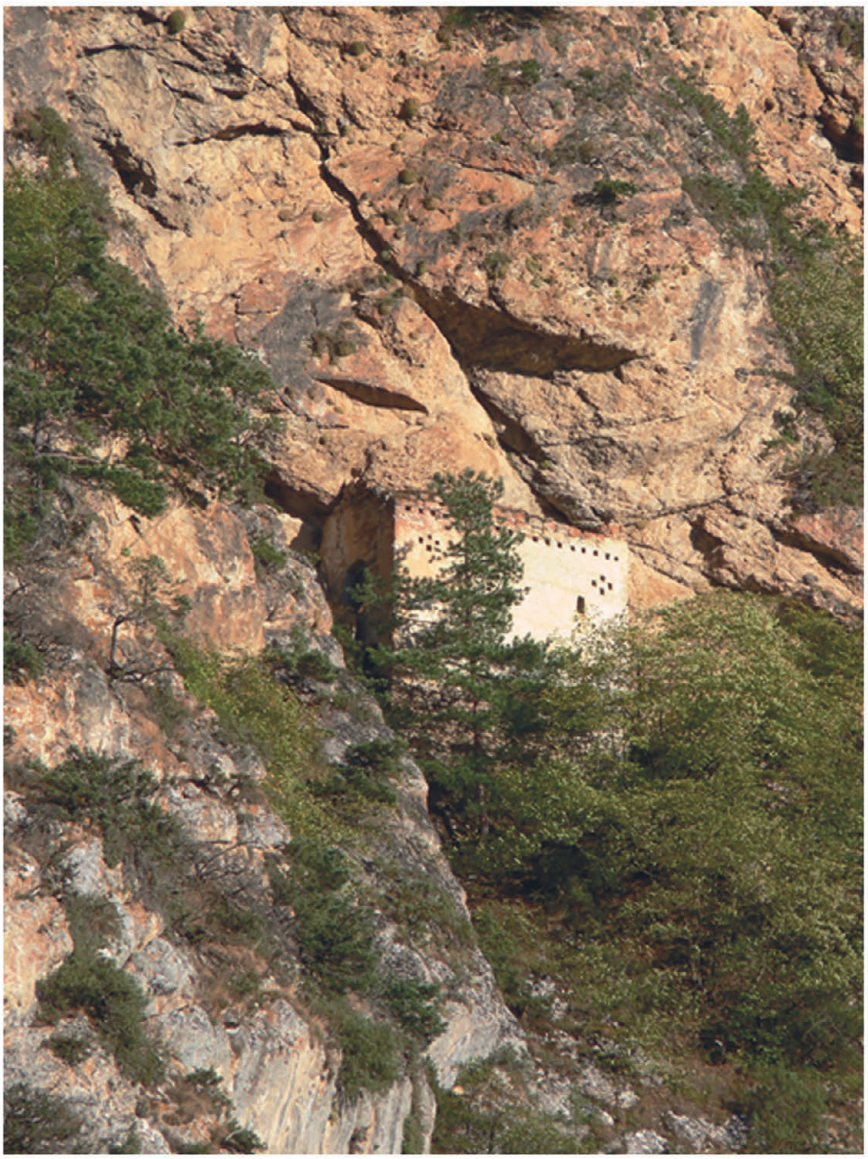
Рис. 9. Крепость Комдагъал («Ключ ущелья»): *1* – общий вид; *2* – основное укрепление; *3* – план

1

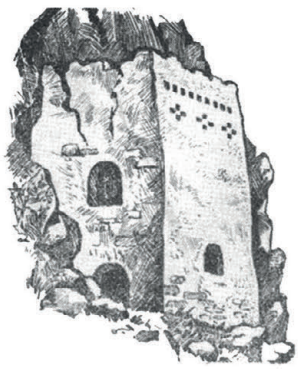
2

3

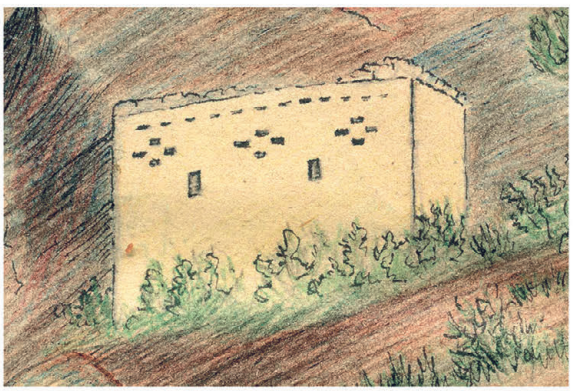
Рис. 10. Крепость Сау кезгайы масуг («Башня смуглой (черной) девушки»)



1



2

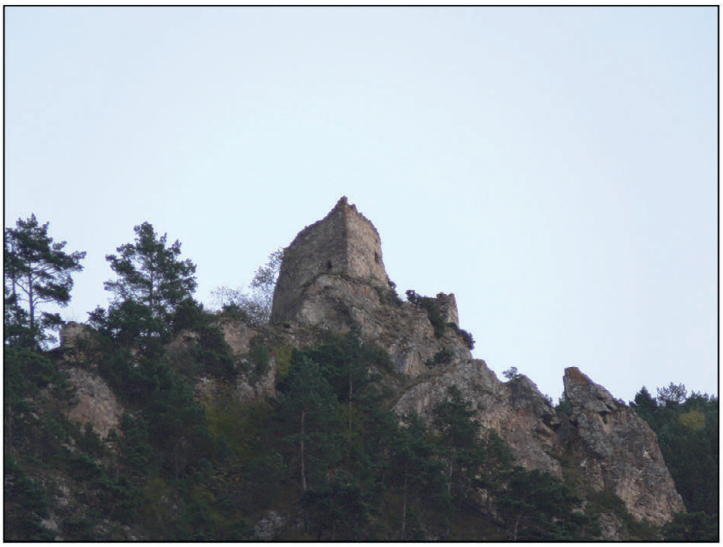


3

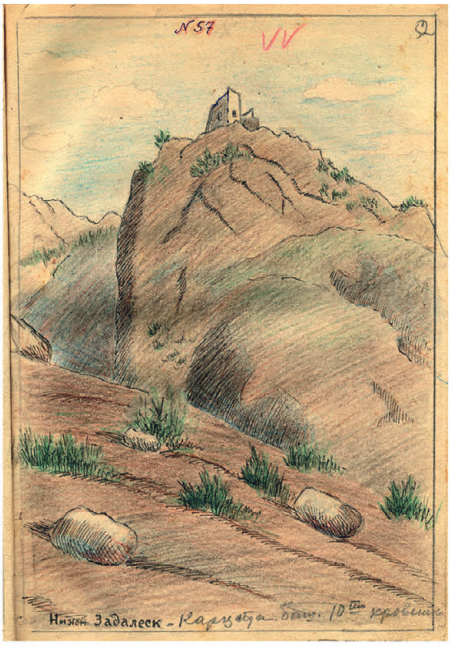
Рис. 11. Наскальная башня Рафти масуг («Полуденная башня»).
1 – фото; *2* – чертеж (по: *Тменов*, 1984); *3* – рис. В. Лакисова

1

2



3



4

Рис. 12. Башня Седановых. *1–3* – фото; *4* – рис. В. Лакисова, 1945

1

2

Рис. 13. 1 – крепость Сахуга; *2* – «башня кровника»

их штурма была отработана только при Тимуре, для чего «лучников, в сплетенных для этого больших корзинах, сверху спускали до уровня пещер» и они осыпали осажденных стрелами. «Если сопротивление продолжалось, то пускались в дело зажженные стрелы, обмотанные пропитанной нефтью паклей» (*Тменов*, 1996. С. 71).

Сохранилось описание штурма воинами из покоренного Тимуром племени *мекритов* крепости *Кулу* и *Тауса.* Шереф-ад-дин Йезди в «Книге побед» описывает поход на эти укрепления, оборонявшиеся асскими военачальниками, которые «также принадлежали к племенам обитателей Эльбурза (Эльбруса. – *С. А.*). У тамошних жителей были крепости и укрепления на вершине горы, и пройти туда было чрезвычайно трудно, вследствие высоты их, которая была так велика, что у смотревшего мутился глаз, и шапка валилась с головы…» (*Тизенгаузен*, 1941. С. 181). Особенно неприступной была крепость Тауса, которая лежала на третьем уступе горы на такой вышине, что «пущенная стрела не долетала до нее» (Там же). Тимур позвал к себе несколько человек из племени *мекритов,* которые «в ходьбе по горам были так ловки и искусны, что заберутся в любое место, куда только серна может забраться», и приказал им найти и исследовать дороги к этой крепости. Однако они не отыскали ни одного пути, ведущего к укреплению, и тогда Тимур велел сделать несколько высоких лестниц, привязать их одну к другой и, поставив на первый уступ горы, забраться по ним наверх. Втащив лестницы, поставить на второй уступ, затем взойти наверх и поставить лестницы на третий уступ, где находилась крепость. «Другая группа смельчаков, решившись пожертвовать жизнью», опоясавшись канатами и прикрепив их концы к вершине горы, «с огненными мечами спустились до места, находившегося против крепости» (Там же).

Оба отряда, действуя согласованно, сверху и снизу стали штурмовать крепость, защитники которой стрелами и камнями поражали осаждавших. Несмотря на большие потери, все новые и новые отряды Тимура шли на приступ, и «жители крепости, видя эту небесную и земную беду, сверху и снизу, спускающуюся и поднимающуюся, оробели и растерялись. Храбрецы победоносного войска овладели, таким образом, этой крепостью и умертвили множество людей из племени Иркувун, которые были в ней» (Там же). По мнению исследователей, крепость Тауса соответствует Дзивгисской скальной крепости, а Кулу – находящемуся в 2–3 км от Дзивгиса укреплению Гули (*Гутнов*, 1993. С. 99).

Видимо, успешное покорение Тимуром скальных крепостей Кавказа привело к отказу местного населения от строительства подобных фортификационных сооружений, превращающихся для защитников в настоящие ловушки при вышеупомянутой технике штурма.

Согласно осетинскому преданию, Дзивгисская крепость осаждалась войсками *«Шаха»* (т. е. иранским Шахом Аббасом в первой половине XVII в.) при помощи артиллерии, оставившей проломы в главной башне, но еще В. Б. Пфаф скептически относился к этому (*Пфаф*, 1871. С. 44). Другая осетинская легенда сообщает об обороне Урсдонской скальной крепости, которую войска неприятеля после безуспешного обстрела из луков пытались взять штурмом: «Надев на голову *наутæ* (видимо, стальной головной убор), захватчики ринулись к башне, но безрезультатно. Сверху на них сваливали деревья, начиненные железными гвоздями, камни, сыпали песок» (*Калоев*, 1999. С. 290).

Самой известной крепостью Осетии (причем не только среди скальных) является *Нузальская «Нузалы фидар»* (рис. 6), считающаяся, согласно осетинским легендам и преданиям, резиденцией народного героя царя Ос-Багатара и находившаяся на родовых землях царского клана Царазонта. Укрепление располагается на отвесных скальных карнизах над дорогой по правому берегу реки Ардон. Чуть ниже имелся мост через реку (*Кузнецов*, 1990. С. 117). Месторасположение и форма крепости свидетельствуют о том, что она запирала вход в ущелье. Основные силы защитников сосредотачивались на скальном мысу, по периметру которого в два яруса шли невысокие (бруствер) оборонительные стены. Над этим укреплением на значительной высоте возвышалась центральная трехэтажная башня, поддерживающая стрельбой сверху защитников стен и являющаяся их пристанищем в случае отступления. Доступ к ней контролировался небольшой башенкой, расположенной с правого фланга, на левом фланге находится комплекс из пяти (?) маленьких гнездовидных построек. Каждая из них рассчитана на 1–2 стрелков, они предназначены для фланкирования боковых доступов к основному укреплению и контроля дороги в самом узком месте. Согласно преданиям, в толще скалы располагались ходы сообщения и даже подземный ход в соседнее ущелье, но,

скорее всего, здесь существовала та же система сообщения, что и на Дзивгисском укреплении. К сожалению, на сегодняшний день значительная часть Нузальской крепости уничтожена прокладкой тоннеля Транскавказской автомагистрали.

Наиболее интересной из всех наскальных крепостей Кавказа является *Урсдонская крепость («Урсдоны фидæрттæ» – «Укрепления Урсдона»* (рис. 2; 3), основание которой народная молва приписывает Уæлладжыру – родоначальнику осетин, чья надгробная стела одиноко стоит возле укрепления (*Пчелина*, 1948). Этот замечательный памятник архитектуры незаслуженно обойден исследователями, имеется лишь краткое описание В. Х. Тменова (*Тменов*, 1984. С. 197–198). Нами крепость обследовалась в 2002 г. Она расположена у подножья горы Кариухох с юго-западной стороны.

Крепость состоит из 5 прямоугольных башен, пристроенных к отвесной скале, их стены снаружи оштукатурены и покрыты желтой охристой краской. Башни дополняются невысокими оборонительными каменными кладками на скальных выступах. Основная линия обороны располагалась на естественных площадках у подножия скалы и в нужных местах укреплена подпорными стенами и парапетами. В центре крепости имеется два прохода в разломах скалы. Один – горизонтальный, уходящий вглубь горы и, согласно легенде, соединяющий Урсдонскую крепость с Дзивгисской в соседнем Куртатинском ущелье (где также бытует аналогичное предание). Другой – вертикальный – уходит вниз из расщелины между двумя высокими башнями и, по легенде, ведет к реке Урсдон. На сегодняшний день оба прохода заполнены осадочными породами.

Сообщение между укреплениями осуществлялось по узким разломам и расщелинам в известковой породе горы. Высота главной башни, находящейся в правой части крепости, имевшей 4–5 этажей (четко фиксируются четыре, но кладка еще продолжается вверх), – около 10 м, при основании размерами приблизительно 3,5 × 3,5 м. В ее фасадной стороне на нижних этажах с правой стороны имеются три дверных проема, расположенных один над другим. На верхних ярусах в торцевой части башни по центру находятся два широких оконных проема. Правая торцевая сторона полностью обрушена, именно здесь и располагался основной вход в укрепление.

Вторая башня сохранилась лишь с фасадной части. Ее высота приблизительно равна высоте первой башни, и здесь фиксируется 4 этажа (возможно, их было 5). Дверной проем находится по центру четвертого этажа, в остальных трех – по одному оконному проему, расположенных вразброс в шахматном порядке. Две другие башни были двухэтажными и имели по центру дверные проемы. У верхней башни на втором ярусе с фасадной стороны справа расположено высокое окно, при необходимости служившее входом. От пятой башенки, высотой в один ярус, сохранилась лишь правая часть, которая буквально прилеплена к отвесной скале. Как видно по внутренней части башен, все входные проемы имели арочную форму и были снабжены дверьми с запорами, пазы от которых сохранились в толще стен.

Справа над крепостью начинается большое плато *Сухс* (*Урсдоны Сухс* и рядом *Дагомы Сухс*). Единственная дорога на плато перегорожена невысокой заградительной стеной-парапетом, входившей, по всей видимости, в систему обороны крепости. Именно здесь, через вершину горы Кариу-хох, проходила тропа в соседнее Куртатинское ущелье.

Поиски подъемного материала в этой единственной сохранившейся в первозданном виде крепости не дали результатов. Подобное имело место и при археологическом исследовании Дзивгисской крепости В. А. Кузнецовым и В. Х. Тменовым (*Кузнецов*, 2014. С. 54). Лишь ниже укрепления местными жителями из фамилии Амбаловых был найден наконечник стрелы эпохи позднего средневековья, XIV–XVIII вв.

Подводя итоги, можно отметить, что в монгольскую эпоху (XIII–XV вв.) с массовым притоком аланского населения в горы здесь возникает система скальных (пещерных) крепостей, располагавшихся цепью на южной стороне Скалистого хребта (у его подножья) вдоль главной магистрали горной Осетии – Алании, проходящей по северному склону Кавказских гор, – *«Шах над» – «Дорога шаха»* (рис. 1). Данные оборонительные сооружения представляют собой систему из укрепленных пещер, башен и невысоких стен на скальных карнизах, расположенных на разных высотах, наподобие ласточкиных гнезд.

Аналогичные оборонительные сооружения встречаются как к западу (Балкария, Карачай, Абхазия), так и к востоку (Ингушетия, Чечня) от Осетии, что наводит на мысль о единой системе охраны магистрального пути через горный Кавказ в эпоху средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

Батчаев В. М., 1992. Феодальные замки Алании // Аланы и Кавказ / Отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ; Цхинвал: СОИГИ; Юго-Осетинский НИИ. С. 136–151. (Alanica II.)

*Вахушти Багратиони***,** 1904 География Грузии / Введ., перев. и примеч. М. Г. Джанашвили // Записки Кавказского отделения Русского географического общества. Тифлис: Тип. К. П. Козловского. Т. XXIV. Вып. 5. 241 с.

Гутнов Ф. Х., 1993. Средневековая Осетия. Владикавказ: Ир. 229 с.

Калоев Б. А., 1999. Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука. 390 с.

Кокиев Г. А., 1935. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Т. II. Сталинир. С. 217–234.

Кузнецов В. А., 1990. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир. 200 с.

Кузнецов В. А., 2014. Древности Куртатинского ущелья. Владикавказ: Проект-Пресс. 256 с., ил.

Лакисов В. Материалы экспедиции по памятникам старины, собранные членом экспедиции архитектором-художником В. Лакисовым. Махческий район Северо-Осетинской АССР. 1945 г. // НА (ОРФ) СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8.

Мизиев И. М., 1970. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII–XVIII вв.). Нальчик: Эльбрус. 90 с.

Наглер А. О., 1983. Нузальский наскальный оборонительный комплекс // Кочевники Азово-Каспийского междуморья: межвуз. сб. ст. / Отв. ред. Т. Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ. С. 110–115.

Пфаф В. Б., 1871. Материалы для истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. V, 1. Тифлис. С. 1–100.

Пчелина Е. Г. Местность Уалладжир и шесть колен рода Ос-Багатара. 1948 г. // НА (ОРФ) СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 21.

Сланов А. А., 2004. Памятники Куртатинского ущелья. Ч. I. Фортификационные системы // Дарьял. № 1. Владикавказ. С. 214–235.

Сланов А. А., 2007. Военное дело алан I–XV вв. Владикавказ: СОИГСИ. 400 с.

Сланов А. А., 2008. Фортификационные системы Осетии // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ: СОИГСИ. С. 348–351.

Тизенгаузен В. Г., 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: в 2-х т. Т. 2. М.; Л.: АН СССР. 308 с.

Тменов В. Х., 1984. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир. 344 с.

Тменов В. Х., 1996. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ. 437 с.

Чахкиев Д. Ю., 2003. Древности горной Ингушетии: в 3 т. Т. 1. Назрань, 2003. 144 с., ил.

Чахкиев Д. Ю., 2009. Древности горной Ингушетии: в 3 т. Т. 2. Назрань, 2009. 96 с., ил.

A. A. Slanov

ROCK FORTRESSES OF MOUNTAINOUS OSSETIA

Summary. This article is devoted to a unique defense system of the Central Caucasus. It is represented by a network of rock fortifications along the foothills of the Skalisty Range that once protected the mountainous part of Alania. The paper analyzes preconditions of this fortification complex, reasons that led to its construction, and the role it played in the military and political history.

The most probable date of the construction of the fortifications is the 12th-13th centuries (although, in our opinion, 13th–15th cc. is more probable), and, according to researchers, they become strongholds of defense of Alans pushed in mountains during Mongolian conquests.

Keywords: history of the Caucasus, military history, Middle Ages, fortification, rock fortifications, Alans, Ossetia.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.226-235

А. А. Сланов
Институт истории и археологии РСО – Алания, Владикавказ

ЗНАЧЕНИЕ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ И ФАМИЛЬНЫХ ПРЕДАНИЙ ПРИ АТРИБУЦИИ И ДАТИРОВКЕ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗА (НА ПРИМЕРЕ РЯДА БАШЕН РСО – АЛАНИИ)

Резюме. Собственно научная реставрация башен в Северной Осетии начинается лишь в XXI в. При этом особое значение приобретает историческая справка, благодаря которой дается возможность более точно датировать памятник, атрибутировать его, установить этнокультурную принадлежность. Благодаря этногенетическим и фамильным преданиям можно проследить его владельцев в разные исторические периоды.

Ключевые слова: история Кавказа, военная история, средневековье, фортификация, аланы, Осетия, этногенетические, фамильные предания, паспортизация, реставрация.

В 2020 г. ООО «СКИФОС-РСК» было поручено проведение реставрационных работ на ряде историко-архитектурных памятников Республики Северная Осетия – Алания. Для составления проектной документации автором было проведено историко-архивное и библиографическое исследование, результатом которого стало написание исторической записки.

Рассматриваемые памятники относились к периоду позднего средневековья, практически не освещенного письменными источниками. Два из трех населенных пунктов, где располагаются объекты исследования, давно покинуты местными жителями, что также осложняло нашу работу. Поэтому приоритетным источником для датировки памятников и установления их этнокультурной принадлежности выступают этногенетические и фамильные предания и сравнительный анализ.

Этногенетические предания затрагивают вопросы происхождения осетинского народа в целом. В научной литературе, уже с началом становления осетиноведения во второй половине XIX в. и позднее, неоднократно отмечался этногенетический характер преданий о предке осетин Ос-Багатаре и его сыновьях – родоначальниках осетинского народа. Менее масштабны предания о первопредках отдельных обществ Горной Осетии: предания о братьях Тага и Курта (родоначальниках тагаурцев и куртатинцев), Дигоре, Астане, Баделе, Царгасе, Гагу (дигорцев) и Хетаге (туальцев). Этот пласт преданий затрагивает вопросы формирования осетинского народа в горной зоне Центрального Кавказа, возникновения обществ (Уалладжыр, Дыгуыргом, Куырттатыгом, Туалгом, Урс-Туалта, Тырсыгом, Куыдаргом, Чесангом и т. д.), клановых образований – Царазонта, Агузата, Сидамонта, Кусагонта, Тагиата, Баделята, Царгасата, Хетагката (клан мог включать от десятка до нескольких сотен фамилий), оформления границ горных обществ и клановых земель, сословное деление, отголоски функционального деления древней эпохи и т. д. (*Абаев*, 1990; *Алборов*, б. г.; *Бзаров*, 1988; 2014; *Ванеев*, 1989; *Гутнов*, 1989; *Кузнецов*, 1990; *Пчелина*, 1948; *Туганов*, 1996; *Уарзиати*, 2017; и др.).

В сферу фамильных преданий входит история отдельных фамилий и их представителей. Это, прежде всего, обстоятельства возникновения фамилии, место первопоселения и дальнейшие миграции всей фамилии или ее представителей, патронимическое деление внутри фамилии, родственные связи с другими фамилиями, родовые башни и святилища, истории о наиболее известных членах рода и т. п.

Большинство исследователей кавказской архитектуры вполне справедливо считают, что

периодом распространения башенной фортификации являются XVI–XVIII вв. (связывая его с началом распространения огнестрельного оружия на Северном Кавказе), однако выбранные для реставрации памятники относятся не к категории фамильных башен, а к разряду сторожевых. Этот этап развития фортификации Центрального Кавказа предварял последующий и послужил его основой, поэтому их обычно путают и смешивают (так, башни часто называют фамильно-сторожевыми). В более позднее время они действительно становятся собственностью отдельных фамилий.

Башня Кадзаевых (Къадзаты мæсыг) в с. Верхний Луар (Уæллаг Луар) (рис. 1).

Историческая справка. Селение Луар расположено в Алагирском ущелье (Уæлладжыргом), на родовых землях клана Сидамоновых (Сидæмонтæ), самого крупного фамильного объединения Алагирского общества (Уæлладжыр). Верхний Луар располагается в полукилометре к юго-западу от Нижнего Луара, на склоне горы.

Фамильная принадлежность. Согласно этногенетическим преданиям, с. Луар, входившее в Архонскую общину, основали три брата, выходцы из с. Архон (*Калоев*, 2015. С. 100): Кадза, Цогой и Албор (произошедшие от них фамилии Кадзаевых (Къадзатæ), Цогоевых (Цогойтæ) и Алборовых (Ælбортæ) считаются родственными *(ærвадæлтæ)*, и браки между ними запрещены). Первые два брата построили родовые башни в селах Верхний и Нижний Луар, и у них вышел спор, чья башня выше. Башня Кадза была явно более высокой, и он повел брата на ее верх, чтобы убедить в своем превосходстве. Однако Цогой продолжал упорствовать, и тогда Кадза, выйдя из себя, сбросил родственника с башни со словами: «Не веришь? Так иди и проверь!» (Информатор З. П. Кадзаева, 1966 г. р., г. Алагир, в 1997 г.). После этого инцидента Кадза с семьей переселились в с. Тли Мамисонского ущелья (Туалгом), где и возникла собственно фамилия Кадзаевых (*Гутнов*, 2012. С. 240). Здесь они тоже построили башню, которая хотя и характеризуется высоким строительным мастерством, но существенно отличается от прежней. Ее общий вид и разрез приведены в работе В. Х. Тменова (*Тменов*, 1984. Рис. 15: *1–2*).

Алборовы переселились в Южную Осетию (в Кударское общество (Къуыдаргом) в сс. Надарваз и Лесор (*Наниев*, 1987; *Гаглойты*, 2005. С. 254; *Гутнов*, 2012. С. 32), в первом из которых сохранились остатки их фамильной башни (*Сланов*, 2017. С. 107). По другому преданию, потомки Албора переселились в с. Нижний Кани (Тагаурия), а позднее – в с. Ольгинское (*Гутнов*, 2012. С. 33). Таким образом, из потомства трех братьев осталась только фамилия Цогоевых в с. Нижний Луар. Из других фамилий здесь проживали Цибировы (Цыбыртæ), Слоховы (Слохтæ), Бесаевы (Бесатæ) (*Гаглойты*, 2005. С. 248), а также Легкоевы и Гаппоевы (*Гутнов*, 2012. С. 493). На 1884 г. в Луаре проживало 27 дворов (219 жителей) (*Калоев*, 2015. С. 100), на 1886 г. – 234 человека Цогоевых и 23 Бесаевых – их племянников (*Гутнов*, 2012. С. 493).

Описание. Шестиэтажная, квадратная в плане, башня расположена на склоне горы и сложена из небольших по размеру камней на известковом растворе (рис. 1: *1, 2*). Постройка возведена на выходе скальной породы, так, что пол нижнего яруса башни выровнен забутовкой из камней. В юго-западной части здания на высоте 0,7 м от земли имеется пролом (0,5 × 1 м), а южный угол обрушен на высоту двух этажей. Башня имеет следы известковой штукатурки, окрашенной в охристый цвет, на фасадной стене. На штукатурке оттиснуты окружности, справа – одна, слева – три.

Наибольший интерес представляет фасадная стена, прорезанная бойницами и оконцами арочной формы. Арочные окна, идущие по центру фасадной стены, по одному на каждый этаж, возможно, были предназначены для лучного боя. Судя по их форме в виде дверного проема, они закрывались деревянными дверцами, открывавшимися внутрь вправо. Подобное устройство сохранилось в башнях Урсдонской крепости, где сохранились оконные косяки.

Для осетинских башен характерна сквозная камера, где межэтажное перекрытие монтировалось на балках, уложенных на выступающие плиты-упоры или вставленных в специально подготовленные гнезда. Конструкция межэтажных перекрытий, сохранившихся на осетинских башнях Тырсыгома, выглядит следующим образом: круглые балки (диаметром 20–30 см) расставлены на 60–80 см, на эти балки поперек настлан пол из кругляка (диаметром в среднем 8 см), на него наложены плоские каменные плиты (толщиной 4–6 см), а затем идет слой утрамбованной глины. Верхний ярус башни представлял собой открытую террасу, где стены играли

роль парапета. Подобная конструкция была наиболее приспособлена для ведения боевых действий, наблюдения и подачи сигналов (*Сланов*, 2007. С. 247).

Фасад имеет декоративные украшения в виде углублений квадратной формы. В верхнем ярусе башни имелись *машикули* (от французского выражения *«mache col»*, т. е. «сломать шею»), навесные бойницы, образованные путем сооружения у брустверной стенки свесов (*Сланов*, 2007, С. 246), один из которых сохранился на юго-западной стене. В северный угол башни, на уровне входа, вмурован камень с высеченной на нем окружностью.

Размеры. Высота башни (по северному фасаду) – 17 м, длина – 5,5 м, ширина – 5,1 м; раз-

1 *2* *3* *4* *5*

Рис. 1. Башня Кадзаевых, с. Верхний Луар. *1–2* – фото А. А. Сланова, 2006 г., публикуются впервые; *3–5* – по: *Лакисов*, 1946. Л. № 80 и два след. без №

меры камеры – 3,1 × 3 м, высота – 13 м; толщина стен – 0,8 м. В северо-восточной фасадной стене по центру на высоте 3,9 м над землей имеется входной проем арочной формы (шириной 0,65 и 1 м; высотой 1,1 и 1,8 м) (*Тменов*, 1984. С. 186–187). Чертежи и рисунки башни приводятся в работе В. Лакисова (1946. Л. № 80 и сл.) (рис. 1: *3, 4, 5*).

Отличительными особенностями конструкции башни являются:

1) обмазка глинистым раствором, затирка швов, окраска охристым раствором;

2) достаточно широкие оконные проемы по центру фасадной стены, по одному на каждой стене этажа;

3) квадратные декоративные углубления, идущие по фасаду верхнего яруса башни;

4) декоративные выкладки по центру фасада в виде *«трезубцев»*, расположенных над пирамидальными основаниями, уменьшающимися к верху, из квадратных углублений, расположенных в «шахматном порядке». Эта композиция считается вариантом изображения *«креста с голгофой»*, мотива, часто встречающегося в башенной архитектуре Ингушетии, Чечни и горных районов Восточной Грузии (Хевсуретия и Сванетия).

Все эти элементы характерны для фортификационных памятников более раннего периода: наскальных крепостей (Урсдонская крепость *(«Урсдоны фидæрттæ»)* и Нузальская крепость *(«Нузалы фидæрттæ»)* в Алагирском ущелье), датируемых монгольской эпохой (XIII–XIV вв.) (*Сланов*, 2019. С. 70), и сторожевых башен, расположенных на стратегически важных местах (башни Абисаловых и Хатаговых в Дигории; Дзугкоевых, Икаевых, Хестановых и Кадзаевых – в Алагирском ущелье; Габисовых, Тага и Курта – в Куртатинском ущелье и др.), которые можно датировать XIV–XV вв. (*Сланов*, 2007. С. 245). Башни этого круга могут иметь отношение к последнему периоду существования Аланского государства в горах Центрального Кавказа и представляли собой сигнально-сторожевые башни, первоначально не связанные с фамильной принадлежностью. Они отличаются значительной высотой и большим мастерством изготовления, что говорит об их сооружении строителями высокой квалификации.

Наиболее близкие аналоги – башни Дзуттаговых (Дзуттæгты мæсыг) / Хестановых (Хестанты мæсыг) в с. Донисар, в Алагирском ущелье (см.: *Тменов*, 1984. С. 192–193); Габисовых (Габысаты мæсыг) в с. Халгон (см.: *Тменов*, 1984. С. 79–80); Тага и Курта в с. Уалласых в Куртатинском ущелье (см.: *Тменов*, 1984. С. 100).

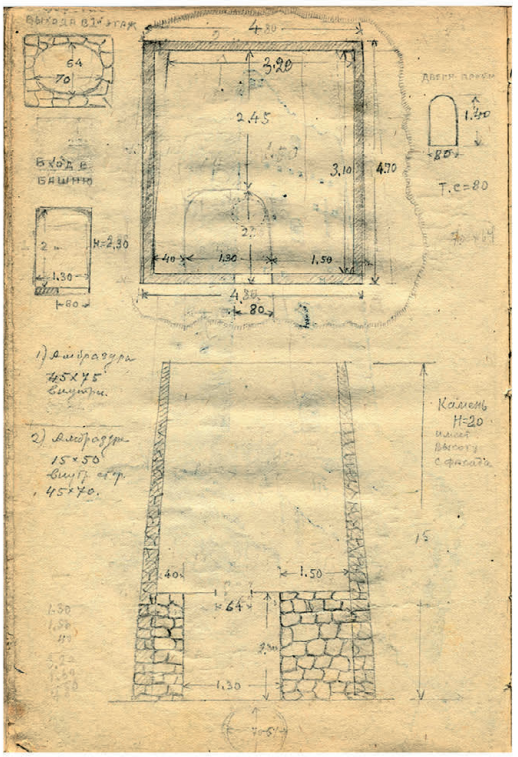
Башня Хестановых (Хестанты мæсыг) или Дзуттаговых (Дзуттаæгты мæсыг) в с. Донисар (Донысæр) (рис. 2).

Историческая справка. Селение Донисар расположено в Алагирском ущелье *(Уæлладжыргом)*, на родовых землях клана Кусагонта *(Кусæгонтæ)*, самого небольшого фамильного объединения Алагирского общества (Уæлладжыр). Название населенного пункта переводится как *«Исток реки»* (*«дон»* – «вода» + *«сæр»* – «начало», «голова»). Оно давно покинуто местными жителями, а раньше здесь проживали: Азиевы (Азиатæ / Азитæ), Бзыковы / Бзиковы (Бызыккатæ), Габуловы (Гæбултæ), Галабаевы (Гæлæбатæ), ? *Дзибоевы (Дзыбыттæ),* Дзобаевы (Дзобатæ / Дзобайтæ), Калаевы (Хъалатæ), Калмановы (Калмантæ), Мециевы (Мецъитæ), Мсоевы (Мсойтæ), Наскидаевы (Насхъидатæ), Саламовы (Саламтæ) и Хестановы (Хестантæ) (*Гаглойты*, 2005. С. 248). Основными фамилиями были Бзыковы, Хестановы, Дзибоевы и Дзобаевы (*Гутнов*, 2016. С. 178). В 1861 г. здесь проживало 9 дворов с населением 60 человек, в 1863 г. – тоже 9 дворов, в 1886 г. – 18 дворов, в 1901 г. – 19 дворов, в 1910 г. – 17 дворов и 318 жителей, в 1926 г. – 13 дворов (*Гутнов*, 2016. С. 177–178).

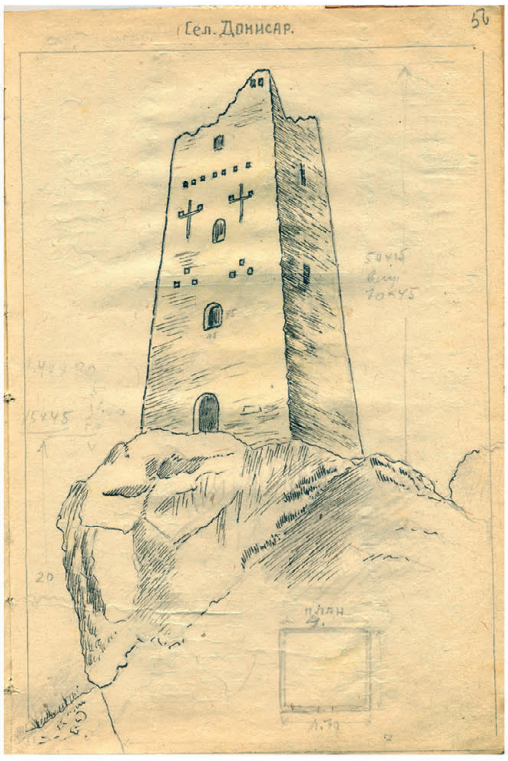
Фамильная принадлежность. Хестановы относятся к клану Кусагоновых (одного из трех Алагирского общества), занимавшему территорию Урсдонского ущелья. Родственными фамилиями Хестановых *(æрвадæлтæ)* считаются Азиевы / Адзиевы / Аджиевы (Азитæ / Адзитæ / Аджитæ) (*Гаглойти*, 2007. С. 35), Алаговы (Алæгатæ) и Дзикуаевы / Дзикаевы (Дзикатæ) (*Гаглойти*, 2007. С. 48, 81; *Хъайттаты*, 1998. С. 96). Видимо поэтому в фольклорных материалах башня фигурирует как *Азиевых* и *Алаговых* (*Хъайттаты*, 1998). Первоначально, согласно народным преданиям, башня принадлежала фамилии Дзуттаговых (Дзуттæгты мæсыг) поскольку считалось, что в этих местах когда-то проживали евреи *(осет. дзуттæгтæ)*, ставшие родоначальниками данной фамилии. Согласно легенде, строитель за возведение башни получил 20 коров, и еще 21 получал в случае, если он «посмотрит с крыши башни на окрестности»

1

2



3



4

Рис. 2. Башня Хестановых / Дзуттаговых, с. Донисар. *1–2* – фото А. А. Сланова, 2006 г., публикуются впервые; *3–4* – по: *Лакисов*, 1946. Л. № 43, публикуются впервые

(*Пчелина*, 1948. Л. 48/49). В другом варианте предания – если с верхнего этажа будет видна река Ардон. Это говорит о высоте башни и ее стратегическом положении.

Описание. Пяти-, а возможно – и шестиэтажная башня, квадратная в плане, расположена на северо-восточной окраине села, на высоком выступе скалы, повторяя его очертания. Она сложена из камней разного размера на известковом растворе, стены облицованы светло-желтой штукатуркой. Стены прорезаны узкими высокими бойницами и оконцами арочной формы (рис. 2: *1, 2*). Арочные окна, идущие по центру фасадной стены, по одному на каждый этаж, возможно, были предназначены для лучного боя. Судя по их форме в виде дверного проема, они закрывались деревянными дверцами, открывавшимися внутрь вправо. Подобное устройство сохранилось в башнях Урсдонской крепости, где сохранились оконные косяки. В других стенах на каждом ярусе башни на все стороны устроены узкие высокие бойницы.

Наружная поверхность юго-западной фасадной стены богато орнаментирована. Под верхним окном на фасадной стене по горизонтали проходит ряд квадратных углублений. Ниже симметрично расположены *«трезубцы»,* под которыми имеются пирамидки из квадратных углублений в шахматном порядке. Эта композиция считается вариантом изображения *«креста с голгофой»*. Возможно, подобный декор украшал и верхний ярус башни, но он значительно поврежден.

Размеры. Высота башни – 13,5 м, длина – 5,45 м, ширина – 5,3 м; размеры камеры 3,5 × 3,5 м; толщина стен 1 м. В юго-западной фасадной стене на уровне скалы имеется входной проем арочной формы (шириной от 0,8 до 1,05 м и высотой от 1,6 до 2,2 м). На высоте 2,2 м от пола камеры имеются балки для перекрытий. Высота камеры 11 м, количество ярусов – 5, но верхний сильно разрушен. Длина камеры – 3,7 м, ширина – 2,7 м. Средние размеры бойниц снаружи – 1 × 0,7 м, внутри – 0,5 × 0,9 м; размеры окон – 0,45 × 0,7 м и 0,65 × 1,15 м, толщина стен по окну – 0,7 м (*Тменов*, 1984. С. 192–193). План и рисунки башни приводятся в работах В. Лакисова (1946) (рис. 2: *3, 4*) и А. Ф. Гольдштейна (1975. Рис. 24). Наиболее характерной чертой конструкции башни является устройство *«входного колодца»*, в заполненном камнями первом этаже, ведущего от входного проема на второй этаж башни. Колодец полукруглый в сечении, слегка сужается кверху, образуя сводчатое перекрытие. Его глубина около 2,5 м, диаметр в центральной части более 1,5 м. Единственной аналогией подобного входного сооружения в Осетии является башня Габисовых, находящаяся прямо за перевалом, в соседнем Куртатинском ущелье (см.: *Тменов*, 1984. С. 79–80).

Наиболее характерные черты башни:

1) обмазка глинистым раствором, затирка швов, окраска охристым раствором;

2) достаточно широкие оконные проемы по центру стены, по одному на каждой стене этажа;

3) квадратные декоративные углубления, *идущие по периметру* верхнего яруса башни;

4) декоративные выкладки по центру фасада в виде *«трезубцев»*, вариация изображения *«креста с голгофой»*.

5) устройство «входного колодца».

Все эти элементы, за исключением «входного колодца», характерны для предыдущей башни, поэтому все вышесказанное уместно и здесь.

Наиболее близкие аналоги – башни Габисовых (Габысаты мæсгуытæ), с. Халгон в Куртатинском ущелье (см.: *Тменов*, 1984. С. 79–80) и Кадзаевых (Къадзаты мæсыг) в с. Верхний Луар в Алагирском ущелье (см.: *Тменов*, 1984. С. 186–187). Другой близкой аналогией является башня Тага и Курта в с. Уалласых в Куртатинском ущелье (см.: *Тменов*, 1984. С. 100), где декорирована не фасадная, а одна из боковых стен.

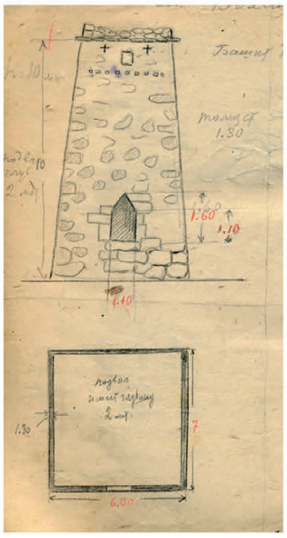
Судя по практически идентичному декору фасада, строителем у башен Кадзаевых и Хестановых, расположенных поблизости друг от друга, был, видимо, один мастер. Конструктивные особенности башни позволяют нам *датировать ее XIV–XV вв.*

Башня Цакоевых (Цакъоти мæсуг) в с. Вакац (Уæхъæцæ) (рис. 3).

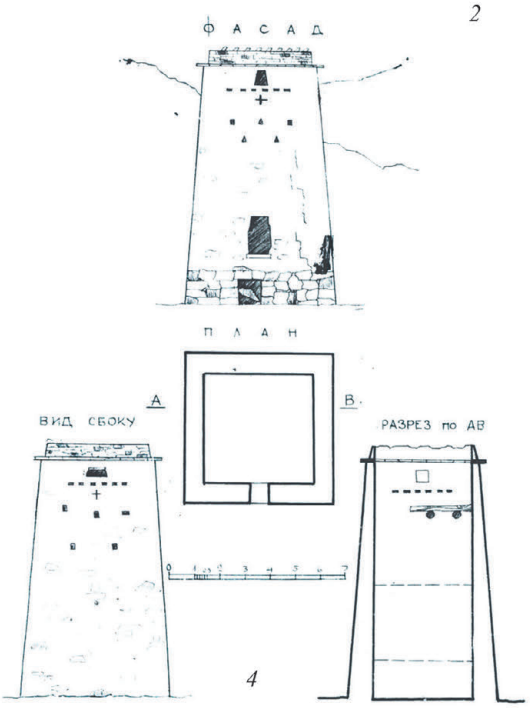
Историческая справка. Тапан-Дигорское *(Тæпæн-Дигорæ – «Плоскостная (равнинная) Дигория»)* общество – наиболее крупная община горной Дигории, объединявшая сс. Ахсау, Гулар, Дзинага, Задалеск, Калнахта, Камата, Мастинок, Махческ, Нара, Уакц, Фараскат, Фаснал, Ханаз (*Бзаров*, 2016. С. 17). Селение Вакац считается одним из древнейших населенных пунктов Дигории (*Гецати*, 2019. С. 159). Численность населения села: 1874 г. – 301 чел.; 1883 г. – 343 чел.; 1914 г. – 728 чел.; 1925 г. – 442 чел.; 1970 г. – 209 чел.; 1979 г. – 152 чел.; 1989 г. – 119 чел.; 2002 г. –

1

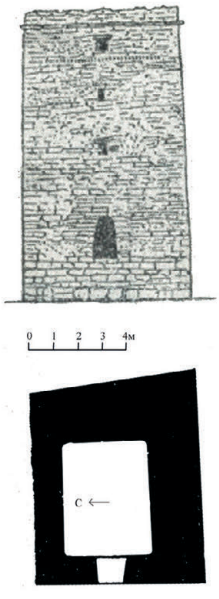
2



3



4



5

Рис. 3. Башня Цакоевых в с. Вакац. *1–2* – фото А. А. Сланова, 2006 г., публикуются впервые; *3* – по: *Лакисов*, 1945. Л. № 73 и след. без №; *4* – по: *Робакидзе, Гегечкори*, 1975. Табл. XXI; 5 – по: *Тменов*, 1984. Рис. 18

87 чел.; 2010 г. – 87 чел. (см.: Горная Осетия…, 2019).

В с. Вакац проживали фамилии: Амилахановы (Амилахуантæ), Газановы (Гæзæнтæ), Дзидзоевы (Дзидзойтæ), Калуховы (Кæлухтæ), Миндзаевы (Миндзайтæ), Митциевы (Миццитæ / Митцитæ), Тамаевы (Таматæ), Тугановы (Туйгъантæ), Хадаевы (Хадатæ), Хубаевы (Хубатæ), Караоновы (Хъараонтæ), Киргуевы (Хъиргъутæ), Койбаевы (Хъойбайтæ), Цакоевы (Цакъотæ), Цугкиевы (Цъугкитæ), Цебоевы (Цъебойтæ) (*Гецати*, 2019. С. 159; *Гаглойты*, 2005. С. 241; *Гаглойти*, 2007. С. 35–69). З. Д. Гаглойты добавляет еще Астановых (Астантæ) (*Гаглойты*, 2005. С. 241), а в краеведческом атласе «Горная Осетия» добавлены Камарзаевы (Кæмæрзатæ), Скодтаевы (Скъодтатæ) и Цоковы (Цохътæ) вместо Цакоевых (Цакъотæ) (см.: Горная Осетия…, 2019).

В. Х. Гутнов приводит эту фамилию в форме Цоковы (Цоктæ), генеалогия которых восходит к одному из восьми сыновей Астановых (Астантæ) родоначальника дигорцев (тапан-дигорцев) Астана из с. Махческ, расселившихся в отдельных селах Тапан-Дигории, – Цока. По другому варианту – Цок, сын Баслука, жил в Вакаце (*Гутнов*, 2012. С. 493).

Фамильная принадлежность. Башня Цакоевых (Цакъоти мæсуг) еще известна как башня Ботче Миндзаева (Миндзайти Ботче), ранее принадлежавшая Тугановым (Туйгъанти). Как указывает А. А. Гецаев, «Цакоевы называют ее своей башней, но остальные жители отмечают, что им она стала принадлежать только после того, как Тугановы переселились на равнину» (*Гецати*, 2019. С. 159). Тугановы выселились в последней трети XVIII в. (*Бзаров*, 2017. С. 10) и основали на плоскости селение Туганово, которое теперь называется Дур-Дур. Первоначальная принадлежность башни фамилии Тугановых не вызывает сомнений, поскольку этот род принадлежал к аристократическому клану потомков Бадела *(баделиатæ)*, обосновавшихся в Тапан-Дигории и Уаллагкоме. Это объединение состояло из семи фамилий: Абисаловы (Абисалтæ) жили в с. Махческ, Кубатиевы (Хъубаттæ) – в с. Верхний Фаснал, Битуевы (Битъутæ) – в с. Галиат, Каражаевы (Хъарадзаутæ) – в с. Камата, Кабановы (Хъабантæ) – в с. Верхний Фараскатта, Чегемовы (Чегемтæ) – в с. Нижний Фараскатта – и, наконец, Тугановы (Туйгъантæ) – в с. Вакац (см.: *Бзаров*, 2016). В вопросе относительно времени образования знатного сословия баделят историки единодушны – это XVI в., поскольку, по народным преданиям, Бадел был первым, кто познакомил дигорцев с огнестрельным оружием, а, как известно, оно на Северном Кавказе появляется именно в это время. Таким образом, строительство фамильной башни Тугановых в с. Вакац можно было бы датировать XVI–XVII вв., что характерно для большинства башен баделят, однако этому логичному, на первый взгляд, решению есть несколько непреодолимых препятствий.

Во-первых, это конструктивные особенности башни:

1) обмазка глинистым раствором, затирка швов, окраска охристым раствором;

2) достаточно широкие оконные проемы по центру стены, по одному на каждой стене этажа;

3) квадратные декоративные углубления и сланцевый козырек, идущие по периметру верхнего яруса башни;

4) изображения равносторонних крестов, что характерно для северокавказского зодчества христианского периода, но не для сословия баделят, являвшихся проводником ислама в Осетии;

5) достаточно широкое основание башни (более 7 × 7 м), что несколько превосходит стандартные размеры осетинских башен (5 × 5 м) (*Сланов*, 2007. С. 246).

Во-вторых, задолго до появления баделят, первопоселенцами данных мест народные предания называют Астана и его потомков. Действительно, за основными стратегическими памятниками Дигории закрепилось название укреплений и башен Астановых *«Астанти фидæрттæ»* и *«Астанти мæсугтæ»* (сс. Махческ, Донифарс, Вакац, Скодтата и др.). Поэтому не кажется случайным совпадением, что после ухода из с. Вакаца баделят башня с XIX в. перешла к ее прежним владельцам – потомкам Астана, т. е. фамилии Цокоевых, практически единственным представителям этого клана в селе. Таким образом, на наш взгляд, башня изначально принадлежала Астановым-Цокоевым (о чем они всегда помнили) и время ее постройки следует отнести к XIV–XV вв.

Потомки Астана (Астантæ). Как гласит предание, легендарный прародитель Дигории имел трех сыновей: Таразон, ушедший в Алагирское ущелье, стал прародителем клана Царазоновых *(Цæрæзонтæ)*, Гагу стал родоначальником рода *Гагуатæ* Донифарской общины, а младший Дзандар – основателем Тапан-Дигорской общи-

ны (Осетинская этнографическая энциклопедия, 2012. С. 53).

Согласно другой легенде, имя Астан – производное от числительного 8 *(аст)*, поскольку он имел восьмерых сыновей. Фамилии Тапан-Дигории, возводившие к ним свое происхождение, следующие: Гависовы (Гæуистæ), *Налоевы (Налойтæ),* Скодтаевы (Скъодтатæ), Тепсикоевы (Тепсихъотæ), Оказовы (Охъазтæ), Тавасиевы (Тауаситæ), Цебоевы (Цъебойтæ), Цоковы (Цохътæ) и Цакоевы (Цакъотæ) (*Гецати*, 2019. С. 172). Встречающиеся в работах фамилии *Галуевы / Галаовы ? (Гæлæутæ), Залеевы, Гасановы* (Там же) не вызывают особого доверия в качестве их идентификации как потомков Астана.

Родственной фамилией *(æрвадæлтæ)* Цакоевых считаются только Скодтаевы (Скъодтатæ) (*Гаглойты*, 2005. С. 233; *Гаглойти*, 2007. С. 79), возможно, потому, что они тоже проживали в с. Вакац (*Гецати*, 2019. С. 172).

Описание. Четырехэтажная, квадратная в плане, башня расположена в центральной части села и сложена из камней разного размера на глинистом растворе, швы затерты известковым раствором. Стены прорезаны бойницами и оконцами разной формы. Они расположены по центру стены по одному на каждый ярус башни на все стороны (рис. 3: *1, 2*). В верхнем ярусе башни имеются машикули (балкончики для навесной стрельбы), по бокам которых нанесены изображения равноконечных крестов. Ниже машикулей, по периметру башни, проходит ряд горизонтальных декоративных углублений квадратной формы, как бы обозначающий верхний ярус башни. Выше машикулей, также по периметру башни, проходит сланцевый козырек, немного выступающий за стену. Кладка камней над козырьком не имеет связующего раствора, что указывает на использование ее в качестве метательного оружия во время осады. Стены камеры густо обмазаны глинистым раствором.

Размеры. Высота башни – 11 м, длина – 7,2 м, ширина – 7,1 м; размеры камеры – 4,7 × 4,45 м; толщина стен – 1,15 м. В западной фасадной стене по центру на высоте 0,75 м над землей (до пола камеры 0,2 м) имеется входной проем арочной формы (шириной от 1,18 до 1,4 м и высотой от 1,65 до 2 м). Аналогичный проем на высоте 0,25 м имеется и в южной стене (*Тменов*, 1984. С. 229).

План и рисунок фасада башни приводятся в работах В. Лакисова (1945. Л. № 73) (рис. 3: *3*), А. И. Робакидзе и Г. Г. Гегечкори (1975. Табл. XXI) (рис. 3: *4*), В. Х. Тменова (1984. Рис. 18) (рис. 3: *5*). Ввиду того, что они выполнены в разное время и значительно отличаются друг от друга, мы приводим их все**.**

Б. А. Калоев называет ее «аланская башня с крестами» (*Калоев*, 2015. С. 93). Равноконечный крест (так называемый *«греческий крест»*) является частым элементом декора башен (как правило, их фасада), а также других историко-архитектурных сооружений – культовых и погребальных построек Центрального Кавказа (Осетии, Балкарии, Карачая, Чечни, Ингушетии, Хевсуретии и Сванетии) (*Мизиев*, 1970; *Гольдштейн*, 1975; *Чахкиев*, 2003; 2009; *Закарая*, 1969; 1982; и др.).

Наиболее близкие аналоги – башни Хатаговых (Астановых) (см.: *Тменов*, 1984. С. 250) в с. Донифарс в Дигории и Дзугкоевых в с. Ход, в Алагирском ущелье (см.: *Тменов*, 1984. С. 173). Конструктивные особенности башни позволяют нам *датировать ее XIV–XV вв.*

Таким образом, в отсутствие письменных и археологических источников, в ряде случаев этнографические материалы (в нашем случае это этногенетические и фамильные предания) могут выступать в качестве датирующего элемента (правда, с некоторой долей условности). Естественно, это представляется возможным лишь при использовании также методов сравнительного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И., 1990. Происхождение осетинских фамильных имен Cærazontæ и Æghuzatæ // Абаев В. И. Избранные труды. Т. 1. Владикавказ: Ир. С. 408–422.

Алборов Б. А. Осетинские племенные, сословные и фамильные названия // НА (ОРФ) СОИГСИ. Ф. 19 (лит.). Оп. 1. Д. 137.

Бзаров Р. С., 1988. Три осетинских общества в середине XIX века. Орджоникидзе: Ир. 155 с.

Бзаров Р. С., 2014. Древняя традиция в общественном строе осетин-алагирцев в первой половине XIX в. // Бзаров Р. С. Из истории аланской культуры. М.: СЕМ. С. 8–38.

Бзаров Р. С., 2016. Аланская горная община Тапан-Дигора: сословный строй // Вестник СОГУ. № 2. С. 17–21.

Бзаров Р. С., 2017. Возвращение алан на равнину: Дигорское общество // Вестник СОГУ. № 3. С. 9–11.

Ванеев З. Н., 1989. Народное предание о происхождении осетин // Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа: в 2 т. Т. 1. Цхинвали: Ирыстон. С. 315–332.
Гаглойты З. Д., 2005. Ирон мыггæгтæ (Осетинские фамилии). Владикавказ: Ир. 360 с. (на осет. яз).
Гаглойти З. Д., 2007. Осетинские фамилии и личные имена. Цхинвал: Южная Алания. 150 с.
Гецати Афæхъо, 2019. Дигори коми муггæгти равзурд (Гецаев А. А. Происхождение фамилий Дигорского ущелья). Владикавказ: Ир. 382 с. (на осет. яз.).
Гольдштейн А. Ф., 1975. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука. 157 с.
Горная Осетия. Краеведческий атлас. Лист 2: Тапан-Дигория, Донифарс и Уаллагком. Владикавказ, 2019.
Гутнов Ф. Х., 1989. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе: Ир. 177 с.
Гутнов Ф. Х., 2012. Осетинские фамилии. Владикавказ: Респект. 536 с.
Гутнов Ф. Х., 2016. Осетинские села. Владикавказ: Респект. 520 с.
Закарая П., 1969. Древние крепости Грузии. Тбилиси: Мерани. 280 с.
Закарая П., 1982. Древние города и крепости Грузии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело. 108 с.
Калоев Б. А., 2015. Осетины: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука. 471 с.
Кузнецов В. А., 1990. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир. 200 с.
Лакисов В. Материалы экспедиции по памятникам старины, собранные членом экспедиции архитектором-художником В. Лакисовым. Махческий район Северо-Осетинской АССР. 1945 г. // НА (ОРФ) СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8.
Лакисов В. Садонский район. Натуральная съемка и эскизы памятников архитектуры в Северо-Осетинской АССР. 1946 г. // НА (ОРФ) СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9.
Мизиев И. М., 1970. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII–XVIII вв.). Нальчик: Эльбрус. 90 с.
Наниев В. И., 1987. К заселению долин Мамисондона, Зругдона и верховьев рек Джоджора и Большая Лиахва. Орджоникидзе: СОГУ. 40 с.
Осетинская этнографическая энциклопедия / Сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ: Проект-Пресс, 2012. 688 с.
Пчелина Е. Г. Местность Уалладжир и шесть колен рода Ос-Багатара. 1948 г. // НА (ОРФ) СОИГСИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 21.
Робакидзе А. И., Гегечкори Г. Г., 1975. Форма жилища и структура поселения горной Осетии. Тбилиси: Мецниереба. 197 с. (КЭС; Вып. V, 1.)
Сланов А. А., 2007. Военное дело алан I–XV вв. Владикавказ: СОИГСИ. 400 с.
Сланов А. А., 2017. Исторические области Южной Осетии. Владикавказ: ИПП им. В. А. Гассиева. 224 с.
Сланов А. А., 2019. Наскальные укрепления горной Осетии // Вестник СОГУ. № 4. С. 66–71.
Тменов В. Х., 1984. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир. 344 с.
Туганов М. С., 1996. Предания о Дигории, гагуатах и астанта // Ираф. № 2. С. 139-149.
Уарзиати В. С., 2017. История в фольклоре // Уарзиати В. С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика: в 2 т. Т. 1. Владикавказ: Абета. С. 338–419.
Хъайттаты Сергей, 1998. Ирон хабæрттæ (Кайтов С. Т. Осетинские мотивы). Владикавказ: Ир. 600 с. (на осет. яз.).
Чахкиев Д. Ю., 2003. Древности горной Ингушетии: в 3 т. Т. 1. Назрань, 2003. 144 с., ил.
Чахкиев Д. Ю., 2009. Древности горной Ингушетии: в 3 т. Т. 2. Назрань, 2009. 96 с., ил.

A. A. Slanov

THE SIGNIFICANCE OF ETHNOGENETIC AND FAMILY TRADITIONS IN ATTRIBUTING AND DATING HISTORICAL-ARCHITECTURAL MONUMENTS OF THE CAUCASUS ON THE EXAMPLE OF SELECTED TOWERS OF RSO - ALANIA)

Summary. The actual scientific restoration of towers in North Ossetia begins only in the 21st century. At the same time, special attention is paid to the historical reference, which makes it possible to more accurately date the monument, attribute it, and establish its ethno-cultural affiliation. Thanks to ethnogenetic and family traditions, it is possible to trace its owners in different historical periods.

Keywords: Caucasian history, military history, the Middle Ages, fortifications, Alans, Ossetia, ethnogenetic, family traditions, certification, restoration.

ДРЕВНОСТИ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ ВСАДНИКОВ

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.237-254

А. В. Богачев, А. В. Кузнецов, А. А. Хохлов
Самарский государственный социально-педагогический университет

БРАСЛЕТЫ, ПЕРСТНИ И ГРИВНЫ СО СПИРАЛЕВИДНЫМ ДЕКОРОМ В ЕВРАЗИИ В ПОЗДНЕМ БРОНЗОВОМ – РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)*

Резюме. В статье анализируются украшения со спиралевидным декором на концах (браслеты, перстни, гривны) из памятников Евразии конца эпохи бронзы – начала железа. Выделено три разновидности артефактов: 1 – с однонаправленными концами, 2 – с 8-образным щитком, 3 –с расщепленными концами. Картографирование находок позволило выделить пять регионов их распространения: 1 – Поволжско-Приуральско-Казахстанские степи; 2 – Кавказ; 3 – средняя полоса Центральной и Восточной Европы (от Днепровского Правобережья до Одера); 4 – Карпато-Балканский регион; 5 – Южная Прибалтика (Мекленбург-Померания и Шлезвиг-Гольштейн). Сопоставление археологических наблюдений с данными палеоантропологии и генетики позволяет говорить, что в конце эпохи средней бронзы и в позднем бронзовом веке происходило поэтапное продвижение ряда племен из районов Центральной Европы – на восток, до зауральских степей (сначала – «абашевцы», позднее – «срубники»). В этот же период происходят миграции отдельных групп населения (потаповско-синташтинские) и в обратном направлении – из Приуралья в Поволжье. В этом движении с востока на запад (на Днепр и далее) участвуют племена срубной культуры.

Ключевые слова: бронзовый век, спиралевидный декор, браслет, перстень, гривна, Волго-Уральский регион, Кавказ, Центральная Европа.

«Тысячелетиями евразийские степи были подобны клокочущему котлу, выплескивающему все новые и новые бурные потоки народов, наводнявшие степные просторы, вливавшиеся в плодородные долины и останавливавшиеся в преддверии гор».

В. Б. Ковалевская. Кавказ и аланы (1984. С. 17)

В работах Веры Борисовны Ковалевской археологические памятники Поволжья и Приуралья не раз становились объектом целенаправленного изучения (*Ковалевская*, 1972; 1979; 2000; 2001; и др.). В этой связи Вера Борисовна многократно посещала археологические центры региона – Казань, Самару, Уфу, Ижевск, Пензу, где работала с материалами и принимала деятельное участие в научных форумах. Связь с Самарой и самарским археологическим сообществом – возможно, более выраженная: В. Б. Ковалевская была официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации Г. И. Матвеевой (1969 г.) и научным руководителем диссертации А. В. Богачева (1994 г.). Самарские археологи на протяжении нескольких лет (1988–1990 гг.)

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит — ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

Рис. 1. Начальник Северо-Осетинской комплексной экспедиции ИА АН СССР В. Б. Ковалевская и ее аспирант А. В. Богачев близ некрополя у селения Даргавс (1988 г.)

работали в руководимой Верой Борисовной Северо-Осетинской комплексной экспедиции ИА АН СССР (рис. 1). Наконец, В. Б. Ковалевская всегда отзывалась и отзывается на предложения выступить в качестве ответственного редактора монографий и сборников, издаваемых в Самаре (*Матвеева*, 1997; *Багаутдинов и др.*, 1998; *Богачев*, 1992; Новое в средневековой…, 1991).

Авторы настоящей статьи присоединяются к многочисленным поздравлениям, звучащим в этот юбилейный год, и желают автору замечательной книги «Конь и всадник» всегда оставаться в седле!

Спираль как базовый элемент декора продолжала воспроизводиться мастерами-литейщиками на металлических украшениях в эпоху поздней бронзы – раннего железного века[1].

Украшения – вещь разноплановая. С одной стороны, они приукрашивают человека, делают его облик более ярким и привлекательным. С другой – они подчеркивают социальный и экономический статус их обладателей. Наконец, это важный знак в системе опознавания «свой–чужой».

В этой связи в исследовательском контексте важны видимые (предназначенные именно для постороннего глаза) детали того или иного украшения. Скажем, для перстня это прежде всего щиток, а не кольцо, которое его удерживает на пальце; для браслета – его внешняя, а не внутренняя поверхность; то же – и для гривны и для фибулы.

И на наш взгляд, именно «видимые» детали того или иного украшения должны рассматриваться в качестве наиболее значимых признаков в научных классификациях артефактов такого рода.

Применительно к нашему материалу (перстни, браслеты и гривны конца эпохи бронзы – начала раннего железного века) главным группообразующим основанием, на наш взгляд, являются закрученные в спираль концы этих украшений.

Форма и конструктивные особенности рассматриваемых украшений принципиально едины – это кольцо с разомкнутыми и закрученными в спираль концами. Различаются они диаметром колец: диаметр перстня сопоставим с толщиной человеческого пальца; браслет – с толщиной руки; гривна – шеи. Все они «смотрятся единым гарнитуром, выполненным в едином стиле» (*Куприянова*, 2008. С. 37); и если в публикации этих материалов в силу каких-то причин отсутствует масштабная линейка, их легко перепутать. Вот какую оценку в этой связи дает С. С. Лысенко: «Мы намеренно избегаем предложений о переименовании этих украшений из “гривен” в “большие браслеты”, хоть и считаем это название несколько условным, слишком однозначно подразумевающим его место в уборе. Но, во-первых, мы, безусловно, допускаем возможность их использования как шейного украшения (все-таки большинство таких изделий непарные), а во-вторых, хотим избежать путаницы и недоразумений с названиями “браслеты” и “большие браслеты” (ведь название “гривна” само говорит о том, что изделие по диаметру больше, чем обычный браслет» (*Лысенко*, 2005. С. 30).

На наш взгляд, если рассматривать эти украшения (перстни, браслеты, гривны) в рамках единой группы артефактов, то принципиальный «водораздел» между ними лежит в характере оформления их спиралевидных окончаний. Так, имеется большая по численности группа предметов, концы которых закручены в одну сторону (тип 1б по Е. В. Куприяновой: 2008. С. 19). Есть не менее многочисленная группа украшений, с концами, спирально закрученными в противоположенные стороны (с 8-образным щитком) (тип 2в по Е. В. Куприяновой: 2008. С. 19). Наконец, в нашей выборке, насчитывающей свыше 170 артефактов, имеется 10 % украшений (браслеты, перстни) с раздвоенными концами, закрученными в спираль в противоположных направлениях (тип I.3 по В. И. Козенковой: 1982а. С. 39).

Таким образом, перечисленные разновидности изучаемой нами группы украшений, уже так или иначе обозначены исследователями. К сожалению, мы не можем присоединиться ни к одной из этих классификаций, поскольку предлагаемое нами базисное основание для формирования таксонов несколько иное. Но чтобы не создавать очередную классификацию из комбинации римских и арабских цифр, а также из букв различных алфавитов, мы в настоящем исследовании будем обозначать наши группы вербально:

1 – «украшения с однонаправленными концами»,

2 – «украшения с 8-образным щитком»,

3 – «украшения с расщепленными концами».

[1] Статья развивает тему, основные методологические положения которой были изложены авторами в отдельной работе (*Богачев и др.*, 2021).

Подчеркнем, что в рамках этих групп по различным основаниям можно выделять разновидности (подгруппы). В частности, достаточно информативным (для перстней и для браслетов) представляется признак, характеризующий собственно кольцо-обруч, которое может быть сделано в один оборот, а может – в два и более оборотов (вплоть до 22 оборотов); может быть сделано из плоской или частично свернутой (полой) пластины, которая, в свою очередь, может быть широкой или узкой. Кроме того, это кольцо-обруч может быть изготовлено из скрученной проволоки, а может быть расплющенным. Все эти особенности необходимо учитывать при анализе украшений. Однако, повторимся, именно видимые (чужому глазу) части изделия, в частности, спирали (и характер их закручивания), на наш взгляд, должны учитываться в первую очередь. Этот тезис подтверждается наблюдениями исследователей, целенаправленно изучавших украшения из памятников Казахстана: «Есть определенные малозначимые различия в изготовлении браслетов из разных регионов Жетысу, которые характеризуют какие-либо локальные художественные традиции или даже манеру работы “мастера”» (*Горячев, Чернов*, 2017. С. 9).

Созданные нами на базе компьютерной картографической платформы «Яндекс» максимально точные карты находок (рис. 2) позволяют говорить как минимум о пяти регионах распространения исследуемых нами украшений в эпоху поздней бронзы – раннего железного века:

1 – Поволжско-Приуральско-Казахстанские степи;

2 – Кавказ;

3 – средняя полоса Центральной и Восточной Европы (от Днепровского Правобережья до Одера);

4 – Карпато-Балканский регион;

5 – Южная Прибалтика (Мекленбург-Померания и Шлезвиг-Гольштейн).

Археологические памятники, находящиеся в степях *Поволжья, Приуралья и Казахстана*, на протяжении многих десятилетий исследовались археологами СССР, а затем России и Казахстана. Полученный материал опубликован и обобщен в целом ряде статей и фундаментальных монографий. Все это делает выборку интересующих нас артефактов достаточно репрезентативной.

Особенный интерес для нас представляет монография Е. В. Куприяновой, где автором были собраны и проанализированы все известные на тот момент украшения, происходящие из археологических памятников этого региона (*Куприянова*, 2008).

В контексте нашего исследования нам важен вывод автора о том, что «идея многовитковой спирали, доминирующая в синташтинских украшениях и воспринятая от “абашева”, получила свое развитие в различных видах браслетов со спиралевидными концами, петровские и алакульские украшения (перстни, браслеты, подвески) смотрятся единым гарнитуром» (*Куприянова*, 2008. С. 37).

Все находки исследуемой нами группы изделий в регионе *Поволжье–Приуралье–Казахстан* происходят из памятников, локализованных в степях. Помимо названных территорий, они известны в материалах Башкортостана, Оренбургской, Курганской, Челябинской, Кемеровской областей и Алтайского края России, а также Казахстана и Киргизии (см. табл. 1). Все эти памятники в большей или меньшей степени связаны с андроновской культурно-исторической общностью. В материалах этого региона представлены практически все известные на сегодня разновидности спиралевидных браслетов и перстней. Показательны в этом плане находки из могильника Степное VII (*Куприянова, Зданович*, 2015. Цветн. вклейка).

Наибольшим числом в регионе представлены желобчатые браслеты с концами, закрученными в одну сторону (рис. 3: *1–2, 5*). Причем завиткам придается форма выступающего конуса. Браслеты с именно такой морфологией (желобчатые с туго закрученными коническими спиралями на концах) представлены только в этом регионе и могут быть своего рода маркерами, указывающими на андроновское культурное присутствие.

Этого нельзя сказать о браслетах и перстнях, разнонаправленно закрученные концы которых образуют 8-видный щиток (рис. 3: *3, 6*). У подавляющего большинства перстней этот щиток – плоский, но встречаются перстни, спирали щитка которых закручены в высокие пирамидки (*Горячев, Чернов*, 2017. Табл. 3, 10–13). Такого рода украшения известны и на Кавказе, и в Центральной и Северной Европе.

Если говорить о браслетах с расщепленными и закрученными в четыре спирали концами (рис. 3: *4*), то в Урало-Казахстанских степях они крайне редки (2 экз., см. табл. 1. № 3, 30). Однако, судя по реконструкции Е. В. Куприяновой

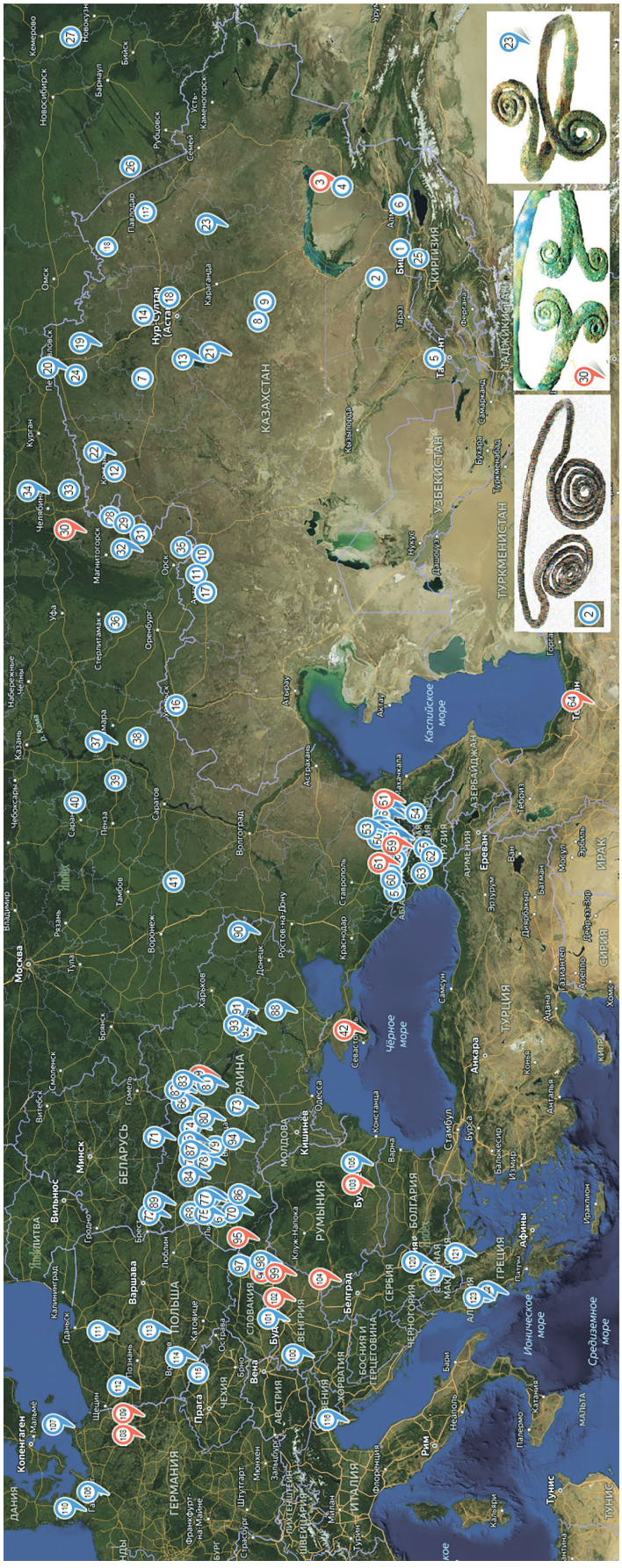


Рис. 2. Карта распространения украшений со спиралевидным декором. Условные обозначения: «кружки» синие – украшения с однонаправленными концами, «запятые» синие – украшения с 8-образным щитком, «запятые» красные – украшения с расщепленными концами. Расшифровка цифровых обозначений – см. табл. 1.

Рис. 3. Бронзовые браслеты и перстни с территории Волго-Уралья (*1–6*) и Украины (*7–10*). *1* – Канадей мог. к. 1 п. 2. (Археологический музей Самарского национального университета им. С. П. Королева. Фото авторов); *2–4, 6* – Степное VII: *2, 4* – яма 31; *3* – яма 17; *6* – яма 78 (по: *Куприянова, Зданович*, 2015. Цветная вклейка); *5* – Сабанчеево. Браслет; *7* – Волынская губ.; *8–9* – Зубчены; *10* – Четырда (по: Бронзовый век, 2013. С. 574. № 275.1; С. 572. № 270.1–270.2; С. 577. № 278–279).

(2008. Цв. вклейка), эффект подобного (браслету с четырьмя спиралями) визуального восприятия украшения мог достигаться, если на руку надевалось сразу два браслета с парными спиралями «спинками» друг к другу (рис. 3: *2*). Возможно, именно по этой причине мастера-литейщики ограничивались более простыми технологиями.

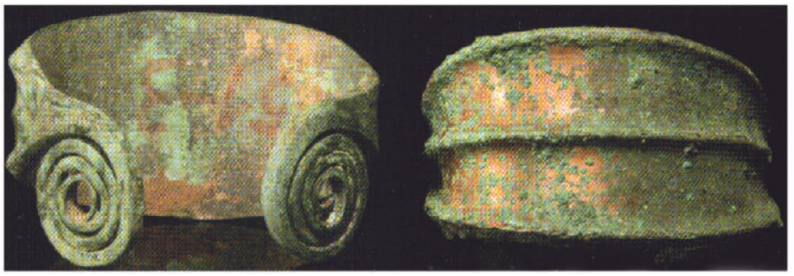
Идея (принцип) многовитковости основы украшения в регионе была воплощена только в перстнях. И если одновитковые перстни встречены здесь практически повсеместно, то «двухвитковые все же тяготеют к более ранним погребениям и чаще встречаются в синташтинских и петровских, нежели алакульских комплексах» (*Куприянова*, 2008. С. 21). Перстней с четырехспиральным щитком в Приуральско-Казахстанских степях не известно.

Следует особо подчеркнуть, что исследуемая нами группа украшений из Поволжско-Приуральско-Казахстанских степей происходит из комплексов, которые по целому ряду признаков (культ огня, своеобразная орнаментация керамики, богатый погребальный инвентарь) выбиваются из среднестатистической линейки захоронений этого региона.

Для решения вопросов о способах распространения предметов в географическом пространстве определенную роль играют палеоантропологические материалы, изучение которых направлено также на раскрытие проблем этногенеза древних популяций, их миграционной или автохтонной природы. В контексте настоящей работы может быть применимо общее положение, согласно которому распространение вещей в общесоциальном пространстве может происходить без участия в этом их конкретных носителей, но появление таких людей в чужеродной среде обязательно сопровождается и появлением новых элементов культуры (*Рогинский, Левин*, 1955. С. 331). Население абашевской культуры, проникшей в лесостепные области Восточной Европы, по данным археологии, с Запада, с антропологических позиций находит себе определенные тождества среди племен Центральной Европы, носителей культур шнуровой керамики (*Халиков и др.*, 1966; *Хохлов, Китов*, 2019). Вместе с тем эти люди, продвигаясь на восток, включали в свой состав местное население, вследствие чего антропологический облик так называемых «абашевцев» заметно менялся, в частности, с европеоидного на метисный с отчетливыми признаками уралоидного компонента (*Хохлов*, 2000; 2017). Пожалуй, максимальное проявление процессов смешения разнородных антропологических компонентов, в том числе метисного характера, прослеживается на примере потаповского и, в какой-то степени, покровского населения ранних этапов поздней бронзы волго-уральской лесостепи.

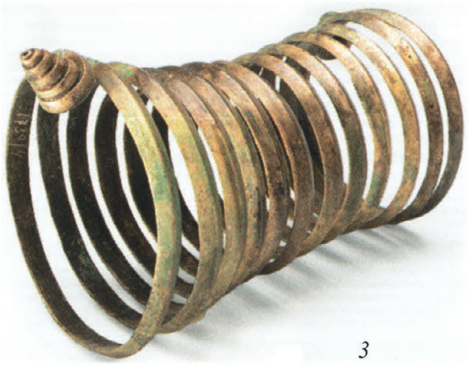
Здесь можно определенно говорить о приходе новых племен, и не обязательно из мест географически весьма отдаленных. Но факт культурных новаций, видимо, сопровождавшихся также развитием идеи многовитковой спирали на предметах быта, о которой шла речь выше (*Куприянова*, 2008), был связан именно с влиянием мигрантов, процессом смешения с представителями автохтонных групп и, видимо, заимствованием подобных традиций соседними племенами, не участвовавшими в процессе метисации. Анализ краниологических материалов бронзового века позволил также увидеть вероятное распространение волго-уральских коллективов на территории Казахстана, в данном случае – потаповско-синташтинских, которые влияли на формирование физических особенностей как раннеалакульских, так и степных андроновских групп (*Хохлов*, 2003; 2017). Довольно определенно прослеживается также и последующее распространение в Зауралье носителей срубной культуры (*Хохлов, Китов*, 2008), их контакты с алакульским населением, которые в итоге привели к формированию новых обществ, известных по материалам синкретичных срубно-алакуль-

Рис. 4. Браслеты, перстни, гривны, фибулы с территории Кавказа (*1–5*) и Северной Германии (*6–12*). *1–2* – Эльхотовский могильник (Сокровища Алании, 2011. Илл. 59, 62а); *3* – Лухвано (Сванетия); *4–5* – Верхний Кобан (по: Бронзовый век, 2013. С. 596. № 306.1; С. 600. № 306.15; С. 616. № 311.2); *6* – The Volksdorf Hoard (около 900 г. до н. э.); *7* – Bahrendorf, District of Luchow-Dannenberg (1000 г. до н. э.) (*6–7* – экспозиция Archäologisches Museum Hamburg); *8* – Увермарк (по: Бронзовый век, 2013. С. 208. Илл. 3: *1); 9* – Вердер (по: Бронзовый век, 2013. С. 208. Илл. 3: *2*; 6; С. 512. № 213.2); *10* – Rügen (1200–1000 гг. до н. э., экспозиция Stadtmuseum im Klosterhof); *11* – Эггштедт (по: Бронзовый век, 2013. С. 526. № 223.3). *6–7*, *10* – фото авторов.



1

2



3

4

5

6

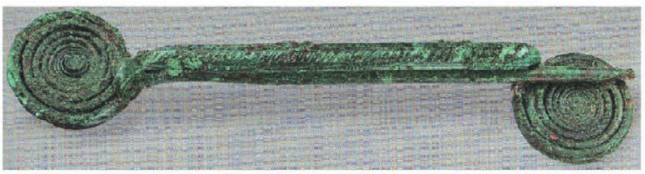
7

8

9

10

11



12

ских памятников. Миграции населения в позднебронзовом веке с запада на восток поддерживаются и палеогенетическими данными (*Allentoft et al.*, 2015; *Narasimhan et al.*, 2019; и др.), в которых показано немалое содержание мужской гаплогруппы «R1a» в костных образцах скелетов из погребений синташтинской, срубной и других культур, которое зафиксировано на более ранних по времени источниках Центральной и Западной Европы – образцах из погребений культур шнуровой керамики.

Появление на позднем этапе эпохи бронзы в материалах срубной культуры Среднего Поволжья и Волго-Камья алакульско-андроновских культурных элементов (*Зудина*, 1981; и др.), если привлечь имеющиеся краниологические данные, может быть связано не столько с движением в обратном направлении уже сложившихся в физическом аспекте коллективов из районов Западного Казахстана, сколько (и, видимо, преимущественно) с возвратом носителей срубной культуры, воспринявших на востоке (в Зауралье) отдельные яркие знаковые детали костюма, не противоречащие их собственной эстетике. Так, вероятно, могло быть на начальном историческом этапе межпопуляционных взаимоотношений.

Разумеется, данные по морфологии скелета не могут опровергнуть возможность распространения коллективов с рассматриваемыми в работе орнаментальными композициями и в целом восточноевропейскими и казахстанскими традициями на юг и запад. Особенно это касается населения срубной культуры, которая, как известно, географически постепенно расширила свой ареал до Предкавказья, Причерноморья и Поднепровья и более западных районов, где также зафиксированы люди с мезоморфным, долихокранным европеоидным по структуре черепом, широко распространенным в среде срубников.

Кавказский регион представлен широким спектром форм исследуемых украшений (рис. 4: *1–5*). В материалах кобанской (предкобанской) культуры найдены одновитковые и многовитковые перстни с 8-образным и четырехспиральным щитком (*Козенкова*, 1982а. С. 39).

Браслеты со спиралевидными концами в этом регионе представлены двумя разновидностями: «манжетовидные» и многовитковые.

Основа первых – плоская (часто широкая) пластина с тремя рельефными ребрами на внешней поверхности и зауженными концами (V тип по В. И. Козенковой: 1982а. С. 47). Они могут заканчиваться спиралью на одном конце и крючком – на другом; спиралями на каждом из концов; раздвоенными и закрученными в противоположные стороны спиралями на каждом из концов. Такого рода «манжетовидные» браслеты «типичны для всего ареала кобанской культуры. Без заметных морфологических изменений они существовали от рубежа II–I тыс. до н. э. до VII в. до н. э.» (*Козенкова*, 1982а. С. 47). Браслеты с четырьмя завитками на концах, по мнению В. И. Козенковой, «представляли хотя и местную творческую переработку, но еще весьма близкую к золотым и бронзовым оригиналам, массово представленным в кладах Подунавья, Трансильвании, Карпато-Балканского региона и даже Западной Европы» (*Козенкова*, 2002. С. 102).

Вторые представляют собой многократно закрученную в спираль проволоку: «Испокон веку на Кавказе известна многовитковая форма спиралевидных проволочных браслетов» (*Козенкова*, 2002. С. 102). Однако в массе своей они не имеют спиралевидного окончания (I тип по В. И. Козенковой: 1982а. С. 46). Последнее присутствует в оформлении раннекобанских браслетов-налокотников, специфической особенностью которых является увеличение диаметра колец-спиралей по направлению к локтю (Сокровища Алании, 2011. С. 77. Рис. 72).

Декорирование спиралью концов украшений не редкость и на других разновидностях украшений (височные подвески, накосники, гривны) кобанской культуры (Сокровища Алании, 2011. С. 75–76. Рис. 66, 71; *Техов*, 1999. Цв. вклейка; *Козенкова*, 2002. Табл. 65, *14* и др.) (рис. 4: *5*).

В ряде публикаций об антропологии племен кобанской археологической культуры (*Алексеев, Гохман*, 1984; *Герасимова*, 1997; *Герасимова, Пежемский*, 2013; и др.), населявших территории по обе стороны Кавказского хребта (период существования примерно XIII–VI вв. до н. э.), показано, что для их представителей (по материалам могильников, датированных не ранее IX в. до н. э.) были свойственны преимущественно выраженная долихокрания, крайне узкий лицевой скелет, высокий и узкий сильно выступающий нос. Происхождение этой культуры связывали в основном с местным этническим субстратом, а также с кавкасионским антропологическим типом, массивными, широколицыми, брахикранными европеоидами (*Алексеев*, 1974). Однако представленные выше морфологические характеристики «кобанцев», по мнению

М. М. Герасимовой, могут иметь и другие истоки (*Герасимова, Пежемский*, 2013). Нужно сказать, что до возникновения кобанской культуры и параллельно ей в разных районах Кавказского региона доминировали, прежде всего, долихокранные, узколицые формы, с узким, сильно выступающим носом (пример: майкопская культура, мог. Гинчи, Самтавро, восточноманычская и лолинская культуры Предкавказья). С кобанским населением граничили на северо-западе меоты, на юге – представители колхидской культуры, на севере – сначала группы срубной культуры, а позднее скифы и сарматы. Среди названных культур антропология колхидской группы нам неизвестна. У других, за исключением сармат, в большей или меньшей степени были представлены антропологические компоненты, связываемые либо со средиземноморским, либо с более широким таксономически южноевропеоидным краниологическим типом (*Алексеев, Гохман*, 1984; *Герасимова*, 1997; *Казарницкий*, 2012; 2013; *Круц*, 2017; и др.). При детальном сравнительном анализе краниологических материалов морфологические аналогии, отмеченные для «кобанцев» (*Герасимова, Пежемский*, 2013. С. 31), наиболее очевидно прослеживаются в выборках Дагестана (Гинчи), Грузии (Самтавро) и Закавказья.

Последние результаты генетического анализа (Доказано родство…, 2020) выявили достаточно широкий спектр гаплогрупп (мужские: E1a2a, G2a1a, R1b и R1a; женские: H20a, J1c, N, HV1, T1a, H1e, W5a, R6, I1), что, по определению авторов исследования, может говорить об их генетической связи как с предшествующим населением Кавказа, так и некоторыми современными группами. Для предмета исследования настоящей работы эти сведения, к сожалению, малопригодны.

Регион *средняя полоса Центральной и Восточной Европы (от Днепровского Правобережья до Одера)* интересен тем, что спиралевидные медные украшения (очковидные подвески, браслеты) здесь найдены на энеолитических памятниках материалах лендельской культуры Польши (*Кухаренко*, 1969. Табл. VIII, *7, 11*). Однако основная масса украшений со спиралевидным декором происходит из комплексов эпохи бронзы и раннего железного века (рис. 3: *7–10*; 5: *13–15*). В частности, браслеты, гривны и перстни известны в целом ряде культур (культурных общностей): предлужицкой и лужицкой, тшинецкой, комаровской, срубной и культуры многоваликовой керамики (см. табл. 1). Причем большинство этих украшений связывается исследователями с различными локальными вариантами тшинецкой и комаровской культур, которые тем не менее рассматриваются специалистами как нечто целое: «Несомненно одно – тшинецкая культура в Польше, восточнотшинецкая в Северной Украине и комаровская на Днестре относятся к единой культурной и, вероятно, этнической общности. В связи с этим разделение их на отдельные культуры или варианты не представляется принципиальным и отражает, в основном, нечеткость археологической терминологии» (Археология Украинской…, 1985. С. 437).

Специальный обзор артефактов такого рода с Украины сделан С. С. Лысенко, отметившим, что «практически все они на территории Украины найдены в Правобережной лесостепи на памятниках групп Комаровской линии развития тшинецкого культурного круга. Попасть в ареал срубной культурно-исторической общности изделия со спиралевидными щитками могли вдоль древних транспортных коммуникаций, являясь отражением контактов двух культурных массивов – тшинецко-комаровского и срубного, вместе охвативших громадные территории Евразии от бассейна Одера на западе до Урала на востоке (*Лысенко*, 2005. С. 32–33).

Отметим, что в исчерпывающем обзоре С. С. Лысенко представлены (за единственным исключением – депаспортизированный перстень с четырьмя щитками) украшения с 8-образными щитками.

Последнее обстоятельство дает нам основание говорить о том, что эстетические представления населения к западу от Днепра отличались от представлений о прекрасном живущих к востоку от них племен срубной культуры, которые, в свою очередь, испытали влияние «андроновцев». Находка браслета с однонаправленными концами из Воронежской области (табл. 1, № 41) с известной долей вероятности маркирует самый западный рубеж этого срубно-андроновского влияния.

На вопросы взаимодействия этих двух миров в какой-то степени проливают свет находки (в том числе и браслета со спиралями, закрученными в одну сторону) из могильника Канадей (рис. 3: *1*), исследованного в Ульяновской области, на западной окраине срубной культуры. Исследовательница памятника М. С. Седова, синхронизируя его

со срубно-алакульским горизонтом, пишет, что «возможно, могильник оставлен племенем, составлявшим волну мигрантов, двинувшихся из заволжских степей на запад. Эту гипотезу подтверждают наблюдения И. Ф. Ковалевой, которая относит погребения срубной культуры с алакульскими чертами, пастовыми и сурьмяными бусинами, деревянной посудой к 1 стратиграфическому горизонту памятников эпохи поздней бронзы левобережного Поднепровья и синхронизирует их с поздней культурой многоваликовой керамики, 1 этапом срубной культуры в Нижнем и Среднем Поволжье» (*Седова*, 1991. С. 135).

Именно погребения, совершенные по обряду трупосожжения, встречены «в 1-ой подгруппе нижнего горизонта» (*Ковалева*, 1981. С. 23). Согласно И. Ф. Ковалевой, «в Орельско-Самарском междуречье происходила ассимиляция местного населения с традициями КМК пришлым, со срубной культурой восточного облика» (*Ковалева*, 1981. С. 23).

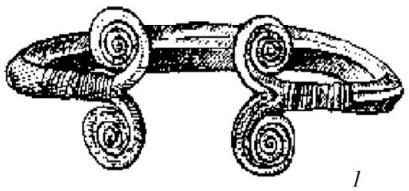
Антропологические материалы названных в настоящей работе культур эпохи бронзы и начала раннежелезного века в литературе представлены слабо. В этом отношении освещена лишь культура многоваликовой керамики (бабинская) финала средней бронзы, население которой характеризовалось близким срубному населению набором краниологических признаков: долихокрания, мезоморфное лицо, с сильно выступающим носом (*Круц*, 1984). Только здесь прослеживается отличие – тенденция к большей лептоморфии. Основу для сложения основных физических черт населения бабинской культуры видят в группах культур шнуровой керамики Центральной Европы (*Казарницкий*, 2013). При этом, судя по краниологическим и имеющимся палеогенетическим данным, можно говорить и о некотором сходстве и, видимо, единстве между частью бабинского и срубного населения. К сожалению, многие культуры Европы и Кавказа в период перехода от бронзы к раннему железу и особенно расцвета раннего железного века предпочитали погребальные традиции с кремацией умерших, что резко снижает возможности палеоантропологического анализа в решении этногенетических проблем.

В контексте нашего исследования чрезвычайно важны материалы из погребений-кремаций, исследованных на Кавказе в Верхней Рутхе, Эшкаконе и Терезе (*Козенкова*, 1982б). Исследованные там погребения предкобанского и кобанского времени (XIII–VIII вв. до н. э.) содержали очень богатый металлический (бронза) вещевой инвентарь: кинжалы, топоры, булавки, фибулы, пронизи и проч. Особо отметим находки височных подвесок и браслетов со спиралевидными концами. Манжетовидные браслеты представлены двумя разновидностями: с концами, закрученными в одну сторону, и с расщепленными и закрученными на две стороны концами (*Козенкова*, 1982б. Рис. 1: *6*; 2: *10*; 7: *1*).

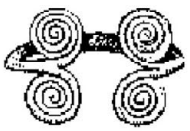
По мнению автора публикации, «процесс проникновения обряда трупосожжения на Северный Кавказ может быть моделирован как диффузия одного из компонентов в едином комплексе культурных элементов из области Подунавья на восток в рамках передвижения западносрубных групп населения в общем процессе расселения индоевропейцев во второй половине II тыс. до н. э.» (*Козенкова*, 1982б. С. 30).

Самарский археолог Р. С. Багаутдинов, специально изучавший обряд трупосожжения эпохи бронзы, отмечает: «Средневолжское население многие традиции, связанные с применением огня в обрядах захоронения, сохранило на протяжении тысячелетия – от конца III тыс. до н. э. до конца II тыс. до н. э. Менее явственно эта связь прослежена на нижневолжском материале. Из двух видов (сожжение на стороне и сожжение на месте. – *Авт.*) трупосожжений обряд кремации на месте имеет наиболее широкую основу в ямной и полтавкинской культурах» (*Багаутдинов*, 1984). В заключительной части своего диссертационного исследования автор отмечает, что Среднее Поволжье во второй половине II тыс.

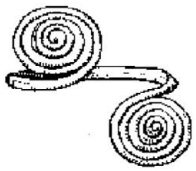
Рис. 5. Браслеты, перстни, фибулы с территории Венгрии (*1–9, 16*), Румынии (*10–12*) и Украины (*13–15*). *1* – Офехерто; *2–3* – Нейредьхаза–Буйтош; *4* – Рожай; *5* – Пацин; *16* – Бихаркерестеш (Культура Беркес); *6* – Бешенсег-Фокору (предскифское время); *7* – Вилем; *8* – Курд (культура погребальных урн); *9* – Ракши (культура курганных погребений) (по: Археология Венгрии, 1986. Рис. 4; 16: *4*; 35: *2, 3, 15, 27, 30;* 23: *27;* 24: *4;* 50: *15*); *10–12* – Рафаила, Фириетяз (поздняя бронза) (по: *Федоров, Полевой*, 1973. С. 95. Рис. 16: *1–2, 16*); *13* – Ивання; *14* – Дитиничи; *15* – Комаров (комаровская культура) (по: Археология Украинской…, 1985. Т. I. Рис. 117: *1, 7, 9*).



1

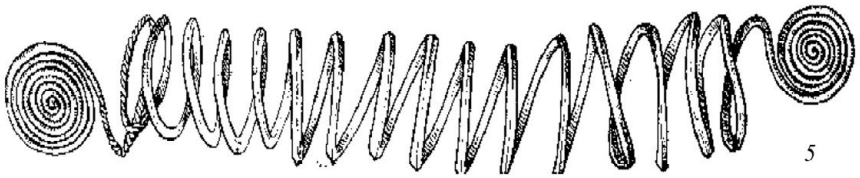


2

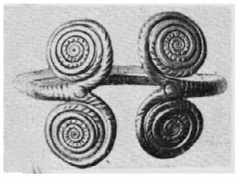


3

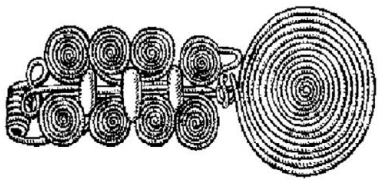
4



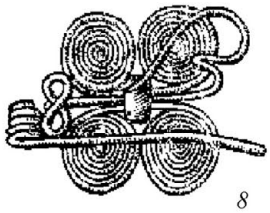
5



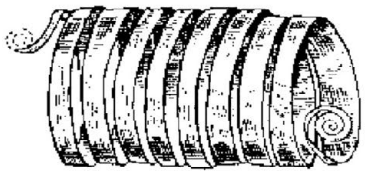
6



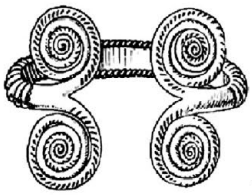
7



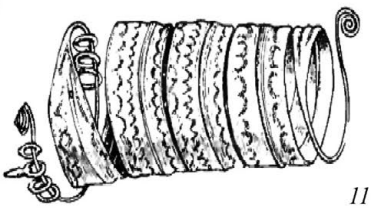
8



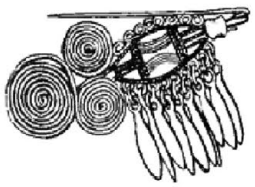
9



10

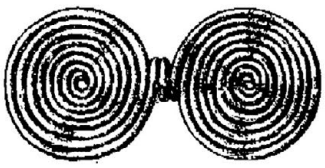


11

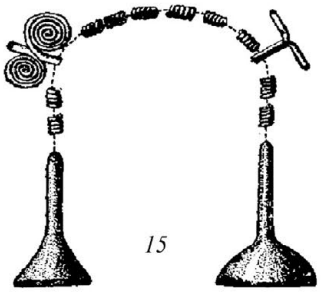


12

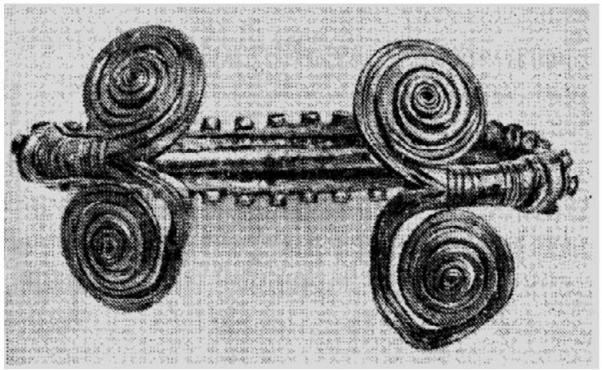
13



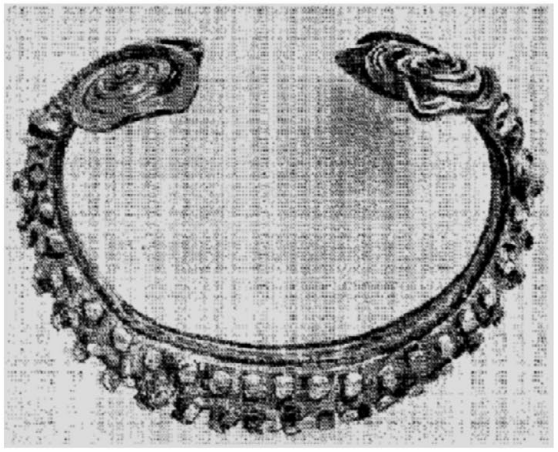
14



15



16



до н. э. было заселено «смешанным срубно-алакульским населением, которое широко применяло огонь в своей погребальной обрядности. Поэтому мы не исключаем некоторого влияния срубно-алакульских племен на погребальные традиции срубного населения Поволжья» (*Багаутдинов*, 1984).

Полевые исследования последних десятилетий значительно расширили источниковую базу материалов срубной культуры. Материалы Южного Средневолжья – территории, откуда племена срубной культуры, вероятно, продвинулись на территории Днепровского Левобережья и Кавказ и где найдено значительное количество декорированных спиралью украшений, – были обобщены в одной из работ самарского археолога А. И. Крамарева (2004. С. 174–177). В результате статистической обработки 2330 погребений из 376 курганов 155 могильников срубной культуры, исследованных на территории Южного Средневолжья[2], установлено, что захоронения с остатками трупосожжений выявлены в 83 погребениях (3,6 %) 63 курганов (16,8 %) 38 могильников (52 %) (*Крамарев*, 2004. С. 174–177).

То есть погребения с трупосожжениями имели место более чем в половине могильников срубной культуры, исследованных на указанной территории, что, в свою очередь, позволяет отнести захоронения с трупосожжениями к основным видам погребений, распространенных в срубной культуре Волго-Уралья.

Таким образом, регион Среднего Поволжья, где представлены и погребения-трупосожжения, и браслеты со спиралевидными концами, – вполне мог быть своего рода плацдармом для дальнейшего продвижения срубных (срубно-алакульских) племен как на Кавказ, так и в Поднепровье.

Тезис о возможном первоначальном поволжском культурном импульсе ни в коей мере не противоречит сложившимся представлениям об устойчивых связях Кавказа, Поднепровья и Карпато-Балканского региона в конце эпохи бронзы – начале эпохи железа: «Кавказ издавна контактировал с карпато-дунайским регионом на уровне металлургических центров. Собственные богатые запасы медных руд и прочные традиции позволяли поддерживать производство даже в период кризиса семиградских и трансильванских центров металлообработки» (*Полтавец*, 2013. С. 210).

В свою очередь, производственная и эстетическая связь Поднепровья с западными культурами подтверждается, в частности, находками на Суботовском городище и других памятниках чернолесской культуры широких браслетов с рельефным спиралевидным орнаментом: «…По стилю орнаментации они среднеевропейского круга. В Трансильвании очень близкие орнаменты из концентрических окружностей и S-видных знаков можно встретить на бронзовых поясах раннегальштатской серии Чинку-Сусень… переходного периода от позднего бронзового к раннему железному веку. <…> Появление таких браслетов в Поднепровье в результате кавказского культурного импульса более проблематично» (*Гершкович*, 2016. С. 120)

В *Карпато-Балканском регионе* браслеты со спиралевидными концами представлены в материалах начиная с первой половины II тыс. до предскифской эпохи, VIII–VI вв. до н.э. (рис. 5: *1–13, 16*). Это – культуры Беркес, Витенберг, культура курганных погребений и другие, расположенные на территории современных Венгрии, Румынии и Хорватии, а также в ряде мест севера Греции (Эпир) и в Северной Македонии – так называемые «ящичные погребения» (см. табл. 1, № 119–123).

Исследователи отмечают, что в эпоху бронзы в этом достаточно большом регионе при всем многообразии культур фиксируется наличие определенных транскультурных материальных феноменов: «Для культур среднего бронзового века, распространенных от Черного моря до Словакии, отличительной чертой становится инкрустированная керамика. Эту керамику чаще всего находят на полях погребальных урн, изредка она сопровождает скорченные костяки» (*Монгайт*, 1974. С. 84).

Изделия со спиралевидным декором – керамика, оружие, украшения – тоже своего рода визитная карточка этого региона (*Федоров, Полевой*, 1973. С. 77–95; Археология Венгрии, 1986. С. 48–99; *Монгайт*, 1974. С. 73–99; *Hänsel et al.*, 2009. S. 81–121).

Здесь представлены украшения с 8-образным щитком и украшения с расщепленными концами. Все изделия отличаются высоким качеством изготовления и филигранной отделкой,

[2] Южное Средневолжье – южная часть Среднего Поволжья и Приуралья, которые входят в лесостепную и отчасти степную провинции Поволжья. В административном отношении район включает в себя: Самарскую, Ульяновскую, часть Оренбургской областей, Мордовию, южные районы Татарии и Чувашии.

что, безусловно, позволяет рассматривать их как предметы роскоши.

Многовитковые браслеты-наручи со спиралевидными окончаниями представлены в материалах с территории Венгрии, Румынии, Хорватии (рис. 5: *5, 9, 11*). Они отличаются от конических наручей с территории Кавказа тем, что все витки браслета имеют одинаковый диаметр. Именно это обстоятельство в большей степени сближает их с аналогичными украшениями из синхронных памятников северной Германии. Эти регионы культурно сближает и единый погребальный обряд – урновые и безурновые трупосожжения: «Подобный обряд погребения стал в то время единственным на большей части Европы – от Карпат на востоке до Англии на западе» (*Федоров, Полевой*, 1973. С. 94).

Еще одна характерная особенность культур «от Карпат до Англии» того времени – наличие в материалах этого региона застежек-фибул, базовым элементом декора которых является одна, две и более спиралей.

Одним из недавно вышедших монографических исследований европейских фибул является книга немецкого ученого Рональда Хейновски (*Heynowski*, 2012). Им выделено четыре группы этих украшений, три из которых включают фибулы со спиралевидным декором. Самые ранние изделия (где спираль – декор, а не часть застежки-пружины), согласно Хейновски, происходят из материалов юга Скандинавии и севера Германии. Это фибулы типа *Spiralplattenfibel mit flachem Nadelkopf* (тип 1.2.1), датируемые XV–XIII вв. до н. э. (*Heynowski*, 2012. P. 37). В свою очередь, они входят в большую группу спиралевидных фибул *Spiralplattenfibel* (тип 1.2), которые найдены на памятниках Центральной и Северной Европы конца эпохи бронзы – начала эпохи железа XV–VIII вв. до н. э. Морфология этих фибул такова, что их проволочная или щитковая основа на концах переходит в две многовитковые туго закрученные спирали различного диаметра (рис. 4: *7, 12*).

Интересно, что некоторые разновидности этой группы фибул по форме напоминают очковидные подвески, и при их описании западные исследователи используют этот образ-аналогию.

Если вернуться к материалам Карпато-Балканского региона, то именно здесь найдены яркие сложнодекорированные образцы многоспиральных (5 и более спиралей) фибул, датируемых XIII–VIII вв. до н. э., – *Posamenteriefibel* (тип 3.2.2) (*Heynowski*, 2012. S. 52–53; Археология Венгрии, 1986. Рис. 23: *27*; 24: *4*) (рис. 5: *7–8, 12*).

Многочисленность этой категории находок в разных регионах Европы предопределяет высокий уровень информативности этого источника: «…По фибулам можно выделить продукцию местных мастеров, проследить торговые и культурные связи между племенами и народами, в ряде случаев наметить этнические и культурные области и проследить за перемещением племен в древности» (*Амброз*, 1966. С. 5).

Находки фибул эпохи бронзы к востоку от Карпат крайне редки. И если таковые случаются, то исследователи обращают особое внимание на находки «бронзовых украшений западных типов со спиральными щитками. Это италийская фибула второй половины IX–VIII вв. до н. э. из с. Гребени Ржищевского района» (*Полтавец*, 2013. С. 209).

Таким образом, Карпатские горы, помимо всего прочего, отделяли мир бесфибульных культур от мира, где фибулы были неотъемлемой частью костюма.

Карпато-Балканский регион, судя по материалам, стал территорией, где традиции, привнесенные с востока, переплелись с местными традициями.

В *Южной Прибалтике* (Мекленбург-Померания и Шлезвиг-Гольштейн) спиралевидный декор на украшениях из бронзы и серебра известен с XV в. до н. э. Но эта дата связана прежде всего с находками двуспиральных фибул типа *Spiralplattenfibel mit flachem Nadelkopf* (тип 1.2.1) (*Heynowski*, 2012. S. 37).

Гривны, перстни и браслеты, украшенные разного рода спиралями, датируются в этом регионе более поздним временем – XII–IX вв. до н. э.

Морфология перстней с 8-образным щитком из этого региона принципиально повторяет форму аналогичных изделий из других регионов. Однако их щиток (за счет большего количества спиралей – до пяти) выглядит более массивным (рис. 4: *10*).

Браслеты из Южной Прибалтики представлены тремя разновидностями: 1 – «манжетовидные», не имеющие спиралевидного декора; 2 – многоспиральные браслеты-наручи со спиралями на концах проволоки, аналогичные описанным выше украшениям из Карпато-Дунайского региона (рис. 4: *6*); 3 – браслеты с расщепленными спиралевидными окончаниями (рис. 4: *8–9*).

Последние найдены во всех регионах рассматриваемой нами территории Евразии. Но только в этом регионе все найденные браслеты изготовлены исключительно из золота. Исследователи отмечают, что «именно золотые браслеты со сдвоенными спиралевидными окончаниями – в разнообразных вариантах одной типологической модели – имели хождение на протяжении долгого периода, с конца эпохи ранней или с начала эпохи средней бронзы до эпохи раннего железа, вплоть до приблизительно 800 года до н. э.» (*Метцнер-Небельзик*, 2013. С. 210).

Обращает на себя внимание браслет из Укермарка (*Метцнер-Небельзик*, 2013. С. 208. Ил. 3: *1*). Он сделан из одной достаточно широкой пластины (рис. 4: *8*), оформленной с внешней стороны таким образом, что создается впечатление не одного, а двух браслетов, соединенных «спинками».

Морфология гривен из этого региона весьма оригинальна: скрученная в жгут кольцо-основа ближе к концам была раскована в листовидные пластины, в свою очередь, переходящие в круглую в сечении проволоку, закрученную в спираль. Основания однонаправленных спиралей заводились одно за другое.

В Померании такие гривны найдены в одних комплексах с многоспиральными браслетами-наручами (рис. 4: *6*) и датируются около 900 года до н. э.

***

Резюмируя все вышеизложенное, прежде всего следует сказать о том, что декорированные двойной спиралью украшения конца эпохи бронзы – начала эпохи железа (браслеты, перстни, гривны) имеют настолько специфичную морфологию, что конвергентное их происхождение в различных регионах маловероятно. Напротив, на наш взгляд, все эти изделия – некий индикатор наличия определенных межрегиональных связей.

Самые ранние образцы украшений подобного рода появляются в Урало-Казахстанских степях, где зафиксировано наличие практически всех их разновидностей: 1 – с однонаправленными концами, 2 – с 8-образным щитком, 3 – с расщепленными концами.

Мы солидарны с исследователями (*Кузьмина*, 1992; *Куприянова*, 2008; и др.), полагающими, что эстетика и символика двойной спирали в Приуралье была привнесена населением абашевской культуры и группы «Вольск-Лбище», продвигавшимся с запада на восток. Именно двуспиральные очковидные подвески, по всей видимости, стали первообразцом, трансформированным «синташтинцами», «петровцами», «алакульцами» и другими племенами, входившими в андроновскую общность, в разного рода браслеты и перстни.

Позднейшее продвижение отдельных групп «алакульцев» в Поволжье – на территорию, населенную племенами срубной культуры, – археологически фиксируется достаточно определенно (*Зудина*, 1981; *Богачев и др.*, 2020).

Именно на Средней Волге исследованы наиболее ранние покровские погребальные комплексы (с биспиральными браслетами), «вобравшими в себя различные культурные типы, интеграция которых еще не завершилась формированием некоего культурного единства» (*Скарбовенко*, 2006. С. 293). И именно здесь в эпоху поздней бронзы интересующие нас украшения найдены в погребениях-кремациях (*Седова*, 1991).

Все это дает нам определенные основания полагать, что Среднее Поволжье можно рассматривать как своего рода плацдарм, с которого отдельные группы индоевропейцев выдвинулись на Кавказ, где «обряд кремации, скорее всего, отражает присутствие чужеродного этноса» (*Козенкова*, 1982б. С. 32), а также в Поднепровье, где местное население было ассимилировано пришлыми срубными племенами (*Ковалева*, 1981. С. 23).

На обширных пространствах между Днепром и Одером украшения со спиралевидным декором (очковидные подвески, браслеты) были найдены на памятниках энеолита – ранней бронзы (*Богачев и др.*, 2021; *Кухаренко*, 1969. Табл. VIII, *7, 11*). В более позднее время традиция изготовления изделий такого рода исчезает, и появляются они вновь в эпоху поздней бронзы – раннего железного века в материалах, главным образом, тшинецко-комаровской и лужицкой культур.

Интересно, что с продвижением носителей последней, по мнению некоторых исследователей, связано появление нового населения на Балканах: «О появлении на Балканах чуждого первоначальному населению этнического элемента свидетельствуют в ряде мест Эпира и в Македонии так называемые “ящичные погребения”. Найденные в них украшения принадлежат лужицкой культуре, хотя среди них имеются элементы иной специфики. Бронзовые перстни со

спиралевидным окончанием и витые браслеты из бронзовой проволоки с насечками… янтарные украшения, которые могли служить украшением юности варваров, живших в Центральной Европе, и позднее стали погребальным даром уже на Балканах. Керамика “ящичных погребений” типична для лужицкой культуры» (*Немировский*, 1983. С. 46).

Материалы из исследованных в Померании могильников также сопоставимы с лужицкими. Это, в частности, и погребальный обряд – урновые трупосожжения, и специфические бронзовые украшения, в том числе украшенные спиралями перстни, браслеты и гривны. Не делая далеко идущих выводов, мы просто ограничимся констатацией этого сходства, требующего более глубокого анализа.

В настоящее время многие вопросы, связанные с миграциями и взаимовлиянием европейских племен эпохи бронзы – раннего железного века, не имеют однозначных решений. Новые вводимые в научный оборот археологические источники и их анализ, безусловно, приблизят нас к пониманию этих проблем.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П., 1974. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М.: Наука. 318 с.

Алексеев В. П., Гохман И. И., 1984. Антропология Азиатской части СССР. М.: Наука. 208 с.

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука. 112 с. (САИ; Вып. Д1-30.)

Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н. э. – I тысячелетие н. э. / Отв. ред.: В. С. Титов, И. Эрдели. М.: Наука, 1986. 350 с.

Археология Украинской ССР: в 3 т. Т. I: Первобытная археология / Отв. ред. Д. Я. Телегин. Киев: Наукова думка, 1985. 568 с.

Багаутдинов Р. С., 1984. Погребения с сожжениями среднего и позднего бронзового века в Поволжье: автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 18 с.

Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Полдень. XXII век. 286 с.

Богачев А. В., 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара: Артефакт. 208 с.

Богачев А. В., Захарова Л. Б., Кузнецов А. В., Хохлов А. А., 2021. Металлические изделия со спиралевидным декором в Европе конца III – середины II тыс. до н. э. и их культурно-исторический контекст (материалы к поиску индоевропейской прародины) // Проблемы археологии Поволжья. Вып. 9. С. 92–143.

Богачев А. В., Крамарев А. И., Хохлов А. А., 2020. Комплекс-кремация Краснооктябрьского I одиночного кургана и его культурно-исторический контекст // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8. С. 163–180.

Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н. э.: каталог выставки / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Чистый лист, 2013. 648 с.

Герасимова М. М., 1997. О генеалогических взаимоотношениях кавкасионской и понтийской рас (на краниологическом материале) // Единство и многообразие человеческого рода. Ч. 2. М. С. 606–654.

Герасимова М. М., Пежемский Д. В., 2013. Палеоантропология населения кобанской культуры // Население Юга России с древнейших времен до наших дней. Донские антропологические чтения: сб. ст. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. С.24–32.

Гершкович Я. П., 2016. Суботовское городище. Киев: ИА НАНУ. 508 с.

Горячев А. А., Чернов М. А., 2017. Металлический инвентарь из погребальных комплексов эпохи бронзы Жетысу // Хабарлары. Серия гуманитарных и общественных наук. № 1 (311). Алматы. С. 5–24.

Доказано родство представителей кобанской культуры с древними и современными народами Северного Кавказа. [Электронный ресурс]. 22 апреля 2020 г. Режим доступа: https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/dokazano-rodstvo-predstaviteley-kobanskoy-kultury-s-drevnimi-i-sovremennymi-narodami-severnogo-kavkaza.

Зудина В. Н., 1981. Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья: межвуз. сб. / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет. С. 88–107.

Казарницкий А. А., 2012. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб.: Наука. 264 с.

Казарницкий А. А., 2013. Краниология населения бабинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (21). Тюмень. С. 70–78.

Ковалева И. Ф., 1981. Север степного Поднепровья в Среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда). Днепропетровск: ДГУ. 78 с.

Ковалевская В. Б., 1972. Башкирия и евразийские степи IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А. П. Смирнов и др. М.: Наука. С. 95–117.

Ковалевская В. Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М.: Наука. 58 с. (САИ; Вып. Е1-2.)
Ковалевская В. Б., 1984. Кавказ и аланы. Века и народы. М.: Наука. 192 с.
Ковалевская В. Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ИА РАН. 364 с.
Ковалевская В. Б., 2001. Волжский путь VI–IX вв. по материалам компьютерных карт распространения поясов «геральдического типа» и бус // Культуры Евразийских степей второй половины 1 тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т. 1 / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара. С. 186–213.
Козенкова В. И., 1982а. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука. 176 с. (САИ; Вып. В2-5.)
Козенкова В. И., 1982б. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. № 3. С. 14–34.
Козенкова В. И., 2002. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М.: Памятники исторической мысли. 232 с. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа; Вып. III.)
Крамарев А. И., 2004. Основные виды погребений срубной культуры Южного Средневолжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара. С. 163–180.
Круц С. И., 1984. Палеоантропологические исследования степного Приднепровья. Киев: Наукова думка. 206 с.
Круц С. И., 2017. Скифы степей Украины по антропологическим данным. Киев; Берлин: Видавець Олег Філюк. 202 с. (Курганы Украины; Т. 5.)
Кузьмина О. В., 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара: СГПИ. 128 с.
Куприянова Е. В., 2008. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как текст (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф. 244 с.
Куприянова Е. В., Зданович Д. Г., 2015. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия. 196 с.
Кухаренко Ю. В., 1969. Археология Польши. М.: Наука. 242 с.
Лысенко С. С., 2005. Гривны, браслеты и перстни со спиральными щитками с территории Украины // Проблемы эпохи бронзы Великой Степи: сб. науч. ст. Луганск: Глобус. С. 25–36.
Матвеева Г. И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет. 226 с.
Метцнер-Небельзик К., 2013. Европейская символика власти эпохи бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н. э.: каталог выставки / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Чистый лист. С. 206–217.
Монгайт А. Л., 1974. Археология Западной Европы. М.: Наука. 408 с.
Немировский А. И., 1983. Этруски. М.: Наука. 261 с.
Новое в средневековой археологии Евразии: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Б. Ковалевская. Самара: Артефакт, 1993. 232 с.
Полтавец В., 2013. Браслеты суботовского типа (к вопросу о контактах чернолесской культуры Среднего Поднепровья) // Revista Arheologică. Vol. IX, No 1. P. 198–220.
Рогинский Я. Я., Левин М. Г., 1955. Основы антропологии. М.: Московский университет. 502 с.
Седова М. С., 1991. Курганный могильник срубной культуры на юге Ульяновской области // Археологические исследования в лесостепном Поволжье: межвуз. сб. ст. / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Самара: Самарский гос. университет. С. 130–146.
Скарбовенко В. А., 2006. Погребальный комплекс начала эпохи поздней бронзы Владимировка II // ВАП. Вып. 4. С. 286–293.
Сокровища Алании / Науч. ред. М. М. Блиев. М.: Эксмо, 2011. 240 с.
Техов В. В., 1999. Кобано-тлийская археологическая культура // Донская археология. № 3–4. С. 6–13.
Федоров Г. Б., Полевой Л. Л., 1973. Археология Румынии. М.: Наука. 412 с.
Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М., 1966. Пепкинский курган (абашевский человек). Йошкар-Ола: Маркнигоиздат. 69 с.
Хохлов А. А., 2000. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Центр «Интеграция». С. 309–332.
Хохлов А. А., 2003. Краниологические материалы раннесрубного времени из лесостепного Поволжья // Горизонты антропологии: труды международной научной конференции памяти академика В. П. Алексеева / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Наука. С. 223–229.
Хохлов А. А., 2017. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: СГСПУ. 368 с.
Хохлов А. А., Китов Е. П., 2019. Теоретические и практические аспекты проблемы происхождения физического облика носителей культур синташтинского круга // Поволжская археология. Вып. 1 (27). Казань. С. 59–71.
Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P. B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa Ph., Dabrowski P., Duffy P. R., Ebel A. V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolar J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtchyan R., Moiseyev V., Paja L., Palfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T. D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrcka V.,

Soenov V. I., Szeverenyi V., Toth G., Trifanova S. V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Ponten Th., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E., 2015. Population genomics of Bronse Age Eurasia // Nature. Vol. 522. P. 167–172.

Hänsel B., Matošević D., Mihovilić K., Teržan B., 2009. O sosijalnoj arheologiji brončanodobnog utvrđenog naselja I grobova na Monkodonji // Histria archaeologica. No. 38–39, 2007–2008. S. 81–121.

Heynowski R., 2012. Fibeln: erkennen, bestimmen, beschreiben. Berlin: Deutscher kunstverlag. 168 S. (Bestimmungsbuch Archäologie; Band 1.)

Narasimhan V., Vagheesh M., Patterson N., Moorjani P., Lazaridis I., Lipson M., Mallick S., Rohland N., Bernardos R., Kim A. M., Nakatsuka N., Olalde I., Coppa A., Mallory J., Moiseyev V., Monge J., Olivieri L. M., Adamski N., Broomandkhoshbacht N., Candilio F., Cheronet O., Culleton B. J., Ferry M., Fernandes D., Gamarra B., Gaudio D., Hajdinjak M., Harney É., Harper T. K., Keating D., Lawson A. M., Michel M., Novak M., Oppenheimer J., Rai N., Sirak K., Slon V., Stewardson K., Zhang Z., Akhatov G., Bagashev A. N., Baitanayev B., Bonora G. L., Chikisheva T., Derevianko A., Dmitry E., Douka K., Dubova N., Epimakhov A., Freilich S., Fuller D., Goryachev A., Gromov A., Hanks B., Judd M., Kazizov E., Khokhlov A., Kitov E., Kupriyanova E., Kuznetsov P., Luiselli D., Maksudov F., Meiklejohn C., Merrett D., Micheli R., Mochalov O., Muhammed Z., Mustafokulov S., Nayak A., Petrovna R. M., Pettener D., Potts R., Razhev D., Sarno S., Sikhymbaeva K., Slepchenko S. M., Stepanova N., Svyatko S., Vasilyev S., Vidale M., Voyakin D., Yermolayeva A., Zubova A., Shinde V. S., Lalueza-Fox C., Meyer M., Anthony D., Boivin N., Thangaraj K., Kennett D. J., Frachetti M., Pinhasi R., Reich D., 2019. The formation of human populations in South and Central Asia // Science. Vol. 365. aat7487.

A. V. Bogachev, A. V. Kuznetsov, A. A. Khokhlov

BRACELETS, RINGS AND TORCS WITH SPIRAL DECORATION IN EURASIA IN THE LATE BRONZE AGE – EARLY IRON AGE (PRELIMINARY PUBLICATION)

Summary. The article presents an analysis of decorations with spiral ornaments on the ends (bracelets, rings, torcs) from Eurasian sites dated to the end of the Bronze Age and the beginning of the Iron Age. Three types of artifacts have been identified: 1 – with unidirectional ends, 2 - with an 8-shaped shield, 3 - with split ends. The mapping of the finds has enabled the selection of five regions of their distribution: 1 – Volga-Ural-Kazakhstan steppes; 2 – Caucasus; 3 –middle belt of Central and Eastern Europe (from the Dnieper Right Bank to the Oder); 4 – Carpathian-Balkan region; 5 – Southern Baltic area (Mecklenburg-Pomerania and Schleswig-Holstein). A comparison of archaeological observations with the paleoanthropological and genetic data allows to conclude that at the end of the Middle Bronze Age and the Late Bronze Age a step-by-step advance of some tribes from the Central European areas to the east, to the Ural steppes (first of the Abashevo, later of the Srubnaya cultures) took place. During the same period, migrations of individual groups (the Potapovka-Sintashta cultures) also occurred in the opposite direction – from the Urals to the Volga. In this movement from east to west (to the Dnieper and beyond) participate tribes of the Srubnaya culture.

Keywords: Bronze Age, spiral decoration, bracelet, ring, torc, Volga-Ural region, Caucasus, Central Europe.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.255-261

А. В. Мастыкова
Институт археологии РАН, Москва

ПРЯЖКИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ С ДЕКОРОМ В ВИДЕ ПТИЧЬИХ ГОЛОВОК В ПОНТО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Резюме. В статье рассматриваются пряжки ранневизантийской традиции V–VI вв. с рамкой прямоугольной формы, распространенные на широкой территории Северного Кавказа до Южной Германии и Швейцарии. Они разделяются на две группы – декорированные выступающими птичьими головками и без них. Приводятся первые итоги по изучению типологии, вопросов происхождения и датировки этих пряжек.

Ключевые слова: пряжки, ранневизантийская традиция, Причерноморье, Северный Кавказ, Крым, Сирия, Южная Германия.

В данной работе речь пойдет о сравнительно небольших пряжках с рамкой прямоугольной формы, с четырьмя круглыми гнездами для инкрустаций по углам и двумя выступами в передней части рамки в виде птичьих головок. Такие пряжки известны пока только в Понто-Кавказском регионе (рис. 1: *1–3*). В Западной и Центральной Европе, а также в Сирии известны очень похожие изделия, но без декора в виде птичьих головок (рис. 1: *4–10*), которые, несомненно, образуют вместе с находками в Причерноморье и на Северном Кавказе единую группу. Впервые те и другие изделия были рассмотрены И. Вернером (*Werner*, 1974). Впоследствии, в свете его работ, на эти пряжки обратили внимание и другие исследователи (*Bálint*, 1992; *Пьянков*, 1997; *Kazanski, Mastykova*, 1999. P. 543; *Kazanski et al.*, 2002. P. 170, 172). Здесь будут подведены первые итоги по изучению типологии, происхождения и датировки этих пряжек.

Итак, по наличию или отсутствию птицевидных выступов на рамке эти пряжки разделяются на два типологических варианта. К первому относятся пряжки, декорированные птичьими головками. Этот тип пряжек известен, как уже было сказано, только в Понто-Кавказском регионе:

– случайная находка в пригороде Краснодара (найдена в реке Старая Кубань) – позолоченная пряжка, из вставок сохранилась только одна – гранат (?) (рис. 1: *1*) (*Пьянков*, 1997. С. 58. Рис. 1);

– в погребении 376 могильника Цибилиум-2 в Абхазии – позолоченная пряжка с темно-красными стеклянными и гранатовыми вставками (рис. 1: *2*; 2: *1, 2*) (*Воронов*, 2003. С. 72. Рис. 178: *1*);

– находка в Керчи из коллекции А. Л. Бертье-Делагарда – позолоченная пряжка с гранатовыми вставками (рис. 1: *3*) (*Айбабин*, 1990[1]; *Andrási*, 2008. P. 58, 59. Cat. № 77. Pl. 39; там же библиография).

Второй вариант составляют находки из Сирии, Центральной и Западной Европы, собранные И. Вернером, у которых нет декора в виде птичьих головок. Сирийская пряжка происходит из частной коллекции (*Werner*, 1974. Abb. 2: *2*) (рис. 1: *6*). Такие же изделия были обнаружены:

– в Южной Германии, в погребении 38 II могильника Менген (Mengen), пряжка найдена вместе с «солярной» фибулой, украшенной по бордюру птичьими головками (*Werner*, 1974. Abb. 3: *5, 6*), (рис. 1: *10, 11*);

[1] В работе А. И. Айбабина дается только изображение находки из коллекции А. Л. Бертье-Делагарда на таблице вместе с пряжками IV – первой половины V в. (1990. Рис. 22: *29*).

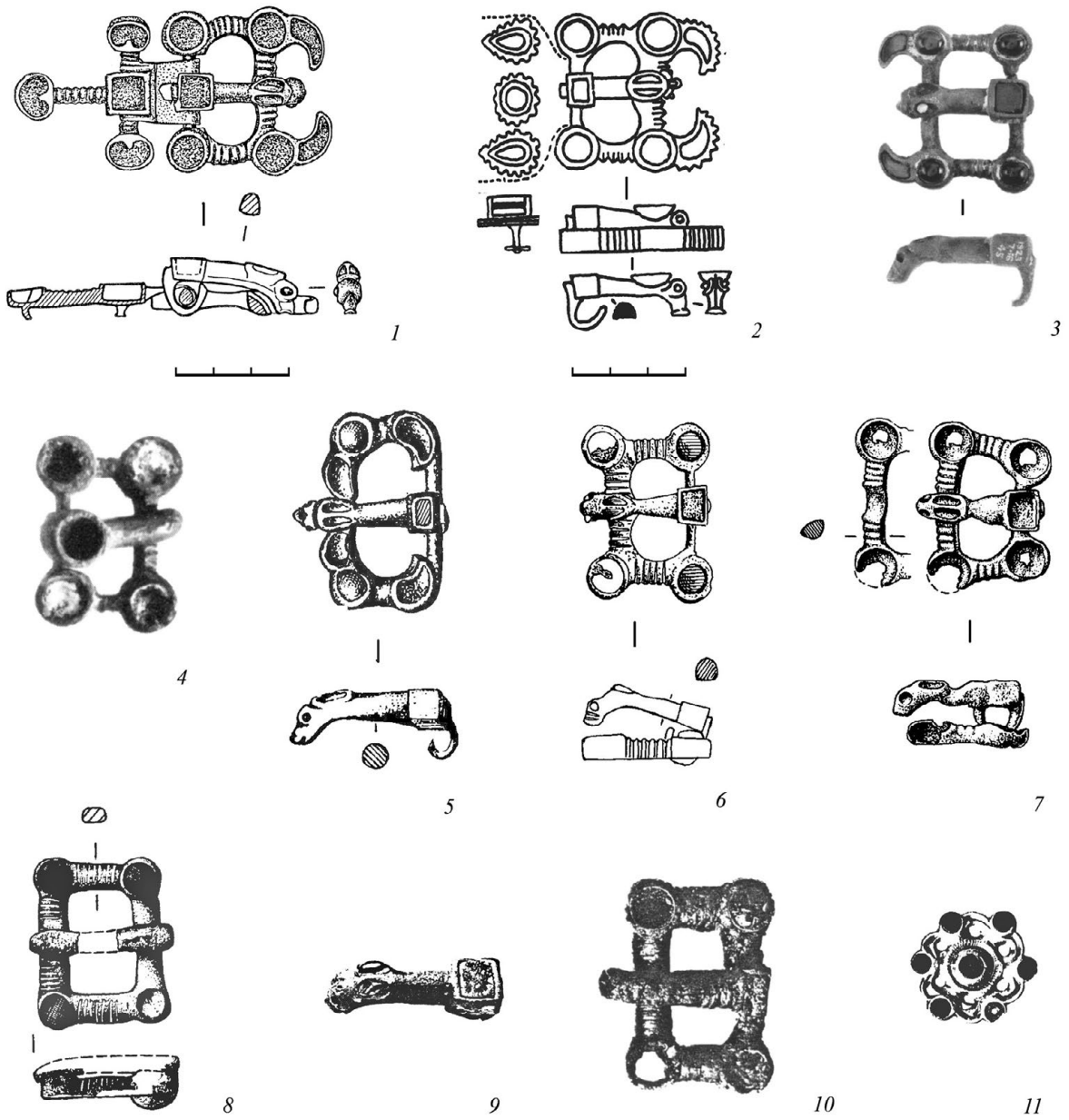


Рис. 1. Пряжки с прямоугольной рамкой (*1–10*) и сопровождающий материал (*11*): *1* – Краснодар; *2* – Цибилиум-2, погребение 376; *3* – Керчь, коллекция Бертье-Делагарда; *4* – Керчь, катакомбы 24 июня 1904 г.; *5* – Кална; *6* – Сирия; *7* – Оберфлахт, погребение 80; *8* – Базель-Кляйнхюнинген, погребение 199; *9* – Пилишмарот; *10, 11* – Менген, погребение 38 II. *1* – по: *Пьянков*, 1997. Рис. 1; *2* – по: *Воронов*, 2003. Рис. 178: *1*; *3* – по: *Andrási*, 2008. Pl. 39; *4* – по: *Засецкая*, 1993. Табл. 26: *110*; *5* – по: *Werner*, 1974. Abb. 2: *3*; *6* – по: *Werner*, 1974. Abb. 2: *2*; *7* – по: *Werner*, 1974. Abb. 2: *1*; *8* – по: *Giesler-Müller*, 1992. Taf. 43. Grab 199: *6*; *9* – по: *Werner*, 1974. Abb. 3: *4*; *10, 11* – по: *Werner*, 1974. Abb. 3: *5, 6. 3–11* – без масштаба

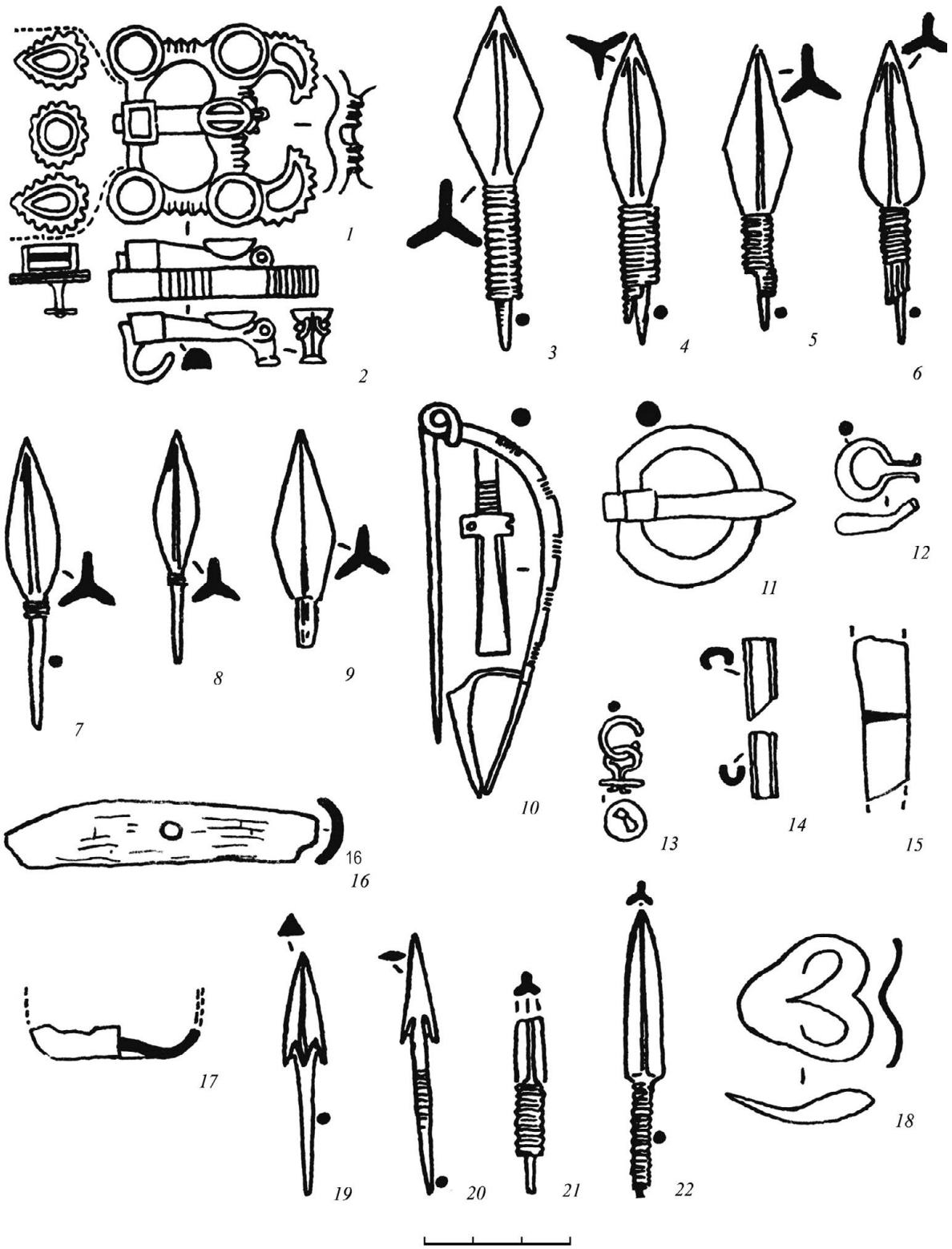


Рис. 2. Цибилиум-2, погребение 376 (по: *Воронов*, 2003. Рис. 178: *1–19*)

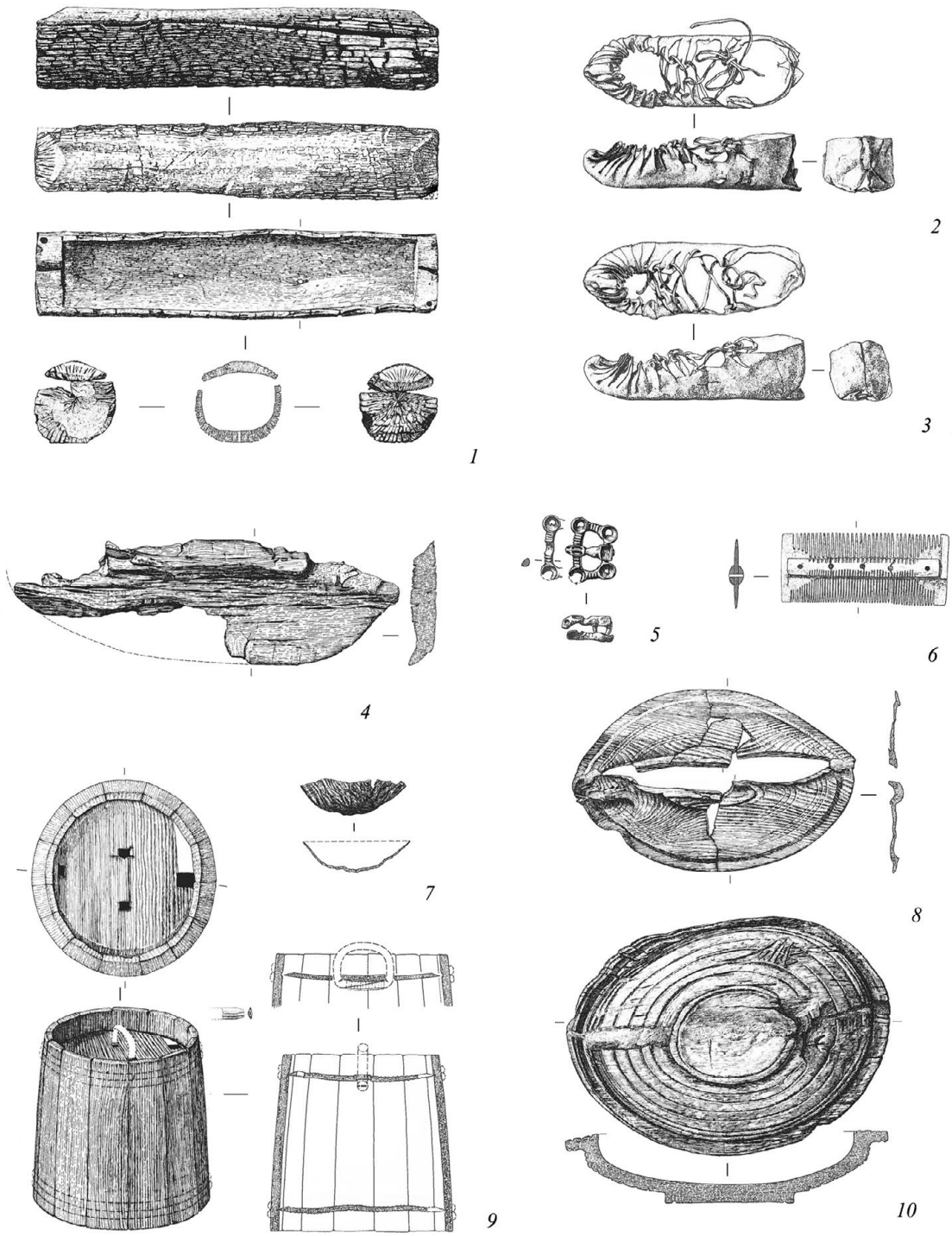


Рис. 3. Находки из погребения 80 могильника Оберфлахт (по: *Schiek*, 1992. Taf. 52–54). Без масштаба

– в Юго-Западной Германии, в погребении 80 на аламаннском могильнике Оберфлахт (Oberflacht/Wachedorf) (рис. 1: *7*; 3: *5*) (*Schiek*, 1992[2]. S. 52. Taf. 53: *3*; в работе И. Вернера этот комплекс фигурирует как погребение 3: *Werner*, 1974. Abb. 2: *1*). Погребение содержало большое количество изделий из дерева (рис. 3);

– в Северо-Западной Швейцарии, в погребении 199 аламаннского могильника Базель-Кляйнхюнинген (Basel-Kleinhüningen) (рис. 1: *8*). К сожалению, это захоронение не содержало других хронологически важных предметов (*Giesler-Müller*, 1992. S. 178. Taf. 43: Grab 199: *6*; Taf. 57: *2*);

– в Западной Словакии, в погребении Кална (Kalná), пряжка была обнаружена вместе с двухсторонним гребнем (*Werner*, 1974. Abb. 2: *3*) (рис. 1: *5*)[3];

– в Западной Венгрии, предположительно на аварском могильнике Пилишмарот (Pilismarót), найден язычок от пряжки (рис. 1: *9*) (*Werner*, 1974. S. 652. Abb. 3: *4*), хотя принадлежность этого язычка именно к рассматриваемому типу пряжек мне кажется неочевидной.

К данному списку находок надо добавить пряжку из инвентаря керченских склепов, разграбленных кладоискателями 24 июня 1904 г. (рис. 1: *4*) (*Засецкая*, 1993. № 110. Табл. 26: *110*). Эти погребения содержали богатый, но, к сожалению, перемешанный грабителями материал второй половины IV – первой половины V в. (*Засецкая*, 1993. №№ 72–212).

Отнесение пряжек к ранневизантийской традиции, предложенное И. Вернером, благодаря находке в Сирии (*Werner*, 1974. S. 652), ни у кого возражений не вызвало. Ч. Балинт, соглашаясь с И. Вернером, уточняет, что такие пряжки изготовлены в понто-византийском стиле (*Bálint*, 1992. S. 347. Taf. 31: *16*[4]). Предположение, что подобные пряжки и фурнитура ремней, украшенные птичьими головками, происходят из Византии и даже, возможно, из понтийского региона, высказал и Ф. Дайм (*Daim*, 1990. S. 275–278). Действительно, средиземноморские/ранневизантийские импорты и их имитации хорошо известны по всей зоне от Северного Кавказа до Рейна и далее на Запад. В то же время ни западноевропейские, ни центральноевропейские, ни понто-кавказские вещи на Ближнем Востоке, и в частности в Восточном Средиземноморье, практически не представлены. Можно, конечно, спорить, являются ли рассматриваемые здесь пряжки прямыми импортами из Империи, или же мы имеем дело с местными подражаниями, что и объяснило бы существование двух типологических вариантов, но, к сожалению, без анализа химического состава металла всех или большинства этих предметов из каждого варианта такая дискуссия мне представляется бесперспективной.

Остается рассмотреть последний вопрос – датировка рассматриваемых пряжек. Опираясь прежде всего на западноевропейский материал, а также на информацию о дендрохронологических находках из Оберфлахта, И. Вернер склонялся к датировке пряжек (на основании изделий второго варианта, т. е. без декора в виде птичьих головок) VI веком (*Werner*, 1974. S. 656, 657).

Однако А. В. Пьянков, с учетом черноморских находок в Абхазии[5] и Крыму, предлагает несколько более раннюю дату, в пределах V в., преимущественно вторую половину – конец указанного столетия (*Пьянков*, 1997. С. 58–59). Действительно, среди предметов (пряжка второго варианта) из керченских катакомб 24 июня 1904 г. нет более поздних, чем относящихся к периоду D2 по хронологии европейского Барбарикума, т. е. 380/400 – 440/450 гг., так называемый горизонт Унтерзибенбрунн (см., например: *Засецкая*, 1993. № 108. Табл. 26: *108*).

В погребении 376 на могильнике Цибилиум-2 (пряжка первого варианта – декорированная птичьим головками) (рис. 2) представлен набор вещей, принадлежавший стадии IV/9 по абхазской хронологической шкале, т. е. 450–550 гг., но в то же время в составе имелась и фибула предшествующей стадии III (380/400–440/450 гг.) (рис. 2: *10*). Таким образом, учитывая погребальный инвентарь в целом, вероятней всего, захоронение 376 следует относить к концу стадии IV/9 и датировать 500–550 гг. (см. под-

[2] Пользуясь случаем, сердечно благодарю Дитера Кваста за любезно предоставленную возможность ознакомиться с данной публикацией.

[3] Похожая пряжка с рамкой в виде стилизованных птичьих головок (место находки неизвестно) происходит и из Венского художественно-исторического музея (Kunsthistorisches Muzeum) (*Werner*, 1974. Abb. 3: *3*).

[4] Ч. Балинт дает прорисовку пряжки, указывая, что она происходит из Керчи, видимо, имея в виду коллекцию А. Л. Бертье-Делагарда. Однако этот рисунок не совсем совпадает с изображением керченской пряжки из этой коллекции, которая хранится в Британском музее.

[5] В работе А. В. Пьянкова погребение 376 могильника Цибилиум-2 в Абхазии указано как погребение 1 (*Пьянков*, 1997. С. 58).

робнее: *Казанский, Мастыкова*, 2009. С. 152–153; *Kazanski, Mastykova,* 2010. P. 63).

При этом нельзя не учитывать и хронологические выкладки И. Вернера, о которых шла речь выше. Они тем более актуальны, что впоследствии получили подтверждение в фундаментальной работе У. Кох, касающейся южнонемецкой, прежде всего – аламаннской хронологии. Так, У. Кох показала, что «солярные» фибулы, подобные найденной в могильнике Менген (рис. 1: *11*), вместе с интересующей нас пряжкой, относятся к фазе 5 южнонемецкой хронологии, т. е. к 530–550 гг. (*Koch*, 2001. S. 75–76. Abb. 15: *F65*). Несколько более позднюю датировку для «солярных» фибул с бордюром из птичьих головок, родственных менгенской, в рамках 590–610 гг. (фаза G), предложили Х. Рот и К. Тойне на основании исследования южнонемецкого могильника Вейнгартен (Weingarten) (*Roth, Theune*, 1988. S. 31–33. Tab. 7: *54*). Разумеется, я не могу выступать в роли арбитра в дискуссиях немецких специалистов, глубоких знатоков своего материала. Отмечу лишь, что для интересующей нас группы пряжек, первого и второго вариантов, следует принять достаточно широкие хронологические рамки, охватывающие время от середины V в. и по вторую половину VI в.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. I. 272 с.

Воронов Ю. Н., 2003. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 348 с.

Засецкая И. П., 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. С. 23–105.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2009. Погребения коней в Абхазии в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Пятая Кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Кубанский государственный университет. С. 150–155.

Пьянков А. В., 1997. Пряжка V в. н. э. из Краснодара // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 3. С. 57–60.

Andrási J., 2008. The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material. London: British Museum. 174 p.

Bálint Cs., 1992. Der Gürtel im frühmittelalterlichen Thanskaukasus und das Grab von Üč Tepe (Sowj. Azerbajdžan) // Awarenforschungen. Band 1 / Hrsg. F. Daim. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität. S. 309–496.

Daim F., 1990. Der awarische Greif und die byzantinische Antike // Typen der Ethnogenese mit besonderer Berücksichtigung der Bayern II / Hrsg. H. Friesinger, F. Daim. DsÖAW 104. Wien. S. 273–304.

Giesler-Müller U., 1992. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Basel-Kleinhüningen. Katalog und Tafeln. Derendingen-Solothurn: Haaberger Verlag. 222 S., 114 Taf.

Kazanski M., Mastykova A., 1999. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua. Bd. 5. P. 523–573.

Kazanski M., Mastykova A., 2010. Les tombes de chevaux chez les fédérés de l'Empire d'Orient sur la côte est de la mer Noire (IIe–VIe s.) // Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65 rocznicę urpdzin / Eds.: A. Urbaniak, R. Prochowicz. Lódż; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Lódzkiego, Funadacija Monumenta Archaeologica Barbarica. P. 57–71.

Kazanski M., Mastykova A., Périn P., 2002. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický ústav Akademie Věd ČR. P. 159–194.

Koch U., 2001. Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. Stuttgatt: Kommissionsverlag, Konrad Theiss Verlag. 650 S., 128 Taf.

Roth H., Theune Cl., 1988. SW I–V: Zur Chronologie merowingerzeitlicher Frauengräber in Südwestdeutshland. Stuttgart: Landesdenkmalamt Baden-Württemberg. 38 S., 7 Tab.z.

Schiek S., 1992. Das Gräberfeld der Merowingerzeit bei Oberflacht (Gemeinde Seitingen-Oberflacht, Kr. Tuttlingen) / Mit Beiträgen von P. Filzer, H.-J. Hundt, F. Zauner. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg, Band 41,1. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag. 166 S., 63 Abb., 113 Taf.

Werner J., 1974. Archäologische Bemerkungen zu den dendrohronologischen Befunden von Oberflacht // Fundberichte aus Baden-Württemberg. Bd. 1. S. 650–657.

A. V. Mastykova

BUCKLES OF EARLY BYZANTINE TRADITION WITH BIRD'S HEAD DECORATION IN THE PONTO-CAUCASIAN REGION

Summary. The article focuses on the buckles of the Early Byzantine tradition of the 5th–6th centuries AD with a rectangular frame, which are spread in the wide area of the North Caucasus to Southern Germany and Switzerland. They are divided into two groups – those decorated with protruding bird's heads and those without them. The first results in the study of typology, questions of origin and dating of these buckles are presented.

Keywords: buckles, Early Byzantine tradition, Black Sea Region, North Caucasus, Crimea, Syria, Southern Germany.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.262-271

Е. В. Суханов
Институт археологии РАН, Москва

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМЕ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА СТОЛОВОЙ КЕРАМИКИ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕМ ДОНУ (ПО ДАННЫМ ИЗУЧЕНИЯ АСИММЕТРИИ СОСУДОВ)

Резюме. Статья посвящена обсуждению экономических форм гончарного производства столовой керамики у населения салтово-маяцкой культуры Среднего Дона. Известно, что в домашних и ремесленных гончарных производствах гончарный круг выполняет разные функции. Это положение наиболее полно сформулировано А. А. Бобринским, который выделил разные ступени развития функций круга (РФК). Он выяснил, что к ремесленным производствам правомерно относить не всю керамику, сделанную с помощью круга, а только сосуды с признаками ступеней РФК 3–5.

В этом исследовании предпринята попытка выяснить ориентировочные ступени РФК салтово-маяцких столовых сосудов на основании данных о естественной асимметрии форм. В основе применяемой методики лежит закономерность, зафиксированная на основании экспериментальных и этнографических материалов: чем выше ступень РФК, тем ниже случайные колебания асимметрии форм сосудов.

В статье рассчитаны конкретные интервалы максимальной асимметрии экспериментальных и этнографических сосудов, относящихся к разным ступеням РФК. С этими данными сопоставлены результаты исследования асимметрии салтово-маяцкой столовой посуды. Оказалось, что большинство изученных сосудов характеризуются РФК не ниже 3-й ступени. Результаты указывают, что изготовление столовой лощеной керамики у носителей салтово-маяцкой культуры Среднего Дона находилось преимущественно на уровне ремесленного производства.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, столовая керамика, лощеная керамика.

Введение

По этнографическим и археологическим данным на территории Восточной Европы известны три основные экономические формы гончарного производства: домашнее, ремесленное на заказ и ремесленное с рыночным сбытом продукции (*Бобринский*, 1978).

При домашнем производстве глиняная посуда распространяется в основном среди родственников. Для такой формы производства характерны тесные родственные связи между *изготовителями* посуды и ее *потребителями.* При ремесленном производстве на заказ глиняная посуда может распространяться как по родственным каналам между изготовителями и потребителями посуды, как при домашнем производстве, так и среди соседей в пределах одного поселка. Третья экономическая форма гончарного производства – ремесленное с рыночным сбытом – отличается отсутствием тесных родственных связей между изготовителями посуды и ее потребителями. Распространение глиняной продукции, соответствующей такой форме производства, не ограничено рамками культурных и этнических различий между изготовителями и потребителями. Ремесленное производство с рыночным сбытом, в свою очередь, может быть разделено на три вида по широте рынка сбыта: малый (в пределах соседних поселков), средний (один день пути от места производства) и широкий (более одного дня пути от места производства).

Учет сведений об экономических формах гончарства очень важен для корректной историко-культурной интерпретации данных изучения глиняной посуды из археологических памятников. В одних случаях мы можем иметь дело с об-

ществами, в которых гончарное производство не вышло за пределы домашнего. Тогда смешение носителей разных гончарных традиций на конкретном археологическом памятнике отражает процесс смешения населения самих культурных групп в целом (*Цетлин*, 2012. С. 138–139). Однако иногда мы имеем дело с изучением истории и культуры древних коллективов людей, в которых гончарство находилось на уровне ремесленного производства. В таких случаях данные о гончарных традициях говорят не столько о культурных или этнокультурных особенностях населения того или иного памятника, сколько об экономической стороне жизни этих людей.

Статья посвящена обсуждению экономических форм гончарного производства у населения салтово-маяцкой культуры Среднего Дона. В данной работе мы сосредоточим внимание только на одной группе источников для изучения экономической стороны салтово-маяцкого гончарства – на столовой лощеной глиняной посуде. Объясним, с чем это связано.

Исследователи уже давно обратили внимание на возможность различать ремесленные гончарные производства от неремесленных, опираясь на свидетельства использования или неиспользования для изготовления сосуда гончарного круга. Впервые в отечественной литературе эта идея была высказана А. В. Арциховским (1933). Она сводилась к тому, что в ремесленном производстве гончарный круг используется, а в домашнем – нет. Спустя несколько десятилетий эта идея была скорректирована и дополнена А. А. Бобринским (1978). Он доказал, что гончарный круг может использоваться и в домашнем, и в ремесленном производстве. Разница в том, что функции, которые выполняет круг в домашнем и ремесленном производствах, различаются. Тем не менее сама идея о важности учета следов использования гончарного круга для изучения экономических форм гончарных производств получила еще более существенные подтверждения этнографическими данными.

Почему же мы обращаемся в этой статье именно к столовой посуде носителей салтово-маяцкой культуры? Во-первых, столовые сосуды являются основной группой керамического материала в катакомбных могильниках – одном из основных видов погребений на рассматриваемой территории. Во-вторых, поверхность таких сосудов после изготовления подвергалась лощению, которое проводилось, по данным разных исследователей, как по сухой, так и по подсушенной поверхности (*Васильева*, 1993. С. 41; *Флёров*, 1999. С. 111; *Сарапулкин*, 2003. С. 126). Из-за этого следы, связанные с формовкой столовых салтово-маяцких сосудов и возможным использованием гончарного круга, как правило, либо становятся малозаметными, либо полностью уничтожаются (*Флёров*, 1999. С. 111–112).

Таким образом, столовая посуда на фоне другой салтово-маяцкой керамики заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку эта группа материала является наиболее «сложной» для соотнесения с той или иной экономической формой гончарного производства. В этой статье вниманию читателя предлагается опыт использования для решения такой задачи новой методики, основанной на изучении естественной асимметрии сосудов.

История вопроса

Исследователями салтово-маяцких древностей высказаны разные точки зрения по вопросу об экономических формах производства такой посуды.

По мнению С. А. Плетневой, изготовление лощеной посуды в верховьях Северского Донца велось преимущественно на ручном круге кустарями-ремесленниками и было «достоянием ремесленников» (*Плетнева*, 1967. С. 128). О преимущественно ремесленном характере салтовского гончарства, в том числе изготовления лощеной посуды, писал В. К. Михеев (1985. С. 197).

Более гибкую позицию занимает В. С. Флёров. Он характеризует уровень производства лощеной керамики у салтовцев как переходный от примитивного, знакомого лишь с различными способами ручной лепки, к ремеслу профессиональному, основанному на применении ручного гончарного круга (*Флёров*, 1999. С. 117). Однако, как пишет исследователь, «в целом, производство лощеной керамики в Подонье в VIII–X вв. не вышло за рамки домашнего производства с соответствующим ему относительно низким техническим уровнем» (*Флёров*, 1999. С. 117).

В. А. Сарапулкин пришел к выводу о существовании в донской лесостепи разных экономических форм гончарного производства. Гончарное производство в этом регионе эволюционировало от домашнего к ремесленному, и это касается как кухонной, так и столовой посуды (*Сарапулкин*, 2003. С. 176–178). Однако экономическая форма производства, по его мнению,

не всегда связана со временем бытования памятника. Возможны случаи, когда относительно более ранний памятник демонстрирует преимущественно ремесленный характер гончарного производства, а относительно более поздний – преимущественно домашний.

Таким образом, основными исследователями салтово-маяцкой керамики высказаны разные мнения по обсуждаемому вопросу. Тем не менее между этими точками зрения есть одна общая черта. Все исследователи, указывавшие на ремесленный характер производства столовой посуды, опирались на следы использования гончарного круга, которые удавалось зафиксировать на такой керамике.

Это действительно важный критерий, однако связь между гончарным кругом и экономической формой производства не настолько прямолинейна. А. А. Бобринский выяснил, что гончарный круг может выполнять разные функции: от использования в качестве поворотного столика до полного вытягивания сосуда из комка глины. А. А. Бобринский выделил 7 ступеней развития функций гончарного круга (далее – РФК). Анализ этнографического материала с территории Восточной Европы позволил исследователю прийти к заключению, что с ремесленными гончарными производствами связана не вся керамика, сделанная с помощью круга. К таковой может быть отнесена только та посуда, которая обладает признаками ступеней РФК 3–7 (*Бобринский*, 1978. С. 34).

Таким образом, наиболее обоснованные заключения об экономической форме гончарного производства можно получить на основании информации об РФК глиняных сосудов.

Что же известно об РФК салтово-маяцких столовых сосудов? Данных специального технологического изучения такого материала, в ходе которого определялся РФК сосудов, очень мало. Единственный такой пример – это анализ фрагментированных материалов Маяцкого селища, проведенный И. Н. Васильевой (1993). По результатам исследования на этом памятнике были выделены две группы технологических традиций. Столовая лощеная посуда входит в состав каждой из этих групп. Для первой группы традиций наиболее характерной оказалась ступень РФК 4. К ней относится 61 % сосудов. Во второй группе традиций чаще всего зафиксированы ступени РФК 5 (62 % сосудов) и РФК 4 (24 % сосудов) (*Васильева*, 1993. Таб. 20).

Таким образом, несмотря на длительную историю изучения столовой лощеной посуды салтово-маяцкой культуры, надежных данных об экономических формах производства этой посуды немного.

Подход к решению проблемы, задачи и источники

Подход, предлагаемый в этой статье, основан на результатах изучения случайных колебаний *максимальной* асимметрии форм глиняных сосудов, полученных Ю. Б. Цетлиным. Эти данные опубликованы (*Цетлин*, 2016). В ходе этого исследования рассматривались три группы экспериментальных и этнографических материалов, соответствующих разным ступеням РФК. Первую группу составляли лепные сосуды, сделанные мастерами-непрофессионалами, которые имеют навыки лепки в течение нескольких лет. Такие сосуды относятся к ступеням РФК 0–1. Вторую группу составляли *привычные* формы, изготовленные мастерами-профессионалами с помощью приемов скульптурной лепки и частичного вытягивания на ручном круге утяжеленного типа. Эти материалы относятся к ступеням РФК 4–5. Третью группу составили *привычные* формы, сделанные мастерами-профессионалами путем вытягивания из одного комка глины. Такие сосуды соответствуют РФК 6–7.

По итогам анализа установлена следующая закономерность: чем выше ступень РФК сосудов, тем меньше величина максимальной асимметрии их форм (*Цетлин*, 2016. Таб. 4).

На основании выявленной закономерности сформулированы задачи конкретно этого исследования:

1) рассчитать интервалы величины максимальной асимметрии в сериях экспериментально-этнографических сосудов, соответствующих разным ступеням РФК;

2) рассчитать величины максимальной асимметрии у столовых сосудов салтово-маяцкой культуры;

3) выяснить, к каким ступеням РФК относятся салтово-маяцкие столовые сосуды по данным максимальной асимметрии их форм, опираясь на экспериментально-этнографические данные.

Источники для решения этих задач формально можно разделить на две группы. Первую группу составляют экспериментальные и этнографические материалы. Суммарно это 130 сосудов. Нужно заметить, что непосредствен-

ный анализ асимметрии форм этих сосудов уже проведен, и поэтому мы будем использовать только количественные данные, опубликованные Ю. Б. Цетлиным. Вторая группа представлена археологическими материалами, доступными автору статьи. Это исключительно строго фронтальные фотографии сосудов, сделанные в соответствии с методикой подготовки форм к анализу (подробнее см.: *Цетлин*, 2018). Анализу подвергнуты 230 столовых сосудов из девяти могильников салтово-маяцкой культуры с территории Среднего Подонья: Дмитриевского, Нижнелубянского, Ютановского, Подгоровского, Ржевского, Мандровского, Рождественновского и Утиновского.

Все методические аспекты проведенного анализа будут освещаться в этой статье по ходу изложения процесса исследования.

Анализ форм сосудов

Максимальная асимметрия форм экспериментально-этнографических сосудов.

Начнем с характеристики методики вычисления максимальной асимметрии. Она применялась Ю. Б. Цетлиным при анализе экспериментально-этнографических материалов, на которые мы опираемся, а также используется для изучения асимметрии салтово-маяцких столовых сосудов.

Все изображения сосудов приводятся к единой высоте 20 см. Затем с интервалом в 2 см проводятся 11 горизонтальных диаметров (рис. 1). Для каждого сосуда строится вертикальная ось как перпендикуляр из центра дна сосуда. Для вычисления асимметрии на каждом из 11 диаметров проводятся измерения расстояния от вертикальной оси до «левого» и «правого» контуров сосуда. На основании этих измерений вычисляется степень асимметрии форм, т. е. коэффициент сходства – КС – правого и левого контуров сосуда. КС оценивается путем выяснения различий в величине радиусов от вертикальной оси до каждого из контуров сосуда по формуле: КС = $R_{мин} : R_{макс}$. Чем выше коэффициент сходства, тем меньше асимметрия.

В этом исследовании нас интересует максимальная величина асимметрии, зафиксированная на разных ступенях РФК (*Цетлин*, 2016. Таб. 1). Проанализируем эти данные по трем группам экспериментально-этнографического материала.

Начнем с лепных сосудов (РФК 0–1). Самый низкий КС правого и левого контуров сосуда отмечен у Мастера 2 – 0,718. Эту величину можно перевести в проценты по методике, использованной Ю. Б. Цетлиным. Теоретически мастеру вполне возможно изготовить сосуд, у которого правый и левый радиусы будут совпадать по величине, т. е. их КС будет равен 1,0. Следовательно, степень асимметрии у этого сосуда может колебаться в диапазоне от 0,718 до 1,0. Центром диапазона будет значение КС, равное его половине, т. е. 0,859, отсюда следует, что максимальная асимметрия сосудов у Мастера 2 составляет ± 14,1 % (*Цетлин*, 2016. С. 268).

Самый высокий КС правого и левого контуров в рассматриваемой группе отмечен у Мастера 3 – 0,818. Значит, максимальная асимметрия сосудов здесь составляет ± 9,1 %, а общий интервал по сосудам первой группы ± 9,1–14,1 %.

В группе 2 (РФК 4–5) самый низкий КС правого и левого контуров отмечен у гончара А. Н. Власова, 0,824, а самый высокий – у К. Н. Власова, 0,901. Пересчитав эти КС по такой же методике, получаем интервал, в котором может находиться максимальная асимметрия сосудов РФК 4–5 – это ± 4,9–8,8 %.

В группе 3 (РФК 6–7) самый низкий КС правого и левого контуров отмечен у гончара И. Е. Туровца, 0,873, а самый высокий – у К. В. Славинского, 0,938. В процентном выражении интервал максимальной асимметрии в этой группе составляет ± 3,1–6,3 %.

Таким образом, на основании рассмотренных экспериментальных и этнографических материалов установлены интервалы максимальной асимметрии форм привычных сосудов разных ступеней РФК:

± 9–14 % для РФК 0–1;
± 4,9–8,8 % для РФК 4–5;
± 3,1–6,3 % для РФК 6–7.

Максимальная асимметрия форм салтово-маяцких столовых сосудов.

Теперь рассмотрим результаты изучения максимальной асимметрии столовых сосудов из салтово-маяцких могильников Среднего Дона.

Самую многочисленную категорию сосудов в изученной выборке составляют кувшины. Разброс значений максимальной асимметрии кувшинов находится в пределах ± 1–20,8 %[1] (рис. 2: *А*), чаще всего ± 2–8 %. На этот отрезок

[1] Здесь и далее для удобства приводятся величины максимальной асимметрии, переведенные в проценты.

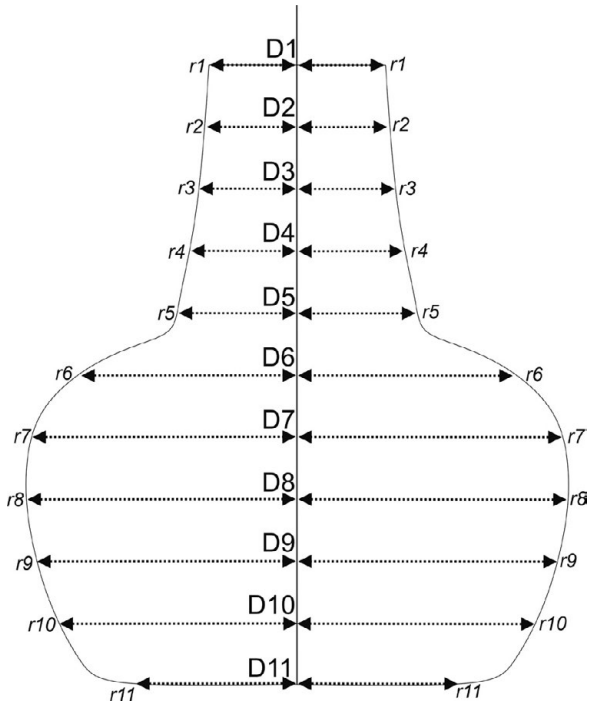


Рис. 1. Схема замеров при изучении асимметрии сосудов

гистограммы приходится около 2/3 от общего числа кувшинов. После отметки ± 8 % плотность распределения существенно снижается. На детальной гистограмме (рис. 2: *Б*), где количество интервалов соответствует количеству сосудов, хорошо видно, что наиболее плотное распределение значений максимальной асимметрии приходится на интервал примерно ± 2–9 %.

У кружек разброс значений находится, как и у кувшинов, в пределах ± 1–19 %. Наиболее высокая плотность значений максимальной асимметрии, как и у кувшинов, наблюдается на интервале ± 2–8 % (рис. 3). В него попадает почти 84 % сосудов.

Помимо кувшинов и кружек, к изучению привлечены лощеные горшки, горшки с ручкой и кубышки. Поскольку таких сосудов гораздо меньше, все горшковидные формы рассматриваются здесь совместно. Разброс значений максимальной асимметрии в этой группе посуды ниже, чем у кувшинов и кружек: от ± 2 до ± 7,3 % (рис. 4). Возможно, это связано с меньшим числом таких сосудов. Наиболее высокая плотность наблюдается в левой части гистограммы, в интервале примерно ± 2–5 %.

Таким образом, во всех категориях столовой салтово-маяцкой посуды величина максимальной асимметрии форм чаще всего попадает в интервал от ± 2 до ± 8–9 %. Если объединить все рассмотренные категории сосудов, результат получается таким же (рис. 5). Гистограмма показывает, что зона наиболее плотного распределения значений максимальной асимметрии форм находится в интервале от ± 2 до ± 8 %. Число сосудов с более высокой асимметрией резко сокращается, а затем плавно уменьшается – чем выше асимметрия, тем меньше сосудов.

Сравнение экспериментально-этнографических и археологических данных.

Теперь посмотрим, как информация об асимметрии салтово-маяцких лощеных сосудов соотносится с экспериментальными и этнографическими данными. Это позволит понять, каким ступеням РФК может соответствовать рассмотренный археологический материал.

На обобщающий график (рис. 6) нанесены интервалы максимальной асимметрии, рассчитанные по экспериментально-этнографическим данным для разных ступеней РФК. Поскольку интервал для РФК 0–1 не пересекается с интервалами РФК 4–5 и РФК 6–7, все поле графика для наглядности можно разделить на две зоны: зона высоких ступеней РФК – примерно до от-

метки ± 9 %, и зона низких ступеней РФК – выше отметки ± 9 %.

На этом графике данные об асимметрии салтово-маяцких столовых сосудов приведены с разделением по могильникам. Поскольку количество сосудов с разных памятников отличается, их распределение по участкам шкалы максимальной асимметрии оценивалось в процентах.

Результаты сравнения показывают, что на каждом могильнике большинство сосудов попадают в зону высоких ступеней РФК. В Дмитриевском могильнике таких сосудов 78,6 %, в Нижнелубянском – 79,3 %, в Ютановском – 93,3 %, в Ржевском – 79,4 %, в Мандровском –92,8 %. Такую же ситуацию мы видим и на трех могильниках, где столовых сосудов относительно меньше. В Утиновском могильнике в зону высоких РФК попадают все сосуды, в Рождественновском – все, кроме одного, в Подгоровском – все, кроме трех.

Таким образом, по данным изучения асимметрии форм, большинство столовых сосудов салтово-маяцкой культуры соответствует высоким ступеням РФК.

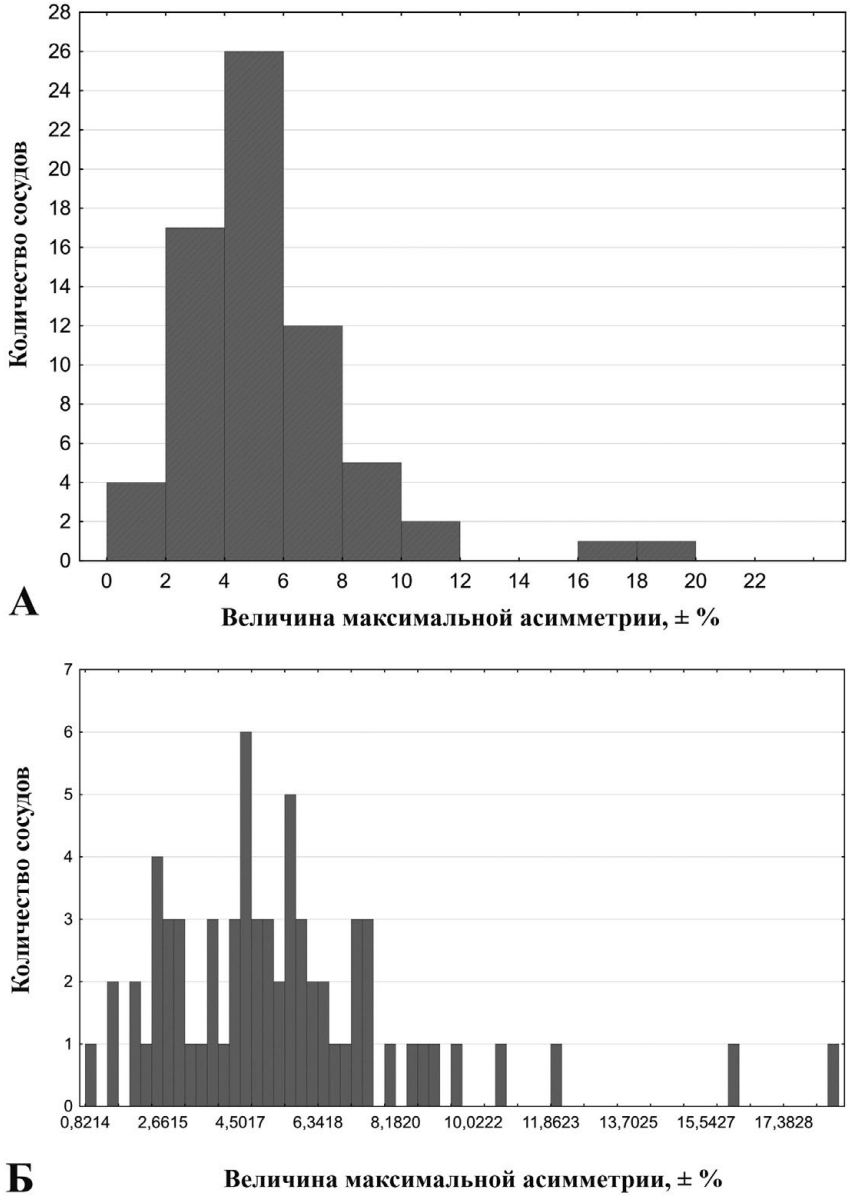


Рис. 2. Асимметрия форм кувшинов: *А* – обобщенная гистограмма; *Б* – детальная гистограмма

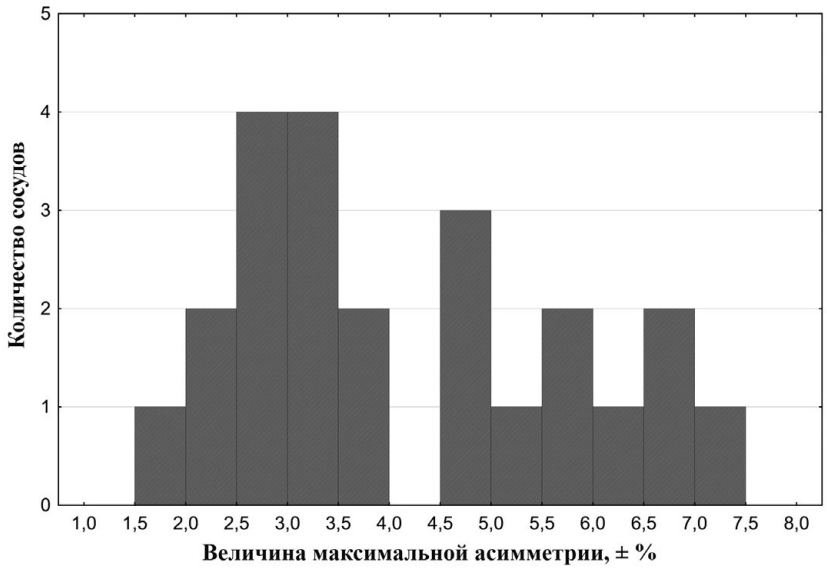


Рис. 3. Асимметрия форм кружек: *А* – обобщенная гистограмма, *Б* – детальная гистограмма

Заключение

На основании полученных в этом исследовании данных можно высказать некоторые суждения об экономических формах производства столовой лощеной посуды салтово-маяцкой культуры. Как уже отмечалось ранее, с ремесленной формой гончарного производства может быть связана глиняная посуда, имеющая признаки не ниже ступени РФК 3. В нашем распоряжении был экспериментально-этнографический материал не по всем ступеням РФК. В частности, нет сосудов ступеней РФК 2–3. Связано это с тем, что ко времени проведения этнографических экспедиций А. А. Бобринского мастеров, делавших такие сосуды, оставалось очень мало, они не работали на заказ и не делали крупных партий сосудов.

Однако даже на основании имеющегося экспериментального и этнографического материала можно заключить, что *большинство* салтово-маяцких столовых сосудов по максимальной асимметрии форм характеризуются РФК не ниже 3-й ступени.

Таким образом, результаты изучения асимметрии форм сосудов свидетельствуют о том, что изготовление столовой лощеной керамики у носителей салтово-маяцкой культуры Среднего Дона находилось преимущественно на уровне ремесленного производства.

Этот вывод подтверждается данными специального технико-технологического изучения салтово-маяцких и синхронных с ними керамических материалов. Во-первых, это результаты изучения фрагментированных материалов Маяцкого селища (И. Н. Васильева), о которых уже говорилось в этой статье. Во-вторых, это данные по керамике первой группы Волжской Болгарии (*Васильева*, 1993. Рис. 1: *1–5*), в которую входят кувшины, аналогичные по внешнему облику некоторым салтово-маяцким. Большинство изученных И. Н. Васильевой сосудов из этой группы тоже относятся к ступени РФК 4 (*Васильева*, 1993. Табл. 5).

Несколько слов нужно сказать о возможностях более детального определения вида ремесленного производства – с узким, средним или широким рынком сбыта – по данным асимметрии форм сосудов. Известно, что для ремесленных производств с узким рынком сбыта в основном характерна 3-я ступень РФК, со средним рынком сбыта – 3-я, 4-я и 5-я ступени, с широким рынком сбыта – 5-я, 6-я и 7-я ступени (*Цетлин*, 2012. С. 47). Кажется, что возможности применяемой методики для более детальных определений видов ремесленных производств пока что ограничены. Для решения такой задачи необходимо выяснить различия по максимальной асимметрии между конкретными ступенями РФК: например, между ступенями РФК № 4 и 5

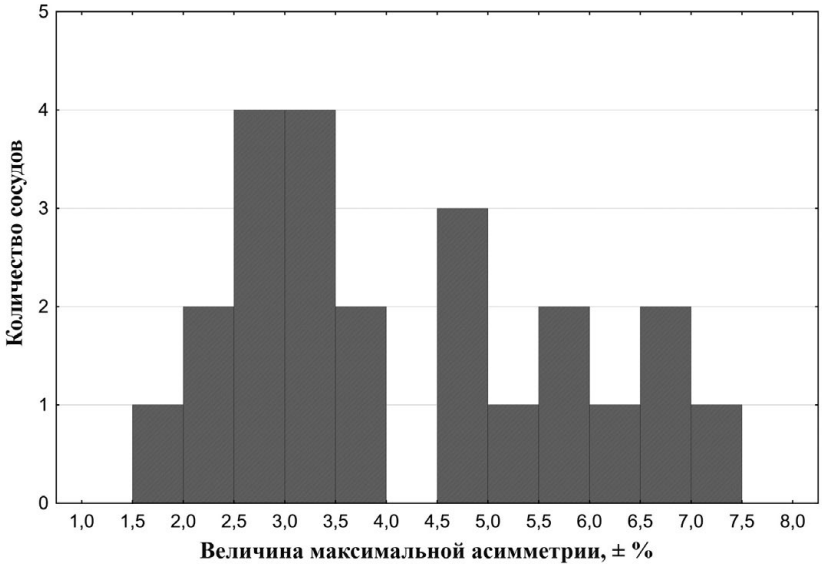


Рис. 4. Асимметрия форм горшковидных сосудов

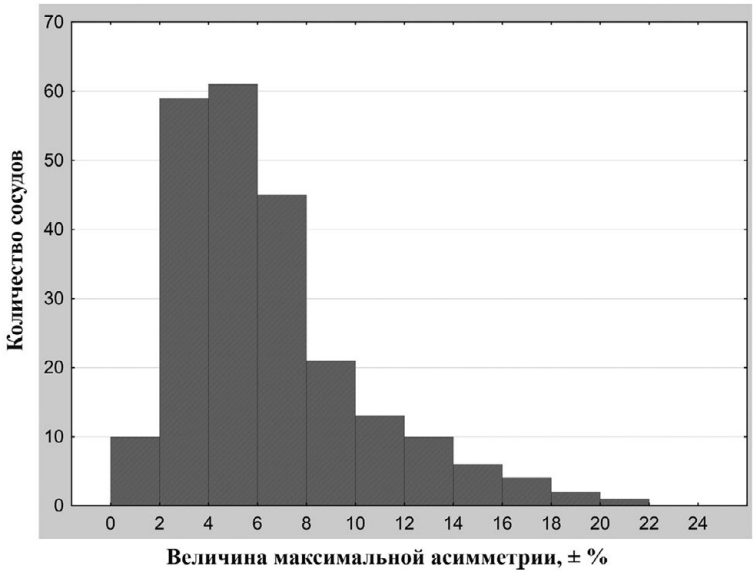


Рис. 5. Асимметрия форм всех столовых сосудов

или 5 и 6. На основании изученных материалов сделать это невозможно.

Изложенные в этой статье результаты отражают самый начальный этап разработки методики определения экономических форм гончарного производства на основании морфологических особенностей глиняных сосудов. Эта работа будет продолжена по двум направлениям: расширение экспериментально-этнографической базы и последовательная проверка методики при изучении других категорий глиняной посуды салтово-маяцкой культуры.

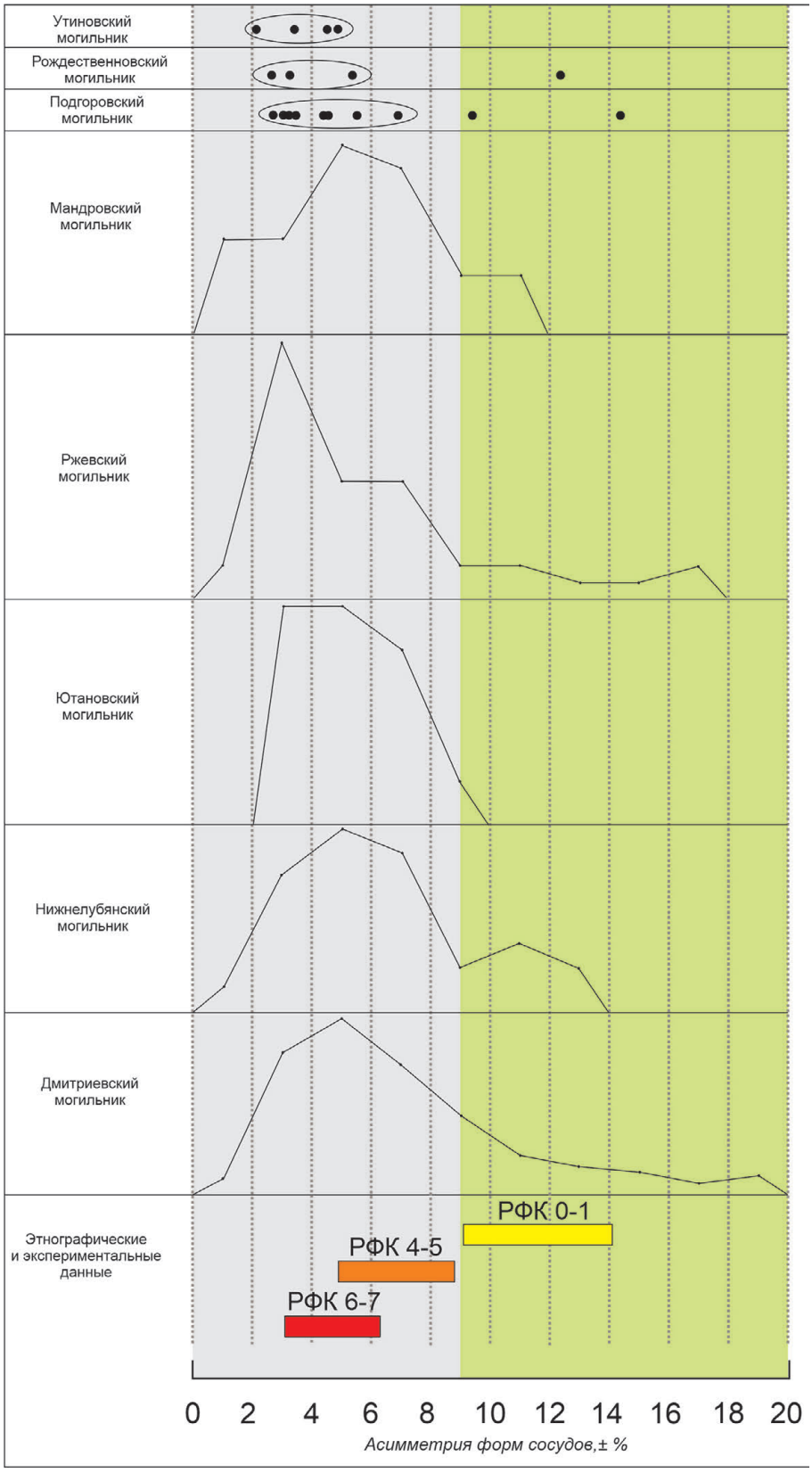


Рис. 6. Асимметрия форм столовых сосудов по памятникам салтово-маяцкой культуры в сравнении с экспериментально-этнографическими данными

ЛИТЕРАТУРА

Арциховский А. В., 1933. Даты // Проблемы истории материальной культуры. № 7–8. С. 20–28.
Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
Васильева И. Н., 1993. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: УИФ «Наука». 248 с.
Михеев В. К., 1985. Подонье в составе хазарского каганата. Харьков: Вища школа. 147 с.
Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука. 200 с.
Сарапулкин В. А., 2003. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Дисс. … канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ. 285 с.
Флёров В. С., 1999. О технологии изготовления салтово-маяцкой лощеной керамики // Евразийская степь и лесостепь в эпоху средневековья. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14. Воронеж: Воронежский государственный университет. С. 111–119.
Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко- культурного подхода. М.: ИА РАН. 379 с.
Цетлин Ю. Б., 2016. О величине случайных колебаний некоторых параметров форм глиняных сосудов // КСИА. Вып. 245 (2). С. 265–274.
Цетлин Ю. Б., 2018. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 124–179.

E. V. Sukhanov

ON THE ECONOMIC FORM OF TABLEWARE POTTERY PRODUCTION OF THE SALTOVO-MAYATSK CULTURE IN THE MIDDLE DON (BASED ON THE STUDY OF VESSEL ASYMMETRY)

Summary. The article is devoted to discussion of economic forms of pottery production of tableware ceramics of the Saltovo-Mayatsk culture of the Middle Don population. It is known that in domestic and artisan potteries the potter's wheel fulfills different functions. This situation was formulated most completely by A. A. Bobrinsky, who identified different stages in the development of the wheel functions (DWF). He has found out that not all pottery made with wheel, but only vessels with attributes of steps DWF 3–5 can be referred to craft productions.

In this study, an attempt is made to determine the indicative DWF steps of Saltovo-Mayatsk vessels on the basis of data on natural asymmetry of the forms. The applied method is based on the regularity, fixed on the basis of the experimental and ethnographic materials: the higher the DWF step, the lower the random variations in the asymmetry of the forms of the vessels.

In article concrete intervals of the maximum asymmetry of the experimental and ethnographic vessels belonging to different stages of DWF are calculated. With these data the results of the study of the asymmetry of the Saltovo-Mayatsk tableware are compared. It was found that the majority of the studied vessels are characterized by the DWF of not lower than the 3rd step. The results indicate that the production of polished tableware pottery within the Saltovo-Mayatsk culture of the Middle Don was predominantly at the level of handicraft production.

Keywords: Saltovo-Mayatsk culture, tableware pottery, polished ceramics.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.272-283

В. Н. Чхаидзе, И. А. Дружинина
Институт археологии РАН, Москва
Институт востоковедения РАН, Москва

ПЕЧЕНЕГО-ОГУЗСКИЕ ДРЕВНОСТИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Резюме. В работе рассматриваются и обобщаются открытые на территории Таманского полуострова три кочевнических погребения, а также две бронзовые налобные накладки (детали конского оголовья), которые датируются X–XI вв. и относятся к кругу печенего-торческих древностей.

Ключевые слова: Таманский полуостров, средневековые кочевники, печенеги, огузы, торки, погребальный обряд, чучела лошадей, накладки.

Современный Таманский полуостров (площадь около 1700 км^2) в древности состоял из пяти-шести (количество менялось) крупных островов, входивших в дельту р. Кубань, разделенных протоками, в настоящее время заполненных речными наносами и потоками грязевых вулканов или превратившихся в лиманы.

С началом греческой колонизации (VI в. до н. э.) на таманских островах сложилась характерная для античных обществ система расселения – возникли города (Фанагория, Гермонасса, Кепы и др.), были основаны свыше двухсот поселений, возведены культурные и хозяйственные сооружения. Сформировалась инфраструктура, включавшая сеть дорог и межевание хозяйственных угодий, при этом распашка земельных наделов заняла до 50 % всей территории. В целом занятия населения на островах позволяют охарактеризовать его как оседлое земледельческое общество.

В средневековый период здесь существуют два торгово-ремесленных города-порта – Фанагория (до X в.) и Таматарха–Тмутаракань. Количество поселений уменьшилось, но ненамного (при этом в большинстве случаев поселения продолжали жизнедеятельность на месте возникших еще в античности). Тем не менее в системе расселения и особенно в характере занятий населения произошли качественные изменения – распахиваемые площади уменьшились, что может объясняться возросшей самостоятельной ролью скотоводства, его преобладанием над земледелием (*Паромов*, 2001. С. 41–48).

В качестве одной из причин этих изменений может рассматриваться проникновение на острова кочевников. В настоящий момент нет оснований говорить о том, что на Тамани кочевали целые орды, чей жизненный уклад требовал больших степных пространств, наличия сезонных пастбищ, под которые не подходила разделенная водными пространствами островная дельта Кубани. Однако на этой территории выявлены кочевнические древности VIII–XI вв. Это открытое в 1965 г. погребение кочевника из грунтового могильника городища Кепы – 341/21 (*Сорокина*, 1969. С. 124–128. Рис. 1: *1–9*; *Erdélyi*, 1977. P. 249. Fig. 1–2; *Чхаидзе*, 2011. С. 124–126. Рис. 10), которое датируется концом VIII – первой половиной IX в. и связывается с памятниками хазарского круга, известными и в Прикубанье (*Сорокина*, 1986. С. 118. Рис. 3; *Чхаидзе*, 2011. С. 118–122. Рис. 5–7, 9). К X–XI вв. относятся три погребения и две накладки, характерные для печенего-огузских древностей, о которых и пойдет речь в настоящей работе.

Вместе с этим необходимо подчеркнуть, что погребения VI–VII вв. представителей кочевого объединения Великая Булгария, в значительном количестве известные в Приазовье и Прикубанье, на территории Таманского полуострова

отсутствуют (*Чхаидзе*, 2005. С. 356–359). Аналогичная ситуация характерна и для периода XII–XIV вв. – времени половецкого, а затем ордынского кочевого доминирования в степях Предкавказья (*Чхаидзе*, 2007. С. 66–67). Причины этого еще предстоит выяснить.

Обратимся к печенего-огузским древностям полуострова. Прежде всего, это находки (рис. 1) двух бронзовых накладок (бляхи-решмы), которые применялись в уздечном наборе конского оголовья в качестве наносных или налобных украшений. Подобные накладки известны именно в печенежских и огузских (торческих) погребениях X–XI вв. Некоторые из них выполнены из драгоценных металлов (*Barnea*, 1967. P. 296. Fig. 173: *9*; *Кирпичников*, 1973. С. 28–29. Рис. 13. Табл. X: *1–2*; *Орлов*, 1984. С. 26–30. Рис. 2: *4*, 4: *26–31*; *Кригер*, 1993. С. 140. Рис. 1: *8*; *Толочко*, 1999. С. 75. Рис. 16: *3*, 17: *2, 2а*, 18, 19; *Гарустович, Иванов*, 2001. Рис. 5: *19*, 26: *13–16*; *Дончева-Петкова*, 2005. С. 148–149. Обр. 23. Табл. XLII, LXXXIV: *22–23*, CIX: *2*; *Попов*, 2012. С. 387. Рис. 3: *27–34, 64–71*; *Комар*, 2018. С. 224. Рис. 90: *6, 8*).

Первая накладка (рис. 2: *1*) случайно обнаружена в 1976 г. на Ильичевском городище (*Николаева*, 1976. Л. 9. Рис. 30; 1977. С. 114; *Гаврилина*, 1987. Рис. 1: *14*; 1993. Рис. 1: *14*; *Гавритухин, Паромов*, 2003. Табл. 61: *1*; *Чхаидзе*, 2018б. С. 89. Рис. 12: *1*). Накладка листовидная, с заостренным нижним концом – относится к типу AIII (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 61–62. Рис. 10: *9*) и типу II (*Гаврилина*, 1987. С. 55, 60. Рис. 1: *9–20*; 1993. С. 78, 80. Рис. 1: *9–20*). Ей близки бляхи из погребения Мирное (Одесская обл.) (*Доконт*, 1978. С. 194–195. Рис. 1: *9*; *Комар*, 2018. С. 219. Рис. 82: *14*), детского погребения у с. Тузла (Одесская обл.) (*Станко*, 1960. С. 282–283. Рис. 4) печенежского времени и погребения XI в. Попконстантиновка – 8/2 (Херсонская обл.) (*Кубышев, Орлов*, 1982. С. 246. Рис. 5: *2*), связываемого с половецким кочевым объединением (в состав которого входил и печенежско-торческий компонент).

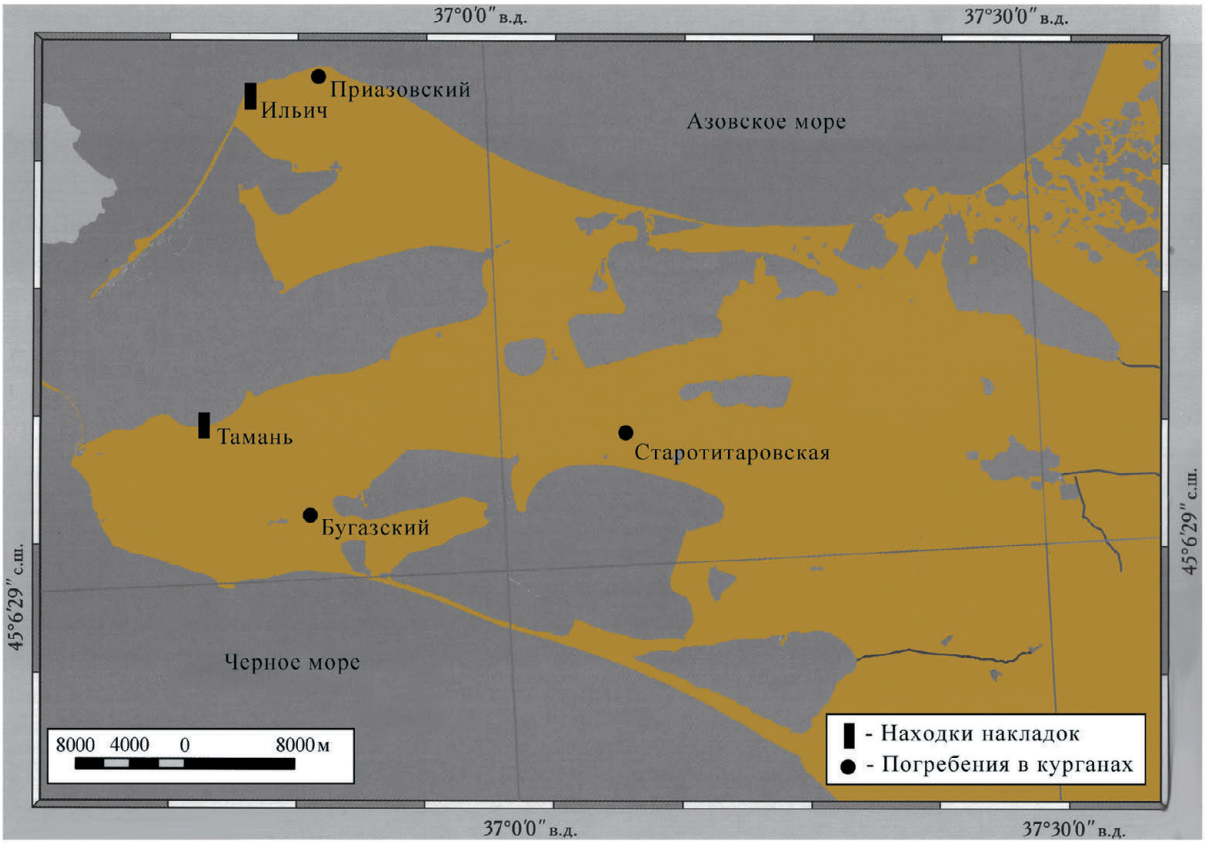


Рис. 1. Печенего-огузские древности на территории Таманского полуострова

Вторая накладка (рис. 2: *2*) происходит из раскопок Таманского городища (1987 г., раскоп «Перемычка», пл. XXIA, шт. 4) (*Коровина и др.*, 1987. Л. 20. Табл. XVI: *24*; *Плетнева*, 2003а. С. 178. Табл. 69: *16*) (рис. 1). Накладка тоже листовидная, с заостренным нижним концом и орнаментом, заполняющим всю лицевую поверхность, – типа III (*Гаврилина*, 1987. С. 55, 60. Рис. 1: *22*; 1993. С. 78, 80. Рис. 1: *22*). Ей близка бляха из погребения Гилево IX – 6 (предгорный Алтай) из круга кимакских древностей (*Могильников*, 2002. С. 27, 90–91. Рис. 69: *8*).

Находка характерной накладки от уздечного набора в городском слое Таманского городища (Таматарха–Тмутаракань) позволяет вернуться к высказанной ранее гипотезе о существовании «мирных печенегов», живших в большом многоэтничном городе (*Плетнева*, 2001. С. 106). В этом же контексте может рассматриваться и подобная накладка с территории Ильичевского городища (в средневековый период – сельского поселения), контролировавшего переправу через Керченский пролив.

Как отмечено выше, к печенего-огузскому времени также относятся три курганных погребения, открытые на Таманском полуострове (рис. 1).

Курган Бугазский (Артющенко 25) находился к востоку от пос. Артющенко. В кургане выявлено 25 погребений, 24 из них относились к

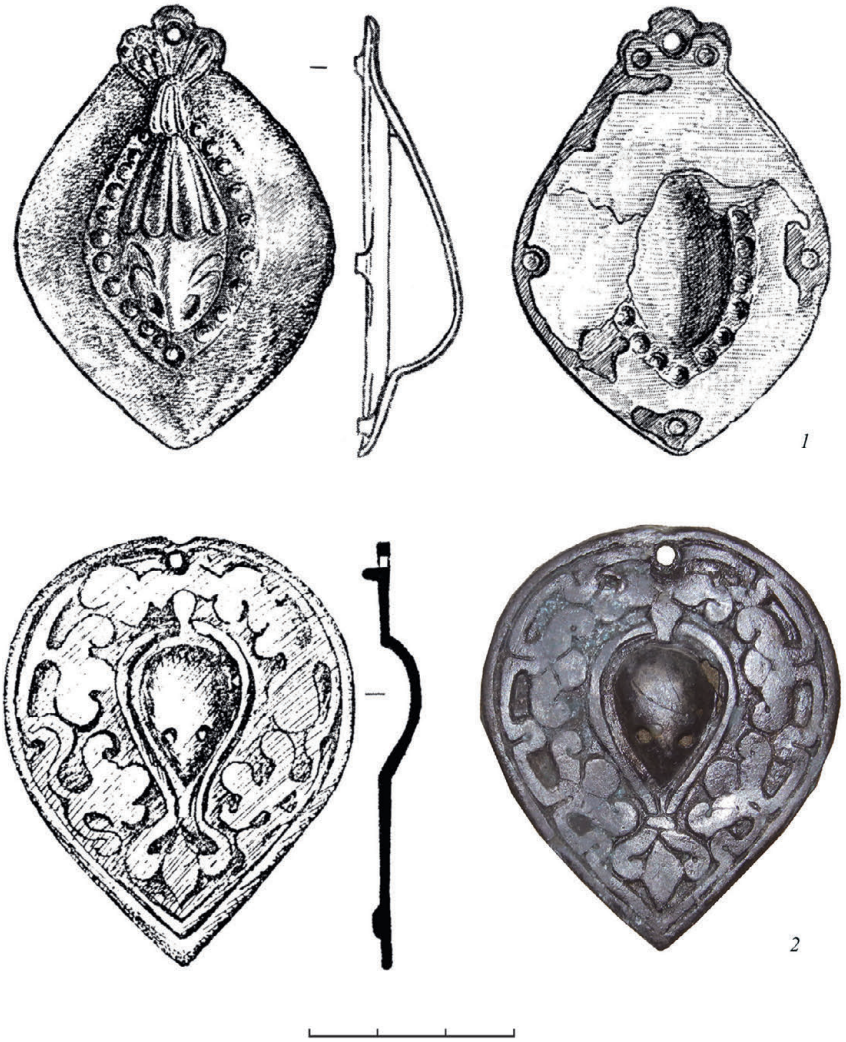


Рис. 2. Накладки (бляхи-решмы): *1* – Ильичевское городище (1976 г.) (по: *Николаева*, 1977. С. 114); *2* – Таманское городище (1987 г.) (по: *Плетнева*, 2003а. Рис. 69: *16*)

эпохе ранней бронзы, одно – средневековое (*Сокольский*, 1968. Л. 47–48. Рис. 84; *Атавин*, 2001. С. 162. Рис. 1: *Б*).

Погребение 3 (рис. 3: *I*) впускное, открыто в центральной части крупного кургана (диаметр около 50 м, высота 6,25 м), у вершины, на глубине 1,25 м от нулевого репера. Погребение совершено в прямоугольной с четкими стенками яме, ориентированной с запада на восток (с незначительным отклонением западной части к югу). Длина ямы составляла, вероятно, около 2,2 м (восточный край разрушен бульдозером), ширина – 0,8 м. Скелет сохранился относительно хорошо (отсутствуют части фаланг кистей, а также стопы и берцовые кости, срезанные до половины). Погребенный был уложен в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп слегка склонился вправо, руки вытянуты вдоль тела (левая, судя по положению лучевых костей, ладонью вниз, правая – вверх), ноги вытянуты. Облик и состояние костей и зубов указывают на то, что скелет принадлежал молодому мужчине ростом 1,7–1,65 м.

На левых берцовых костях (чуть ниже коленного сустава) и напротив бедра, у северной стенки ямы, обнаружены два железных стремени подтреугольной формы с выделенным ушком. Слева от покойного зафиксировано пятно тлена, по-видимому, от кожаного седла. У правого бедра и около южной стенки могилы расчищены два копыта и обрубленные кости ног лошади. В северо-западном углу ямы лежал обращенный храпом к западу конский череп с зажатыми в зубах сильно окислившимися железными удилами. Слева у ног и у таза погребенного найдено несколько пережженных овечьих костей, а также фрагменты лепного горшка.

Данное захоронение типа БII (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 124, 134, 142) относится к печенего-торческой эпохе (X–XI вв.), печенежское (*Гарустович, Иванов*, 2001. С. 185. № 124. Рис. 1). К сожалению, неясен характер членения ног лошади. Неизвестна форма удил.

Стремена с выделенным ушком, появившиеся еще в VI–VII вв., наибольшее распространение получили в IX–X вв., однако встречаются и в памятниках XI в. (*Гарустович, Иванов*, 2001. С. 81. Рис. 18: *1–5, 9*): относятся к типу БII (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 11. Рис. 1); VI (*Кирпичников*, 1973. С. 44–45. Рис. 29: *VI);* IA-1-2 (*Армарчук*, 2006. С. 15–18. Рис. 2). В Саркеле такие стремена найдены в ряде курганов X – начала XI в. (*Плетнева*, 1990. Рис. 15, 18, 22, 24. Табл. 9). На Руси они бытовали на протяжении IX – начала XI в. (*Кирпичников*, 1973. С. 49–50. Табл. XIV: *12).*

Таким образом, погребение 3 кургана Бугазский может быть датировано концом X – началом XI в.

Еще одно погребение (рис. 3: *II*) исследовано в культурном слое античного поселения Приазовский 1, которое находится к северу от пос. Приазовский, на высоком обрывистом берегу Азовского моря (*Атавин*, 2001. С. 162–163. Рис. 2–3). Под небольшим возвышением, принятым, вероятно, устроителями погребения за курган, на глубине 1,3–1,1 м выявлен скелет мужчины, уложенного вытянуто на спине, черепом к западу. Контуры ямы не прослеживались. В результате эрозионных процессов почти все кости скелета сместились к северу, в сторону обрыва. Череп незначительно повернут вправо, руки вытянуты вдоль тела, правая – обращена ладонью вниз, левая – вверх. Ноги вытянуты, располагались с небольшим отклонением к югу, правая стопа повернута на бок, носки обеих ног вытянуты.

Чучело лошади было уложено слева от человека и чуть выше, видимо, в заполнении ямы.

На стопах погребенного лежали кости отчлененных по пястный сустав задних ног лошади. Кости передних ног, отчлененных таким же образом, находились у левого колена погребенного. Сверху на них лежало железное стремя (рис. 3: *II-3*). Череп лошади, обращенный к западу, перекрывал левую плечевую кость скелета. В зубах лошади были зажаты железные односоставные удила (рис. 3: *II-5).* Рядом находился наконечник железного втульчатого копья (рис. 3: *II-6).* У левого крыла таза погребенного найдено железное кольцо, у правого локтевого сустава – бронзовая пряжка (рис. 3: *II-1)* и кость барана.

Погребение относится к типу БII (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 124, 134, 142). Отчленение ног лошади по пястные суставы (тип II-5) указывает на принадлежность данного комплекса к печенего-огузскому времени (X–XI вв.) (*Атавин*, 1984. С. 137, 139. Рис. 2. Табл. 2; 2008. С. 84).

Удила типа BI (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 18. Рис. 2), VI (*Кирпичников*, 1973. С. 12. Рис. 4); AI-1 (*Армарчук*, 2006. С. 40–41. Рис. 22: *1–3*) датируются в основном X–XI вв. и характерны для

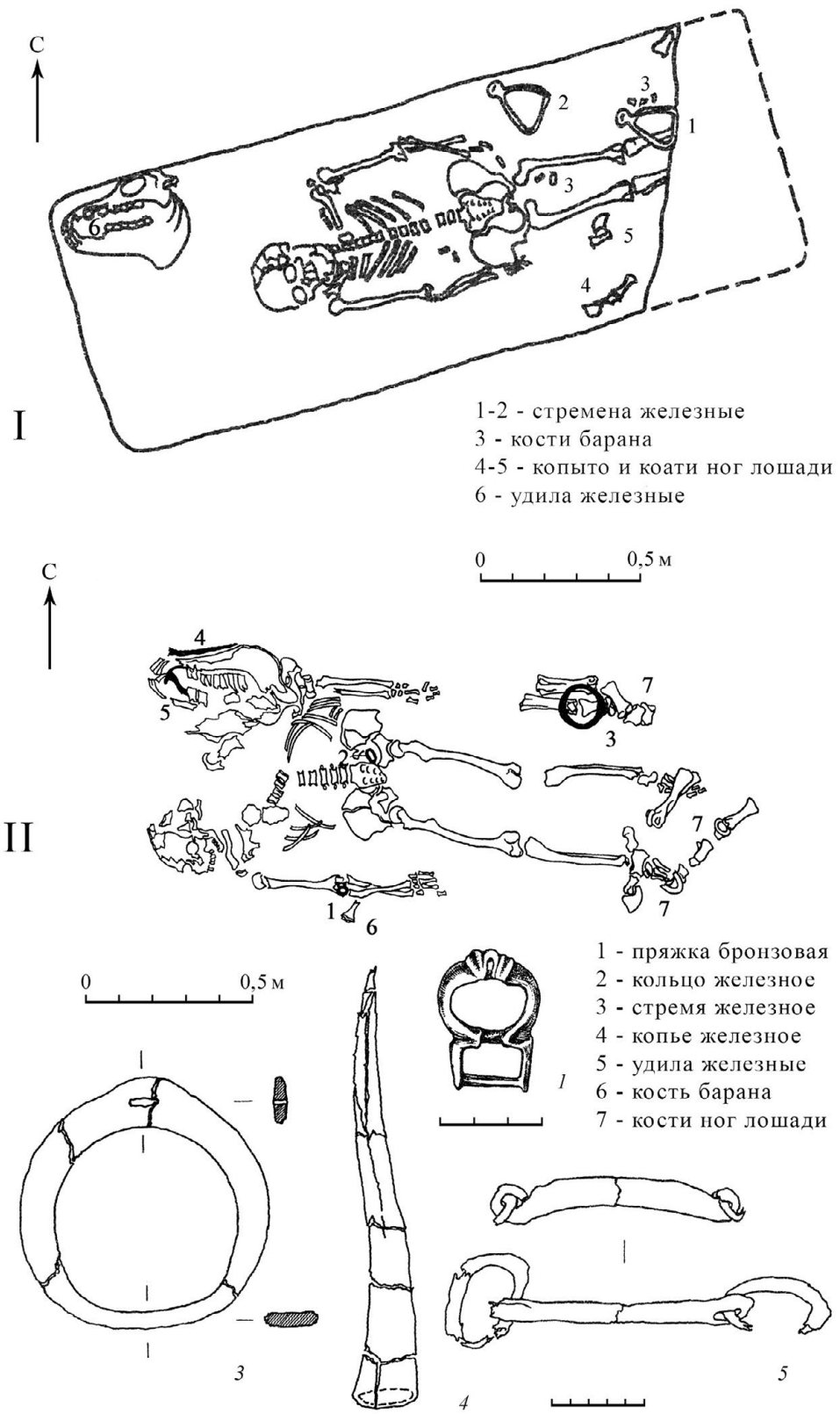


Рис. 3. Кочевнические погребения (по: *Атавин*, 2001. Рис. 1Б, 2–3): *I* – Бугазский (Артющенко 25), погр. 3 (1968 г.). План; *II* – Приазовский 1, погр. 1 (1982 г.). План, инвентарь

печенего-торческой эпохи (*Гарустович, Иванов*, 2001. С. 85. Рис. 18: *28–33*). Многочисленные аналоги им известны во всей Восточноевропейской степи. Согласно А. Н. Кирпичникову, 28 экземпляров подобных удил были найдены на памятниках X–XI вв., 2 экземпляра – на памятниках XI в. и два – на памятниках XII–XIII вв. (*Кирпичников*, 1973. С. 17–18).

Стремена типа ДIII (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 13. Рис. 1); V (*Кирпичников*, 1973. С. 44–45. Рис. 29: *V);* IV-1 (*Армарчук*, 2006. С. 22–23. Рис. 7: *1–3*), подобные им найдены в Саркеле, в погребении кургана 41, датируемом X – началом XI в. (*Плетнева*, 1990. Табл. 9. Рис. 23), а также в Кагарлыкской слободе в кургане 335, относящемся к XII в. (*Плетнева*, 1973. С. 22. Табл. 3. Рис. 7). По А. Н. Кирпичникову, такие стремена появились в X в. и существовали до XIII в., но никогда типологически не преобладали (*Кирпичников*, 1973. С. 48–49).

Наконечник копья, аналогичный рассматриваемому, также найден в Кагарлыкской слободе, в кургане 335 (*Плетнева*, 1973. С. 22. Табл. 3. Рис. 7). Это пики, распространенные в период с IX по XIII в. (*Гарустович, Иванов*, 2001. С. 88. Рис. 21: *3*): тип V (*Кирпичников*, 1966б. С. 15–17. Рис. 1. Табл. 4: *10–13*), тип 1 (*Крыганов*, 2012. С. 63. Рис. 28: *7–9*).

«Лировидная» пряжка по материалам могильника Саркела (насыпь 24/6, погр. 74) может быть отнесена к XI в. (*Артамонова*, 1963. С. 60, 79. Рис. 47: *6)*. По слоям Новгорода она датируется XI в. – 70–90 гг. XII в. (*Седова*, 1981. С. 144. Рис. 56: *1–2*).

Исходя из представленных данных, погребение 1 на поселении Приазовский 1 можно отнести к первой половине XI в.

Третье погребение было исследовано в 2014 г. в курганной группе 4962 могильника Старотитаровская, находившемся к востоку от ст. Старотитаровская (*Яцюк*, 2014. Л. 140–141. Ил. 610–622; 2017. С. 283–284. Рис. 1). В кургане 2 этой группы было совершено два погребения – эпохи бронзы и средневековое.

Погребение 2 (рис. 4) впускное, выявлено на вершине кургана (диаметр 24 × 16 м, высота 1,9 м), сильно разрушенного песчаным карьером, в самом его центре. В сером плотном вулканическом грунте, из которого был возведен курган, погребальная яма не прослеживалась. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на ЮЗЗ. Кисти рук вытянуты вдоль тела, ноги – параллельно друг другу. Череп покоился на затылочной кости.

По обеим сторонам от черепа, в области ушей, обнаружены две одинаковые золотые серьги (диаметр – 2,2 × 2,1 см, диаметр сечения – 0,25 см) (рис. 5: *1*).

Между костями левой руки и ребрами грудины лежала железная сабля (рис. 5: *2*), рукоять находилась на плечевых костях и обращена к голове, режущий край сабельной полосы обращен наружу. Клинок изогнут незначительно, перекрестье прямое, с ромбическим расширением в середине, острие обоюдоострое. Общая длина сабли – 89,4 см. Длина рукояти – 5 см, ширина – 2 см, толщина – 1,3 см. Длина клинка – 84,4 см, длина обоюдоострого конца – 12,7 см, ширина – 3,6 см, толщина – 1,4 см. Длина перекрестья – 5,8 см.

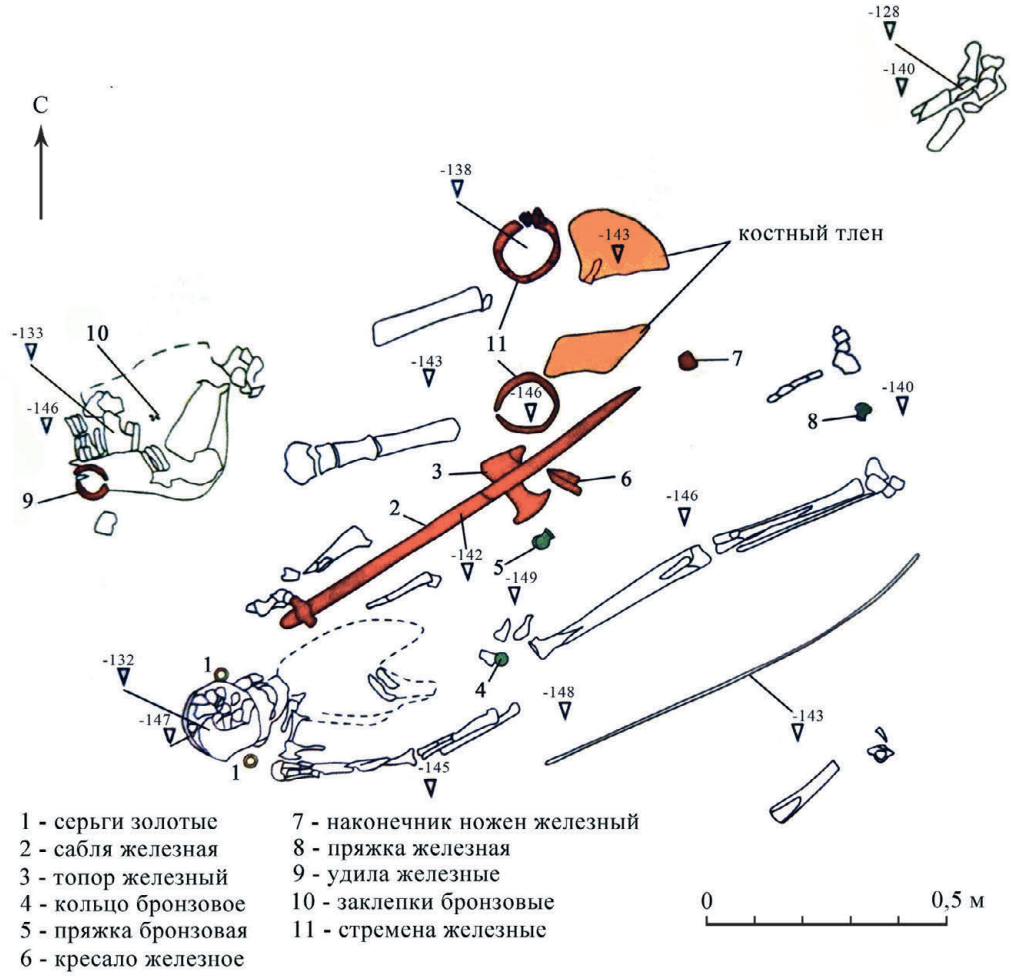
Вдоль сабли прослежен тлен от древесины – возможно, следы ножен, или же рукоять железного топора (рис. 5: *3*), который лежал здесь же, под саблей, топорищем в сторону ног, обухом к югу. Топор с выемкой и оттянутым лезвием, сужающимся книзу, обух выпуклый, с подовальными верхним и нижним выступами. Длина топора – 13,5 см, ширина лезвия – 8,5 см, толщина полотна – 3,3 см, ширина обуха – 3,3 см, диаметр проушного отверстия – 2 см. На поверхности топора прослежены остатки ткани.

Под топором был найден железный нож (рис. 5: *12*). Нож однолезвийный, полотно и спинка ровные, плавно сужаются к острию, сечение клиновидное, переход к рукояти резкий, под тупым углом, рукоять прямая, плавно сужается к концу, овальная в сечении. Общая длина – 13 см, длина полотна – 8 см, ширина – 1,9 см, толщина в спинке – 0,8 см, сечение рукояти – 1 × 0,5 см.

В районе правого крыла таза находилось бронзовое кольцо (рис. 5: *4*) (диаметр – 2,7 см, сечение – 0,35 × 0,25 см).

У обуха топора обнаружена бронзовая пряжка (рис. 5: *5*). Рамка подпрямоугольной формы с небольшими выступами на углах с одной стороны и полукруглая с наружной стороны, с небольшим выступом и прорезью по центру. Язычок отсутствует. Размеры – 2,8 × 2,5 см, сечение рамки – 0,5 × 0,3 см.

Там же, возле топора, найдено сильно фрагментированное железное кресало (рис. 5: *6*). С небольшим подтреугольным выступом на основании, сечение прямоугольное (1,8 × 1 см), один конец завернут в сторону выступа, плавно сужается, сечение квадратное (1 × 0,9 см),



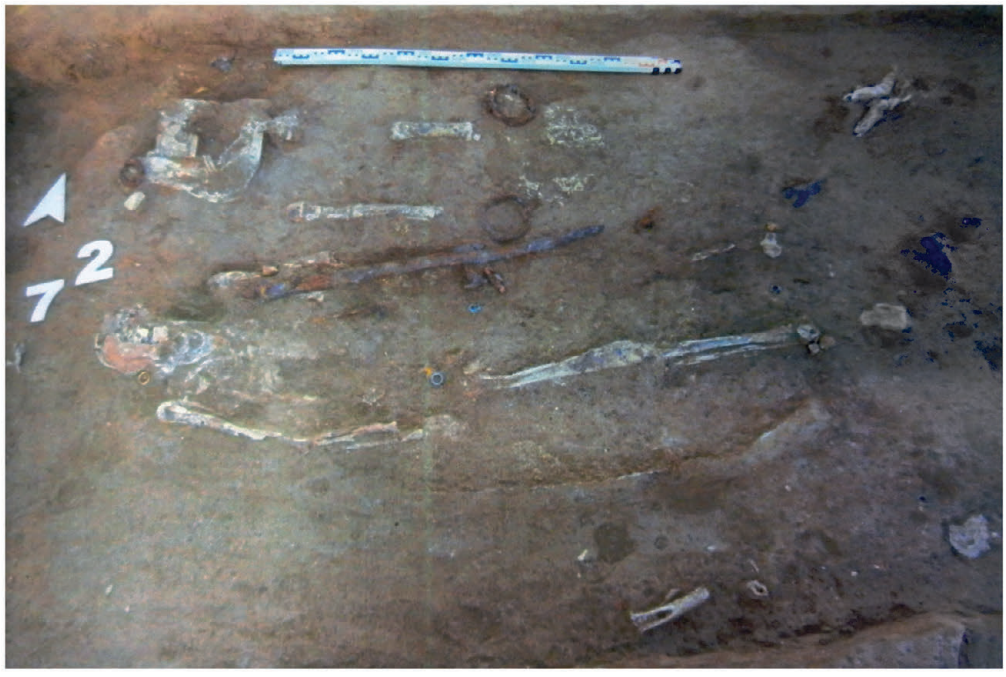


Рис. 4. Кочевническое погребение 2 кургана 2 курганной группы Старотитаровская 4962 (2014 г.). План. Фото, вид с юго-востока (по: *Яцюк*, 2017. Рис. 1: *1*)

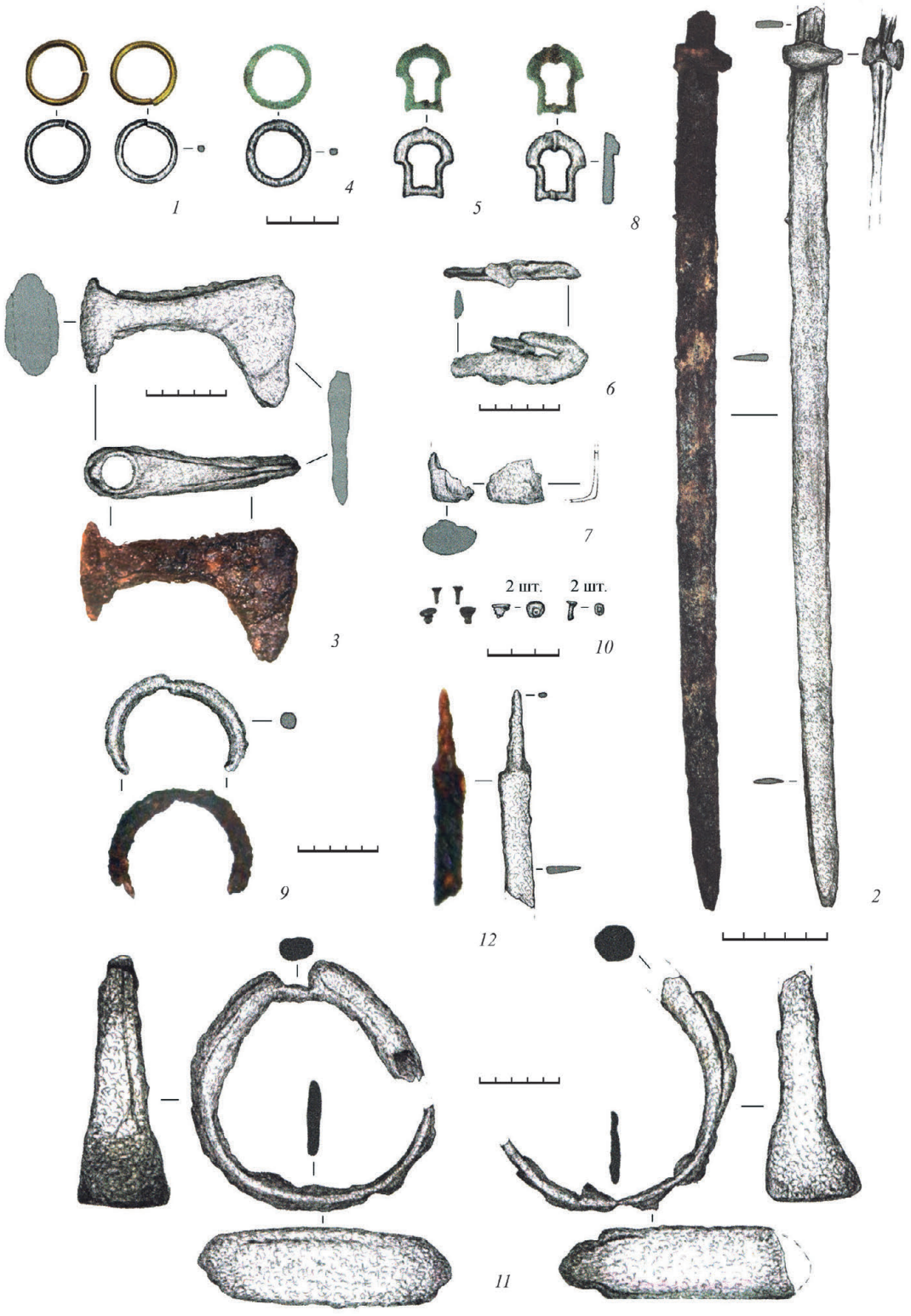


Рис. 5. Кочевническое погребение 2 кургана 2 курганной группы Старотитаровская 4962 (2014 г.). Инвентарь: *1* – серьги золотые; *2* – сабля железная; *3* – топор железный; *4* – кольцо бронзовое; *5, 8* – пряжки бронзовые; *6* – кресало железное; *7* – наконечник ножен сабли железный; *9* – удила железные; *10* – заклепки бронзовые; *11* – стремена железные; *12* – нож железный (по: *Яцюк*, 2017. Рис. 1: *II*)

другой конец обломан. Между подтреугольным выступом основания и сохранившимся концом кресала зажат кремень четырехугольной формы. Длина кресала – 8,5 см. Размеры кремня: 2,7 × 1,5 × 1,1 см.

У острия клинка сабли находился железный наконечник ножен (рис. 5: *7*) овально-цилиндрической формы, донце плоское. Длина – 3,5 см, ширина – 3,5 см, ширина стенки – 0,5 см.

Между стоп покойного обнаружена бронзовая пряжка (рис. 5: *8*), аналогичная по форме предыдущей. Рамка подпрямоугольной формы с небольшими выступами на углах с одной стороны и полукруглая с наружной стороны, с небольшим выступом и прорезью по центру. Язычок отсутствует, остатки ржавчины на месте его крепления позволяют полагать, что язычок был железный. Размеры – 2,8 × 2,5 см, сечение рамки – 0,5 × 0,35 см.

Справа от погребенного, вдоль него, прослежена тонкая полоска белого тлена, за ней выявлены фрагментированный кусок берцовой кости и позвонок (перемещены грызунами).

Слева от погребенного было помещено чучело лошади, состоящее из головы, метоподий передних и фрагментов задних ног. Чучело уложено на правую сторону, головой на запад. Передние ноги – параллельно друг другу, копытами в сторону головы. Кости задних ног выявлены на некотором удалении к северо-востоку. Лошадь была взнуздана железными удилами, от которых сохранилось лишь одно кольцо (рис. 5: *9*) (диаметр сохранившейся части – 8 см, диаметр сечения – 1,3 см).

На нижней челюсти лошади зафиксированы окислы бронзы, вероятно, остатки элементов упряжи, к которой относится пара бронзовых заклепок (рис. 5: *10*), обнаруженных внутри черепа. Шляпки заклепок плоские, ровные; ножки в сечении округлые, к шляпке плавно утолщаются. Длина от 1 до 0,6 см, диаметр шляпок от 0,9 до 0,5 см, сечение ножек от 0,3 до 0,15 см.

По центру чучела прослежено пятно тлена белого цвета – остатки шкуры. Здесь же находились два железных стремени (рис. 5: *11*). Стремена с заостренной дужкой, вверху дужки – щелевидное отверстие для путилища. Подножка выгнута, почти в половину высоты стремени. Первое стремя: высота – 14,5 см, ширина – 14,3 см, ширина путилищного отверстия – 1,2 см, ширина подножки – 4,7 см. Второе стремя: ширина подножки – 4,5 см.

Погребение относится к типу БII (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 124, 134, 142). Комплексы этого типа связываются с печенегами (*Гарустович, Иванов*, 2001. Табл. 3. Рис. 16; *Плетнева*, 2003б. С. 123–124. Рис. 44). Отчленение ног лошади по пястные суставы (тип II-5) указывает на принадлежность данного погребения печенего-огузскому времени – X–XI вв. (*Атавин*, 1984. С. 137, 139. Рис. 2. Табл. 2).

Сабля типа $К_1У_2П_1Д_1Ш_2$, наклон стержня рукояти типа I, перекрестие типа II-3, наконечник ножен типа I-2 (*Евглевский, Потемкина*, 2000а. С. 125, 133. Рис. 2, 4, 6. Табл. 1, 8), анализ признаков позволяет отнести ее к первой половине XI в. (см.: *Кирпичников*, 1966а. С. 68). Положение сабли в погребении – слева, рукоятью на плече, распространено в степи (учтено 16 комплексов) (*Евглевский*, 2002. С. 295. Рис. 2: *17*).

Топор с широколопастным лезвием занимает промежуточное положение между IV и V типами «бородовидных» топоров (имеющих западно- или североевропейское происхождение и широко распространенных на территории Киевской Руси) и может быть датирован XI–XIII вв. (*Кирпичников*, 1966б. Рис. 6. Табл. XIII: *4–6*). Такую же дату имеют аналогичные топоры из Волжской Булгарии (*Измайлов*, 1997. С. 94. Тип ДIII. Рис. 44).

Железные стремена, как и в погребении 1 Приазовский 1, относятся к типу ДIII (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 13. Рис. 1); V (*Кирпичников*, 1973. С. 44–45. Рис. 29: *V);* IV-1 (*Армарчук*, 2006. С. 22–23. Рис. 7: *1–3*).

Две бронзовые «лировидные» пряжки (ср.: *Гарустович, Иванов*, 2001. С. 88. Рис. 24: *19, 21*) имеют аналогии в комплексах Саркела, где время бытования подобных пряжек (тип AI) ограничено X–XI вв. (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 42, 44. Рис. 7), в том числе по могильнику Саркела (насыпь 17/10, погр. 46) (*Артамонова*, 1963. С. 60, 79. Рис. 47: *10, 60)*. По материалам Новгорода дата этих пряжек устанавливается в границах XI в. – 70–90 гг. XII в. (*Седова*, 1981. С. 144. Рис. 56: *3*).

Кресало калачевидное, типа I-1 (*Евглевский, Потемкина*, 2000б. С. 183. Рис. 1: *6*, 6), имеет широкую датировку: от первой половины X в. до второй половины XIV в.

Таким образом, погребение 2 кургана 2 курганной группы Старотитаровская 4962 датируется в пределах первой половины XI в.

Появление рассмотренных кочевнических погребений, суммарно датируемых концом X –

первой половиной XI в., может быть связано с вовлечением таманских островов в это время в орбиту влияния древнерусского государства и с появлением в Матархе–Тмутаракани князя Мстислава Владимировича, первоначально выступавшего в качестве наместника (*Чхаидзе*, 2018а. С. 337–338). Известно, что во время похода в 1023 г. на Русь, против брата Ярослава, в войске Мстислава находились «козары» и «касогы» (Повесть временных лет. С. 64), возможно, в его состав входили и представители печенего-огузских кочевых групп.

ЛИТЕРАТУРА

Армарчук Е. А., 2006. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: Таус. 227 с.

Артамонова О. А., 1963. Могильник Саркела–Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. С. 9–215. (МИА; № 109.)

Атавин А. Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. № 1. С. 134–143.

Атавин А. Г., 2001. Средневековые кочевнические погребения с чучелами коней на Таманском полуострове // Археология восточно-европейской лесостепи. Вып. 15. Средневековые древности евразийских степей. Воронеж: ВГУ. С. 162–166.

Атавин А. Г., 2008. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны Юга России в конце IX – первой половине XIII в. (печенеги, торки, половцы) // Древности Юга России. Памяти А. Г. Атавина / Отв. ред. Г. Е. Афанасьев. М.: Таус. С. 71–105.

Гаврилина Л. М., 1987. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X–XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста: Калмыцкий НИИ ИФЭ. С. 54–68.

Гаврилина Л. М., 1993. Бляхи-решмы у кочевников Восточной Европы X–XI веков // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара: Артефакт. С. 77–85.

Гавритухин И. О., Паромов Я. М., 2003. Ильичевское городище и поселения его округи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология. М.: Наука. С. 152–157.

Гарустович Г. Н., Иванов В. А., 2001. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа: Гилем. 212 с.

Доконт Н. Г., 1978. Кочевническое погребение XI в. у с. Мирное // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка. С. 193–196.

Дончева-Петкова Л., 2005. Одърци. Некрополи от XI век. Т. 2. София: Изд. Марин Дринов. 469 с.

Евглевский А. В., 2002. Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде (по материалам кочевников Восточной Европы 2-й пол. IX – XIV в.) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1. Донецк: Донецкий гос. ун-т. С. 291–336.

Евглевский А. В., Потемкина Т. М., 2000а. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк: Донецкий гос. ун-т. С. 117–179.

Евглевский А. В., Потемкина Т. М., 2000б. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк: Донецкий гос. ун-т. С. 181–208.

Измайлов И. Л., 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань; Магадан: СВНЦ ДВО РАН. 212 с.

Кирпичников А. Н., 1966а. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. Л.: Наука. 109 с. (САИ; Вып. Е1-36.)

Кирпичников А. Н., 1966б. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. Л.: Наука. 147 с. (САИ; Вып. Е1-36.)

Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 140 с. (САИ; Вып. Е1-36.)

Комар А. В., 2018. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest: Nyomda: Pauker Nyomdaipari Kft. 424 с.

Коровина А. К., Финогенова С. И., Богословский О. В. Отчет о раскопках Тмутаракани–Гермонассы за 1987 г. // Архив ИА РАН. 1987. Р-1. № 12421.

Кригер В. А., 1993. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара: Артефакт. С. 137–144.

Крыганов А. В., 2012. Военное дело кочевников Северного Причерноморья конца IV – начала XIII в. Сумы: Вінниченко. 232 с.

Кубышев А. И., Орлов Р. С., 1982. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. № 1. С. 238–246.

Могильников В. А., 2002. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука. 362 с.

Николаева Э. Я. Отчет о работе Ильичевского отряда Таманской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА РАН. 1976. Р-1. № 6382.

Николаева Э. Я., 1977. Раскопки Ильичевского городища // АО 1976 года. М.: Наука. С. 114–115.

Орлов Р. С., 1984. Північнопричорноморський центр художньої металообробки у X–XI ст. // Археологія. 47. Київ: Наукова думка. С. 24–44.

Паромов Я. М., 2001. Топография античных и средневековых поселений Таманского полуострова // Археология восточно-европейской лесостепи. Вып. 15. Средневековые древности евразийских степей. Воронеж: ВГУ. С. 41–54.

Плетнева С. А., 1973. Древности Черных Клобуков. М.: Наука. 96 с. (САИ; Вып. Е1-19.)

Плетнева С. А., 1990. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела – Белой Вежи). М.: ИА РАН. 103 с.

Плетнева С. А., 2001. Кочевники в Таматархе // РА. № 2. С. 97–107.

Плетнева С. А., 2003а. Таматарха–Тмутаракань / Города Таманского полуострова в конце VIII – XII в. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М.: Наука. С. 171–179.

Плетнева С. А., 2003б. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века. Воронеж: ВГУ. 248 с.

Повесть временных лет / Подг. текста, перевод статьи и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1996. 669 с.

Попов П. В., 2012. К вопросу об этнокультурных составляющих материальной культуры огузов и печенегов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 9. Хазарское время. Донецк: Донецкий гос. ун-т. С. 381–408.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.

Сокольский Н. И. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1968 году // Архив ИА РАН. 1968. Р-1. № 3710.

Сорокина И. А., 1986. Курганный могильник Греки IV в степном Прикубанье // КСИА. Вып. 188. С. 114–122.

Сорокина Н. П., 1969. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции Государственного исторического музея. М.: ГИМ. С. 124–130А.

Станко В. Н., 1960. Детское захоронение кочевника XI в. возле с. Тузлы // Записки Одесского археологического общества. Т. I (34). Одесса: Одесское книжное изд-во. С. 281–284.

Толочко П. П., 1999. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев: Абрис. 200 с.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ. 275 с.

Чхаидзе В. Н., 2005. Протоболгары на Таманском полуострове? // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. VI Боспорские чтения. Керчь: БФ Деметра. С. 356–361.

Чхаидзе В. Н., 2007. К вопросу о появлении половцев на Таманском полуострове // Археологический журнал. № 1. Армавир: ЦАИ АГПУ. С. 66–69.

Чхаидзе В. Н., 2011. Раннесредневековые кочевнические погребения из Восточного Приазовья // МИАСК. Вып. 12. Армавир: ЦАИ АГПУ. С. 115–140.

Чхаидзе В. Н., 2018а. Матарха–Тмутаракань – между Византией и Русью: проблемы политико-административного статуса // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: мат-лы конф. М.: ИВИ РАН. С. 337–342.

Чхаидзе В. Н., 2018б. Средневековое поселение на городище Ильич // МИАСК. Вып. 16. Армавир; Краснодар: Наследие Кубани. С. 81–104.

Яцюк Д. А. Отчет об итогах проведения археологических полевых работ на памятниках археологии курганных могильников № 4960, 4960Б, 4962 и кургана № 4961 в Темрюкском районе Краснодарского края в 2014 г. // Архив ИА РАН. 2014. Р-1. №№ 52310–52314.

Яцюк Д. А., 2017. Об одном кочевническом комплексе из раскопок кургана у ст. Старотитаровская на Тамани // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье. Краснодар: КГИАМЗ. С. 283–285.

Barnea I., 1967. Podoabe de metal // Dinogetia. I. Aşezarea feudală timpurie de la Bisericuţa-Garvăn. Bukureşti: Academiei România. P. 277–302.

Erdélyi I., 1977. Les ancienes Hongrois ont-ils été dans la région du Kouban? // Les ancienes Hongrois et les ethnies voisines à l'Est. Budapest: Académiai Kiadó. P. 249–252.

V. N. Chkhaidze, I. A. Druzhinina

PECHENEG-OGUZ ANTIQUITIES OF THE TAMAN PENINSULA

Summary. Three nomadic burials discovered on the territory of the Taman Peninsula, as well as two bronze headplates (details of a horse harness) that were dated to the 10th – 11th centuries and belong to the circle of the Pecheneg-Oguz antiquities are considered and generalized in the paper.

Keywords: Taman Peninsula, medieval nomads, Pechenegs, Oguzes, Thorks, funeral rites, stuffed horses, overlays.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.284-297

В. Н. Чхаидзе
Институт археологии РАН, Москва
Институт востоковедения РАН, Москва

ПОВОЗКИ В ПОГРЕБЕНИЯХ КОЧЕВНИКОВ XII–XIV ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ

Резюме. В работе рассмотрено 45 погребений кочевников XII–XIV вв. на территории Восточно-Европейской равнины, в которых были выявлены повозки или их детали. Приведено описание каждого комплекса. Приводятся суммарные данные по датировке погребений, их типу и полу погребенных. Рассматривается место кочевнических повозок в погребальной обрядности. Констатируется, что практика помещения в могилы повозок и их частей не была оставлена в связи с монгольским нашествием и носила надэтнический характер на всем протяжении XII–XIV вв. Эту практику возможно увязывать с кочевым жизненным укладом различных этнических групп, населявших восточноевропейские степи.

Ключевые слова: Восточно-Европейская равнина, средневековые кочевники, погребальный обряд, повозки, чучела лошадей, половцы, Золотая Орда.

В изучении средневековой культуры кочевых обществ Восточно-Европейской равнины ключевую роль играет выявление и детальное рассмотрение хронологически значимых комплексов и отдельных категорий находок в них. Среди более чем полутора тысяч захоронений кочевников XII–XIV вв., известных на этой территории, выделяются крайне немногочисленные погребения (см.: *Атавин*, 2008. С. 93), в которых встречаются повозки или кибитки (разобранные или сломанные ритуально), хорошо известные по письменным источникам и древнерусским миниатюрам (*Зяблин*, 1955. С. 91; *Плетнева*, 1958. С. 203; *Федоров-Давыдов*, 1966. С. 92, 130–131; *Болдин*, 1976. С. 27)[1].

К настоящему времени на территории семи регионов Восточно-Европейской равнины (Поднепровье, Крымский полуостров, Подонцовье, Подонье, Прикубанье, междуречье Волги и Маныча, Поволжье) уже известно 45 кочевнических погребений XII–XIV вв., содержащих повозки или их детали (рис. 1; номера в тексте соответствуют номерам на карте) (см.: *Чхаидзе*, 2020. С. 134. Рис. 1).

В курганах *Поднепровья* открыто 6 повозок (по этим материалам проведена реконструкция их внешнего вида (рис. 2: *1–2*)):

1. Чапаевка – 1/3 (1990 г. Днепропетровская обл., Широковский р-н.). Впускное женское погребение типа AI[2], совершенное в решетчатом гробу (кузов повозки). Поверх погребенной лежали детали разобранной повозки и (вместо чучела лошади) часть туши быка или вола (ср.: *Атавин*, 1984. С. 135). Ступица колеса цилиндрической формы находилась над ногами погребенной (по-видимому, изначально колесо было установлено вертикально). Инвентарь погребения: деревянные детали от головного убора, медная посеребренная серьга, деревянный двухчастный гребень, нож, деревянные ножны и чаша (*Шалобудов*, 1992. С. 114–118. Рис. 1–2; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 198, 201–203. № 16. Рис. 2, 4: *1*, 5: *2*).

2. Мамай-Гора – 43/2 (1990 г. Запорожская обл., Каменско-Днепровский р-н). Впускное по-

[1] Автор признателен В. Н. Шалобудову (Днепропетровск) и А. В. Евглевскому (Донецк) за оказанную помощь (иллюстративный материал, литература) при работе над этой темой.

[2] Здесь и далее классификация приводится по Г. А. Федорову-Давыдову (1966. С. 124–128).

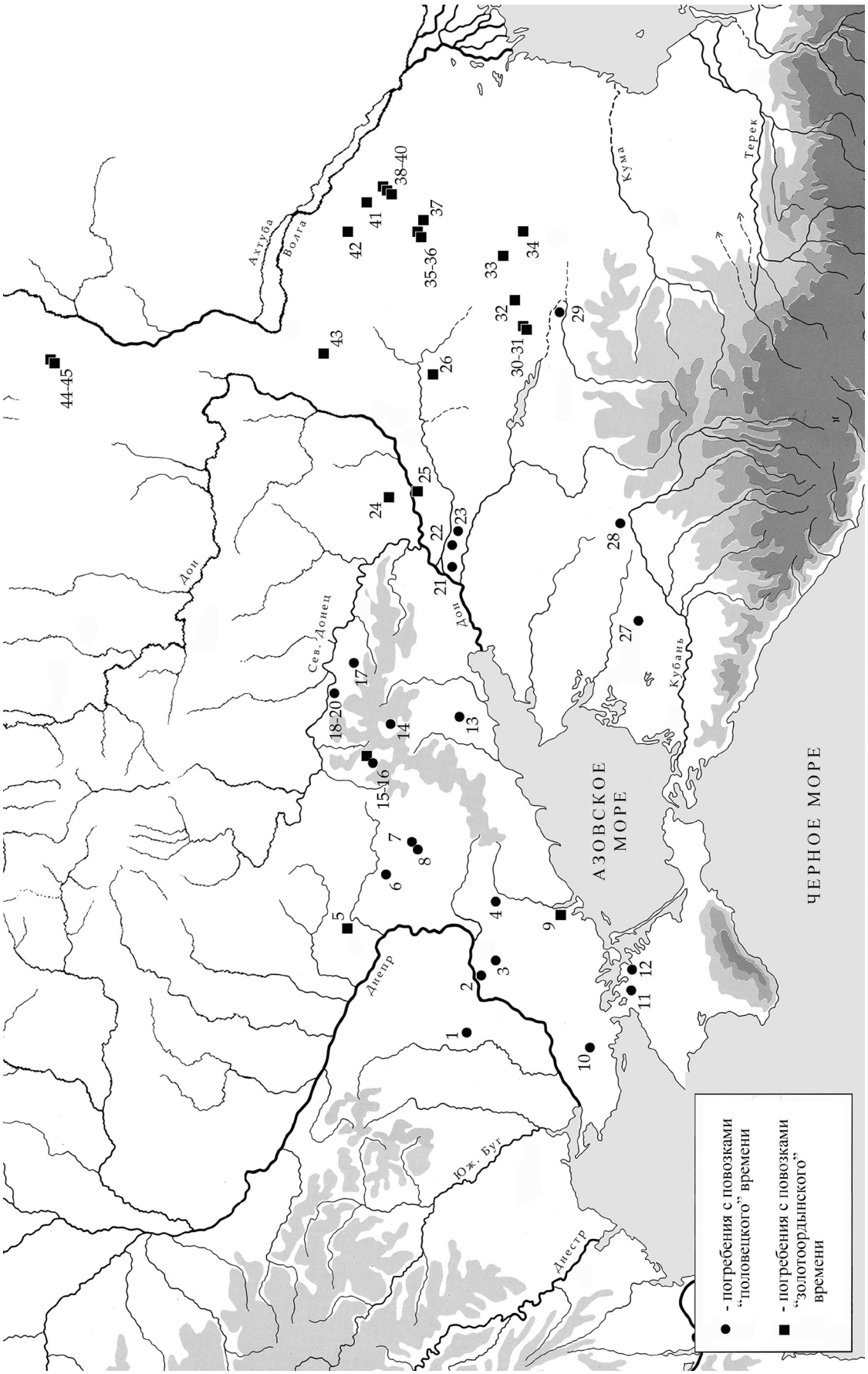

Ахтуба
Волга
Дон
Сев. Донец
Дон
Днепр
Южн. Буг
Днестр
Кума
Терек
Кубань
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
- погребения с повозками "половецкого" времени
- погребения с повозками "золотоордынского" времени

Рис. 1. Находки повозок в погребениях кочевников XII–XIV вв.: *1* – Чапаевка – 1/3 (1990); *2* – Мамай-Гора – 43/2 (1990); *3* – Большая Белозерка – 11/2 (1975); *4* – Виноградное – 30/3 (1985); *5* – Афанасьевка – 7/1 (1903); *6* – Павлоград I – 7/1 (1989); *7* – Большемихайловка I – 5/2 (1984); *8* – Большемихайловка II – 1/2 (1983); *9* – Радивоновка – 3/1 (1982); *10* – Мирное – 2/4 (1992); *11* – Богачевка – 10/1 (1978); *12* – Мартыновка – 3/3 (1964); *13* – Самойлово – 2/2 (1981); *14* – Пески – 2/1 (1888); *15–16* – Попов Яр 2 – 3/3, 5/3 (2011); *17* – Луганск – 2 (1926); *18–20* – Пришиб – 2/2, 2/12, 2/33 (1978); *21* – Ажиновский III – 1/10 (1976); *22* – Балабинский I – 25/4 (1976); *23* – Сагванский I – 10/1 (1978); *24* – Центральный IV – 3/1 (1976); *25* – Рябичев – 7/1 (2006); *26* – Харинка – 18/1 (1976); *27* – Ладожская – 22/1 (1902); *28* – Темижбекская – 4/6 (1979); *29* – Дамба-Калаус 2 – 3/2 (2002); *30–31* – Три Брата I – 12/1 (1934), 14/1 (1935); *32* – Гашунский – 2/1 (1971); *33* – Белая Гора (Станция 8) – 2/1 (1929); *34* – Волга-Чограй 37 – 2/1 (1988); *35–36* – Иджил 3 – 1/1, 2/1 (1991); *37* – Иджил Северный – 1/1(1992); *38–40* – Адрг – 8/1, 10/1, 11/1 (1978); *41* – Джангар – 29/1 (1980); *42* – Большой Царын I – 1/1 (1977); *43* – Абганерово III – 1/1 (1984); *44–45* – Нижняя Добринка – 1/1, 1/2 (1997)

гребение типа AI (?) женщины 30–35 лет, совершенное в решетчатом гробу. В качестве перекрытия могилы использованы детали повозки и два колеса, первоначально уложенных вертикально на перекрытии, над верхней частью туловища и над ногами погребенной. Инвентарь: фрагменты очелья – полукруглые бронзовые пластины, плакированные серебряной фольгой, две височные позолоченные серьги с биконической гладкой нанизкой, три подвески из лазурита, биметаллический браслет, бусины из стеклопасты, бронзовая пряжка, нож, костяные обкладки луки седла, стремя, односоставные удила (*Каприцын*, 1993. Рис. 1: *2–14*; *Андрух*, 2001. С. 6–10. Рис. 3: *2–10*, 4, 93; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 198, 202–203. № 9. Рис. 4: *2*).

3. Большая Белозерка – 11/2 (1975 г. Великобелозёрский р-н). Впускное женское погребение (тип отсутствует в классификации), в решетчатом гробу. Погребенная уложена головой на запад в подбое с южной стороны могилы. Поверх перекрытия из деревянных плах и камыша, на уступе у северной стенки лежали два деревянных колеса, детали повозки и чучело лошади. Инвентарь: золотая монета Мануила I Комнина (1143–1180), серебряные гривна, височные кольца и серьги, костяной гребень, шиферное пряслице, стремена и удила (*Болтрик и др.*, 1976. С. 307; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 202–203. № 4).

4. Виноградное – 30/3 (1985 г. Токмакский р-н). Впускное мужское погребение типа BIV. Чучело лошади типа II-5[3]. Перекрытие могилы составляли детали повозки и два колеса (изготовлены из ивы, дуба, граба, сосны, ясеня), уложенных плашмя на перекрытии, над верхней частью туловища и над ногами погребенного. Погребение совершено в выдолбленной колоде. Погребенный был одет в шелковый кафтан и кожаные поножи. Инвентарь: сабля в деревянных ножнах, серебряная гривна, детали пояса (медные и железные пряжки), деревянные лук и колчан, костяная петля к нему и железные наконечники стрел, медный котел, лепной сосуд, деревянные тарелка, миска и черпак, пряжки, костяная ворворка, стремена, удила, деревянное седло (*Рассамакин*, 2000. С. 95–102; 2003. С. 207–216, 226–227. Рис. 1–13; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 198, 202–203. № 7).

5. Афанасьевка – 7/1 (1903 г. Днепропетровская обл., Новомосковский р-н). Основное женское погребение типа AIV, совершенное в решетчатом гробу. Двухколесная повозка с железными шипами на ободе, металлическими деталями крепления кузова и костяными украшениями с резьбой (единственная в своем роде), окрашенная ярко-розовой краской, уложена боком вниз. Инвентарь: два дирхема хана Джанибека (1341–1357), остатки бокки и золототканого парчового халата, золотые подвески и перстень, жемчужные бусы, два серебряных эмалевых агафа, серебряные ковш (с инкрустацией и ручкой в виде головы льва), ложка, гривна, бляшки и две серьги в виде знака вопроса, бронзовые кувшин и зеркало с куфической надписью (Сведения…, 1903. С. 63–64; *Эварницкий*, 1907. С. 115–117, 123–126. Рис. 2–6; *Зяблин*, 1955. С. 91; *Плетнева*, 1958. С. 203; *Федоров-Давыдов*, 1966. С. 131, 259. № 594; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 194,

[3] Здесь и далее классификация приводится по А. Г. Атавину (1984. С. 134–141. Рис. 1–3).

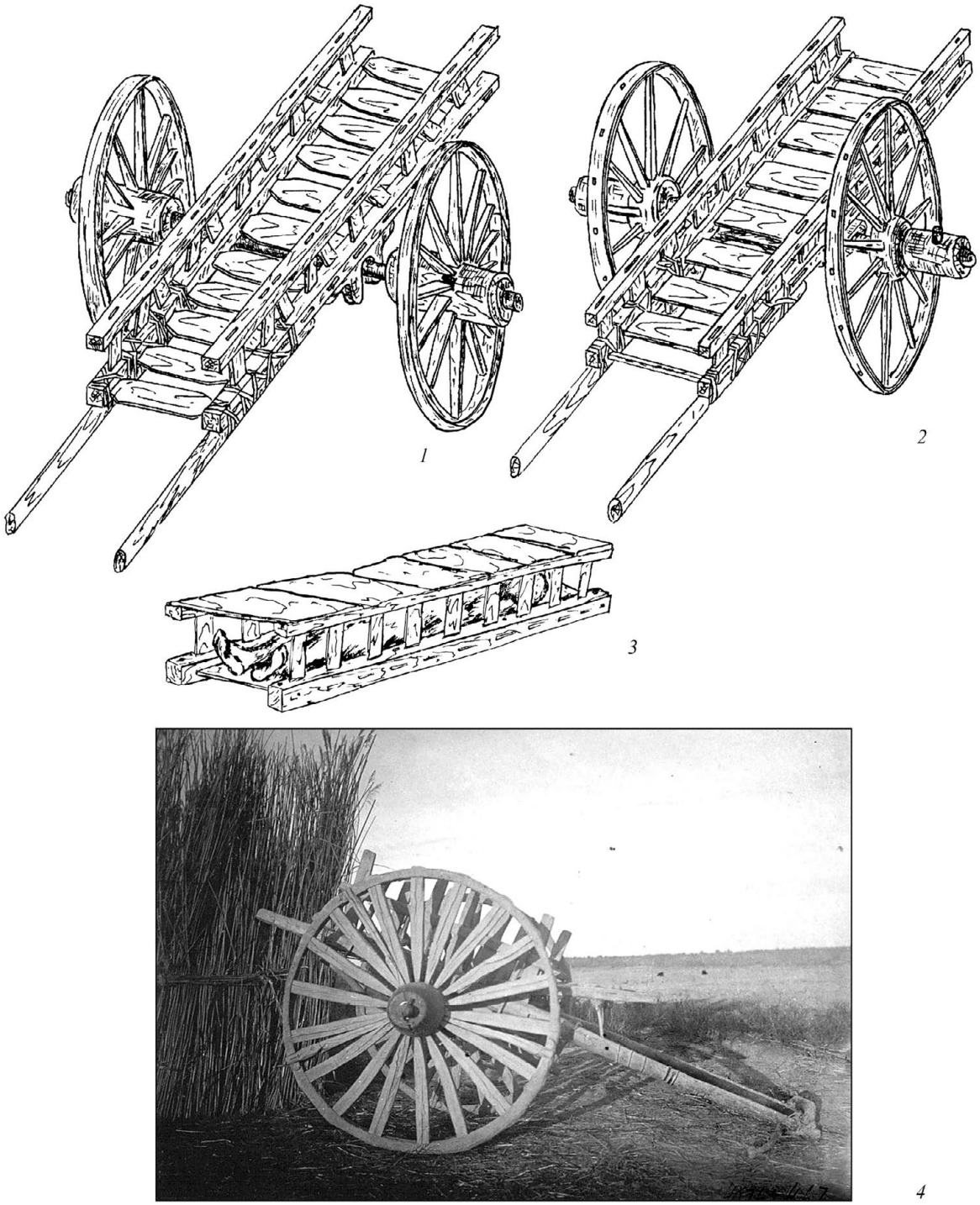


Рис. 2. Реконструкция повозок в погребениях кочевников (XII–XIII вв.):
1 – Чапаевка – 1/3; *2* – Большемихайловка II – 1/2 (по: *Шалобудов, Лесничий*, 2003. Рис. 5: *1–2*).
Реконструкция решетчатого гробовища (XII–XIII вв.): *3* – Мамай-Гора – 43/2 (по: *Каприцын*, 1993. Рис. 1: *14*).
4 – Повозка в быту каракалпаков (20-е гг. XX в.)

202–203. № 1; *Яворская*, 2013. С. 139; *Чхаидзе*, 2017. С. 285. № 26. Рис. 2: *3*).

6. Павлоград I – 7/1 (1989 г. Павлоградский р-н). Впускное погребение молодого мужчины типа ГIII, совершенное в решетчатом гробу (в южном подбое). Чучело лошади типа III-7. Стенки и дно повозки закрывали вход в подбой. Колеса поставлены рядом, между ними сохранились остатки соединительной оси. Инвентарь: сабля, серебряная гривна, железная рукоять плети, кресало, кольцо, стремена, удила (*Шалобудов*, 1990. С. 116–117. Рис. 3, 5–12; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 201–203. № 10. Рис. 1: *3*).

7. Большемихайловка I – 5/2 (1984 г. Покровский р-н). Впускное, частично ограбленное погребение пожилой женщины в подбое (тип отсутствует в классификации), уложенной в решетчатом гробу головой на восток, к югу на уступе – костяк лошади, уложенной головой на запад. Вход в подбой закрывали два колеса, установленные вертикально. Инвентарь: браслет из тонкой серебряной проволоки с половинкой золотой монеты в виде подвески – скифатной трахеи Мануила I Комнина (1143–1180), выпуска 1160–1183 гг., нож, крепление колчана, подпружные пряжки, стремена, удила (*Шалобудов, Яремака*, 1985. С. 147–149. Рис. 3: *1–9*; *Ковалева*, 1987. С. 339; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 198, 202–203. № 5. Рис. 3: *2*; *Чхаидзе*, 2019. С. 358–359. Рис. 3).

8. Большемихайловка II – 1/2 (1983 г.). Впускное мужское погребение типа БIII, совершенное в решетчатом гробу. Чучело лошади типа III-7. Вплотную к ступеньке, почти вертикально поставлены два колеса. Инвентарь: серебряная серьга, два железных кольца и портупейная пряжка, костяная накладка на лук, берестяной колчан с костяными петлями и железный наконечник стрелы, нож, кресало с кремнем, два копья, подпружные кольцо и пряжки, костяная застежка, стремена, удила (*Шалобудов, Яремака*, 1985. С. 143–147. Рис. 2; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 198, 201–203. № 6. Рис. 1: *1–2*, 3: *1*, 5: *1*).

9. Радивоновка – 3/1 (1982 г. Запорожская обл., Акимовский р-н). Основное мужское погребение, совершенное в решетчатом гробу, в яме с заплечиками (тип Г – отсутствует в классификации). Погребенный уложен головой на северо-восток. Погребение перекрыто деталями повозки и двумя колесами. Погребенный был одет в шелковый кафтан, обут в кожаные сапоги. Инвентарь: шелковый кошелек с 32 медными монетами Золотой Орды (еще 4 монеты в кафтане, 3 – в правом рукаве, 2 – за голенищем сапога) 40-х гг. XIV в. (чекан Крыма), серебряная серьга, фрагменты головного убора, мешочек с кресалом, кольчуга, сабля, железная булава на длинной деревянной рукояти, боевой нож, лук, железные пряжки и кольца от налучья, берестяной колчан с железными деталями и семью наконечниками стрел, два медных чашевидных сосуда, красноглиняный кувшин, подпружные пряжки, стремена, удила (*Куприй*, 1990. С. 143–144; *Толочко*, 1999. С. 191–192. Рис. 44; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 202–203. № 12).

10. Мирное – 2/4 (1992 г. Херсонская обл., Алёшковский р-н). Впускное женское погребение типа БXVI. Вход в подбой был перекрыт разобранной повозкой (дерево – вяз, дуб). Два колеса лежали вертикально одно на другом в восточной части перекрытия. На погребенной были надеты кожаные сапоги. Инвентарь: два серебряных с позолотой фалара, костяная рукоять плети, бронзовое зеркало, бронзовые браслет и пуговица, нож, керамическое пряслице, две костяные ворворки, бронзовый котел, глиняный горшок, костяные накладки на седло, деревянный наносник для лошади, три подпружные пряжки, кольца, одно стремя, удила (*Даниленко, Полякова*, 2010. С. 403–411. Рис. 4–12).

Крым (2 находки):

11. Богачевка – 10/1 (1978 г., Красноперекопский р-н). Впускное женское погребение (тип отсутствует в классификации) в широкой яме, головой на восток, к северу, на ступеньке чучело лошади типа III-7, головой на восток. Погребение совершено в решетчатом гробу, поверх которого уложены два деревянных колеса (одно разломано на две части) частично на ступеньке, но в основном поверх перекрытия. Часть ступицы со спицами одного колеса в наклонном положении лежала под правой рукой погребенной. Вторая часть ступицы этого колеса и ступица второго колеса находились в области ног. Инвентарь: бронзовые серьги и подвески, янтарные бусы, ворворка, стрела скифского времени, используемая как амулет, седло с костяными накладками, одно стремя, удила (*Генинг, Корпусова*, 1989. С. 15–16. Рис. 26; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 202–203. № 3).

12. Мартыновка – 3/3 (1964 г., Джанкойский р-н). Впускное мужское погребение типа БXVI. Над скелетом погребенного (у головы и в но-

гах) параллельно друг другу (под прямым углом к ступеньке могилы) находились ступицы двух деревянных колес. На широкой части каждой ступицы сохранились прорезы с остатками деревянных спиц. На уровне ступиц поперек грудной клетки погребенного находилась деревянная плаха. Инвентарь: сабля, глиняный горшок, костяные накладки на лук, наконечник стрелы, стремена, удила (*Щепинский, Черепанова*, 1969. С. 271–272. Рис. 104–105).

Подонцовье (8 находок):

13. Самойлово – 2/2 (1981 г. Донецкая респ., Новоазовский р-н). Впускное мужское погребение типа ГІ в решетчатом гробу. Чучело лошади типа III-7. Два колеса находились под чучелом, будучи уложенными одно на другое, вертикально над верхней частью туловища погребенного. На погребенного была надета рубашка, на нее – шелковый халат и парчовый пояс, поверх халата – кольчуга. Инвентарь: шлем, сабля, берестяной колчан и 9 наконечников стрел, железная пуговица, нож и кресало, костяная ворворка, красноглиняный кувшин, сбруйная пряжка (*Швецов*, 2004. С. 244, 246. Рис. 7–9; *Кравченко*, 2015. С. 423. Рис. 13).

14. Пески – 2/1 (1888 г. Ясиноватский р-н). Впускное погребение мужчины типа БІІІ, совершенное в кузове повозки (решетчатый гроб?). Два колеса, оббитые железом, были прислонены к черепу лошади. Погребенный был одет в парчовый халат. Инвентарь: сабля, серебряные гривна (свернута) и кольцо, наконечник стрелы, пряжки, нож с деревянной рукоятью, бусина, две костяные ворворки, стремена, удила (*Спицын*, 1896. С. 45–46; *Зяблин*, 1955. С. 91; *Федоров-Давыдов*, 1966. С. 131, 257. № 462; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 202–203. № 11).

15. Попов Яр 2 – 3/3 (2011 г. Константиновский р-н). Впускное погребение мужчины типа БVI, совершенное в решетчатом гробу. Чучело лошади типа III-7. Остатки колеса были зафиксированы под костями лошади, в восточной части. Инвентарь: сабля, накладки на лук, остатки колчана с костяными пластинами, три наконечника стрелы, остатки одежды и украшений из тонкой золотой фольги, удила, два стремени, остатки седла, подпружные пряжки (*Полидович и др.*, 2013. С. 54–58. Рис. 32–38; *Кравченко*, 2015. С. 423. Рис. 41: *3*).

16. Попов Яр 2 – 5/3. Впускное погребение женщины типа AVI, совершенное в решетчатом гробу. Подбой был перекрыт поперечными досками, под которыми, в западной части, вход в камеру перекрывало колесо. Инвентарь: железная витая шейная гривна, серебряные массивное кольцо и височная подвеска, бронзовая серьга в виде знака вопроса (*Полидович и др.*, 2013. С. 69–70. Рис. 59–63; *Кравченко*, 2015. С. 423. Рис. 41: *2*).

17. Луганск – 2 (1926 г. Луганская респ., Луганский р-н). Впускное погребение женщины в гробу, лошадь уложена в отдельную яму – тип БXXI. Детали повозки и колесо находились рядом с костяком лошади, с северной стороны. Инвентарь: костяная трубчатая подвеска, парчовый мешочек, нож, остатки седла, стремена, удила (*Локтюшев*, 2009. С. 319–320. Табл. X: *2–4*, XI: *1*; *Федоров-Давыдов*, 1966. С. 131, 257. № 450; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 202–203. № 8).

18. Пришиб – 2/2 (1978 г. Славяносербский р-н). Впускное погребение мужчины типа AI, совершенное в решетчатом гробу. Перевернутая повозка служила перекрытием, колеса поставлены вертикально, над грудью и ногами погребенного. Инвентарь: сабля, берестяной колчан, четыре наконечника стрел (один костяной), костяные накладки на лук, пряжка, нож, подпружная пряжка, одно стремя, удила (*Братченко и др.*, 2012. С. 14–15, 101–102. Рис. 23: *2*, 24).

19. Пришиб – 2/12. Впускное женское погребение типа AI, совершенное в решетчатом гробу. Погребение перекрыто двумя колесами от повозки, которые лежали наклонно по линии запад – восток непосредственно над гробовищем. Инвентарь: костяная ворворка, бронзовый бубенчик, остатки ременной упряжи с удилами (*Братченко и др.*, 2012. С. 16–17, 101–102. Рис. 28–29, 30: *1*).

20. Пришиб – 2/33. Впускное женское погребение типа БІІІ, совершенное в решетчатом гробу. Чучело лошади типа III-7. К югу от чучела наклонно лежали два колеса, половинами перекрывая решетчатое гробовище. Погребенная была облачена в парчовый халат. Инвентарь: остатки головного убора, серебряные браслет и кольцо, нож, остатки кожаной узды, костяная ворворка, подпружная пряжка, остатки седла с костяными обкладками, стремена (*Братченко и др.*, 2012. С. 20–22, 101–102. Рис. 39–41).

Подонье (6 находок):

21. Ажиновский III – 1/10 (1976 г. Ростовская обл., Семикаракорский р-н). Впускное погребение женщины типа AII, совершенное в решетча-

том гробу. Могила перекрыта повозкой, поверх уложены два колеса, частью лежащие на уступе. Инвентарь: нож, две стеклянные подвески, мелкий рубленый стеклянный бисер (*Рябова*, 1983. С. 91. Рис. 4: *VII–IX*, 5: *I–II*, 13: *9*, 14: *2*, *9*).

22. Балабинский I – 25/4 (1976 г.) Впускное погребение мужчины типа ГIII, совершенное в решетчатом гробу. Чучело лошади типа III-7. Могильная яма перекрыта повозкой и уложенными сверху двумя колесами. Инвентарь: сабля, лук с накладными пластинами, берестяной колчан, наконечники стрел, две костяные пуговицы, бронзовые игла и бубенчик, пряжка, нож, подпружное кольцо, одно стремя, удила. На кургане, рядом с погребением находилось половецкое каменное изваяние (*Узянов*, 1976. Л. 229, 244–249. Рис. 798–818; *Смирнов, Узянов*, 1977. С. 122).

23. Сагванский I – 10/1 (1978 г.). Впускное мужское погребение типа БVI в решетчатом гробу. Чучело лошади типа III-7. Поверх груди погребенного находилось деревянное колесо, состоявшее из большой катушковидной ступицы и тонких спиц, большая часть которых, как и обод, не сохранились. Инвентарь погребения: сабля, нож, бусина, одно стремя, удила (*Чхаидзе*, 2020. С. 134–138. Рис. 2).

24. Центральный IV – 3/1 (1976 г., Цимлянский р-н). Основное мужское погребение, совершенное в решетчатом гробу, головой на запад. Захоронение перекрыто деревянными колесами повозки, рядом с которой было уложено чучело лошади. Инвентарь: шлем, кольчуга, сабля, костяная обкладка колчана, наконечники стрел (*Житников и др.*, 1977. С. 99).

25. Рябичев – 7/1 (2006 г. Волгоградский р-н). Основное погребение женщины, уложенной головой на северо-восток (тип Г), в могильной яме с заплечиками, из повозки сооружено небольшое перекрытие и изготовлен гроб. Поверх перекрытия, головой на северо-восток, уложено чучело лошади, типа III-7. Женщина была одета в шелковые халат и головной убор, обута в кожаные сапоги, под халатом – шелковые платье и штаны-чулки. Инвентарь: серебряные серьги в виде знака вопроса с напускной бусиной, бусы из глазури и стекла, пряжки и ременные накладки, бронзовое зеркало, ножницы, кресало, шило, нож, двойной кожаный кисет, деревянный гребень в кожаном чехле, деревянная миска, обтянутое кожей седло, два стремени, удила (*Парусимов*, 2009. С. 47–51. Рис. 17–19; *Мыськов*, 2015. С. 229).

26. Харинка – 18/1 (1976 г. Дубовский р-н). Основное женское погребение типа БXXII. Над погребением обнаружен большой фрагмент ступицы колеса, лежащий поперек могилы. Ступица имела сигарообразную форму, с прорезями для спиц и их остатками в этих прорезях. Непосредственно на скелете погребенной обнаружен целый ряд деталей повозки: основа – два бруска, расположенных вдоль продольных стен могилы. Длина повозки составляла не менее 155 см. Кузов не был разобран и составлял 60 см в ширину. Также обнаружены деревянные детали с остатками красной краски и пр. Инвентарь: серебряная серьга, нож, фрагменты тканей, пряжка, удила (*Атавин, Каменецкий*, 2002. С. 274–276. Рис. 17–18; *Яворская*, 2004. С. 321; 2012. С. 135; *Мыськов*, 2015. С. 229).

Прикубанье (2 находки):

27. Ладожская – 22/1 (1902 г. Краснодарский край, Усть-Лабинский р-н). Впускное погребение мужчины типа БI или ГI. На груди погребенного лежало колесо. Инвентарь: шлем, сабля, лук, две золотые пластинки, наконечники стрел, кресало, одно стремя (Отчет…, 1904. С. 74–75. Рис. 158; *Зяблин*, 1955. С. 91; *Федоров-Давыдов*, 1966. С. 257. № 502; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 202–203. № 13; *Чхаидзе*, 2009. С. 121; 2010. С. 154–155. Рис. 1–2).

28. Темижбекская – 4/6 (1979 г. Кавказский р-н). Впускное женское погребение типа ГII (подбой с юга?). Чучело лошади типа III-7. Фрагменты колеса были найдены в заполнении могильной ямы (у ног погребенной), там же находились разрозненные деревянные фрагменты (части повозки?). Инвентарь: серебряная позолоченная серьга с биконической бусиной, подвеска из раковины, бронзовое зеркало, два ножа, кружальный горшок, костяные обкладки седла, одно стремя, удила (*Чхаидзе*, 2008. С. 118–119, 121. Рис. 1–2).

Междуречье Волги и Маныча (14 находок):

29. Дамба-Калаус 2 – 3/2 (2002 г. Ставропольский край, Туркменский р-н). Впускное мужское погребение (тип Г – отсутствует в классификации), совершенное в решетчатом гробу в яме с подбоем в южной стене, головой на восток, к северу, на ступеньке чучело лошади типа III-7. Колесо первоначально перекрывало вход в подбой и залегало над ногами погребенного. Инвентарь: сабля, два наконечника стрелы, нож, пряж-

ки, одно стремя, удила (*Ляхов*, 2010а. С. 309–311. Рис. 1; 2010б. С. 226–228. Рис. 1).

30. Три Брата I – 12/1 (1934 г. Республика Калмыкия, Целинный р-н). Основное мужское погребение типа ДI, совершенное в гробу. Могильная яма была перекрыта фрагментами повозки. Инвентарь: серебряный онгон (?), наконечник копья, наконечники стрел, нож, пряжка, кресало, ложка, железные обоймы от седла, подпружное кольцо, стремена (*Рыков*, 1936. С. 137–138; *Зяблин*, 1955. С. 91; *Федоров-Давыдов*, 1966. С. 131, 255. № 333; *Гарустович и др.*, 1998. С. 161–162. Табл. XVIII: *1, 11*; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 202–203. № 14; *Мыськов*, 2015. С. 228).

31. Три Брата I – 14/1 (1935 г.). Основное женское погребение типа ДI, совершенное в гробу. Могильная яма была перекрыта фрагментами повозки (дверцы кибитки). Погребенная была облачена в парчовый халат и бокку, на ногах – кожаные сапоги. Инвентарь: серебряная серьга в виде знака вопроса, фаянсовая бусина, бронзовое зеркало в деревянном футляре и в мешочке из кожи, а также деревянный гребень, ножницы, деревянная чашечка (*Зяблин*, 1955. С. 91; *Федоров-Давыдов*, 1966. С. 131, 255. № 335; *Шнайдштейн*, 1973. С. 228. № 17; *Гарустович и др.*, 1998. С. 165. Табл. XIV: *6, 9, 10*; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 202–203. № 15; *Мыськов*, 2015. С. 229).

32. Гашунский – 2/1 (1971 г.). Основное погребение мужчины типа ДI (головой на северо-восток). Два колеса были положены в могильную яму над погребенным. Инвентарь: берестяной колчан с костяными накладками, наконечник стрелы, два кольца и кресало с кремнем, одно стремя (*Эрдниев*, 1981. С. 70. Рис. 1–3; *Мыськов*, 2015. С. 228–229).

33. Белая Гора (Станция 8) – 2/1 (1929 г. Яшкульский р-н). Основное женское погребение типа ДI. Могильная яма была перекрыта фрагментами повозки (дверцы кибитки), окрашенными в красный цвет. Погребенная была одета в парчовый халат, бокку, обута в кожаные сапоги. Инвентарь: серебряная серьга в виде знака вопроса с напускной бусиной, медный перстень, бронзовое зеркало, ножницы, шило, деревянный гребень, медная плошка (*Рыков*, 1931. С. 60–61; *Арзютов*, 1933. С. 106, 108–111. Рис. 3, 6; *Зяблин*, 1955. С. 91; *Федоров-Давыдов*, 1966. С. 131, 252. № 59; *Шнайдштейн*, 1973. С. 227. № 25; *Гарустович и др.*, 1998. С. 154. Табл. XVI: *4*; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 202–203. № 2; *Яворская*, 2013. С. 139; *Мыськов*, 2015. С. 229).

34. Волга-Чограй 37 – 2/1 (1988 г.). Впускное мужское погребение типа БVI. Чучело лошади типа III-7. Ступица колеса найдена в засыпи входной ямы. Инвентарь: берестяной колчан, железный и костяной наконечники стрел, бронзовая плошка, пряжка, кресало, два ножа, костяная рукоять ногайки, подпружная пряжка, стремена, удила (*Шнайдштейн*, 1988. Л. 3–4. Рис. 12–30; *Яворская*, 2004. С. 322).

35. Иджил 3 – 1/1 (1991 г. Октябрьский р-н). Основное женское погребение типа ДI. Могильная яма была перекрыта фрагментами повозки, два колеса были положены в северо-восточном и юго-восточном углах могилы. Инвентарь: три фрагментированные серебряные монеты, кожаные ножны и бронзовые накладки на ремень, пряжка, берестяной колчан, колчанный крюк, бронзовая коробочка, железная плошка, стремена, удила (*Васюткин, Кольцов*, 1994. С. 65; *Васюткин и др.*, 1995. С. 110–113. Рис. 10–11).

36. Иджил 3 – 2/1. Основное погребение типа ДI. Могильная яма была перекрыта фрагментами повозки и частью колеса. Инвентарь: берестяной колчан, железная плошка с тремя серебряными монетами, кожаная сумка, одно стремя (*Васюткин, Кольцов*, 1994. С. 65; *Васюткин и др.*, 1995. С. 113–114. Рис. 12–13).

37. Иджил Северный – 1/1 (1992 г.). Основное женское погребение типа ДI, совершенное на подстилке из прутьев. Могильная яма была перекрыта фрагментами повозки и частью деревянной ступицы колеса с концами спиц в пазах. Инвентарь: берестяные трубочки (детали прически), бронзовое зеркало (*Васюткин, Кольцов*, 1994. С. 65; *Васюткин и др.*, 1995. С. 122–123. Рис. 26–28).

38. Адрг – 8/1 (1978 г.). Погребение мужчины, уложенного головой на запад (БVI?). У северного края могильной ямы, выше на 1,5 м, головой на запад уложено чучело лошади типа III-7. Установленные вертикально два колеса находились в верхней части могильной ямы, над лицевой и грудной частями погребенного. Под колесами находилось перекрытие из кузова повозки, помещенное плашмя. Инвентарь: бронзовый стакан, берестяной колчан и колчанный крюк, четыре наконечника стрелы, кресало, нож, железные пластины от седла, стремена, удила (*Цуцкин*, 1978. Л. 59–64. Рис. 24. Фото 43–48).

39. Адрг – 10/1. Погребение женщины типа ДІ (головой на северо-восток). Установленные вертикально два колеса находились в верхней части могильной ямы, над туловищем и ногами погребенной. Под колесами находилось перекрытие из кузова повозки, уложенное плашмя. На погребенной была бокка. Инвентарь: две бронзовые серьги в виде знака вопроса с напускной бусиной, бронзовое зеркало в кожаном футляре, обтянутом золототканой парчой, деревянный гребень, бронзовая пряжка, ножницы (*Цуцкин*, 1978. Л. 77–83. Рис. 29–31. Фото 70–76).

40. Адрг – 11/1. Погребение женщины типа ДІ (головой на северо-восток). В могильной яме

Могильник	Дата	Пол и возраст погребенного	Тип погребения / тип чучела
Чапаевка – 1/3	XII – 1 пол. XIII в.	жен. пож.	Впус. АІ
Мамай-Гора – 43/2	XII – 1 пол. XIII в.	жен., 30–35	Впус. АІ (?)
Большая Белозерка –11/2	2 пол. XII – 1 пол. XIII в.	жен.	Впус. Г / чучело
Виноградное – 30/3	XII – 1 пол. XIII в.	муж.	Впус. БІV / ІІ-5
Афанасьевка – 7/1	2 пол. XIV в.	жен.	Осн. АІV
Павлоград І – 7/1	кон. XII – нач. XIII в.	муж. мол.	Впус. ГІІІ / ІІІ-7
Большемихайловка І – 5/2	3 треть XII – 1 пол. XIII в.	жен. пож.	Впус. Г / остов
Большемихайловка ІІ – 1/2	XII – 1 пол. XIII в.	муж.	Впус. БІІІ / ІІІ-7
Радивоновка – 3/1	1 пол. XIV в.	муж.	Осн. Г / ?
Мирное – 2/4	1 пол. XIII в.	жен.	Впус. БXVI
Богачевка –10/1	XII – 1 пол. XIII в.	жен., 50–60	Впус. Г / ІІІ-7
Мартыновка – 3/3	XII – 1 пол. XIII в.	муж. мол.	Впус. БXVI
Самойлово – 2/2	XII – 1 пол. XIII в.	муж.	Впус. ГІ / ІІІ-7
Пески – 2/1	XII – 1 пол. XIII в.	муж.	Впус. БІІІ
Попов Яр 2 – 3/3	XII – 1 пол. XIII в.	муж., ст. 55	Осн. БVI / ІІІ-7
Попов Яр 2 – 5/3	2 пол. XIII – XIV в.	жен., 30–40	Впус. АVI
Луганск – 2	XII – 1 пол. XIII в.	жен.	Впус. БXXI
Пришиб – 2/2	XII – 1 пол. XIII в.	муж.	Впус. АІ
Пришиб – 2/12	XII – 1 пол. XIII в.	жен.	Впус. АІ
Пришиб – 2/33	XII – 1 пол. XIII в.	жен.	Впус. БІІІ / ІІІ-7
Ажиновский ІІІ – 1/10	XII – 1 пол. XIII в.	жен.	Впус. АІІ
Балабинский І – 25/4	XII – 1 пол. XIII в.	муж.	Впус. ГІІІ / ІІІ-7
Сагванский І – 10/1	XII – 1 пол. XIII в.	муж.	Впус. БVI / ІІІ-7
Центральный IV – 3/1	2 пол. XIII – XIV в.	муж.	Осн. Б / чучело
Рябичев – 7/1	XIV в.	жен., 35–45	Осн. Г / ІІІ-7
Харинка – 18/1	XIII–XIV вв.	жен.	Осн. БXXII
Ладожская – 22/1	XIII – нач. XIV в.	муж.	Впус. БІ или ГІ / ?
Темижбекская – 4/6	XII – 1 пол. XIII в.	жен.	Впус. ГІІ / ІІІ-7
Дамба-Калаус 2 – 3/2	XII – 1 пол. XIII в.	муж., 17–18	Впус. Г / ІІІ-7
Три Брата І – 12/1	2 пол. XIII – XIV в.	муж.	Осн. ДІ
Три Брата І – 14/1	2 пол. XIII – XIV в.	жен.	Осн. ДІ
Гашунский – 2/1	2 пол. XIII в.	муж. пож.	Осн. ДІ
Белая Гора – 2/1	2 пол. XIII – XIV в.	жен.	Осн. ДІ
Волга-Чограй 37 – 2/1	2 пол. XIII в.	муж., 55	Осн. БVI / ІІІ-7
Иджил 3 – 1/1	2 пол. XIV в.	жен.	Осн. ДІ
Иджил 3 – 2/1	2 пол. XIV в.	–	Осн. ДІ
Иджил Северный – 1/1	2 пол. XIV в.	жен.	Осн. ДІ
Адрг – 8/1	2 пол. XIII – XIV в.	муж.	Осн. БVI? / ІІІ-7
Адрг – 10/1	XIV в.	жен. мол.	Осн. ДІ
Адрг – 11/1	XIV в.	жен., зрел.	Осн. ДІ
Джангар – 29/1	2 пол. XIII в.	–	Осн. АІV
Большой Царын І – 1/1	XIV в.	жен.	Осн. ЖІ
Абганерово ІІІ – 1/1	XIV в.	жен., 25–30	Осн. АІ
Нижняя Добринка – 1/1	2 пол. XIII – нач. XIV в.	муж.	Осн. АVI
Нижняя Добринка – 1/2	2 пол. XIII – нач. XIV в.	жен.	Впус. АІV

находились детали повозки и два колеса в вертикальном положении (одно над головой, второе над ногами погребенной). На погребенной была бокка, на ногах – кожаные сапоги. Инвентарь: бронзовое зеркало, ножницы, нож (*Цуцкин*, 1978. Л. 84–88. Рис. 32–33. Фото 79).

41. Джангар – 29/1 (1980 г.). Основное погребение типа AIV, совершенное в гробу. Могильная яма была перекрыта фрагментами повозки. Вещей в погребении не было (*Васюткин*, 1985. С. 160–161, 163. Рис. 5–6; *Мыськов*, 2015. С. 229).

42. Большой Царын I – 1/1 (1977 г.). Основное погребение женщины типа ЖI (погребенная уложена головой на юг), совершенное в гробу. Могильная яма была перекрыта фрагментами повозки, колесо находилось над головой погребенной. На погребенной был головной убор, обута в кожаные сапоги. Инвентарь: бронзовая серьга, янтарная подвеска, пастовая и стеклянная бусины, бронзовый колпачок, деревянный гребень (*Цуцкин*, 1977. Л. 35–38. Рис. 32–33. Фото 27–28; *Shingiray*, 2020. P. 151–156. Fig. 4–7).

Поволжье (3 повозки):

43. Абганерово III – 1/1 (1984 г. Волгоградская обл., Октябрьский р-н). Основное погребение женщины, типа AI (в ногах – кости младенца). Стены ямы были облицованы деревом, два колеса были вертикально помещены над головой и ногами погребенной. Инвентарь: серебряная золотоордынская монета, бронзовая серьга в виде знака вопроса, пастовая и стеклянная бусины, два бронзовых браслета, бронзовое зеркало (ритуально разломано на две части), ножницы, нож (*Дьяченко и др.*, 1995. С. 105–107, 119. Рис. 6: *1*, 14; *Яворская*, 2004. С. 322; *Мыськов*, 2015. С. 229).

44. Нижняя Добринка – 1/1 (1997 г. Жирновский р-н). Основное мужское погребение типа AVI, совершенное в гробу. В западной и восточной частях могильная яма перекрыта двумя колесами со снятыми ободами. Инвентарь: серебряные и бронзовые позолоченные пуговицы, бронзовые обойма ремня и три ворворки, железные пряжки, два ножа, берестяной колчан с железными деталями и бляшками, колчанный крюк, семь наконечников стрел, кресало, костяная накладка на седло, стремена (*Захаров, Яворская*, 2003. С. 236, 244–245. Рис. 1–3; *Яворская*, 2004. С. 322; *Мыськов*, 2015. С. 228).

45. Нижняя Добринка 1/2. Впускное женское погребение типа AIV, совершенное в колоде с крышкой. Подобно предыдущему, погребение было перекрыто двумя колесами со снятыми ободами. Инвентарь: три стеклянные бусины, медный котел, бронзовая бляха (?), кинжал, два ножа, ножницы, бронзовое зеркало, удила (*Захаров, Яворская*, 2003. С. 238, 244–245. Рис. 4–6; *Яворская*, 2004. С. 322; *Мыськов*, 2015. С. 229).

Суммарные данные по датировке погребений, их типу и возрасту погребенных приведены в таблице.

Как показано в таблице и на карте (рис. 1), и как ранее было отмечено, погребения с повозками встречаются на территории от Поднепровья вплоть до правобережья Волги – в Заволжье и на Ахтубе их нет (*Мыськов*, 2015. С. 230, 263). Большинство повозок к западу и югу от Дона уверенно датируются «половецким» временем (XII – 1 пол. XIII в.), между тем как практически все погребения в Калмыкии и Поволжье относятся к «золотоордынскому» периоду (сер. XIII – XIV в.) – в них отсутствуют решетчатые гробовища; эти погребения монгольские или близких им тюркских племен (*Яворская*, 2004. С. 321–322; 2013. С. 136–138; *Мыськов*, 2015. С. 229). Помимо этого, все эти поздние погребения являются основными (тип ДI), в одиночных курганах (исключение – парное погребение из Нижней Добринки).

Из-за плохой сохранности (не все части повозок помещались в захоронения?) большинство повозок реконструированы быть не могут, однако можно полагать, что во всех случаях выявлены легкие двухколесные повозки со съемным (зачастую решетчатым) кузовом – удобный в кочевом быту колесный транспорт (*Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 194; *Яворская*, 2004. С. 320; 2013. С. 135; *Братченко и др.*, 2012. С. 102) (рис. 2: *4*). На миниатюрах «Радзивилловской летописи» встречаются изображения и четырехколесных повозок (*Плетнева*, 1958. С. 203. Рис. 27). Возможно, с ними связаны кибитки из погребений Три Брата I и Белая Гора золотоордынского периода.

В погребальном обряде местоположение частей – обычно в могильной яме, непосредственно над погребением помещен кузов (часто использовался в качестве гроба), а также колеса (в большинстве случаев сохраняются только ступицы и фрагментированные спицы, ободья

изредка оббиты железом) – одно (верхняя часть тела – 8 случаев, нижняя (ноги) – 4) или два (12 случаев). В 12 случаях фрагменты повозки (включая колеса) выполняли функцию перекрытия в подбое (*Яворская*, 2004. С. 320–321; 2013. С. 135; *Мыськов*, 2015. С. 229). Повозка в погребении могла рассматриваться как средство, которое доставляло умершего в потусторонний мир, при этом можно полагать, что преднамеренное разрушение повозки должно было воспрепятствовать возвращению покойника в мир живых (*Мыськов*, 2015. С. 230).

Зачастую погребения кочевников совершались в дощатых решетчатых гробах (прямоугольные рамы с отстоящими друг от друга через широкие зазоры специальными пазами, в которые вставлены плашки), являвшихся низким кузовом повозки (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 130; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 194, 201) (рис. 2: *3*). Наличие таких решетчатых гробов (достаточно часто, в погребениях присутствуют в ритуальных целях, имитируя кузов повозки) исследователи определенно связывают с половецким этническим компонентом; их появление можно относить к рубежу XI–XII вв., а бытование прослеживается вплоть до сер. XIV в. (*Плетнева*, 1958. С. 173; *Болдин*, 1976. С. 27–28; *Колосов*, 1990. С. 22; *Шалобудов*, 1992. С. 118; *Шалобудов, Лесничий*, 2003. С. 201).

Обращаясь к особенностям рассмотренных погребений, следует констатировать равнозначное количество мужских (19) и женских (24) захоронений, а также отсутствие единой, четко выраженной ориентировки умерших: практически в равной степени присутствуют западная ориентировка (без костей (11), с чучелом (8) и остовом (4) лошади), восточная – 10 (из них с чучелом (8), с остовом (1) лошади), северная – 9 (все без костей лошади), южная – 1 (без костей лошади). Следует указать на полное отсутствие погребений с восточной ориентировкой, без костей лошади (тип В). Помимо этого, обратим внимание на то, что лишь одно погребение с чучелом лошади относится к типу II-5, тяготеющему к X–XI вв., 12 погребений – к типу III-7, в основной массе относимому к более позднему времени: 2 пол. XIII – XIV в. (*Атавин*, 1984. С. 137, 139. Табл. 2). По особенностям погребального обряда нельзя утверждать, что наличие повозки всегда демонстрировало высокое социальное (еще при жизни) положение погребенного, так как известны погребения с бедным инвентарем или вовсе безынвентарное (Джангар), хотя на общем фоне оно может рассматриваться как исключение.

Сложно однозначно ответить на вопрос относительно преемственности между обрядом помещения в могилы повозок и их частей в «половецкое» время и тем же обрядом у кочевников уже ордынского времени, однако налицо присутствие решетчатых гробовищ (а также и колод) до монгольского нашествия, а затем замена их гробами, в том числе в погребениях с северной (монгольской) ориентировкой. Представляется, что до рассмотрения всех известных погребений, содержащих решетчатые гробовища при отсутствии повозок, делать какие-либо выводы, в частности этнической специфики, преждевременно.

Материалы настоящей работы демонстрируют, что, в общем, обычай помещения в могилы повозок (кибиток) и их частей не был оставлен в связи с монгольским нашествием и являлся надэтническим на всем протяжении XII–XIV вв. Представляется, что эту практику можно увязывать с кочевым жизненным укладом различных этнических групп, населявших восточноевропейские степи. К настоящему времени нет данных, которые бы указывали на формирование «этнически чистых» кочевых объединений. И тут вновь приходится констатировать сложность культурных процессов, протекавших в среде средневековых кочевников Восточно-Европейской равнины.

ЛИТЕРАТУРА

Андрух С. И., 2001. Могильник Мамай-Гора. II. Запорожье: ЗГУ. 282 с.

Арзютов Н. Погребения поздних кочевников Калмыцкой области (по материалам 1929 г.) // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Т. VI. Саратов, 1933. С. 103–113.

Атавин А. Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. № 1. С. 134–143.

Атавин А. Г., 2008. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны Юга России в конце IX – первой половине XIII в. (печенеги, торки, половцы) // Древности Юга России. Памяти А. Г. Атавина / Отв. ред. Г. Е. Афанасьев. М.: Таус. С. 71–105.

Атавин А. Г., Каменецкий И. С., 2002. Харинка: средневековый слой // НАВ. Вып. 5. Волгоград: ВолГУ. С. 266–307.

Болдин Я. И., 1976. О решетчатых гробовищах в погребениях поздних кочевников юга Украины // Открытия молодых археологов Украины. Ч. 2. Славянская и средневековая археология. Киев: Наукова думка. С. 26–28.

Болтрик Ю. В., Отрощенко В. В., Савовский И. П., Шелапов С. М., 1976. Работы Скифского отряда Запорожской экспедиции // АО 1975 года. М.: Наука. С. 307.

Братченко С. Н., Квитницкий М. В., Швецов М. Л., 2012. Кочевники развитого средневековья на Северском Донце. Киев: ИА НАНУ. 150 с.

Васюткин С. М., 1985. Погребения золотоордынского времени могильника Джангар // Древности Калмыкии. Элиста: КГУ. С. 158–166.

Васюткин С. М., Кардонов В. Т., Кольцов П. М., 1995. Средневековые погребения зоны Калмыцкого магистрального канала // Материалы и исследования по археологии Калмыкии. Элиста: КГУ. С. 107–160.

Васюткин С. М., Кольцов П. М., 1994. Исследования позднекочевнических погребений в зоне Калмыцкого магистрального канала (1989–1992 гг.) // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Кисловодск. С. 64–65.

Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Гилем. 336 с.

Генинг В. В., Корпусова В. Н., 1989. Археологические памятники Крымского Присивашья. Курганы у с. Богачевка. Киев: Инст. зоологии АН УССР. 55 с.

Даниленко Н. М., Полякова О. А., 2010. Позднекочевнические погребения из курганной группы «Мирное» // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время. Донецк: ДонНУ. С. 403–424.

Дьяченко А. Н., Блохин В. Г., Шинкарь О. А., 1995. Археологические исследования у с. Абганерово Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград: Перемена. С. 83–139.

Житников В. Г., Копылов П. Н., Науменко С. А., 1977. Раскопки курганов в зоне Донской оросительной системы // АО 1976 года. М.: Наука. С. 98–99.

Захаров П. Е., Яворская Л. В., 2003. Памятники золотоордынского времени у села Нижняя Добринка // НАВ. Вып. 6. Волгоград: ВолГУ. С. 236–253.

Зяблин Л. П., 1955. О «татарских курганах» // СА. Т. XXII. С. 83–96.

Каприцын И. И., 1993. Средневековые погребения из кургана № 43 могильника Мамай-Гора // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. 4. Запорожье: ЗГУ. С. 264–267.

Ковалева И. Ф., 1987. Исследования в Днепропетровской области // АО 1985 года. М.: Наука. С. 338–339.

Колосов Ю. Г., 1990. К вопросу о половецких решетчатых гробовищах // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Ч. 3. Херсон: Херсон. краевед. музей. С. 21–22.

Кравченко Э. Е., 2015. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum plus. С. 411–478.

Куприй Н. М., 1990. Погребение знатного половецкого воина на берегу Утлюкского лимана // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: тез. докл. областной научно-практической конф. Луганск: Областной краевед. музей. С. 142–144.

Локтюшев С. О., 2009. Отчет об археологических работах археологической секции по исследованию среднего Донца в 1926 г. // Краєзнавчі записки. Вип. V. Археологічни надбання С. О. Локтюшева (до 130-річчя від дня нарождення). Луганськ: Шико. С. 313–335.

Ляхов С. В., 2010а. Погребение с деталями повозки позднекочевнического времени Егорлык-Калаусского междуречья // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет». С. 309–311.

Ляхов С. В., 2010б. Позднекочевническое погребение с деталями повозки из курганного могильника «Дамба-Калаус 2» на северо-востоке Ставрополья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Магас: Археологический центр. С. 226–229.

Мыськов Е. П., 2015. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: ВолГУ. 484 с.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1902 год. СПб: Тип. Главного управления уделов, 1904. 199 с.

Парусимов И. Н., 2009. Раскопки курганов могильника Рябичев // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Т. IV. Ростов-на-Дону: АНИБ. С. 26–73.

Плетнева С. А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 151–226.

Полидович Ю. Б., Усачук А. Н., Кравченко Э. Е., Подобед В. А., 2013. Исследования курганной группы Попов Яр-2 в Донецкой области // Археологический альманах. № 30. Донецк: Донбасс. С. 36–135.

Рассамакин Ю. Я., 2000. Погребение средневекового кочевника у с. Виноградное на р. Молочной // Етноси України. Історко-культурологічний часопис. Тюркський світ. Київ: Етно Медіа Центр. С. 94–103.

Рассамакин Ю. Я., 2003. Погребение знатного кочевника на реке Молочной: опыт реконструкции вещевого комплекса // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3: Половецко-золотоордынское время. Донецк: Донецкий гос. ун-т. С. 207–230.

Рыков П. С., 1931. Отчет об археологических работах, проведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Т. IV. Саратов. С. 49–79.

Рыков П. С., 1936. Археологические раскопки курганов в урочище «Три Брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. // СА. Т. I. С. 115–157.

Рябова В. Я., 1983. Работы Ажиновского отряда в 1976 г. // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. М.: Наука. С. 88–127.

Сведения о раскопках, памятниках древности, кладах и находках // ИАК. Прибавление к вып. 6. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1903. С. 59–87.

Смирнов Ю. А., Узянов А. А., 1977. Нижнесальские курганы // АО 1976 года. М.: Наука. С. 121–122.

Спицын А. А., 1896. Один из типов погребений в курганах Южной России // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1. СПб.: Тип. П. Н. Скороходова. С. 44–48.

Толочко П. П., 1999. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев: Абрис. 200 с.

Узянов А. А. Отчет о работах Багаевского отряда Донской экспедиции ИА АН СССР в 1976 г. Т. 1 // Архив ИА РАН. 1976. Р-1. № 7043.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ. 275 с.

Цуцкин Е. В. Отчет об археологических исследованиях в Калмыкии в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 9828.

Цуцкин Е. В. Отчет о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики и Калмыцкого государственного университета в 1978 году // Архив ИА РАН. 1978. Р-1. № 9827.

Чхаидзе В. Н., 2008. Погребения средневековых кочевников и каменные тюркские изваяния из степного Прикубанья // МИАСК. Вып. 9. Армавир: АГПУ. С. 118–138.

Чхаидзе В. Н., 2009. Средневековые кочевнические погребения в степном Прикубанье из раскопок конца XIX – начала XX в. // МИАСК. Вып. 10. Армавир: АГПУ. С. 116–126.

Чхаидзе В. Н., 2010. Средневековые кочевнические погребения из раскопок Н. И. Веселовского в степном Прикубанье (ст. Ладожская и пос. Праздничный) // МИАСК. Вып. 11. Армавир: АГПУ. С. 154–163.

Чхаидзе В. Н., 2017. Серебряная посуда из погребений кочевников Восточно-Европейской равнины XIII–XIV вв. // ПА. № 4 (22). Казань: Фән. С. 275–296.

Чхаидзе В. Н., 2019. Монеты Византийской империи в погребениях кочевников XI–XII вв. // IV Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». СПб.: Организованная археология. С. 358–361.

Чхаидзе В. Н., 2020. Средневековое погребение кочевника с повозкой из Ростовской области // На пути открытий в жизни и науке. Сборник научных статей и воспоминаний к юбилею ученых-археологов Иванова Владимира Александровича и Обыденновой Гюльнары Талгатовны. Уфа: БГПУ. С. 134–141.

Шалобудов В. Н., 1990. Еще раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск: Донецкий гос. ун-т. С. 107–119.

Шалобудов В. Н., 1992. Повозка из кочевнического погребения у села Чапаевка // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: Донецкий гос. ун-т. С. 113–119.

Шалобудов В. Н., Лесничий П. П., 2003. Опыт реконструкции позднекочевнических повозок (по материалам половецких погребений Поднепровья) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк: Донецкий гос. ун-т. С. 193–206.

Шалобудов В. Н., Яремака В. Н., 1985. Кочевнические захоронения X–XII вв. на р. Волчьей // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: ДГУ. С. 138–154.

Швецов М. Л., 2004. Курганы у с. Самойлово (бассейн Грузского Еланчика, Северо-Восточное Приазовье) // Курганы Донбасса. Археологический альманах. № 14. Донецк: Лебедь. С. 233–259.

Шнайдштейн Е. В., 1973. Позднекочевнические погребения на территории Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста. С. 212–229.

Шнайдштейн Е. В. Отчет об археологических раскопках в зоне канала Волга-Чограй в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1988 г. // Архив ИА РАН. 1988. Р-1. № 12901.

Щепинский А. А., Черепанова Е. Н., 1969. Древности Степного Крыма. Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь: Крым. 328 с.

Эварницкий Д. И., 1907. Раскопка курганов в пределах Екатеринославской губернии // Труды тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе 1905. Т. I. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. С. 108–157.

Эрдниев У. В., 1981. Гашунский могильник (Раскопки 1971 г.) // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста: Калм. НИИ истории, филологии и экономики. С. 70–77.

Яворская Л. В., 2004. Повозки в погребениях кочевников золотоордынского времени Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Волгоград: ВолГУ. С. 320–324.

Яворская Л. В., 2013. Части повозок в погребениях кочевников золотоордынского времени из Нижнего Поволжья // От Онона к Темзе. Чингисиды и их соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М.: Изд. дом Марджани. С. 134–141.

Shingiray I., 2020. Life in Motion: Nomadic Cart Culture and Cart Burials of the Golden Horde (A Case Study from Bolshoi Tsaryn I, Kalmykia) // ПА. № 2 (32). Казань: Фән. С. 146–157.

V. N. Chkhaidze

CARTS IN THE NOMADIC BURIALS OF THE 12TH–14TH CC. IN THE EAST EUROPEAN PLAIN

Summary. In this paper we investigated 45 burials of the nomads of the 12th–14th cc. in the territory of the East European Plain where we detected carts or their parts. A description of each complex is given. The information on the dates of the burials, their type and the sex of the deceased are summarized. The article discusses the role of nomadic carts in the funeral rites. It is stated that the practice of placing of carts and their parts in the graves has not been abandoned because of the Mongolian invasion and had supra-ethnic character during all the period of the 12th–14th centuries. This practice can be connected with the nomadic way of life of different ethnic groups inhabiting the East European steppes.

Keywords: East European plain, medieval nomads, funeral rites, carts, stuffed horses, Cumans, Golden Horde.

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ И БУСЫ

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.299-324

О. С. Румянцева*, А. А. Трифонов, Д. А. Ханин***,**
М. В. Червяковская**, В. С. Червяковский******
** Институт археологии РАН, Москва*
*** ООО «Карл Цейс», Москва*
**** Институт экспериментальной минералогии РАН, Черноголовка;*
Московский государственный университет
***** Институт геологии и геохимии УрО РАН, Екатеринбург*

СТЕКЛО-СЫРЕЦ ИЗ КОМАРОВА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ХРОНОЛОГИЯ, ПРАКТИКИ СТЕКЛОДЕЛОВ*

Резюме. В статье проанализирован состав 42 образцов стекла-сырца с поселения черняховской культуры Комаров на Среднем Днестре, изученный методами СЭМ-ЭДС (SEM-EDS), РСМА (EPMA) и LA-ICP-MS. Выделены группы стекла левантийского и египетского происхождения, хронология которых указывает на дату мастерской в пределах IV (вероятно, исключая начало столетия) – начала V в. В то же время новые данные не подтверждают существование здесь стеклоделательного производства в более ранний период, как это считалось ранее. Производство в Комарове сочетает использование высококачественного, прекрасно обесцвеченного сырца с интенсивным применением стеклобоя, что говорит, возможно, о разном уровне производимой здесь посуды или о намеренном смешении хорошо обесцвеченного стеклобоя с сырцом, имеющим более выраженный естественный оттенок. Уровень следовых элементов в исследованном стекле позволяет как получить дополнительную информацию о происхождении стекла, так и проанализировать практики стеклоделов на этапе производства из него готовых изделий.

Ключевые слова: состав и происхождение стекла, позднеримское время, черняховская культура, левантийская группа, египетское стекло, вторичное использование стекла, СЭМ-ЭДС (SEM-EDS), РСМА (EPMA), LA-ICP-MS.

В римское время свидетельства стеклоделательного ремесла в Восточной Европе ограничиваются единичными производственными комплексами или находками, в основном в Северном Причерноморье (*Щапова*, 1983). Особое место среди них занимает мастерская на поселении черняховской культуры Комаров в бассейне Среднего Днестра. Здесь, на «варварской территории», примерно в 360 км от границы Римской империи (*Петраускас*, 2014. С. 165), руками пришлых провинциально-римских мастеров производилась стеклянная посуда из импортного стекла-сырца. Ю. Л. Щапова датировала Комаровскую мастерскую третьей четвертью III в. (*Щапова*, 1983. С. 151), однако последние исследования позволили скорректировать ее дату – мастерская действовала в IV (вероятно, не ранее второй трети) – начале V в. н. э. (*Румянцева, Щербаков*, 2016; *Румянцева*, 2017 и др.); при этом некоторые признаки позволили предполагать, что она существовала также и в более ранний период (*Rumyantseva, Belikov*, 2017). Происходящее с поселения стекло-сырец (рис. 1) представляет собой особую группу находок. Оно специально привозилось на поселение для нужд существовавшего здесь производства. В рассматриваемый период (IV – начало V в.) все изученное на сегодня стекло на территории

* Работа выполнена в рамках государственных заданий: ИА РАН, тема № 122011200267-0; ИЭМ РАН, тема № FMUF-2022-0003; ЦКП УрО РАН «Геоаналитик», тема № АААА-А18-118053090045-8 государственного задания ИГГ УрО РАН.

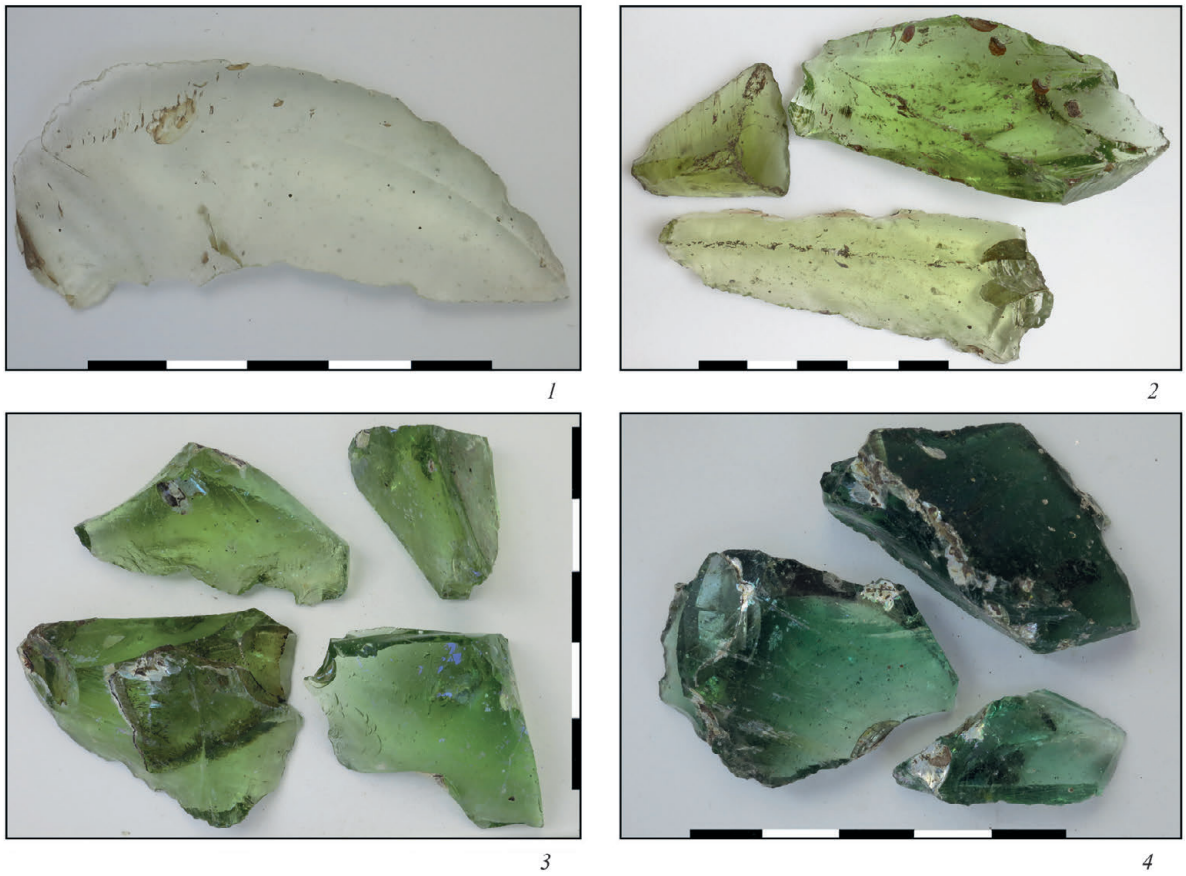


Рис. 1. Стекло-сырец с поселения Комаров, бесцветное (*1*) и с натуральным оттенком (*2, 3* – со светло-зеленым и оливковым; *4* – зелено-голубое)

Европы является импортным из Сиро-Палестинского региона и Египта – в отличие от более раннего времени, когда, наряду с восточносредиземноморскими, существовали, вероятно, европейские стекловаренные центры, которые, однако, существенно уступали восточным в объемах производимой продукции (*Degryse, Schneider*, 2008; Glass making…, 2014). В провинциально-римские мастерские, производившие готовые изделия из стекла, оно поступало в форме сырца – кусков неправильной формы, получавшихся при раскалывании больших плит, сваренных в центрах Восточного Средиземноморья (*Foy, Nenna*, 2001).

Первая публикация данных о составе стекла-сырца с поселения Комаров позволила подтвердить его импортный характер и соотнести его химический состав с группами стекла, получившими широкое распространение на территории римских провинций (*Румянцева. Щербаков*, 2015; 2016). Однако, во-первых, за прошедшие годы в мировых исследованиях, посвященных стеклоделию римского времени, были более точно выделены группы стекла на основании его химического состава, что позволило в итоге получить более взвешенные выводы о его происхождении и времени распространения продукции разных производственных центров. Во-вторых, нами была не только пополнена база данных, но и изменены методические подходы к анализу состава стекла. Повторный анализ проводился на специально подготовленных пробах (в отличие от первых результатов, полученных на поверхностях свежих сколов) с контролем по эталонам при каждом сеансе съемки. Это позволило несколько скорректировать ранее опубликованные результаты. Кроме того, к данным об основном составе стекла добавились сведения о содержании следовых элементов, дополняющие информацию о его происхождении и некоторых практиках стеклоде-

лов. Это делает повторное обращение к составу сырца из Комарова актуальным.

Среди задач статьи – детальная характеристика химического состава комаровского сырца и его сопоставление с группами, распространенными в Европе и Восточном Средиземноморье; определение его происхождения, как по основному составу, так и по содержанию следовых элементов; определение возможного времени распространения и уточнение хронологии мастерской; характеристика практик стеклоделов, связанных со вторичным использованием стекла в производстве на памятнике.

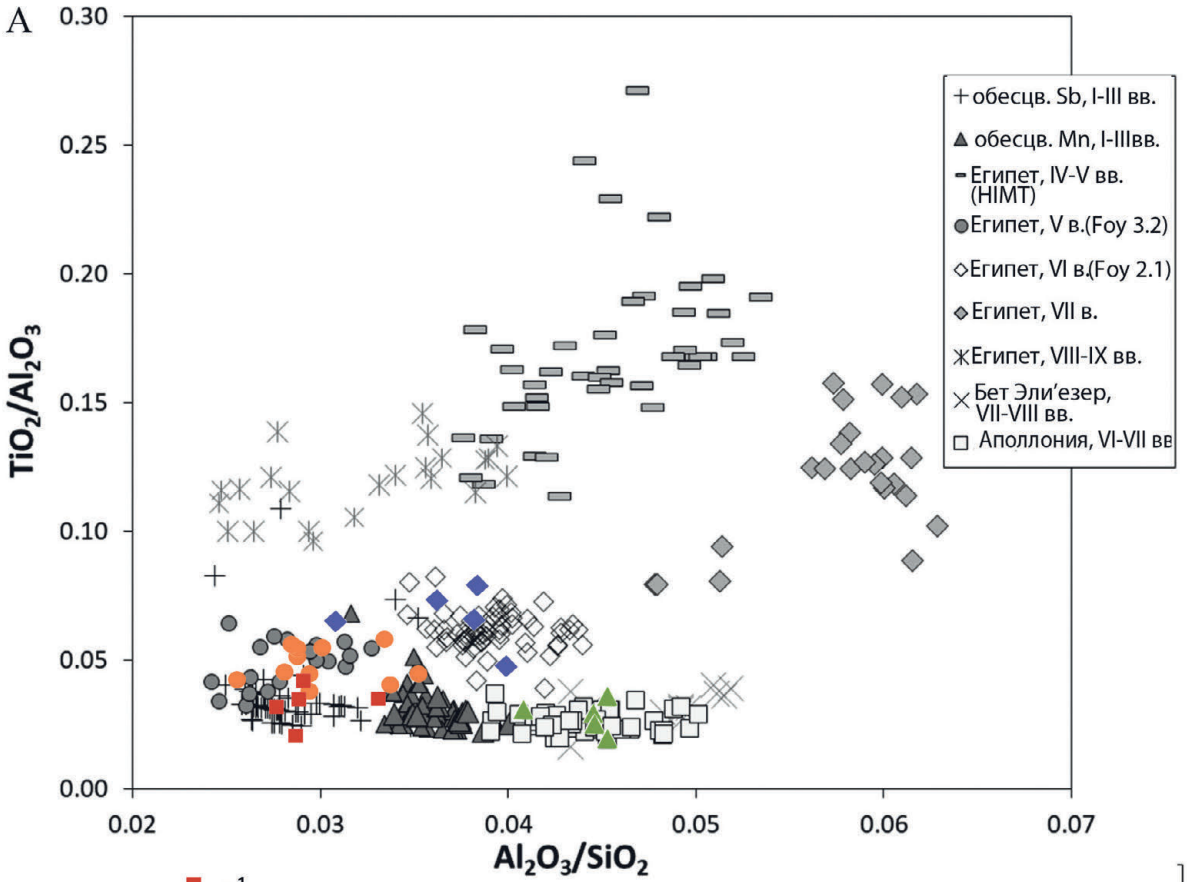
Методика анализа

В данной статье представлены результаты анализа бесцветного или имеющего легкий натуральный оттенок сырца, т. к. отсутствие в стекле красителей и прочих технологических добавок дает больше возможностей определить его происхождение (см. ниже). Объем выборки составляет 40 образцов стекла-сырца, обнаруженного на поселении Комаров в ходе работ на памятнике экспедиции под руководством М. Ю. Смишко в 1956–1969 гг. (*Смішко*, 1964).

Основной состав 34 образцов стекла изучался на сканирующем электронном микроскопе Carl Zeiss EVO LS 10 с энергодисперсионным рентгеноспектральным анализатором Aztec X-Max Oxford Instruments в ФГБНУ НИИ ГБ им. Гельмгольца. Образцы стекла были залиты эпоксидной смолой, отшлифованы и отполированы с использованием в качестве абразива алмазной суспензии. Финишная полировка осуществлялась на суспензии с крупностью зерна 1 μм. Для стока заряда с диэлектрической поверхности был нанесен тонкий слой углерода, который при количественном и качественном анализе не учитывался. Значения управляющих параметров микроскопа: ток пучка 190 пА, ускоряющее напряжение 20 кВ, рабочее расстояние от фронтальной линзы до поверхности образца 9,5 мм; «живое» время накопления сигнала – 90 секунд. Количественный и качественный рентгеноспектральный анализ проводился с использованием программного обеспечения Aztec Oxford Instruments. Воспроизводимость и погрешность результатов оценивались при помощи эталона Corning Museum of Glass A (табл. 1). Для этого в начале каждого сеанса съемки эталон анализировался как образец с неизвестным составом (набиралось 5–7 спектров с области площадью 0,1 мм^2). Погрешность корректировалась с использованием программы ZAF. За результат анализа каждого образца стекла из Комарова принималось среднее значение, полученное в результате 4–5 измерений, также с области площадью 0,1 мм^2. Результаты качественного и количественного анализа представлены в весовых оксидных процентах в таблице 2.

Содержания титана, фосфора, серы, хлора, сурьмы, а также марганца (концентрации которого в некоторых случаях ниже 0,1 %) были получены методом рентгеноспектрального микроанализа (РСМА) на микроанализаторе Camebax SX50, оснащенном четырьмя волновыми спектрометрами, на кафедре минералогии геологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (табл. 1, 2). Основной состав 8 образцов полностью изучен методом РСМА (табл. 2). Условия съемки: ускоряющее напряжение 15 кВ, ток пучка 30 нА для «легких элементов»; свинца – 100 нА. Для элементов в концентрациях до 5 % время для измерения фона составило 50 сек с каждой стороны, для пика – 100 сек. Для элементов, содержание которых превышает 5 %, пик измерялся 40 сек, а фон – по 20 сек с каждой стороны. Время задержки между измерениями элементов в точке – 1 сек для стабилизации тока. Анализ выполнялся при расфокусированном пучке с площади 10*10 мкм, что обеспечивает усреднение содержания элементов в стекле, позволяя получить более точный результат по содержанию элементов. Участки анализа располагались преимущественно на одной линии в среднем на расстоянии от 100 до 300 мкм друг от друга, в зависимости от размера образца. В качестве «внешнего» стандарта использовался образец Corning Museum of Glass A (табл. 1). Расчет содержания элементов производился методом PAP-коррекции программой, поставляемой Camebax.

Концентрации следовых элементов определялись методом масс-спектрометрии с лазерной абляцией и индуктивно-связанной плазмой (LA-ICP-MS) на приборе ICP-MS NexION 300S (PerkinElmer), оснащенном приставкой LA NWR 213 (ESI), в ЦКП «Геоаналитик» (Институт геологии и геохимии УрО РАН, Екатеринбург). Для анализа использованы образцы, подготовленные для исследования методами СЭМ-ЭДС и РСМА (изучен состав 38 предметов). Операционные параметры приставки для ЛА: энергия лазерного излучения – 10,5-11,5 Дж/см^2,


А
0.30
0.25
0.20
0.15
0.10
0.05
0.00
0.02
0.03
0.04
0.05
0.06
0.07
TiO_2/Al_2O_3
Al_2O_3/SiO_2
обесцв. Sb, I-III вв.
обесцв. Mn, I-IIIвв.
Египет, IV-V вв. (HIMT)
Египет, V в.(Foy 3.2)
Египет, VI в.(Foy 2.1)
Египет, VII в.
Египет, VIII-IX вв.
Бет Эли'езер, VII-VIII вв.
Аполлония, VI-VII вв

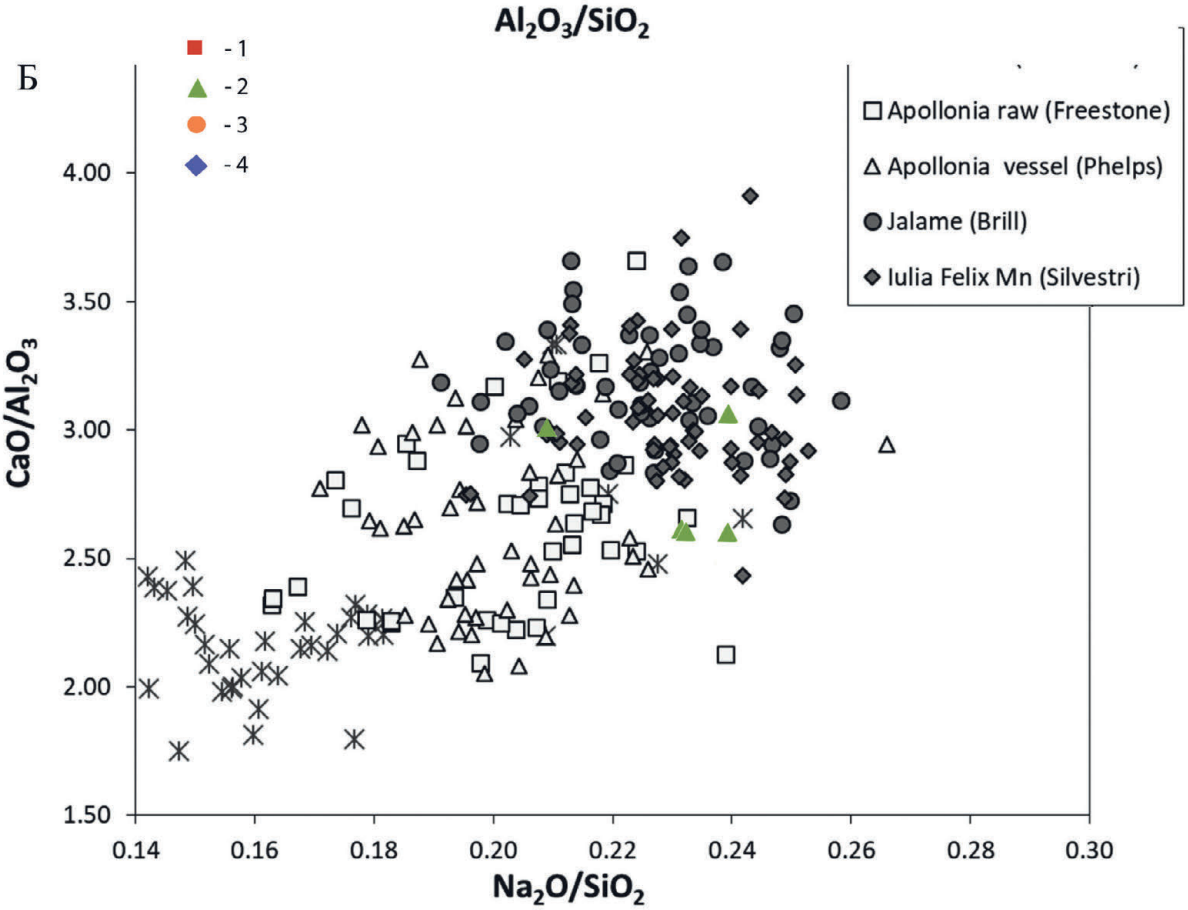

Б
- 1
- 2
- 3
- 4
4.00
3.50
3.00
2.50
2.00
1.50
0.14
0.16
0.18
0.20
0.22
0.24
0.26
0.28
0.30
CaO/Al_2O_3
Na_2O/SiO_2
Apollonia raw (Freestone)
Apollonia vessel (Phelps)
Jalame (Brill)
Iulia Felix Mn (Silvestri)

Рис. 2. Стекло-сырец поселения Комаров и группы содового стекла, распространенные в Средиземноморье и Европе в I тыс. н. э.: характеристики основного сырья. Основа диаграмм по: *Freestone*, 2020. *1* – стекло, обесцвеченное сурьмой; *2* – группа 1/Mn (левантийская I); *3* – группа 2/Mn (серия Foy 3.2); *4* – группа 3/Mn

частота повторений импульсов – 10 Гц, диаметр кратера – 50 мкм, расход транспортирующего потока He – 400 мл/мин, время работы лазера – 50 сек, время прогрева лазера перед измерением – 20 сек. Операционные параметры ИСП-МС: расход пробоподающего потока Ar – 0,84 л/мин, мощность радиочастотного генератора – 1100 Вт, время задержки на массе – 10 мс, число циклов сканирования – 1, число реплик – 500. Длина соединительной трубки МС и ЛА – 1,5 м. Обработку результатов проводили в программе GLITTER V4.4. с использованием внутреннего стандарта SiO_2. В качестве внешнего стандарта использован NIST SRM 612, измеренный методом «взятия в вилку» через 10–12 измерений (табл. 3); за истинные значения взяты данные из статьи М. Д. Нормана и др. (*Norman et al.*, 1996). За результат анализа принималось среднее значение 4 измерений для каждого образца (табл. 4).

Результаты

Все изученные образцы относятся к химическому типу натриево-кальциево-кремнеземного стекла. Низкие концентрации оксидов калия и магния (до 1,5 %[1]) говорят о том, что в качестве флюса при его варке была использована природная сода (*Sayre, Smith*, 1961; *Brill*, 1970). Таким образом, изучаемое нами стекло состоит из песка, природной соды (её основной компонент в составе стекла – оксид натрия) и обесцвечивателя – сурьмы или марганца. Определение происхождения стекла основано на анализе содержания и соотношения элементов, входящих в состав песка, который был использован стеклоделами в качестве сырья при варке стекла, – основного состава или следовых, и на их соотношении с оксидом натрия, указывающим на объем природной соды (рис. 2; *Freestone*, 2020). Кроме того, серия следовых элементов (медь, свинец, кобальт и некоторые другие) позволяют оценить, использовалось ли в производстве только «первичное» сырье – песок и природная сода, или применялся также стеклобой, а также степень его применения (*Freestone*, 2015; см. также ниже).

Стекло, *обесцвеченное сурьмой* (табл. 2), представляет собой однородную по составу группу, распространенную в Европе и Восточном Средиземноморье, начиная с I в. (*Foster, Jackson*, 2010. P. 3071). Это самое качественное стекло из известного в римское время. Применение для обесцвечивания сурьмы и низкие концентрации нежелательных примесей в песке, использованном для его изготовления, позволяли получать абсолютно бесцветный материал, не имеющий естественного оттенка (рис. 1: *1*). Стекло этой группы отличают низкие концентрации оксидов алюминия (в среднем около 2 %), кальция (5,89 %), железа (0,37 %), титана (0,07 %), магния (0,62 %) и калия (0,36 %) при относительно высоких – оксида натрия (более 17,9 %) (ср.: *Foy et al.*, 2004; *Foster, Jackson*, 2010, там же см. ссылки на литературу). Именно из такого стекла в Римской империи делали высококачественную посуду со шлифованным декором. Предположение о его египетском происхождении, ранее высказывавшееся на основе его широкого распространения на территории Египта и некоторых особенностей состава (*Thirion-Merle, Vichy*, 2007; *Rosenow, Rehren*, 2014), было недавно подтверждено на основе данных по изотопам гафния (*Barfod et al.*, 2020). Очевидно, именно оно фигурирует в эдикте Диоклетиана (301 г.) как «александрийское» бесцветное (*Whitehouse*, 2004).

В исследованной выборке присутствует пять образцов такого стекла, которые по основному составу очень близки стеклу данной группы из Британии, Франции, с затонувшего в водах Адриатического моря корабля Юлиа Феликс и др. находкам (табл. 2, там же см. ссылки). Его отличает лишь незначительно более низкая концентрация оксида натрия, чем это в целом характерно для данной группы (см. ниже).

Содержание большинства следовых элементов, характеризующих состав песка, в стекле из Комарова близко тому, что зафиксировано в обесцвеченном сурьмой материале с затонувших кораблей Юлиа Феликс и Западный Амбье (табл. 4). При этом стекло из Комарова отличает более высокое содержание стронция и более низкое – церия, по сравнению со стеклом с Юлиа

[1] Здесь и далее данные в масс. %.

Феликс. Одно из возможных объяснений этому – более поздняя хронологическая позиция находок из Комарова по сравнению с западноевропейскими, которые относятся к концу II – первой половине III в. (*Fontaine, Foy*, 2007; *Silvestri et al.*, 2008; см. также ниже). При этом состав комаровского сырца очень близок тому, что было обнаружено на Северном Кавказе в раннесредневековом комплексе (вероятно, использованному вторично) (*Румянцева и др.*, 2019).

Среди стекла, *обесцвеченного марганцем*, выделяется три группы. К **группе 1/Mn** отнесено 5 образцов стекла левантийского происхождения, которое имеет, как правило, зелено-голубой оттенок (рис. 1: *4*). Для нее характерны относительно низкое для стекла изучаемого периода содержание оксидов натрия (в среднем 15,44 %) и титана (0,08 %) при высоком – алюминия (2,96 %) и кальция (8,21 %) (табл. 2). Левантийская I группа, к которой можно отнести сырец из Комарова (рис. 2), датируется IV–VII вв., объединяя, очевидно, стекло нескольких производственных центров, расположенных в Сиро-Палестинском регионе (*Freestone*, 2020). Относящееся к ней стекло варилось на песке, имеющем близкие геохимические характеристики и, очевидно, происходящем из географически близких локаций. По основному химическому составу принадлежащее к данной группе стекло из Комарова близко находкам из мастерской в Джаламе на территории современного Израиля (*Brill*, 1988); геохимические характеристики песка сближают его также с продукцией стекловаренного центра в Аполлонии-Арзуфе, действовавшего в VI–VII вв., однако для последнего характерно отсутствие обесцвечивателя (*Freestone et al.*, 2000; *Freestone*, 2020). Сырец из Комарова отличают довольно высокие концентрации марганца. Он также близок группам левантийского стекла, выделяемого на европейских материалах (*Foy et al.*, 2003; *Foster, Jackson*, 2009 и мн. др.; табл. 2).

В более раннем исследовании, посвященном составу комаровского сырца (*Румянцева, Щербаков*, 2015; 2016), образцы левантийской I группы не выделялись. При этом часть находок была отнесена к т. н. римскому стеклу[2], также имею-

Таблица 1. Результаты анализа эталона Corning Museum of Glass A (в масс.%) методами СЭМ-ЭДС и РСМА (EPMA). Референсные значения по: *Vincenzi et al.*, 2002 и др. (ссылки см. *Румянцева и др.*, 2018. С. 212: табл. 1)

Метод	Соединение, wt%	Na_2O	MgO	Al_2O_3	SiO_2	P_2O_5	SO_3	Cl	K_2O	CaO	TiO_2	MnO	Fe_2O_3	CoO	CuO	SnO_2	Sb_2O_5	BaO	PbO
SEM-EDS	Опубликованное	14,3	2,66	1	66,56	0,13	0,15	0,1	2,87	5,03	0,79	1	1,09	0,17	1,17	0,19	1,75	0,56	0,12
	Среднее знач (n = 5)	14,00	2,61	0,99	66,54	0,11	0,10	0,10	2,87	5,03	0,78	0,98	1,01	0,17	1,15	0,16	1,71	0,55	0,11
	Станд откл	0,09	0,04	0,04	0,18	0,04	0,02	0,01	0,03	0,05	0,04	0,01	0,03	0,03	0,04	0,07	0,05	0,04	0,04
EPMA	Среднее знач (n = 7)	14,56	2,53	1,01	66,07	0,13	0,11	0,11	2,82	5,08	0,79	1,02	1,04	0,17	1,06	0,20	1,71	0,54	0,11
	Станд откл	0,12	0,05	0,02	0,20	0,01	0,02	0,01	0,04	0,03	0,02	0,04	0,02	0,05	0,03	0,02	0,05	0,05	0,02

Условные обозначения: н.о. - не определялся

[2] В публикации оно было обозначено как римское зелено-голубое, однако, учитывая высокие концентрации в нем натрия, корректнее было бы называть его римским бесцветным – в соответствии с принятой в литературе терминологией (см., напр.: *Foster, Jackson*, 2009; 2010).

Таблица 2. Результаты анализа стекла-сырца из Комарова методами СЭМ-ЭДС и РСМА (в масс. %).

Маркировка обр. / ссылка на источник		СЭМ-ЭДС, образцы 3/17-9/17 - РСМА (EPMA)								РСМА (EPMA)					
		Na2O	MgO	Al2O3	SiO2	K2O	CaO	MnO	Fe2O3	P2O5	SO3	Cl	TiO2	MnO	Sb2O5
Стекло, обесцвеченное сурьмой															
Ком-22		16,97	0,49	2,02	70,45	0,43	5,28	<0,1	0,36	0,02	0,29	0,93	0,04	0,02	0,61
Ком-44		17,55	0,67	1,97	68,28	0,34	6,63	<0,1	0,43	0,04	0,34	0,89	0,07	<0,01	0,50
Ком-112		17,10	0,60	1,99	68,20	0,37	6,66	<0,1	0,43	0,06	0,34	0,88	0,08	0,01	0,53
Ком-113		18,86	0,85	2,27	68,71	0,31	5,07	<0,1	0,35	<0,01	0,32	0,97	0,08	0,06	0,50
Ком-116		18,91	0,49	1,90	68,57	0,35	5,82	<0,1	0,28	0,09	0,50	0,87	0,06	0,01	0,45
Средн. значение		**17,88**	**0,62**	**2,03**	**68,84**	**0,36**	**5,89**	**<0,1**	**0,37**	**0,05**	**0,36**	**0,91**	**0,07**	**0,03**	**0,52**
Станд. отклонение		**0,94**	**0,15**	**0,14**	**0,92**	**0,05**	**0,74**	–	**0,06**	**0,03**	**0,08**	**0,04**	**0,02**	**0,02**	**0,06**
Ю. и Ц. Франция, II–III вв.	**m**	*18,80*	*0,41*	*1,88*	*69,90*	*0,41*	*5,47*	*0,06*	*0,33*	*0,06*	–	–	*0,06*	*0,06*	*0,72*
(группа 4, *Foy et al.*, 2000)	**std**	*0,98*	*0,09*	*0,17*	*1,22*	*0,07*	*0,52*	*0,08*	*0,09*	*0,02*	–	–	*0,01*	*0,08*	*0,22*
Судно у о. Амбье, сырец, кон. II – пер.пол. III в.	**m**	*19,33*	*0,40*	*1,80*	*70,52*	*0,36*	*5,26*	*0,05*	*0,28*	*0,06*	–	–	*0,06*	*0,05*	*0,79*
(группа 4 *Foy et al.*, 2000; данные по: *Vichy, Thirion-Merle*, 2007)	**std**	*0,57*	*0,05*	*0,08*	*1,27*	*0,04*	*0,15*	*0,06*	*0,09*	–	–	–	*0,01*	*0,06*	*0,14*
Британия, до сер. IV в.	**m**	*18,99*	*0,49*	*1,90*	–	*0,39*	*5,74*	*0,04*	*0,40*	*0,02*	–	–	*0,06*	*0,04*	*0,29*
(*Foster, Jackson*, 2010, группа 1)	**std**	*1,11*	*0,12*	*0,22*	–	*0,06*	*0,74*	*0,04*	*0,10*	*0,01*	–	–	*0,02*	*0,04*	*0,11*
Судно Юлиа Феликс, Градо, стеклобой, пер. пол. III в.	**m**	*19,76*	*0,32*	*1,98*	*70,25*	*0,41*	*4,76*	*0,01*	*0,35*	*0,02*	*0,28*	*1,45*	*0,06*	*0,01*	*0,82*
(группа CL 1/1, *Silvestri et al.*, 2008)	**std**	*0,53*	*0,08*	*0,14*	*0,5*	*0,06*	*0,32*	*0,01*	*0,04*	*0,01*	*0,04*	*0,12*	*0,01*	*0,01*	*0,11*
Будастис, Египет, посуда, I–III вв.	**m**	*17,20*	*0,59*	*2,00*	*68,4*	*0,53*	*6,84*	*0,02*	*0,48*	*0,04*	*0,98*	*0,29*	*0,08*	*0,02*	*0,7*
(*Rosenow, Rehren*, 2014)	**std**	*1,00*	*0,15*	*0,20*	*2,00*	*0,09*	*1,07*	*0,02*	*0,22*	*0,01*	*0,16*	*0,05*	*0,02*	*0,02*	*0,2*
Стекло, обесцвеченное марганцем															
Группа 1/Mn (левантийская I)															
Ком-38		15,63	0,73	2,95	65,27	0,42	9,06	1,92	0,55	0,07	0,26	0,81	0,11	1,41	<0,05
Ком-41		16,05	0,48	3,04	67,09	0,60	7,91	1,18	0,33	0,08	0,17	0,71	0,06	1,32	<0,05
Ком-50		15,56	0,73	2,99	67,11	0,46	7,80	1,48	0,56	0,05	0,24	0,74	0,08	1,46	<0,05
Ком-51		14,39	0,72	2,81	68,86	0,56	8,46	0,78	0,46	0,04	0,22	0,53	0,09	0,69	<0,05

Маркировка обр. / ссылка на источник		СЭМ-ЭДС, образцы 3/17-9/17 - РСМА (ЕРМА)								РСМА (ЕРМА)					
		Na2O	**MgO**	**Al2O3**	**SiO2**	**K2O**	**CaO**	**MnO**	**Fe2O3**	**P2O5**	**SO3**	**Cl**	**TiO2**	**MnO**	**Sb2O5**
Ком-83		15,56	0,72	2,99	67,16	0,45	7,80	1,50	0,56	0,10	0,25	0,81	0,09	1,54	<0,05
Средн. значение		**15,44**	**0,68**	**2,96**	**67,10**	**0,50**	**8,21**	**1,37**	**0,49**	**0,07**	**0,23**	**0,72**	**0,08**	**1,28**	**<0,05**
Станд. отклонение		**0,62**	**0,11**	**0,09**	**1,27**	**0,08**	**0,55**	**0,42**	**0,10**	**0,02**	**0,03**	**0,11**	**0,02**	**0,34**	
Джаламе, посуда с MnO, IV в. (*Brill,* 1988; по: *Foster, Jackson,* 2009)	***m***	*16,09*	*0,62*	*2,65*	–	*0,75*	*8,55*	*1,29*	*0,44*	–	–	–	*0,08*	*1,29*	
Аполлония, сырец, посуда (*Freestone et al.,* 2000)	***m***	*15,20*	*0,63*	*3,05*	*70,6*	*0,71*	*8,07*	*< 0,1*	*0,39*	–	–	–	*< 0,1*	*< 0,1*	см.
Аполлония, сырец, посуда	***m***	*14,31*	*0,56*	*3,17*	*71,33*	*0,62*	*8,37*	*0,03*	*0,48*	*0,1*	–	*0,83*	*0,08*	*0,03*	табл. 4
(*Phelps et al.,* 2016)	***std***	*0,96*	*0,08*	*0,18*	*1,51*	*0,17*	*1,19*	*0,04*	*0,07*	*0,05*	–	*0,09*	*0,01*	*0,04*	
Ю. и Ц. Франция, Бейрут, конец IV – начало V в.	***m***	*17,05*	*0,65*	*2,87*	*67,65*	*0,64*	*8,69*	*0,84*	*0,49*	*0,11*	–	–	*0,06*	*0,84*	
(серия Foy 3.1, *Foy et al.,* 2003)	***std***	*1,03*	*0,09*	*0,12*	*1,26*	*0,11*	*0,44*	*0,40*	*0,09*	*0,02*	–	–	*0,01*	*0,40*	
Группа 2/Mn (серия Foy 3.2)															
Ком-31		17,12	0,64	2,04	69,68	0,36	5,31	0,98	0,46	0,04	0,25	0,91	0,08	1,15	<0,05
Ком-32		17,18	0,64	2,04	69,63	0,35	5,32	0,99	0,45	0,07	0,14	0,95	0,09	1,07	<0,05
Ком-34		17,09	0,64	2,00	69,77	0,36	5,34	0,98	0,48	<0,01	0,23	0,94	0,10	1,10	<0,05
Ком-46		19,06	0,67	2,20	65,94	0,49	6,02	1,01	0,68	0,06	0,30	0,98	0,13	1,16	<0,05
Ком-79		16,60	1,08	2,41	68,30	0,42	6,00	1,14	0,60	0,06	0,19	0,92	0,11	1,16	<0,05
Ком-82		17,07	0,85	2,33	69,10	0,32	5,13	1,23	0,57	0,04	0,13	0,96	0,10	1,26	<0,05
Ком-1/17		19,29	0,88	2,04	71,17	0,43	5,46	0,98	0,62	0,03	0,17	1,41	0,11	0,98	<0,05
Ком-3/17		19,63	0,68	1,96	69,57	0,50	5,96	1,06	0,63	<0,01	0,27	1,36	0,09	1,06	<0,05
Ком-5/17		19,31	0,74	2,01	67,09	0,48	6,04	1,04	0,71	0,04	0,22	1,28	0,11	1,04	<0,05
Ком-8/17		19,65	0,89	2,04	71,34	0,41	5,46	0,93	0,61	0,04	0,19	1,43	0,11	0,93	<0,05
Ком-9/17		17,86	0,65	1,87	73,36	0,49	5,55	1,10	0,52	0,02	0,20	1,11	0,08	1,10	<0,05
Средн. значение		**18,17**	**0,76**	**2,09**	**69,54**	**0,42**	**5,60**	**1,04**	**0,58**	**0,04**	**0,21**	**1,11**	**0,10**	**1,09**	**<0,05**
Станд. отклонение		**1,21**	**0,15**	**0,16**	**2,03**	**0,06**	**0,34**	**0,09**	**0,09**	**0,02**	**0,05**	**0,21**	**0,02**	**0,09**	
Ю. Франция, конец V – начало VI в	**m**	18,79	0,65	1,92	68,07	0,44	6,99	0,95	0,70	0,08	0,21	1,16	0,09	0,95	
(серия 3.2, *Foy et al.*, 2003)	**std**	0,85	0,16	0,15	1,49	0,08	0,74	0,34	0,15	0,03	0,09	0,21	0,02	0,34	см.
Болгария, V в.	**m**	18,90	0,5	1,85	68,9	0,39	6,19	0,80	0,55	0,03	0,20	1,21	0,08	0,80	табл. 4

Маркировка обр. / ссылка на источник		СЭМ-ЭДС, образцы 3/17-9/17 - РСМА (ЕРМА)								РСМА (ЕРМА)					
		Na2O	MgO	Al2O3	SiO2	K2O	CaO	MnO	Fe2O3	P2O5	SO3	Cl	TiO2	MnO	Sb2O5
(Main group, *Cholakova, Rehren*, 2018)	**std**	1,10	0,12	0,13	1,5	0,05	0,59	0,17	0,11	0,01	0,09	0,20	0,02	0,17	см. табл. 4
Британия, Берншли парк, IV в.	**m**	18,46	0,67	1,81	–	0,29	5,77	1,14	0,48	0,03	–	–	0,09	1,14	
(Группа 2a, *Foster, Jackson*, 2010)	**std**	0,54	0,11	0,26	–	0,04	0,41	0,16	0,05	0,01	–	–	0,01	0,16	
Сербия, Стойник, IV в.	**m**	18,40	0,67	1,97	69,00	0,45	6,32	0,92	0,57	–	0,40	–	0,09	0,92	
(группа K1, *Maric-Stojanovic et al.*, 2015)	**std**	2,80	0,24	0,18	2,30	0,03	0,45	0,07	0,04	–	0,06	0,13	0,01	0,07	
Группа 3/Mn															
Ком-33		20,26	1,29	2,38	62,53	0,35	6,42	1,41	0,84	0,08	0,32	1,15	0,16	1,57	<0,05
Ком-35		20,23	1,30	2,40	62,61	0,34	6,44	1,37	0,84	0,06	0,46	1,20	0,19	1,61	<0,05
Ком-42		18,56	0,72	2,43	67,41	0,39	4,72	1,01	0,82	0,02	0,30	1,02	0,18	1,06	<0,05
Ком-48		18,85	0,80	2,01	65,27	0,35	6,76	0,92	1,01	0,07	0,26	1,05	0,13	1,02	<0,05
Ком-76		18,75	0,95	2,64	66,19	0,51	5,43	0,92	0,69	0,06	0,13	0,94	0,12	1,18	<0,05
Средн. значение		**19,33**	**1,01**	**2,37**	**64,80**	**0,39**	**5,96**	**1,12**	**0,84**	**0,06**	**0,29**	**1,07**	**0,16**	**1,29**	**<0,05**
Станд. отклонение		**0,84**	**0,27**	**0,23**	**2,18**	**0,07**	**0,85**	**0,25**	**0,11**	**0,02**	**0,12**	**0,10**	**0,03**	**0,28**	
Вне групп															
Ком-6/17		18,44	0,55	2,65	69,89	0,50	7,31	1,05	0,93	0,08	0,20	1,24	0,09	1,05	<0,05
Стекло с двумя обесцвечивателями															
Группа Mn+Sb															
Ком-39		18,34	0,78	3,05	67,78	0,44	3,66	1,23	0,99	<0,01	0,21	0,93	0,19	1,43	0,09
Ком-43		18,35	0,64	1,95	68,05	0,35	5,77	0,44	0,43	0,04	0,36	1,00	0,07	0,53	0,26
Ком-45		17,30	0,55	2,69	66,54	0,56	7,17	0,69	0,54	0,02	0,30	0,80	0,07	0,80	0,18
Ком-47		17,77	0,85	2,45	67,17	0,53	5,61	0,96	0,93	0,03	0,40	0,87	0,14	1,09	0,13
Ком-49		16,27	0,75	2,18	69,14	0,47	6,71	0,55	0,47	0,03	0,21	0,76	0,06	0,59	0,10
Ком-114		19,39	0,92	2,19	66,08	0,42	6,06	0,54	1,05	0,18	0,32	0,96	0,08	0,61	0,20
Ком-115		18,21	0,56	2,79	66,45	0,61	6,90	0,59	0,52	0,08	0,19	0,87	0,08	0,58	0,18
Ком-117		18,30	0,61	1,96	66,77	0,43	6,30	0,51	0,50	0,03	0,25	0,96	0,09	0,52	0,23
Ком-118		20,75	0,90	2,80	64,28	0,42	6,02	0,82	0,49	0,07	0,39	0,89	0,08	0,98	0,08

Маркировка обр. / ссылка на источник	СЭМ-ЭДС, образцы 3/17-9/17 - РСМА (EPMA)								PCMA (EPMA)					
	Na2O	MgO	Al2O3	SiO2	K2O	CaO	MnO	Fe2O3	P2O5	SO3	Cl	TiO2	MnO	Sb2O5
Ком-119	20,62	0,82	2,19	64,39	0,51	6,42	0,73	0,56	0,07	0,42	0,88	0,09	0,92	0,21
Ком-120	19,83	0,79	2,18	64,88	0,52	6,78	0,81	0,60	0,06	0,27	0,86	0,10	0,91	0,11
Ком-121	19,50	0,59	2,79	65,94	0,51	6,28	0,58	0,41	0,07	0,26	0,83	0,05	0,70	0,23
Группа Mn+Sb (Fe+Cu)														
Ком-30	17,79	1,09	2,46	64,25	0,76	6,69	0,90	1,11	0,12	0,26	0,90	0,15	1,00	0,04
Ком-4/17	19,61	0,82	2,26	66,63	0,68	6,48	0,80	1,86	0,10	0,33	1,25	0,12	0,80	0,09
Ком-7/17	18,27	0,69	2,11	68,99	0,59	5,69	0,81	1,84	0,05	0,27	1,06	0,11	0,81	0,14

Примечания: «–» – нет данных
m – среднее значение
std – стандартное отклонение

щему левантийское происхождение, но распространенному в более раннее время (до конца III – первой половины IV в. – *Foster, Jackson*, 2009). В настоящее время образцы, относящиеся к «римскому» стеклу, в исследованной выборке не выделяются. Близкое по происхождению, стекло этих групп различается в основном содержанием алюминия и, в меньшей степени, кальция (более высоким в стекле левантийской I группы, чем в «римском»). Вероятно, более раннее (некорректное) определение стало следствием аналитической ошибки при работе с образцами, имеющими неровную поверхность, и менее систематического контроля показаний прибора по внешним эталонам. Присутствие в выборке стекла левантийской I группы при отсутствии «римского» имеет принципиальное значение для определения времени существования мастерской в Комарове (см. ниже).

Сиро-палестинское происхождение данной группы сырца подтверждается и концентрациями следовых элементов, характерными для содержащего примесь раковин моллюсков левантийского берегового песка (ванадия, галлия, рубидия, стронция, иттрия, циркония, бария, лантана, церия, празеодима, неодима, тория и некоторых др. – табл. 4). В ряде образцов, однако, зафиксировано более высокое, по сравнению со стеклом из Аполлонии, содержание бария (от 850 ppm), сочетающееся с повышенным (более 20 ppm) содержанием ванадия. Вероятно, частично эти элементы попали в стекло вместе с обесцвечивателем – марганцем (Glass making…, 2014. P. 71–74). Аналогичные примеры образцов с крайне высоким содержанием бария встречены также среди стекла левантийской группы (серия Foy 3.1) из Южной Франции (*Foy et al.*, 2003). Наличие в выборке образцов одновременно и с низким, и с высоким содержанием бария и ванадия (рис. 3) говорит о том, что марганец, которым они обесцвечены, происходит из разных источников.

Еще одна группа стекла (**группа 2/Mn**), обесцвеченного марганцем, имеет, очевидно, египетское происхождение. В первой публикации данных по составу сырца из Комарова относящееся к ней стекло было соотнесено с группой HIMT (high iron, manganese, titanium) (*Румянцева, Щербаков*, 2015; 2016). Ранее группа HIMT фактически объединяла сразу несколько серий стекла, для которых характерна корреляция между содержаниями ряда элементов, входящих

Таблица 3. Результаты анализа эталона NIST 612 методом LA-ICP-MS (в ppm).

Элемент, ppm	Сертифицированное	Опубликованное (*Norman*,1996)	Среднее	Станд откл	Станд откл , %
Ti	50,1	48,11	49,01	6,49	13,24
V	–	38,2	39,17	2,13	5,45
Co	35,5	33	35,36	2,41	6,83
Ni	38,8	34,5	38,34	4,34	11,32
Cu	37,7	36,71	37,09	3,56	9,59
Zn	–	37,92	38,03	2,90	7,63
Ga	–	35,9	36,21	2,00	5,51
Rb	31,4	32,2	31,88	1,54	4,83
Sr	78,4	79,3	76,43	5,52	7,22
Y	–	41,2	38,57	1,99	5,16
Zr	–	42,1	36,90	6,69	18,14
Sn	–	37,96	38,21	1,81	4,72
Sb	34,9	38,44	38,81	2,19	5,63
Ba	38,6	38,8	38,34	3,31	8,63
La	36	35,8	36,28	3,14	8,67
Ce	39	39,2	38,91	3,34	8,57
Pr	–	39	37,77	3,51	9,30
Nd	36	36,3	35,90	3,72	10,36
Eu	36	35,9	35,12	3,76	10,72
Hf	–	38,5	35,78	4,90	13,68
Pb	38,57	38,96	40,39	6,33	15,68
Th	37,79	39,5	38,54	6,22	16,14

в состав песка (железа, магния, марганца, титана и др.); к настоящему времени каждая из них охарактеризована отдельно (в т. ч. серии Foy 3.2, Foy 2.1 и собственно группа HIMT – см.: *Nenna*, 2014; *Cholakova et al.*, 2016; *Freestone et al.*, 2018). Предполагается, что все они имеют египетское происхождение (Ibid.; *Cholakova, Rehren*, 2018).

В Комарове данная группа – среди самых многочисленных, она включает 11 образов сырца (табл. 2). По составу они близки серии 3.2, выделенной на материалах Южной и Центральной Франции (*Foy et al.*, 2003) и выявленной в настоящее время среди материалов Египта (*Rosenow, Rehren*, 2014 (в составе группы "weak HIMT"); *Schibille et al.*, 2017 (в группе "Foy 2 (2.1/3.2)")), Западной Европы и Балкан (подробнее см.: *Cholakova, Rehren*, 2018). Данная серия отличается низкими содержаниями элементов-примесей, попадавших в стекло с песком (оксидов кальция (5,60 %), алюминия (2,09 %), титана (0,1 %), железа (0,58 %) и др., а также ряда следовых элементов), что, в свою очередь, сближает ее со стеклом, обесцвеченным сурьмой, в котором они лишь незначительно ниже (рис. 3; 4). Это обстоятельство, как и распространенность стекла подобного состава на территории Египта, позволяет предполагать его египетское происхождение (*Rosenow, Rehren*, 2014; *Schibille et al.*, 2017; *Cholakova, Rehren*, 2018. P. 57). У тонкостенных сосудов стекло данной серии также бывает практически бесцветное, лишь незначительно уступая по качеству обесцвеченному сурьмой (массивные куски сырца имеют разные оттенки – зеленоватый, оливковый, зелено-голубой). Вероятно, постепенное сокращение и, в итоге, прекращение использования сурьмы на протяжении IV – не позднее начала V в. н. э. привело к ее постепенной замене на менее эффективный марганец. Одновременно с этим могло произой-

Таблица 4. Результаты анализа стекла-сырца из Комарова методом LA-ICP-MS (в ppm).

		V	Co	Ni	Cu	Zn	Ga	Rb	Sr	Y	Zr	Sn	Sb	Ba	La	Ce	Pr	Nd	Eu	Hf	Pb	Th
Стекло, обесцвеченное сурьмой																						
Ком-44		10,04	2,08	3,35	10,32	21,47	2,07	5,56	635	9,89	38,01	0,79	4430	150	7,74	11,68	1,66	7,72	0,36	1,58	18,73	1,23
Ком-112		9,73	1,99	4,92	9,45	12,48	2,36	4,88	567	8,22	36,18	1,22	4264	146	7,34	11,66	1,66	7,23	0,40	1,39	17,36	1,10
Ком-113		10,95	1,78	5,16	11,04	12,44	1,89	5,85	431	7,20	37,70	1,00	4300	149	6,94	11,00	1,60	6,57	0,37	1,39	20,89	1,11
Ком-116		6,85	1,30	3,24	8,85	14,30	1,65	5,31	426	7,10	29,50	0,63	4020	145	6,53	10,17	1,43	6,58	0,33	1,28	26,34	0,97
Средн. значение		**9,39**	**1,79**	**4,16**	**9,92**	**15,17**	**1,99**	**5,40**	**515**	**8,10**	**35,35**	**0,91**	**4253**	**147**	**7,14**	**11,13**	**1,58**	**7,02**	**0,37**	**1,41**	**20,83**	**1,10**
Станд. отклонение		**1,77**	**0,35**	**1,01**	**0,96**	**4,29**	**0,30**	**0,41**	**103**	**1,30**	**3,98**	**0,26**	**171**	**2,51**	**0,52**	**0,71**	**0,11**	**0,56**	**0,03**	**0,12**	**3,95**	**0,10**
Юлиа Феликс, CL1/1	m	9,00	1,00	3,00	17,00	18,00	3,00	9,00	301	6,00	45,00	–	6173	118	5,00	27,00	–	8,00	–	–	72,00	–
(*Silvestri et al.*, 2008)	std	3,00	1,00	2,00	7,00	11,00	3,00	2,00	41	1,00	4,00	–	828	20	0,00	9,00	–	4,00	–	–	179,00	–
Абмье, сырец	m	3,22	4,22	< 4	<7-17	–	–	4,89	312	–	37,67	–	5951	163	2,89	–	–	4,22	–	–	25,67	–
(*Ganio et al.*, 2012)	std	0,97	0,44	–	–	–	–	0,33	30	–	1,80	–	1059	4,82	0,60	–	–	0,44	–	–	11,57	–
Стекло, обесцвеченное марганцем																						
Группа 1/Mn (левантийская 1)																						
Ком-38		23,28	9,84	11,92	27,62	19,59	3,03	6,54	597	11,89	31,21	0,84	0,82	919	9,16	13,67	1,89	8,61	0,50	1,48	6,92	1,13
Ком-41		13,75	3,32	9,85	8,27	12,53	3,76	10,08	543	11,06	24,53	0,93	< 2	352	8,51	12,79	1,84	8,26	0,44	1,33	10,12	1,08
Ком-50		21,22	8,88	6,98	22,72	20,06	2,78	6,51	561	10,85	35,01	0,95	0,43	876	8,91	13,56	1,93	8,68	0,44	1,47	7,09	1,16
Ком-51		15,96	11,40	8,87	52,95	27,17	2,78	7,64	566	10,75	39,31	1,04	< 2	355	7,96	12,83	1,78	7,92	0,43	1,56	24,52	1,13
Ком-83		20,14	8,54	8,25	18,61	14,65	2,56	6,52	521	10,11	32,68	0,94	1,12	850	8,90	13,69	1,85	8,53	0,48	1,41	6,77	1,12
Средн. значение		**18,87**	**8,39**	**9,17**	**26,03**	**18,80**	**2,98**	**7,46**	**557,35**	**10,93**	**32,55**	**0,94**	**0,79**	**671**	**8,68**	**13,31**	**1,86**	**8,40**	**0,46**	**1,45**	**11,08**	**1,12**
Станд. отклонение		**3,91**	**3,04**	**1,85**	**16,65**	**5,67**	**0,47**	**1,54**	**28,19**	**0,64**	**5,43**	**0,07**	**0,35**	**290**	**0,47**	**0,46**	**0,05**	**0,31**	**0,03**	**0,09**	**7,64**	**0,03**
Аполлония, сырец (*Freestone et al.*, 2000)		–	–	–	–	–	4,20	12,50	397	7,70	59,00	–	–	227	8,00	15,70	2,10	8,00	–	–	–	1,20
Аполлония, сырец, посуда (*Phelps et al.*, 2016)		9,50	1,70	4,20	21,50	10,60	3,10	9,40	421	7,20	44,40	7,17	н/о	230	7,20	13,00	1,60	6,40	0,37	1,10	46,80	0,97
Группа 2/Mn (серия Foy-3.2)																						
Ком-34		14,61	4,22	10,71	16,61	10,65	2,20	5,67	489	9,31	34,56	0,92	< 2	344	8,05	12,13	1,69	7,63	0,40	1,82	6,16	1,35

		V	Co	Ni	Cu	Zn	Ga	Rb	Sr	Y	Zr	Sn	Sb	Ba	La	Ce	Pr	Nd	Eu	Hf	Pb	Th
Ком-46		17,27	8,64	10,80	52,92	16,86	2,80	4,91	599	9,05	65,97	4,78	34,83	241	7,88	12,40	1,76	7,27	0,39	2,12	40,16	1,42
Ком-79		16,77	3,97	12,00	24,50	12,11	2,86	4,86	486	8,38	55,34	0,76	< 2	190	7,59	12,39	1,75	7,72	0,38	2,28	5,10	1,47
Ком-82		17,54	4,37	9,17	14,95	8,55	1,76	4,85	419	7,57	49,45	0,91	1,71	208	7,04	11,14	1,57	6,91	0,37	2,03	5,08	1,37
Ком-1/17		16,43	4,68	5,31	35,94	9,93	2,91	5,32	491	7,70	60,02	1,74	0,47	382	7,05	11,88	1,72	7,17	0,34	1,89	11,35	1,18
Ком-3/17		16,41	6,39	8,99	38,09	12,85	2,57	6,88	478	7,37	51,04	11,45	33,07	290	6,66	11,25	1,65	6,81	0,37	1,65	155,38	1,13
Ком-5/17		16,49	8,10	9,41	50,55	13,11	2,23	12,98	506	8,18	56,70	14,82	21,01	336	7,20	12,68	1,79	7,32	0,38	1,77	246,37	1,14
Ком-8/17		16,20	4,48	–	36,36	10,44	2,49	5,19	466	7,22	54,00	1,59	0,41	361	6,60	11,14	1,63	6,57	0,36	1,74	11,01	1,11
Ком-9/17		15,17	4,38	6,98	15,15	10,80	2,41	5,37	436	6,92	46,58	0,96	0,59	310	6,57	10,85	1,55	6,48	0,33	1,50	5,56	0,99
Средн. значение		**16,32**	**5,47**	**9,17**	**31,67**	**11,70**	**2,47**	**6,22**	**485,38**	**7,96**	**52,63**	**4,21**	**13,15**	**296**	**7,18**	**11,76**	**1,68**	**7,10**	**0,37**	**1,87**	**54,02**	**1,24**
Станд. отклонение		**0,93**	**1,79**	**2,17**	**14,66**	**2,41**	**0,37**	**2,61**	**50,69**	**0,82**	**8,90**	**5,27**	**16,02**	**69**	**0,55**	**0,68**	**0,08**	**0,44**	**0,02**	**0,24**	**87,01**	**0,17**
Ю. Франция, конец V – начало VI в (серия 3.2, *Foy et al.*, 2003)	m	–	–	–	25,00	–	–	–	536	–	57,00	–	18,00	242	–	11,00	–	–	–	–	179	–
	std	–	–	–	11,00	–	–	–	106	–	11,00	–	34,00	42	–	1,00	–	–	–	–	369	–
Болгария, V в. (Main group, *Cholakova, Rehren*, 2018)	m	–	–	–	17,00	–	–	–	450	6,00	48,00	–	1,70	227	–	11,00	–	–	–	–	11,00	–
	std	–	–	–	15,00	–	–	–	25	0,50	4,00	–	2,50	90	–	1,00	–	–	–	–	10,00	–
Британия, Берншли парк, IV в. (Группа 2a, Foster, *Jackson*, 2010)	m	17,00	1,00	13,00	14,00	17,00	–	–	442	7,00	46,00	–	600,00	199	–	–	–	–	–	–	н/о	–
	std	5,00	1,00	2,00	5,00	4,00	–	–	33	1,00	4,00	–	300,00	27	–	–	–	–	–	–	–	–
Группа 3/Mn																						
Ком-33		25,90	6,85	9,94	23,13	23,23	2,59	4,07	715	12,06	56,95	1,18	2,59	588	11,29	17,63	2,49	11,28	0,59	4,05	9,27	2,43
Ком-35		27,87	6,99	10,46	23,74	22,69	2,98	4,02	715	11,49	66,76	0,98	2,22	500	9,96	15,31	2,08	9,42	0,48	3,31	7,07	1,87
Ком-42		23,23	22,93	16,16	43,60	16,79	3,45	5,32	495	11,85	73,74	1,30	12,08	353	9,73	15,22	2,22	9,68	0,48	3,65	5,40	1,95
Ком-48		30,22	7,36	17,15	31,37	19,88	2,27	4,11	604	11,23	50,56	1,57	108	207	10,05	12,61	2,14	9,64	0,51	2,04	12,34	1,32
Ком-76		29,98	8,43	12,46	40,09	10,99	2,27	9,62	480	9,99	61,53	3,74	32,48	276	9,01	14,36	1,98	8,76	0,42	2,33	60,30	1,83
Средн. значение		**27,44**	**10,51**	**13,23**	**32,38**	**18,72**	**2,71**	**5,43**	**601,73**	**11,32**	**61,91**	**1,75**	**31,51**	**385**	**10,01**	**15,02**	**2,18**	**9,76**	**0,50**	**3,08**	**18,88**	**1,88**
Станд. отклонение		**2,93**	**6,97**	**3,28**	**9,31**	**5,02**	**0,51**	**2,41**	**113,93**	**0,81**	**8,90**	**1,13**	**44,59**	**157**	**0,83**	**1,81**	**0,19**	**0,93**	**0,06**	**0,86**	**23,30**	**0,39**
Вне групп																						
Ком-6/17		27,19	3,90	10,47	44,82	10,46	3,05	7,24	454	9,86	37,24	1,10	0,12	350	8,19	11,68	2,05	8,39	0,47	1,23	11,69	1,00

	V	Co	Ni	Cu	Zn	Ga	Rb	Sr	Y	Zr	Sn	Sb	Ba	La	Ce	Pr	Nd	Eu	Hf	Pb	Th
Стекло с двумя обесцвечивателями																					
Группа Mn+Sb																					
Ком-39	27,55	28,83	17,54	48,64	25,59	3,93	6,06	417	10,08	69,70	1,05	549	424	9,44	15,67	2,03	9,38	0,49	2,89	8,39	1,73
Ком-43	16,63	4,28	6,20	12,20	10,08	1,98	5,76	509	8,82	38,17	1,00	1973	196	7,28	11,00	1,62	6,85	0,34	1,79	15,42	1,21
Ком-45	17,74	4,38	6,88	56,99	30,41	3,22	8,44	529	9,11	49,05	5,78	1579	330	7,78	12,36	1,80	7,67	0,45	1,52	70,58	1,24
Ком-47	27,66	10,53	14,01	47,03	32,61	2,68	5,01	500	9,96	75,90	3,32	958	300	9,23	13,62	1,94	8,62	0,45	2,49	27,26	1,55
Ком-49	14,11	6,12	4,91	19,99	16,02	2,36	5,40	571	9,07	41,23	0,96	946	323	7,85	11,82	1,73	7,58	0,36	1,77	13,21	1,33
Ком-114	28,25	4,96	14,98	35,03	14,57	1,75	4,59	526	9,85	46,37	0,93	1389	221	10,08	12,41	2,20	9,75	0,53	1,99	17,61	1,33
Ком-115	17,48	3,31	7,25	51,77	5,01	2,64	9,70	435	8,94	40,28	4,11	1648	302	7,77	12,38	1,71	7,47	0,41	1,52	55,15	1,44
Ком-117	14,79	5,32	9,61	241	6,76	2,54	6,02	539	7,81	42,20	19,89	1520	206	6,70	10,73	1,54	6,56	0,31	1,36	213	0,95
Ком-118	26,75	8,71	15,79	132	5,43	3,17	6,47	554	9,90	42,45	11,07	609	342	7,92	12,34	1,75	7,44	0,38	1,51	72,79	1,12
Ком-119	18,76	10,17	8,89	248	10,04	1,77	5,78	642	8,56	42,06	24,40	1223	265	7,52	11,88	1,65	6,91	0,37	1,58	305	1,33
Ком-120	17,36	9,48	8,26	247	10,18	2,14	5,24	643	8,57	42,57	24,96	1193	269	7,35	11,77	1,65	7,18	0,33	1,71	307	1,25
Ком-121	16,91	4,63	7,22	72,00	9,73	3,02	8,38	480	9,63	29,85	4,66	1676	303	7,33	11,66	1,69	7,03	0,38	1,24	90,33	1,01
Группа Mn+Sb (Fe+Cu)																					
Ком-30	28,77	22,34	17,88	1375	40,77	2,60	7,54	659	11,23	36,70	719	374	344	9,86	14,99	2,16	9,61	0,48	2,70	6305	1,92
Ком-4/17	27,50	66,52	30,00	2415	59,63	3,51	7,43	541	8,45	72,17	818	685	271	7,52	12,60	1,75	7,30	0,37	1,75	10546	1,47

Примечание: «–» – нет данных
н/о – ниже предела обнаружения

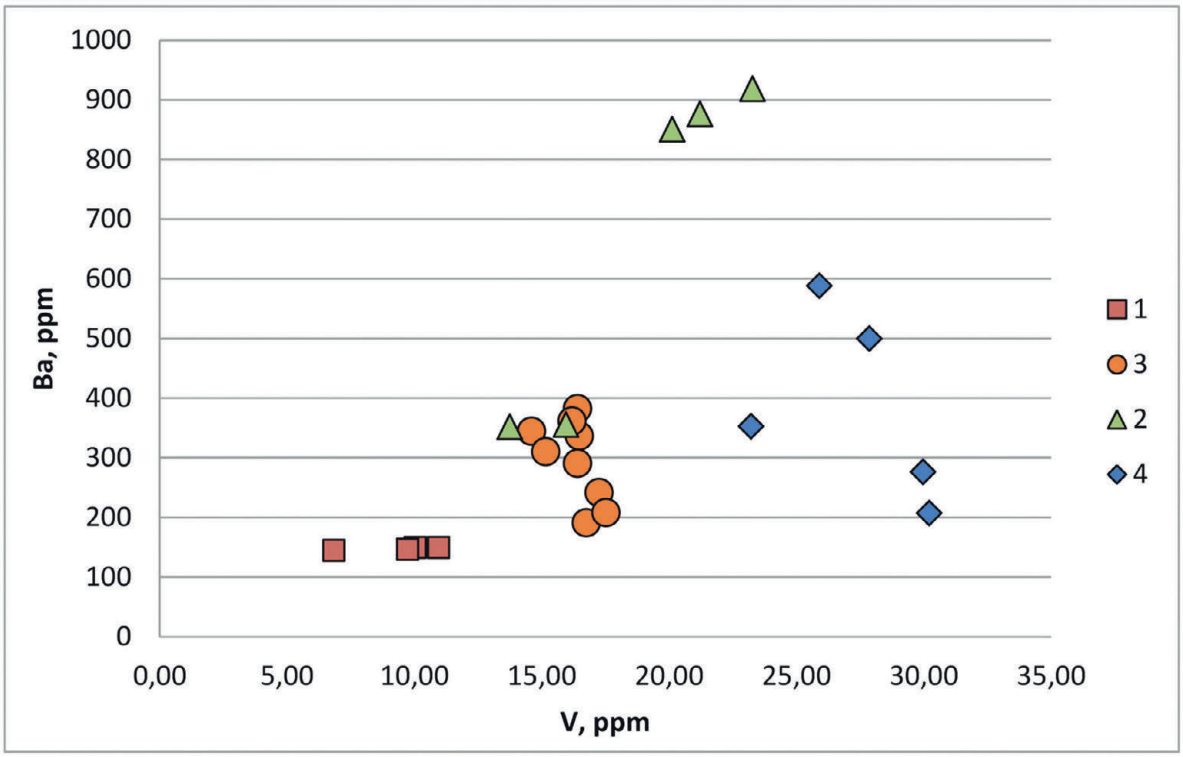
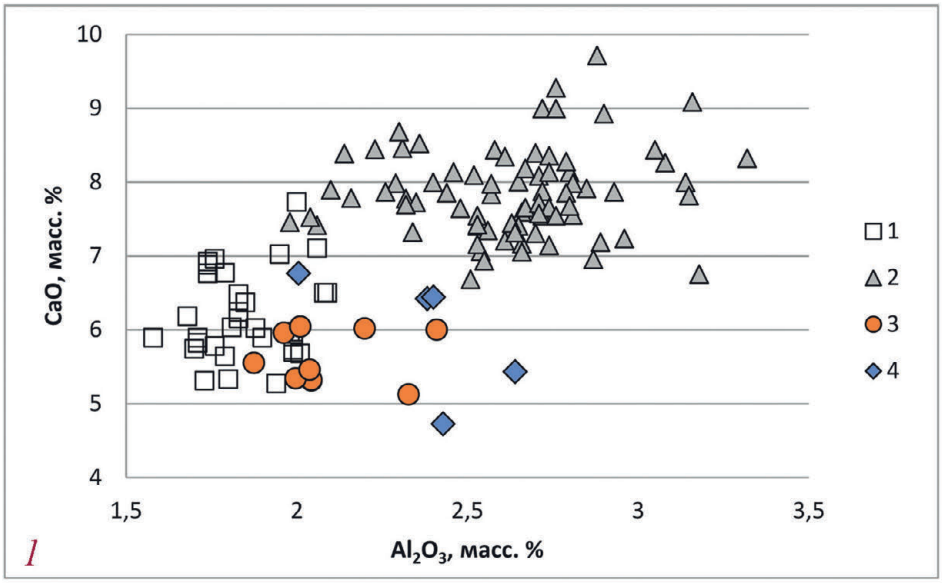


Рис. 3. Группы стекла-сырца из Комарова. Соотношение ванадия и бария. *1* – стекло, обесцвеченное сурьмой; *2* – группа 1/Mn (левантийская I); *3* – группа 2/Mn (серия Foy 3.2); *4* – группа 3/Mn

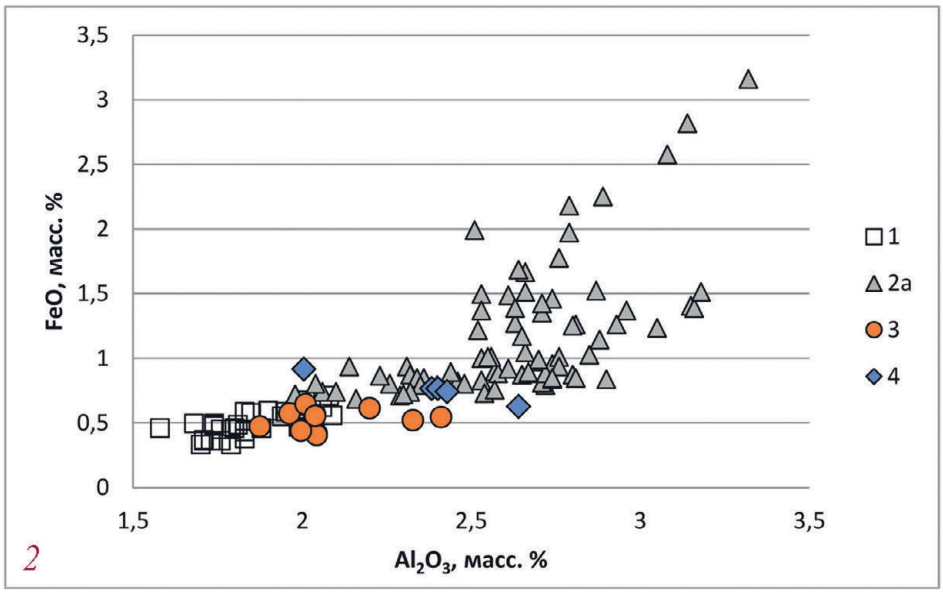
ти и перемещение стекловаренного центра, что нашло отражение в незначительном повышении содержаний элементов-примесей песка в составе стекла (*Cholakova, Rehren*, 2018. P. 57, 65).

Еще одна группа обесцвеченного марганцем стекла (**группа 3/Mn**) представлена пятью образцами сырца, преимущественно с зеленоватым или оливковым оттенком (рис. 1: *3*). Стекло данной группы характеризуют более высокие концентрации элементов – примесей песка (оксидов магния (1 %), алюминия (2,37 %), титана (0,16 %), железа (0,84 %)), чем в стекле серии Foy 3.2, при чуть более вариабельном содержании кальция (от 4,7 до 6,8 %). Однако в целом стекло групп 2/Mn и 3/Mn близко по основному составу. Ряд характеристик сближает ее также с серией Foy 2.1, известной по европейским материалам VI в. (рис. 4) (*Foy et al.*, 2003; *Cholakova et al.*, 2016 и мн. др.). В Египте стекло состава, аналогичного серии Foy 2.1, встречается и ранее VI в., оно зафиксировано в Бубастисе (“weak HIMT” – *Rosenow, Rehren*, 2014), а также в Карфагене, где оно было отнесено к группе Foy 2, наряду с образцами серии 3.2 (*Schibille et al.*, 2017). Стекло, близкое по составу «слабой» части серии 2.1 (с наиболее низким содержанием элементов, происходящих из песка), встречено и в ареале черняховской культуры: из него сделаны некоторые толстостенные шлифованные кубки (*Rumyantseva et al.*, 2021a; 2021b). Можно предположить, что и сырец из Комарова, отнесенный к группе 3/Mn, также происходит из Египта. Помимо перечисленных признаков, сближающих ее с сериями Foy 3.2 и 2.1, ее также отличает высокая концентрация натрия (19,33 % Na_2O), типичная для стекла, которое считается египетским. Природная сода, являющаяся его источником в стекле, была здесь местная, в отличие от Леванта, куда она, вероятно, импортировалась; для левантийского стекла характерны более низкие содержания Na_2O (*Freestone et al.*, 2018; *Freestone*, 2020).

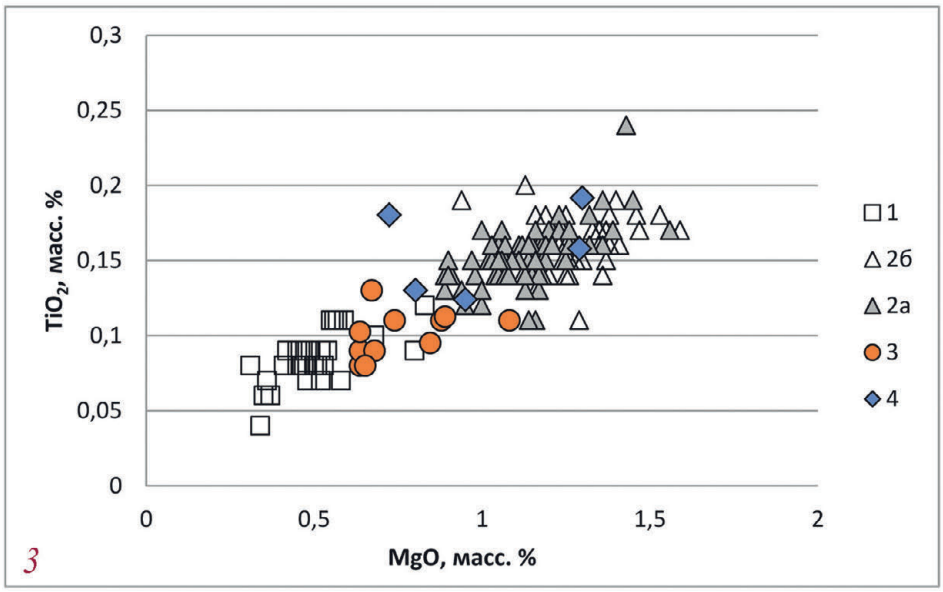
Разница между данной серией стекла, с одной стороны, и сериями Foy 3.2 и 2.1 – с другой, прослеживается и по содержанию и соотношению следовых элементов. Наиболее характерный признак, позволяющий различать серии Foy 3.2 и 2.1, а также группу HIMT, – содержание и соотношение иттрия, церия и циркония (следовых элементов из состава песка) – был


10
9
8
7
6
5
4
CaO, масс. %
1,5
2
2,5
3
3,5
Al2O3, масс. %
1
2
3
4

1


3,5
3
2,5
2
1,5
1
0,5
0
FeO, масс. %
1,5
2
2,5
3
3,5
Al2O3, масс. %
1
2a
3
4

2


0,3
0,25
0,2
0,15
0,1
0,05
0
TiO2, масс. %
0
0,5
1
1,5
2
MgO, масс. %
1
2б
2a
3
4

3

Рис. 4. Группы стекла 2/Mn и 3/Mn. Соотношение элементов, характеризующих основное сырье стеклоделов (песок), в сравнении с сериями Foy 3.2 и Foy 2.1. *1* – серия Foy 3.2 (основная группа), Нижний Дунай (данные по: *Cholakova, Rehren*, 2018); *2а* – серия Foy 2.1, Нижний Дунай (данные по: *Cholakova et al.*, 2016); *2б* – серия Foy 2.1, Ю. Франция и др. регионы (данные по: *Foy et al.*, 2003); *3* – Комаров, группа 2/Mn; 4 – Комаров, группа 3/Mn

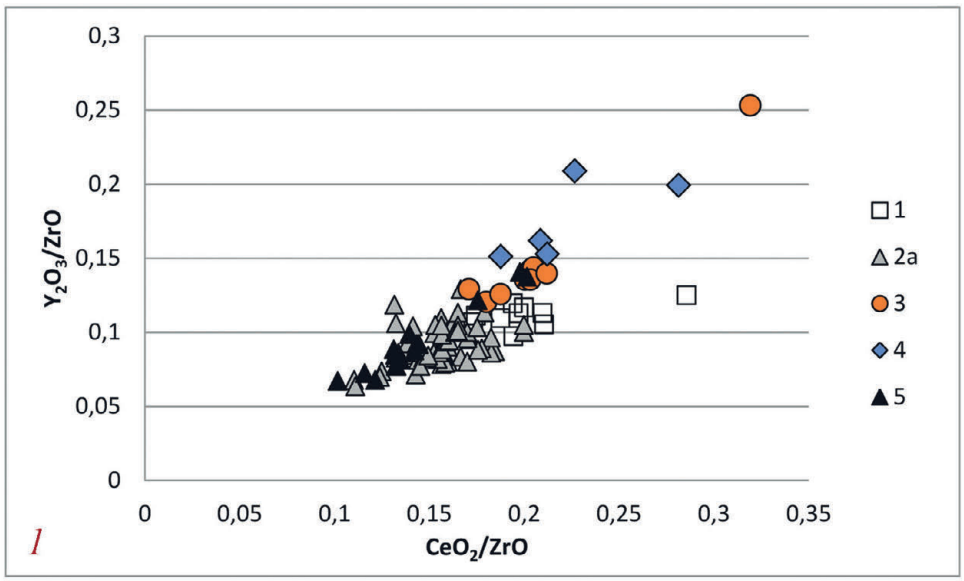
выявлен ранее на дунайских материалах. Стекло из Комарова, соответствующее серии Foy 3.2, очень близко аналогичной группе стекла V в. из бассейна Нижнего Дуная (*Cholakova et al.*, 2016). Примечательно при этом, что стекло некоторых толстостенных шлифованных кубков по этому признаку идентично нижнедунайскому стеклу, отнесенному к серии Foy 2.1 (рис. 5: *1*). Что неожиданно, комаровский сырец, занимающий по ряду признаков основного состава промежуточное положение между стеклом серий Foy 3.2 и 2.1, занимает на диаграмме отдельную область, которая соприкасается с серией 3.2, но довольно далеко отстоит при этом от серии 2.1.

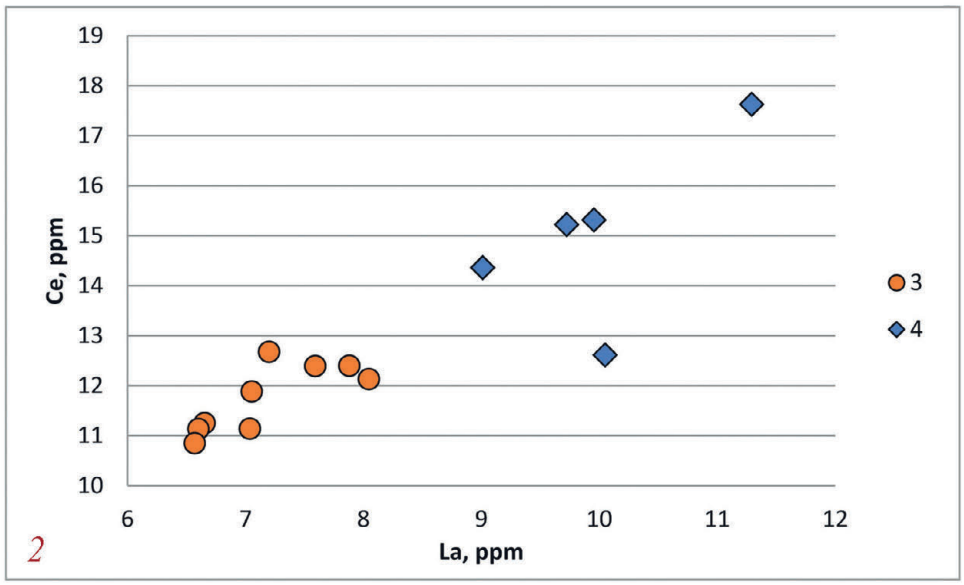
Для сырца из Комарова разница в составе стекла серий 2/Mn (Foy 3.2) и 3/Mn хорошо определяется по содержанию еще ряда следовых элементов: ванадия, бария, иттрия, лантана, церия и неодима, концентрации которых ниже в серии 3.2. Также в среднем для последних характерны более низкие содержания циркония (рис. 3; 5: *2, 3*).

По соотношению оксидов алюминия, кремния и титана – диагностических признаков, позволяющих наиболее хорошо различать стекло разных производственных центров I тыс. н. э., варившееся на основе природной соды, – все выявленные группы стекла хорошо соответствуют сериям, широко известным на территории Римской империи: обесцвеченному сурьмой; 1/Mn – левантийской I группе; 2/Mn – серии Foy 3.2; 3/Mn – серии Foy 2.1 (рис. 2: *А*). В последнем случае (для 3/Mn и Foy 2.1) различия выявляются на уровне следовых элементов, однако при этом надо учитывать, что материалов IV–V вв. в целом опубликовано немного, и серия Foy 2.1 известна преимущественно по стеклу VI в. (*Freestone*, 2020; *Cholakova et al.*, 2016). Кроме того, во многих случаях мы располагаем данными лишь об основном составе (в частности, для египетских материалов – *Rosenow, Rehren*, 2014; *Schibille et al.*, 2017), что затрудняет сопоставление имеющихся данных.

Один из образцов стекла, обесцвеченного марганцем (Ком-6/17), не может быть однозначно отнесен ни к одной из групп. Его состав (и основной, и концентрация следовых элементов – табл. 2, 4) наиболее близок стеклу левантийской I группы, отличаясь при этом нехарактерно высоким содержанием оксида натрия (18,44 %).

Стекло, содержащее *марганец и сурьму* одновременно, представлено в выборке 15 образцами (табл. 2). Сочетание двух обесцвечивателей считается признаком вторичного использования – когда при производстве готовых изделий в расплавленную стеклянную массу добавляется стеклобой. В сырце, происходящем из стекловаренных центров, и марганец, и сурьма одновременно не встречаются (*Foster, Jackson*, 2010. P. 3071; *Freestone*, 2015). То есть в данном случае речь, очевидно, может идти не о полуфабрикатах, попавших на памятник из стекловаренных центров, а об эрклезе – кусках стекломассы, по каким-то причинам не выработанной в процессе местного производства. Объем этой серии составляет почти треть выборки, что говорит об интенсивном применении стеклобоя в Комаровской мастерской. Отрицательная корреляция между марганцем и сурьмой (с коэффициентом - 0,78) подтверждает то, что изучаемые образцы – результат смешения стекол с разными обесцвечивателями (рис. 6: *1*). Повышенные, по сравнению со стеклом прочих групп, концентрации меди и свинца также подтверждают гипотезу о применении в данном случае стеклобоя (подробнее см. ниже). Соотношение сурьмы и марганца в этих образцах очень вариабельно, однако концентрация марганца во всех случаях выше. Следовательно, основой во всех случаях, очевидно, являлось обесцвеченное марганцем стекло. Это соответствует данным, полученным по материалам с территории римских провинций, – высококачественное стекло, обесцвеченное сурьмой, берегли, оно обычно не содержит маркеров применения стеклобоя (см., напр.: *Foster, Jackson*, 2010; *Schibille et al.*, 2017 и мн. др.). Предположительно в качестве основы в большинстве случаев использовалось стекло «египетских» серий, а не левантийское: большинство образцов отличает высокое содержание натрия и


0,3
0,25
0,2
0,15
0,1
0,05
0
Y_2O_3/ZrO
0
0,05
0,1
0,15
0,2
0,25
0,3
0,35
CeO_2/ZrO
1
2a
3
4
5
1


19
18
17
16
15
14
13
12
11
10
Ce, ppm
6
7
8
9
10
11
12
La, ppm
3
4
2

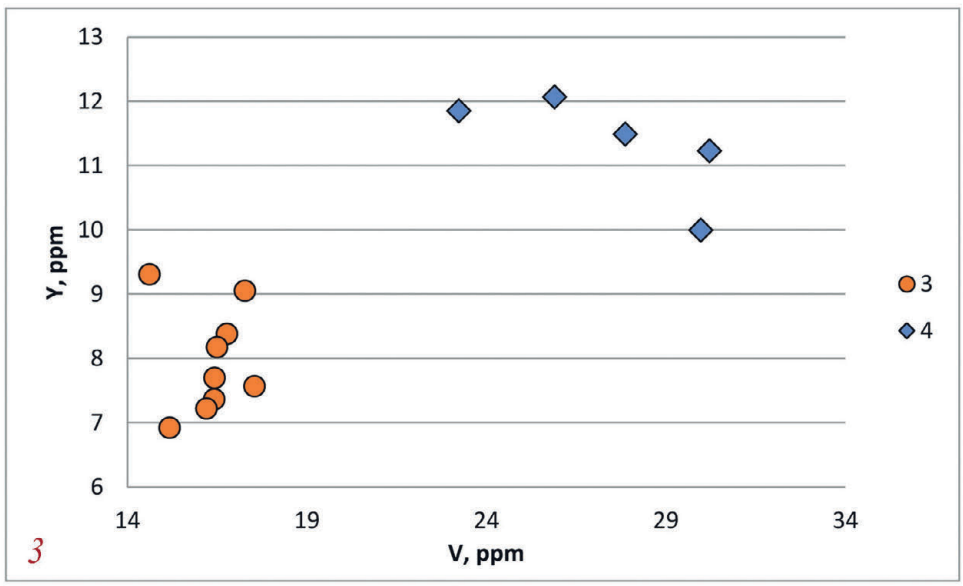

13
12
11
10
9
8
7
6
Y, ppm
14
19
24
29
34
V, ppm
3
4
3

Рис. 5. Группы стекла 2/Mn и 3/Mn. Содержание следовых элементов, характеризующих песок. *1* – серия Foy 3.2 (основная группа), Нижний Дунай (данные по: *Cholakova, Rehren*, 2018); *2a* – серия Foy 2.1, Нижний Дунай (данные по: *Cholakova et al.*, 2016); *3* – Комаров, группа 2/Mn; *4* – Комаров, группа 3/Mn; *5* – стекло группы Mn-3 (серии Foy 2.1) из археологического комплекса черняховской культуры Войтенки (по: *Rumyantseva et al.*, 2021b)

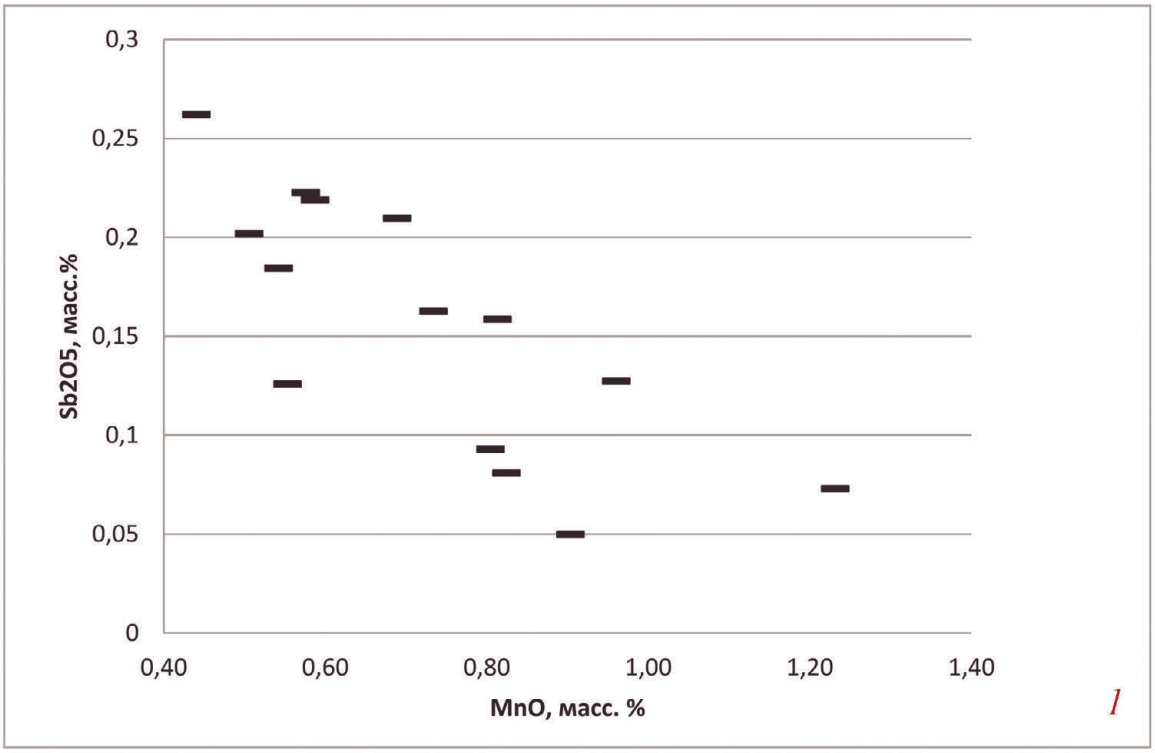
титана при относительно низком – алюминия и кальция; исключение составляет, вероятно, образец Ком-45 с относительно высокими содержаниями алюминия и кальция[3]. Близкая ситуация ранее отмечалась для стекла с территории римской Британии (*Foster, Jackson*, 2010).

Примечательно, что три образца (Ком-30; 4/17, 7/17) из данной группы отличает нехарактерно высокое содержание железа и примесь меди, которая не может объясняться исключительно вторичным использованием неокрашенного стеклобоя. При этом цвет стекла, скорее, имитирует характерные для него естественные оттенки, чем напоминает намеренно окрашенное стекло. В одном случае стекло имеет зелено-голубой, в другом – насыщенный зеленый оттенок. Вполне возможно, что они были более популярны у потребителей продукции Комаровской мастерской, чем оливковые, часто присущие египетскому стеклу, и их могли имитировать путем добавления небольшого количества красителя. Египетское стекло было проще в обработке и требовало меньших затрат топлива, т. к. оно содержит большее количество оксида натрия, чем имеющее голубоватый оттенок левантийское. Поэтому его могли более широко использовать в производстве по техническим причинам (*Freestone et al.*, 2018; *Freestone*, 2020). Известно, что в IV–V вв. египетское стекло завоевало существенно более широкий рынок, чем сиро-палестинское (Ibid.). Можно предположить, что в отдельных случаях комаровские мастера искусственно меняли его естественный оттенок на более редкий «левантийский». Нужно отметить, что среди всех учтенных в Комарове находок сырца стекло оттенков оливкового цвета (422,7 г, 38,7 %) встречается примерно в полтора раза чаще зелено-голубого (297,3 г, 22,2 %); по объему они занимают первое и второе место, преобладая над стеклом, имеющим лишь легкий светло-зеленый оттенок (201,6 г, 18,5 %) и абсолютно бесцветным (170,5 г, 15,6 %).

[3] Вероятно, слегка сниженными в результате добавления обесцвеченного Sb стекла с более низкими их концентрациями.

Прочие признаки вторичного использования стекла. Кроме присутствия в стекле одновременно двух обесцвечивателей, к признакам применения стеклобоя относятся повышенные содержания в неокрашенном стекле красителей и прочих технологических добавок, которые не могут объясняться их естественным уровнем в сырье. Наиболее очевидные среди них – кобальт, медь, свинец, но также цинк, олово и некоторые другие. Они могли попадать в стекломассу с плохо отсортированным стеклобоем, содержащим цветное стекло или фрагменты изделий с цветными декоративными элементами (*Freestone*, 2015). В литературе называются разные концентрации, маркирующие применение стеклобоя, и очевидно, что они могут варьировать в зависимости от конкретного источника сырья. В связи с этим стекло-сырец является, с одной стороны, важным источником, позволяющим уточнить имеющиеся данные. С другой стороны, содержание перечисленных элементов помогает оценить, являются ли исследованные находки собственно полуфабрикатами, поступившими на памятник из стекловаренных центров, или кусками невыработанной стекломассы, уже прошедшей обработку в местной мастерской. Не менее важным является вопрос об использовании стеклобоя в первичных стекловаренных центрах – в этом случае его маркеры будут встречаться и собственно в сырце.

Для оценки данного признака информативно сравнение данных по Комарову с содержанием перечисленных элементов в сырце тех же групп, происходящем из стекловаренных центров и грузов затонувших кораблей, однако такая возможность есть далеко не во всех случаях. Согласно общепринятым данным, содержание этих элементов в концентрации более 100 ppm однозначно может рассматриваться как маркер использования стеклобоя (Glass making…, 2014. P. 38). Судя по данным, полученным по составу сырца с территории Франции и некоторых районов Восточного Средиземноморья, уровень «естественных» примесей меди не превышает 89 ppm, свинца – 0,02 %, сурьмы – 0,01 % (*Foy*


0,3
0,25
0,2
0,15
0,1
0,05
0
Sb2O5, масс.%
0,40
0,60
0,80
1,00
1,20
1,40
MnO, масс. %
1

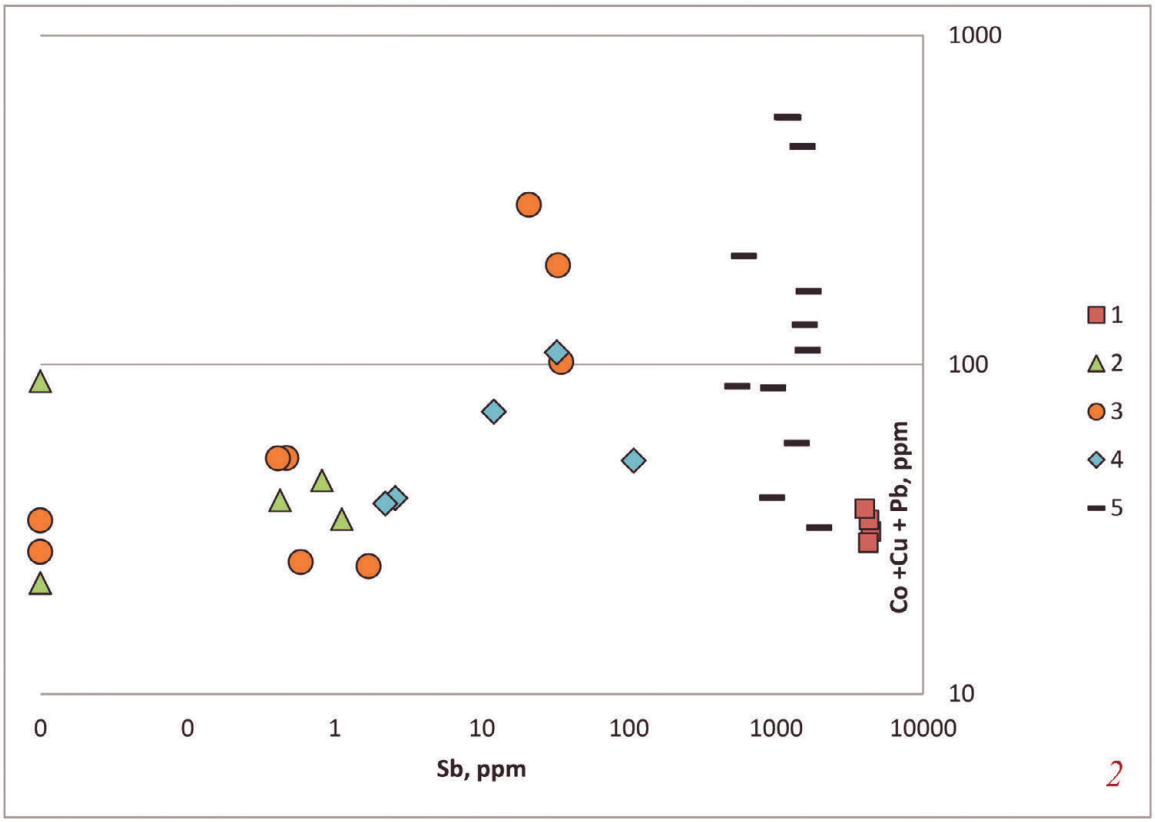

1000
100
10
Co +Cu + Pb, ppm
0
0
1
10
100
1000
10000
Sb, ppm
1
2
3
4
5
2

Рис. 6. Стекло-сырец из Комарова: признаки вторичного использования в производстве. *1* – стекло, обесцвеченное сурьмой; *2* – группа 1/Mn (левантийская I); *3* – группа 2/Mn (серия Foy 3.2); *4* – группа 3/Mn; *5* – стекло с двумя обесцвечивателями (сурьмой и марганцем).
Примечание: на отметке «0» по оси «y» расположены образцы с концентрацией сурьмы ниже предела обнаружения.

et al., 2003; *Jackson, Foster*, 2014. P. 10). Изучение состава песка, пригодного для изготовления стекла на основе природной соды, показало, что он привносит в состав стекла менее 0,1 % MnO и до 30 ppm сурьмы; однако в большинстве образцов такого песка содержание сурьмы не превышает 1,4 ppm (Glass making…, 2014. P. 38, 79, 85). И действительно, стекло изучаемого периода без признаков вторичного использования содержит обычно не более нескольких ppm сурьмы (*Schibille et al.*, 2017; *Cholakova, Rehren*, 2018).

Интерес представляет также сопоставление данных по разным группам стекла. На диаграмме (рис. 6: *2*) представлены содержания элементов, маркирующих использование стеклобоя, по группам, выделенным на основе состава: сурьмы (в одной из групп она является обесцвечивателем, а не маркером вторичного использования) и суммы кобальта, меди и свинца.

Группа стекла, обесцвеченного сурьмой, расположена в правой части диаграммы: в этом случае сурьма является обесцвечивателем. Образцы этой группы отличает самое низкое в выборке и очень однородное содержание примесей, маркирующих вторичное использование стекла. Оно чуть ниже или сопоставимо с тем, что зафиксировано в сырце с судна Амбье (табл. 4; *Ganio et al.*, 2012). Концентрация кобальта не превышает 2 ppm (Амбье – 4–5 ppm), меди – до 11 ppm (Амбье – до 17 ppm), свинца – до 26 ppm (Амбье – до 50 ppm),оксида марганца – не более 0,06 % (Амбье – 0,01–0,02 %, по данным *Thirion-Merle, Vichy*, 2007 – чуть выше, около 0,05 %). Это – самое чистое от примесей стекло, в наименьшей степени подвергавшееся вторичной переработке на территории Римской империи (*Foster, Jackson*, 2010; *Schibille et al.*, 2017 и мн. др.). Эти находки являются, несомненно, «свежими» полуфабрикатами, поступившими на памятник из стекловаренного центра.

Слева от данной группы на диаграмме (рис. 6: *2*) располагается стекло, содержащее одновременно марганец и сурьму в достаточно высоких концентрациях. Сырец одновременно с двумя обесцвечивателями не был распространен в Средиземноморье, поэтому данная группа может рассматриваться как продукт местной переработки. Содержание сурьмы в нем составляет 549–1973 ppm, при этом концентрации кобальта (до 29 ppm), меди (до 248 ppm) и свинца (до 307 ppm) очень вариабельны и ожидаемо достигают самых высоких значений в выборке.

Еще левее на диаграмме (рис. 6: *2*) располагаются три группы сырца, обесцвеченного марганцем.

Все образцы левантийского стекла (гр. 1/Mn) представляют собой группу с низким содержанием маркеров применения стеклобоя (Co – до 12 ppm, Cu – до 53 ppm, Sb – до 2 ppm, Pb – до 25 ppm). В среднем они несколько выше, чем в сырце, обесцвеченным сурьмой (см. выше), и в сырце из сиро-палестинского стекловаренного центра в Аполлонии (Co и Cu – до 2 ppm, Pb – до 5 ppm – *Phelps et al.*, 2016. App. B). Однако стекло Аполлонии, в отличие от комаровского, не обесцвечивалось марганцем, источник которого также мог содержать незначительные примеси некоторых из перечисленных элементов (пиролюзит, например, содержит примесь Co и Cu). Кроме того, речь идет о более позднем материале VI–VII вв., и стекловаренные центры за это время могли переместиться и использовать в качестве сырья песок из другого источника. Очевидно, что эта группа представляет собой куски полуфабрикатов, поступивших на памятник из стекловаренных центров.

Шесть из девяти образцов, отнесенных к серии Foy 3.2 (гр. 2/Mn), сопоставимы по содержанию маркеров применения стеклобоя с левантийскими полуфабрикатами (Sb – менее 2 ppm, Co – до 5 ppm, Cu – до 37 ppm, Pb – до 12 ppm). Один образец, содержащий 35 ppm сурьмы, отличается также чуть более высокими содержаниями кобальта (8 ppm), меди (53 ppm) и свинца (40 ppm). Вероятно, в последнем случае речь здесь идет об умеренном применении стеклобоя – в Комарове или в стекловаренном центре. Полученные данные совпадают с итогами исследования стекла серии 3.2 с территории римских провинций, где оно тоже практически не имеет признаков вторичной

переработки – включая стекло готовых сосудов (*Cholakova, Rehren*, 2018. P. 64).

Два образца комаровского сырца группы 2/Mn, взятые от мелких кусочков, отличает высокое содержание свинца (155 и 246 ppm); это позволяет отнести их к остаткам невыработанной стекломассы, прошедшей вторичную переработку в местной мастерской.

В третьей группе комаровского сырца (3/Mn), обесцвеченного марганцем, содержания элементов, маркирующих применение стеклобоя, более вариабельны и незначительно выше (Co – 4–22 ppm, Cu – 23–44 ppm, Sb – 2–108 ppm, Pb – 5–60 ppm – табл. 4). Стекло данной группы имеет более выраженный естественный оттенок, чем у прочих, за счет более высокой примеси железа. Возможно, в данном случае можно предполагать применение стеклобоя в первичном, стекловаренном производстве – что не выявляется на составе более высококачественного сырца. Стекло данной группы, как и серии 2/Mn/Foy 3.2, имеет, наиболее вероятно, египетское происхождение. Признаки применения стеклобоя, в т. ч. и при изучении состава стекла-сырца, ранее отмечались для стекла довольно близкой ему по составу и физическим свойствам серии Foy 2.1, также египетского, в целом более позднего по времени распространения и в среднем чуть менее качественного. Исследователи справедливо предполагали применение этой практики уже на этапе варки стекла (*Foy et al.*, 2003; *Cholakova, Rehren*, 2018. P. 65). Учитывая, что серия Foy 2.1 по данным европейских материалов – более поздняя, чем серия 3.2, высказывалось предположение, что выраженные признаки вторичной переработки уже на этапе варки отражают хронологические изменения, произошедшие в производстве стекла и стратегии его вторичного использования (*Cholakova, Rehren*, 2018. P. 65). Однако изучение сырца из Комарова показывает, что уже в IV – начале V в. в египетских стекловаренных центрах существовал дифференцированный подход к производству стекла разного качества. Нужно отметить, что и стекло, близкое по составу серии 2.1, из которого произведено значительное количество шлифованных кубков, найденных в ареале черняховской культуры, также содержит высокие концентрации элементов, маркирующих практику использования стеклобоя; эти кубки также датируются IV – началом V в. (*Rumyantseva et al.*, 2021a; 2021b).

Примечательно, что в Египте в качестве обесцвечивателя использовались и марганец, и сурьма – в отличие от Сиро-Палестинского региона, где применялся, очевидно, исключительно марганец (см.: *Freestone*, 2020; там же ссылки на более раннюю литературу). Этим могут объясняться стабильно низкие концентрации сурьмы в левантийских образцах, что делает практику вторичного использования стекла при его варке менее заметной.

Примечательно наличие выраженных интервалов между диапазонами содержания сурьмы в стекле с одним и двумя обесцвечивателями (рис. 6: *2*). Стекло, обесцвеченное только марганцем, содержит до 108 ppm сурьмы; стекло с двумя обесцвечивателями – 549–1973 ppm; обесцвеченное сурьмой – более 4000 ppm. Интервал между обесцвеченным сурьмой и «смешанным» стеклом хорошо объясняется – высококачественное бесцветное стекло берегли, при работе с ним практически (?) не применяли стеклобой. Однако наличие такого интервала между обесцвеченным марганцем стеклом, которое служило основой, и материалом с двумя обесцвечивателями, неожиданно. Если бы у мастеров были исключительно «технологические» задачи (экономия сырья и снижение температуры «плавления» стекла), то эти области должны были бы накладываться друг на друга (примерно такова ситуация с маркерами-красителями). Вероятно, нельзя исключать, что ремесленники преследовали и другую цель – получить как можно более бесцветное стекло, намеренно добавляя высококачественный бесцветный стеклобой к сырцу с выраженным естественным оттенком. В этом случае наличие данного интервала представляется логичным.

Состав стекла-сырца и хронология мастерской. Набор групп сырца, встреченных в Комарове, имеет ключевое значение для датировки существовавшей здесь мастерской. На сегодня мы имеем представление о динамике распространения стекла, произведенного разными стекловаренными центрами, на территории Римской империи – даже в случаях, когда сами центры не локализованы. Наиболее значительные изменения приходятся на IV в., когда сменяются центры, снабжавшие вторичные мастерские римской Европы полуфабрикатами стекла. Если до конца III – первой половины IV в. здесь были распространены группы т. н. римского зеленоголубого и стекла, обесцвеченного сурьмой, то в

IV в. им на смену приходят левантийская I, Foy 3.2 (и, вероятно, 2.1 – см.: *Rumyantseva et al.*, 2021a; 2021b), HIMT[4].

Наиболее важным является отсутствие в выборке т. н. римского стекла (зелено-голубого или бесцветного)[5], распространение которого в Европе постепенно прекращается в конце III – первой половине IV в. (*Foster, Jackson*, 2009).

Стекло, обесцвеченное сурьмой, получает массовое распространение в I–III вв. (*Foster, Jackson*, 2010. P. 3071). Однако, по последним данным, его производство в Египте могло продолжаться до начала V в. (*Cholakova, Rehren*, 2018. P. 65). Распространение стекла, обесцвеченного сурьмой, в ареале черняховской культуры на ее позднем этапе подтверждается хронологией кубков типов Штрауме-VII и VIII (вторая половина IV – начало V в.), многие из которых сделаны из стекла данной группы.

Левантийская I группа в широком смысле объединяет стекло сиро-палестинских стекловаренных центров IV–VII вв. (*Freestone et al.*, 2000), однако очевидно, что материалы мастерской Джаламе IV в. несколько отличаются от продукции стекловаренного центра VI–VII вв., раскопанного в Аполлонии/Арзуфе – как по наличию и отсутствию обесцвечивателя, так и по геохимическим характеристикам песка: за этот период стекловаренные центры, очевидно, перемещались в пределах данного региона (*Schibille et al.*, 2017; *Freestone*, 2020). По концентрации алюминия стекло мастерской в Джаламе (в среднем 2,65 % – табл. 2, там же ссылки), которая начала функционировать около середины IV в. (*Perrot*, 1988), еще ближе к римскому, чем к левантийскому стеклу VI–VII вв. На сегодня условная граница между стеклом «римским» и левантийской I группы условно проведена по отметке 2,69 % Al_2O_3 (*Schibille et al.*, 2017). В комаровских образцах его концентрация стабильно выше, что указывает на датировку не ранее IV в. (Ibid.); при этом по соотношению оксидов натрия, кремния, кальция и алюминия на диаграмме исследуемые материалы занимают пограничную область и несколько ближе к стеклу из Джаламе, чем из Аполлонии (рис. 2: *Б*). На территории Британии левантийское стекло датируется не ранее IV в.; в тех случаях, когда дата форм сосудов может быть уточнена, – не ранее второй четверти / середины IV в. (*Foster, Jackson*, 2009. P. 193).

Наиболее раннее стекло серии Foy 3.2 (идентичное комаровской группе 2/Mn – самой представительной на памятнике) на территории Европы известно в Британии (IV в.) и на территории Сербии (IV в., возможно, вторая половина); оно было распространено также в V–VI вв. (*Foster, Jackson*, 2010, группа 2a; *Marić-Stojanović et al.*, 2015, группа K1; *Foy et al.*, 2003; *Drauschke, Greiff*, 2010 и др.; подробнее см.: *Cholakova, Rehren*, 2018). В Бубастисе на территории Египта большинство образцов близкого по составу стекла относятся преимущественно к периоду начиная с IV в., хотя есть и единичные примеры I–III вв. (*Rosenow, Rehren*, 2014. P. 181, “weak HIMT”); в Европе ранее IV в. такое стекло не зафиксировано. В ареале черняховской культуры встречены стеклянные кубки из стекла данной серии – конические и типов Штрауме-VII и VIII, которые датируются второй половиной / концом IV – началом V в. (*Rumyantseva et al.*, 2021a).

В Комарове в большинстве случаев стекло-сырец происходит из культурного слоя поселения, которое датируется всем периодом существования черняховской культуры (220/230 гг. – начало / первая половина V в. – *Щукин*, 2005. С. 161, 253–254); некоторые хроноиндикаторы могут при этом указывать на более раннюю дату (*Петраускас*, 2014). Материалов позже начала / первой половины V в. здесь не встречено. Однако серия проанализированных находок происходит из большого скопления сырца, обнаруженного в полуземлянке в центральной части поселения. Эта постройка датируется серединой / третьей четвертью IV в. на основании находок двучленной прогнутой подвязной фибулы, близкой вариантам 1 и 2 группы 16 подгруппы 2 серии 1 по А. К. Амброзу (*Амброз*, 1966. С. 61) и фрагменту сосуда со шлифованным декором типа Штрауме-VII (*Румянцева*, 2017. С. 146). Происходящие из данной полуземлянки куски сырца относятся к серии 3.2 (№№ 31, 32, 34, 8/17, 9/17), а также – окрашенный в «натуральный» цвет с двумя обесцвечивателями (№ 30).

[4] Ранее серии Foy 3.2, 2.1 и группа HIMT объединялись в группу HIMT (подгруппу “weak HIMT”), к ней же было отнесено и стекло-сырец из Комарова (*Румянцева, Щербаков*, 2015; 2016). Однако собственно стекло группы HIMT в изученной выборке отсутствует.

[5] По результатам первой серии анализов (*Румянцева, Щербаков*, 2015; 2016) было выделено несколько образцов такого состава. Однако проверка этих данных на пришлифованных образцах с контролем по эталонам в процессе каждого сеанса съемки показала, что они относятся к другим группам. Некорректное определение стало, очевидно, следствием аналитической ошибки.

Серия кусков сырца происходит из района стеклоделательной печи, где было найдено большое скопление сырца, отходов и стеклобоя (*Румянцева*, 2017). Это позволяет с высокой степенью вероятности предполагать, что они непосредственно связаны с данной печью. Среди них – образец левантийской серии (Ком-41) и группы 2/Mn / Foy 3.2 (Ком-1/17), в т. ч. мелкие куски с признаками вторичного использования (Ком-3/17, 5/17), а также образец с двумя обесцвечивателями, подкрашенный в натуральный цвет (Ком-4/17). Недалеко от печи был найден и кусок сырца, близкого левантийской I группе, но с более высоким содержанием оксида натрия (Ком-6/17). Это позволяет предполагать довольно позднюю хронологическую позицию самой печи, для которой ранее на основании конструктивных особенностей, гипотетически реконструированных на основании чертежей и описания М. Ю. Смишко, была предложена датировка не позднее III в. (*Rumyantseva, Belikov*, 2017). Скопление находок, обнаруженных в районе печи, также указывает на ее позднюю дату (*Румянцева*, 2017).

Заключение. Комплекс уточненных данных подтверждает позднюю дату Комаровской стеклоделательной мастерской – не ранее IV в. (возможно, исключая по меньшей мере его начало). Т. е. время ее действия совпадает с периодом распространения за лимесом «варварских» шлифованных кубков. Возможность более раннего существования стеклоделия в Комарове, наоборот, не подтвердилась. Основа стекла-сырца, как и некоторые другие косвенные признаки (*Румянцева*, 2017), говорит и о поздней дате печи стеклоделов, которая на основании особенностей конструкции могла бы датироваться III в.

Обрабатывавшийся здесь сырец происходит из разных регионов производства – Египта и Сиро-Палестинского региона, указывая на мастеров из европейских провинций Римской империи как наиболее вероятных хозяев комаровской мастерской. Обращает на себя внимание широкий ассортимент стекла разного происхождения, но при этом намеренно обесцвеченного и преимущественно высококачественного, что может указывать на престижный характер по крайней мере части производимой здесь посуды. Интересно при этом отсутствие в выборке стекла собственно группы HIMT, имеющего наиболее выраженный естественный оттенок за счет высокой доли нежелательных примесей песка – но при этом широко распространенного в IV–V вв. на территории Европы (*Freestone et al.*, 2018).

В то же время материалы Комарова говорят об интенсивном вторичном использовании стекла в производстве, что в целом характерно для регионов, расположенных на периферии Римской империи (*Foster, Jackson*, 2010). При этом встреченные здесь серии египетского стекла, вероятно, позволяют говорить о применении стеклобоя не только во вторичном производстве на памятнике, но и в стекловаренных центрах для стекла более низкого качества, указывая на дифференцированный подход варивших стекло мастеров к материалу разного качества.

Благодарности. Стекло поселения Комаров изучалось в фондах Института украиноведения НАН Украины в рамках российско-украинского исследовательского проекта РФФИ и НАНУ в 2012–2013 гг. Выражаем искреннюю признательность В.Н. Войнаровскому, Н.С. Бандривскому, Я.И. Онищуку и А.С. Сытнику за любезно предоставленную возможность работы в фондах и их помощь в обработке материалов Комарова.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука. 112 с. (САИ; Вып. Д1-30).

Петраускас О. В., 2014. Деякі підсумки досліджень комплексу пам’яток пізньоримського часу біля с. Комарів // Черняхівська культура: до 120-річчя від дня нарождення В. П. Петрова (OIUM 4) / Отв. ред.: О. В. Петраускас, С. А. Горбаненко. Київ: ІА НАН України; Ін-т істор. Освіти НПУ им. М. П. Драгоманова. С. 165–183.

Румянцева О. С., Щербаков И. Б.-Х., 2015. Краткие итоги изучения состава стекла-сырца с поселения Комаров на Среднем Днестре // КСИА. Вып. 241. С. 184–190.

Румянцева О. С., Щербаков И. Б., 2016. Стекло-сырец с поселения Комаров на Среднем Днестре: химический состав и данные о характере и хронологии стеклоделательного комплекса позднеримского времени // Stratum plus. № 4. С. 299–315.

Румянцева О. С., 2017. Стеклоделие за лимесом: новые данные об организации производства и хронологии мастерской в Комарове // Stratum plus. № 4. С. 141–164.

Румянцева О. С., Кадиева А. А., Демиденко С. В., Ханин Д. А., Червяковская М. В., Трифонов А. А., 2019. Стеклянные изделия раннесредневековых могильников горной зоны центральных районов Северного Кавказа: химический состав и данные о происхождении // КСИА. Вып. 255. С. 32–49.

Смішко М. Ю., 1964. Поселення III–IV ст. н. е. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів Чернівецької області // МДАПВ. 5. Київ: Наукова думка. С. 67–80.

Щапова Ю. Л., 1983. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: Изд-во МГУ. 200 С.

Щукин М. Б., 2005. Готский путь: готы, Рим и черняховская культура. СПб: Филологический факультет СПбГУ. 576 с.

Barfod G. H., Freestone I. C., Lesher C. E., Lichtenberger Raja R., 2020. 'Alexandrian' glass confirmed by hafnium isotopes // Scientific Reports. 10 (1).

Brill R. H., 1970. The chemical interpretation of the texts // Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia / Eds.: A. L. Oppenheim, R. H. Brill, D. Barag, A. von Saldern. New York: Corning Museum of Glass. P. 105–128.

Brill R. H., 1988. Scientific Investigations of the Jalame Glass and Related Finds // Excavations at Jalame: Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine / Ed. G. D. Weinberg. Columbia: University of Missouri. P. 257–294.

Cholakova A., Rehren T., Freestone I. C., 2016. Compositional identification of 6th c. AD glass from the Lower Danube // JAS: Reports. Vol. 7. P. 625–632.

Cholakova A., Rehren T., 2018. A Late Antique manganese-decolourised glass composition: Interpreting patterns and mechanisms of distribution // Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium CE / Eds.: D. Rosenow, M. Phelps, A. Meek. I. Freestone. London: UCL Press. P. 46–71.

Degryse P., Schneider J., 2008. Pliny the Elder and Sr-Nd isotopes: tracing the provenance of raw materials for Roman glass production // JAS. Vol. 35. P. 1993–2000.

Drauschke J., Greiff S., 2010. Chemical aspects of Byzantine glass from Caričin Grad / Iustiniana Prima (Serbia) // Glass in Byzantium – Production, Usage, Analyses / Eds.: J. Drauschke, D. Keller. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. P. 25–46.

Fontaine S., Foy D., 2007. L'épave Ouest Embiez 1, Var. Le commerce maritime du verre brut et manufacturé en Méditerranée occidentale dans l'Antiquité // Revue archéologique de la Narbonnaise. 40. P. 235–268.

Foster H. E., Jackson C. M., 2009. The composition of "naturally coloured" late Roman vessel glass from Britain and the implications for models of glass production and supply // JAS. 36. P. 189–204.

Foster H. E., Jackson C. M., 2010. The composition of late Romano-British colourless vessel glass: glass production and consumption // JAS. Vol. 37. P. 3068–3080.

Foy D, Nenna M.-D., 2001. Tout feu, tout sable. Mille ans de verre antique dans le Midi de la France. Aix-en-Provence: Édisud. 256 p.

Foy D., Picon M., Vichy M., Thirion-Merle V., 2003. Caractérisation des verres de la fin de l'Antiquité en Méditerranée occidentale: l'émergence de nouveaux courants commerciaux // Échanges et commerce du verre dans le monde antique. Actes du colloque de l'AFAV. Aix-en-Provence et Marceille, 7–9 juin 2001 / Eds. : D. Foy, M.-D. Nenna. Montagnac: Éditions Monique Mergoil. P. 41–85.

Foy D., Thirion-Merle V., Vichy M., 2004. Contribution à l'étude des verres antiques décolorés à l'antimoine // Revue d'Archéométrie. 28. P. 169–177.

Freestone I. C., 2015. The Recycling and Reuse of Roman Glass: Analytical Approaches // JGS. 57. P. 29–40.

Freestone I. C., 2020. Apollonia glass and its markets: An analytical perspective // O. Tal. Apollonia-Arsuf. Final report of the excavations. Vol. II. Excavations outside the Medieval Town Walls. Tel Aviv: Tel Aviv University. P. 341–348.

Freestone I. C., Gorin-Rosen Y., Hughes M. J., 2000. Composition of primary glass from Israel // La route du verre: Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millinaire av. J.-C. au Moyen-Age / Ed. M.-D. Nenna. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux. P. 65–84. (Travaux de la Maison de l'Orient méditerranéen; 33.)

Freestone I. C., Degryse P., Lankton J., Gratuze B., Schneider J., 2018. HIMT glass composition and commodity branding in the primary glass industry // Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium CE / Eds.: D. Rosenow, M. Phelps, A. Meek, I. Freestone. London: UCL Press. P. 159–190.

Ganio M., Boyen S., Brems D., Scott R., Foy D., Latruwe K., Molin G., Silvestri A., Vanhaecke F., Degryse P., 2012. Trade routes across Mediterranean: a Sr/Nd isotopic investigation on Roman colourless glass // Glass Technology: European Journal of Glass Science Technology Part A. October. Vol. 53 (5). P. 217–224.

Glass Making in the Greco-Roman World. / Ed. P. Degryse. Leuven: Leuven University Press, 2014. 189 p. (Studies in Archaeological Sciences; 4.)

Jackson C., Foster H., 2014. The last Roman glass in Britain: recycling at the periphery of the empire // Neighbours and successors of Rome. Traditions of glass production and use in Europe and the Middle East in the later 1st millennium AD / Eds.: D. Keller, J. Price, C. Jackson. Oxford, Philadelphia. P. 6–14.

Marić-Stojanović M., Šmit Ž., Glumac M., Mutić J., 2015. PIXE-PIGE investigation of Roman Imperial vessels and window glass from M. Kosmaj, Serbia (Moesia Superior) // JAS: Reports. Vol. 1. P. 53–63.

Nenna M.-D., 2014. Egyptian glass abroad: HIMT glass and its markets // Neighbours and successors of Rome. Traditions of glass production and use in Europe and the Middle East in the later 1st millennium AD / Eds.: D. Keller, J. Price, C. Jackson. Oxford, Philadelphia. P. 177–193.

Norman M. D., Pearson N. J., Sharma A., Griffin W. L., 1996. Quantitative analysis of trace elements in geological materials by laser ablation ICP-MS: instrumental operating conditions and calibration values of NIST glasses // Geostandards and Geoanalytical research. V. 20. № 2. P. 247–261.

Perrot P. N. Introduction // Excavations at Jalame: Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine / Ed. G. D. Weinberg. Columbia: University of Missouri, 1988. P. XI–XII.

Phelps M., Freestone I. C., Gorin-Rosen Y., Gratuze B., 2016. Natron glass production and supply in the late antique and early medieval Near East: The effect of the Byzantine-Islamic transition // JAS. Vol. 75. P. 57–71.

Rosenow D., Rehren Th., 2014. Herding cats – Roman to Late Antique glass groups from Bubastis, northern Egypt // JAS. Vol. 49. P. 170–184.

Rumyantseva O. S., Belikov K. N., 2017. A Late Roman Glass Workshop at Komarov (Middle Dniester) and the Problem of the Origin of 'Barbarian' Facet Cut Beakers // Annales du 20e Congrès de l'AIHV / Eds.: S. Wolf, A. de Pury-Gysel, Romont: Verlag Marie Leidorf GmbH. P. 257–264.

Rumyantseva O., Lyubichev M., Petrauskas O., Chervyakovskaya M., Khanin D., Trifonov A., 2021a. 'Barbarian' beakers with facet cut decoration: composition, origin, social and cultural context // Annales du 21e Congrès de l'AIHV. Istanbul: AIHV. (In print).

Rumyantseva O., Lyubichev M., Chervyakovskaya M., Khanin D., Trifonov A., 2021b. Chemical composition of glass from the archaeological complex Vojtenki 1 and the origin of facet cut beakers of the Chernyakhov culture // Glassware in the Roman Provinces and Barbaricum. Proceedings of the conference, dedicated to the centenary of archaeology at the University of Warsaw. (In print).

Sayre E. V., Smith R. W., 1961. Compositional categories of ancient glass // Science. 133. P. 1824–1826.

Schibille N., Sterrett-Krause A., Freestone I. C., 2017. Glass groups, glass supply and recycling in late Roman Carthage // Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 9 (6). P. 1223–1241.

Silvestri A., Molin G., Salviulo G., 2008. The colourless glass of Iulia Felix // JAS. Vol. 35. P. 331–341.

Thirion-Merle V., Vichy M., 2007. Annexe: Note sur la composition chimique des verres de l'épave des Embiez (annexe) // Fontaine S., Foy D. L'épave Ouest-Embiez 1, Var, le commerce maritime du verre brut et manufacturé en Méditerranée occidentale dans l'Antiquité // Revue archéologique de la Narbonnaise. 40. P. 235–268.

Whitehouse D., 2004. *Glass* in the *Price Edict of Diokletian* // JGS. Vol. 46. P. 189–191.

O. S. Roumyantseva, A. A. Trifonov, D. A. Khanin,
M. V. Cherviakovskaya, V. S. Cherviakovsky

RAW GLASS FROM KOMAROV: ORIGINS, CHRONOLOGY, GLASSMAKERS' PRACTICES

Summary. The paper analyzes the composition of 42 raw glass samples from the Chernyakhov culture of Komarov settlement in the Middle Dniester. The samples were studied by SEM-EDS, EPMA and LA-ICP-MS methods. Glass groups of Levantine and Egyptian origin were identified, and their chronology indicates that the workshop was founded in the period from the 4th century (probably, excluding its beginning) to the early 5th century AD. At the same time the new data do not confirm existence of glass production in earlier periods, as it was considered earlier. This suggests either that the production at Komarovo combines the use of high quality, perfectly discoloured raw material with an intensive use of cullet, which may indicate a different level of production, or that the intentional mixing of highly discoloured cullet with raw material of a more natural tone was more important. The level of trace elements in the investigated glass allows both to obtain additional information about the origin of glass and to analyze the practices of glassmakers at the stage of production of finished glassware.

Keywords: composition and origin of glass, Late Roman time, Chernyakhov culture, Levantine group, Egyptian glass, secondary use of glass, SEM-EDS, EPMA, LA-ICP-MS.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.325-343

Э. Ю. Шестопалова
Институт истории и археологии РСО – Алания, Владикавказ

СТЕКЛЯННЫЕ И КАМЕННЫЕ БУСЫ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ОКТЯБРЬСКОГО (ТАРСКОГО) КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА VII–IX вв.

Резюме. В этой работе представлены бусы из неопубликованных материалов Октябрьского (Тарского) катакомбного могильника VIII–IX вв., который находится в 3 км к западу от с. Тарское Пригородного района РСО–Алания. Этническая принадлежность аланам не вызывает сомнений.

Основной целью работы является введение в научный оборот новой коллекции бус, которые могут быть самостоятельным датирующим материалом вещевых комплексов отдельных погребений и хронологическим индикатором для выделения периодов функционирования могильника. Автором представлена первичная классификация бус в соответствии с разработками В. Б. Ковалевской. Благодарю Назима Измайловича Гиджрати за возможность публикации коллекции бус.

Ключевые слова: аланы, средневековье, катакомбы, могильник, бусы, стекло, мастерские, сырье.

В 1977 г. спасательные раскопки на Тарском могильнике проводил Э. С. Кантемиров. Было исследовано 29 катакомб, материалы опубликованы (*Кантемиров, Дзаттиаты*, 1995), хранятся в фондах Национального исторического музея во Владикавказе. В 1978 г. раскопки на этом же могильнике были продолжены Н. И. Гиджрати. Участок исследования находился ближе к с. Октябрьское и был назван Октябрьским. Было исследовано 11 катакомб, анализ которых не предполагается в этой работе. Материал не опубликован, но значительная часть его выставлена в экспозиции Музея древностей во Владикавказе.

Для анализа отобрано 641 бусина и 335 шт. бисера. Представленные нами бусы аналогичны бусам из раскопок Э. Кантемирова по составу и комплектации.

Большая часть бус выполнена из стекла (всего 579 шт., что составляет 90,3 % от общего количества всех представленных бус). По характеру стекла выделены:

I) бусы однотонные;

II) бусы с металлической прокладкой;

III) бусы полихромные. По форме изделия, происходящие из данной коллекции, представлены 17 типами:

1 – шаровидные;
2 – бипирамидальные;
3 – ребристые;
4 – параллелепипедные;
5 – зонные;
6 – бочоночные;
7 – конические;
8 – биконические;
9 – монетовидные;
10 – полиэдрические;
11 – многочастные;
12 – кубические;
13 – эллипсоидные;
14 – цилиндрические;
15 – овальные;
16 – «катушкообразные»;
17 – бисер.

Последовательность типов выдержана во всех группах. Описание бус дается в последовательности: форма, размер, форма каналов, способ изготовления, характер стекла (цвет, прозрачность). Способ изготовления бус трудноопределим без специальных исследований, поэтому нами отмечены только хорошо фиксируемые следы технологических операций, характерных для некоторых способов изготовления. Анализ стекла не проводился.

I. Бусы однотонные, выполненные из цветного и бесцветного стекла разной степени прозрачности. Всего 245 шт., 42,3 % от всех представленных стеклянных бус. В группе I выделено две подгруппы:

А) однотонное цветное стекло;

Б) бесцветное полупрозрачное стекло.

Каждая группа представлена типами и вариантами по форме изделий.

А) ***Бусы из цветного однотонного стекла*** (172 шт.).

Тип 1. *Бусы шаровидные, сферические, шаровидные, дважды поперечно-усеченные* (59 шт.) (рис. 1: *1*), H 9–11 мм, D 9–12 мм. Каналы щелевидно-конические. На некоторых бусах виден след бокового шва со стороны широкого отверстия. Предположительно, один из способов изготовления – обертывание стеклянной массы на инструмент. Стекло просвечивающееся с интенсивным зеленоватым, желто-зеленым и горчичным оттенком (17 шт.), с сиреневым оттенком (4 шт.), яркого желтого цвета (1 шт.). Стекло глухое яркого зеленого, желтого, черного, темно-коричневого цвета (25 шт.), оранжевого цвета с прожилками (6 шт.); основа темно-оранжевого цвета, внешний слой густого розового цвета (6 шт.). МЕР 90, 94 (*Ковалевская*, 2000. С. 6, 8).

Тип 2. *Бусы бипирамидальные, четырехгранные (всего 8 граней)* (10 шт.). МЕР 120 (*Ковалевская*, 2000. С. 23).

Вариант 1. Бусы выдержанной вытянутобипирамидальной формы, поперечное ребро сглаженное (3 шт.) (рис. 1: *2а*), в сечении прямоугольник 10×9 мм, H 15 мм. Каналы цилиндрические. Стекло просвечивающееся яркого голубого цвета (2 шт.); густого лилового цвета. Поверхность патинирована, радужная.

Вариант 2. Бусы невыдержанной формы, кривогранные (7 шт.) (рис. 1: *2б*), поперечное ребро сглаженное, в сечении прямоугольник или квадрат со сторонами 8–10 мм, H 7–11 мм. Каналы конические односторонние, неровные. Стекло полупрозрачное лилового оттенка (6 шт.); светлого голубого оттенка (1 шт.). Аналогичные бусы выполнены из полупрозрачного бесцветного стекла (рис. 2: *2*).

Тип 3. *Бусы ребристые* (7 шт.) округлой, дважды поперечно усеченной формы. Каналы цилиндрические. Две бусины (рис. 1: *3а*), H 12 мм, D 13 мм, в сечении семилепестковая розетка, стекло просвечивающееся яркого синего цвета с фиолетовым оттенком; четыре бусины (рис. 1: *3б*), H 6–7 мм, D 7–9 мм, в сечении пятилепестковая розетка, стекло синего, голубого, яркого желтого цвета; сдвоенная бусина (рис. 1: *3в*), в сечении семилепестковая розетка, H 10 мм, D 7 мм, стекло синее. МЕР 113–115 (*Ковалевская*, 2000. С. 18–20).

Тип 4. *Бусы параллелепипедной формы, в поперечном и продольном сечении вытянутый прямоугольник* (24 шт.), их также называют «плиточными». Каналы цилиндрические. МЕР 132 (*Ковалевская*, 2000. С. 27).

Вариант 1. Бусы (11 шт.) (рис. 1: *4а*) выдержанной формы, грани приостренные, поперечное сечение 12–14 × 4–7 мм, H 11–16. Вероятный способ изготовления – из отрезков стеклянной палочки с последующим прессованием на плоскость и проколкой каналов. Стекло глухое темно-синего цвета; слабо просвечивающееся яркого синего цвета и с фиолетовым оттенком.

Вариант 2. Бусы (11 шт.) (рис. 1: *4б*) выдержанной формы, грани сглаженные, H 11 × 9 мм; 12 × 9 мм; 10 × 8 мм; 10 × 7 мм; 9 × 6 мм, толщина 3–5 мм. Каналы цилиндрические. Стекло глухое с прожилками более темных и светлых тонов оранжевой гаммы.

Вариант 3. Бусы-разделители (2 шт.) (рис. 1: *14*) *прямоугольной формы*, грани сглаженные, H 12, 14 мм, D сеч. 7 × 5 мм. Каналы поперечные, тройные. Стекло полупрозрачное светло-голубого цвета. МЕР 135 (*Ковалевская*, 2000. С. 28).

Тип 5. *Бусы зонные* (19 шт.) (рис. 1: *5*), H 3–5 мм, D 4–6 мм. Каналы цилиндрические. Стекло глухое синего, белого и желтого цвета. МЕР 93 (*Ковалевская*, 2000. С. 8).

Тип 6. *Бусы бочоночной формы* (2 шт.) (рис. 1: *6*), H 10 мм, D 8 мм; H 8 мм, D 6 мм. Каналы конические. Стекло слабо просвечивающееся яркого желтого цвета и глухое зеленого цвета. МЕР 97 (*Ковалевская*, 2000. С. 10).

Тип 7. *Бусы конической формы невыдержанных пропорций* (4 шт.), все имеют морфологические отличия. Бусина (рис. 1: *7а*) *уплощенная «каплевидной» формы, в поперечном сечении овальная*, H 19 мм, D 12 × 9 мм, канал цилиндрический, стекло просвечивающееся яркого синего цвета; бусина *усеченно-коническая, уплощенная*, поперечное сечение овальное, H 11 мм, D 6 × 8 мм, канал щелевидно-конический; *бусина-подвеска* (рис. 1: *7б*) *сфероконической формы*, канал поперечный цилиндрический, стекло едва просвечивающееся густого синего цвета; буси-

Рис. 1. Бусы и бисер из однотонного цветного стекла: *1* – шаровидные (тип 1); *2 а, б* – бипирамидальные (тип 2); *3 а–в* – ребристые (тип 3); *4 а, б* – параллелепипедные (тип 4); *5* – зонные (тип 5); *6* – бочоночные (тип 6); *7 а, б* – конические (тип 7); *8 а, б* – биконические (тип 8); *9* – монетовидные (тип 9); *10* – 14–тигранная (тип 10); *11* – многочастные (тип 11); *12 а, б* – цилиндрические (тип 14); *13* – бисер (тип 17); *14* – бусы–разделители

на невыдержанной формы небрежного изготовления, H 6 мм, D 8 мм, канал цилиндрический, стекло просвечивающееся голубого цвета.

Тип 8. *Бусы биконической формы, симметрично усеченные поперечно, в поперечном сечении округлые* (22 шт.).

Вариант 1. Бусы биконические, по высоте превышающие диаметр (20 шт.) (рис. 1: *8а*), H 9, 11 мм, D 5, 7 мм. Каналы конические. Выполнены небрежно, предположительно способом однократного обертывания стеклянной массы на инструмент, видны боковые швы. Стекло глухое черного цвета (19 шт.); стекло едва просвечивающееся лилового цвета (1 шт.). МЕР 104 (*Ковалевская*, 2000. С. 14).

Вариант 2. Бусы биконические, при диаметре, превышающем высоту (2 шт.) (рис. 1: *8б*). Форма выдержанная с выраженным поперечным сглаженным ребром, H 9, 10 мм, D 15 мм. Каналы ровные, цилиндрические. Стекло глухое яркого зеленого цвета. МЕР 103 (*Ковалевская*, 2000. С. 14).

Тип 9. *Бусы «монетовидные»* (7 шт.) (рис. 1: *9*), H 6–8 мм, D 11–16 мм; H 4 мм, D 9 × 11 мм. Каналы конические. Стекло просвечивающееся коричневого цвета (2 шт.), коричнево-зеленого цвета (3 шт.); стекло глухое неровного темно-розового цвета (1 шт.); стекло оранжевое с прожилками (1 шт.).

Тип 10. *Бусина полиэдрическая четырнадцатигранная* (рис. 1: *10*), H 11 мм, D 9 мм. Канал конический. Стекло глухое, яркого синего цвета с фиолетовым оттенком. МЕР 117 (*Ковалевская*, 2000. С. 14).

Тип 11. *Бусы многочастные* (2 шт.) (рис. 1: *11*), *составные шаровидной формы, в поперечном сечении круглые.* Каналы цилиндрические. Пятитичастные миниатюрные бусы, H 10 мм, D 3 мм, стекло просвечивающееся яркого синего и голубого цвета. МЕР 110 (*Ковалевская*, 2000. С. 17).

Тип 14. *Бусы цилиндрической формы* (13 шт.). Каналы цилиндрические, ровные. Способ изготовления не определен.

*Вариант 1***.** Бусы (3 шт.) (рис. 1: *12а*) имеют равный диаметр по всей длине, D 8 мм, H 15 мм**;** D 6 мм, H 11 мм. Стекло глухое темно-красного и желто-оранжевого цвета.

*Вариант 2***.** Бусы (10 шт.) (рис. 1: *12б*) подцилиндрической формы, поперечное сечение овальное, D 7–9 мм, H 8 мм. Основа – глухое стекло темно-оранжевого цвета, внешний слой густого розового цвета с легким лиловым оттенком, поверхность блестящая. Со стороны каналов покрытия нет.

Тип 17. *Бисер колотый с острыми неровными краями и сглаженный резаный* (291 шт.) (рис. 1: *13*), H 2–4 мм, D 3–4 мм. Стекло глухое яркого синего цвета с фиолетовым оттенком (141 шт.); черного (137 шт.); желтого цвета (13 шт.).

Тип 12, 13, 15, 16 – не представлены.

Бусина-разделитель *восьмерковидной формы*, H 10 мм, с двумя отверстиями, D 3, 5 мм; стекло глухое яркого желтого цвета; бусина неопределенной формы черного глухого стекла, H 4 мм, D 3 мм (рис. 1: *14*), не выделены в отдельные типы из-за малочисленности.

Б) ***Бусы из бесцветного прозрачного и полупрозрачного стекла с легкими оттенками желтого и зеленого цвета*** (73 шт.).

Тип 1. *Бусы шаровидной формы* (5 шт.) (рис. 2: *1*), *в поперечном сечении круглые*, H 8–10 мм, D 8–9 мм; H 9–10 мм, D 10 мм. Каналы щелевидно-конические, в некоторых случаях канал на выходе имеет овальную форму. Стекло полупрозрачное, бесцветное и с легким зеленоватым оттенком. МЕР 90 (*Ковалевская*, 2000. С. 6).

Тип 2. *Бусы бипирамидальные четырехгранные (всего 8 граней)* (43 шт.) (рис. 2: *2*). Мы выделили три размерных ряда – мелкие, средние и крупные, потому что каждый размер имеет свои морфологические особенности.

Вариант 1. Бусы бипирамидальные четырехгранные, мелкие (34 шт.) (рис. 2: *2а*), в основном кривогранные, с выраженным сглаженным поперечным ребром, в сечении прямоугольник или квадрат со сторонами 8–10 мм, H 7–11 мм. Каналы конические односторонние, неровные. Выделяются несколько бусин четких пропорций с приостренными гранями. Пропорции бус указывают на то, что исходной формой был куб, которому путем прессования на плоскость придавали граненую форму. Стекло полупрозрачное бесцветное и с легким желтоватым и зеленоватым оттенком. Их можно представить как серию. Поверхность некоторых бусин патинирована, радужная.

*Вариант 2***.** Бусы бипирамидальные четырехгранные среднего размера (2 шт.) (рис. 2: *2б*), отличаются выдержанной формой, ровными гранями, выраженным приостренным поперечным ребром, в сечении квадрат 13 × 13 мм,

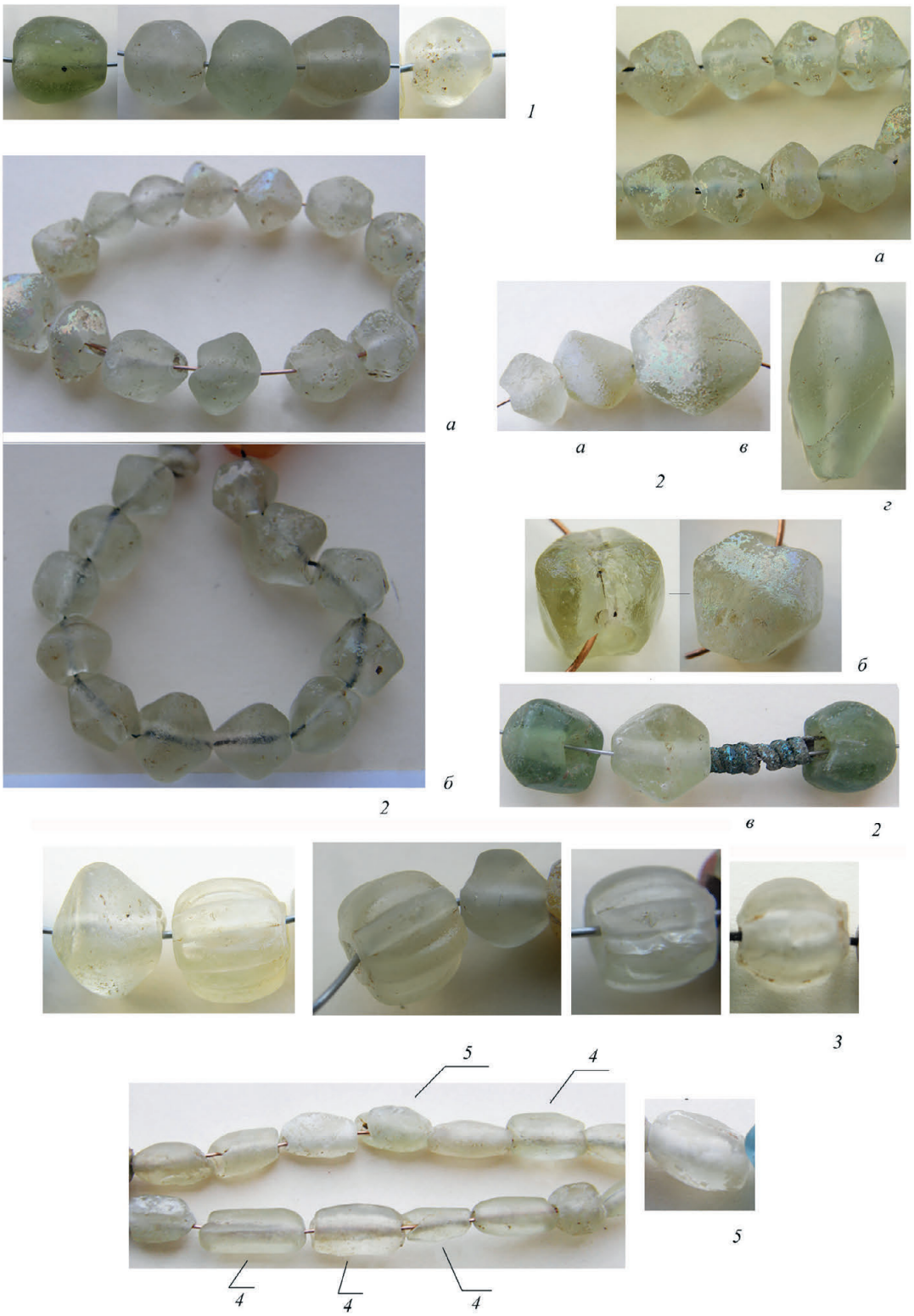


Рис. 2. Бусы из бесцветного прозрачного стекла и с оттенками желтого и зеленого цвета: *1* – шаровидные (тип 1); *2 а–г* – бипирамидальные (тип 2); *3* – ребристые (тип 3); *4* – параллелепипедные (тип 4); *5* – эллипсоидные (тип 13)

Н 14 мм. Каналы широкие, щелевидно-конические, D 5 мм; с одной стороны овальной формы, D 4 × 6–7 мм. Стекло с легким зеленоватым оттенком, поверхность патинирована, радужная.

*Вариант 3***.** Бусы бипирамидальные четырехгранные, крупные (7 шт.) (рис. 2: *2в*), имеют выраженное поперечное ребро, в сечении прямоугольник со сторонами 13–15 мм, Н 17–18 мм. Каналы односторонние, широкие, конические. Отличаются тщательностью исполнения, хотя их пропорции нельзя назвать строгими. Выделяется бусина (рис. 2: *2г*) с поперечным, слабо выраженным ребром и едва намеченными гранями, сечение округло-прямоугольное, D 11–13 мм, Н 24 мм. Стекло полупрозрачное бесцветное, с легким и интенсивным зеленоватым оттенком.

Тип 3. *Бусы ребристые, в поперечном сечении семилепестковая розетка* (8 шт.) (рис. 2: *3*), Н 8–9 мм, D 8–9 мм. Каналы цилиндрические, ровные. Стекло бесцветное, прозрачное, одна бусина легкого голубого оттенка. МЕР 113–115 (*Ковалевская*, 2000. С. 18).

Тип 4. *Бусы параллелепипедные* (4 шт.) (рис. 2: *4*) невыдержанных пропорций, грани приостренные, в сечении прямоугольник 4 × 6 мм и квадрат 5 × 5 мм, Н 9–14 мм. Каналы цилиндрические. Стекло ясное полупрозрачное бесцветное.

Тип 13. *Бусы эллипсоидные, дважды поперечно усеченные* (13 шт.) (рис. 2: *5*), невыдержанной формы, в поперечном сечении овальные или округлые, Н 8–19 мм, D 5–7 мм. Каналы конические. На некоторых экземплярах прослеживается боковой сварочный шов. Стекло полупрозрачное, бесцветное. МЕР 100 (*Ковалевская*, 2000. С. 12).

Тип 17. *Бисер колотый с острыми неровными краями и резаный сглаженный* (44 шт.) (рис. 1: *9*), Н 2 мм, D 3 мм; Н 3 мм, D 3–5 мм. Стекло бесцветное, просвечивающееся.

Тип 5–12, 14–16 – не представлены.

II. Бусы стеклянные с металлической прокладкой с внутренним золочением (107 шт.), с серебрением (80 шт.) (рис. 3). Всего 187 шт., 32,3 % от всех стеклянных бус.

Тип 1. *Бусы шарообразной, сферической, шаровидной, дважды поперечно усеченной формы* (19 шт.) (рис. 3: *1*), Н 4–6 мм, D 6 мм, с серебрением (2 шт.), с золочением (17 шт.). МЕР 145 (*Ковалевская*, 2000. С. 37).

Тип 5. *Бусы зонной формы* (4 шт.) встречены только с внутренним серебрением, Н 3 мм, D 6 мм.

Тип 6. *Бусы бочоночной формы (овальные, дважды поперечно усеченные)* (23 шт.) (рис. 3: *2*), Н 5–10 мм, D 5–7 мм. С серебрением (2 шт.), с золочением (20 шт.). Одна бусина имеет покровной слой бирюзового цвета. МЕР 143 (*Ковалевская*, 2000. С. 35).

Тип 11. *Бусы многочастные* (81 шт.) с золочением (40 шт.), с серебрением (41 шт.). МЕР 144 (*Ковалевская*, 2000. С. 36).

Вариант 1. Двух-трех-пяти-шестичастные бусы, составные шаровидной, сферической, усечено-шаровидной формы (80 шт.) (рис. 3: *3а*). Каналы ровные цилиндрические. Двухчастные бусы (36 шт.), Н 7–10 мм, D 4–5 мм; трехчастные (17 шт.), Н 16 мм, D 6 мм; пятичастные (17 шт.) с серебрением (7 шт.), с золочением (10 шт.). Отличаются миниатюрные пяти-шестичастные бусины (10 шт.), Н 10–12 мм, D 2–3 мм, с серебрением (4 шт.), с золочением (6 шт.).

Вариант 2. Двухчастная бусина с внутренним золочением (рис. 3: *3б*), составные имеют уплощенно-ребристую форму, в поперечном сечении пятилепестковая розетка, Н 6 мм, D 5 мм. Канал ровный цилиндрический.

Тип 14. *Бусы цилиндрической формы* (22 шт.) с равным диаметром по всей длине, Н 5–7 мм, D 5–6 мм. Каналы ровные цилиндрические. С серебрением (12 шт.), с золочением (10 шт.). МЕР 141 (*Ковалевская*, 2000. С. 34).

Тип 15. *Бусина усеченно-овальной формы дутая, полая,* с внутренним «золочением» (рис. 3: *5*), Н 12 мм, D 8 мм. Отличается от вышеописанных способом изготовления. Стекло прозрачное, желтоватого оттенка. Изнутри бусина покрыта слоем неопределенного вещества беловатого оттенка, сохранившимся фрагментарно. Способ его нанесения неясен, возможно, вдуванием порошкообразной массы на неостывшее стекло. Желтоватый цвет стекла имитировал золочение бусы. Полые бусы аналогичного цвета происходят из Дагомского могильника (*Шестопалова*, 2018. С. 332).

Тип 16. *Бусы «катушкообразные» с симметричными валиками* (37 шт.) (рис. 3: *6*). Центральная часть *шарообразной и бочоночной формы, валики зонной формы,* Н 11–12 мм, D 6–7 мм. С золочением 24 шт., с серебрением 13 шт. Каналы ровные цилиндрические. Основа выполнена из просвечивающегося бесцветного стекла или

Рис. 3. Бусы с металлической прокладкой: *1* – шаровидные (тип 1); *2* – бочоночные (тип 6); *3 а, б* – многочастные (тип 11); *4* – эллипсоидная (тип 13); *5* – «катушкообразные» (тип 16); *6* – фрагмент бусины, основа ребристая

бурого цвета. Форма основы ребристая в большинстве случаев, что хорошо видно на фрагментированных экземплярах (рис. 3: *6*). Золотая и серебряная фольга очень тонкая и яркая, наносилась на ребристую основу, в результате чего под покровным слоем оставались полости, где фольга не соприкасалась со стеклом. Одна из бусин с внутренним серебрением имеет покровной слой яркого синего цвета. МЕР 146 (*Ковалевская*, 2000. С. 37).

Тип 2–4, 7–10, 17 – не представлены.

III. Полихромные бусы, цветовая гамма которых содержит два и более цветов. К ним отнесены глазчатые, глазчато-полосатые, полосатые и мозаичные сложносоставные бусы, представленные экземплярами разных типов (147 шт.) (рис. 4–7). Разнообразие цветовой гаммы стекла, глазков и мозаичных рисунков на поверхности имеет значение при определении происхождения и ареала распространения конкретных изделий. Выделены следующие подгруппы:

А) *Глазчатые бусы, основа которых выполнена из однотонного глухого стекла разных цветов* (41 шт.).

Тип 1. *Бусы глазчатые шаровидные, в сечении круглые* (36 шт.).

Основа черного цвета, стекло глухое (18 шт.), МЕР 152, 154, 158 (*Ковалевская*, 2000. С. 39–43). Каналы широкие, цилиндрические и конические, D 6–8 мм. Различаются цветовой гаммой, количеством и способом нанесения глазков: бусы (рис. 4: *1а*), H 9–13 мм, D 10–14 мм, глазки (4–8 шт.) выполнены послойным нанесением капель на основу, середина яркого голубого и синего цвета (стекло прозрачное) в белом обрамлении и с поперечной прерывающейся полосой белого глухого стекла; поверхность пяти бусин (рис. 4: *1б*), H 8 мм, D 13 мм; H 10 мм, D 14 мм, сплошь покрыта глазками (12–18 шт.) красно-желтого, сине-белого и сине-бело-красного цвета; бусины (рис. 4: *1в*) с двумя глазками черно-белого цвета, середина глазка из основного стекла, МЕР 154 (*Ковалевская*, 2000. С. 43); бусы (рис. 4: *1г*), H 9 мм, D 10 мм, глазки яркого желтого цвета.

Основа синего цвета, стекло глухое (8 шт.), H 11–15 мм, D 9–14 мм. Каналы цилиндрические. МЕР 162 (*Ковалевская*, 2000. С. 45). Бусы с бирюзово-голубыми глазками в белом обрамлении (рис. 4: *1д*); бусины (рис. 4: *1е*) с восемью сине-белыми глазками, стекло полупрозрачное; бусы с красно-белыми глазками (рис. 4: *1ж*); слившиеся однотонные бирюзовые глазки, нанесены крупными каплями (рис. 4: *1з*); крупные глазки желтого цвета (рис. 4: *1и*); бусина с тремя разными глазками желто-черными и бело-красно-желтыми (рис. 4: *1к*); бусина (рис. 4: *1л*), H 7 мм, D 8 мм, с двумя глазками-розетками (пятилепестковые) черно-бело-синей гаммы.

Основа яркого желтого цвета, стекло глухое (3 шт.). Каналы цилиндрические. Размеры и способы нанесения глазков различны: на двух бусинах (рис. 4: *1м*), H 12 мм, D 13 мм; H 8 мм, D 9 мм, глазки сине-бело-желто-бело-желто-белого цвета (11 шт.) и сине-бело-черного цвета (7 шт.), нанесены послойно; основа бусины (рис. 4: *1н*) выполнена способом однократного обертывания двухцветной массы на инструмент (шов виден), с преобладанием желтого цвета, глазок зеленого цвета.

Основа голубого цвета, стекло глухое (2 шт.) (рис. 4: *1о*), H 8–11 мм, D 10–11 мм. Каналы цилиндрические. Глазки (2, 6 шт.) красно-бело-желтые и бело-красно-желтые, нанесены послойно. МЕР 168 (*Ковалевская*, 2000. С. 47).

Основа яркого зеленого цвета, *стекло глухое* (4 шт.), H 8–11 мм, D 10–11 мм. Каналы цилиндрические. Глазки бело-красно-желтые, бело-черно-красно-желтые (рис. 4: *1п*), сине-бело-черные (рис. 4: *1р*), выполнены послойным нанесением капель.

Основа темно-красного цвета, стекло глухое (1 шт.) (рис. 4: *1с*), H 10 мм, D 11 мм, канал цилиндрический. Способ изготовления основы и нанесения глазков не определен. Глазки (2 шт.) крупные черно-белого цвета.

Тип 4. *Бусины параллелепипедной формы* (3 шт.).

Основа черного цвета, стекло глухое (2 шт.) (рис. 4: *2а*). В поперечном сечении прямоугольник 13 × 5 мм, H 15 мм. Каналы цилиндрические. Глазки (2 шт.) черно-белые, середина глазка из основного стекла, выполнены, предположительно, из срезов белой трубочки.

Основа синего цвета, стекло глухое (1 шт.) (рис. 4: *2б*). В сечении прямоугольник 10 × 6 мм, H 11 мм. Канал конический. Стекло синего цвета, в центре просматривается крупный темно-синий «глазок» с радиальными штрихами вокруг.

Тип 6. *Бусина бочоночной формы с сильно выпуклыми глазками («бородавчатая»)* (рис. 4:

Рис. 4. Бусы полихромные глазчатые: *1 а–р* – шаровидные (тип 1); *2 а, б* – параллелепипедные (тип 4); *3* – бочоночная (тип 6); *4* – монетовидная (тип 9)

3), фрагментированная, H 10 мм, D 10 мм. Канал широкий конический. МЕР 177 (*Ковалевская*, 2000. С. 50). Стекло слабо просвечивающееся синего цвета. Глазки (7 шт.) многослойные сине-желтого цвета. Середина глазков из прозрачного стекла голубого и яркого синего цвета, нанесены послойно.

Тип 9. *Бусина монетовидная* (рис. 4: *4*), D 13 × 14 мм, H 4 мм. Канал конический. Выполнена, предположительно, из среза мозаичной палочки, внешний слой которой – полупрозрачное стекло с желтоватым оттенком, два глазка красно-желто-зелено-желтого цвета.

Тип 2, 3, 5, 7, 8, 10–16 – не представлены.

Б) ***Глазчатые бусы, основа которых выполнена из прозрачного и полупрозрачного бесцветного стекла и с легким зеленоватым оттенком*** (27 шт.).

Тип 1. *Бусы шаровидной формы* с двумя-тремя глазками (15 шт.) (рис. 5: *1*), в поперечном сечении круглые, H 10–12 мм, D 10–11 мм. Каналы щелевидно-конические. На некоторых бусах отмечены «насечки» со стороны входного отверстия. Глазки выполнены из трехцветной мозаичной палочки бело-красно-желтого, бело-черно-желтого, бело-черно-красного цвета (видно на фрагментированных глазках), МЕР 153 (*Ковалевская*, 2000. С. 40). Из них 2 бусины (рис. 5: *1а*) с двухцветными красно-желтыми глазками; одна бусина с глазками из срезов черно-желтой палочки (видно на фрагментированном глазке); на крупной бусине, H 17 мм, D 17 мм; на трех бусах глазки выполнены из срезов красно-желтой палочки, вдавленных в основу бусины, на что указывает след от утраченного глазка, канал широкий, щелевидно-конический, с одной стороны имеет овальную форму и с четырех сторон – «насечки».

Тип 2. *Бусина невыдержанной бипирамидальной формы с намеченными гранями,* поперечное ребро сглаженное (рис. 5: *2*), H 10 мм, D сеч. 12 × 13 мм. Канал широкий цилиндрический. Глазки бело-черно-желтые и бело красно-желтые, расположены асимметрично, нанесены послойно.

Тип 6. *Бусы бочоночной формы* (3 шт.) (рис. 5: *3*), H 11 мм, D 12 мм. Канал широкий цилиндрический. Глазки (3 шт.) крупные растянутые красно-желтого цвета.

Тип 12. *Бусы невыдержанной кубической* формы (5 шт.) (рис. 5: *4*), в сечении прямоугольник со сторонами 12–14 мм, H 8, 10 мм. Каналы широкие цилиндрические, D 4–5 мм. Предположительный способ изготовления основы – из палочки с последующим прессованием на плоскость. Глазки бело-красно-желтые, нанесены на грани послойно.

Тип 14. *Бусина цилиндрической формы* (рис. 5: *5*), H 10 мм, D 12 мм. Канал ровный цилиндрический. Глазки бело-красно-желтые.

Тип 15. *Бусы овальные, дважды поперечно усеченные* (2 шт.) (рис. 5: *6*), форма невыдержанная, H 12–15 мм, D 11–15 мм. Каналы широкие цилиндрические. Глазки асимметричные, бело-красно-желтые, нанесены послойно.

Тип 3–5, 7–11, 13, 16, 17 – не представлены.

В) ***Бусы мозаичные, изготовленные из полихромной стеклянной массы со сложносоставными рисунками на поверхности*** (59 шт.).

Тип 1. *Бусы шаровидные* (27 шт.), различаются многоцветной гаммой стекла.

Стекло с преобладанием *зелено-желтого цвета в оттенках* (8 шт.) (рис. 6: *1а*), H 8 мм, D 8 мм, H 16 мм, D 15 мм. Каналы цилиндрические, конические. Рисунок *глазчато-реснитчатый, г*лазки желто-красно-черные, черно-бело-красно-желтые, красно-желтые.

Стекло *красно-оранжево-зеленой гаммы* (12 шт.) (рис. 6: *1б*), H 11 мм, D 11 мм; H 13 мм, D 13 мм, H 10 мм, D 10 мм. Каналы широкие щелевидно-конические. Изготовлены способом сваривания кусочков стеклянной массы, швы видны. На поверхности просматриваются глазки красно-зелено-оранжевого цвета. Из такого же стекла выполнены параллелепипедные бусы (рис. 6: *2.а*).

Стекло *красно-бело-черно-зеленого цвета* (3 шт.) (рис. 6: *1в*), H 13 мм, D 13 мм, H 10 мм, D 10 мм. МЕР 241 (*Ковалевская*, 2000. С. 72). Каналы цилиндрические. Выполнены из сложносоставной мозаичной массы, дающей на поверхности *сложный глазчато-полосато-шахматный рисунок* с мельчайшими деталями (четырехлистники крестовидные).

Стекло с преобладанием *темно-красного цвета* (4 шт.) (рис. 6: *1г*), H 9 мм, D 10 мм; H 12 мм, D 12 мм. Каналы цилиндрические. Основа сварена из кусочков многоцветной массы, видны швы. Глазки красно-бело-зелено-желтого цвета (12 шт.), растянутые. МЕР 167 (*Ковалевская*, 2000. С. 46).

Тип 4. *Бусы параллелепипедной формы* (25 шт.) (рис. 6: *2*), в поперечном и продольном сечении – вытянутый прямоугольник.

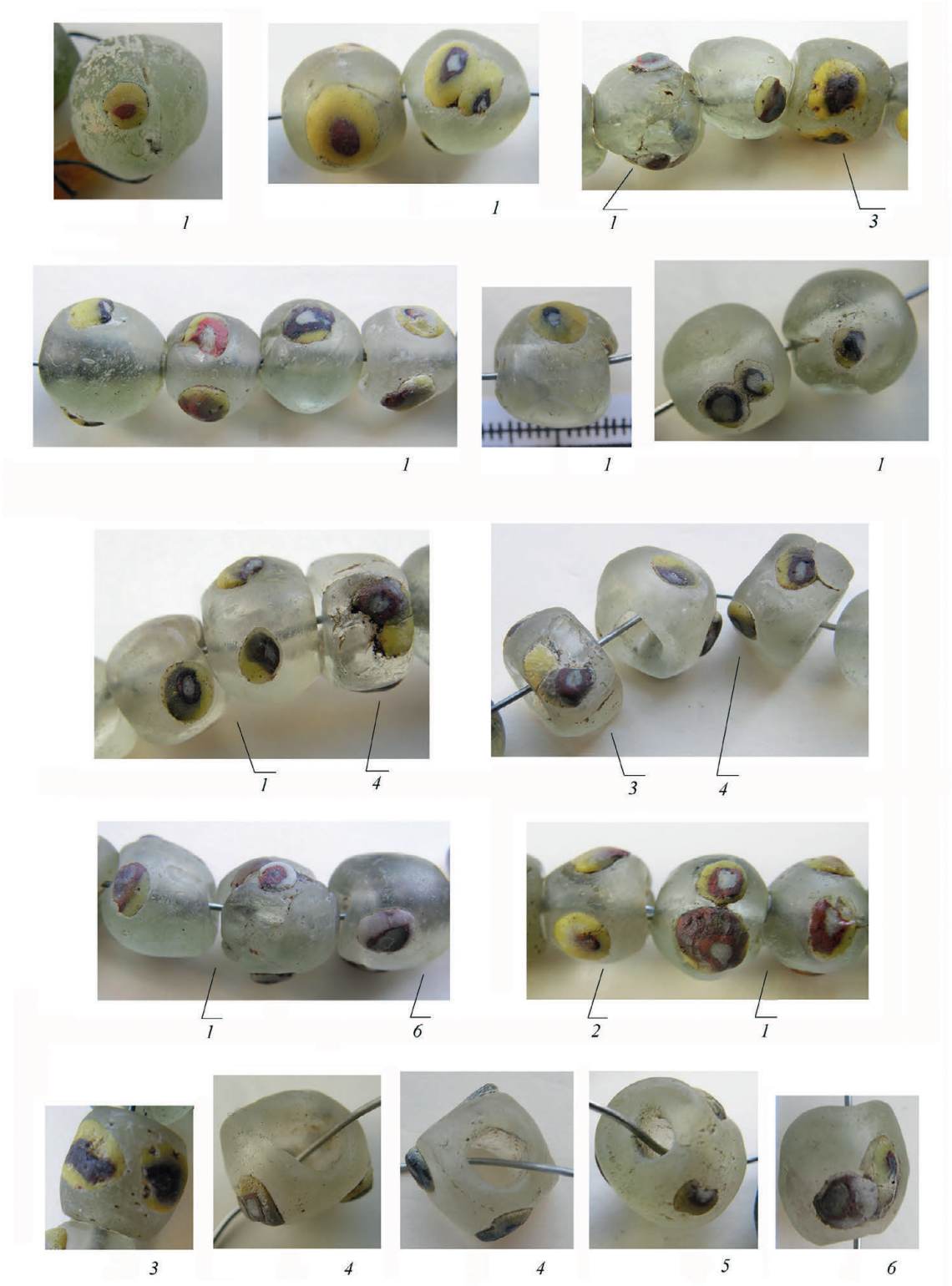


Рис. 5. Бусы глазчатые, стекло прозрачное бесцветное и с зеленоватым оттенком:
1 – шаровидные (тип 1); *2* – бипирамидальные (тип 2); *3* – бочоночные (тип 6);
4 – кубические (тип 12); *5* – цилиндрические (тип 14); *6* – овальные (тип 15)

Бусы с преобладанием красно-оранжевой гаммы (6 шт.) (рис. 6: *2а*). Размеры: 19 × 16 × 6 мм; 13 × 14 × 3 мм; 14 × 12 × 5–6 мм; 17 × 18 × 6 мм, 8 × 8 × 4 мм. Каналы широкие щелевидно-конические. Изготовлены способом сваривания кусочков стеклянной массы (швы просматриваются), а также, предположительно, из мозаичных палочек с прессованием на плоскость. Глазки красно-зелено-оранжевого цвета. Из аналогичного стекла выполнены шаровидные бусы (рис. 6: *1б*).

Стекло с преобладанием *желтого и зеленого цветов* (8 шт.) (рис. 6: *2б*), H 14–17 мм, 14 × 6 мм, 15 × 7 мм. Каналы конические. На некоторых бусах на боковой грани виден сварочный шов от однократного обертывания массы на инструмент. Сочетание оранжево-зелено-желто-голубых цветов и оттенков дает на поверхности сложносоставной глазчато-реснитчатый рисунок.

Стекло красно-бело-зелено-желтой гаммы с преобладанием *темно-красного* цвета (2 шт.) (рис. 6: *2в*). Форма подквадратная, H 16–17 мм, D сеч. 16 × 5-6 мм. Каналы конические. Восемь глазков (по четыре на каждой стороне), красно-бело-зелено-желтые.

Стекло с преобладанием *светло-желтого и зеленого цвета* (1 шт.) (рис. 6: *1г*), H 9 мм, D сеч. 8 × 3 мм. Канал конический. Рисунок двухсторонний «шахматный» красно-черно-светло-желтого цвета в обрамлении желтого и неоднородного зеленого цвета.

Стекло *красно-зелено-желто-белой гаммы* (7 шт.) (рис. 6: *2д*). Поперечный и продольный рисунок в виде чередующихся полос и волнистых линий красно-желто-зеленого цвета и с бирюзовым оттенком. На некоторых бусах на боковой грани виден сварочный шов от однократного обертывания массы на инструмент.

На бусине (рис. 6: *2е*) на фоне белого цвета в красном обрамлении (крестообразно?)-четырехлепестковая розетка бирюзово-голубого цвета с красной серединой.

Тип 9. *Монетовидная* бусина (рис. 6: *3*), H 4 мм, D 17 мм. Канал широкий цилиндрический. Мозаичное стекло сложного состава с преобладанием синего цвета (чередующиеся полосы-реснички нескольких оттенков синего). Глазок красно-белого цвета в окаймлении мелких белых овалов на черном фоне и штрихов красного цвета на белом фоне.

Тип 13. *Бусы эллипсоидные, дважды поперечно усеченные* (3 шт.). Каналы конические. Крупная бусина (фрагмент) (рис. 6: *4а*), длина 25 мм, D 9 мм, выполнена из кусочков мозаичной массы, дающей на поверхности сложный рисунок из поперечных полос яркого синего цвета из соединенных ромбов с четырьмя красно-белыми мелкими глазками в каждом; из полос оранжевой гаммы с асимметричными глазками сине-бело-красно-оранжево-зелено-оранжевого и сине-бело-красно-оранжево-зеленого цвета. Бусина (рис. 6: *4б*), H 23 мм, D 9 мм, с преобладанием темно-красного цвета, выполнена способом сваривания нескольких кусочков, швы просматриваются; глазки (9 шт.) красно-бело-зелено-желтого цвета, МЕР 249 (*Ковалевская*, 2000. С. 74). Фрагментированная бусина (рис. 6: *4в*), H 13 мм, D 7 мм, основа желто-зеленого цвета, глазок черно-бело-красный в обрамлении «ресничек» желто-зеленого цвета.

Тип 14. *Бусы цилиндрической формы* (3 шт.) с равным диаметром по всей длине. Три бусины (рис. 6: *5а*), H 10–16 мм, D 7–8 мм, основа стекла синего цвета; два глазка в виде четырехлепестковой черно-красной розетки на бело-желтом фоне в обрамлении «ресничек» желто-зеленой гаммы, с двух сторон поперечные многослойные полосы; бусина (рис. 6: *5б*) с двумя глазками бело-желто-красно-белого цвета в обрамлении сине-белых «ресничек», с двух сторон поперечные многослойные полосы; бусина (рис. 6: *3в*) с тремя глазками желто-красно-белого цвета в обрамлении сине-белых ресничек, с двух сторон поперечные сине-белые полосы, сварены из двух кусочков стекла, швы видны. МЕР 274 (*Ковалевская*, 2000. С. 81).

Тип 2, 3, 5–8, 10–12, 15–17 – не представлены

Г) *Бусы мозаичные, полосатые* (20 шт.).

Тип 1. *Бусы шарообразной формы* (12 шт.).

Поперечные полосы (7 шт.): 4 бусины (рис. 7: *1а*), H 8–12 мм, D 10–11 мм, каналы конические, из просвечивающегося синего стекла, и одна бусина, H 12 мм, D 12 мм, из глухого черного стекла, полосы белого цвета; бусина (рис. 7: *1б*), H 12 мм, D 12 мм, из просвечивающегося стекла желтоватого цвета, с растянутыми черно-бело-сине-белыми поперечными полосами, сварена из четырех кусочков мозаичной массы, швы просматриваются; бусина небрежного изготовления, H 8 мм, D 10 мм, канал цилиндрический, стекло

Рис. 6. Бусы полихромные: *1 а–г* – шаровидные (тип 1); *2 а–е* – параллелепипедные (тип 4); *3* – монетовидная (тип 9); *4 а–в* – эллипсоидные (тип 13); *5 а–в* – цилиндрические (тип 14)

непрозрачное желтого цвета с неравномерной поперечной полосой неоднородного черного цвета, сохранность плохая.

Продольные полосы (5 шт.): бусина (рис. 7: *1в*), H 7 мм, D 8 мм, стекло черного цвета, полосы белого цвета; бусины (2 шт.) (рис. 7: *2г*), H 8 мм, D 10 мм, канал широкий цилиндрический, полосы яркого сине-бело-красно-желтого цвета; бусина (рис. 7: *2д*), H 10 мм, D 11 мм, канал цилиндрический, основа – стекло глухое зеленого цвета, полосы желто-красно-бело-синего цвета; бусина небрежного изготовления, H 9 мм, D 10 мм, сварена из двух кусочков черно-желтого стекла, в результате чего на поверхности неровная полоса яркого желтого цвета, сохранность плохая.

Тип 8. *Бусы биконической формы* (4 шт.). Одна бусина (рис. 7: *1е*), H 6 мм, D 13 мм, канал широкий цилиндрический, выполнена из двух кусочков сине-белой массы (шов виден), с неравномерными поперечными полосами белого цвета, МЕР 198 (*Ковалевская*, 2000. С. 58); три бусины (рис. 7: *1ж*), H 10 мм, D 11 мм, невыдержанной биконической формы, каналы конические, выполнены способом однократного обертывания черно-белой массы на инструмент (швы видны).

Тип. 13. *Бусы усеченно-эллипсоидной формы* (4 шт.) (рис. 7: *1з*), H 12 мм, D 7 мм. Каналы цилиндрические. МЕР 182 (*Ковалевская*, 2000. С. 53). Стекло едва просвечивающееся лилового оттенка и насыщенного коричнево-горчичного цвета, полосы поперечные белые.

Тип 2–7, 9–12, 14–17 – не представлены.

Каменные бусы (62 шт.) не отличаются богатством форм и разнообразием материала, возможно, они не имели особого спроса у женского населения либо были малодоступны. Бусы выполнены из сердолика, халцедона, агата, яшмы, хрусталя и составляют 9,7 % от всех найденных бус. Надо отметить отсутствие янтарных бус в Октябрьской коллекции, за исключением двух распавшихся бусин неопределенной формы красноватого цвета и небольшого кусочка необработанного янтаря яркого желто-оранжевого цвета (рис. 8: *7*), подвергшегося, видимо, термической обработке.

Бусы из сердолика (44 шт.) представлены округлыми формами невыдержанных пропорций и асимметрично уплощенными формами, H 5–9 мм, D 6–11 мм, H 12 мм, D 14 мм, с небрежно шлифованной поверхностью (рис. 8: *1*). И только пять бусин сферической и шаровидной формы, H 7–8 мм, D 8 мм, отличаются тщательностью изготовления; каналы цилиндрические односторонние, ровные. Сердолик яркий, оранжево-красный, розовато-желтый, оранжево-желтый с прожилками и без прожилок, в основном просвечивающийся.

Бусина из халцедона (рис. 8: *2*), имеет бипирамидальную четырехгранную (всего восемь граней) форму с выраженным поперечным ребром, в сечении – квадрат со сторонами 8 мм, H 16 мм. Канал двухсторонний, цилиндрический, в просвет виден стык канала. Камень светлый, полупрозрачный желто-оранжевого цвета с черным пятном.

Бусы из яшмы (4 шт.): бусина (рис. 8: *3*) выдержанной сферической формы, H 12 мм, D 14 мм, канал односторонний конический, камень неровного цвета с желтоватым оттенком, поверхность трещиноватая; бусина (рис. 8: *4*) сферической формы, H 9 мм, D 12 мм, яшма бело-розового цвета с рисунком с черными прожилками; бусины (3 шт.) (рис. 8: *3*) невыдержанной усеченно-шаровидной формы, H 6–7 мм, D 7–8 мм, яшма белого цвета.

Бусина из агата (рис. 8: *5*) выдержанной овальной продольно-уплощенной формы, в поперечном и продольном сечении – овал, канал двухсторонний, цилиндрический, в просвет виден стык канала, дымчатый агат высокого качества молочного цвета с прожилками, просвечивает.

Бусы из горного хрусталя (11 шт.) (рис. 8: *6*) трудноопределимой формы, едва намеченной огранки, H 5–7 мм, D 7–9 мм. Каналы односторонние конические. Камень прозрачный высокого качества.

Анализ представленных бус позволяет сделать некоторые обобщения.

Предпочтение отдавалось стеклянным бусам. По количественному составу преобладают бусы из однотонного стекла, представленные более разнообразными типами, затем бусы с металлической прокладкой. По количеству и разнообразию цветовых оттенков можно предположить определенное предпочтение женского населения к стеклянным бусам синего цвета, от светло-синего и голубого до густого темно-синего и синего с фиолетовым оттенком, разнообразных форм и размеров. В Октябрьской коллекции бус отсутствуют изделия бирюзового цвета, за исключе-

Рис. 7. Бусы полихромные с поперечными и продольными полосами: *1 а–д* – шаровидные (тип 1); *е–ж* – биконические (тип 8); *з* – эллипсоидные (тип 13); *2* – комплект бус из катакомбы №10

нием одной бусины с покровным слоем бирюзового цвета с внутренним серебрением (рис. 3: *2*) и одной мелкой бусины невыдержанной формы (рис. 1: *1*).

Преобладающей формой была шарообразная, затем параллелепипедная. Бипирамидальные и глазчатые бусы из бесцветного стекла и бусы с металлической прокладкой можно представить как продукцию серийного изготовления в одном центре или мастерской, но они не представлены самостоятельно в виде богатых ожерелий, а лишь входили в состав низок. Красоту и яркость ожерельям придавал разнообразный состав бус стеклянных однотонных, цветных, мозаичных и бус с золотой и серебряной фольгой с добавлением ярких бусин из сердолика, хрусталя. В состав ожерелий входили также бронзовые бубенчики и спиральные пронизки (рис. 7: *2*).

На представленных бусах по видимым технологическим деталям можно определить некоторые способы их изготовления: швы остаются от сваривания двух или нескольких кусочков стеклянной массы или от однократного обертывания массы на инструмент; способ изготовления бус из однотонной палочки с прокалыванием каналов цилиндрической формы прослежен на бусах с металлической прокладкой; бусы с коническими каналами, возможно, изготовлены способом навивки стеклянной массы на инструмент, при снятии конический канал приобретал овальную или щелевидную форму. На некоторых бусах из бесцветного полупрозрачного стекла видны по 2–4 «риски» по краям каналов. Таких рисок на аналогичных бусах из Архона и Дагома нет. На некоторых шаровидных бусинах сбоку сохранились едва заметные уплощения, оставшиеся от соприкосновения неостывшего стекла с поверхностью.

Фрагментированные глазки дают возможность проследить способы их нанесения: послойное нанесение капель цветного стекла на основу; способ вжимания или сваривания срезов однотонной или мозаичной палочки с основой бусины, на фрагментированных бусах прослежены углубления; способ вжимания срезов однотонной трубочки, в результате чего получался двухцветный глазок с серединой из основного стекла.

17,3 % от всех стеклянных бус составляют бусы из бесцветного прозрачного и полупрозрачного стекла и с легкими оттенками зеленого и желтого цвета, включая глазчатые, всего 100 шт. Большая часть из них представлена бипирамидальными формами невыдержанных пропорций, нечеткой огранки. Не берусь анализировать бусы, которые мне незнакомы визуально, но сравнительный анализ доступных для автора коллекций бус из Архонского и Дагомского катакомбных могильников VI–IX вв. (раскопки автора 1996–2007 гг.), расположенных в Архонском и Урсдонском ущельях Алагирского района РСО-А, выявил, при общности типов, определенные различия в форме, размерах и интенсивности окраски стекла. Архонскую коллекцию отличает незначительный процент бус из бесцветного стекла, из 18 шт. – 9 бипирамидальных более четкой огранки. В Архоне особо следует отметить высокое качество бесцветного прозрачного стекла с гладкой поверхностью без следов патины; ясное прозрачное стекло интенсивно зеленого цвета и легкого бирюзового оттенка. Лишь две бусины из бесцветного стекла и выраженного зеленого оттенка из Архона по форме, размерам и окраске аналогичны бусам из Октябрьского могильника. Самые яркие бусы бипирамидальной формы, аналогичные по форме и размерам бусам из Октябрьского могильника, но с интенсивной окраской желтого и изумрудного цветов, происходят из коллекции Дагомского катакомбного могильника VI–VIII вв. (29 шт.) (*Шестопалова*, 2018. С. 330). В коллекции из Октябрьского могильника нет бус из ясного прозрачного бесцветного стекла и бирюзовых оттенков, которые встречены в Архоне; нет ярких бипирамидальных желтых и зеленых бус, найденных в Дагоме. Но в Архоне и Дагоме нет такого количества и разнообразия типов, какие представлены в Октябрьском могильнике.

З. А. Львова отмечала отличительные особенности ребристых бус из бесцветного прозрачного стекла из могильника Верхний Кобан (раскопки В. Б. Ковалевской 1991 г.), у которых «продольные валики расположены на сравнительно большом неодинаковом расстоянии друг от друга и резко обозначены» в то время как «обычно валики бывают расположены на одинаковом расстоянии и очень близко друг к другу и вследствие оплавления имеют расплывчатые очертания». По мнению З.А. Львовой, это «свидетельствует о разной манере исполнения и говорит в пользу возможного местного производства бесцветных бус этого типа» (*Львова*, 2000. С. 273). Ребристые бусы из Октябрьского могильника отличаются ровными, симметрично

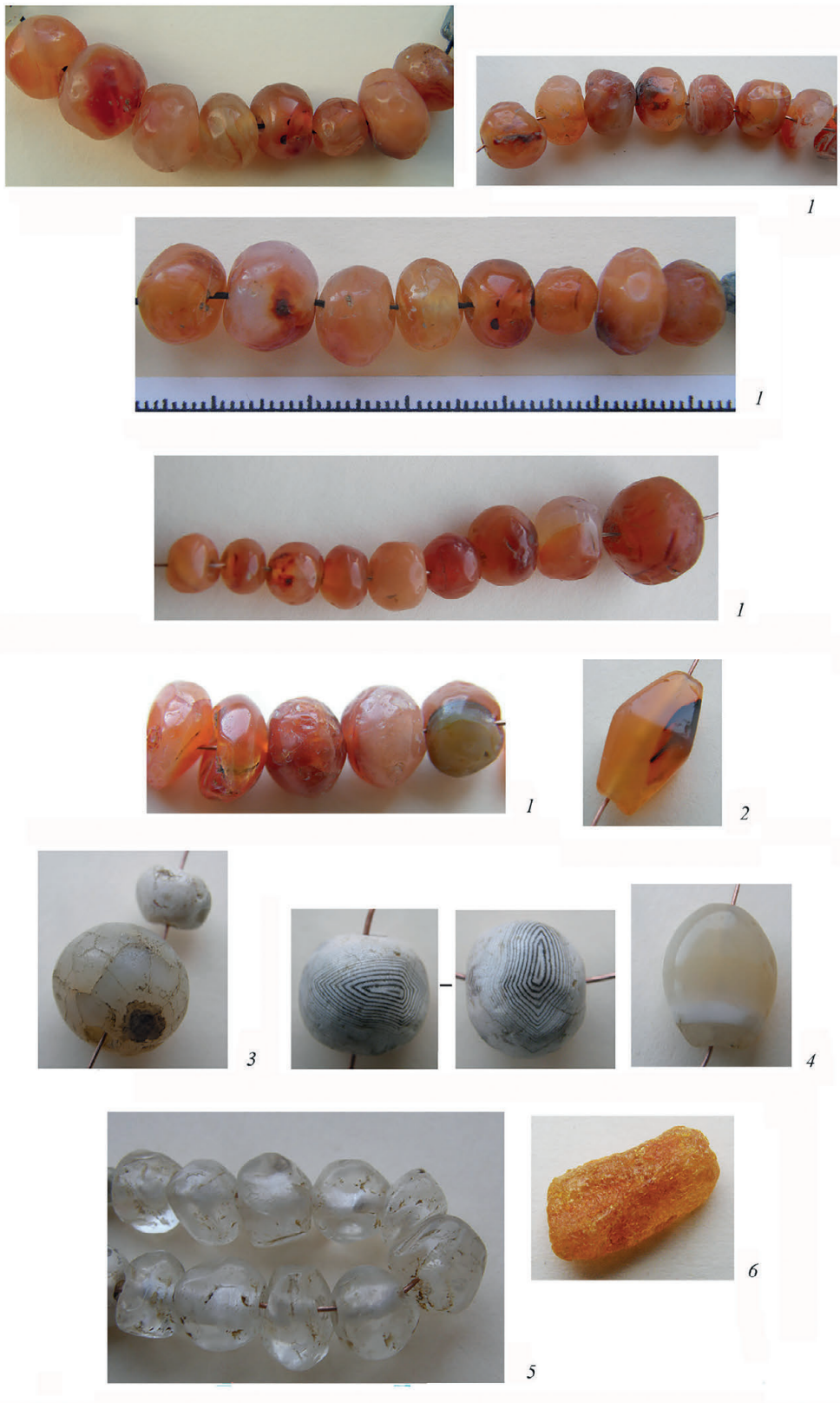


Рис. 8. Бусы каменные: *1* – сердолик; *2* – халцедон; *3* – яшма; *4* – агат; *5* – хрусталь; *6* – необработанный янтарь

расположенными широкими валиками (рис. 2: *3*). Аналогичная бусина происходит из могильника Верхний Кобан (*Львова*, 2000. С. 278. Рис. 7/3). Отличительные особенности распространенных на Северном Кавказе в VIII в. бипирамидальных бус из бесцветного стекла из перечисленных могильников указывают на то, что они, скорее всего, тоже были сделаны в разных мастерских. Разнообразие типов и технологических деталей, в том числе не встречающихся в других коллекциях, дает основание предположить поиск новых форм и технологий местными мастерами, хотя, как известно, на сегодняшний день на территории Северной Осетии древних и средневековых стекольных мастерских или достоверных сведений о них не найдено.

Р. Г. Дзаттиаты и Э. С. Кантемиров не исключали возможности существования в районе Октябрьского (Тарского) могильника и городища своего самостоятельного центра по изготовлению стекла и бус (*Кантемиров, Дзаттиаты*, 1995. С. 270). В доступной близости от Октябрьского могильника и городища находятся два значительных месторождения кварцевых (стекольных) песков: Тарское месторождение на южном склоне горы Тарской, мощностью от 5 до 24 м, прослеживается по простиранию на 3,84 км; Медвежьегайское месторождение, в 1 км к северу от с. Тарское, мощностью до 24 м, прослеживается вдоль южного склона горы Тарской на протяжении 5 км (*Цогоев и др.*, 2005. С. 284–286). Именно эти пески использовались для производства стекольной продукции Орджоникидзевского (Владикавказского) стекольного завода с 30-х гг. XX в. Кроме того, на территории Алании имелись месторождения известняков, необходимых для производства стекла, и практически всех минералов, которые использовались в средние века для глушения, обесцвечивания и окраски стекла.

Еще в 50-х гг. XX в. В. Б. Ковалевская высказала мнение «о зарождении местного производства стеклянных украшений на Северном Кавказе не только в VIII–IX вв., но, возможно, и в более раннее время» (*Бахтадзе, Деопик*, 1963. С. 150). Основанием послужили химико-технологические анализы раннесредневековых бус Северного Кавказа, проведенные Р. А. Бахтадзе, что позволило предположить, «что производство многосвинцовых бус в VIII в. могло возникнуть на Северном Кавказе самостоятельно на базе свинцово-серебряных рудников Центрального Предкавказья» (*Бахтадзе, Деопик*, 1963. С. 150). В. Б. Ковалевской проведена монументальная работа по картографированию ареалов распространения и концентрации отдельных типов бус Кавказа, в том числе тех типов (МЕР 90, 102, 105, 153), которые она считает продукцией местного производства (*Ковалевская*, 2000. С. 6, 13, 14, 40). Не все исследователи разделяют взгляды В. Б. Ковалевской, но проблема существует, и разрешить ее может открытие на Северном Кавказе стеклоделательных мастерских и мастерских по изготовлению бус на местном или привозном сырье. Их открытие связано с определенными трудностями, и прежде всего – с раскопками раннесредневековых поселений и городищ, которые, несомненно, будут открыты и исследованы.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтадзе Р. А., Деопик В. Б., 1963. Химико-технологический анализ раннесредневековых бус Северного Кавказа // Средневековые памятники Северной Осетии (Труды Северо-Кавказской экспедиции. 1958–1960 гг. Т. II) / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 148–151. (МИА; № 114.)

Кантемиров Э. С., Дзаттиаты Р. Г., 1995. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н. э. // Аланы: история и культура / Сост. и отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ. С. 259–314. (Alanica III.)

Ковалевская В. Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ИА РАН. 364 с.

Львова З. А., 2000. Бусы Северного Кавказа из бесцветного «посудного» стекла VIII–IX вв. // Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ИА РАН. С. 272–279.

Шестопалова Э. Ю., 2018. Древний Дагом: по материалам Дагомского катакомбного могильника VI–VIII вв. Владикавказ: ИПЦ ИП Цопанова А. Ю. 352 с.

Цогоев В. Б., Кучиев А. А., Ольховский Г. П., Мерочкин А. Г., Каллагов М. В., 2005. Геология и полезные ископаемые. Владикавказ: Проект-Пресс. 390 с.

E. Yu. Shestopalova

GLASS AND STONE BEADS FROM THE BURIAL COMPLEXES OF THE OKTYABRSKOE (TARSKOE) CATACOMB BURIAL GROUND, 7TH-9TH CENTURIES AD

Summary. In this work we present beads from unpublished material from the Oktyabrskoe (Tarskoe) catacomb burial complexes of the 8th–9th centuries AD, situated 3 km west of the village Tarskoe in the Prigorodny District of the Republic of North Ossetia – Alania. The ethnicity of the Alans is not in doubt.

The main aim of the work is to introduce a new collection of beads, which can be an independent dating material for the grave good sets of individual burials and a chronological indicator for identifying periods of the cemetery functioning. The author presents a primary classification of the beads in accordance with the publications by V. B. Kovalevskaya. The author thanks to Nazim Izmaylovich Gidjrati for the opportunity to publish the collection of beads.

Keywords: Alans, Middle Ages, catacombs, burial ground, beads, glass, workshops, raw material.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.344-361

Ю. А. Лихтер
ООО «Археологические изыскания в строительстве», Москва

БУСЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА МОЩЕВАЯ БАЛКА – МОРФОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ

Резюме. Статья посвящена исследованию бус из могильника Мощевая Балка, который раскапывался в 1980–1982 годах Лабинским отрядом Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР (начальник отряда – Е. И. Савченко). Исследование производилось по методике Ю. Л. Щаповой. Рассмотрены материал, морфология и технология, которые затем сопоставлены между собой. Сравнение с минимальными единицами рассмотрения (МЕРами), предложенными В. Б. Ковалевской, показало, что в наборе форм, цвета и технологий наблюдаются отличия.

Как показывает наше исследование, технологические схемы, применявшиеся при изготовлении стеклянных бус, связаны с различными производственными центрами и являлись предметом дальней международной торговли.

Ключевые слова: могильник Мощевая Балка, бусы Северного Кавказа, декорированные стеклянные бусы, технология изготовления бус.

Могильник Мощевая Балка раскапывался в 1980–1982 годах Лабинским отрядом Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР (начальник отряда – Е. И. Савченко) (*Савченко*, 1980; *Савченко, Каменецкий*, 1981; 1982а; 1982б; 1982в). За три года раскопок было вскрыто 567 погребений. В погребениях найдено 1297 бусин. В культурном слое найдено 69 бусин, как подъемный материал обозначены 114 бусин. 2 бусины не имеют точной привязки. Некоторое расхождение в цифрах с предыдущей публикацией (*Лихтер*, 1994. С. 113) связано с тем, что в ней мы учитывали только каменные и стеклянные бусы.

Распределение бус по погребениям очень неравномерно. Всего бусы встречены в 91 погребении. В 38 погребениях найдено по одной бусине, в 11 – по две, в 21 погребении – от 3 до 6 бусин, в 18 – от 6 до ста бусин, в двух – более ста бусин (табл. 1).

Исследование производилось по методике Ю. Л. Щаповой. Согласно этой методике, описание любых артефактов разделено на подсистемы – морфология, технология, материал. Морфология, в свою очередь, делится на форму, размеры, цвет и декор. Затем результаты соотносятся между собой (*Щапова*, 1989. С. 14).

Материал

По материалу бусы распределились следующим образом: 1293 – стеклянные, 142 – каменные, 37 – из раковин каури, 10 костяные (клыки, астрагалы и обработанные трубчатые кости). Среди камней встречаются: гагат, гранит, коралл, мрамор, сердолик и янтарь (табл. 2). Гагат, коралл и янтарь имеют в своей основе органические вещества, однако в минералогии их рассматривают наравне с прочими минералами (*Черненко*, 2003. С. 357, 364, 383).

Форма

Среди бус можно выделить следующие разновидности – собственно бусы (канал проходит по центру бусины), подвески (канал смещен к верхнему краю) и разделители ожерелья (два или больше каналов). В рассматриваемой выборке – один разделитель, 49 подвесок, остальное – собственно бусы. Отметим, что среди стеклянных бус подвески не зафиксированы, среди каменных встречено 3 экземпляра. В то же время

Таблица 1. Распределение бус по погребениям

Количество бус	Количество комплексов
460	1
254	1
75	1
52	1
33	1
31	1
27	1
22	2
21	1
19	1
18	1
15	2
14	2
13	1
12	1
9	2
7	1
6	5
5	6
4	5
3	5
2	11
1	38
	Всего 91

к подвескам относятся все раковины каури, клыки, астрагалы.

Конструкция бус складывается из тулова, канала и края (*Щапова и др.*, 2007. С. 18–19). Форма канала и края зависит от технологии изготовления бус. Эти признаки близки к следам технологических операций, так как помогают определять применявшиеся технологические операции.

По форме тулова бусы и подвески можно разделить на природные формы и геометрические. Природная форма – у раковин (каури) и костей (клыки, астрагалы). Геометрические (каменные и стеклянные) делятся на граненые, округлые, плоские и ребристые.

Среди граненых можно выделить бипирамидальные, пирамидальные и призматические. Среди последних преобладают формы со срезанными углами – так называемые четырнадцатигранные.

Округлые представлены биконическими, коническими, цилиндрическими, шаровидными, эллипсоидными, яйцевидными и грушевидными. Как правило, шаровидные, эллипсоидные, яйцевидные и грушевидные формы усечены вдоль канала сверху и снизу.

Таблица 2. Материал

Материал	Материал 2	Кол-во
Камень	гагат	114
-«»-	гранит	4
-«»-	коралл	6
-«»-	мрамор	4
-«»-	сердолик	13
-«»-	янтарь	1
Кость	астрагал	2
-«»-	зуб	2
-«»-	клык	4
-«»-	трубчатая	2
Раковина	каури	37
Стекло	–	1293

Плоские – бипирамидальные, грушевидные, круглые, эллиптические, яйцевидные, прямоугольные и треугольные.

Ребристые – биконические, грушевидные, цилиндрические, шаровидные, эллипсоидные. Среди плоских бус отметим прямоугольную бусину с двумя каналами – разделитель (№ 246[1]).

Отметим также, что зачастую грушевидные и яйцевидные бусы – это изначально шаровидные или эллипсоидные усеченные дважды (зонные или бочонковидные), утратившие четкую форму из-за слишком большого разогрева.

Многочастные

Как особую разновидность стеклянных бус выделим многочастные. По количеству сегментов наблюдаются двухчастные, трех-, четырех-, пяти- и шестичастные. В подавляющем большинстве сегменты этих бусин округлые, но у трех бусин тулово ребристое. В продольном разрезе бусины шаровидные или эллипсоидные, усеченные дважды.

Размеры

При упорядочении размеров бус мы использовали схему Ю. Калмера (*Callmer*, 1977. P. 35). Он делит бусы (как по высоте, так и по диаме-

[1] Здесь и далее приводятся номера бус по каталогу, составленному автором.

Таблица 3. Размеры бус по Ю. Каллмеру (*Callmer*, 1977. P. 35)

Группа	Подгруппа	Диаметр (см.)	код
Микро-бусы	Малые	< 0,3	1.1
	Средние	0,3-0,5	1.2
	Большие	0,6-0,8	1.3
Средние бусы	Малые	0,9-1,1	2.1
	Средние	1,2-1,4	2.2
	Большие	1,5-1,7	2.3
Макро-бусы	Малые	1,8-2,0	3.1
	Средние	2,1-2,3	3.2
	Большие	2,4-2,6	3.3
	Очень большие	2,7-2,9	3.4
Гиганты		> 3	4

тру) на микро, средние и макро, а также гиганты. Эти группы (кроме последней), в свою очередь, делятся также на три – малые, средние и большие (табл. 3).

Рассмотрим размеры по высоте (вдоль канала). В целом по высоте бусы расположены в промежутке от 0,12 (микро, малые бусы) до 2,91 (макро, очень большие). При сопоставлении высоты и диаметра выявляется группа бус, у которых эти параметры меньше 0,6. Их можно назвать бисером. Они количественно преобладают (762 экз.).

Цвет

При определении цвета мы пользовались шкалой цветов, разработанной М. Декувной, Е. Ольчаком и Ю. Щаповой (*Щапова*, 1989. С. 80–81; Principes…, 2002. P. 192). В ней выделен 21 цвет. Эти цвета в зависимости от насыщенности и светлоты разделены на 7 оттенков. В перечислениях мы используем название основного цвета, оттенок указываем лишь в тех случаях, когда на одной бусине важно различить два оттенка одного цвета.

В целом цвет бус разнообразен: бежевый; бирюзовый; желто-зеленый; желтый; зеленый; коричневый; красно-коричневый; красно-оранжевый; оливковый; оранжевый; пурпурный; серо-голубой; серый (этот цвет представлен слабыми оттенками); сине-зеленый; сине-фиолетовый; синий; темный, – то есть представлены 17 цветов из 21.

Декор на бусах

Под декором мы понимаем «систему знаков, нанесенных на вещь» (*Кокорина, Лихтер*, 2007. С. 24). Его характеризуют элементы декора (знаки), композиция (принципы сочетания знаков) и профиль. Необходимо также отмечать место размещения декора.

Декор встречен на 83 бусинах, причем все они стеклянные. Тулово у них, в основном, округлое, но иногда встречаются граненые и плоские.

Цвет декора чуть менее разнообразен, чем цвет основы: представлены 14 цветов из 21 возможного: бежевый; бирюзовый; желто-зеленый; желтый; зеленый; коричневый; красно-коричневый; красно-оранжевый; оливковый; серо-голубой; серый; сине-фиолетовый; синий; темный ахроматический. Чаще всего встречаются следующие цвета: серый; красно-оранжевый; сине-фиолетовый; желтый. В большинстве случаев декор многоцветный и комбинации цветов весьма разнообразны.

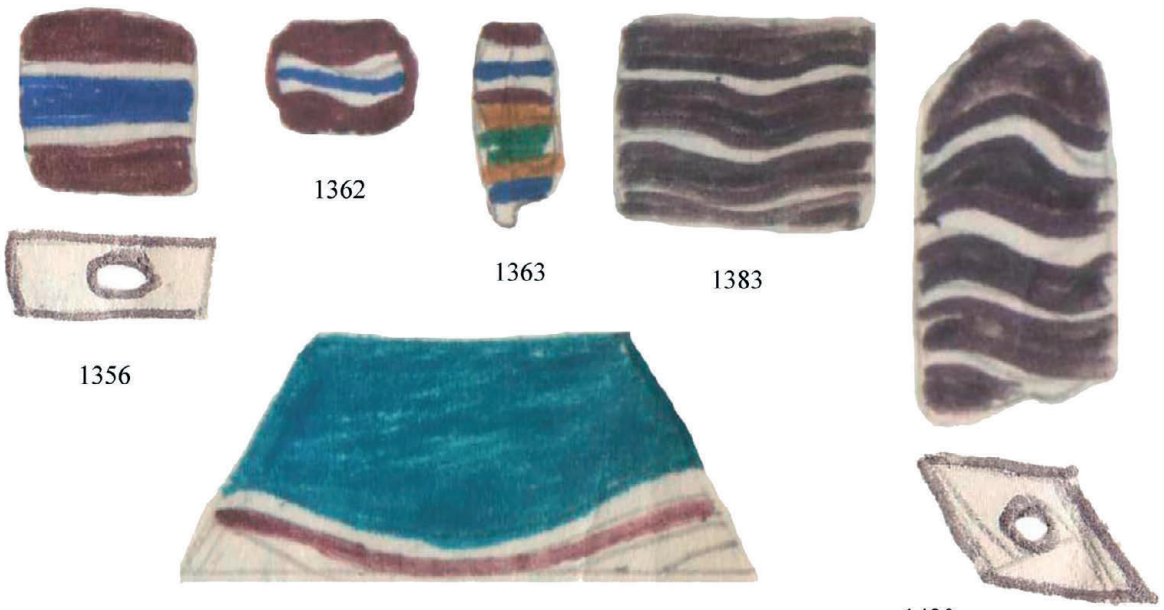
Профиль декора – выпуклый или плоский, причем плоский преобладает. Элементы декора – полосы, глазки и их комбинации. С известной долей условности можно сказать, что знаки на декорированных бусах соединены по принципу бордюра – то есть вытянуты вдоль одной прямой линии (*Кокорина, Лихтер*, 2007. С. 165).

Чтобы легче было ориентироваться, при описании декора мы описываем каждую бусину отдельно и сопоставляем декор с цветом основы и формой тулова.

Полосы (рис. 1)

Все плоские, вертикальные и горизонтальные; в двух случаях горизонтальные полосы сочетаются с граненым туловом (№ 1356, 1420), в остальных случаях основа округлая.

1358 1396 1414 *1*



1362 1363 1383 1356 1391 1420 *2*

1368 1369 1408 1379 *3*

Рис. 1. Полосатые бусы: *1* – вертикальные полосы; *2* – горизонтальные полосы; *3* – мозаичные полосы

Вертикальные

Полосы прямые, цвет декора – красно-оранжевый, серый слабый, сине-фиолетовый, желтый. Цвет основы – темный ахроматический. Полосы полностью закрывают основу, она видна только на краю. Тулово округлое, эллипсоидное, усеченное дважды (№ 1358).

Полосы прямые, цвет декора – красно-оранжевый, зеленый, сине-фиолетовый, серо-голубой слабый. Цвет основы – темный ахроматический. Полосы полностью закрывают основу, она видна только на краю. Тулово округлое, яйцевидное (№ 1396).

Полосы прямые, цвет декора – красно-оранжевый, сине-фиолетовый, желтый, серый слабый. Цвет основы – оливковый слабый. Полосы полностью закрывают основу, она видна только на краю. Тулово округлое, шаровидное, усеченное дважды, с шейкой (№ 1414).

Горизонтальные

Полосы прямые, цвет декора – сине-фиолетовый сильный, сине-фиолетовый слабый; цвет основы – коричневый. Тулово граненое, призматическое (№ 1356).

Полосы изогнутые (волна), цвет декора – сине-фиолетовый, серо-голубой слабый; цвет основы – коричневый. Тулово округлое, яйцевидное, усеченное дважды (№ 1362).

Полосы прямые, цвет декора – коричневый, сине-фиолетовый слабый, сине-фиолетовый средний, желтый, желто-зеленый; без основы. Тулово округлое, эллипсоидное, усеченное дважды (№ 1363).

Полосы изогнутые (волна), цвет декора – серо-голубой слабый; цвет основы – темный ахроматический. Тулово округлое, эллипсоидное, усеченное дважды (№ 1383).

Полосы изогнутые (волна), цвет декора – бирюзовый сильный светлый, бирюзовый слабый, темный ахроматический; без основы. Тулово округлое, коническое, усеченное (№ 1391).

Полосы изогнутые (волна), цвет декора – серый слабый; цвет основы – темный ахроматический. Тулово граненое, призматическое (№ 1420).

Мозаичные полосы

Две округлые эллипсоидные усеченные дважды бусины. Сверху и снизу сплошные красно-оранжевые полосы, между ними полоса серого слабого цвета с разноцветной крошкой – красно-оранжевой и оливковой – темной и светлой, без основы (№ 1368, 1369).

1350

1372

1371

Рис. 2. Бусы с одноцветными глазками

Неопределенный декор

Округлая эллипсоидная бусина, составленная из разноцветных полосок. Полоски желто-зеленые, коричневые, красно-оранжевые и светло-серые (№ 1408).

Округлая эллипсоидная бусина, составленная из скрученных темно-коричневых и светло-серых палочек (№ 1379).

Глазки

Глазки можно разделить на одноцветные и многоцветные, которые, в свою очередь, делятся на состоящие из концентрических кругов и мозаичные.

Простые одноцветные (рис. 2). Условно их можно отнести к МЕРам[2] № 158–159, по В. Б. Ковалевской (*Ковалевская*, 2000. С. 43).

[2] Детальное рассмотрение стеклянных бус, найденных на Северном Кавказе, было предпринято В. Б. Ковалевской (2000. С. 5–94). Бусы объединены автором в группы, так называемые «минимальные единицы рассмотрения», или МЕРы.

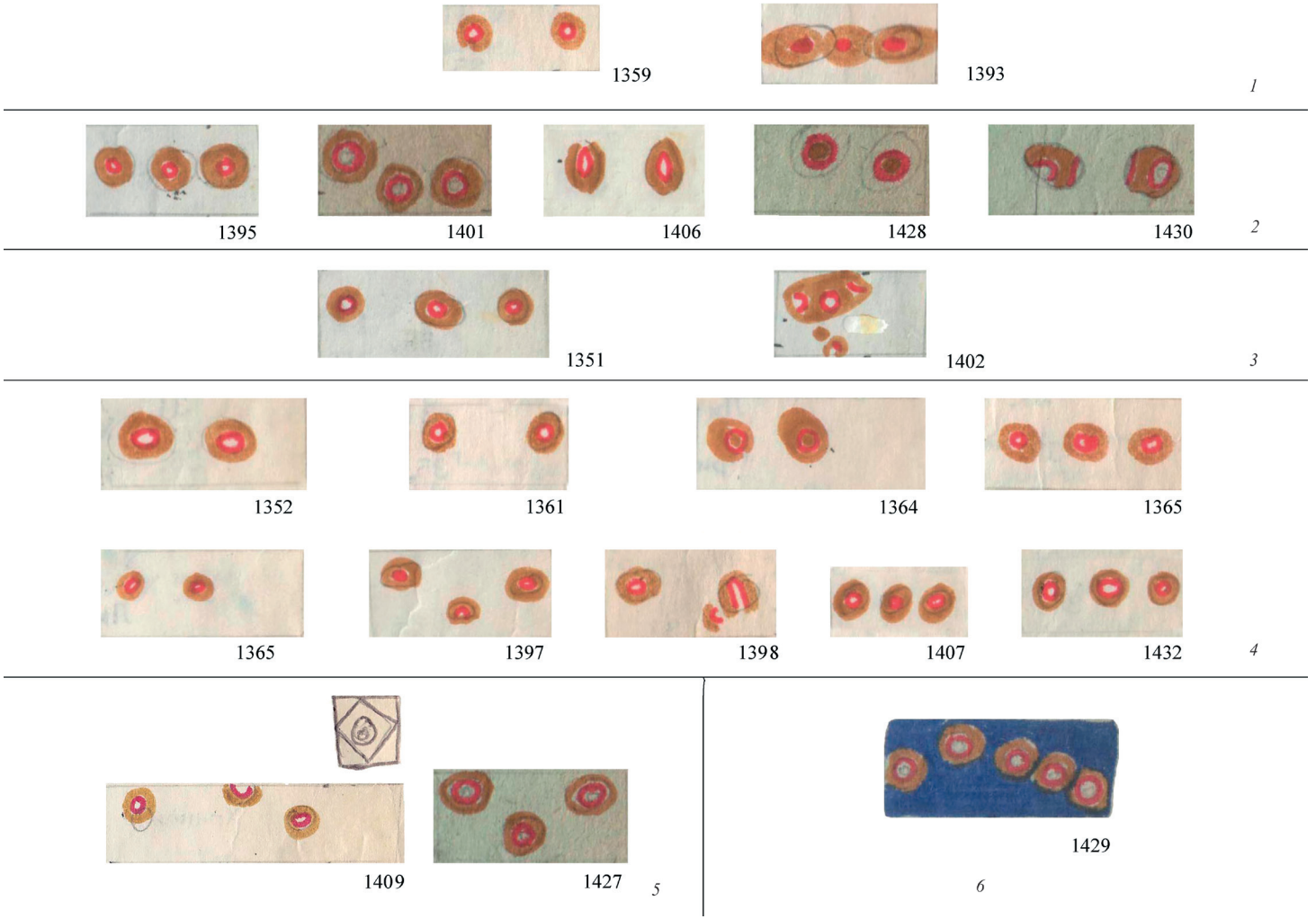


Рис. 3. Бусы с глазками из концентрических кругов – желтого и красно-оранжевого, в центре – серый слабый, основа бесцветная (*Ковалевская*, 2000. С. 38) (МЕР № 149, условно). Эллипсоидные усеченные дважды: *1* – глазки плоские; *2* – глазки выпуклые. Яйцевидные усеченные дважды: *3* – глазки плоские; *4* – глазки выпуклые; *5* – тулово граненое, призма со срезанными углами (14-гранные); *6* – бусина с аналогичными глазками и сине-фиолетовой основой. Тулово округлое – эллипсоидное усеченное дважды

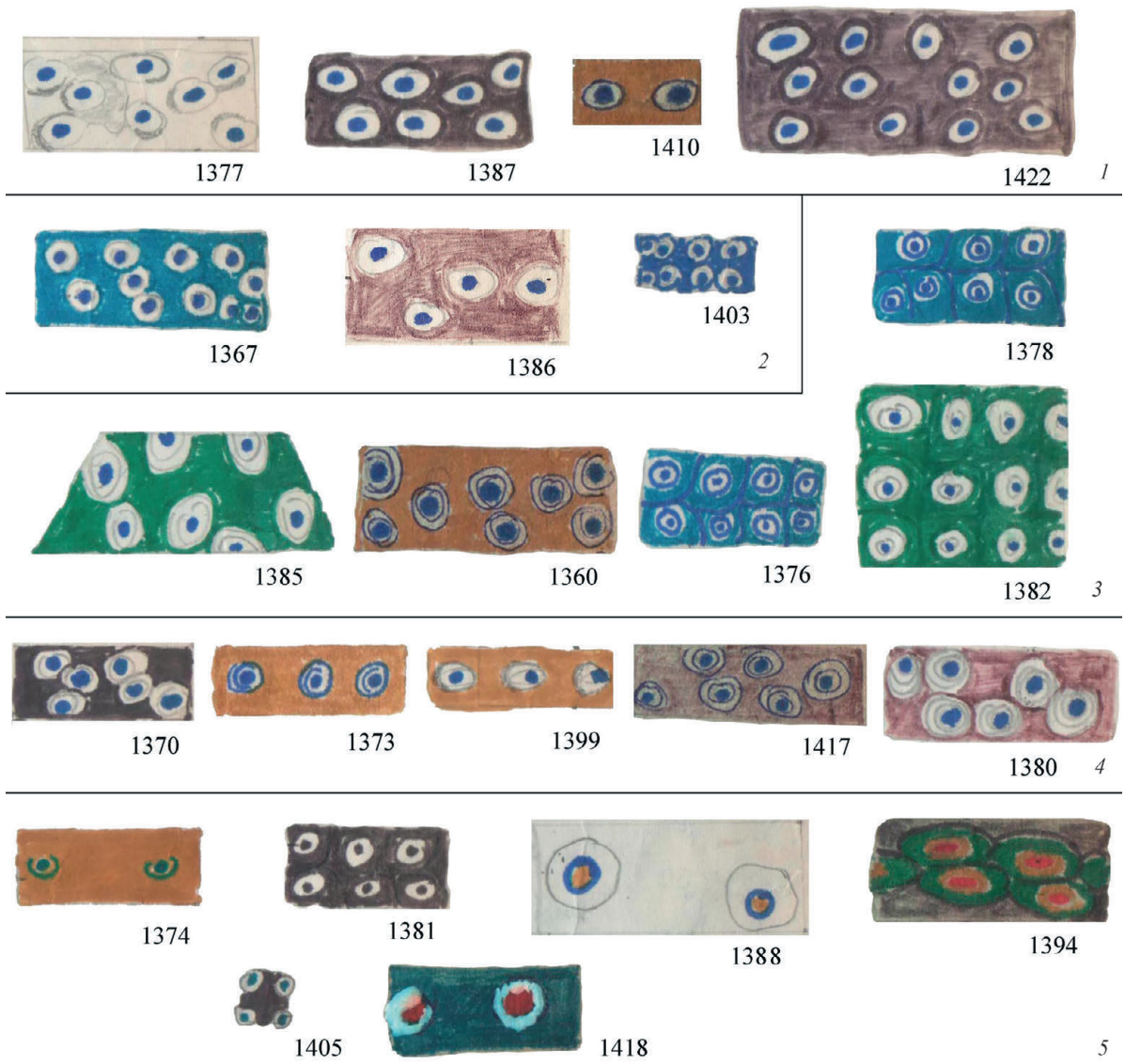


Рис. 4. Прочие концентрические глазки. Глазки – на белом фоне синяя точка в центре: *1* – плоские; *2* – выпуклые. Глазки с белым фоном, сине-фиолетовой точкой в центре и сине-фиолетовыми концентрическими окружностями вокруг: *3* – плоские; *4* – выпуклые; *5* – глазки других цветов

Глазки бирюзовые, основа сине-фиолетовая. Тулово округлое, эллипсоидное, усеченное дважды (№ 1350, 1372).

Глазки серо-голубые, основа синяя. Тулово округлое, яйцевидное, усеченное дважды (№ 1371).

Многоцветные

Концентрические (рис. 3)

1. Глазки состоят из концентрических кругов – желтого и красно-оранжевого, в центре – серый слабый, основа бесцветная (рис. 3). Условно их можно отнести к МЕР № 149, по В. Б. Ковалевской (*Ковалевская*, 2000. С. 38).

Тулово округлое: эллипсоидные усеченные дважды; глазки плоские – № 1359, 1393, глазки выпуклые – № 1395, 1401, 1406, 1428, 1430; яйцевидные усеченные дважды: глазки плоские – № 1351, 1402, глазки выпуклые – № 1352, 1361, 1364, 1365, 1366, 1397, 1398, 1407, 1432.

Тулово граненое, призма со срезанными углами (14-гранные) (№ 1409, 1427).

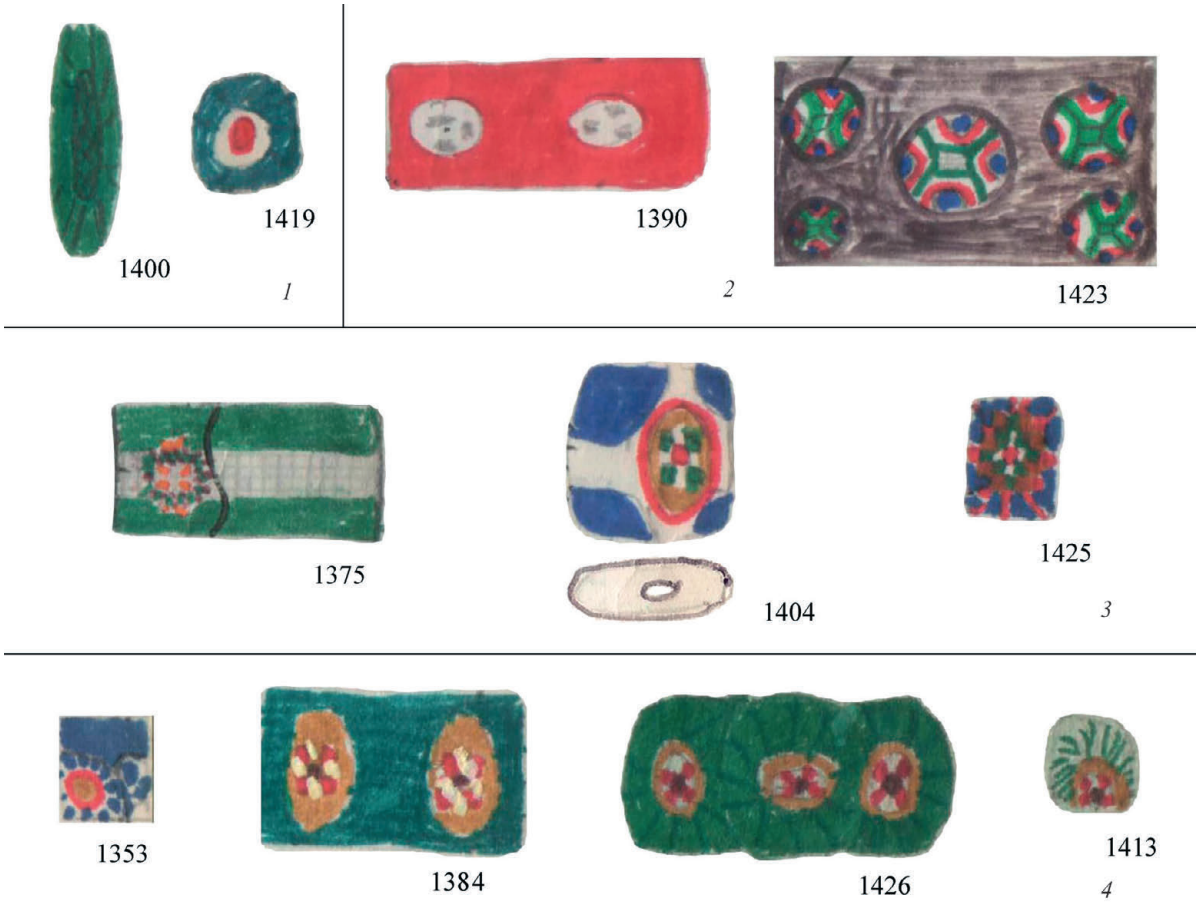


Рис. 5. Глазки с ресничками и мозаичные глазки (все плоские): *1* – глазки с ресничками; *2* – мозаичные глазки. Глазки, соединенные между собой и образующие тело бусины: *3* – простые; *4* – с ресничками

Бусина с аналогичными глазками и сине-фиолетовой основой. Глазки выпуклые, тулово округлое – эллипсоидное усеченное дважды (№ 1429).

2. Глазки – на белом фоне синяя точка в центре (рис. 4).

Плоские

Цвет основы – сине-фиолетовый слабый, тулово округлое, шаровидное (№ 1377).

Цвет основы желтый, тулово округлое, шаровидное усеченное дважды (№ 1410).

Цвет основы темный ахроматический, тулово округлое, шаровидное усеченное дважды (№ 1387).

Цвет основы темный ахроматический, тулово округлое, эллипсоидное усеченное дважды (№ 1422).

Выпуклые

Цвет основы – бирюзовый, тулово округлое, эллипсоидное усеченное дважды (№ 1367).

Цвет основы – темный ахроматический, тулово округлое, шаровидное усеченное дважды (№ 1386).

Цвет основы – сине-фиолетовый, тулово округлое, цилиндрическое (№ 1403). Условно их можно отнести к МЕР № 165, по В. Б. Ковалевской (2000. С. 45–46)

3. Глазки с белым фоном, сине-фиолетовой точкой в центре и сине-фиолетовыми концентрическими окружностями вокруг (рис. 4).

Плоские

Цвет основы – желто-зеленый средний, тулово плоское, треугольное, усеченное сверху (№ 1385).

Рис. 6. Глазки и полосы (все плоские). *1* – простые горизонтальные; *2* – простые вертикальные; *3* – мозаичные

Цвет основы – оливковый, тулово округлое, шаровидное (№ 1360).

Цвет основы – сине-фиолетовый; тулово округлое, эллипсоидное усеченное дважды (№ 1376).

Цвет основы – сине-фиолетовый; тулово округлое, эллипсоидное усеченное дважды (№ 1378).

Цвет основы – серо-голубой, тулово округлое, цилиндрическое (№ 1382).

Выпуклые

Цвет основы – сине-фиолетовый, тулово округлое, шаровидное, усеченное дважды (№ 1370).

Цвет основы – желтый, тулово округлое, шаровидное, усеченное дважды (№ 1373).

Цвет основы – желтый, тулово округлое, шаровидное, усеченное дважды (№ 1399).

Цвет основы – темный ахроматический, тулово округлое, шаровидное, усеченное дважды (№ 1417).

Цвет основы – красно-коричневый, тулово округлое, яйцевидное усеченное дважды (№ 1380).

4. Глазки других цветов (рис. 4).

Цвет глазков: точка в центре и кольцо по краю – зеленый, фон – желтый. Цвет основы – желтый, тулово округлое, яйцевидное усеченное дважды, глазки плоские (№ 1374).

Цвет глазков: точка в центре – коричневый средний темный, фон – коричневый слабый. Цвет основы – коричневый средний темный. Тулово округлое, эллипсоидное усеченное дважды, глазки плоские (№ 1381).

Цвет глазков: точка в центре – желтый сильный светлый, вокруг – сине-фиолетовый сильный темный, фон – серый слабый. Цвет основы –

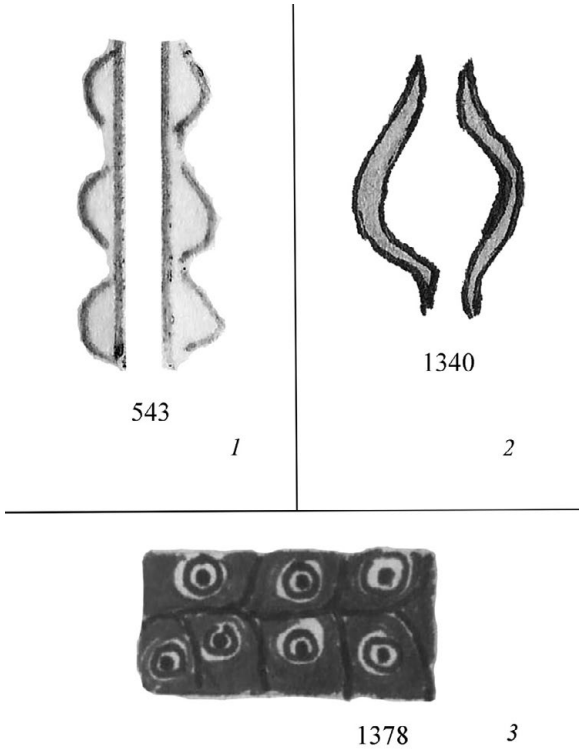


Рис. 7. Технология изготовления основы:
1 – двойная трубочка; *2* – бусина из выдутой трубочки;
3 – сварка мозаичных кусков

серо-голубой слабый. Тулово плоское круглое, глазки плоские (№ 1388).

Цвет глазков: точка в центре – красно-оранжевый, вокруг – желтый. Цвет основы – оливковый. Тулово округлое, яйцевидное, глазки плоские (№ 1394).

Цвет глазков: точка в центре – бирюзовый сильный, фон – бирюзовый слабый. Цвет основы темный ахроматический. Тулово округлое, цилиндрическое; глазки выпуклые (№ 1405).

Цвет глазков: точка в центре – красно-коричневый сильный светлый, фон – бирюзовый слабый. Цвет основы – бирюзовый сильный светлый. Тулово округлое, эллипсоидное усеченное дважды, глазки плоские (№ 1418).

5. Глазки с ресничками (рис. 5).

Цвет фона – зеленый сильный темный, на котором темным стеклом изображена решетка, окруженная такими же ресничками. Основы нет. Тулово округлое эллипсоидное, глазки плоские (№ 1400).

Цвет глазков: точка в центре – красно-коричневый сильный светлый, кольцо вокруг – бирюзовый слабый, фон – бирюзовый сильный светлый, на который наложены темные линии ресничек. Основы нет. Тулово округлое, шаровидное усеченное дважды, глазки плоские (№ 1419).

Мозаичные глазки (рис. 5).

Бусы с мозаичными глазками. Глазки составлены из мелких квадратиков, образующих крестики, в некоторых случаях вокруг глазка реснички.

1. Глазки без ресничек, наложенные на основу бусины.

Глазки: фон – серый средний темный, на котором выложено по три серых пятнышка. Цвет основы – красно-оранжевый. Тулово округлое, эллипсоидное усеченное дважды, глазки плоские (№ 1390).

Глазки: фон – серый слабый, на нем выложена розетка из желто-зеленых и красно-оранжевых ломаных линий, чередующихся с сине-фиолетовыми пятнами. Тулово округлое, шаровидное усеченное дважды, глазки плоские. Цвет основы – зеленый средний (№ 1423).

2. Глазки, соединенные между собой и образующие тело бусины.

Без ресничек

Глазки: в центре светлое пятно, вокруг которого два ряда обрамления – из красно-оранжевых и оливковых квадратиков. Цвет основы – зеленый средний. Тулово бусины образуют несколько таких палочек Тулово округлое эллипсоидное усеченное дважды; глазки плоские (№ 1375).

Глазки: цвет фона – серый слабый, в центре красно-оранжевый квадратик, по углам которого четыре желто-зеленых квадратика; эта композиция окружена концентрическими овалами желтого и красно-оранжевого цветов, дальше по бокам четыре сине-фиолетовых овала. Тулово бусины образуют два таких глазка. Основы нет. Тулово плоское эллипсоидное усеченное дважды, глазки плоские (№ 1404).

Глазки: цвет фона – сине-фиолетовый средний, в центре красно-оранжевый квадратик, по углам которого четыре желто-зеленых квадратика; эта композиция окружена желтыми квадратиками, а затем красно-оранжевыми. Тулово бусины образуют несколько таких глазков. Основы нет. Тулово граненое прямоугольное, глазки плоские (№ 1425).

С ресничками

Глазки: цвет фона – сине-фиолетовый слабый, в центре желтое пятно, вокруг него красно-оранжевое кольцо, от которого отходят сине-фиолетовые линии ресничек. Тулово бусины образуют несколько таких глазков. Цвет основы – сине-фиолетовый. Тулово округлое цилиндрическое; глазки плоские (№ 1353).

Глазки: цвет фона – зеленый темный, в центре темный ахроматический квадратик, вокруг которого чередуются красно-оранжевые и белые квадратики; эта композиция окружена желтым овалом, от которого отходят темные линии ресничек. Тулово бусины образуют несколько таких глазков. Основы нет. Тулово округлое биконическое усеченное дважды, глазки плоские (№ 1384).

Глазки: цвет фона – серый слабый, в центре коричневый квадратик, вокруг которого чередуются красно-оранжевые и белые квадратики; эта композиция окружена желтым овалом, от которого отходят желто-зеленые линии ресничек. Тулово бусины образуют несколько таких глазков. Основы нет. Тулово округлое, эллипсоидное усеченное дважды, глазки плоские (№ 1413).

Глазки: цвет фона – желто-зеленый средний, в центре коричневый квадратик, вокруг которого чередуются красно-оранжевые и белые квадратики; эта композиция окружена желтым овалом, от которого отходят желто-зеленые линии ресничек. Тулово бусины образуют несколько таких глазков. Основы нет. Тулово округлое эллипсоидное усеченное дважды, глазки плоские (№ 1426).

Похожие крестики есть у В. Б. Ковалевской, см. МЕРы № 218, 219 (2000. С. 64–65), но цвета другие.

Сочетание полос и глазков (рис. 6)

1. Простые полосы и глазки.

Поперечные полосы

На поперечные полосы наложены глазки. Полосы и фон глазков сине-фиолетовые слабые, в центре глазков пятна сине-фиолетовые средние. Цвет основы – темный ахроматический. Декор плоский.

Тулово округлое, цилиндрическое (№ 1357).

Тулово округлое, эллипсоидное усеченное дважды (№ 1389).

Тулово округлое, эллипсоидное усеченное дважды (№ 1421).

Тулово округлое, шаровидное усеченное дважды (№ 1431).

Продольная полоса

Глазки, между которыми помещены вертикальные полосы, не доходящие до края канала. Глазки: на желтом фоне в центре красно-оранжевое пятно. Полосы составлены из нескольких красно-коричневых линий. Цвет основы – сине-зеленый средний, с красными включениями. Округлая шаровидная усеченная дважды бусина. Декор плоский (№ 1412).

Глазки, между которыми помещены вертикальные полосы, не доходящие до края канала. Глазки: на желтом фоне в центре красно-оранжевое пятно. Рядом с глазками пятно красно-коричневого цвета. Возможно, линии, как у предыдущей бусины, слились. Цвет основы – желто-зеленый. Округлая эллипсоидная усеченная дважды. Декор плоский (№ 1424).

2. Составные полосы и глазки с ресничками.

У всех бусин тулово округлое цилиндрическое, декор плоский. Основы нет. При внешнем сходстве декор различен в деталях, поэтому каждая бусина нуждается в отдельном описании.

По краям бусины расположены две широкие горизонтальные полосы, между которыми глазки, соединенные также горизонтальными полосами. Полосы по краям составлены из чередующихся сине-фиолетовых, желтых и красно-оранжевых полосок. Глазки: в центре сине-фиолетовое пятно, вокруг красно-оранжевое кольцо, затем серое светлое и желто-зеленый фон. Полоска, соединяющая глазки, – красно-оранжевая (№ 1354).

По краям бусины расположены две широкие горизонтальные полосы, между которыми глазки. Полосы по краям составлены из чередующихся сине-фиолетовых сильных темных и сине-фиолетовых слабых полосок. Глазки: фон желто-зеленый, в центре красно-оранжевое пятно, вокруг сине-фиолетовое слабое кольцо, на котором темные реснички, затем кольца бирюзовое и желтое. Обрамляющие полосы слегка изогнуты (№ 1355).

По краям бусины расположены две широкие горизонтальные полосы, между которыми глазки. Полосы по краям составлены из чередующихся сине-фиолетовых средних, сине-фиолетовых слабых и красно-оранжевых полосок. Глазки: в центре сине-фиолетовое пятно, вокруг сине-фиолетовое слабое и красно-оранжевое кольца, фон желтый, и на нем желто-зеленые реснички (№ 1392).

На одном краю бусины расположена широкая горизонтальная полоса, затем – ряд глазков. Полоса составлена из чередующихся сине-фиолетовых средних, сине-фиолетовых слабых желтых и красно-оранжевых полосок. Глазки: в центре красно-оранжевое пятно, вокруг сине-фиолетовое слабое, желтое и красно-оранжевое кольца, фон желто-зеленый, и на нем темные реснички (№ 1411).

На одном краю бусины расположена широкая горизонтальная полоса, затем – ряд глазков. Полоса составлена из чередующихся сине-фиолетовых средних, сине-фиолетовых слабых желтых и красно-оранжевых полосок. Глазки: в центре красно-оранжевое пятно, вокруг сине-фиолетовое слабое, желтое и красно-оранжевое кольца, фон серый слабый и на нем темные реснички (№ 1416).

Чередуются ряды горизонтальных полос и глазков. Фон серый слабый. Полосы составлены из сине-фиолетовых полосок. Глазки объединены в группы по три. В глазке, расположенном посередине, центральное пятно желтое, в боковых глазках – сине-фиолетовое сильное, окруженное серым слабым. Затем у всех глазков красно-оранжевое кольцо и желтое темное с желто-зелеными ресничками (№ 1415).

Дополнительно обработанные стеклянные бусы

В качестве дополнительной обработки на бусах встречается покрытие металлической прокладкой, придающей им металлический блеск. Иногда этот эффект достигается за счет вставки двух трубочек одна в другую, при этом преломление света создает эффект металлического блеска. Их упоминает В. Б. Ковалевская как вариант МЕР № 144 (см.: *Ковалевская*, 2000. С. 36). Подробное описание этой технологии см. далее, в разделе, посвященном технологии.

Металлическая прокладка

Бусы с металлической прокладкой встречаются как многочастные, так и одночастные. В поперечном разрезе они по преимуществу округлые, однако есть несколько ребристых. В продольном – шаровидные и эллипсоидные усеченные дважды (зонные и бочонковидные). В эту группу входят также округлые бусы с валиком (так называемые катушкообразные). (*Ковалевская*, 2000. С. 37).

Бусы состоят из трех слоев – внутри стекло, слабо окрашенное в естественные цвета за счет окиси железа, затем металлическая фольга (серебряная или латунная), сверху слой прозрачного или цветного стекла. Если стекло прозрачное, а прокладка серебряная, их принято называть серебростеклянными. Цвет поверхности у них при этом серый, с металлическим блеском (46 экз.). Если стекло прозрачное, а прокладка латунная, такие бусы называют золотостеклянными. В то же время золотостеклянные бусы получатся, если на серебряную прокладку наложить желтоватое стекло. Цвет поверхности при этом бежевый, с металлическим блеском. Всего золотостеклянных 38 экз. В нескольких случаях сверху наложено яркое цветное стекло – бирюзовое.

Двойные трубочки

Эти бусы, возможно, имитировали металлическую прокладку, и если не рассмотреть детально, то их можно принять за золотостеклянные. Все многочастные, шаровидные, усеченные дважды или эллипсоидные, усеченные дважды (всего 21 бусина, рис. 7, № 543).

Технология изготовления (табл. 4)

Нами выявлено 8 технологических схем разной степени сложности. Самое простое – работа с естественными формами (клыки, астрагалы, раковины каури). Чтобы превратить их в подвеску, достаточно просверлить отверстие (технологическая схема 8). При работе с камнем бусину сначала вырезают, а затем просверливают в ней отверстие (технологическая схема 7). Технологию изготовления канала можно определить по его форме. Как правило, канал сверлят с двух сторон, при этом он получается биконическим, конусы соединяются вершинами в центре бусины. Иногда сверлили с одной стороны, канал при этом получался конический или цилиндрический.

Более разнообразна технология изготовления стеклянных бус. Среди основных приемов присутствуют вытягивание, выдувание, литье, навивка. Наиболее многочисленны тянутые трубочки, тянутые и литые палочки. Как признаки выдувания трубочек отметим тонкие стенки и широкий канал, повторяющий очертания тулова (рис. 7, № 1340). Это очень редкий прием в технологии изготовления бус. Тем не менее в нашей выборке он представлен 22 экземплярами. При этом в 18 случаях нами отмечено покрытие металлической фольгой. Сварка (кусков и полос) в совокупности представлена 15 экз. и использовалась при изготовлении декорированных бус (рис. 7, № 1378). Остальные технологии встреча-

Таблица 4. Технология подсчет по схемам

№ технологической схемы	Прием	Уточнение	Кол-во
01-а	Вытягивание трубочки	простой	873
01-б	Вытягивание трубочки	двухслойной	21
01-в	Вытягивание трубочки	с металлической прокладкой	75
01-г	Вытягивание трубочки	наклад цветных полос	2
02-а	Вытягивание палочки	простой	77
02-б	Вытягивание палочки	мозаичной	35
03-а	Выдувание трубочки	простой	4
03-б	Выдувание трубочки	с металлической прокладкой	18
04-а	Литье палочки	простой	158
04-б	Литье трубочки	простой	3
04-в	Литье капли	–	2
04-г	Литье в форму	–	5
05-а	Навивка трубочки	–	1
05-б	Навивка палочки	–	1
05-в	Навивка на стержень		2
06-а	Сварка кусков	–	13
06-б	Сварка полос	–	2
07	Резание	–	144
08	Сверление	–	43
09	–	–	2
н/у	?	–	1
			1482

ются редко и в совокупности встречены в 15 случаях.

Тянутые трубочки – технологическая схема 1 (табл. 4)

Работа с тянутыми трубочками – наиболее стандартизованная технология, позволяющая массово изготавливать бусины. Для разделения на части вытянутой трубочки использовали специальные приспособления – щипцы, а также каменные плиты с углублениями, в которых прокатывали заготовки (*Spaer*, 1993. Fig. 4). Сформованную заготовку затем раскалывали на части. При этом можно получать как отдельные бусины, так и многочастные.

В рассматриваемой выборке нами выделены следующие варианты работы с тянутыми трубочками.

Простые

Составные (двухслойные) – на трубочку надевают вторую, большего размера, и обжимают щипцами (рис. 7. № 543). При этом наружная трубочка соединяется с внутренней только в определенных местах, а в основном тулове образуется воздушная прослойка. За счет преломления света появляется эффект, аналогичный металлической прокладке.

С металлической прокладкой: на трубочку накладывают металлическую фольгу и покрывают сверху тонким слоем стекла, которое может быть как бесцветным, так и цветным (см. выше в разделе, посвященном бусам с металлической прокладкой).

С накладом вертикальных цветных полос, образующих сплошное покрытие (рис. 1, № 1358, 1414).

Выдутые трубочки (табл. 4, технологическая схема 3; рис. 7, № 1340)

Среди выдутых трубочек прослеживаются простые и с металлической прокладкой, причем цветных нет, все золото- или серебряностеклянные.

Тянутые палочки (табл. 4, технологическая схема 2)

Среди тянутых палочек имеются простые и мозаичные.

Литье (табл. 4, технологическая схема 4)

При использовании литья прослеживаются следующие варианты: литье палочки, литье тру-

бочки, литье капли, литье в форму. Преобладают литые палочки, остальные варианты представлены единичными экземплярами.

Навивка (табл. 4, технологическая схема 5)

Как варианты навивки можно назвать навивку трубочки, навивку палочки, индивидуальную навивку, навивку капли. Все представлены единичными экземплярами.

Сварка (табл. 4, технологическая схема 6)

Как варианты можно выделить сварку кусков (рис. 7, № 1378) и сварку полос. Оба варианта встречаются только у декорированных бус.

Техника декора

Техника нанесения декора особым разнообразием не отличается. Присутствует наклад декоративных элементов – полос и глазков, а также сварка мозаичных палочек и ломтиков.

Большее разнообразие заметно в изготовлении самих декоративных элементов. Они представляют собой отрезки цветных палочек. Палочки могут быть как одноцветными, так и разноцветными. Среди разноцветных можно выделить две разновидности. В первом случае заготовку окунали несколько раз в жидкое стекло разных цветов, а затем вытягивали. Получившуюся палочку разрезали на ломтики, которые накладывали на основу бусины в качестве глазков. В зависимости от степени разогрева основы бусины глазок либо погружался глубоко (плоский декор), либо выступал над поверхностью (выпуклый декор). При изготовлении мозаичных палочек нити разных цветов соединяли таким образом, чтобы они в поперечном сечении складывались в какой-то рисунок. Затем получившийся столбик разогревали и опускали в жидкое стекло другого цвета, дававшего фон рисунку. Этот столбик вытягивали, при этом узор, сохраняя свои очертания, уменьшался в размерах. Такую палочку могли разрезать на ломтики, которые использовали как глазки, или сваривать отрезки между, получая конгломерат основного узора (*Максимова*, 1948. С. 235).

Рассмотрим выделенные нами виды декора с точки зрения технологии.

Полосы (рис. 1)

Вертикальные полосы – наклад декора на основу (№ 1358, 1396, 1414). Основа – из тянутой трубочки (№ 1358, 1414) и литой палочки (№ 1396).

Горизонтальные полосы – как наклад (№ 1362, основа – литая палочка, № 1420, основа – тянутая палочка), так и сварка полос, т. е. декор создавался одновременно с основой (№ 1356, 1363, 1383, 1391).

Вероятно, из сваренных и закрученных полос сделана бусина № 1379.

Глазки

Простые одноцветные – наклад капли (рис. 2, № 1350, 1371, 1372). Основа – тянутая палочка.

Концентрические и мозаичные глазки на основе, сделанной в другой технике – наклад ломтиков палочки (рис. 3–5).

Бусы, сваренные из мозаичных кусков или полос, сделаны из отрезков мозаичных палочек (рис. 6, № 1354, 1355, 1368, 1369, 1392, 1408, 1411, 1415, 1416).

Сопоставление подсистем между собой

Сопоставление материала и формы показывает следующие особенности.

Из раковин сделаны только подвески, имеющие природную форму.

У кости также преобладают природные формы (астрагалы и клыки), но есть одна бусина эллипсоидная, усеченная дважды.

Округлые формы наблюдаются у бус из кости (1 бусина), камня, стекла. Граненые и плоские – у каменных и стеклянных; ребристые бусы – только стеклянные. По продольному разрезу бусы из камня и стекла не различаются, однако стекло более разнообразно. В обеих группах встречаются бусы биконические, цилиндрические, шаровидные усеченные дважды, эллипсоидные усеченные дважды, яйцевидные усеченные дважды, бипирамидальные, пирамидальные, призматические (простые и со срезанными углами), круглые. Но в стекле встречаются еще грушевидные, конические, прямоугольные и треугольные.

Материал и цвет

Сопоставление материала и цвета показывает, что наиболее разнообразны цвета стеклянных бус, цвета камня встречаются также и у стекла, за исключением оранжевого (сердолик). Для каменных бус можно выделить следующие различия: гагат – темный ахроматический; сердолик – коричневый и оранжевый; гранит – темный, серый; мрамор – коричневый, серо-голубой и оливковый; коралл – красно-коричневый; янтарь – коричневый. Бусы и подвески из раковин и кости имеют светлую природную окраску, которая не учитывалась при описании.

Материал и размеры

Сопоставление по высоте показывает, что каменные бусы укладываются в промежуток от 0,36 до 2,91, при этом бус меньше 0,6 очень мало. Высота стеклянных бус располагается в промежутке от 0,12 до 2,13 (мы не учитываем многочастные бусы), при этом количество бус от 0,12 до 0,59 (бисера) превышает общее количество остальных бус (762 экз.). У каменных бус в параметры бисера укладываются всего 2 бусины. То есть можно утверждать, что каменные бусы в целом крупнее стеклянных.

Бисер в подавляющем большинстве случаев стеклянный, но 2 каменных бусины укладываются в параметры бисера. По технике изготовления бисер в подавляющем большинстве из тянутой трубочки, в эти же параметры укладываются 2 мелкие бусины из литых палочек.

Материал и декор

Декор имеется только на стеклянных бусах.

Сопоставление технологии и морфологии стеклянных бус

Наиболее многочисленны бусы из **тянутой трубочки**.

Учитывая все варианты этой технологической схемы, сюда входит 971 бусина, в том числе подавляющее большинство мелких бус (бисера). Среди бус из тянутых трубочек почти нет граненых и плоских, преобладают округлые и ребристые, причем среди бисера ребристые отсутствуют. В эту же группу входит подавляющее большинство бус с металлической прокладкой и из двойных трубочек. Отметим также, что из трех бусин, декорированных вертикальными полосами, 2 сделаны из тянутой трубочки (рис. 1, № 1358, 1414). По цвету распределение следующее: простые бусы – бежевый, бирюзовый, желто-зеленый, желтый, зеленый, красно-коричневый, оливковый, пурпурный, серо-голубой, серый слабый, сине-зеленый, сине-фиолетовый, синий, темный ахроматический; бисер: бежевый, бирюзовый, желто-зеленый, желтый, зеленый, оливковый, серо-голубой, сине-зеленый, сине-фиолетовый, синий, темный ахроматический.

Бусы из **выдутой трубочки** (22 экз.) разделены на два варианта – простые и с металлической прокладкой.

Простые представлены двумя экземплярами – округлая эллипсоидная, бежевого цвета и плоская в форме эллипса желтого цвета. Бусы с металлической прокладкой все округлые – шаровидные и эллипсоидные. Цвета бус – бежевый, серо-голубой, серый.

Бусы из **тянутой палочки** представлены простыми и мозаичными палочками.

Простые разделяются на граненые (бипирамидальные, пирамидальная и призматические), округлые (биконическая, грушевидная, шаровидная, эллипсоидные и яйцевидные), плоские (грушевидные, прямоугольные, треугольные и яйцевидные), ребристые (биконические и эллипсоидные). Сюда же входит разделитель – плоская прямоугольная бусина с двумя каналами. Цвет бус – бежевый, бирюзовый, желто-зеленый, желтый, красно-коричневый, оливковый, пурпурный, серо-голубой, серый слабый, сине-фиолетовый, синий, темный ахроматический.

Из мозаичных палочек сделаны граненые (призматические и призматические со срезанными углами), округлые (биконические, цилиндрические, шаровидные, эллипсоидные и яйцевидные) и плоские (круглые, треугольные, эллиптические).

Литые бусы представлены литьем палочки, литьем трубочки и литьем капли.

Литые палочки – наиболее распространенный вариант литья в нашей выборке (158 экз.). Форма: граненые (бипирамидальные, призматические со срезанными углами), округлые (биконические, шаровидные усеченные дважды, эллипсоидные усеченные дважды, яйцевидные усеченные дважды).

Цвет бус – бежевый, бирюзовый, желто-зеленый, желтый, зеленый, коричневый, красно-коричневый, серо-голубой, серый слабый, сине-фиолетовый, синий, темный ахроматический. 10 бусин декорированы (одна граненая, со срезанными углами, остальные округлые).

Литые трубочки по форме округлые (шаровидные усеченные дважды, эллипсоидные усеченные дважды, яйцевидные усеченные дважды). Цвет бус – желто-зеленый, красно-оранжевый, серый слабый.

Литье капли установлено у двух бусин. Они округлые – эллипсоидная и яйцевидная. Цвет бусин – сине-фиолетовая и темная ахроматическая.

Литье в форму прослежено у пяти бусин. Все они граненые бипирамидальные, цвет – серо-голубой.

Навитые бусы представлены разными вариантами – навитая трубочка, навитая палочка,

простая навивка. Но все это единичные экземпляры.

Навивка трубочки (одна бусина) – форма ребристая эллипсоидная, усеченная дважды; цвет нельзя установить.

Навитая палочка (одна бусина) – округлая, коническая усеченная, цвет основы бирюзовый. На основу наложен декор.

Навивка на стержень представлена двумя бусинами – простой и декорированной. Обе округлые, шар усеченный дважды, цвет желтый.

Сварные бусы. Встречаются только среди декорированных.

Сварены фрагменты разноцветных полос или кусков. Форма – округлые цилиндрические (только сварка полос), эллипсоидные усеченные дважды, одна яйцевидная. Все многоцветные, без основы.

Сопоставление наших бус с «минимальными единицами рассмотрения» (МЕРами) по В. Б. Ковалевской (2000. С. 5–94) показывает следующее.

Среди бус из тянутой трубочки с большой долей условности плоские прямоугольные бусы можно соотнести с МЕР № 132–134, а ребристые эллипсоидные – с МЕР № 111. Однако у В. Б. Ковалевской бусы, входящие в эти МЕРы, отнесены к сделанным из тянутых палочек. К МЕР № 144 можно отнести одинарные и многочастные бусы из двойной трубочки и бусы с металлической прокладкой. Сюда же примыкает бусина с валиком («катушкообразная», МЕР № 146).

Для бус из тянутой палочки сопоставления более точные. Тут мы определяем МЕР № 121 – граненые бипирамидальные, пирамидальная – МЕР № 117, призматическая – МЕР № 124, округлые: биконическая – МЕР № 104, грушевидные, эллипсоидные и яйцевидные – МЕР № 94, 97, 98, 99; плоские: яйцевидные, грушевидные – МЕР № 129–130, 132–134.

Бусы из выдутой трубочки можно отнести к МЕР № 98 (округлые шаровидные и эллипсоидная), к этой же МЕР можно отнести одинарные бусы с металлической прокладкой; МЕР № 127 (плоские эллипсоидные).

Бусы из литой палочки можно отнести к МЕР № 121 (граненая бипирамида), МЕР № 117 (призма со срезанными углами – 14-гранные). По форме тулова можно отнести к МЕР № 121 (бипирамида) бусы, литые в форму.

Среди декорированных бус отнесение к МЕРам производится скорее по элементам декора.

Таблица 5. МЕРы (минимальные единицы рассмотрения) по В.Б. Ковалевской (*Ковалевская*, 2000. С. 5–94)

МЕР	Кол-во
093	1
094	1
097	3
098	21
099	21
104	1
111	4
113, 115	3
117	3
121	75
124	1
127	4
129-130	18
132-134	12
143-145	72
144а	19
146	4
149	18
149 (основа 14-тигранная)	2
149 (основа сине-фиолетовая)	1
158-159	7
160	1
165	1
176	1
203	1

Так, к МЕР № 149 – бусы со светлой основой и концентрическими глазками (центр светлый, вокруг концентрические красное и желтое кольца) – относятся бусы как из тянутой, так и из литой палочек. Отметим, что, помимо округлых бусин, аналогичный декор наложен в двух случаях на 14-гранные бусины. Кроме того, в одном случае аналогичные глазки наложены на бусину с сине-фиолетовой основой. То же самое наблюдается для бус, включенных в МЕРы № 158–159.

Для глазков со светлым центром, наложенных на основу, совпадающую с центром по цвету, В. Б. Ковалевская предполагает использование не палочки, а трубочки, то есть на тулово бусины накладывали кольцо, а в центре оставалось стекло основы (*Ковалевская, Шестопалова*, 2020). Но, по нашим наблюдениям, аналогичные глазки встречены на бусине с сине-фиолетовой

основой. Кроме того, во многих случаях глазки были выпуклыми. Как мы предполагаем, здесь все же использовали отрезки палочки, а не трубочки.

Сравнение наших групп и МЕРов показало, что не все формы, выделенные В. Б. Ковалевской, представлены в нашей выборке (см. табл. 5). С другой стороны, у нас более разнообразны плоские формы. Более разнообразны у нас и технологические схемы. Так, нами выявлено большое количество бус из тянутой трубочки – больше половины общего числа бус, включая бусы из других материалов. Отметим также, что среди бус из тянутой трубочки преобладает бисер, не зафиксированный в выборках, с которыми работала В. Б. Ковалевская.

Что касается декорированных бус, то тут можно отметить сходные технологические приемы и набор элементов декора, но комбинации элементов декора на бусах несколько отличаются от комбинаций, представленных В. Б. Ковалевской.

Как показывает наше исследование, технологические схемы, применявшиеся при изготовлении стеклянных бус, весьма разнообразны (табл. 4). Это позволяет утверждать, что они связаны с различными производственными центрами и являлись предметом дальней международной торговли. Вероятно, с разными центрами за пределами Северного Кавказа связаны и бусы из других материалов, особенно из раковин каури.

Объяснить это разнообразие нам помогла А. А. Иерусалимская. Она предположила, что шелковые ткани, использованные в одежде погребенных в Мощевой Балке, попадали в руки местного населения как плата за выход к перевалу. Купцы отдавали куски шелковой ткани, которые разрезались и делились между всеми взрослыми жителями селения, державшего под контролем перевал. На целый кусок ткани мог претендовать лишь вождь, у остальных жителей селения одежда была сшита из мелких кусочков (*Иерусалимская*, 1992. С. 84–86).

Мы предположили, что стеклянные бусы также были платой за проход к перевалу. Именно поэтому мы наблюдаем такие сильные различия в количестве бус в погребениях (табл. 1), а также разнообразие технологических схем (*Лихтер*, 1994. С. 116–117).

ЛИТЕРАТУРА

Иерусалимская А. А., 1992. Из жизни на Шелковом пути: новые факты и размышления // Культура Востока – проблемы и памятники: краткие тезисы докладов научной конференции 21–25 января 1992 г. СПб.: ГЭ. С. 79–87.

Ковалевская В. Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ИА РАН, 2000. 364 с.

Ковалевская В. Б., Шестопалова Э. Ю., 2020. Анализ разнонаправленных путей поступления бус на Северный Кавказ во второй половине I тысячелетия // Стекло на путях Евразии в древности и Средневековье: Международная научная конференция 29 сентября – 1 октября 2020: тез. докл. М: ИА РАН. С. 49–50.

Кокорина Ю. Г., Лихтер Ю. А., 2007. Морфология декора. М.: URSS. 199 с.

Лихтер Ю. А., 1994. Бусы из могильника Мощевая балка // Боспорский сборник. 5. М.: НИИ АЦ Фарсал. С. 113–127.

Максимова М. И., 1948. Стекло // Эллинистическая техника. М.; Л.: АН СССР. С. 232–244.

Савченко Е. И., 1980. Отчет Лабинского отряда Северо-Кавказской экспедиции в Урупском районе Карачаево-Черкесской АО в 1980 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9825.

Савченко Е. И., Каменецкий И. С., 1981. Отчет Лабинского отряда. Северо-Кавказская экспедиция // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9723.

Савченко Е. И., Каменецкий И. С., 1982а. Отчет Лабинского отряда (Северо-Кавказская экспедиция). Могильник Мощевая Балка. Т. 1 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9105.

Савченко Е. И., Каменецкий И. С., 1982б. Отчет Лабинского отряда (Северо-Кавказская экспедиция). Могильник Мощевая Балка. Т. 2 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9106.

Савченко Е. И., Каменецкий И. С., 1982в. Отчет Лабинского Отряда (Северо-Кавказская экспедиция). Могильник Мощевая Балка. Т. 3 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9107.

Черненко В. В., 2003. Глава 8. Камень // Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология / Отв. ред. И. И. Баранова. СПб.: Российский этнографический музей. С. 342–388.

Щапова Ю. Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.: Изд-во МГУ. 120 с.

Щапова Ю. Л., Лихтер Ю. А., Сарачева Т. Г., Столярова Е. К., 2007. Морфология украшений. М.: Книжный дом Университет. 101 с. (Морфология древностей; Вып. 4.)

Callmer J., 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia, ca 800–1000 A. D. Lund: Gleerup. 230 p.

Principes de description des verres anciens depuis les temps les plus reculés jusqu'au XIIIe siècle de N. E. Warszawa; Torun, Wydawnictwo DiG, 2002. 218 p.

Spaer M., 1993. Gold-glass beads: a review of the evidence // Beads. № 5. P. 9–25.

Yu. A. Lichter

BEADS FROM THE MOSHCHEVAYA BALKA BURIAL GROUND – MORPHOLOGY AND TECHNOLOGY

Summary. The article is devoted to the study of beads from the Moshchevaya Balka cemetery, excavated in 1980-1982 by Labinskiy team of the North Caucasian Expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR (team leader – E. I. Savchenko). The survey was carried out according to the methodology of Yu. L. Shchapova. The material, morphology and technology were considered and then compared with each other. Comparison with the minimum units of consideration (MUS) proposed by V. B. Kovalevskaya showed that there are differences in the set of forms, colour and technology.

As our study shows, the technological schemes used in the production of glass beads are associated with various production centres and were subject to further international trade.

Keywords: Moshchevaya Balka cemetery, North Caucasian beads, decorated glass beads, bead-making technology.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-377-0.362-377

Е. К. Столярова
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

СТЕКЛЯННЫЕ ПЕРСТНИ ДРЕВНЕЙ РУСИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ РУСИ)

Резюме. Статья посвящена проблеме происхождения и распространения стеклянных перстней, найденных в городах, селищах и погребениях северо-восточной части Руси. В результате исследования было установлено, что количество обнаруженных здесь перстней значительно меньше, чем в Центральной Европе. При этом преобладающая их часть относится ко второй половине XIII – XIV в., тогда как большая часть центрально-европейских находок датируется X – первой половиной XIII в. Предполагается, что большая часть перстней домонгольского времени являлась местной продукцией, а в период после монгольского нашествия преобладал импорт.

Ключевые слова: стеклянные перстни, Русь, Восточная Европа, средневековый период.

Стеклянные перстни – хорошо известное украшение средневековой эпохи. Согласно последним данным, большое количество находок перстней известно в Центральной и Восточной Европе. Особенно высоко их количество в Тюрингии, где обнаружено более 750 ед., и в Силезии. Там, в главных силезских центрах (Вроцлав, Ополе, Рацибуж, Немча и Легница), было найдено более 600 экз. перстней, из них во Вроцлаве – почти 400 ед., в Ополе – около 120 (*Mecking*, 2013. P. 640–662; *Siemianowska et al.*, 2018. P. 615). Основная масса этих находок относится к X – первой половине XIII в. На остальной территории Польши находок перстней несколько меньше: в Междуречье Великопольском, по данным Е. Ольчака, их 90, в Крушвице – 73, в Гданьске – 15, несколько фрагментов перстней происходит из Волина и Познани (*Ольчак*, 1959. С. 85, 87). На территории Моравии известно около ста находок, относящихся к XI–XII вв. (*Заплеталова, Седлачкова*, 2015. С. 271). В Богемии известно около 50 перстней, датируемых XI–XIII вв. (*Černá, Tomková*, 2017. P. 190, 193. Fig. 2).

На территории же Руси находки перстней редки (*Щапова*, 1972. С. 97). В среднем они составляют не более 2–3 % от общего количества всех стеклянных украшений, найденных на территории памятника (*Ольчак*, 1959. С. 84). Например, за десять лет раскопок в г. Дмитрове обнаружено всего семь перстней, что составляет около 1 % всех стеклянных находок. Такой же период исследования в г. Ярославле дал двадцать пять перстней, составляющих менее 1,5 %. Материалы Москвы за период изучения с 1950 по 2017 г. включают 80 стеклянных перстней, что составляет 5 % всех стеклянных предметов, найденных в городе. В целом исследованные нами материалы городов, селищ и могильников северо-восточной части Руси (Ярославль, Переяславль-Залесский, Тверь, Москва, Дмитров, Переяславль-Рязанский, Смоленск, поселения Мякинино 1 и 2, и могильник Шекшово 9) включают 138 стеклянных перстней, относящихся к XI–XIV вв. (*Векслер, Лихтер*, 2006. С. 111–114; *Зайцева, Столярова*, 2018. С. 73–91; *Зейфер и др.*, 2019. С. 132–149; *Столярова*, 2002. С. 173–202; 2016; 2018б. С. 160; 2019б. С. 319–344; *Столярова, Миненко*, 2017. С. 157–182)[1].

[1] Сердечно благодарю Л. А. Беляева, В. И. Завьялова, В. А. Зейфера, В. Ю. Коваля, Н. А. Кренке, Ю. А. Лихтер, Н. А. Макарова, В. В. Миненко, Т. Д. Панову, Н. Е. Персова, И. А. Сумину, Е. Н. Святицкую, А. В. Энговатову за помощь в работе над этой темой и за возможность исследовать коллекции стеклянных перстней из раскопок памятников северо-восточной части

Целые перстни редки, их всего пять. Два найдены в Москве (рис. 1: *19*), один – в Ярославле (рис. 2: *1*), один – на селище Мякинино 1 Московской области (рис. 3: *1*), еще один – в погребении могильника Шекшово 9 Ивановской области (рис. 3: *11*). Остальные обнаруженные перстни фрагментированы.

Все перстни можно разделить на две группы. Первая – наиболее многочисленная – представлена перстнями, обруч которых не имеет сварочного шва. Среди них можно выделить несколько типов.

Один из них – самый многочисленный – это щитковые перстни с плосковыпуклыми гладкими или ребристыми[2] навитыми обручами и плоскими овальными щитками, выполненными несколькими способами (рис. 1: *1–15, 18, 21–26*; 2: *4, 6, 10–13, 21*; 3: *1, 2, 5, 12, 15*). Чаще всего щитки прессованные. Полученный таким образом щиток являлся единым целым с обручем (рис. 1: *1–10, 12–15, 18, 21–23, 25*; 2: *4, 10–13, 21*; 3: *1, 2, 5, 12*). Реже встречаются щитки, полученные накручиванием стеклянной нити на обруч по спирали. Для этого либо использовали ту же нить, что и для навивки обруча (в этом случае щиток тоже являлся единым целым с обручем) (рис. 1: *11*), либо нить обрывали и использовали новую (тогда щиток являлся отдельным элементом) (рис. 1: *26*; 2: *6*). Совсем редко встречаются перстни, у которых щитки сделаны отдельно накладом, например, литая на плоскость капля стекла наложена на обруч и дополнительно подправлена прессованием на плоскость (рис. 1: *24*; 3: *15*).

Еще один тип представлен единственным щитковым перстнем с плосковыпуклым гладким навитым обручем и ребристым овальным щитком, сделанным защипом инструментом (рис. 2: *1*).

Следующий тип щитковых перстней – литые в форму перстни с круглым в сечении обручем и округлым эллипсоидным щитком (рис. 2: *17*).

К этой же группе бесшовных относятся бещитковые перстни-кольца. Среди них два целых кольца с плосковыпуклыми ребристыми обручами (рис. 1: *19*; 3: *11*). Сюда же, судя по имеющимся аналогиям (*Pankiewicz et al.*, 2017. S. 91), следует отнести и фрагмент навитого также ребристого кольца, но ребра которого расположены не вдоль обруча, а наклонно и нанесены острым инструментом (рис. 2: *8*).

Вторая группа немногочисленна и включает перстни, имеющие сварочный шов. Они сделаны вытягиванием стеклянной палочки круглого сечения и сгибанием ее в кольцо. Такой способ напоминает производство браслетов, когда концы обруча соединялись сваркой. Однако изученные нами фрагменты перстней из вышеназванных памятников, изготовленные таким способом, не сохранили шва. Такие перстни известны из литературы (*Щапова*, 1972. С. 100–101). К этой группе можно отнести перстни с плоскими овальными щитками либо прессованными (рис. 2: *2, 15*), либо навитыми, дополнительно подправленными прессованием на плоскость.

У остальных найденных фрагментов перстней сохранился только обруч, поэтому нельзя определить, имели эти перстни щитки или нет (рис. 1: *16, 17, 20, 27–29*; 2: *3, 5, 7, 9, 14, 16, 18–20, 22, 23*; 3: *3, 4, 6–10, 13, 14*). Среди них есть плосковыпуклые гладкие, ребристые или граненые обручи, сделанные навивкой (рис. 1: *16, 17, 20, 27, 28*; 2: *3, 7, 9, 16, 18–20*; 3: *3, 4, 6–8, 14*). Также есть обручи из вытянутой палочки круглого сечения (рис. 1: *29*; 2: *5, 14, 22, 23*; 3: *9, 10, 13*).

Перстни изготовлены из стекла 14 цветов: красно-коричневый, коричневый, бежевый, желтый, желто-зеленый, зеленый, оливковый, бирюзовый, сине-зеленый, синий, сине-фиолетовый, фиолетовый, черный, белый. Коричневое (рис. 1: *29*), бежевое (рис. 2: *19*), зеленое (рис. 2: *6, 8*), оливковое (рис. 2: *21*), сине-фиолетовое (рис. 1: *19–24*; 2: *10, 12*; 3: *1–3*), синее (рис. 2: *2, 5, 11, 13*) и фиолетовое стекло (рис. 3: *13*) – прозрачное, белое – непрозрачное, стекло остальных цветов – желтого (рис. 1: *24, 26*; 2: *17, 18*; 3: *14, 15*), желто-зеленого (рис. 1: *28*; 2: *7, 14, 15*; 3: *9, 10*), бирюзового (рис. 1: *1, 4–7, 10–17, 25*; 2: *1, 3*; 3: *4–6, 8*), сине-зеленого (рис. 1: *2, 3, 8, 9, 18*; 2: *4, 9, 16*; 3: *7*), красно-коричневого (рис. 2: *20, 22*; 3: *11*) и черного (рис. 1: *27*; 2: *23*; 3: *12*) – как непрозрачное, так и прозрачное (полупрозрачное). Следует отметить, что больше половины рассматриваемых перстней сделаны из непрозрачного стекла разных цветов.

У большинства изученных перстней обруч и щиток сделаны из стекла одного цвета. Среди них больше всего из бирюзового[3] непрозрачного

Руси и из фондов Музеев Московского Кремля, Исторического музея и Музея Москвы.

[2] Их продольные ребра получены за счет навивки слоев стекла друг на друга.

[3] Здесь и далее вместе с бирюзовыми перстнями мы рассматриваем сине-зеленые.

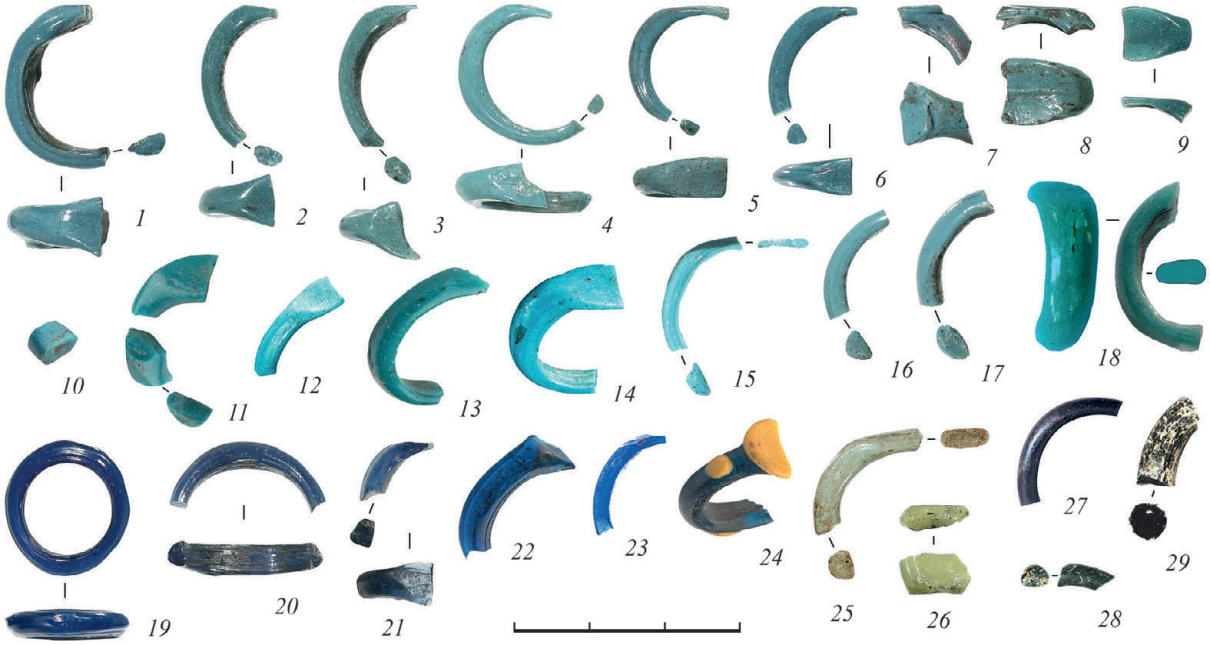


Рис. 1. Стеклянные перстни Москвы XII–XIV вв. *1–11, 13, 15–22, 24–26, 28, 29* – Кремль; *12, 14, 23, 27* – посад; *1–14, 16–24, 26, 27* – по: *Столярова*, 2016. Рис. 7, 8; *15, 25, 28, 29* – © Музеи Московского Кремля. Фото Д. В. Ожерельева

Рис. 2. Стеклянные перстни Ярославля XII–XIV вв. © Ярославский музей-заповедник. *1–11, 13, 15, 16, 18–22* – фото Д. В. Ожерельева; *12, 23* – фото Н. Н. Фараджевой; *14, 17* – фото С. Д. Захарова

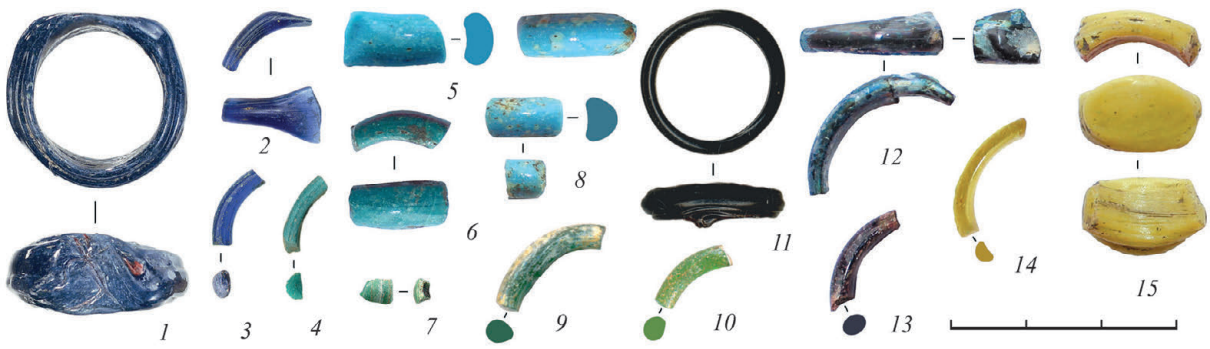


Рис. 3. Стеклянные перстни памятников северо-запада Руси. *1–4, 7* – селище Мякинино 1; *5, 6, 8, 12–15* – Переславль-Залесский; *9, 10* – Смоленск; *11* – могильник Шекшово 9; *1–4, 7* – © Музей Москвы. Фото С. Д. Захарова; *5, 6, 8, 12–15* – по: *Зейфер и др.*, 2019. Рис. 7: *5*; 12: *5*; 24: *1–5*; *9, 10* – по: *Столярова, Миненко*, 2017. Рис. 5: *68, 69*; *11* – по: *Зайцева, Столярова*, 2018. Рис. 4: *66*

стекла (чуть более 40 %) (рис. 1: *1–18, 25*; 2: *4*; 3: *4–8*). Реже встречаются перстни из прозрачного стекла сине-фиолетового (рис. 1: *19–23*; 2: *10, 12*; 3: *1–3*), желто-зеленого (рис. 1: *28*; 2: *7, 14, 15*; 3: *9, 10*) и бирюзового (рис. 2: *1, 3, 9, 16*) цветов. Остальные цвета единичны.

У четырех перстней обруч и щиток сделаны из стекла разных цветов: у двух с сине-фиолетовыми обручами щитки из желтого непрозрачного стекла (рис. 1: *24*); еще у двух обручи из черного непрозрачного стекла, а щитки у одного – из желтого непрозрачного, у другого – из белого непрозрачного стекла. Во всех этих случаях щитки выполнены отдельно от обруча либо накручиванием нити, либо накладом готового щитка (рис. 1: *24*).

Декор имеют только шесть перстней. У трех из них, щитковых многоцветных, обручи украшены накладными крупными выпуклыми пятнами (рис. 1: *24*). Пятна могли быть одинакового (желтый или белый) или разного цветов (красно-коричневый и желтый). Еще один многоцветный щитковый перстень декорирован белыми линиями, наложенными вдоль обруча. У одного перстня (щиток у него либо утрачен, либо отсутствовал) обруч украшен мелкими накладными разноцветными пятнами, у другого, целого, на щитке расположены красно-коричневые пятна, скорее всего, не являющиеся декором (рис. 3: *1*).

Внутренний диаметр перстней из рассматриваемых памятников колеблется от 1,2 до 2,5 см. Вероятно, перстни большого диаметра (1,9 см и больше) принадлежали мужчинам, остальные – женщинам и девочкам. Перстни могли носить не только на разных пальцах, но также на разных фалангах пальцев. Например, перстни маленького диаметра (1,2–1,4 см) могли надевать на вторую фалангу, а не на третью, как обычно. В качестве подтверждения этому Е. Ольчак приводит изображения статуй XV в. с перстнями, надетыми на вторые фаланги пальцев (*Ольчак*, 1959. С. 89–90. Рис. 6, 7). Возможно также, что перстни маленького диаметра использовались как украшения одежды, волос, головного убора или были частью ожерелий (*Заплеталова, Седлачкова*, 2015. С. 271; *Siemianowska et al.*, 2018. P. 614). Кроме того, высказывалось предположение, что их могли использовать в качестве неметаллического денежного эквивалента (*Siemianowska et al.*, 2018. P. 614). Среди рассмотренных нами перстней небольшой диаметр обруча имеют семь изделий (два – 1,2 см и пять – 1,4 см). Из них пять имеют щитки, что указывает, по нашему мнению, на их использование в качестве украшений пальцев рук, один целый без щитка (кольцо) мог быть использован иначе, еще у одного сохранился только обруч. Следует заметить, что еще одно целиком сохранившееся кольцо без щитка было обнаружено в погребении молодой женщины возраста около 20 лет возле пальцев левой руки, оно имеет внутренний диаметр 1,5 см (*Зайцева, Столярова*, 2018. С. 73, 86–87).

Химический состав стеклянных перстней из городов северо-восточной части Руси изучен несколькими методами. Шесть образцов во второй половине прошлого века были изучены полуколичественным спектральным анализом, из них пять – в лаборатории спектрального анализа кафедры археологии МГУ имени М. В. Ломоно-

Таблица 1. Результаты спектрального (полуколичественного) анализа стеклянных перстней Москвы

Номер анализа	252: 5	252: 13	252: 14	252: 15	270: 18	35
Место находки	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва
Цвет, прозрачность	бирюз. непрозр.	бирюз. прозрач.	бирюз. прозрач.	сине-фиол. прозрач.	черный непрозр.	желтый непрозр.
K	4	2	2	3	3	–
Mn	7	5	4	5	4	3
Ca	5	4	4	4	4	4
Al	6	6	5	4	4	2
Co	5+	–	–	4	4	–
Ni	5	5	5	6	6	–
Ti	7	5	5	6	5	–
Zn	5	6	7	7	–	–
Na	2	5	4	2	2	1
Ag	5	4	4	–	5	–
Cu	3	3	3	5	3	–
V	6	6	6	5	5	–
Sn	3	4	4	6	4	1
Mo	7	5	5	7	6	–
Si	3	3	3	3	3–	3
Mg	4	4	4	3	3	1
Pb	2	3	3	6	4	1
P	–	–	–	5	5	–
Fe	–	–	–	–	–	1

сова Ю. Л. Щаповой (табл. 1, ан. 252: 5, 13–15, 270: 18) (*Столярова*, 2016. С. 301–303. Табл. I), один – в лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации аналитиком А. Б. Левштейн (табл. 1, ан. 35) (*Столярова*, 2016. С. 304. Табл. I). В лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН аналитиком А. Н. Егорьковым методом оптико-эмиссионной спектроскопии был исследован 61 образец (табл. 2) (*Столярова*, 2002. С. 202. Табл. 5; 2016. С. 305–308. Табл. II; 2019. Прилож.; *Столярова, Миненко*, 2017. С. 162. Табл. 2). Один из них (табл. 2, ан. 893–49) был дополнительно изучен еще двумя методами: с помощью растровой электронной микроскопии на сканирующем электронном микроскопе Carl Zeiss EVO LS 10 совместно с энергодисперсионным рентгеноспектральным анализом (Aztec X-Max Oxford Instruments) (далее: SEM-EDS) в Научно-исследовательском институте глазных болезней им. Гельмгольца аналитиком А. А. Трифоновым (табл. 3, ан. 23) и рентгенофлуоресцентным анализом в Институте проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН на спектрометре M4 TORNADO (аналитик Л. А. Пельгунова). Методом SEM-EDS аналитиком Трифоновым был исследован еще один образец (табл. 3, ан. 41). Рентгеноспектральный микрозондовый анализ был применен еще для одного предмета в Институте минерального сырья (аналитик Н. И. Чистякова) (*Векслер, Лихтер*, 2007. С. 114. Табл. 5).

Исследование состава показало, что перстни выполнены из стекла нескольких химических классов[4]: $PbO\text{-}SiO_2$ (табл. 2, ан. 733–30; 753–44, 46; 791–26; 830–18, 20; 853–42; 855–46; 875–13; 891–15), $K_2O\text{-}PbO\text{-}SiO_2$ (табл. 1, ан. 252: 13, 14; табл. 2, ан. 753–45; 774–54; 890–57; 891–40; 892–

[4] Результаты, полученные рентгенофлуоресцентным и рентгеноспектральным микрозондовым анализом, не использованы для интерпретации химического состава стекол, поскольку они выполнялись на не очищенной от коррозии поверхности стекол.

Таблица 2. Результаты оптико-эмиссионного спектрального анализа стеклянных перстней северо-восточной части Руси

Номер анализа	725-24	725-25	725-26	725-27	725-28	725-29	725-30	725-31	725-32	733-27	733-28	733-29	733-30	733-31	733-32
Место находки	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва
Цвет, прозрачность	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	черный непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.
Рис.	1, *10*				1, *13*								1, *27*	1, *12*	1, *14*
SiO_2		основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа		основа	основа	основа		основа	основа
Na_2O	12	13	14	13	11	13	13	13	11	12	14	11	0,04	12	13
K_2O	-	1,5	2,5	1,5	1,5	1,6	1,6	2,8	-	2,0	2,5	1,1	2,2	1,6	1,3
CaO	0,4	4,2	12	5,0	9,5	6,6	10	11	0,2	4,0	13	4,8	1,0	11	4,5
MgO	0,7	2,5	5,0	2,1	2,6	2,8	3,9	3,4	0,7	1,4	5,4	1,4	0,8	5,0	1,6
Al_2O_3	0,3	1,6	3,4	1,4	1,7	1,9	3,2	2,5	0,3	2,6	5,1	2,8	0,8	6,5	2,1
Fe_2O_3	0,5	2,1	1,9	2,3	0,6	2,8	2,8	2,5	1,5	0,8	1,0	1,5	2,2	2,5	0,5
MnO	-	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	-	-	0,04	-	0,01	0,05	0,02
TiO_2	0,06	0,2	0,3	0,2	0,2	0,3	0,3	0,2	0,1	0,3	0,5	0,4	0,2	0,2	0,3
PbO	52	23	38	40	9,0	39	42	24	60	10	10	9,4	55	11	10
SnO_2	12	3,7	13	5,5	1,7	9,0	9,0	8,0	15	5,4	5,0	3,3	0,06	5,7	2,6
CuO	0,6	0,8	1,9	0,8	0,6	1,2	3,0	1,4	2,7	1,3	1,6	1,6	0,8	2,0	1,3
CoO	0,03	-	-	-	-	-	-	-	0,03	-	-	-	-	-	-
Sb_2O_5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,4	-	-
Ag_2O	0,01	-	0,01	-	-	-	-	-	0,01	-	-	-	0,03	-	-

Продолжение табл. 2

Номер анализа	733-33	733-34	733-35	734-43	740-14	740-15	740-16	740-17	740-18	748-33	748-34	748-35	748-36	748-37
Место находки	Москва	Москва	Москва	Дмитров	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва
Цвет, прозрачность	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	сине-ф. прозрач.	бирюз. прозрач.	желтый непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	жел.-зел. непрозр.	сине-ф. прозрач.	желтый непрозр.	сине-ф. прозрач.	жел.-зел. непрозр.	жел.-зел. непрозр.
Рис.			1, *23*											
SiO_2	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа
Na_2O	11	15	18	14	7,0	12	10	10	11	11	11	14	12	15
K_2O	1,6	1,6	1,6	8,8	3,6	4,0	4,0	3,6	2,5	2,2	2,3	3,3	2,6	3,2
CaO	4,3	5,6	12	0,6	4,4	7,6	9,0	3,7	1,5	1,6	1,2	4,4	1,7	4,7
MgO	4,2	3,0	6,2	0,5	4,0	4,6	5,7	3,5	2,1	1,3	0,7	2,4	0,6	1,5
Al_2O_3	3,2	7,2	7,7	0,6	4,0	5,2	5,2	5,6	4,5	3,2	1,4	5,1	1,6	3,5
Fe_2O_3	2,5	1,1	1,3	0,4	0,9	1,0	1,3	1,6	0,09	1,6	0,8	2,2	0,9	0,6
MnO	0,06	0,03	-	0,07	0,8	0,04	0,08	0,06	0,02	0,06	0,2	0,07	0,08	0,1
TiO_2	0,5	0,3	0,6	0,6	0,3	0,3	0,3	0,4	0,2	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2
PbO	11	10	-	47	23	5,5	3,5	5,7	16	0,1	6,2	-	12	10
SnO_2	9,4	1,4	-	0,2	7,5	5,2	4,4	5,2	4,2	0,1	0,8	-	0,9	1,2
CuO	2,2	1,4	-	1,3	-	1,8	2,5	2,6	2,6	-	-	-	1,7	1,0
CoO	-	-	0,3		-	-	-	-	-	0,09	-	0,08	-	-
Sb_2O_5	-	-	-		0,04	-	-	-	0,04	-	-	-	-	-
Ag_2O	0,01	-	-		-	-	0,01	-	-	-	-	-	0,02	-

Продолжение табл. 2

Номер анализа	748-38	748-39	748-40	748-41	748-42	753-44	753-45	753-46	754-48	774-16	774-40	774-54	787-26
Место находки	Москва	Москва	Москва	Москва	Москва	Дмитров	Дмитров	Дмитров	Дмитров	Мякинино 1	Мякинино 1	Мякинино 1	Мякинино 1
Цвет, прозрачность	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	бирюз. непрозр.	жел.-зел. прозрач.	син.-зел. прозрач.	жел.-зел. прозрач.	черный полупр.	сине-фиол. прозрач.	сине-фиол. прозрач.	сине-зел. непрозр.	сине-зел. непрозр.
Рис.										*3, 2*	*3, 3*	*3, 7*	*3, 4*
SiO_2	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа
Na_2O	16	16	14	14	15	-	0,06	-	17	17	18	0,3	19
K_2O	4,3	4,0	2,0	2,6	2,8	-	3,4	-	1,3	3,5	3,8	7,7	3,0
CaO	5,2	5,0	0,5	2,1	2,8	0,1	0,1	0,1	2,8	8,0	8,0	1,0	17
MgO	1,1	1,5	0,03	0,4	0,7	0,1	0,2	0,1	1,9	5,6	7,0	0,06	5,2
Al_2O_3	4,0	5,8	0,07	1,7	1,9	0,1	0,2	0,1	3,3	4,2	4,1	0,5	5,4
Fe_2O_3	0,8	1,1	0,2	1,3	0,8	0,1	0,2	0,1	1,1	1,4	1,2	2,2	1,0
MnO	0,04	-	-	0,05	0,04	-	-	-	-		0,04	0,07	0,06
TiO_2	0,1	0,2	0,01	0,04	0,2	0,03	0,1	0,04	0,2	0,2	0,2	0,03	0,3
PbO	2,2	0,5	22	10	2,3	40	5,2	35	0,2	-	-	28	7,0
SnO_2	1,5	1,1	5,0	2,8	1,3	0,07	0,04	0,05	-	-	-	7,2	9,0
CuO	1,4	1,3	1,0	3,2	0,9	0,6	0,4	0,4	-	0,2	-	3,9	3,1
CoO	-	-	0,03	-	-	-	-	-	-	0,1	0,1	-	-
Sb_2O_5	-	-	-	-		0,05	-	0,04	-	-	-	-	-
Ag_2O	0,03	-	0,02	0,01	-	-	-	-	-	-	-	-	0,01
NiO	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Продолжение табл. 2

Номер анализа	791-26	809-41	823-17	823-18	823-19	823-20	830-18	830-20	830-33	853-39	853-42	855-46
Место находки	Ярославль	Мякинино 1	Москва	Москва	Москва	Москва	Ярославль	Ярославль	Ярославль	Ярославль	Ярославль	Тверь
Цвет, прозрачность	желтый прозрач.	сине-фиол. прозрач.	желтый непрозр.	сине-фиол. прозрач.	сине-зел. непрозр.	сине-зел. непрозр.	жел.-зел. прозрач.	желтый прозрач.	сине-фиол. прозрач.	сине-фиол. прозрач.	бежев. прозрач.	желтый прозрач.
Рис.		3, *1*	1, *26*	1, *20*	1, *2*	1, *6*	2, *14*	2, *17*	2, *12*	2, *10*	2, *19*	
SiO_2		основа		основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа
Na_2O	0,7	17	5,4	17	18	19	0,03	0,01	19	17	0,03	0,08
K_2O	1,8	1,3	1,9	3,2	3,7	4,1	-	-	2,2	4,4	-	1,0
CaO	0,1	15	0,2	6,3	9,1	11	0,5	0,4	6,8	7,2	0,4	0,6
MgO	0,07	5,6	0,9	3,3	3,8	3,3	0,03	0,03	2,7	3,6	0,1	0,1
Al_2O_3	0,07	6,3	1,6	3,6	4,0	4,0	0,1	0,1	6,0	3,4	0,2	0,2
Fe_2O_3	0,2	1,8	1,3	1,3	1,1	0,7	0,08	0,05	1,2	1,8	3,5	0,2
MnO	-	0,1	0,4	0,04	0,05	0,03	-	-	0,04	0,07	0,07	0,03
TiO_2	0,06	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2	0,05	0,01	0,02	0,2	0,1	0,03
PbO	80	0,6	55	-	1,5	1,6	48	43	-	-	45	45
SnO_2	-	0,2	12	-	9,2	7,1	0,03	0,02	-	0,02	0,03	0,1
CuO	0,2	0,1	0,4	-	2,5	3,6	0,3	0,1	-	-	-	0,4
CoO	-	0,2	0,02	0,1	-	-	-	-	0,05	0,2	-	-
Sb_2O_5	-	-	0,06	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ag_2O	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
NiO	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,01	-	-

Окончание табл. 2

Номер анализа	875-13	890-57	891-15	891-40	892-12	893-49	893-50
Место находки	Смоленск	Переславль-Рязанский	Переславль-Рязанский	Переславль-Рязанский	Переславль-Рязанский	Москва	Москва
Цвет, прозрачность	жел.-зел. прозрач.	фиолет. прозрач.	жел.-зел. прозрач.	сине-зел. прозрач.	фиолет. прозрач.	бирюз. непрозр.	корич. полупр.
Рис.	3, *10*					1, *15*	1, *29*
SiO_2		основа		основа	основа	основа	
Na_2O	0,06	0,2	0,02	0,03	0,2	17	0,03
K_2O	2,2	14	-	5,0	10	2,1	8,0
CaO	0,6	0,7	0,8	2,1	0,8	7,3	1,2
MgO	0,1	0,2	0,1	0,4	0,4	2,0	0,4
Al_2O_3	0,2	0,2	0,2	0,7	0,4	2,2	0,2
Fe_2O_3	0,09	0,7	0,2	1,6	0,4	2,0	0,3
MnO	-	1,0	-	-	1,1	0,3	-
TiO_2	0,01	0,07	0,02	0,08	0,09	0,1	0,2
PbO	69	38	77	31	41	0,8	52
SnO_2	0,03	0,1	0,05	0,4	-	10	0,6
CuO	1,0	0,04	0,7	0,6	-	1,7	0,5
CoO	-	-	-	-	-	-	-
Sb_2O_5	-	-	-	-	-	-	-
Ag_2O	-	-	-	-	-	-	-
NiO	-	0,02	-	0,02	0,01	-	-

Таблица 3. Результаты анализа стеклянных перстней Москвы методом растровой электронной микроскопии совместно с энергодисперсионным рентгеноспектральным анализом

Номер анализа	Место находки	Цвет, прозрачность	Рис.	Na	Mg	Al	Si	P	S	Cl	K	Ca	Ti	Mn	Fe	Co	Cu	Sn	Sb	Ba	Pb
23	Москва	бирюз. непрозр.	1, *15*	16,98	3,30	6,12	52,10	0,42	0,02	0,26	5,34	5,20	0,18	0,20	1,20	0	2,00	0,80	0,20	0,09	1,58
41	Москва	сине-зел. непрозр.		17,75	2,34	4,87	53,42	0,77	0,01	0,49	3,85	4,58	0,20	0,06	1,47	0	1,96	0,65	0,02	0,05	3,40

12; 893–50), Na_2O-CaO-SiO_2 (табл. 1, ан. 252: 15; 270: 18; табл. 2, ан. 733–35; 740–15–17; 748–35, 38, 39; 774–16, 40; 787–26; 809–41; 823–18–20; 830–33; 853–39; 893–49; табл. 3), Na_2O-SiO_2 (табл. 2, ан. 748–33, 34, 42; 754–48), Na_2O-PbO-SiO_2 (табл. 1, ан. 252: 5; табл. 2, ан. 725–24, 32; 733–27, 29, 32; 734–43; 740–18; 748–36, 37, 40, 41; 823–17) и Na_2O-CaO-PbO-SiO_2 (табл. 1, ан. 35; табл. 2, ан. 725–25–31; 733–28, 31, 33, 34; 740–14).

Среди всех рассмотренных стеклянных перстней большинство (почти 70 %) являются импортными. Основную массу среди них составляют перстни, стекла которых отнесены к классам Na_2O-CaO-SiO_2, Na_2O-SiO_2, Na_2O-PbO-SiO_2 и Na_2O-CaO-PbO-SiO_2. Большая их часть сварена на натриевой золе растений, и лишь несколько – на соде (табл. 2, ан. 725–24, 32; 754–48). Следует отметить, что содовые стекла, относимые к периоду позднее рубежа I–II тыс. н. э., редки. Считается, что с конца IX в. стеклоделы Ближнего Востока в связи со значительным увеличением объемов производства стекла и дефицитом египетской соды прекратили использование этого источника щелочей и перешли на применение золы галофитов. Основными причинами нехватки соды исследователи называют политические причины, в том числе внутреннюю политическую нестабильность в регионе дельты Нила и Вади Натрун в VII, VIII и IX вв., в результате чего добыча соды и ее поставки за пределы Египта были затруднены (*Whitehouse*, 2002. P. 194; *Shortland et al.*, 2006. P. 528–529). Однако письменные источники содержат сведения о возобновлении добычи залежей соды в египетской Вади Натрун около 1190 г. (*Shortland et al.*, 2006. P. 528). И несмотря на то, что в источнике нет указаний, для каких целей использовалась добытая сода, можно, тем не менее, предполагать, что она могла применяться в стеклоделии.

Среди группы импортных перстней большинство из непрозрачного бирюзового (табл. 1, ан. 252: 5; табл. 2, ан. 725–24–32; 733–27–29, 31–34; 740–15–17; 748–38–42; 787–26; 823–19, 20; 893–49; табл. 3), желтого (табл. 1, ан. 35; табл. 2, ан. 740–14; 748–34; 823–17), желто-зеленого (табл. 2, ан. 740–18; 748–36, 37) и прозрачного сине-фиолетового (табл. 1, ан. 252: 15; табл. 2, ан. 733–35; 748–33, 35; 774–16, 40; 809–41; 823–18; 830–33; 853–39) стекла. Очень редко встречаются перстни из прозрачного бирюзового (табл. 2, ан. 734–43). Из стекла этих цветов изготовлены щитковые перстни с плосковыпуклыми гладкими или ребристыми навитыми обручами и плоскими овальными щитками[5]: прессованными (рис. 1: *1–10, 12–18, 20–23, 25*; 2: *4, 10, 12*; 3: *1–6, 8, 12*), навитыми (рис. 1: *11, 26*) или накладными (рис. 3: *15*). Сюда же относится бесщитковый перстень-кольцо, сделанный навивкой из прозрачного сине-фиолетового стекла (рис. 1: *19*). Эти перстни появляются на территории северо-восточной части Руси после монгольского нашествия, во второй половине XIII в. Известны они и в течение всего XIV столетия.

В более раннее время, до монгольского нашествия, импортные перстни единичны. Среди них наиболее раннее из всех рассмотренных находок – кольцо, изготовленное навивкой из прозрачного красно-коричневого стекла, происходящее из погребения конца X – начала XI в. (рис. 3: *11*) (*Зайцева, Столярова*, 2018. С. 88). Состав его не исследован, а основанием для его отнесения к импортным является его ранняя датировка.

В эту же группу импортных перстней домонгольского периода можно отнести щитковый перстень, сделанный из стекла ярко-желтого цвета (рис. 2: *17*) класса PbO-SiO_2 (табл. 2, ан. 830–20) литьем в форму. Подобные стеклянные перстни редки, что объясняется методом их изготовления при помощи литья в глиняную форму, которая затем разбивалась (т. н. литье с утратой формы). Считается, что такая технология не была известна древнерусским мастерам. Ю. Л. Щапова полагает, что они были изготовлены в Киеве стеклоделами-греками (*Щапова*, 1972. С. 98). Период бытования перстней этой группы ограничен XI в. Подобные предметы известны из раскопок в Новгороде, где они датируются началом XI в. и третьей четвертью этого же столетия (*Щапова*, 1963. С. 107; 1972. С. 98–99), в Гочеве (*Щапова*, 1972. С. 98), в Ростове Великом и на территории Польши (*Ольчак*, 1959. С. 87. Рис. 4: *5*).

Кроме того, к ранней группе относятся декорированные перстни[6]. Среди них несколько перстней со щитками и обручами разных цветов. У трех гладкие навитые плосковыпуклые обручи из прозрачного сине-фиолетового или

[5] В эту группу также включены перстни из стекла названных цветов и прозрачности, щитки у которых утрачены или отсутствуют.

[6] Целый щитковый перстень из сине-фиолетового стекла с декором (?) в виде красно-коричневых пятен относится к послемонгольскому времени (рис. 3: *1*).

непрозрачного черного стекла, украшенные накладными крупными выпуклыми пятнами из непрозрачного белого, желтого или красно-коричневого стекла, и плоские овальные щитки: либо накладные из непрозрачного желтого (рис. 1: *24*), либо навитые также из непрозрачного желтого или белого стекла. Еще один многоцветный перстень с черным непрозрачным обручем, сделанным вытягиванием палочки круглого сечения, украшенной накладными нитями стекла белого цвета, с навитым щитком из непрозрачного желтого стекла (табл. 1, ан. 270–18). Декор в виде накладных мелких разноцветных пятен имеет одноцветный перстень (щитка либо не было, либо утрачен) с обручем из темного полупрозрачного стекла (табл. 2, ан. 754–48).

Импортными также можно считать несколько перстней, состав которых не исследован. Это навитое ребристое кольцо из ярко-зеленого стекла, ребра которого нанесены острием[7] (рис. 2: *8*), и два щитковых перстня из ярко-зеленого стекла с гладкими плосковыпуклыми навитыми обручами и навитыми плоскими овальными щитками (рис. 2: *6*). Основанием для отнесения этих перстней к импортным является цвет – ярко-зеленый, нехарактерный для древнерусского стекольного производства.

Остальные перстни можно относить к местному, древнерусскому изготовлению. Для них использовано стекло двух классов – K_2O-PbO-SiO_2 (табл. 1, ан. 252: 13, 14; табл. 2, ан. 753–45; 774–54; 890–57; 891–40; 892–12; 893–50) и PbO-SiO_2 (табл. 2, ан. 733–30; 753–44, 46; 791–26; 830–18; 853–42; 855–46; 875–13; 891–15).

Бесщелочное свинцовое стекло (PbO-SiO_2) является широко распространенным типом стекол. Находки из него известны не только на Руси, но и на других территориях (*Безбородов*, 1956. С. 261; *Заплеталова, Седлачкова*, 2015. С. 270–278; *Ольчак*, 1959. С. 81–83; *Столярова*, 2018а. С. 67; *Щапова*, 1998. С. 21–25, 152*; Mecking*, 2013. P. 640–662; *Siemianowska et al.*, 2018; *Wedepohl*, 1997. P. 251). Тем не менее мы полагаем, что большая часть перстней из стекла этого класса может считаться местной. Аргументом в пользу такого происхождения является простота варки стекол этого состава (*Mecking*, 2013. P. 648). Температуры, необходимые для получения такого стекла, не превышают 800 °С (*Безбородов*, 1956. С. 175–176; *Mecking*, 2013. P. 646), а выработка изделий велась при 700–830 °С (*Безбородов*, 1956. С. 177–178). Это говорит о том, что варка стекла могла вестись не в специальных, а в простых печах (*Mecking*, 2013. P. 646). Кроме того, в киевских стекольных мастерских в Лавре и на Подоле были найдены запасы сырья в виде кусков свинца (*Безбородов*, 1956. С. 159, 179–182; *Журухина*, 2015. С. 220), а в мастерских на Подоле – бракованные перстни (*Журухина, Храмченкова*, 2012. С. 226).

Некоторые из изученных нами перстней имеют особенности состава – небольшую примесь окиси калия (до 2,2 %) (табл. 2, ан. 733–30, 791–26, 875–13), окиси сурьмы (0,4 %) (табл. 2, ан. 733–30) и окиси серебра (0,03 %) (табл. 2, ан. 733–30). Наличие примеси щелочи в виде окиси калия в бесщелочном свинцовом стекле отмечено нами не только у перстней, но и у браслетов и бус из различных памятников Древней Руси (*Столярова*, 2002. С. 200–202; 2004. С. 69; 2005. С. 51; 2006. С. 315; 2016. С. 124; 2018а. С. 68–69; 2019а. С. 71; *Столярова, Журухина*, 2014. С. 198; *Столярова, Миненко*, 2017. С. 161). Объяснением этому может быть либо добавление в шихту боя стеклянных изделий, сваренных на калиевой золе или поташе, либо вторичное использование горшков, применявшихся для варки стекла, содержащего окись калия. Это позволяет предполагать производство таких стекол в центре, одновременно производившем и бесщелочное свинцовое, и калиево-свинцовое стекло, например, в Киеве. Примесь окиси сурьмы, обнаруженная у одного перстня, предположительно указывает на его производство в Новгороде Великом, несмотря на отсутствие там находок стекольных мастерских. По мнению исследователей, в Новгороде существовало изготовление стекла со стабильным присутствием окиси сурьмы, из которого там делали браслеты, перстни и смальту (*Полубояринова*, 1963. С. 182–199; *Щапова*, 1972. С. 124–126). В стекле этого же перстня имеется примесь окиси серебра, попавшего в стекло вместе со свинцом, являвшимся отходом при добыче серебра (*Mecking*, 2013. P. 648).

Цветовая гамма бесщелочных свинцовых стекол включает черный, коричневый, красно-коричневый, бежевый, яркий желто-зеленый и ярко-желтый цвета (*Столярова*, 2016. С. 152). Исследованные нами перстни этого класса изготовлены из стекла всех вышеперечисленных

[7] Аналогичный перстень из Вроцлава, датированный первой четвертью XII в., выполнен из бесщелочного свинцового стекла (*Pankiewicz et al.*, 2017. S. 91–92).

цветов, за исключением красно-коричневого[8] и коричневого. Все они сделаны из прозрачного стекла, но встречаются изделия, визуально воспринимаемые как непрозрачные, например, перстень из стекла черного цвета (табл. 2, ан. 733–30; рис. 1: *27*). Среди них гладкие обручи плосковыпуклого сечения, выполненные навивкой (рис. 1: *27, 28*; 2: *7, 18, 19*; 3: *14*), и обручи из вытянутой круглой в сечении палочки (рис. 2: *14*; 3: *9, 10*) (их щитки либо утрачены, либо отсутствуют), а также один щитковый перстень с обручем из вытянутой круглой в сечении палочки и прессованным щитком (рис. 2: *15*).

Самые ранние перстни из стекла такого состава фиксируются в киевском производстве уже в первой четверти XI в. По мнению Щаповой, в середине XII в. в таких городах, как Новгород, Полоцк, Смоленск, сложились новые стеклоделательные центры по изготовлению предметов из свинцово-кремнеземного стекла (главным образом браслетов), из остатков которого выполняли мелкие украшения, в том числе и перстни (*Щапова*, 1972. С. 172, 193–194). Об этом говорит, в частности, совпадение цветов браслетов и перстней, сделанных из стекла этого состава. После монгольского нашествия и разорения Киева в 1240 г. изготовление перстней могло продолжаться только в городах, не пострадавших от нашествия, например, в Новгороде, Смоленске или Полоцке. Этот тезис подтверждается находкой черного перстня, отнесенного нами к новгородскому производству (табл. 2, ан. 733–30; рис. 1: *27*), который был обнаружен в Москве в комплексе, датированном второй половиной XIII в. Аналогичные черные перстни известны также и из новгородских слоев второй четверти – второй половины XIII в. (*Щапова*, 1963. С. 109. Табл. 3).

Калиево-свинцово-кремнеземное стекло (K_2O-PbO-SiO_2) до недавнего времени считалось древнерусским рецептом (*Безбородов*, 1956. С. 189, 264; 1969. С. 161; *Щапова*, 1972. С. 185; *Dekówna*, 2007. S. 73). Сейчас в связи с новыми находками изделий из такого же стекла на территории Моравии (*Заплеталова, Седлачкова*, 2015. С. 274) и Тюрингии (*Mecking*, 2013. P. 643–646), а также с выросшим за последнее время количеством находок на территории Польши (*Siemianowska et al.*, 2018. Tabl. 2–5) проблема производства и распространения стекла класса K_2O-PbO-SiO_2 является очень важной. Следует отметить, что на территории Восточной Европы среди находок из этого стекла преобладают браслеты, также есть бусы и сосуды, перстни же редки. В Центральной Европе в основном встречены перстни, и только на территории Польши есть единичные находки бус, браслетов и сосудов (*Pankiewicz et al.*, 2014. S. 191–206; 2017. S. 223, 224, 226, 262, 269, 271, 272, 275, 331, 356).

В связи с этими новыми данными Оливер Мекинг, исследуя такое стекло из Центральной и Восточной Европы, установил, что оно неоднородно и может быть разделено на два типа: изготовленное в Центральной Европе и в Восточной. Основанием для такого деления является разное содержание окисей калия и свинца и соотношение оксида кальция и оксида калия в этих типах. Содержание свинца в центрально-европейском типе стекол колеблется от 43 до 67 % (среднее 52,4 %), содержание калия – от 7 до 19 % (среднее 9,5 %). В восточно-европейском – содержание окиси свинца колеблется от 5 до 37 % (среднее 24,9 %), окиси калия – от 3 до 15,5 % (среднее 14,4 %) (*Mecking*, 2013. P. 640–662).

Исследование химического состава перстней класса K_2O-PbO-SiO_2 из памятников северо-восточной части Руси (табл. 1, ан. 252: 13, 14; табл. 2, ан. 753–45; 774–54; 890–57; 891–40; 892–12; 893–50) показало, что не все результаты эмиссионно-спектрального анализа показывают такие содержания оксида свинца, в соответствии с которыми они уверенно могут быть отнесены к восточно-европейскому типу (табл. 2, ан. 890–57; 892–12; 893–50). Объясняется это тем, что этот метод дает большую ошибку в определении высоких концентраций элементов, в том числе и окиси свинца. Тем не менее мы полагаем, что перстни из стекла этого класса, найденные на территории северо-восточной части Руси, могут считаться местными. Аргументом в пользу этого предположения являются находки запасов сырья в виде кусков свинца и бракованных перстней в киевских стекольных мастерских в Лавре и на Подоле, о которых говорилось выше. Основную массу изделий данного состава, и перстней в том числе, делали в Киеве. Первые такие перстни фиксируются там с 70-х годов XI в. (*Щапова*, 1972. С. 101). Считается, что с конца XII в. производство калиево-свинцовых изделий в целом и перстней в частности существовало также в Новгороде, Рязани и Серенске. Это производство

[8] В коллекции перстней северо-восточной части Руси есть два из непрозрачного красно-коричневого стекла, но их состав пока не исследован.

могло продолжаться до 40-х годов XIII в., а в Новгороде – и во второй половине XIII – первой трети XIV в. (*Щапова*, 1972. С. 119–132, 155–157, 191, 193; *Равдина*, 1978. С. 79).

Перстни этого класса имеют иную цветовую гамму, чем свинцовые бесщелочные ($PbO\text{-}SiO_2$). Среди них – бирюзовые (табл. 1, ан. 252: 13, 14; табл. 2, ан. 753–45; 774–54; 891–40), синие, фиолетовые (табл. 2, ан. 890–57; 892–12), оливковые и коричневые (табл. 2, ан. 893–50). Следует отметить, что получение стекол этих цветов (за исключением коричневого) невозможно для класса $PbO\text{-}SiO_2$ ввиду особенностей его химического состава. В основном все перстни класса $K_2O\text{-}PbO\text{-}SiO_2$ прозрачные, но встречен один бирюзовый непрозрачный (табл. 2, ан. 774–54). Среди них также, как и среди бесщелочных свинцовых, есть щитковые перстни с обручами из вытянутой круглой в сечении палочки и прессованным щитком (рис. 2: *2*), перстни с утраченными либо отсутствующими щитками, обручи у которых сделаны из вытянутой круглой в сечении палочки (рис. 1: *29*; 2: *5*; 3: *13*) или навитые гладкие плосковыпуклые в сечении (рис. 2: *3, 9, 16*; 3: *7*). Но кроме них найдены еще и щитковые перстни с навитыми гладкими плосковыпуклыми обручами и плоскими овальными прессованными щитками (рис. 2: *11, 13, 21*) и навитой перстень с ребристым щитком, сделанным защипом (рис. 2: *1*).

Сравнение перстней, отнесенных нами к местной продукции и импортных, показало зависимость между цветом, прозрачностью, декором, технологией перстней и их происхождением. Если импортные перстни в основном сделаны из непрозрачного стекла, то местные – в основном из прозрачного. Среди местной продукции отсутствуют перстни из сине-фиолетового и зеленого стекла, а среди импортных – из коричневого, бежевого, оливкового, синего и фиолетового. Перстни с декором относятся исключительно к импортным. Среди местной продукции нет перстней с накладными или навитыми на обруч щитками, а среди импортной – с обручами из вытянутой круглой в сечении палочки.

Исследование стеклянных перстней из памятников северо-восточной части Руси показало, что на этой территории в домонгольский период украшения пальцев рук не были популярны. По нашим расчетам, к этому времени относится не более трети исследованных украшений. Среди них бóльшую часть составляли перстни древнерусского изготовления из калиево-свинцового ($K_2O\text{-}PbO\text{-}SiO_2$) и бесщелочного свинцового ($PbO\text{-}SiO_2$) стекла, при этом их количество не превышает четверти всех находок перстней. Малочисленность находок перстней на территории Руси в целом и ее северо-восточной части в частности говорит о том, что их изготовление не было специализированным и основным, а играло второстепенную роль. Поэтому оно осуществлялось не в отдельных, специализированных мастерских, а дополняло браслетное и, возможно, посудное производства Руси, позволяя утилизировать их отходы. Кроме количества находок, на это указывают совпадения цветовой гаммы перстней с цветами браслетов и некоторых сосудов (*Столярова*, 2016. С. 189–191).

Основную же массу находок перстней (около двух третей) на указанной территории составляют украшения золотоордынского времени, подавляющее количество которых является импортными. Чем объясняется внезапный интерес к предметам такого рода во второй половине XIII – XIV в., тогда как в предыдущий период стеклянные украшения пальцев рук не были так популярны, пока не ясно. Возможно, их можно связать с появлением в Москве в это время переселенцев из Орды.

ЛИТЕРАТУРА

Безбородов М. А., 1956. Стеклоделие в древней Руси. Минск: АН БССР. 306 с.

Безбородов М. А., 1969. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск: Наука и техника. 276 с.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2006. Находки стеклянных изделий на селище Мякинино 2 (из раскопок 1994–1995 годов) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара / Под ред. А. В. Энговатовой. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 111–114.

Журухина Е. Ю., 2015. Украшения из стекла: тенденции и проблемы исследования находок Киевского Подола // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Под ред. П. Г. Гайдукова. СПб.: Нестор-История. С. 218–222.

Журухина Е. Ю., Храмченкова Р. Х., 2012. Стеклоделательные мастерские Киевского Подола // Филология и культура. № 3 (29). С. 226–233.

Зайцева И. Е., Столярова Е. К., 2018. Об одном погребении могильника Шекшово в Суздальском Ополье // Земли родной минувшая судьба… / Под ред. А. В. Чернецова. М.: ИА РАН. С. 73–91.

Заплеталова Д., Седлачкова Л., 2015. Стеклянные кольца из Брно и проблема стеклоделия позднегородищенского периода (XI–XII веков) в Моравии // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Под. ред. П. Г. Гайдукова. СПб.: Нестор-История. С. 270–278.

Зейфер В. А., Мазурок О. И., Леонтьев А. Е., Столярова Е. К., Сапрыкина И. А., 2019. К вопросу об усадебной застройке Переславля-Залесского (Переяславля) XIII–XV вв. (по материалам исследований 2016 года) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара / Под ред. А. В. Энговатовой. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 132–149.

Ольчак Е., 1959. Производство стеклянных перстней на славянской территории в средние века // СА. № 3. С. 81–90.

Полубояринова М. Д., 1963. Стеклянные браслеты Древнего Новгорода // Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.: АН СССР. Т. 3. С. 164–199. (МИА; № 117.)

Равдина Т. В., 1978. Стеклянные браслеты Серенска // КСИА. Вып. 155. С. 76–79.

Столярова Е. К., 2002. Предварительные итоги изучения стеклянных предметов из раскопок в Дмитровском кремле // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). М.: ИА РАН. С. 173–202. (Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН; Т. 1.)

Столярова Е. К., 2004. Химический состав стеклянных изделий // Средневековое поселение Настасьино / Под ред. А. В. Энговатовой. М.: ИА РАН. С. 69–73. (Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН; Т. 2.)

Столярова Е. К., 2005. Стеклянные украшения булгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Под ред. К. А. Руденко. Казань: Школа. С. 43–66.

Столярова Е. К., 2006. Стеклянные украшения средневековой Усть-Шексны // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция / Под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль: Ярославский музей-заповедник; музей-заповедник «Ростовский Кремль». С. 306–331.

Столярова Е. К., 2016. Стекло средневековой Москвы: XII–XIV вв. М.: РГГУ. 692 с.

Столярова Е. К., 2018а. Предметы из стекла // Энговатова А. В., Коваль В. Ю., Зоц Е. П., Столярова Е. К., Сарачева Т. Г. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмосковье. М.: ИА РАН. С. 60–75. (Материалы спасательных археологических исследований; Вып. 21.)

Столярова Е. К., 2018б. Стеклянные украшения средневекового сельского населения Подмосковья (по материалам Мякининского археологического комплекса) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара / Под ред. А. В. Энговатовой. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 158–165.

Столярова Е. К., 2019а. Предметы из стекла курганного могильника Новоселки 2 (Московская область) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара / Под ред. А. В. Энговатовой. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 66–77.

Столярова Е. К., 2019б. Химический состав стеклянных изделий из раскопок Переяславля Рязанского // Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского / Отв. ред. и сост. В. И. Завьялов. М.: Таус. С. 319–344. (Материалы по археологии Переяславля Рязанского; Вып. 3.)

Столярова Е. К., Журухина Е. Ю., 2014. Находка стеклянного слитка из Киева // КСИА. Вып. 232. С. 195–202.

Столярова Е. К., Миненко В. В., 2017. Стеклянные изделия из раскопок Заднепровского посада г. Смоленска // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке / Отв. ред.: Л. А. Беляев, М. И. Гоняный. Смоленск: Свиток. С. 157–182.

Щапова Ю. Л., 1963. Стеклянные изделия древнего Новгорода // Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.: АН СССР. Т. 3. С. 105–163. (МИА; № 117.)

Щапова Ю. Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ. 215 с.

Щапова Ю. Л., 1998. Византийское стекло. Очерки истории. М.: Эдиториал УРСС. 288 с.

Černá E., Tomková K., 2017. On the road from the Early to High Middle Ages: Glass of the 9th – 13th centuries in Bohemia // Archaeologia Polona. Vol. 55. P. 189–210.

Dekówna M., 2007. Early medieval glass ornaments in the collection of the State archaeological museum, against the general background of the development of glassmaking // Treasures of the Middle Ages. Catalogue of the exhibition / Ed. W. Brzeziński. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. S. 52–87.

Mecking O., 2013. Medieval lead glass in Central Europe // Archaeometry. Vol. 55. Iss. 4. August. P. 640–662.

Pankiewicz A., Siemianowska S., Sadowski K., 2014. Wczesnośredniowieczne naczynia szklane pochodzenia wschodniego z Wrocławia – Ostrowa Tumskiego i Opola-Ostrówka // Śląskie Sprawozdania Archeologiczne. T. 56. Wrocław. S. 191–206.

Pankiewicz A., Siemianowska S., Sadowski K., 2017. Wczesnośredniowieczna biżuteria szklana z głównych ośrodków grodowych Śląska (Wrocław, Opole, Niemcza). Wrocław: Instytut Archeologii Uniwersytetu Wrocławskiego. 364 s. (In pago Silensi. Wrocławskie Studia Wczesnośredniowieczne; T. 3.)

Shortland A., Schachner L., Freestone I., Tite M., 2006. Natron as a flux in the early vitreous materials industry: sources, beginnings and reasons for decline // JAS. Vol. 33. P. 521–530.

Siemianowska S., Pankiewicz A., Sadowski K., 2018. On technology and production techniques of Early medieval glass rings from Silesia // Archaeometry. Vol. 61. Iss. 1. December. P. 614–646.

Wedepohl K. H., 1997. Chemical composition of medieval glass from excavation in West Germany // Glass Science and Technology. Glastechnische Berichte. Vol. 70 (8). P. 246–255.

Whitehouse D., 2002. The Transition from Natron to Plant Ash in the Levant // JGS. Vol. 44. P. 193–196.

E. K. Stolyarova

GLASS FINGER-RINGS OF ANCIENT RUS′
(ON THE MATERIALS OF THE SITES OF THE NORTH-EASTERN PART OF RUS′)

Summary. This article is devoted to the problem of the origin and spread of glass finger-rings found in cities, settlements and burials of north-eastern Rus'. As a result of the study it was found that the number of finger-rings found here is much smaller than in Central Europe. Their prevailing part belongs to the second half of the 13th – 14th centuries, while most of the finds of Central European finger-rings are dated from the 10th century to the first half of the 13th. It is assumed that a large part of finger-rings of pre-Mongolian time was a local production, but in the period after the Mongolian invasion, import prevailed.

Keywords: glass finger-rings, Rus', Eastern Europe, Medieval period.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН БССР	–	Академия наук Белорусской ССР
АН СССР	–	Академия наук СССР
АНИБ	–	Археологическое научно-исследовательское бюро
АО	–	Археологические открытия. М.
БГПУ	–	Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
ВАП	–	Вопросы археологии Поволжья. Самара
ВГУ	–	Воронежский государственный университет
ВДИ	–	Вестник древней истории. М.
ВНЦ РАН	–	Владикавказский научный центр РАН
ВолГУ	–	Волгоградский государственный университет
ВШЭ	–	Высшая школа экономики
ГМВ	–	Государственный музей Востока
ГЭ	–	Государственный Эрмитаж
ДГУ	–	Днепропетровский государственный университет
ДНЦ РАН	–	Дагестанский научный центр РАН
ДонНУ	–	Донецкий национальный университет
ЗГУ	–	Запорожский государственный университет
ЗРАО	–	Записки Императорского русского археологического общества. СПб.
ИА РАН	–	Институт археологии РАН
ИА НАНУ	–	Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИАК	–	Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИВ РАН	–	Институт востоковедения РАН
ИЭА РАН	–	Институт этнологии и антропологии РАН
к.	–	курган
КГИАМЗ	–	Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
КЭС	–	Кавказский этнографический сборник. Тбилиси

МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МДАПВ – Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Киев
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
НА (ОРФ) – Научный архив (Отдел рукописных фондов)
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НИАЦ – Научно-исследовательский археологический центр
НИИ ИФЭ – Научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики
ОНТИ ПНЦ РАН – Отдел научно-технической информации Пущинского научного центра РАН
ПА – Поволжская археология. Казань
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск
РА – Российская археология. М.
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РСО-А – Республика Северная Осетия – Алания
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
СВНЦ ДВО РАН – Северо-Восточный научный центр Дальневосточного отделения РАН
СГПИ – Самарский государственный педагогический институт им. В. В. Куйбышева
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова
СОИГИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований
СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социологических исследований им. В. И. Абаева
СОНИИ ИФЭ – Северо-Осетинский НИИ истории, филологии и экономики
ТарГУ – Тартуский государственный университет
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ЦАИ АГПУ – Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета
ЧГУ – Чеченский государственный университет
ЧИИИСФ – Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии
ЮНЦ РАН – Южный научный центр Российской академии наук
AFAV – Association Française pour l’Archéologie du Verre
AIHV – Association Internationale pour l’Histoire du Verre
BAR – British Archaeological Reports
JAS – Journal of Archaeological Science
JGS – Journal of Glass Studies

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Албегова Зарина Хаджи-Муратовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела полевых исследований Института археологии РАН, г. Москва.
albegova_zarina@rambler.ru

Аржанцева Ирина Аркадьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; доцент Института классического Востока и античности факультета гуманитарных наук ВШЭ, г. Москва.
arzhantsevai@mail.ru

Богачев Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара.
figaro9@rambler.ru

Габуев Тамерлан Александрович – кандидат исторических наук, заместитель заведующего отделом истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока, г. Москва.
tgabuev@orientmuseum.ru

Дружинина Инга Александровна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Диссертационного совета Института археологии РАН, старший научный сотрудник Центра византийско-кавказских исследований Института востоковедения РАН, г. Москва.
inga_druzh@mail.ru

Зиливинская Эмма Давидовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва.
eziliv@mail.ru

Иерусалимская Анна Александровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, С.-Петербург.

Кадиева Анна Анатольевна – научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея, г. Москва.
adelgeida85@mail.ru

Козенкова Валентина Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, г. Москва.

Коробов Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор РАН, зав. отделом теории и методики Института археологии РАН, г. Москва.
dkorobov@mail.ru

Кузнецов Александр Викторович – старший научный сотрудник Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара.
alexngssm@gmail.com

Лихтер Юлия Абрамовна – кандидат исторических наук, советник по науке ООО «Археологические изыскания в строительстве» (АИСТ), г. Москва.
julialikhter@gmail.com

Малашев Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, г. Москва.
malashev@yandex.ru

Мастыкова Анна Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, г. Москва.
amastykova@mail.ru

Румянцева Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН, г. Москва.
o.roumiantseva@mail.ru

Сланов Алан Акимович – доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Института истории и археологии РСО – Алания, г. Владикавказ.
slanov-1974@mail.ru

Столярова Екатерина Карленовна – кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва.
kath.stoliarova@gmail.com

Суханов Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела теории и методики Института археологии РАН, г. Москва.
sukhanov_ev@mail.ru

Трифонов Александр Андреевич – научный консультант ООО «Карл Цейсс», г. Москва.
blast_88@mail.ru

Туаллагов Алан Ахсарович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований ВНЦ РАН, г. Владикавказ.
soigsi@mail.ru

Фассбиндер Йорг (Fassbinder Jörg) – доктор физики, профессор,
преподаватель Отделения геофизики Мюнхенского университета Людвига-Максимилиана, г. Мюнхен (Федеративная Республика Германия).
fassbinder@geophysik.uni-muenchen.de

Ханин Дмитрий Александрович – кандидат геолого-минералогических наук, научный сотрудник Института экспериментальной минералогии РАН), г. Черноголовка Московской обл.; техник кафедры минералогии геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
d.khanin@iem.ac.ru

Харке Генрих (Härke Heinrich) – доктор философии, профессор Тюбингенского университета, г. Тюбинген (Федеративная Республика Германия); профессор Центра античной и восточной археологии Института классического Востока и античности факультета гуманитарных наук ВШЭ, г. Москва; почетный научный сотрудник археологического факультета Рединского университета, г. Рединг (Великобритания).
heinrich.haerke@uni-tuebingen.de

Хохлов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара.
Khokhlov_aa@mail.ru

Цветкова Татьяна Геннадиевна – старший научный сотрудник Государственного музея искусства народов Востока, г. Москва.

Червяковская Мария Владимировна – младший научный сотрудник Института геологии и геохимии УрО РАН, г. Екатеринбург.
zaitseva.mv1991@gmail.com

Червяковский Василий Станиславович – заведующий группой пробоподготовки Института геологии и геохимии УрО РАН, г. Екатеринбург
v.chervyakovskiy@mail.ru, chervyakovskiy@igg.uran.ru

Чхаидзе Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН; заведующий Центром византийско-кавказских исследований Института востоковедения РАН, г. Москва.
chkhaidze.v@yandex.ru

Шестопалова Эвелина Юрьевна – научный сотрудник отдела археологии Института истории и археологии РСО – Алания, г. Владикавказ.
evelina-shestopalova@mail.ru

Научное издание

ЭПОХА ВСАДНИКОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской

Корректор: *А.В. Меньшиков*
Верстка: *С.В. Кожушков*

Подписано в печать 26.10.2021
Формат 60×84/8
Уч.-изд. л. 43,8
Тираж 300 экз.

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-377-0